

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2017. № 423. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2017. № 423. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук,
проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-
мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим.
наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьянин, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; V. Kanov, Dr. of Economics,
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of
Tomsk State University Publishing House; T. Portnova, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law,
Professor; Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr. of
Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr. of
Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Балонкина О.В. Лингвокультурная значимость имени первостихии <i>вода</i> в составе русских и английских фразеологизмов	5
Бахнова Ю.А. «The Harlot's house» Оскара Уайльда в переводе Ф. Сологуба: стиливые и концептуальные особенности переводного текста	15
Голубцова А.В. Комедия дель арте в развитии драматургической системы М. Горького	20
Зиновьева Е.И., Дракулич-Прийма Д. <i>Хитрый</i> и <i>хитар</i> в языковом сознании носителей родственных языков (на материале русского и сербского языков)	25
Крапивкина О.А. О диалектическом механизме развития дискурсивных практик в правовом поле	34
Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование социализации человека в академическом дискурсе социальной психологии (на основе представления о местоположении в пространстве)	41

ИСТОРИЯ

Волошун П.В. «Не открывай помышлений своих всем» – к вопросу о философском образовании императрицы Александры Федоровны	50
Головко Н.В. Контурь биографии издателя И.С. Лапина по материалам французской периодической печати первой трети XX в.	56
Грибовский М.В. Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы	71
Гусевская Н.Ю., Мамкина И.Н. Роль образования в развитии российско-китайских отношений: история и современность	77
Зверев Р.Ю. Российско-белорусские отношения (1991–2016 гг.): обзор союзной историографии	84
Колева Г.Ю. Историческая эволюция тобольских казачьих родов в XVII–XX вв. (на примере рода Крушинских)	90
Кочнев А.В. Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия	100
Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в городах – административных центрах Восточной Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)	105
Морозов Д.А. Дело И. Родионова и И. Розовского 1879–1880 гг. в свете изучения революционного терроризма в России в 1870–1880-х гг.	116
Муратшина К.Г., Иванова А.Е. Политика Китая в Арктическом совете	120
Неверов А.В. Трактровка образа Павла I в трудах историков второй половины XIX – начала XXI в.	129
Никулин Д.О. Отправка маршевых рот в действующую армию из Омского военного округа в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)	134
Оруджев Ф.Н. Пророссийские внешнеполитические позиции дагестанской политической верхушки в 80–90-х гг. XVIII в.	139
Портнягина Н.А., Патрикеева О.А. Революционный террор в России: влияние на ход и результаты думских избирательных кампаний (1905–1907 гг.)	144
Поршнева О.С. Изучение раннесоветского общества в современной историографии: смена парадигм	150
Починская И.В. Старообрядческие эсхатологические сочинения XX в.	157

CONTENTS

PHILOLOGY

Balonkina O.V. Linguocultural value of the element water as a component of Russian and English idioms	5
Bahnova Yu.A. O. Wilde's "The Harlot's House" translated by Fyodor Sologub: style and concept features of the translated text	15
Golubtsova A.V. Commedia dell'arte in Maxim Gorky's system of dramaturgy	20
Zinovieva E.I., Drakulić-Priima D. "Khitryy" and "khitar" in the linguistic consciousness of native speakers of cognate languages (on the Russian and Serbian language material)	25
Krapivkina O.A. On dialectical relations of discourse practices in the legal field	34
Rakhimova A.R. Metaphorical modeling of human socialization in the academic discourse of social psychology: location in space	41

HISTORY

Voloshun P.V. "Do not open your thoughts to everyone": on philosophical education of Empress Alexandra Feodorovna	50
Golovko N.V. Outline of the biography of the editor I.S. Lapin based on the materials of French printed media of the first third of the 20th century	56
Gribovskiy M.V. Filling professorial positions in the Russian pre-revolutionary university: appointment vs elections	71
Gusevskaya N.Yu., Mamkina I.N. The role of education in the development of Russian-Chinese relations: history and modernity	77
Zverev R.Yu. Belarus–Russia relations (1991–2016): an overview of Russian and Belarusian historiographies	84
Koleva, G.Yu. Historical evolution of Tobolsk Cossack kins (the 17th–20th centuries) (on the example of the Krushinsky kin)	90
Kochnev A.V. Russian subjects captured in Khiva at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries: ways of problem solving and consequences	100
Krasilnikova Ye.I. October celebrations in the administrative centers of Eastern Siberia: a commemorative aspect (1920–1945)	105
Morozov D.A. The 1879–1880 case of I. Rodionov and I. Rozovsky in the light of the study of revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s	116
Muratshina K.G., Ivanova A.Ye. China's policy in the Arctic Council	120
Neverov A.V. Interpretation of the image of Paul I in the writings of historians of the second half of the 19th – beginning of the 21st centuries	129
Nikulin D.O. The dispatch of the marching companies to the army in the field from the Omsk Military District during the years of the First World War (1914–1917)	134
Orudzhiev F.N. Pro-Russian foreign policy positions of the Dagestan political elite in the 1780s–1790s	139
Portnyagina N.A., Patrikeeva O.A. The revolutionary terror in Russia: influence on the process and results of the Duma election campaigns (1905–1907)	144
Porshneva O.S. Contemporary early soviet society studies in the context of changing paradigms	150
Pochinskaia I.V. 20th-century eschatological essays of the Old Believers	157

Расколец В.В., Хаминов Д.А., Некрылов С.А. Создание и деятельность историко-этнологического отдела Института исследования Сибири и его роль в изучении истории, археологии и этнографии сибирского края	164	Raskolets V.V., Khaminov D.V., Nekrylov S.A. Establishment and operation of the Department of History and Ethnology of the Siberia Research Institute and its role in studying the history, archeology and ethnography of the Siberian region	164
Рябкова О.В., Козельчук Т.В. Обеспечение безопасности судоходства речных путей Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны ...	175	Ryabkova O.V., Kozelchuk T.V. Ship navigation security of the inland waterways in Yamalo-Nenets National Area during the Great Patriotic War	175
Селиванов Д.Е. Международное право и федеральные законы Российской Федерации о коренных малочисленных народах: опыт сравнения	181	Selivanov D.E. International laws and federal law of the Russian Federation on indigenous peoples: a comparative study	181
Федоров Р.Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока	187	Fedorov R.Yu. Transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East	187
Чикишева А.Н. Информационно-культурное пространство Байкальской Сибири первой половины XIX в. в исследованиях иностранных авторов (на примере работы Р. Андре «Амурская область и ее значение...»)	196	Chikisheva A.N. Information and cultural space of Baikal Siberia of the first half of the 19th century in foreign authors' research (on the example of R. Andree's work "Amur Oblast and Its Importance..."	196

ПРАВО

Белик В.Н. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: отдельные аспекты исполнения уголовных наказаний	202	Belik V.N. Public-private partnership in the penitentiary sphere: certain aspects of the execution of criminal penalties	202
Коршунова О.Н., Головки И.И. Предмет деятельности прокурора – новая категория или необходимость	207	Korshunova O.N., Golovko I.I. The object of the public prosecutor's activity – a new category or a necessity	207
Лисаускайте В.В. Применение концепции «ответственность за защиту» в случае бедствий: вопрос расширительного толкования	219	Lisauskaite V.V. Application of the concept "responsibility to protect" in case of disasters: an issue of broad interpretation	219
Росинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий	225	Rossinskiy S.B. Reflections on the effectiveness of judicial control over the conduct of investigative actions	225
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	236	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	236

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.74

О.В. Балонкина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕНИ ПЕРВОСТИХИИ *ВОДА* В СОСТАВЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Анализируются фразеологические единицы русского и английского языков, включающие название первостихии *вода*. Рассматриваются способы фразеологической репрезентации данной первостихии в русской и английской лингвокультурах. Выявляются символические и несимволические значения воды, составляющие основу ее образного представления в русском и английском национальном сознании.

Ключевые слова: фразеологическая единица; культурные коннотации; символ; вещные характеристики.

Вода, наряду с именами других первостихий, в настоящее время подвергается многоплановому лингвистическому изучению. Так, имеется ряд описаний концепта *вода* на русскоязычном материале (Е.В. Галдин, Н.В. Гришина) и на материале других языков (Т.И. Бадмаева, О.В. Гунькина, М.А. Седова и др.). Широко представлены также работы сопоставительного характера, выявляющие специфичность реализации концепта в разных языках (Г.А. Абыканова, Мусап Айчичек, И.Г. Вражнова, М.И. Закиров и др.). Большинство собственно когнитивных исследований *воды* ориентировано на изучение полевого устройства концепта и способов отражения в языке его ядерных и периферийных ментальных структур.

Образный план водной стихии в аспекте решения художественных задач поэзии и прозы Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, И.А. Бродского и других авторов становится предметом анализа таких ученых, как М.С. Банникова, Е.В. Галдин, А.П. Деревяшкина, Н.А. Меженская и др.

Активную разработку получает лингвокультурологическое направление исследований, сосредоточенное большей частью на фразеологическом и паремнологическом фонде языка. Фразеологический материал представляется особенно ценным в силу насыщенности фразеологических единиц (ФЕ) устойчивыми культурными смыслами, или культурными коннотациями [1. С. 3].

В настоящей работе, имеющей лингвокультурологическую направленность, отправным пунктом является стихия *воды* как первоэлемент бытия (первостихия), выраженная непосредственно лексемой *вода/water*. Рассматривается, как имя данной стихии закрепилось во фразеологическом фонде русского и английского языков, какие семантические (семиотические) проявления оно демонстрирует, с какими аспектами существования и жизнедеятельности человека соотносится. Устанавливается образный потенциал *воды* в её фразеологическом воплощении, выявляются культурные коннотации.

Тот факт, что значение фразеологических единиц языка строится на основе коннотаций (в частности культурных) слов-компонентов ФЕ либо всей ситуации, описываемой ФЕ в целом, является общепринятым во фразеологии (см. работы Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, Ю.П. Солодуба и др.).

Вслед за В.Н. Телия термин «культурные коннотации» понимается в настоящем исследовании как «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [2. С. 214].

Очевидно, что культурные коннотации могут проявляться у лексемы и служить мотивом возникновения ФЕ, в случае если эта лексема является символом, узнаваемым в рамках данной культуры, и, следовательно, может получать культурную интерпретацию (т.е. может соотноситься с фактами данной культуры) носителей языка (например: *крест* как символ христианства мотивирует такие ФЕ, как: *креста на тебе нет, нести свой крест*).

Анализ работ, посвященных символу, а также символическому значению единиц языка (работы: А.Ф. Лосева [3], Ю.М. Лотмана [4], Н.Д. Арутюновой [5], М.Л. Ковшовой [6], Ц. Тодорова [7], А.В. Медведевой [8], Д.А. Таракановой [9]), позволяет выявить следующие, основополагающие, с нашей точки зрения, взаимосвязанные характеристики, которые в своей сумме отличают понятие символа:

1. **Знаковость.** Безусловно, понятие «символ» принадлежит сфере семиотики, однако символ – это особый знак, это знак знака. Согласимся с Е.С. Кубряковой, что «способность знака представлять своим материальным телом определенное содержание, т.е. его способность выступать **вместо** чего-либо и **взамен** чего-либо, составляет основу определения знака и лежит в центре учения о знаках» [10. С. 95]. Символ же, как представляется, включает в себя единство означаемого и означающего конвенционального знака, которое соотносится с еще одним, иным означаемым, т.е. символ, по сути своей, – это знак знака. Отметим также, что символы, если можно так выразиться, – «верховные», глубинные знаки, опирающиеся на мир значений, смыслов (культурных смыслов). В большинстве случаев в символе нечто абстрактное выражено через что-либо конкретное.

2. **Принадлежность к сфере культуры.** Символы всегда существуют в реальности какой-либо культуры. Их значение обязательно определяют факторы экстралингвистического порядка. Они архаичны, и период их существования (и функционирования), как правило, охватывает несколько исторических эпох.

3. **Обобщенность.** Это способность символов вбирать в себя множество смыслов и оттенков значения; их способность быть интерпретированными в различных контекстах; способность вмещать в себя (в свернутом виде сохранять) обширные и значительные (культурные) тексты.

4. **Наличие подобия между планом выражения и планом содержания.** Имеется в виду иконичность символов, «еще Соссюр противопоставил символы конвенциональным знакам, подчеркнув в первых иконический элемент... Соссюр писал в этой связи о том, что весы могут быть символом справедливости, поскольку иконически содержат идею равновесия, а телега – нет» [4. С. 10].

5. **Узнаваемость (очевидность) для носителей языка.** Данная характеристика предполагает, что носители культуры и языка способны без каких-либо дополнительных разъяснений узнавать (распознавать) символы в потоке информации.

Согласимся с М.Л. Ковшовой, которая считает ключевой характеристикой вторую из перечисленных выше: «О символичности должны свидетельствовать факты культуры: ритуалы, обряды, обычаи, поверья, приметы, предписания культуры, фольклорные, библейские, литературные тексты, в которых устойчивое значение той или иной реалии получило свое глубокое отражение» [11. С. 28].

В дальнейшем при использовании термина *символ* будем учитывать вышеперечисленные характеристики.

Настоящее исследование строится с опорой на взгляды А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, которые важнейшей отличительной особенностью символа выделяют его «вещность», т.е. прямую или опосредованную принадлежность миру вещей. Символом, по мнению ученых, «может быть вещь или ее свойство, наделенные в вещном мире специфическими функциями» [12. С. 85]. Авторами отмечается тот факт, что символичные функции символов являются вторичными: «Например, череп – в европейской культуре символ смертельной опасности, однако его первичные функции определяются анатомической структурой человека. Ср. также сердце как символ души и любви, с одной стороны, и сердце как вещная сущность, обладающая соответствующими функциями в организме человека» [Там же]. Разделяя взгляды А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, придерживаемся их классификации, включающей 4 группы символических категорий в культуре и языке:

1) **собственно культурные символы** (например, «череп и кости»); часто, имея довольно широкую сферу употребления, они не представлены в лексической системе языка;

2) **символы языка** (квазисимвольные сущности, фиксируемые языком и представленные в модели мира носителя данного языка только благодаря языку); «в группе идиом *иметь свою руку где-либо, быть чьей-либо правой рукой, протянуть руку помощи кому-либо* слово *рука* обладает всеми свойствами символа – оно обозначает вещь, наделенную смыслом ‘помощь’. В то же время нельзя утверждать, что рука как часть тела является символом помощи в русской культуре» [12. С. 86];

3) **одновременно и культурные, и языковые символы** (символы в сильном смысле слова); такое сочетание усиливает их воздействующую функцию, например крест как символ христианства и страдания имеет языковые корреляты в таких выражениях, как: *нести свой крест, креста на тебе нет*;

4) **непродуктивные языковые символы** (такие категории, которые представлены только в языке в весьма ограниченном количестве форм); «например, *зайцы* в идиоме *погнаться за двумя зайцами* ассоциируются с идеей цели. Однако странно было бы утверждать, что слово *заяц* является символом цели. Таким образом, в отличие от языковых символов, непродуктивные символы являются таковыми только в рамках конкретного языкового выражения, поэтому их нельзя называть символами в точном смысле, однако они формируют символичный потенциал языковой системы» [Там же].

Во фразеологии могут быть представлены все приведенные виды символов, кроме первого.

Наряду с понятием *символ* в лингвистике встречается понятие *квазисимвол*. М.Л. Ковшова разграничивает эти понятия в семантике фразеологических единиц. К символам автор относит те или иные компоненты ФЕ, «если они обнаруживают устойчивое символическое прочтение и за рамками фразеологизмов – в многочисленных фактах культуры, разъясняющих культурный смысл своих знаков. Компоненты фразеологизма, не получившие такого подтверждения, не являются символами, однако могут рассматриваться как квазисимволы, если становятся воплощением какой-либо культурной идеи» [11. С. 29].

Так, соглашаясь с М.Л. Ковшовой, в настоящем исследовании к символам мы причисляем слова-компоненты ФЕ, попадающие в группы 2 и 3 классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, к квазисимволам – в группу 4, полагая, что слова-компоненты ФЕ из указанных групп могут являться мотивами для возникновения фразеологизмов.

Говоря о символичности слов-компонентов ФЕ как коннотативном источнике для образного основания фразеологизмов, невозможно не соотнести его с понятием «метафора», ведь многочисленные вопросы описательно-аналитической части исследования идиом анализируются многими авторами именно с опорой на термины «метафора», «концептуальная метафора». Метафора и символ нередко подвергались параллельному сопоставлению, отчасти в силу того, что оба этих термина причисляются к семиотическим понятиям (см. работы Н.Д. Арутюновой, В.П. Москвина и др.), а также «они объединены идеей наглядного представления об объекте: именно это представление и есть тот источник, из которого «бьют» смыслы» [5. С. 313–314], оба они иконичны. Однако глубокие различия между ними отрицать не представляется возможным.

Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «если переход от образа к метафоре вызван семантическими и художественными нуждами и заботами, то переход к символу (и от образа, и даже от знака) определяется факторами экстралингвистического порядка» [5. С. 338]. «Метафору обычно относят к конкретному субъекту,

и это удерживает ее в пределах значений, прямо или косвенно связанных с действительностью. Символ, напротив, легко преодолевает «земное тяготение». Он стремится обозначить вечное и ускользающее» [Там же. С. 339]. «У метафоры другая, более «земная» задача. Она призвана создать такой образ объекта, который бы вскрыл его латентную сущность. Метафора углубляет понимание реальности, символ уводит за его пределы» [Там же].

Относительно цели настоящего исследования, метафора представляется нам средством создания фразеологизмов, их образного основания – внутренней формы. Символьные слова-компоненты в составе ФЕ видятся источником коннотаций, необходимых для возможности реализации метафорических переносов и возникновения идиом.

Значение фразеологических единиц, однако, не обязательно строится исключительно на символьных / квазисимвольных характеристиках входящих в их состав слов-компонентов. Анализ материала показывает, что значение ФЕ может быть мотивировано и собственно «вещными», физическими свойствами денотатов слов-компонентов ФЕ в их образном переосмыслении.

Особый интерес для изучения в символическом аспекте представляют имена-названия стихий в составе ФЕ, так как они принадлежат к наиболее древним, архаичным пластам лексики. С одной стороны, стихии уже символичны, так как сохраняют свое символьное значение «*первостихий*» из представлений народностей древнейших эпох. С другой стороны, это «вещные сущности», обладающие определенными физическими свойствами, способными породить образ-мотив для создания ФЕ.

Исходя из того, что значение фразеологизмов строится на культурных коннотациях их слов-компонентов, нами были проанализированы фразеологические единицы русского и английского языков с компонентом *вода* с целью определения набора *символьных* (либо *квазисимвольных*) / *вещных* значений *воды*, бытующих в русском и английском языках. В зону анализа было вовлечено 39 ФЕ русского языка и 33 английского, содержащихся в различных фразеологических словарях. Результаты наблюдения, основанные на параллельном анализе внутренней формы и актуального значения ФЕ с учетом историко-этимологических данных, позволяют выделить классы фразеологизмов с компонентом *вода*, объединенные тем или иным символьным / вещным значением.

Предваряя результаты анализа, отметим многоплановость и многоаспектность образов, воплощаемых водной стихией в составе ФЕ, их «прочтение» нередко способно вызывать затруднения в ходе исследования, что весьма точно отметил В.М. Мокиенко: «Гидрофразеология и гидропаремиология вообще – один из важнейших испытательных полигонов когнитивных теорий и историко-этимологических интерпретаций. Ведь многие из “водных” фразем и паремий имеют весьма разноречивые образные расшифровки, нередко апеллирующие к национальной специфике» [13. Т. 1. С. 15].

Также, соглашаясь с В.Н. Телия, отметим чрезвычайную важность историко-этимологических данных

при исследовании культурной семантики фразеологических единиц: «...результаты исследования “родословной” культурной семантики фразеологизмов, изучением которых успешно занимается этнолингвистический анализ... а также историко-этимологическое описание... – это то филологическое знание, которое предоставляет лингвокультурологу и / или носителю языка материал для погружения в «прототипические» слои языковых знаков, мотивирующих их и создающих традицию их воспроизводимости. Без учета такого рода сведений невозможно ни приступить к лингвокультурологическому анализу, ни верифицировать его результаты» [14. С. 20].

Далее приводим непосредственно результаты исследования. Следующие группы идиом включают ФЕ с **символьным прочтением стихии *вода*** в их составе:

1) *Вода как символ источника жизни, жизненных сил.*

Вода как первостихия заключает и передает во фразеологизмах русского языка, содержащих данный компонент, свое особое символьное воплощение – «источника жизни, живительной влаги» (ср. лат. *aqua vita est*). Такое символьное значение можно проследить, например, во ФЕ: *как воды напился (напиться)* – ‘о чувстве удовольствия, облегчения, блаженства’; *живая вода* – ‘эликсир жизни; все, что дает человеку энергию, бодрость, силы’ (ср. *water of life* (досл. перев. – «вода жизни») – 1) «живая вода», духовное обновление). В идиомах: *сидеть на хлебе и воде* – ‘жить впроголодь’, *садиться (сесть) на хлеб и воду* – ‘лишать себя самого необходимого в еде, ограничивать себя в самом необходимом’, хлеб и *вода* представляются тем жизненно необходимым минимумом, который нужно употреблять в пищу, чтобы человек не умер с голоду¹.

Интересно, что в английском языке *вода* метафорически обозначает различные виды напитков, в том числе и алкогольных: *bubbly water* (досл. перев. «пузыристая вода») – ‘(шутл. жарг.) «шипучка», игристое вино’, *fire water* (досл. перев. «огненная вода») – ‘(амер. разг.) «огненная вода», спиртные напитки (выражение возникло в языке индейцев)’; фразеологизм *water of life* (досл. перев. – «вода жизни»), помимо своего прямого значения – 1) «живая вода», духовное обновление, имеет и переносный смысл – 2) ‘(шутл.) живительный напиток (о спиртном)’; *water bewitched* (досл. перев. «заколдованная (околдованная) вода») – ‘(уст. разг. шутл.) «водичка», слабый чай’. Отметим тот факт, что в приведенных английских ФЕ символьное значение *воды* как «*живительной влаги, источника жизни*» прочитывается гораздо менее явно по сравнению с таким значением стихии в русских фразеологизмах, если прочитывается вообще. В данных английских идиомах *вода* представляется скорее как напиток для поднятия настроения, нежели как «источник жизни, жизненных сил».

2) *Вода как опасная стихия.* В данной группе выделяем четыре смежные подгруппы символьных значений стихии *вода*, проявляющей свои **опасные** качества с разных сторон:

а) *Вода как стихия*, способная быть **опасной** и разрушительной для человека.

Такое символическое воплощение *воды* прослеживается во ФЕ: *пройти огонь и воду* – ‘испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях, переделках’; *идти в огонь и в воду* – ‘(идти, пойти) на все, на любые самоотверженные поступки, не раздумывая, жертвуя всем’, в которых *вода* наряду с *огнем* предстает необузданной, разрушительной стихией, способной уничтожить человека; тот, кто *прошел огонь и воду*, – многое перенес, вытерпел, прошел много трудных испытаний. К этой же группе относим ФЕ *как в воду опущенный* – ‘подавленный чем-либо, угнетенный, удрученный’; фразеологизм связывается с древними обычаями «Божьего суда» – испытания огнем и водой, зафиксированного Русской Правдой – сводом законов Ярослава Мудрого. Обвиняемого бросали в реку или озеро: всплывший признавался виновным, утонувший невинным [15. С. 106]. Человек, которого можно охарактеризовать с помощью данного фразеологизма, выглядит таким подавленным и угнетенным, как если бы его принудили пройти испытание водой.

ФЕ, относящиеся к данной подгруппе, находим и в английском языке: *go through fire and water* – ‘пройти сквозь огонь и воду (и медные трубы)’. Символ *воды* – опасной стихии, наряду с *огнем*, в том же символическом прочтении – способной нести разрушения, прочитывается и в идиоме *fire and water are good servants, but bad masters* (досл. перев. «огонь и вода хорошие слуги, но плохие хозяева») – ‘(посл.) огонь и вода верные слуги (человека), но воли им давать нельзя’². Также относим к данной группе и английскую ФЕ *come on in, water’s fine!* (досл. перев. «пойдем (давай), вода хорошая!») – ‘(разг.) начинайте, обстановка благоприятствует’, фразеологическое значение которой, в данном случае, строится на семантике *воды* как стихии в спокойном, не бушующем состоянии.

К данной подгруппе относим и английскую идиому *hold water* (досл. перев. «держат (выдерживать) воду») – ‘выдерживать критику (о теории и т.п.); быть логически последовательным’. ФЕ в данном случае основывается на метафорическом переносе: коннотации *воды* как *стихии* метафорически олицетворяют критические замечания, нападки, критику, которые нужно выстоять, выдержать, как если выдержать напор (буйство) водной стихии.

Фразеологизм *буря в стакане воды* – ‘спор, шум, волнения и т.п. из-за пустяков, по ничтожному поводу’ также имеет корреляции с символическим значением *воды* – *стихии*, что подтверждается и наличием компонента *буря* в составе ФЕ: *буря* как шторм на море противопоставляется *буре в стакане воды*, развивая аналогию – море как морская (водная) стихия, противопоставляется стакану воды (спокойной, безвредной воды). Таким образом, фразеологизм строится, с одной стороны, на знаниях и представлениях (в русской лингвокультуре) о том, что *вода* может быть опасной стихией, с другой стороны, непосредственно во ФЕ *вода* предстает в образе спокойного и безвредного *стакана воды*. Подобные квазисимволические характеристики *воды* наблюдаются во фразеологизме *в ложке воды утопить* – ‘по любому незначительному поводу, по пустякам причинять большую неприятность

кому-либо’, где образ строится на противопоставлении характеристик *воды* – опасной и *разрушительной стихии*, способной причинить смерть («утопить»), ее ничтожному количеству – *ложке воды*, способность которой причинить вред весьма сомнительна.

б) *Вода как водные глубины, бездна, неизведанное пространство*, тающее опасность.

По данным фразеологического словаря В.Н. Телия, *вода* осмысливается как неподвластная человеку и опасная стихия, водные глубины символически связываются с бездной, с неизведанным, с пространством, способным поглотить и скрыть в себе все, что в него попадает [16. С. 251]. Данная символика прослеживается в таких фразеологизмах, как: *(и) концы в воду* – ‘не осталось (или чтобы не осталось) никаких следов, улики чего-либо’; *прятать (хоронить) концы в воду* – ‘уничтожать улики какого-либо преступления, проступка, чтобы не осталось никаких следов’; *как в воду канул* – ‘бесследно исчез, пропал (о ком-либо или о чем-либо)’; *что (хоть) в воду* – ‘(что) впору утопиться, покончить с собой, о крайне безвыходном положении’.

Этимология фразеологизмов *(и) концы в воду*; *прятать / спрятать концы в воду* связывается с морским и речным делом: при отчаливании судна концы причальных канатов падают в воду. Образ отходящего от причала и исчезающего из видимого пространства судна символически связывается с прекращением какого-либо дела, процесса и т.д. Существует также мнение, что фразеологизм *прятать (хоронить) концы в воду* представляет собой соединение оборота *хоронить (прятать) концы*, связанного с плетением лаптей, когда конец лыка в строке лаптя нужно было хорошо заделывать, «хоронить», и оборота *концы в воду* [Там же]. В истории фразеологизма *как в воду канул* синкретично соединились два исходных образа – образ падающей в воду и бесследно растворяющейся в ней капли (воды или слезы) и образ падающего в воду и безвозвратно тонущего в ней камня (ключа или иного тяжелого предмета), при этом сопоставление с другими языками обнаруживает диахроническую и ареальную иерархию этих двух образов. Второй образ более универсален и широк по распространению, ибо он известен многим славянским и неславянским языкам (укр., пол., чеш., нем., фр. и др.) [15. С. 105].

К данной группе относим такие английские идиомы, как: *be in deep water(s)* (досл. перев. «быть в глубокой воде (водах)») – ‘горевать, тревожиться; находиться в тяжелом, затруднительном или опасном положении (этим. библ.)’; *deep waters* (досл. перев. «глубокие воды») – ‘большое беспокойство или горе; тяжелое, затруднительное или опасное положение’; *get into deep water(s)* (досл. перев. «попасть в глубокую воду») – ‘попасть в тяжелое, затруднительное или опасное положение’. В упомянутых ФЕ *глубинные (глубокие) воды (deep water(s))* представляются источником неких трудностей, тревог, горестей, неприятностей для человека.

К данной подгруппе относим и пословицу *still waters have deep bottoms (still water(s) run deep)* (досл. перев. «тихие воды имеют глубокое дно (глубоко текут)») – ‘(посл.) тихие воды глубоки; в тихом омуте

черти водятся', а также (*it's*) *no safe wading in an unknown water* (мж. *wade not in unknown waters*) (досл. перев. «небезопасно переходить вброд (не переходить вброд) неизвестную воду») – '(посл.) не зная броду, не суйся в воду', которые одновременно коррелируют с семантикой фразеологизмов, соответствующих следующей подгруппе.

в) *Вода как мистическое пространство*, где обитают нечисть, *опасная* для человека.

Общеславянские представления о том, что в *воде* обитают черти и другая нечистая сила, раскрывают негативную символику *воды*, ее опасность для человека [17. С. 386]. *Вода* как символ таинственности, опасности для человека, связанной с обитанием в ней нечисти, прослеживается в следующих ФЕ: *мутить воду* – умышленно 1) запутывать дело, вносить неразбериху во что-либо 2) вносить смуту, раздор в отношения между кем-либо; *воды не замутит* – очень скромн, тих, кроток; *ловить рыбу в мутной воде* – извлекать выгоду из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки. Ср. с англ. *fish in troubled water* (досл. перев. «рыбачить в проблемной воде») – 'ловить рыбу в мутной воде (этим. фр. *recher en eau trouble*)'.

Образ фразеологизма *выводить на чистую (свежую) воду* связывается с деятельностью нечистой силы, излюбленными местами пребывания которой были болота, заброшенные мельницы и омуты. В таких водоемах вода была мутной, непроточной, несвежей, и черти чувствовали себя здесь в безопасности. Чтобы выявить причину беспокойств, причиняемых нечистой силой, её необходимо было, по суеверным представлениям, вывести на чистую (проточную) воду из её «мутного» укрытия, т.е. сделать видимой [15. С. 105]. Подобной символикой обладают и приведенные выше идиомы *ловить рыбу в мутной воде* и *мутить воду*, а также фразеологизм *воды не замутит*, образованный от последнего выражения.

г) *Вода как мистическое пространство*, связанное с *опасным* мистическим, *потусторонним миром*.

По данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», в славянской мифологии широко распространены представления о том, что водное пространство разделяет земной и потусторонний миры, через проточную воду по поверьям осуществлялась связь с умершими. С осмыслением *воды* как границы между «здешним» и «нездешним» мирами, а также средой обитания духов, способных предсказать будущее, связана значительная роль *воды* в проведении гаданий [17. С. 386–389]. Данная символика прослеживается во внутренней форме таких ФЕ, как: *вилами по (на) воде писано* – 'неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли', *как в воду глядел (смотрел)* – '(будто) знал заранее', *темная (темная) вода во облаках (книжн.)* – 'непонятно, неясно', *чающие движения воды* – '(устар.) ожидающие, жаждающие какого-либо улучшения, каких-либо благ'.

Все четыре подгруппы (2) а), б), в), г)) имеют очень тесную взаимосвязь. Затруднительно с полной уверенностью дифференцировать тот или иной фразеологизм как относящийся к определенной подгруппе.

Все они объединены общей идеей *опасности*, так как *вода* в данном случае – это и бездна, водные глубины, глубина; и в то же время эти глубины – места обитания нечисти, и мистическое пространство, связанное с мистическим, потусторонним миром, это также и разрушительная стихия, представляющая опасность для человека.

3) *Вода как символ чистоты, очищения*.

В славянской культуре *вода* издревле символизировала чистоту, обновление и очищение. Такое символическое значение воды просматривается во ФЕ *выводить на чистую (свежую) воду* – 1) 'разоблачать (о темных делах, махинациях или лицах, причастных к ним)' 2) 'уличать в чем-либо', *вода* в данной ФЕ представляется некой субстанцией, инструментом выявления пороков-нечистот.

Интересен тот факт, что в русской ФЕ *выводить на чистую воду* и в англоязычной идиоме *carry water on both shoulders* (досл. перев. «носить воду на обоих плечах») – '(амер.) двурушничать, вести двойную игру', *вода* представляется неким эталоном правды, истины, который в двух приведенных, по сути антонимичных фразеологических выражениях воспроизводится абсолютно различными средствами.

Коннотации, связанные с представлениями о *воде* как источнике чистоты, прочитываются и во ФЕ *чистой (чистейшей) воды* – 'самый настоящий, истинный, доподлинный'; первоначально данный фразеологизм был термином ювелиров; алмазы в старину оценивали, опуская в прозрачную воду: если камня не было видно, значит, он был чистейшей воды, большой цены [15. С. 109–110]. В ряде ФЕ *воде* как символу чистоты противопоставляется ее обратная сторона – мутная вода, нечистая (сравни: *ловить рыбу в мутной воде*, *мутить воду*, *воды не замутит*). Подобные коннотации находим и в английской ФЕ *of the first water* – 1) 'чистой воды (о драгоценных камнях, особ. бриллиантах)'; 2) первоклассный, чудесный, чудный.

С одной стороны, *вода* как символ чистоты обязательно присутствует в различных обрядах, ритуалах омовения (например, сохранившийся по сей день обряд омовения умерших), с другой стороны, *вода*, которую уже использовали для мытья, приобретает коннотации чего-то *ненужного, неважного, пустого*, такие коннотации послужили мотивом для возникновения ФЕ *вместе с водой выплеснуть (выплескивать) и ребенка* – 'необдуманно, неосторожно выбрасывать, отвергать необходимое, ценное вместе с ненужным'. Такие коннотации четко прослеживаются и во внутренней форме идиомы *лить воду* – 'говорить пустое, пустословить' которая нередко употребляется в современной культуре, в частности в сфере образования.

4) *Вода как символ времени*.

Проточная *вода* считалась в славянской культуре устойчивым символом быстроты. Благодаря своим природным свойствам (полноводности и нескончаемости течения) проточная, *текущая вода* осмысливается как символ движения (в противоположность *воде стоячей*), быстроты и успеха в разных делах. Спокойно текущая река символизирует размеренно текущую жизнь. *Вода* в образе потока несет в себе значение

непреодолимой преграды, опасности; она связана с идеями судьбы, страха перед неведомым, с эмоциональными переживаниями утраты, разлуки, ожидания. В то же время *текущая вода* (река) осмысливается как дорога в иной мир, символизируя цикличное течение времени, вечность и забвение [16. С. 384–385]. Такие представления о воде проявляются в восприятии образа фразеологизма *много (немало, сколько, столько) воды утекло* – ‘(много, немало) прошло времени, произошло перемен’. В данном фразеологизме *вода* символизирует *движение времени*, предполагающее многие изменения в жизни человека, «время» уподобляется текучести воды.

Схожие коннотации находим в английских идиомах: *a lot of (или much) water has flowed (gone, passed или run) under the bridge(s) since* (досл. перев. «много воды утекло (прошло) под мостом с тех пор, как») – ‘много воды утекло с тех пор, как; много времени прошло’. В английском фразеологизме *much water runs by the mill that the miller knows not of* (досл. перев. «много воды протекает мимо мельницы, о которой мельник не знает») – ‘(посл.) вокруг нас происходит много такого, о чем нам и невдомек’ понятие времени, символически выражаемое *водой*, трансформируется во множество событий, которые происходят с человеком по прошествии какого-то времени, зачастую человек, оглядываясь на свою жизнь, измеряет прошедшее не в единицах времени, а в количестве событий, прошедших за некий период. Схожие коннотации отмечаем в идиоме *water over the dam (water under the bridge)* (досл. перев. «вода за дамбой (вода под мостом)») – ‘дело прошлое’.

С одной стороны, коннотации, мотивирующие фразеологизмы данной группы, строятся на такой «вещной» характеристике *воды*, как ее текучесть, что должно было бы определить идиомы в раздел ФЕ, связанных с вещной природой *воды*, однако выявленное наличие всех пяти описанных выше характеристик символа (в том числе, что особенно важно, принадлежность к сфере культуры) диктует необходимость причислить данную группу фразеологизмов к разделу, описывающему символичные характеристики стихии *вода* в составе ФЕ.

Таким образом, анализ выявил следующие символичные характеристики воды в составе фразеологических единиц русского и английского языков: 1) вода как символ *источника жизни, жизненных сил*; 2) вода как *опасная стихия*, проявляется в четырех смежных подгруппах символических значений стихии *вода*: а) вода как *стихия, способная быть опасной* и разрушительной для человека, б) вода как *водные глубины, бездна, неизведанное пространство*, в) вода как *мистическое пространство, где обитает нечисть*, г) вода как *мистическое пространство, связанное с мистическим, потусторонним миром*; 3) вода как символ *чистоты, очищения*; 4) вода как символ *времени*.

Мы рассмотрели группы идиом, включающие ФЕ с символическим прочтением стихии *вода* в их составе. По данным исследования, выделяются также и группы ФЕ, в которых значения идиом с компонентом *вода* строятся на коннотациях, связанных с представ-

лениями в русской и английской лингвокультурах о *воде* как о «вещной сущности», о физическом явлении «вода» (о физических свойствах вещества «воды»).

Следующие группы идиом включают ФЕ с **несимволическим («вещным») прочтением стихии вода** в их составе:

1. Вода как **вещество, способное делать предметы мокрыми** (мочить, промочить).

Во фразеологизмах *выходить сухим из воды* ‘избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным, неskomпрометированным, безнаказанным’, *как с гуся вода* 1) ‘(кому) нипочем, безразлично, ничего не делается’, 2) ‘(с кого) легко, быстро, бесследно исчезает, забывается’, представления о *воде* как субстанции, способной мочить, делать предметы мокрыми, метафорически переносятся на представления о повинностях, провинностях людей, за которыми неизбежно следует наказание. Таким же чудесным способом человек, описываемый указанными ФЕ, остается безнаказанным, как если бы он вышел сухим из воды или как если бы вода стекла с него так же быстро и легко, не промочив, как она стекает с оперения гусей (в силу их природных характеристик), применительно же к человеку, такое явление показалось бы удивительным. ФЕ с идентичными коннотациями находим и в английском языке: *like water off a duck's back* (досл. перев. «как вода со спины гуся») – ‘как с гуся вода’.

2. Вода как **физическое вещество**, обладающее а) **весом**: *возить воду (на ком-либо)* – ‘взваливать на кого-либо тяжелую, непосильную работу; обременять кого-либо’; большой объем которого может быть использован в деятельности человека: *лить воду на мельницу* – ‘косвенно помогать, содействовать своим поведением, своими действиями и т.п. кому-либо (обычно противной, другой стороне) в чем-либо’; б) **текучестью**: *носить воду решетом* – ‘делать что-либо заведомо впустую, без результата’; в) **жидкой консистенцией**: *толочь воду (в ступе)* – ‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’.

В семантике фразеологизмов данной подгруппы характеристики физического вещества *воды* синкретично сплетены с её коннотациями – *как необходимо-го элемента хозяйственной деятельности*.

Известно, что в русских (как и в любых других) деревнях *воду* людям приходилось «добывать», ходить за ней до колодца или на реку и нести домой в ведрах и других ёмкостях, что требовало физической силы.

Во фразеологизме *возить воду* (на ком-либо) *вода*, имеющая физический вес, представляется тяжелым грузом и метафорически связывается с некоторыми обязанностями, которые взваливаются на человека, как тяжелая емкость с водой.

В семантике ФЕ *носить воду решетом* представления о тяжелом труде (добывании воды, перевозке её в ведрах) противопоставляются перевозке *воды в решете*, имеющем множество отверстий, в которые *вода*, обладающая физическими свойствами литься, просачиваться, будет естественно выливаться, вытекать. Таким образом, тяжелый труд становится бесполезным, что и отражается в образе ФЕ. Идентичные

коннотации находим в английской идиоме *carry (или draw) water in a sieve* (досл. перев. «носить (тащить) воду в решете (сите)» – '(посл.) решетом воду носить; толочь воду в ступе'.

Представления о тяжелом деревенском труде воплощены в коннотациях фразеологизма *толочь воду (в ступе)*. В данном ФЕ *вода* представляет собой вещество, непригодное для толчения. В ступе (ступке) на Руси толкли (измельчали) зерно, крупы, но никак не *воду*, отсюда – сочетание несочетаемого в образе ФЕ: *толочь воду в ступе* – значит заниматься чем-то заведомо бесполезным, ненужным, попусту тратить время.

Во фразеологизме *лить воду на мельницу* *вода* представляется как инструмент, способный приносить пользу человеку. Водяные мельницы издревле строились у берегов рек, где человек мог использовать для облегчения своего труда силу (вес) *воды*. Фразеологический образ воссоздает модель человеческих отношений: как вес *воды* помогает вращать лопасти водяной мельницы, так кто-либо, в актуальном значении ФЕ, невольно помогает, содействует кому-то другому, возможно, сам того не желая.

В семантике английской идиомы *fire and water are good servants, but bad masters* (досл. перев. «огонь и вода хорошие слуги, но плохие хозяева») – '(посл.) огонь и вода верные слуги (человека), но воли им давать нельзя', синкретично соединяются представления о *воде* (и *огне*) как о стихии, способной нести разрушения и опасность для человека, а также о *воде*, незаменимой для использования в хозяйстве и способной помочь человеку в тяжелом труде, но следует использовать ее в определенном количестве (не перебарщивать; не давать стихии вырваться на волю) (ср. символичные характеристики воды 2а). Схожие коннотации просматриваются и в идиоме *too much water drowned the miller* (досл. перев. «слишком много воды утопило мельника») – '(уст.) хорошенького понемножку'.

Подобным образом характеристики *воды как символа чистоты* переплетаются с коннотациями использования физических свойств *воды* в хозяйстве и способами ее добывания, что отражено в английском фразеологизме *carry water on both shoulders* (досл. перев. «носить воду на обоих плечах») – '(амер.) двуручничать, вести двойную игру'. В образе идиомы противопоставляются представления о том, что невозможно «играть и за ваших, и за наших», «усидеть на двух стульях», также естественно, как носить *воду* на двух плечах с помощью коромысла. *Вода* в семантике данной ФЕ представляется эталоном правды, истины (ср. символичные характеристики воды 3)).

Интересным представляется образ *воды* в составе фразеологизма *every miller draws water to his own mill* (досл. перев. «каждый мельник тащит (отводит) воду на свою собственную мельницу») – 'своя рубашка ближе к телу; каждый в свою нору тянет (Смысл: всякий о себе заботится)'. При интерпретации данной ФЕ *вода* представляется неким предметом, материальным благом, которое забирают себе («в свою нору»), так же, как мельник в образе фразеологизма тащит (отводит) *воду*, как ценность для ведения хозяйства, на свою мельницу. Таким образом, по нашему мнению,

вода в данной ФЕ как ценность для ведения хозяйства воплощает в себе также и семантику каких-либо *материальных ценностей*. Схожие коннотации прослеживаются в идиоме *draw a lot (или lots) of water* (досл. перев. «тащить много (кучу) воды») – '(амер. жарг.) быть влиятельным человеком; быть важной персоной, «шишкой»' – где *вода (water)* представляется эквивалентом власти. В русской фразеологии таких коннотаций *воды* (как материальных ценностей, власти) не выявлено.

3. Вода как *вещество, способное остужать, охлаждать жар, пыл*.

По нашему мнению, в сознании рядового носителя русского языка *вода* представляется веществом, способным остудить, охладить, утолить жажду. Такие коннотации отмечаем во фразеологизме *как будто холодной водой окатили (окатить (облить) холодной водой)* – '1) охладить пыл, рвение, 2) привести в замешательство'. По данным историко-этимологического словаря «Русская фразеология», «этот исконно русский сравнительный оборот связывается с практикой разливания водой дерущихся быков, известной в русских деревнях» [15. С. 104]. *Вода* охлаждает боевой пыл быков и они «остывают», расходятся. В смысловой основе образа ФЕ *водой не разольешь* – 'очень дружны, в тесной дружбе, неразлучны, всегда вместе' «лежит оксюморон – сочетание противоположных по значению понятий, действий: обычно *водой* пытаются разлить вцепившихся друг в друга в драке людей или животных, т.е. понятие о тесной дружбе выстраивается в образе фразеологизма на основе представления о врагах, о ненавидящих друг друга людях» [16. С. 133]. Сходные коннотации отмечаем в английской идиоме *pour (или throw) cold water on (или over) smth.* (досл. перев. «лить (или плеснуть) холодную воду на кого-либо» – 'возражать против чего-л.; отнестись прохладно к чему-л.; отбить охоту делать что-л.; охлаждать, умерять пыл, рвение' в данной идиоме непосредственно указано, что *вода*, которой обливают человека, чтобы охладить его пыл, рвение, именно «холодная».

Интересно, что *горячая вода (hot water)* в английской фразеологии имеет отрицательные коннотации: связывается с какими-либо неприятностями, трудностями, бедами, что отмечается в таких ФЕ, как *get into hot water* (досл. перев. «попасть в горячую воду» – '(разг.) 1) попасть в беду (прием. по своей вине); «влипнуть», запутаться, 2) (smb.) втянуть кого-л. в беду»; *be in hot water* (досл. перев. «быть в горячей воде») – '(разг.) иметь неприятности, быть в затруднительном положении (преим. по своей вине)' (ср. символичные характеристики воды 2б).

4. Вода как *вещество, не способное самостоятельно сохранять какую-либо форму*.

Как известно, *вода* всегда принимает форму сосуда, в который её налили, а поверхность *воды*, будучи идеально ровной в спокойных условиях, очень быстро меняется при воздействии каких-либо внешних сил (например, рябь – от дуновения ветра; брызги, круги на поверхности – при попадании в воду посторонних предметов). Такие свойства *воды* послужили мотивом создания русской идиомы *вилами по (на) воде писано* –

‘неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли’, английских ФЕ: *(as) unstable as water* (досл. перев. «непостоянный (неустойчивый) как вода») – ‘очень неустойчивый, непостоянный (этим. библ.)’ и *written in water* (досл. перев. «написанный на воде») – ‘преходящий, быстро проходящий, мимолетный (первонач. write in water этим. лат. in aqua scriber; выражение популяризировано Шекспиром)’.

Без какого-либо сосуда *вода* не способна сохранять форму, ее невозможно куда-либо перемещать или использовать без сосуда. Таким сосудом может послужить и рот человека. Однако поместив воду в рот, человек уже не может использовать его для каких-либо иных действий, например откусывать пищу, жевать ее, подуть на горячий напиток и, конечно, когда во рту у человека вода, он не сможет сказать ни слова. Именно такие коннотации лежат в смысловой основе образов ФЕ: *как (будто, словно, точно) воды в рот набрал* – ‘(будто) онемел, лишился дара речи’, *набрать в рот воды* – ‘1) хранить упорное молчание, ничего не говорить’.

5. Вода как **природный водоем, в котором водится рыба** и чувствует себя в нем свободно и легко. Как *рыба в воде* – ‘свободно, непринужденно, хорошо (чувствовать себя где-либо)’ (ср. *ловить рыбу в мутной воде* – ‘извлекать выгоду из чьих-либо затруднений, корыстно пользоваться какими-либо неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки’ (символьные характеристики воды 3)).

6. Вода как **вещество прозрачное, не имеющее цвета, отдельные частицы которого (капли) имеют абсолютно одинаковую форму**. Как *две капли воды* – ‘совершенно, очень сильно (похож, схож)’.

7. Вода как **природный водоем, по которому можно передвигаться на судне (море)**.

Согласно Логану П. Смит [18], большое количество фразеологизмов английского языка коннотативно соотносится с областью мореходства, это объясняется географическим положением Великобритании, являющейся островным государством и долгое время влиятельной морской державой. Морская тематика прослеживается в таких ФЕ, как *above water* (досл. перев. «над водой») – ‘в хорошем положении (особ. финансовом) (часть выражения keep one’s head above water (досл. перев. «держат голову над водой»))’; *back water* (досл. перев. «задняя вода») – ‘1) табанить, грести веслом в обратную сторону, 2) (амер.) отступать, идти на попятный’; *blue water* (досл. перев. «голубая (синяя) вода») – ‘открытое море’; *make water* (досл. перев. «делать воду») – ‘1) дать течь (о корабле) (этим. фр. faire eau), 2) разг. мочиться (этим. фр. faire de l’eau)’; *take (the) water* (досл. перев. «взять воду») – ‘1) войти в воду и поплыть, 2) быть спущенным на

воду (о судне); отправиться в плавание’. В русской фразеологии идиомы с подобными коннотациями не выявлены.

По результатам исследования можно сделать вывод о высокой степени семантической разработанности в русской и английской лингвокультурах образа стихии *вода*, которая в своих символьных и несимвольных проявлениях отражает самые разные стороны бытия человека, обращена в разные его сферы. Многие из выявленных символьных выражений *воды* тесно переплетаются как между собой, так и с вещными характеристиками *воды* как физического объекта, что нередко затрудняет причисление отдельных ФЕ к той или иной группе (символьной либо вещной).

В процессе исследования были выявлены универсальные, присущие обоим рассматриваемым культурам, и специфические представления, связанные со стихией *вода*. Как в русской, так и в английской лингвокультурах стихия *воды* в составе фразеологизмов соотносится с такими глобальными понятиями, как «Жизнь» (рус. *как воды напиться, живая вода*, англ. *water of life*), «Время» (рус. *много воды утекло*, англ. *a lot of water has flowed under the bridge since*), «Пространство» (рус. *(и) концы в воду*, англ. *be in deep water(s)*), «Истина» (рус. *выводить на чистую воду*, англ. *carry water on both shoulders*), «Чистота» (рус. *чистой воды*, англ. *of the first water*), соотносится с мифологическими представлениями, уходящими корнями в древность (рус. *пройти огонь и воду, как в воду опушенный, (и) концы в воду*, англ. *be in deep water(s)*). Стихия *воды* соотносится с человеком: с его этическими и эстетическими ценностями (рус. *выходить сухим из воды, как с гуся вода*, англ. *like water off a duck’s back*), с различными видами хозяйственной деятельности (рус. *носить воду решетом*, англ. *carry water in a sieve*), с чертами характера человека (рус. *воды не замутит*).

Специфическими для русской лингвокультуры являются представления о *воде*, связанные с обитанием в ней нечисти (*мутить воду, воды не замутит, ловить рыбу в мутной воде* и др.). Для английской лингвокультуры таковыми являются представление о *воде* как об эквиваленте материальных ценностей (*draw a lot of water*), а также *вода* – как природный водоем, по которому можно передвигаться на судне (море) (*hold water, back water* и др.).

Так, образ *воды* в русской и английской фразеологии синкретично совмещает в себе множество коннотаций, связанных в исследуемых лингвокультурах с данной реалией. Это свидетельствует о действительно высокой значимости стихии и вещества *воды* для русской и английской лингвокультур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С одной стороны, может показаться, что в идиомах *сидеть на хлебе и воде, садиться (сесть) на хлеб и воду* компонент *вода* воплощает свои вещные характеристики, ведь *вода* как физическая субстанция способна утолять жажду, следовательно, данные идиомы необходимо было причислить к группе фразеологизмов, основанных на вещных характеристиках *воды*. Однако при сопоставлении внутренней формы и действительного значения указанных ФЕ, в частности учитывая такие словосочетания, как «жить впроголодь», «самого необходимого», на наш взгляд, в данных ФЕ вычлениаются семы «связи с жизнью», «жизненной необходимости», которые выступают на первый план, что и определяет целесообразность причисления этих фразеологизмов к символьной группе.

² *Вода*, как и огонь, имеет вещные характеристики, которые являются чрезвычайно полезными в хозяйстве, отсюда и первая половина указанной ФЕ (*fire and water are good servants*). Но когда *вода* и огонь выходят из-под контроля, они представляют собой необузданные стихии

и, следовательно, большую опасность для человека, которая закрепляется за ними в данном символическом значении. Таким образом, непосредственно в данной идиоме присутствуют как символические, так и вещные мотивационные источники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 49 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 284 с.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. 320 с.
4. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. 21. С. 10–21.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 895 с.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М., 2012. 453 с.
7. Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999. 384 с.
8. Медведева А.В. Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 190 с.
9. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 192 с.
10. Кубрякова Е.С. О семиотически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005.
11. Ковшова М.Л. О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 27–31.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Знаковые функции вещных сущностей // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. С. 80–90.
13. Мокиенко В.М. Вода как фразеологическая субстанция // «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии. Будапешт, 2013. Т. 1. С. 7–21.
14. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М., 2004. С. 13–24.
15. Бирих А.К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь : около 6 000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. [и со вступ. ст.] В.М. Мокиенко ; СПб. гос. ун-т, Межкафедр. слов. каб. им. Б.А. Ларина. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005. 926 с.
16. Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост. И.С. Брилева и др. ; отв. ред. В. Н. Телия. М., 2009. 781 с.
17. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого ; Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995. Т. 1. 578 с.
18. Смит Л.П. Фразеология английского языка / пер. с англ. А.С. Игнатъева. М., 1959. 207 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Англо-русский фразеологический словарь : около 20 000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. М., 1984. 942 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост. И. С. Брилева и др. ; отв. ред. В.Н. Телия. М., 2009. 781 с.
3. Словарь американских идиом (NTC's American Idioms Dictionary) / Ричард А. Спирс. М., 1991. 463 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. : около 7 000 словарных статей / под ред. А.И. Федорова. М., 1995. 608 с.
5. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков и др. ; под ред. А.И. Молоткова. М., 1978. 543 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 августа 2017 г.

LINGUOCULTURAL VALUE OF THE ELEMENT WATER AS A COMPONENT OF RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/423/1

Olga V. Balonkina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: da-vydova_olga.85@mail.ru

Keywords: phraseological units (idioms); cultural connotation; symbol; property characteristics.

The research is devoted to the analysis of phraseological units of Russian and English which include the name of the element *water*. The beginning of the paper represents a review of research works devoted to the investigation of the element. Most of the works appear to be cognitive studies of the element *water* making use of the field method in considering material by forming semantic fields which include a certain number of language units. The specific feature of the present paper consists in analysing the name of the element *water* itself. The aim of the present paper is to distinguish semantic (semiotic) manifestations of the element *water* as part of idioms; to reveal the aspects of human life the element correlates with; to consider the image potential of the element *water* in its phraseological embodiment, to reveal its cultural connotations. The empirical material includes 39 Russian and 33 English idioms from reliable lexicography sources which were analyzed. To achieve the aim the introspective method together with the parallel analysis of the actual idiom meaning and its inner form, taking into consideration historical etymology data, was applied. Methodology of the paper rests upon the generally accepted fact that meanings of idioms are based on connotations (particularly cultural) of their parts or situations described in them. It is obvious that cultural connotations can be revealed from a word and serve as a motive to the appearance of an idiom in case the word is a *symbol* recognized in this culture. To determine the notional characteristics of the term “symbol”, analysis of the works devoted to symbol and symbolic meanings of words (A.F. Losev, Yu.M. Lotman, N.D. Arutyunova, M.L. Kovshova, Ts. Todorov, A.V. Medvedeva, D.A. Tarakanova) was undertaken. According to the analysis the basic and interconnected characteristics distinguishing the notion of *symbol* are: 1) sign nature, 2) belonging to the sphere of culture, 3) generalisation, 4) similarity between form and content, 5) ability to be recognised by native speakers. Sharing ideas of A.N. Baranov and D.O. Dobrovolsky who consider the “property” feature, i.e. direct or indirect belonging to the world of things, to be the most important feature of a symbol, the author agrees with their classification that includes four groups of symbol categories in language

and culture: 1) symbols of culture, 2) symbols of language, 3) cultural and language symbols simultaneously, 4) non-productive language symbols. Based on the described methodology analysis of the material made it possible to identify classes of phraseological units including the component *water* joint with symbolic / property meanings. Section of phraseological units including idioms with symbolic representations of the element *water* consists of four main groups and four subgroups. Section with non-symbolic (“property”) representations of the element *water* consists of seven main groups and three subgroups. According to the results of the research a conclusion about the high degree of semantic development of the element *water* in Russian and English language cultures was made. In its symbolic and non-symbolic aspects the element *water* reflects various spheres of human existence such as: “Life”, “Time”, “Truth”, “Space”, “Purity”; it corresponds with the ethic, aesthetic values of people, with some aspects of agricultural activities, with features of human character. Specific for Russian language culture are the images of water connected with *where evil spirits live*, for English language culture the images of *water as material values* and *the water body to travel in a vessel*.

REFERENCES

1. Kovshova, M.L. (2009) *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (a linguocultural aspect)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
2. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Losev, A.F. (1995) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow: Iskustvo.
4. Lotman, Yu.M. (1987) Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]. *Trudy po znakovym sistemam*. 21. pp. 10–21.
5. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology. Codes of culture]. Moscow: URSS, Librokom.
7. Todorov, Ts. (1999) *Teorii simvola* [Theories of the symbol]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoye obshchestvo.
8. Medvedeva, A.V. (2000) *Simvolicheskoe znachenie kak tip znacheniya slova (na materiale russkikh i angliyskikh oboznacheniy obikhnovykh situatsiy, predmetov i yavleniy material'noy kul'tury)* [Symbolic meaning as a type of meaning of a word (on the material of Russian and English notation of everyday situations, objects and phenomena of material culture)]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
9. Tarakanova, D.A. (2012) Simvolicheskii komponent znacheniya dialektnogo slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya) [Symbolic component of the meaning of the dialect word (on the material of dialects of the Middle Ob region)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
10. Kubryakova, E.S. (2005) O semioticheski markirovannykh ob'ektakh i semanticheski markirovannykh situatsiyakh v yazyke [On semiotically marked objects and semantically marked situations in language]. In: *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual Space of Language], Tambov: Tambov State University,
11. Kovshova, M.L. (2009) On symbols and quasi-symbols in semantics of idiomatic expressions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 27–31. (In Russian).
12. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (1995) Znakovye funktsii veshchnykh sushchnostey [Sign functions of material entities]. In: *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language: a system. Language: a text. Language: an ability]. Moscow: Institute of Russian Language, RAS.
13. Mokienko, V.M. (2013) Voda kak frazeologicheskaya substantsiya [Water as a phraseological substance]. In: Zoltan, A., Fedosov, O. & Yanurik, S. (eds) *“Voda” v slavyanskoy frazeologii i paremiologii* [“Water” in Slavic phraseology and paremiology]. Vol. 1. Budapest: TINTA.
14. Teliya, V.N. (ed.) (2004) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural strata in phraseological units and discourse practices]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 13–24.
15. Birikh, A.K. et al. (2005) *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskiy slovar': okolo 6 000 frazeologizmov* [Russian phraseology: historical and etymological dictionary: about 6,000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow.
16. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [A big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
17. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti : Etnolingvisticheskiy slovar' : V 5 t.* [Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
18. Smith, L.P. (1959) *Frazeologiya angliyskogo yazyka* [Phraseology of the English Language]. Translated from English by A.S. Ignat'ev. Moscow: Uchpedgiz.

SOURCES

1. Kunin, A.V. (1984) *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar' : okolo 20 000 frazeologicheskikh edinit* [English-Russian phraseological dictionary: about 20,000 phraseological units]. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [A big phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
3. Spears, R.A. (ed.) (1991) *Slovar' amerikanskikh idiom* [NTC's American Idioms Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Fedorov, A.I. (ed.) (1995) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XYIII-XX vv. : Okolo 7000 slovarnykh statey* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late 18th–20th centuries: About 7 000 entries]. Moscow: Topikal.
5. Molotov, A.I. (ed.) (1978) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: svyshe 4 000 slovarnykh statey* [Phraseological Dictionary of the Russian language: more than 4 000 entries]. Moscow: Russkiy yazyk.

Received: 18 August 2017

«THE HARLOT'S HOUSE» ОСКАРА УАЙЛЬДА В ПЕРЕВОДЕ Ф. СОЛОГУБА: СТИЛЕВЫЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена исследованию перевода стихотворения О. Уайльда «The Harlot's House» Ф. Сологубом. Рассматриваются темы основных произведений Ф. Сологуба, одна из которых – это тема несогласия с существующей несправедливой реальностью. Писатель считает, что с помощью искусства можно изменить несовершенство мира. Обращаясь к идеям Ф. Сологуба о влиянии искусства на жизнь человека, можно сделать вывод, что они во многом совпадают с эстетической философией О. Уайльда. Рассмотрены общие моменты мироощущения и поэтики двух писателей, повлиявшие на выбор переводимого произведения. Выполнен анализ художественно-изобразительных средств, использованных при воспроизведении ключевых образов. Проанализированы также изменения, внесённые поэтом на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях и оказавшие влияние на стиль и концепцию перевода.

Ключевые слова: импрессионизм; «The Harlot's House» сюжет; преобразования; оригинал; перевод.

Творчество Ф. Сологуба характеризуется темой неприятия действительности, которая проходит через многие произведения. Об этом пишут исследователи его творчества: «Самая яркая, самая отчётливая нить в плетении сологубовского творчества, проникающая в его стихи и прозу, – это неприятие, отрицание мира в его настоящем, непреображённом аспекте» [1. С. 650].

Мотивы бессмысленности жизни, ожидания смерти часто звучали в его стихотворениях: «мы созрели для могилы, отдадимся могиле без спора», «блестящими лучами улыбается смерть», «неизбежная могила не обманет лишь одна» и т.д.

Однако основной мотив пессимистического отрицания существующей действительности тесно связан со способностью преобразить несовершенный мир с помощью искусства. К.И. Чуковский так характеризует творчество Ф. Сологуба: это одно и то же чередование – «творимая легенда» и «безобразная обычность» – полосочка белая, полосочка черная – вот в сущности и вся очень мною, конечно, упрощенная формула Сологубова искусства» [2. С. 59].

Искусство, по мнению Ф. Сологуба, способно создавать новый, более совершенный мир. Писатель считает, что «если есть на земле какая-нибудь ценность, без которой человек не может обойтись, то это, конечно, искусство, или, употребляя более общее выражение, творчество. Многими делами занимается человек по необходимости или из соображений практической пользы, многое делает принуждаемый и с неохотой, иногда с отвращением, – к искусству же он приходит только потому, что хочет этого, и искусство всегда его радует и утешает» [3. С. 342].

Поэт стремится в «докучном мире обычности» различить «неясные очертания жизни творимой и несбыточной». Он считает, что «странно было бы смотреть на искусство только как на способ красиво или выразительно изображать избранные моменты жизни. Искусство не есть только зеркало, поставленное перед случайностями жизни... Душа человека всегда жаждет живого делания, живого творчества, жаждет созидания в себе мира, подобного миру внешнему, предметному, но свободно построено» [Там же. С. 343].

В творческом мире Сологуба присутствуют элементы мистического и фантастического. Писатель, по мнению Сологуба, является избранной личностью, твор-

цом, способным изменить несправедливость существующего мира с помощью Искусства.

Русский поэт поддерживает мнение знаменитого английского эстета О. Уайльда о том, что искусство влияет на нашу жизнь больше, чем реальная жизнь: «...ведь не только мы подражаем искусству, но и природа, по остроумному замечанию Оскара Уайльда, занимается тем же. У природы есть добрые намерения, – говорит Оскар Уайльд, – но искусство находит свое совершенство внутри, а не вне себя. Его нельзя судить ни по какому внешнему образу и подобию. Оно – скорее покрывало, чем зеркало. У него есть цветы, каких не знает ни один лес, птицы, каких нет ни в одной роще. Оно создает и разрушает миры, и оно может свести луну с небес пурпурною нитью. Ему принадлежат формы, которые реальнее живых людей, и великие архетипы, чьими незаконченными копиями является все, что существует» [4. Т. 3. С. 264]. Для Уайльда красота была выше морали, искусство выше реальности. Он стремился к созданию возвышенной и прекрасной действительности: «в жизни нет ничего, что нельзя осветить искусством» [Там же. С. 265]. Если человек будет стремиться к красоте в быту, жить среди красивых вещей, наслаждаться произведениями искусства, он может «спастись», возродиться красотой: «культ красивых предметов... будет первой ступенью ко всякой мудрости и всякому знанию» [Там же. С. 283].

Во многих значительных пунктах философско-эстетические концепции искусства писателей пересекаются. Идеи Ф. Сологуба о влиянии искусства на жизнь человека были близки творческим исканиям английского эстета О. Уайльда. Сологуб пишет, что «весьма распространено заблуждение, что искусство есть зеркало жизни, что искусство есть производное от жизни. Думают люди, что вот они живут, а поэты их наблюдают и изображают; думают люди, что они-то и есть сюжеты романов, драм, поэм. Думая, что искусство изображает их, они приходят к искусству, чтобы узнавать себя и выносить из зрелища нравственные уроки. Это заблуждение опасное, потому что в нем, как и во всяком заблуждении, есть зерно истины, извращенное до неузнаваемости. Это зерно состоит в том, что люди действительно служат поэту, но не сюжетами, а материалом или, точнее, моделями,

как натура для живописца» [3. С. 344]. Очевидно, что Ф. Сологуб проявлял большой интерес к произведениям и философии английского поэта, ставил одни и те же проблемы, разрабатывал схожие сюжеты. К примеру, его «рассказ “Красота”... апеллирует к эстетизму и эллинизму О. Уайльда» [5. С. 84].

В своей работе «Писатель – инспектор...» М. Павлова находит и приводит примеры прямых соответствий между эпизодами из романа «Мелкий бес» и скандальной историей английского писателя и приходит к выводу, что в «контексте статей Уайльда «Правдивость масок» и «Упадок лжи» («Замыслы», 1891) Людмила предстает творцом красоты и одновременно произведением искусства... выступает «идеологом» эстетизма» [Там же. С. 130]. Ф. Сологуб посвятил статью 15-летней годовщине со дня смерти Уайльда, в которой он «...продемонстрировал солидарность с Уайльдом во взглядах на природу искусства, неподсудность и неприкосновенность личности художника, творящего своей жизнью новый и лучший мир» [Там же. С. 255].

Часто поэты используют в своих произведениях сходные приёмы. Стихи Сологуба отличаются совершенством и гармоничностью звуковой организации. Музыкальность Сологуба признавали его современники. Л. Шестов писал: «Я не знаю среди современных русских поэтов ни одного, чьи стихи были бы ближе к музыке, чем стихи Сологуба» [6. С. 64]. В этом русский поэт близок с Уайльдом. В стихотворениях Сологуба можно найти приём сближения слов по звучанию, характерный и для Уайльда.

Двух поэтов сближают основные темы их произведений: порок, грех, смерть и танец:

Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных.
Обнажённые плачут блудницы.
(«Вереницы мечтаний порочных...»)

[7. С. 221].

Тематически это стихотворение перекликается со стихотворением Уайльда «The Harlot's House», которое Ф. Сологуб переводит для полного собрания сочинений 1912 г. под редакцией К.И. Чуковского. Стихотворение в переводе Ф. Сологуба называется «Дом Блудницы». Оно относится ко второму периоду поэтического творчества Уайльда. В произведениях этого периода сказывается сильное влияние мастеров французской литературной школы. Уайльд развивает темы греха и раскаяния, пробует свои силы в «создании произведений, обладающих стилизованными качествами смежных искусств» [8. С. 26].

«The Harlot's House» изображает внешний мир в манере импрессионизма, присущий всему творчеству О. Уайльда. Его стихи отличаются превосходной цветовой гаммой, яркой образностью, выразительностью чувств и настроений. Работы английского поэта отличаются декоративностью, а не эмоциональностью, что является отличительной чертой импрессионизма Уайльда, хотя в импрессионистической системе естественность и эмоциональность являются главными составляющими.

Импрессионистический приём перечисления деталей также отчасти характеризует творчество Сологуба. Он как бы наносит мазки на картину:

Сквозь кисейный занавес окна
Мне видна
Улицы дремотной тишь –
Снег на скатах крыш,
Ворота, забор...
(«Сквозь кисейный занавес окна...»)

[7. С. 140].

Однако импрессионистическое описание встречается не так часто в творчестве Сологуба. Чаще у Сологуба импрессионистическое описание оказывается «островком», «заставкой» к сюжету. Если английский эстет использует импрессионизм, чтобы создать «декоративные фантазии» и получить наслаждение от эстетической картинки, то русский писатель использует метод импрессионизма для создания особого настроения. Безусловно, Сологуб – оригинальный и самобытный поэт. Хотя его поэзия имеет общие черты с поэзией Уайльда, многие стихи не укладываются в указанные здесь стилистические характеристики. Каждый из поэтов выражает с помощью поэзии свою философию, использует свои образы, мотивы, идеи, создаёт свои мифы.

Впервые опубликованное в журнале «Dramatic Review» в апреле 1885 г. стихотворение Уайльда «The Harlot's House» отражает тенденции, характерные для эпохи декаданса: освобождение от моральных оков и погружение на самое «дно» жизни. Для Уайльда тема греха и острых ощущений вписывалась в контекст личной жизни автора, ведущего богемный образ жизни. Стихотворение Уайльда имеет философский характер и отражает размышления автора о настоящем чувстве и его имитации, любви продажной, а также о жизни и смерти.

Сюжет произведения О. Уайльда актуален и для собственного творчества Сологуба: он пишет о любви и смерти, о поисках красоты, о притягательности порока, в этом поэтические системы Сологуба и Уайльда пересекаются.

Насколько точно Ф. Сологуб передал концептуальное и стилизованное своеобразие переводимого произведения, можно понять, выполнив анализ преобразований образного, лексического и фонетического уровней текста.

Переводчика привлекают созвучные ему мотивы всего ирреального или стоящего на грани реальности: ночи, пляски, умирания, призрачности. Дом блудницы населён людьми, похожими на марионеток, которыми управляет невидимая рука. Всё это большое адское сборище исполняет «танец смерти»:

We caught the tread of dancing feet,
We loitered down the moonlit street,
We stopped beneath the Harlot's House

[9. С. 142].

Мы уловили поступь танцующих ног, / Мы остановились у Дома Проститутки (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи).

Мотив пляски, танца, который прослеживается как в поэтическом, так и в прозаическом творчестве

О. Уайльда, присутствует и в поэзии Сологуба: «...не пляска ли дьяволов весь мир для Сологуба... и такую же пляску... должен плясать и он...» [2. С. 61]. В первой строфе переводчик изменяет лексическую ткань произведения, добавляя слово «пляска»:

Шум пляски слушая ночной,
Стоим под ясною луной, –
Блудницы перед нами дом.

Кроме того, Сологуб добавляет слово «ясный», отсутствующее в оригинале. При этом он подчёркивает иллюзорность и противоречивость лунного мира, который создает не сами вещи, а их тени. В переводе Сологуба передаётся ощущение нереальности происходящего, принадлежность танцоров к потустороннему миру. Всё это *создаёт у читателей ощущение ужаса и неправдоподобности происходящего* и ассоциируется со смертью.

Во второй строфе переводчик также подвергает оригинальный текст некоторым изменениям. В стихотворении Уайльда музыка “*Treues Liebes Herz*” / «*Сердце, верное любви*» звучит «above the din and fray / над грохотом и шумом», у Сологуба «оркестр игрою заглушит порою грохот и содом», что может интерпретироваться как победа музыки настоящей любви над звуками её имитации, любви продажной.

Переводчик использует те же изобразительные художественные средства, что и Уайльд: в третьей строфе Сологуб сравнивает танцоров с автоматами («И пляшет каждый силуэт как автомат или скелет»), однако у Сологуба нет упоминания о том, что автоматы управляются леской: «*wire – pulled Automations*» / *автоматы, управляемые леской*. Смех посетителей Дома в переводе русского поэта только «резкий», в то время как у Уайльда он то «thin» / *слабый*, то «thrill» / *пронзительный* и сопровождается эхом: «*echoed*», что в оригинале подчёркивает злоевищий характер происходящего.

В четвёртой строфе Ф. Сологуб добавляет слово «рой», отсутствующее в оригинале:

We watched the ghostly dancers spin,
To sound of horn and violin,
Like black leaves wheeling in the wind.

Мы смотрели, как крутились танцоры, похожие на привидения, / Под звуки рога и скрипки, / Подобно чёрным листьям, крутящимся по ветру.

Мелькают пары плясунов
Под звуки скрипки и рогов,
Как листьев рой в ненастный день.

Образ «роя» характерен для собственной поэтики переводчика [10. С. 28]. В пьесе «Дар мудрых пчёл» (1906) в поминальном стихе «пчела выступает как проводник в царство мёртвых» [Там же. С. 29].

Пчёлы выступают в качестве медиаторов двух сфер мироздания – жизни и смерти, что служит основным мотивом смыслового подтекста в переводе.

Внесение слова «содом», отсутствующего в оригинале («Оркестр порою заглушит игрою грохот и содом»), благодаря ассоциации с библейским Содомом проводит ассоциативную связь с автором «Дома Блудницы». В ветхозаветном предании Содом и Гоморра – два города, жители которого погрязли в распутстве и были за это испепелены огнём, посланным с неба.

Можно отметить и другие трансформации на семантическом уровне вследствие добавления переводчиком лексических единиц (в тексте добавленные слова выделены курсивом):

Тогда фальшивым стал мотив,
Стих вальс, танцоров утомив,
Исчезла цепь теней ночных.

В оригинале с приходом девушки танцоры перестают танцевать, но все обитатели Дома остаются на своих местах, в переводе танцоры-призраки исчезают, что может интерпретироваться как победа Любви над Пороком и Смертью:

Then suddenly the tune went false,
The dancers wearied of the waltz,
The shadows ceased to wheel and whirl.

(Тогда внезапно мелодия стала фальшивой, Танцоры устали от вальса, Тени перестали вращаться и кружиться.)

Больше всего отличий Уайльда и Сологуба проявляется на лексическом уровне. Для стихов Сологуба характерна простота, строгость стиля. Сологуб старается извлечь из своих стихов чистую мелодию простых и ясных «прозрачных» слов. Для его лирики характерна конкретная лексика, в описании простых деталей выражается настроение лирического героя. Иногда в стиле перевода слышатся отзвуки русской романтической лирики. В стихотворении Уайльд сравнивает рассвет с робкой девушкой: «*Crept like a frightened girl*» / *прокрался как испуганная девушка*. Сологуб как представитель русского символизма трактует образ девушки в контексте русской культуры: «как дева робкая, заря».

Во второй строке последней, двенадцатой, строфы Сологуб заменяет фразу «*silver – sandalled feet*» / *ступни в серебряных сандалиях* на выражение «росой сандалии сребря». На наш взгляд, образ росы, отсутствующий в оригинале, в интерпретации Сологуба символизирует очищение мира от порока и греха, победу Любви над Хаосом и Смертью.

На грамматическом уровне также произошли некоторые изменения: в первой строфе переводчик заменяет значимые для характеристики позиции лирического героя глаголы: «*caught*» / *уловили – слушая*, «*loitered*» / *медленно спустились* – стоим, и опускает глагол «*stopped*» / *остановились*. В оригинале в первых строфах глаголы даны в Past Simple (простое прошедшее время). В переводе Сологуба – время настоящее, а не прошедшее, при этом глаголы, обозначающие действия, заменены в переводе глаголами состояния, и всё это дает ощущение статичности.

Талантливому переводчику удалось в полной мере воспроизвести формальную структуру произведения: количество строф в оригинале и в переводе 12, количество строк – 36. В переводе воспроизведен характер рифмовки: aabccb, каждая строфа состоит из трёх стихов, которые объединяются попарно рифмовкой последних стихов.

Like strange mechanical grotesques,
Making fantastic arabesques,
The shadows raced across the blind.
We watched the ghostly dancers spin,
To sound of horn and violin.

Like black leaves wheeling in the wind.

Переводчик также точно воспроизводит ритмико-интонационную структуру оригинала:

Гротески странные скользят.

Как дивных арабесок ряд.

Вдоль штор бежит за тенью тень.

Мелькают пары плясунов.

Под звуки скрипки и рогов.

Как листьев рой в ненастный день.

Важной особенностью стихотворения Уайльда является использование повторов. Стихотворение характеризует повторением конструкций, начинающихся одними и теми же словами. Уже в первой строфе Уайльд пользуется однотипными синтаксическими конструкциями, создавая картинку освещённой луной улицы: («We caught... / We loitered..., We stopped...»).

В переводе Сологуба фонетические повторы заменены смысловыми. Лунный колорит поэт создаёт звуками: аллитерацией на «н» и «л», воссоздавая картинку ночной улицы.

Шум пляски слушая ночной,

Стоим под ясною дуной.

Блудницы перед нами дом.

На основе проведенного сопоставительного анализа стихотворения Уайльда «The Harlot's House» и перевода Сологуба можно сделать вывод, что с формальной точки зрения перевод достаточно точен. Переводчик передал форму переводимого произведения, воспроизвел ключевые образы, составляющие основу предметного мира, раскрывающие своеобразие мировосприятия лирического субъекта. Семантические замены и преобразования, которые при поэтическом переводе неизбежны, позволяют Сологубу передать и сохранить образы, созданные Уайльдом. Современники Сологуба считали, что он проявил себя «как без-

укоризненный переводчик» [11. С. 662]. Его перевод принадлежит к истинным произведениям этого высокого искусства и продолжает публиковаться во всех собраниях сочинений Уайльда.

Интерес русского писателя к творчеству английского эстета определяет общность и мировосприятия: это размышления о любви и смерти, притягательности порока, неприятие действительности в её непреображённом аспекте и философские размышления о том, как с помощью искусства изменить несовершенный мир. Отличительные черты поэтических произведений Уайльда и Сологуба – импрессионизм, музыкальность поэзии, сходные темы и мотивы. Прямое влияние Уайльда подтверждается наличием переводов из английского поэта и некоторыми отсылками в оригинальной поэзии Сологуба (стихотворение «Вереницы мечтаний порочных...»). В то же время сходство Сологуба с Уайльдом в первую очередь типологическое и основано на общности мироощущения и стилистических тенденций рубежа веков.

Талант Сологуба как переводчика особенно ярко проявился в переводе данного стихотворения, хотя Сологуб своеобразно воспринимает и толкует уайльдовский текст и подвергает его некоторым изменениям. Самое значительное, на наш взгляд, это то, что в оригинальном произведении Уайльд иронически переосмысливает общепринятые ценности и не даёт оценок. В его представлении порок имеет право на существование, так же как и любовь, они равноценны. В переводе Сологуба настоящее чувство побеждает Порок и Смерть. Об этом пишут и его современники: «В лучших стихах Ф. Сологуба вы найдёте примирённость, большое приятие жизни и милое простодушие, вообще свойственное этому поэту, но которое он прежде часто маскировал наивным демонизмом» [12. С. 141].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеботаревская А. Творимое творчество // О Фёдоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 2002. 670 с.
2. Чуковский К. Навьи чары мелкого беса // О Фёдоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 2002. 361 с.
3. Сологуб Ф. Искусство наших дней // Критика русского символизма : в 2 т. М., 2002. Т. 1. 382 с.
4. Уайльд О. Ренессанс английского искусства // Собрание сочинений : в 3 т. М., 2000. Т. 3. 285 с.
5. Павлова М. Писатель-инспектор. Ф. Сологуб и Ф.К. Тетерников. М., 2007. 510 с.
6. Шестов Л. Поэзия и проза Фёдора Сологуба // О Фёдоре Сологубе. СПб., 1911. 74 с.
7. Сологуб Ф. Стихотворения. СПб., 2000. 678 с.
8. Бахнова Ю.А. Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 181 с.
9. Уайльд О. Стихи – Poems. М., 2004. 384 с.
10. Евдокимова Л.Е. Мифопоэтическая традиция в творчестве Ф. Сологуба. Астрахань. 1998. 222 с.
11. Кузмин М. Сумеречная Дульцина // О Фёдоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 2002. 670 с.
12. Кузмин М. Условности. Статьи об искусстве. Томск, 1996. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 сентября 2017 г.

O. WILDE'S "THE HARLOT'S HOUSE" TRANSLATED BY FYODOR SOLOGUB: STYLE AND CONCEPT FEATURES OF THE TRANSLATED TEXT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 15–19.

DOI: 10.17223/15617793/423/2

Yuliya A. Bahnova, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: bahnova2011@mail.ru

Keywords: impressionism; "The Harlot's House"; plot; originality; translation.

The aim of this article is to study the conceptual and stylistic features of the translation of O. Wilde's work "The Harlot's House" by F. Sologub. The work uses the comparative historical and literary-historical methods and techniques of translational analysis. One of the main themes which appears in many works of F. Sologub is the negation of existing reality. The writer believes that with the help of Art you can change the imperfection of the world. Like many poets of the turn of the century, F. Sologub turned to the translation of Western literature. The ideas of the English writer Oscar Wilde on the impact of art on human life was close to the creative

pursuits of F. Sologub. Interest of F. Sologub to Wilde's theory of the transformation of life to art is obvious. Common elements of the attitude and styles of both writers were especially evident in the translation of "The Harlot's House". It refers to the second period of O. Wilde's poetry. His works of this period reveal the strong influence of the French literary school. "The Harlot's House" depicts the outside world in the manner of impressionism which is common to all O. Wilde's works. His poems are characterized by an excellent color gamut, vivid imagery, expressiveness of feelings and moods. The works of the English poet are decorative and not emotional, which is a feature of Wilde's impressionism. This work fully embodies the trends of the era of decadence: failure to follow any moral rules, the glorification of sin and thrills. The translator was attracted to this poem by the motives which were very close to him: something unusual, surreal, the philosophical discourse on Love, Death and Vice. As Russian readers are acquainted with Wilde's work in translation, it is very important to raise the question of how accurately Sologub transferred its conceptual and stylistic originality. It is necessary to check the translation changes on the figurative, lexical and phonetic levels. When analyzing the translation, it can be concluded that the formal organization of the translation is fairly accurate. The translator seeks to preserve not only the form of the poem but also to reconstruct the main images that are particularly important for this work, as they reveal the originality of the perception of the lyric hero. Semantic substitution and conversion, inevitable in the poetic translation, allow Sologub to transfer and preserve the images created by Wilde. However, F. Sologub transformed the original text in accordance with the features of his poetic world. F. Sologub perceives and interprets Wilde's text and subjects it to some changes. If the original Wilde ironically refers to the conventional values and does not give evaluation, in Sologub's translation the real feeling overcomes Vice, and even Death.

REFERENCES

1. Chebotarevskaya, A. (2002) Tvorimoe tvorchestvo [Created creativity]. In: Chebotarevskaya, A. (ed.) *O Fedore Sologube. Kritika. Stat'i i zametki* [About Fyodor Sologub. Criticism. Articles and notes]. St. Petersburg: Nav'i Chary.
2. Chukovskiy, K. (2002) Nav'i chary melkogo besa [Nav charms of the small demon]. In: Chebotarevskaya, A. (ed.) *O Fedore Sologube. Kritika. Stat'i i zametki* [About Fyodor Sologub. Criticism. Articles and notes]. St. Petersburg: Nav'i Chary.
3. Sologub, F. (2002) Iskusstvo nashikh dney [The Art of Our Days]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Olimp; AST.
4. Wilde, O. (2000) Renessans angliyskogo iskusstva [English Art Renaissance]. In: Wilde, O. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Translated from English by M. Abkin et al. Vol. 3. Moscow: Terra.
5. Pavlova, M. (2007) *Pisatel'-inspektor. Fund Sologub i F.K. Teternikov* [Writer-inspector. Fund Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Shestov, L. (1911) Poeziya i proza Fedora Sologuba [Poetry and prose of Fyodor Sologub]. In: Chebotarevskaya, A.N. (ed.) *O Fedore Sologube* [About Fyodor Sologub]. St. Petersburg: Shipovnik.
7. Sologub, Fund (2000) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
8. Bakhnova, Yu.A. (2010) *Poeziya Oskara Uayl'da v perevodakh poetov Serebryanogo veka* [Oscar Wilde's poetry in the translations of the poets of the Silver Age]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Wilde, O. (2004) Stikhi [Poems]. In: Antanova, K. & Vitkovski, E. (eds) *Uayl'd, Oskar* [Oscar Wilde]. Moscow: Raduga.
10. Evdokimova, L.E. (1998) *Mifopoeticheskaya traditsiya v tvorchestve Fund Sologuba* [Mythopoetic tradition in the works of F. Sologub]. Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University.
11. Kuzmin, M. (2002) Sumerechnaya Dul'tsineya [The Twilight Dulcinea]. In: Chebotarevskaya, A. (ed.) *O Fedore Sologube. Kritika. Stat'i i zametki* [About Fyodor Sologub. Criticism. Articles and notes]. St. Petersburg: Nav'i Chary.
12. Kuzmin, M. (1996) *Uslovnosti. Stat'i ob iskusstve* [Conditionalities. Articles about art]. Tomsk: Vodoley.

Received: 03 September 2017

КОМЕДИЯ ДЕЛЬ АРТЕ В РАЗВИТИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ М. ГОРЬКОГО

Прослеживается роль итальянской комедии дель арте в драматургической системе М. Горького. Рассматривается интерес писателя к народному театру в контексте художественных поисков театральных деятелей начала XX в., анализируются формы воплощения отдельных особенностей итальянской комедии масок в горьковских пьесах. Увлечение комедией дель арте оказывается локальным, но значимым эпизодом творчества писателя: оно не оказывает системного влияния на драматургию М. Горького, но определяет ряд важных структурных особенностей горьковских пьес.

Ключевые слова: М. Горький; драматургия; комедия дель арте; сценарий; импровизация; маска.

На рубеже XIX–XX вв. в поисках путей обновления театрального искусства режиссеры, драматурги и теоретики театра в России, так же как и за рубежом, обращаются к театральной традиции предыдущих эпох – культовым мистериям Античности и Средневековья, площадному балагану, комедии масок, двигаясь «сквозь толщу вековых напластований к истокам, к корням» [1], стремясь освободить театр от внешнего жизнеподобия и литературности. Как отмечает В.А. Щербаков, «главным <...> аргументом в споре сценического искусства с литературой становится в те годы *commedia dell'arte*, воспринимаемая <...> как образ самого театрального театра, как основа всего сценического искусства» [Там же].

К опыту комедии дель арте в начале XX в. обращаются в своих теоретических работах и театральных экспериментах К. Миклашевский, Вс. Мейерхольд, Н. Евреинов, Е. Вахтангов, С. Радлов, А. Таиров. В 1906 г. Мейерхольд ставит пьесу А. Блока «Балаганчик»; в 1910 и 1913 гг. создаются соответственно мейерхольдовский «Шарф Коломбины» и таировское «Покрывало Пьеретты» по А. Шницлеру; в экспериментальной Студии на Бородинской под руководством Мейерхольда и В.Н. Соловьева ведется обучение молодых актеров с опорой на принципы комедии дель арте; в 1914 г. выходит фундаментальный труд Миклашевского «*la Commedia dell'arte*, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII, XVIII веков», в котором театровед рассматривает итальянскую народную комедию как целостную эстетическую систему и обосновывает возможность ее внедрения в современную сценическую практику.

Комедия дель арте – комедия масок, возникшая в XVI в. в Италии – это первый в Европе профессиональный театр, впрочем, генетически связанный с народным праздником и карнавалом. Одна из главных особенностей комедии дель арте – отсутствие записанного текста пьесы: вместо него разрабатывалась обобщенная сюжетная схема, а реплики и диалоги создавались самими актерами в процессе импровизации при подготовке спектакля, на репетициях и в ходе представления. Возможность импровизации была обусловлена тем, что в комедии дель арте использовался ряд типажей-масок (влюбленные, старики, слуги-дзанны), каждая со своим узнаваемым набором черт (амплуа, костюм, язык) и сценических приемов. Обычно актер играл одну и ту же маску, которая определяла рамки импровизации. Маска не всегда использовалась как элемент сценического костюма,

однако была непременным атрибутом дзанны, в частности Арлекина и Пульчинеллы, образов, которые оказались самыми «живучими» и заново актуализировались в современную эпоху. По замечанию М. Молодцовой, «итальянская комедия дель арте XX в., собственно, и является театром неумного Пульчинеллы» [2. С. 7]. В XX в. актеры и режиссеры вновь обращаются к маске комедии дель арте в рамках «ретеатрализации» театра и развития выразительности тела [3. С. 171], стремясь возродить «силу маски, жеста, движения и интриги» [4. С. 213].

Максим Горький не остается в стороне от актуальных проблем театра. В начале 1900-х он впервые обращается к жанру драмы: в 1901 г. появляется пьеса «Мещане», в 1902 г. – «На дне», в 1904 г. – «Дачники», годом позже – «Дети солнца» и «Варвары». Горький знакомится с Вс. Мейерхольдом, художниками из объединения «Мир искусства», тесно связанного с театральной средой, присутствует при театральных дискуссиях в «башне» у Вяч. Иванова. Основные этапы освоения русским театром опыта комедии дель арте разворачиваются в отсутствие Горького: в 1906 г. он уезжает за границу – сначала в Америку, а затем в Италию, где живет с октября 1906 по декабрь 1913 гг. Однако и в Италии писатель продолжает следить за происходящим в России: он выписывает русские периодические издания, встречается с соотечественниками, в том числе из театральной среды. В числе гостей Горького на Капри были Станиславский, Шаляпин, Л. Андреев [5. С. 98–101, 115–123]. Живой интерес вызывает у Горького и итальянский театр. Писатель регулярно посещает неаполитанские театры, лично встречается с актрисой Элеонорой Дузе и драматургом Роберто Бракко [5. С. 31, 241–243, 251–252]. По прибытии в Неаполь Горький в первый же день отправляется в театр Политеама, где актеры и зрители встречают его аплодисментами. В последующие дни он посещает и другие театры Неаполя, в том числе театр Нуово, сохраняющий традицию оперы-буфф – жанра комической оперы, уходящего корнями в комедию дель арте.

Для Горького, свидетеля и участника дискуссий об обновлении современного театра путем возрождения старых форм сценического искусства, близость к неаполитанской культурной среде оказывается крайне удачным обстоятельством – ведь Неаполь, наряду с Венецией, некогда был одним из центров комедии дель арте, именно здесь родился ряд популярных масок, в том числе знаменитая комическая маска Пуль-

чинеллы, а традиция буффонады и фарса фактически не прерывалась со времен Средневековья [6. С. 443]. В период пребывания в Италии Горький знакомится со знаменитым комедиографом, актером и режиссером Эдоардо Скарпеттой, продолжателем традиции комедии дель арте [5. С. 251–252]. Скарпетта прославился в роли комической маски Дона Феличе Шошаммокки («Sciosciammosca» на неаполитанском диалекте – ротозей, рассеянный, легковверный, глуповатый человек), созданной им самим на основе маски Пульчинеллы [7]. В 1910 г. Горький пишет Леопольду Антоновичу Сулержицкому: «Дружище, какой это великолепный театр! Здесь есть актер-комик Эдоардо Скарпетта, он же – директор театра “Меркаданти” и автор всех пьес, которые ставятся в этом театре. Он и его товарищ Делла-Росса – изумительные артисты! Скарпетта идет от Полишинеля – от Петрушки нашего – но как!» [5. С. 252]. По свидетельству, которое приводит в книге «Горький в Италии» Л.П. Быковцева, опираясь на слова писателя А.Н. Тихонова (Сереброва), Скарпетта и его актеры продолжали традицию комедии дель арте, активно используя импровизацию, диалог со зрителем, шутки и комические трюки, соединяя «живую силу народных традиций <...> с современным высоким актерским мастерством» [Там же. С. 253]. Горькому особенно импонировали народный характер итальянской комедии дель арте и сама идея коллективного творчества и импровизации, позволяющей актеру привнести в пьесу собственные представления о тех или иных социальных типах и явлениях.

Идея коллективного импровизационного театра окончательно оформляется в переписке и личных беседах со Станиславским, который в 1911 г. посетил Горького на Капри. В черновом варианте книги А.Н. Тихонова (Сереброва) «Время и люди» описано посещение Станиславским одной из постановок Скарпетты, которая произвела на режиссера сильное впечатление: «– <...> очень признателен, что вы мне это показали! – говорил он Горькому, шагая рядом с ним по темным переулкам Неаполя. – Только теперь я понял, чем была настоящая комедия дель-арте... Наши эстеты сделали из нее манерную пошлость, архивную стилизацию. А на деле – это сама жизнь, народное творчество, особая форма театрального искусства» [8. С. 701]. В отличие от Мейерхольда, воспринимавшего комедию масок как воплощение условного, «театрального» театра, Станиславского в большей степени интересовала иная сторона комедии дель арте – относительная свобода актера и зрителя: освобождение актера от власти текста («актер играет не слова, а смысл и чувства, не мизансцены, а естественные положения» [Там же]) и активная роль публики, которая наряду с автором и актером становится равноправным «элементом» театра [Там же]. Свидетельства неослабевающего внимания к комедии дель арте сохранились в записях Станиславского, сделанных в последующие годы [9. С. 371, 378, 428, 506]. Не ограничиваясь теоретическими размышлениями, режиссер планирует реализовать новые идеи на практике: после визита Станиславского Горький посылает ему для разработки некую «сцену пьяного» и комедию «Встреча», более известную под названием «Дети» [10. С. 226].

Горький прибыл в Италию уже известным писателем и драматургом: к 1906 г. на итальянский язык был переведен ряд повестей и рассказов, пьесы «Мещане» и «На дне» ставились в итальянских театрах [5. С. 11]. Но знакомство с комедией дель арте привносит в драматургию Горького ряд новых черт. Прежде всего, это специфический тип комизма – радостный, «карнавальный» (по Бахтину) смех, присущий народному театру. Эта особенность ярко представлена в пьесе «Дети», которая была написана на Капри около 1910 г. В пьесе, относящейся к редкому в драматургии Горького жанру комедии, присутствуют как словесные шутки, так и мимические сцены фарсового характера, напоминающие так называемые лацци (сценки, основанные на комических трюках и буффонаде и дающие простор для актерской импровизации) – обязательный элемент комедии дель арте: «<Князь> пьет сразу. Изумленно открыл рот и смотрит на всех, часто мигая глазами. Все смотрят на него, радостно улыбаясь. Бубенгоф взял рюмку, понюхал, выпил и – смотрит в потолок. Костя, утомленный речью, отошел к столу и там тоже выпивает. Марья – около него что-то говорит, гримасничая» [11. С. 168]; «Евстигнейка всё чаще приотворяет дверь уборной. Это заметила Татьяна; сначала смутилась, но потом, узнав Евстигнейку, устроила себе развлечение: как только он приоткроет дверь, она открывает рот, точно собирается крикнуть. Евстигнейка – испуганно прячется, Татьяна – хихикает» [Там же. С. 171]. По структуре пьеса далеко отстоит от классических сценариев комедии дель арте, поскольку в ней подробно прописаны диалоги и действия персонажей. Однако учитывая, что Горький отправил текст комедии Станиславскому после их встречи, посвященной обсуждению коллективного импровизационного творчества, можно предположить, что автор все же предусматривал здесь некие возможности для импровизации, если не в диалогах, то, во всяком случае, в мимических сценах.

Отчетливое влияние комедии дель арте прослеживается также в пьесе «Фальшивая монета», первая редакция которой была создана на Капри в 1913 г. Таким образом, замысел пьесы рождается в тот период, когда Горький захвачен мыслями о народном театре, коллективном сценическом творчестве и импровизации. В окончательном варианте пьесы была завершена только в 1926 г. и за свою долгую историю неоднократно переписывалась. Последняя редакция радикально отличается от первой, задумывавшейся как мелодрама: меняется система персонажей, уходит на второй план любовная линия, исчезает мелодраматическая развязка, отчетливее выявляется философский смысл пьесы. Однако сохраняются и даже заостряются черты, свидетельствующие о связи «Фальшивой монеты» с комедией дель арте.

Судя по одному из писем Горького к Н.А. Румянцеву и Т.В. Красковской, написанному в начале 1912 г., изначально «Фальшивая монета» задумывалась как комедия: «Был здесь Стахович Алексей <...> Собираюсь писать для вас, по его наказу, пьесу: в ней будет часовых дел мастер, фальшивомонетчики, настоящий князь, поэт и – боров! Огромный, девять пудов весу, тоже аристократ, йоркширский! Часы бу-

дут, мыши, тараканы, курицы – очень весело! Вообще – постараюсь!

От вас, из России, веет такой тяжелой грустью, таким мраком и общей растерянностью, что поставил я себе целью – да будет вам от меня весело!» [12. С. 69]. Этому замыслу не суждено было воплотиться в жизнь, однако комические элементы играют заметную роль во всех редакциях пьесы: это и ирония Наташи, и прибаутки Бобовой (в первой редакции – Бобихи), и пошлость Глинкина, и комические жалобы Ефимова. В пояснениях, которые автор дает к тексту пьесы по просьбе немецкого переводчика, особо подчеркивается комический характер отдельных персонажей (Лузгина, Ефимова), эпизодов и пьесы в целом [13]. В окончательной редакции пьесы присутствует ряд мимических сцен комического характера в духе комедии дель арте: «Ефимов, нахмурясь грозно, смотрит вслед ему, потом берёт со стола ножницы и наносит ими колющие удары в воздух» [14]; «Лузгин идёт к нему, тихонько посмеиваясь и немного подпрыгивая. Он так забавен, что Ефимов, сначала отступавший от него, остановился, ухмыляясь» [Там же]. Эти эпизоды, так же как и в уже упоминавшейся комедии «Дети», дают повод для актерской импровизации: «Л у з г и н <...> Гимнастика? (Делает правой рукой, с котелком в ней, нелепейшее движение)» [Там же]; «Я к о л л е в <...> Морщится. Снимает с глаз слёзы пальцем, рассматривает их, оттирает палец о колено» [15].

К третьей редакции относится также оставшееся неопубликованным обрамление пьесы: пролог под названием «Любительский спектакль» и наброски сцен – диалогов Лузгина и Наташи, – которые, вероятно, должны были разыгрываться между актами и в качестве эпилога [12. С. 56]. Как отмечает В.С. Нечаева, «рукопись “Любительского спектакля” относится, по-видимому, к 1924–1925 гг., но этот сценический замысел возник, вероятно, значительно раньше. Он связан с идеями Горького, занимавшими его в 1910–1912 гг. и сблизившими его с поисками Станиславского и Сулержицкого в Художественном театре» [Там же. С. 68]. «Любительский спектакль» – это сцена с участием Лузгина, причем он здесь предстает в облике Чёрта, который выходит на сцену и открывает спектакль следующим монологом: «Стремясь к оригинальности, автор решил начать эту пьесу паузой, а я, пользуясь ею, хочу сказать, вам, Мм. Гг. и Гг. <Милостивые государыни и милостивые государи. – Ред.>, несколько слов о нем и его действительных, но скрытых им намерениях. Он, так же как и вы, разумеется, не верит в существование чертей и включил меня в пьесу лишь для того, чтобы оправдать фактом моего участия полное отсутствие смысла и связи в ней...» [Там же. С. 116]. Далее чёрт-Лузгин вступает в перебранку с Режиссером, раздаётся голос Автора, звучат голоса публики, которая вмешивается в действие. Описанная сцена – это, в сущности, попытка реконструкции такой традиционной части комедии дель арте, как пролог (монолог, обращенный к публике и зачастую вовсе не связанный с содержанием пьесы [16. С. 105]). Столь же необходимым элементом комедии дель арте являлись и интермедии между актами пьесы. Предусмотренная в прологе возможность

диалога с публикой и комические элементы пантомимы (например, чёрт, запинаящийся за ковер или путающийся в занавесе [12. С. 116]) также воспроизводят характерные черты комедии дель арте.

Но, пожалуй, самый яркий пример обращения Горького к традиции народного театра – это комическая сцена «Работяга Словотёков», высмеивающая советскую действительность. Пьеса была написана в 1919–1920 гг., уже после возвращения Горького из Италии, но из всего творчества писателя она по формальным признакам наиболее близка к традиции комедии дель арте. «Работяга Словотёков» был поставлен в 1920 г. в Петрограде, в Театре народной комедии, руководителем театра С.Э. Радловым. Из-за сатирического характера пьесы ее сценическая жизнь в Советском Союзе оказалась недолгой, однако она внесла свой вклад в развитие техники комедии дель арте в русском театральном искусстве. По форме она представляет собой короткий, в несколько страниц, сценарий, изображающий бюрократа, который вместо работы занимается демагогией и произнесением бессмысленных речей: «...входит милиционер: – Товарищ, – на углу Лениной улицы лопнула труба водопровода – потоп. <...> – Это ничего, товарищ милиционер. Стоит только нам организовать для энергичной борьбы с разрухой, и всё пойдет прекрасно. Труба – пустяк. Мы ей заткнем глотку, трубе. <...> – Там детский приют без воды сидит... – Это ничего, товарищ, наша Красная Армия скоро возьмет Крым, и мы выйдем к морю» [17. С. 154–155].

Горьковский сценарий построен по тому же принципу, что и сценарий пьес комедии дель арте, в которых прописывалась общая сюжетная канва и отдельные ключевые диалоги, а все остальное придумывали режиссер и актеры в процессе импровизации. Так, явно на импровизацию рассчитана финальная сцена: «Входят с различными просьбами и заявлениями несколько человек сразу, все говорят наперебой. <...> Словотёков начинает речь громко, горячо. Понять ничего нельзя, отчетливо слышны только слова: организация, коллегиальность, концентрация, централизация, рабочая энергия, утилизация, экономика, Маркс, Ма-аркс, империализм, Лапландия, Антанта, Чека, Пе-ка, Це-ка, товарищ» [17. С. 157]. Значительное место в сценарии занимают комические сценки, близкие к такому важному элементу комедии дель арте, как лацци – например, сцена поиска сапога: «...чтобы все делалось быстро, организованно... Сейчас я надену сапог... Ищет сапог – под кроватью, под стульями, под тюфяком, поднимает крышку пианино, смотрит внутрь его, на стены, потолок. <...> – Ага, им самовар вчера раздували... Вышел за дверь, принес сапог, в нем оказались угли, лучина и вода. Изумлен, бормочет: – Кто это вместо самовара сапог ставил? Денатурально» [Там же. С. 155]. К комедии дель арте относится и идея взаимодействия с публикой: «...достает будильник, снова ненавидисто разглядывает его <...> Бросает его в угол, на кресло, хочет лечь, публика шумит, смеется. Словотёков смотрит на нее, протирая глаза, ему кажется, что он видит сон, делает публике страшные рожи, – она шумит еще больше – Словотёков швыряет в нее будильником и ложится» [Там же. С. 154]. Не случайно часть ролей в

пьесе исполняли актеры, имевшие опыт цирковой клоунады: в частности, в роли Словотёкова выступал известный клоун и акробат Жорж Дельвари (сценический псевдоним Г.И. Кучинского).

Влияние итальянского народного театра сказывается не только на структуре действия: персонажи пьесы также конструируются по модели маски комедии дель арте, как персонажи-типы (*tipi fissi*), дающие «комедийную обобщенную характеристику “героя своего времени”» [2. С. 6]: вместо богатого купца или хитрого слуги итальянской комедии XVI в. мы видим характерных представителей раннесоветской действительности – демагога-бюрократа, милиционера, прачку и т.д. В истории комедии дель арте талантливые актеры неоднократно создавали собственные «авторские» маски (известный «исторический» пример – маска Изабеллы, созданная в XVI столетии актрисой Изабеллой Андреини; в XX в. можно вспомнить уже упоминавшегося Скарпетту, создателя комической маски Шошаммокки), однако эти маски, как правило, опирались на уже

существующие, традиционные персонажи-типы. Горький же, пользуясь творческим потенциалом комедии дель арте, создает авторские маски, не имеющие прямых аналогов в итальянской театральной традиции и отражающие реалии иной эпохи.

Отдельные комические элементы сохраняются в ряде других пьес Горького, в том числе и советского периода: образ писателя Мастакова из «Чудаков», шутки Якова из «Старика» и Яропегова из драмы «Сомов и другие», сцена с пожарным-трубачом из «Егора Булычова и других», поведение Троерукова в пьесе «Достигаев и другие». Впрочем, преобладающим в поздней драматургии Горького является не «карнавальный» смех народного театра, а горькая ирония и сатира, лишенная радостного, праздничного начала, присущего итальянской комедии масок. Увлечение комедией дель арте оказывается локальным, но значимым эпизодом творчества писателя: оно не оказывает системного влияния на драматургию М. Горького, но определяет ряд важных структурных особенностей горьковских пьес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербаков В.А. Мотивы итальянской комедии масок в русском режиссёрском искусстве 1910–20-х гг. // Новые российские гуманитарные исследования. Материалы круглого стола «Итальянская драматургия и русский театр на рубеже XIX–XX веков». 2008. № 3. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/122/> (дата обращения: 06.07.2017).
2. Молодцова М.М. Комедия дель арте: история и современная судьба. Л.: ЛГИТМиК, 1990.
3. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. М.: Прогресс, 1991.
4. Мейерхольд В. Э. Балаган // Статьи: Письма. Речи. Беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 1.
5. Быковцева Л.П. Горький в Италии. М.: Сов. писатель, 1979.
6. История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. II, кн. 2.
7. Scarpetta, Eduardo // Enciclopedia italiana. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/eduardo-scarpetta_%28Enciclopedia-Italiana%29/ (дата обращения: 06.07.2017).
8. Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М.: Искусство, 1968.
9. Станиславский К.С. Собраний сочинений: в 9 т. М.: Искусство, 1993. Т. 5, кн. 2: Дневники. Записные книжки. Заметки.
10. Станиславский К.С. Статьи, речи, беседы, письма. М.: Искусство, 1953.
11. Горький М. Дети. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/deti/deti.htm> (дата обращения: 06.07.2017).
12. Былик Б.А., Нечаева В.С. Из творческой истории пьесы «Фальшивая монета» // Литературное наследство. Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 53–118.
13. Горький М. Фальшивая монета. Примечания. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta-primechaniya.htm> (дата обращения: 06.07.2017).
14. Горький М. Фальшивая монета. Сцена первая. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta.htm> (дата обращения: 06.07.2017).
15. Горький М. Фальшивая монета. Сцена третья. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta-3.htm> (дата обращения: 06.07.2017).
16. Миклашевский К. La commedia dell'arte, или Театр итальянских комедиантов XVI, XVII и XVIII столетий. СПб.: Сиріус, 1914.
17. Горький М. Пьесы и сценарии. М.: ОГИЗ, 1941.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 сентября 2017 г.

COMMEDIA DELL'ARTE IN MAXIM GORKY'S SYSTEM OF DRAMATURGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 20–24.

DOI: 10.17223/15617793/423/3

Anastasia V. Golubtsova, Maxim Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: anal294@yandex.ru

Keywords: Maxim Gorky; dramaturgy; commedia dell'arte; scenario; improvisation; mask.

The article deals with the role of *commedia dell'arte* in Maxim Gorky's dramaturgical system. The writer's interest in the "popular" theater is analyzed in the context of artistic dynamics in Russian and foreign theater at the beginning of the 20th century. Maxim Gorky takes an active part in theatrical discussions in Russia, and after his exile in Italy he remains interested in the most burning cultural issues of the epoch. He personally meets Russian and Italian actors, directors and playwrights (Stanislavski, Leonid Andreyev, Eleonora Duse, Roberto Bracco) and admires the performances by Eduardo Scarpetta based on the principles of *commedia dell'arte*. Gorky especially appreciates the very idea of the "popular" theater with its collective creativity and improvisation. The idea of collective improvisational theater takes its final shape during correspondence and conversations with Stanislavski, who urges Gorky to use the principles of *commedia dell'arte* in his own plays. The influence of the "popular" theater becomes most evident in several plays written or conceived in Italy (like "The Reception" and "Counterfeit Money") and in the comic sketch "Workaholic Slovoetkov" (1919–1920). The article is mostly devoted to the analysis of these texts which reveals a number of new features introduced in Gorky's plays by *commedia dell'arte*: a particular type of humor, elements of improvisation and interaction with the

audience, specific ways of creating characters. Such plays as “The Reception” and “Counterfeit Money” (in its different versions) present some typical structural components of *commedia dell'arte*, like the so called “lazzi” (improvised jokes and tricks), constructing characters by the model of *commedia dell'arte* masks, interludes and prologue addressed directly to the audience. “Workaholic Slovotekov”, a brief scenario for improvisation, is the most faithful imitation of *commedia dell'arte* scenarios in Gorky’s work. Some comic elements derived from traditional Italian theater still occur in a number of other Gorky’s plays (including those of the Soviet period, like “Somov and Others”, “Yegor Bulychov and Others”, “Dostigayev and Others”), although instead of the “carnavalesque” humour of “popular” theater there is mostly sharp satire and bitter irony, uncharacteristic of *commedia dell'arte*. Thus, interest towards *commedia dell'arte* constitutes a small but significant episode in the writer’s work: it does not influence Gorky’s dramaturgy in a systemic way but determines a number of important structural features of some Gorky’s plays.

REFERENCES

1. Shcherbakov, V.A. (2008) Motivy ital'yanskoy komedii masok v russkom rezhisserskom iskusstve 1910–20-kh gg. [Motives of the Italian comedy of masks in the Russian director art of the 1910s–1920s]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://www.nrgumis.ru/articles/122/>. (Accessed: 06.07.2017).
2. Molodtsova, M.M. (1990) *Komediya del' arte: istoriya i sovremennaya sud'ba* [Commedia dell'arte: history and modern destiny]. Leningrad: LGITMiK.
3. Pavi, P. (1991) *Slovar' teatra* [Dictionary of the theater]. Translated from French by Bazhenova, L., Bakhta, I., Vasil'eva, O. et al. Moscow: Progress.
4. Meyerhol'd, V.E. (1968) Balagan [Balagan]. In: Rostotskiy, B.I. (ed.) *Stat'i: Pis'ma. Rechi. Besedy: v 2 ch.* [Articles: Letters. Speeches. Conversations: in 2 pts]. Part 1. Moscow: Iskusstvo.
5. Bykovtseva, L.P. (1979) *Gor'kiy v Italii* [Gorky in Italy]. Moscow: Sov. pisatel'.
6. Andreev, M.L. et al. (eds) (2010) *Istoriya literatury Italii* [History of literature in Italy]. Vol.2, Book 2. Moscow: IWL RAS.
7. Enciclopedia italiana. (n.d.) *Scarpetta, Eduardo*. [Online] Available from: http://www.treccani.it/enciclopedia/eduardo-scarpetta_%28Enciclopedia-Italiana%29/. (Accessed: 06.07.2017). (In Italian).
8. Grigor'ev, A.P. & Shchirin, S.V. (eds) (1968) *Mariya Fedorovna Andreeva: Perepiska. Vospominaniya. Stat'i. Dokumenty. Vospominaniya o M.F. Andreevoy* [Maria Fedorovna Andreeva: Correspondence. Memories. Articles. Documentation. Memories of M.F. Andreeva]. Moscow: Iskusstvo.
9. Stanislavski, K.S. (1993) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. Vol. 5, Book 2. Moscow: Iskusstvo.
10. Stanislavski, K.S. (1953) *Stat'i, rechi, besedy, pis'ma* [Articles, speeches, talks, letters]. Moscow: Iskusstvo.
11. Gorky, M. (1910) *Deti* [Children]. [Online] Available from: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/deti/deti.htm>. (Accessed: 06.07.2017).
12. Byalik, B.A. & Nechaeva, V.S. (1965) Iz tvorcheskoy istorii p'esy “Fal'shivaya moneta” [From the creative history of the play “Counterfeit Money”]. In: Borshchukov, V.I., Timofeev, L.I., Trifonov, N.A. & Rozenblyum, L.M. (eds) *Literaturnoe nasledstvo. Iz tvorcheskogo naslediya sovetskikh pisateley* [Literary heritage. From the creative heritage of Soviet writers]. Moscow: Nauka.
13. Gorky, M. (1913) *Fal'shivaya moneta. Primechaniya* [Counterfeit Money. Notes]. [Online] Available from: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta-primecha-niya.htm>. (Accessed: 06.07.2017).
14. Gorky, M. (1913) *Fal'shivaya moneta. Stseny pervaya* [Counterfeit Money. Scene 1]. [Online] Available from: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta.htm>. (Accessed: 06.07.2017).
15. Gorky, M. (1913) *Fal'shivaya moneta. Stseny tret'ya* [Counterfeit Money. Scene 3]. [Online] Available from: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pesy/falshivaya-moneta/falshivaya-moneta-3.htm>. (Accessed: 06.07.2017).
16. Miklashevskiy, K. (1914) *La commedia dell'arte, ili Teatr ital'yanskikh komediantov XVI, XVII i XVIII stoletiy* [La commedia dell'arte, or Theater of Italian Comedians of the 16th, 17th and 18th centuries]. St. Petersburg: Sirius’.
17. Gorky, M. (1941) *P'esy i stsenarii* [Plays and scenarios]. Moscow: OGIZ.

Received: 03 September 2017

ХИТРЫЙ И ХИТАР В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматривается стереотипное представление о человеке, характеризующееся как хитрый, вербализуемое в двух славянских языках. Анализируются словарные дефиниции, контексты употребления прилагательных в двух языках, устойчивые выражения с исследуемыми единицами, результаты проведенного анкетирования русских и сербов. Отмечается значительное различие существующих стереотипных представлений, обусловленное расхождением в развитии семантики праславянского *chytъrъ в древнерусском и сербском языках.

Ключевые слова: стереотипное представление; языковая картина мира; лингвокультура; прилагательное; устойчивое сравнение.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении стереотипного представления о человеке, которого называют *хитрый* и *хитар* в русском и сербском языках соответственно, существующем в языковом сознании представителей русской и сербской лингвокультур.

Под *языковым сознанием*, вслед за А.А. Леонтьевым, в данной статье понимается образ мира той или иной культуры, который представляет собой «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [1. С. 39].

В работах польского лингвиста Е. Бартминьского языковой стереотип рассматривается как часть языковой картины мира и понимается как «суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [2. С. 136]. Под *стереотипным представлением* в нашем исследовании понимается «устойчивая в национальном языковом сознании “мыслительная картинка”, соответствующая восприятию данного фрагмента картины мира представителями лингвокультурного сообщества» [3. С. 136].

В настоящее время феномен стереотипа является актуальной проблемой исследования и находится в центре внимания представителей разных наук: социологов, психологов, когнитологов, этнографов, лингвистов. Ученые акцентируют те свойства данного феномена, которые характерны для их области исследования. Соответственно, выделяются социальные, ментальные стереотипы, стереотипы общения и др. Для лингвокультурологии характерно изучение этнокультурных стереотипов. Предметом исследования становятся стереотипные представления об окружающем мире, например о географических объектах [4–7 и др.], человеке [8–12 и др.]. Анализ проводится как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте, на современном и историческом языковом материале. Исследуются лексико-фразеологические средства, вербализующие то или иное стереотипное представление: метафоры, коннотации этнонимов, фразеологизмы. Основными методами, используемыми

ми в подобных работах, являются метод эксперимента (чаще ассоциативного) или контекстуальный анализ.

Новизна данного исследования заключается в предлагаемой методике, включающей несколько этапов анализа – на уровне языковой системы (анализ лексикографических источников двух языков); дискурса (анализ контекстов употребления прилагательного в художественной литературе, публицистике и записях устной речи) и непосредственно языкового сознания (посредством проведения анкетирования носителей русского и сербского языков с просьбой выполнить задания, требующие языковой рефлексии). Кроме того, впервые сопоставляется стереотипное представление о хитром человеке в двух родственных славянских языках. Критериями стереотипности представления являются: фиксация в толковых словарях национального языка соответствующей дефиниции, актуализация семантики прилагательного в дискурсе, наличие типичной сочетаемости, метафор, вербализация во фразеологических единицах (особенно показательными являются устойчивые сравнения), учитывается частотность ответов информантов.

Хитрый в языковом сознании носителей русского языка. Значение общеславянского по происхождению прилагательного *хитрый* применительно к характеристике человека толковые словари русского языка определяют следующим образом: ‘скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.; лукавый’ [13. С. 600]; ‘изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями’ [14. С. 1063]. Слово зафиксировано уже в древнерусских текстах XI в. Древнерусское прилагательное *хитрый* было полисемантически и означало ‘искусный; творческий; сведущий; мудрый; разумный; хитрый’ [15. С. 1430–1431].

На сайте «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) [16] представлено около 2 000 контекстов употребления прилагательного *хитрый*, что позволяет считать материал исследования достаточным по объему, чтобы делать на его основе определенные выводы.

Представленные в материалах НКРЯ контексты функционирования леммы показывают, что *хитрый* часто используется вместе с такой чертой интеллекта, как *умный*. Например: «Так вот, *умный и хитрый* Явлинский, уже заранее зная о методах проверки, во-первых, сдал три миллиона подписей, а во-вторых,

разместил их в папках, каждая из которых содержала всего по пятьдесят подписей» [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]; «Умный, хитрый, оборотистый Кали-та (это его прозвище – «мешок с деньгами»), умело обращаясь с ордынскими ханами, умножил свою личную и московскую казну» [Лариса Васильева. Озарённая // «Наука и религия». 2011]. Ср. также: «Человек не столько умный, сколько хитрый, привыкший лгать и интриговать, Шуйский боялся всего нового» [Т. Дорошенко. Преодоление «великой разрухи» русского государства. Ополчение 1611 и 1612 годов // «Наука и жизнь». 2006]; «Как все люди ограниченного ума, он сделался в эти летние месяцы необыкновенно хитер; эта хитрость подсказала ему, что надо пойти в свой прежний дом и попытаться устроиться на жительство» [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]. Эти два прилагательных или употребляются как рядоположенные, дополняющие друг друга, или хитрость расценивается как компенсация недостатка ума.

Хитрый может означать и такую характеристику человека, как «себе на уме»: «Игорь Горкин, умный, хитрый, себе на уме паренек, мог и сподличать» [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]. Фразеологизм *себе на уме* имеет в русском языке значение 'скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений' [17. С. 494].

В ряде случаев актуализируется и такая характеристика интеллекта хитрого человека, как изобретательность. Часто это подчеркивается конкретизацией – *хитрый на выдумку (на выдумку хитер)*, например: «Кто-то хитрый на выдумку перекинул дощатый мосток между откидными столиками, что крепились по разные стороны каждый у своего окна» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001]; «Наш народ на выдумку хитер и найдет способ обойти закон» [Дмитрий Рункевич, Светлана Субботина. Депутаты сделают «иностранными агентами» и СМИ // «Известия». 2012.07.16]. Ср. также пословицу *Голь на выдумки хитра* [18. С. 196]. См. употребление прилагательных *хитрый* и *изобретательный* в одном контексте: «Но это не значит, что у Брежнева не было сильных сторон; он был особенно искушен, даже изощрен, хитер и изобретателен в аппаратной борьбе» [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Таким образом, хитрый как свойство личности в большой степени характеризует интеллектуальные способности. Чтобы быть хитрым, нужно быть умным, изобретательным или компенсировать недостаток интеллекта изворотливостью и преднамеренным обманом в поведении. Не случайно в русском языке существует поговорка *Хитрость – второй ум*.

В русском языковом сознании существуют этнические стереотипные представления относительно того, что хитрость как свойство личности в большей степени присуща представителям таких национальностей, как еврей и украинец (хохол). Ср., например, подтверждающие эти стереотипы контексты из НКРЯ: «Главврач прокашлялся: хитрый еврей явно знал об их семейной жизни несколько больше, чем положено постороннему человеку» [Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)]; «В Махачкале, к примеру, на

полном серьезе рассказывают, что за мэром постоянно ходит некий хитрый еврей, который учит его, как лавировать между криминалом и государством» [Дмитрий СТЕШИН, Александр КОЦ. Как была устроена империя кавказского «Кровавого Рузвельта» // «Комсомольская правда». 2013.06.10]; «Хитрый хохол навешал ему лапши о том, что по указанию сверху в объединении “Сибнефтегазпереработка” готовится решение о разведении термитов на низкотемпературном тепле компрессорной» [Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.06.23]; «Ещё один пример такого нового типа госслужащих – это Кашей Онищенко, грубиян, спокойно гнувший свою линию, хитрый сын украинского народа, умеющий великолепно модулировать даже свой шёпот, злой и самоуверенный, сделавший оружием России вино и минеральную воду, сметану и морепродукты» [Эдуард Лимонов. Генерал // «Известия». 2013.06.17].

Как качественное прилагательное *хитрый* сочетается с наречиями, определяющими степень – можно быть *очень хитрым* или *в меру хитрым* (что говорит о наличии в языковом сознании представления о некой негласной норме хитрости): «Случайно вознесенный на свою должность, с элементами мании величия, не лишенный, однако, способностей, умный и *очень хитрый* Воробьяненко понимал, что его настоящее и будущее целиком зависит от Жукова» [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]; «О нем ходило множество легенд... но после того, как вышла и выдержала ряд изданий написанная Сафоновым книга, перед публикой предстал заурядный господин с пышными бакенбардами, в меру честный, *в меру хитрый*, в меру образованный» [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)].

Хитрый, по материалам НКРЯ, имеет амбивалентную оценку. Это свойство личности может оцениваться положительно, ср. в одном ряду с другими прилагательными, положительно характеризующими человека: «Над умами художников властвовал тогда Левицкий – хитрый и добродушный украинец, создавший гениальные портреты кавалеров и дам екатерининской эпохи» [К.Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)]; «Хитрый и трезвый крестьянин Диокле-тиан никогда не доверял горожанам» [Сергей Смирнов. Было первое лето Господне... // «Знание – сила», 2003]; «И – человек неглупый, хитрый, волевой и очень честлюбивый» [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Оценка рассматриваемого свойства личности зависит от ситуации: «Хитер и храбр / это и достоинства / и недостатки / в зависимости от ситуации» [Александр Алов и др. Бег, к/ф (1971)].

Однако в большинстве контекстов НКРЯ прилагательное *хитрый* имеет отрицательную оценку. Например, употребляется в одном ряду с прилагательными, отрицательно характеризующими человека: «Этот свидетель – повторник, наглый, хитрый тип, в карцере у нас сидел два раза, можно было предвидеть, как он ответит» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]; «В старшем, боссе, проявится хитрый и жадный жлоб, а в младшем чи-

татель угадает наивного романтического дурака» [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]; «Для сограждан – человек *хитрый, жестокий, беспринципный*, как, впрочем, большинство его коллег по цеху» [Галина Сидорова. Новая маска олигарха (2003) // «Совершенно секретно». 2003.02.06]. Эксплицитно однозначно отрицательная оценка прилагательного выражена в следующих контекстах: «С пяти лет я усвоила простую истину: в потасовке побеждает не сильный, а *хитрый* и изворотливый, умеющий *ударить или уцелить в самое незащищенное место*» [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]; «Бумаги опрокидывали все расчеты Пети и самого его выставляли по меньшей мере дурачком, потому что ничего-то он не понял и не понимал, а уж подполковнику надо срочно подыскивать другой псевдоним, не болтун он и пьяница, а *хитрый и жестокий зверюга*, который вот-вот сорвется с цепи и поведет за собою стаю хищников» [Анатолий Азольский. Глаша // «Новый мир». 2003]; «Саша присмотрелся к этим истерикам – и на митингах, и в случайных драках, когда Олег разгонял непереносимое им на дух дворовое быдло, – и понял, что парень этот *хитрый*. Даже *неприятно хитрый, словно зверина последняя*» [Захар Прилепин. Санька (2006)]. Следует отметить, что при яркой отрицательной маркированности прилагательного номинируемое свойство личности часто сравнивается с характеристикой хищного животного, зверя.

Прилагательное *хитрый* выступает в русском языке в качестве основания устойчивого сравнения *хитрый как лиса (как лис, лисица)*. См. в материалах НКРЯ: «Ну я не могу / это я так просто / говорили / что он очень порядочный / нормальный человек / очень *хитрый* / как *лиса* / очень умный / очень умный» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение». 2003]; «Старший Чавес был не только опасный панчер, он был *хитер как лис* и коварен как змея» [Владимир Гендлин-младший. Сын мексиканской легенды выиграл в 44-й раз // «Известия». 2011.11.20]; «Самое, конечно, обидное, что певец вампиров и лисиц оказался амбивалентен, как вампир, и тем самым *хитер, как лисица*, – ему ведь даже нерукопожатность так сразу не припаяешь (ничего, припаяют еще!)» [Дмитрий Юрьев. Заложник времени // «Известия». 2013.04.05]. См. также с расширением состава устойчивого сравнения, усиливающим его интенсивность: «–Напрямую нет. Касторский *хитер как сто тысяч лис*. Он развращает душу» [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)].

В русском языке присутствует и метафорическая характеристика человека – *хитрый лис* (53 примера употребления в НКРЯ), *хитрая лиса* (34 примера в НКРЯ), например: «Глядишь, тогда бы Глеб переселился в отцовскую хату, но здесь уже пахнет утопией, убо пашка – *хитрый лис*, похоже, не собираются уступать свое гнездо под солнцем» [Дарья Симонтова. Сорванная слива (2002)]; «Председатель месткома – *хитрая лиса* – оказывался милашкой, если хлопотал за её комнату, псих главреж становился талантом, если хвалил её на репетиции» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]. Ср. также такие харак-

теристики, как *хитрый бес, хитрый черт, хитрый дьявол*. Например: «Я же спущен на время и до света-зари – ночью не пустят, а быть в городе скоро надобно – дела, вишь, много с головой Яцыным: *хитрый бес*, и, кабы не бражник был и не столь жадный на корм, угонил бы меня в Москву в пытошную... [А.П. Чапыгин. Разин Степан (1927)]; «*Хитрый, черт*, – думал он, повесив трубку. – Не зря хозяин предупреждал, что ас из асов» [Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)]; «Душою, вот чем он брал, *хитрый дьявол!*» [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)].

Прилагательное *хитрый* может употребляться в русском языке для характеристики взгляда, выражения лица человека. В этом случае оно выступает в значении 'выражающий хитрость, лукавство' [13. С. 600]. Например: «*Взгляд*, правда, он имел мужичий – и *хитрый*, и тупой, и скрытный, и живой одновременно» [Александр Иличевский. Матисс // «Новый мир». 2007]; «Спокойная улыбка, *хитрый* раскосый *глаз*, посматривающий на меня загадочно» [Алексей Буданов. Бангкок за один день // «Пятое измерение». 2003].

Таким образом, контекстуальный анализ позволяет заключить, что в материалах НКРЯ в целом актуализируется семантика прилагательного, представленная в толковых словарях русского языка, но дополнительно эксплицируются семы 'умный' и 'изобретательный'. Существует негласная мера хитрости, в соответствии с которой русское языковое сознание оценивает человека как более или менее хитрого. При амбивалентной оценочности прилагательного отрицательная оценка в контекстах НКРЯ превалирует. Существует устойчивое мнение о большей хитрости евреев и украинцев. Стереотипное представление о хитром вербализуется также устойчивыми сравнениями *хитрый как лиса (как лис, лисица)*, а также рядом метафор: *хитрый лис, хитрая лиса, хитрый бес, хитрый черт, хитрый дьявол*.

Для верификации результатов, полученных в результате анализа материалов сайта НКРЯ, нами был проведен опрос носителей русского языка. В качестве информантов выступили 100 человек в возрасте от 20 до 75 лет, проживающих в Санкт-Петербурге. Респонденты имели высшее или не законченное высшее образование (большинство – гуманитарное). Среди опрошенных было 56 лиц женского пола и 44 – мужского. Информантам было предложено заполнить анкету, время выполнения задания было ограничено 10 минутами. Анкета включала в себя 2 вопроса:

1. Если Вы услышали, что кого-то называли *хитрым*, это для Вас (поставьте «+» в нужной рубрике):
 - а) положительная характеристика;
 - б) отрицательная характеристика;
 - в) может быть и а) и б) в зависимости от ситуации;
 - г) нейтральная характеристика.
2. Напишите, пожалуйста, словосочетания с прилагательным *хитрый*.

Результаты оказались следующими: 89 человек ответили, что *хитрый* является положительной или отрицательной характеристикой человека в зависимости от ситуации; 10 человек отметили, что *хитрый* – это отрицательная характеристика; один человек определил прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности.

Что касается словосочетаний, то лидирующими оказались атрибутивные словосочетания с наименованиями лиц: *хитрый человек* (самое частотное, 53 реакции), *хитрый мальчик* (10), *хитрая женщина* (10), *хитрая девушка* (5), *хитрая девочка* (5), *хитрый мужчина* (5), *хитрый мужик* (2), *хитрая баба* (2), *хитрый ребенок* (2), *хитрый малыш*, *хитрый малый*, *хитрый проказник*, *хитрый тип*, *хитрый политик*, *хитрый студент* (по 1 реакции).

Из сочетаний с этнонимами встретились только *хитрый еврей* (15) и *хитрый хохол* (16).

Следует также отметить экспрессивные оценочные высказывания: *Ну и хитер же ты!* (4); *Ну ты и хитрый!* (3); *Больно хитрый* (3) и *Хитрая зараза!* (2).

Частотны в ответах информантов и устойчивые сравнения *хитрый как лиса* и *хитрый как лис* (21 и 15 реакций соответственно). В анкетах встретилось также сравнение *хитрый как сто китайцев* (7 реакций). *Хитрый лис* и *хитрая лиса* встретились 40 и 20 раз соответственно. Информанты привели также такие характеристики, как *хитрый дьявол* (8), *хитрый черт* (7) и *хитрый бес* (5).

Из устойчивых выражений необходимо отметить *хитёр бобёр* (4), *дурное дело не хитрое* (4), *Хитрый Митрий* (3), *хитрее хитрого* (3).

Из словосочетаний, вербализующих значение 'выражающий хитрость', самым частотным является *хитрый взгляд* (56), на втором месте – *хитрая улыбка* (35), затем по мере убывания частотности следуют *хитрое лицо* (20), *хитрый вид* (15), *хитрое выражение лица* (7), *хитрый прищур* (3), *хитрая усмешка* (2), *хитрая ухмылка* (2), *хитрые глаза (глазки)* (2).

Гендерных и возрастных различий в ответах информантов нами отмечено не было.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в отличие от материалов сайта НКРЯ отрицательная оценка прилагательного не является доминирующей. Носители языка считают ее ситуативной. Хитрым, по данным полученной сочетаемости, может быть человек любого пола, чаще взрослый. Информанты выделяют евреев и украинцев как национальности, в большей степени отличающиеся хитростью, других этнонимов, сочетающихся с прилагательным *хитрый*, приведено не было. Устойчивые сравнения и метафоры, зафиксированные в анкетах респондентов, совпали с данными контекстуального анализа. Анкетированные привели также фразеологизмы, свидетельствующие о стереотипизации исследуемого представления. Что касается использования прилагательного для характеристики внешнего облика человека, то лидирующим оказалось словосочетание *хитрый взгляд*, но информанты привели более широкую сочетаемость прилагательного с существительными, чем в материалах НКРЯ, – *улыбка, лицо, прищур, усмешка*.

Таким образом, стереотипное представление о хитром человеке в русском языковом сознании выглядит следующим образом: это наделенный интеллектом человек, умеющий оценить актуальную ситуацию и действовать в соответствии с ней, преследуя свою личную выгоду. Часто такой человек отличается изобретательностью. Хитрым может быть лицо любого пола, чаще взрослый человек. Прилагательное

обычно выступает в роли предиката. Амбивалентно с точки зрения оценочности. Отрицательная или положительная оценка этого свойства личности зависит от ситуации употребления номинирующего его прилагательного. Эталонами хитрости в русской языковой картине мира являются лиса, бес (дьявол, черт), поэтому существуют сравнения и метафоры с этими единицами. Этническими стереотипами русских являются представления о большей хитрости таких национальностей, как еврей и украинец (хохол).

Хитар в языковом сознании носителей сербского языка. Прилагательное *хитар* толковые словари сербского языка определяют следующим образом (здесь и далее перевод наш. – Авт.): 1. «1) быстрый; 2) ловкий, сообразительный» [19. С. 732]. 2. «1) быстрый, быстро передвигающийся; 2) оборотистый» [20. С. 866]; 3. «1) а. Быстро передвигающийся, проворный, оборотистый, ловкий; б. Делающийся быстро. ~ шаг, ~ движение; 2) сообразительный; фраз. *хитра ума*» [21. С. 1466]. В словаре синонимов приведены два значения: 1) «быстрый» [22. С. 70]; 2) «умный» [Там же. С. 237].

Для данного исследования мы проанализировали 436 контекстов употребления прилагательного *хитар*. Примеры отбирались из текстов художественной литературы и публицистики, на сайте «Национальный корпус сербского языка» (далее – НКСЯ) [23].

Рассмотренные контексты функционирования прилагательного *хитар* в сербском языке показывают, что чаще всего оно используется для характеристики человека в значении 'быстрый, быстро, легко и ловко передвигающийся'. Например: «*Хитра* младеж поскочи од совре и поче упрезати и зауздавати добре коње» [Ј. Веселиновић, Хајдук Станко]; «То је некад био *hitar* čovek, pokretljivih i živih očiju, a sada je vukao noge i bio je upalih obraza» [D. Kiš, Grobnica za Borisa Davidovića]; «Ти си била жива, брза, *хитра*, а твоја мати повучена, сува, увек се склањала и била у бризи» [Б. Станковић, Из старог јеванђеља и стари дани]; «Јанко је био вјештији и *хитрији*, али у онога бјеху штоно ријеч гвоздене очи» [С. Матавуљ, Ускок Јанко].

Во всех представленных контекстах, как видим, *скорост* и *быстрота* оцениваются положительно, хотя в сербской лингвокультуре эти качества не всегда имеют исключительно положительную оценку. Ср. пословицы: *хитар одвише срећу прескаче, хитња је вражју посао, што је брзо, то је и кусо*.

Прилагательное *хитар* в значении 'быстрый, ловкий' используется весьма часто в современном спортивном дискурсе для положительной характеристики спортсмена (преимущественно футболиста). Например: «Био је веома продоран и *хитар* играч. Посебно расположен био је у мечевима са највећим ривалима Хајдуком, Динамом и Партизаном» [Moja Crvena Zvezda. 2000]; «Бабовић је пун идеја, брзо мисли, хитар је, продоран» [Политика. 21.07.2006]; «У кључним тренуцима Бранислав Ивановић и Душко Тошић нису били у стању да изађу на крај са *хитрим* шведским нападачима» [Политика. 20.08.2000]; «Веома расположени за игру су били *хитри* фудбалер Манчестер ситија, Сун Ђихаи по десној, и Сун Шијанг по левој страни» [Политика. 14.11.2005]. В спортивном

дискурсе встретился и рифмованный сравнительный оборот с именем собственным футбольного нападающего. Например: «Ја сам *хитар* ко *Мркела Митар*, Лепа слика кад бране Беара и Дика» [из гимна болельщиков «Црвеной Звезды». Новости, 2000].

Прилагательное *хитар* употребляется в значении 'оборотистый, ловкий, сноровистый' при оценке качества профессиональной деятельности, работы, ремесла. Ниже представлены контексты, где *хитар* используется для положительной характеристики котельщика, ткачи, официанта: «Казанџија је морао да буде веома *хитар* јер је његова делатност везана с ватром» [Stari zanati. 105]; «И преља треба да буде *хитра*, да увија нит, преде брзо као што је брза змија» [Гласник етнографског музеја у Београду, Књ. 22–23. 1960]; «Иза келнераја стоји обично келнерче или „ћелер“ <...> *Хитар* је, услужан, очи му играју као на зејтину» [С. Сремац, Лумунаџија на селу].

Большинство проанализированных контекстов функционирования прилагательного *хитар* в сербском языке, показывают, что это прилагательное входит в компонентный состав сравнительных оборотов, имеющих значение 'быстрый, проворный, прыткий, ловкий'. Среди эталонов сравнения употребляются зоонимы. Наиболее частотным является зооним *зец* (заяц). Например: «Скочио је из цегера и, *хитар као зец*, дао се у трк преко поља» [Крстарица. 2016]. Следует отметить, что устойчивое сравнение *хитар као зец* в значении 'очень быстрый' фиксируется фразеологическими словарями сербского (сербохорватского) языка только с прилагательным-синонимом *брз*: *брз као зец* [24. С. 82]; *brz kao zec* [25. С. 782]. Отметим, что в сербской лингвокультуре зайцу преимущественно приписываются такие качества, как скорость и трусость, что отразилось во фразеологии: *брз као зец*, *јурити као зец* и *страшљив (плашљив) као зец*. Согласно старинному сербскому заговору ангелы просят у Бога даровать больному «скорость как у зайца, ловкость как у выдры, здоровье как у собаки» [26. С. 14]. Гораздо реже в сербской лингвокультуре зайцу приписываются такие качества, как *ум*, *хитрость*, *опыт*. Ср.: ФЕ *стари зец* – 'искушенный, опытный человек, которого трудно обмануть, провести' [27. С. 37].

Следующим по частотности эталоном сравнения является *јелен (кошута)*. Например: «Младић пун лепоте и вредности ине Радомир именов, од давне старине, здрав и *хитар као јелен у гори*» [Даница Илirsка, Људевит Гај. 1838]; «Власи су *хитри као кошуте* и силазе са брда да пљачкају и пустоше...» [Матица српска. 2002]. Образ оленя как быстрого животного отражен и в популярной песне Дж. Балашевича, где говорится о юных годах двух товарищей: «И сећамо се дана кад смо још били дивљи, *к'о јелени хитри*» [Ђ. Балашевић. Мој друг из детињства].

В качестве эталона сравнения выступают и наименования других животных, например *выдры*: «То је петао из најсиромашније куће, мршав, а *хитар и окретан, к'о видра*» [Светолик Ранковић, Приповетке]; «И без мреже вешти и *као видре хитри* риболовци голим рукама хватају сребрне карасе, вретенасте штукe и мрке сомчиће који се крију у речици»

[Политика. 20.08.2000]; «А морнари *хитри као видра*, међу звезда побацили сидра» [Т. Чолак, Лелечу звона дечанска].

Встречаются и необычные для сербской языковой картины мира эталоны сравнения. Так, к примеру, в современной юмористической пародии, написанной в духе эпической песни десятисложным стихом, ретивость и прыть известного сербского героя Королевича Марко сравнивается с *пумой*: «Ту стадоше Јапанци да скачу, Двој'ца к ножу, трој'ца к верном мачу, Ал' су, љути, сметнули са ума Да је Марко *хитар као пума*» [Краљевић Марко и самураји. 02.09.2016].

Среди эталонов сравнения встречаются и наименования двух птиц – *воробья* и *ласточки*. Сравнительный оборот *хитар као ластавица* встречаем еще в сербском эпосе, в известной колыбельной песне «Мајка Јову у ружи родила», в которой говорится о пожелании матери, чтобы ее младенец, когда вырастет, был «румяный как роза, белый как белая вила (сербская горная русалка), трудолюбивый как пчелка, быстрый и ловкий как ласточка»:

«Нек' је румен к'о ружа румена,

Нек' је бео као бела вила,

Нек' је радан к'о пчела малена,

Нек' је *хитар као ластавица!*» [Maјka Jovu u ruzi rodila. 2000].

В известном стихотворении Й.Й. Змаја также обыгрывается этот образ. Нахваливая скорость своего коня при продаже, хитрый цыганский торговец сравнивает его с ласточкой: «Гледаш је ли мога коња, господару стари, Не знаш је л' коњ ил' птица ластавица...» [J.J. Змај, Циганин хвали свога коња].

Сравнительный оборот *хитар (брз, лак) као врабац*, также не фиксируется словарями как устойчивое сравнение. Это выражение относится к старинной сербской рождественской традиции. Согласно записям В.С. Караджича, у сербов существовал обычай на Рождество с утра разговляться мясом дичи – зайца или воробья. Мясо воробья заготавливали еще во время поста, сушили, а затем ели, чтобы быть «*хитри као врапци*». Этот обычай был распространен в различных южных областях, населенных сербами. Часто воробья запекали внутри рождественского поросенка (*божићна печеница*) и утром на Рождество ели, считая, что в течение всего года будут «легкими и выносливыми, как воробьи» [28. С. 255]. Например: «И брзо ми износи делове од осушеног врапца да од њега прво окусим, како бих целе године био *лак, као што је врабац*» [Б. Станковић, Наш Божић]; «Са претходно на мразу сушеным, а затим печеним *врапцима* почиње такозвани мрс после Божићног поста, а верује се да ће они који их једу бити *лаки и хитри као они*» [Telegraf. 2015].

Сербская мифология отразилась в сравнительных оборотах *хитар као вила* и *хитар као змај*. Здесь эталонами сравнения выступают мифологические существа из народных сказок и эпических песен, награжденные способностью быстро двигаться, летать. Например: «Њом се диже до облака, Човек *као хитра вила!*» [Нови сербски летопис за 1841, ч. 2, год. 15, књ. 55]; «Градишанци *хитри као виле* лете напред за Сремцима, и никоме пардона не даду, што

сустигну, на земљу оборе» [Српски летопис, Матица српска. Т. 13]; «Раденице мио, увек си ми био, и на послу и у колу *хитар као змај!*» [Крстарица. 2016].

В компонентный состав ряда сравнительных конструкций с прилагательным *хитар* входят имена существительные, обозначающие природные явления, такие как *молния, ветер, вихрь*. Например: «Вредан, *хитар као муња*. Свуд се нађе да помогне, свуд стигне и све му иде од руке» [С. Божовић, Теби, моја Долорес]; «Осети како од ње бива све прозирнији, све тањи, као *ветар лак и хитар*» [Г. Олујић, Седефна ружа и друге бајке]; Бекство му никако не би успело да га није сачекао Зечко, који као да је тачно знао где и кад да га чека, а онда га понео, *хитар као вихор* [Крстарица. 2015].

Частотными являются устойчивые сравнения с компонентом *стрела* (чаще с прилагательным *брз*): «Ја сам зека Пера, *брз сам као стрела*, моје ноге баш су брзе и зато ме многи мрзе» [Л. Тасић, Корњача и зец]. Также среди эталонов сравнения встретились *пуля* и *юла*. Например: «Сад ми нуде рјечник бабајагиних рјечи. Сличне су формулицама, али тренутне и *хитре као метак*» [А. Брндарић, Зимски сан]; «*Хитар као чигра*, увјек спреман да се послужи гегом из цртаног филма или стрипа...» [Enciklopedija, stripovi].

Прилагательное *хитар*, как уже было отмечено, характеризует и интеллектуальные способности человека: ум, ловкость, изобретательность, сообразительность. Употребленное в этом значении, оно подчеркивает способность кого-либо быстро думать и реагировать, принимать мудрые, оригинальные решения. Например: «У највећем делу песме Милош Војиновић је приказан као човек из народа, чобанин. Он је *хитар*, лукав, домишљат, неустрашиво безбрижан и помало шерет, као и познати омиљени ликови из народних приповедака» [Artnit. 2015].

В стереотипное представление сербов о *хитром* человеке входит и такая черта, как немногословность, умение прислушаться к другим, мудрость (ср. пословицу *хитар воли шта чути, а тих говорити*). Приведем пример, где в прилагательном *хитар* сема 'мудрый' выступает на первый план. Известная евангельская цитата «Будьте мудры как змеи и кротки как голуби» (Мт. 10, 16) в переводе В.С. Караджича и в синодальном переводе Библии передана следующим образом: «Будите мудры као змије и безазлени као голубови». Однако встречаются и такие свободные цитирования: «Ево, шаљем вас као овце усред вукова. И будите *хитри као змије* и безазлени као голубови»; «Будите *лукави као змије* и добри као голубови» [Svetosavlje. 2016].

Чаще всего семы 'ум', 'мудрость' актуализируются с помощью ФЕ *хитра (хитрог) ума, хитре памети*. Например: «Била три брата... најмлађи је био необичан, не само зато што му је лево раме било ниже од десног, па га вршњаци прозваше Грбом, већ и због *хитре памети* и силне радозналости» [Грбо и краљ Ђаволски, Српска народна бајка]; «А ја виђу да си ти *хитре памети*, и да умијеш добро и мудро зборити, би ли, дакле, пошао са мнош к томе краљу, еда би ми како ђевојку испросио?» [Краљ и чобанин, Српска народна бајка]; «Rusija na svom čelu konačno ima

državnika koji je okupiran isključivo rešavanjem realnih problema. Čoveka *hitrog uma* i velike pronetljivosti, krajnje uravnoteženog i obazrivog» [Вести. 2016.17.11]; «Они не крију да су, углавном, импресионирани Милошевићевим реторичким умећем, *хитрим умом* и логичким закључивањем <...>» [NIN. 2002.28.02].

Проанализированные примеры из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов сайта НКСЯ были сопоставлены с данными проведенного нами анкетирования. Опрос проводился среди 100 носителей сербского языка в возрасте от 20 до 75 лет (54 женщины и 46 мужчин), проживающих в Белграде, Новом Саде, Косовской Митровице, Баня Луке, Никшиче. Информанты имели высшее (48 человек) или незаконченное высшее гуманитарное образование (52 человека). Вопросы и условия заполнения анкеты были такими же, как у российских респондентов.

Были получены следующие результаты: 72 информанта ответили, что *хитар* – это положительная характеристика человека; 20 человек отметили, что *хитар* может быть положительной или отрицательной характеристикой, в зависимости от ситуации; семь человек определили прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности; один человек на предложенный вопрос не дал никакого ответа.

Лидирующими словосочетаниями среди ответов информантов оказались сравнительные конструкции (некоторые из них являются УС):

1) с наименованиями животных: *хитар као зец* (самое частотное, 35 реакций), *хитар као јелен* (12), *хитар као ласица* (2), *хитар као срна* (2), *хитар као ластавица* (1), *хитар као видра* (1); Только в женском роде встретились *хитра као мачка* (1), *хитра као веверица* (1);

2) с наименованиями мифологических существ (из сербского эпоса) *хитар као вила* (5), *хитар као змај* (1);

3) с наименованиями природных явлений: *хитар као муња* (7), *хитар као ветар* (4), *хитар као вихор* (1), *хитар као комета* (1);

4) с наименованиями оружия / боеприпасов: *хитар као стрела* (5), *хитар као ракета* (1), *хитар као метак* (1);

5) с именами собственными (сербских спортсменов): *хитар као Мркела Митар* (4), *хитар као Ноле* (1) (*Митар Мркела – фудболист и тренер «Црвеной Звезды»; Ноле – Новак Джокович, первая ракетка мира в большом теннисе*).

Среди словосочетаний, вербализующих значение 'быстрый', самыми частотными являются *хитре ноге* (11 реакций), *хитар корак* (5), *хитре руке* (4), *хитар бег* (3), *хитар скок* (3), *хитар покрет* (2), *хитра мисао* (2), *хитра реч* (1).

Также частотны атрибутивные словосочетания с наименованиями лиц: *хитар момак* (13 реакций), *хитар јунак* (5), *хитар ловац* (4), *хитра жена* (2), *хитра цура* (2), *хитар хајдук* (2), *хитар ђувеџија* (2). Единичными являются следующие ответы: *хитар војник, хитар коњаник, хитар возач*.

Прилагательное *хитар* может употребляться в сербском языке для характеристики взгляда, выражения лица человека: *хитар поглед*. В этом случае оно, в

отличие от русского *хитрый взгляд*, выступает в значении ‘быстрый взгляд’.

Таким образом, *хитар человек* в сербском языковом сознании выглядит двояко. Во-первых, это человек, который способен быстро и ловко совершать какие-нибудь движения или действия (ходить, бегать, заниматься спортом или каким-нибудь делом или ремеслом). В подавляющем большинстве проанализированных случаев прилагательное *хитар* в этом значении входит в компонентный состав устойчивых сравнений (или сравнительных конструкций, образованных по их модели *хитар* + союз *как* + эталон сравнения). Эталоны сравнения в сербской языковой картине мира выступают зоонимы, явления природы, мифологические существа, быстро движущиеся предметы или игрушки, имена собственные и оружие / боеприпасы. Из них лишь три фразеологические единицы (с прилагательным *брз*) фиксируются сербскими лексикографическими источниками как устойчивые: *брз као зец*, *као стрела*, *као муња*. Употребленное в данном значении прилагательное *хитар* преимущественно дает положительную оценку личности.

Во втором значении (‘человек, наделенный умственными способностями, изворотливостью и проворством’) прилагательное *хитар* в сербском языке

употребляется реже. При этом в данном значении в языке активно используются фразеологизмы: *хитра (хитрог) ума*, *хитре памети*. Чаще всего это положительная оценка данного свойства личности, но в зависимости от ситуации употребления оценочность может быть и отрицательная.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что стереотипное представление о человеке, называемом хитрым, в двух родственных языках сходно лишь отчасти. И в русском, и в сербском языковом сознании присутствует высокая оценка интеллектуальных способностей такого человека. Но в сербской лингвокультуре прилагательное *хитар*, прежде всего, вербализует стереотипное представление о быстром и ловком человеке, а не скрывающем свои намерения, действующем не прямым путем, как в русском.

Представляется, что выявленные различия в двух лингвокультурах обусловлены историческим расхождением в развитии семантики праславянского **chytŕъ* в древнерусском и сербском языках. В сербском языке *хитар*, в отличие от русского языка, в значительной степени сохраняет первичное значение ‘быстрый, ловкий (в действии)’ и в меньшей степени вторичное – ‘сообразительный, хитрый’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
3. Зиновьева Е.И., Аббякая О.В. Стереотипные представления о мерзущем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // II Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2014. С. 135–143.
4. Гудков В.П. Стереотип России и русских в сербской литературе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. С. 20–24.
5. Коптякова Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). С. 129–132.
6. Васильева Г.М., Зарунский С.Э. Ассоциативно-вербальное поле «Англия» в современном русском языке (по данным русского ассоциативного словаря) // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы Пятой Международной научной конференции. СПб.: Государственная полярная академия, факультет филологии, 2013. С. 99–101.
7. Васильева Г.М. Динамика представлений о географическом пространстве Европы (по данным ассоциативно-вербальной сети) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». 2014. С. 21–24.
8. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.
9. Щеголева Ю.А. Стереотип положительного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании // Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. М.: Гнозис, 2006. С. 179–262.
10. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Тула, 2013. 92 с.
11. Зиновьева Е.И. Лексико-фразеологические средства, вербализующие стереотипные представления о безумии, в обиходном языке Московской Руси // Язык в слове, фразеологизме, тексте. Орёл: ОГУ, 2015. С. 35–41.
12. Зиновьева Е.И., Аббякая О.В. Человек, испытывающий чувство холода, в русской языковой картине мира (на фоне китайского и японского языков) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 6. С. 236–241.
13. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 4.
14. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография императорской академии наук, 1903. Т. III. 1969 с.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.04.2017).
17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
19. Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1967–1976. Т. 6.
20. Московљевић М.С. Речник савременог српскохрватског књижевног језика са језичким саветником. Београд: KIZ Apolon, 1990. 1034 с.
21. Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1564 с.
22. Босић П. Речник синонима. Београд: Корнет, 2008. 704 с.
23. Национальный корпус сербского языка. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (дата обращения: 15.04.2017).
24. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометей, 2012. 1045 с.
25. Matešić J. Frazеološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: IRO Školska knjiga, 1970. 808 с.
26. Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.
27. Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток / Запад, 2005. 229 с.
28. Словенска митологија: Енциклопедијски речник. Београд: Zepter book world, 2001. 393 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июля 2017 г.

“KHITRYY” AND “KHITAR” IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS OF COGNATE LANGUAGES (ON THE RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGE MATERIAL)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 25–33.

DOI: 10.17223/15617793/423/4

Elena I. Zinovieva, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

Dragana Drakulić-Prima, Russian Academy of Sciences Library (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dpdragana@rambler.ru

Keywords: stereotype; language world picture; linguistic culture; adjective; stable comparison.

The article analyzes semantics, peculiarities of functioning and axiological assessment of the Russian adjective *‘khitryy’* and the Serbian one *‘khitar’* in order to identify the stereotypical idea of a person described by these adjectives in two Slavic linguistic cultures. Material for the study consists of Russian and Serbian explanatory dictionaries, contexts with these adjectives from the Russian National Corpus and the Serbian National Corpus, survey of Russian and Serbian native speakers. The analysis revealed that the stereotype about a cunning person in the Russian language consciousness is as follows: this is a person who hides their true intentions, does not act the right way. It is often a person with high mental abilities, or by nature able to compensate for their lack due to the ingenuity, ability to assess a current situation and to act in accordance with it, pursuing their own personal benefit. The adjective is ambivalent in terms of evaluation. Standards of the cunning in the Russian language world picture are a fox, a demon (devil, imp), so there are comparisons and metaphors with these units. In the Russian language consciousness there are stable stereotypes regarding trickery of representatives of certain nationalities. The adjective *khitryy* [cunning] can be used in the Russian language to characterize a glance, a human facial expression. In this case, it has the meaning of ‘expressing cunningness and craftiness’. *Khitar chovek* in the Serbian language consciousness appears in two ways. In the first meaning it is a person who is capable to quickly and deftly perform any movement or action. The adjective *khitar* in this sense is a part of stable comparisons. Comparison standards in the Serbian language world picture are zoonyms, natural phenomena, mythological creatures, fast-moving objects or toys, proper names and weapons / ammunition. The adjective *khitar* used in this meaning mainly assesses a personality positively. In the second meaning (‘people with mental capacity, resourcefulness and agility’) the Serbian adjective *khitar* is used less frequently. Herewith the following idioms with this meaning are actively used: *khitra (khitrog) uma, khitre pamyati*. Mostly it is a positive assessment of personality traits. The adjective *khitar* can be used in the Serbian language to characterize a glance, a human facial expression: *khitar pogled*. In this case, in contrast to the Russian *khitryy vzglyad*, it acts within the meaning ‘quick look’. As a result of the study it can be concluded that the stereotypical view of a cunning person in two kindred languages is similar only in part. In the Russian linguistic consciousness like in the Serbian one there is a high score of intellectual abilities of such a person. The image of a person who hides their true intentions and does not act directly comes to the fore in the Russian language culture. The differences between the stereotypical views are caused by the historical disparities in the development of the semantics of proto-Slavic **chytŕъ* in ancient Russian and Serbian languages.

REFERENCES

1. Leont'ev, A.A. (1999) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
2. Bartmin'skiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
3. Zinov'eva, E.I. & Abyakaya, O.V. (2014) [Stereotypical ideas about a freezing person in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)]. LII International Philology Conference. Saint Petersburg. 11–16 March 2013. St. Petersburg: Philology Faculty of St. Petersburg State University. pp. 135–143. (In Russian).
4. Gudkov, V.P. (2001) Stereotip Rossii i russkikh v serbskoy literature [The stereotype of Russia and the Russians in Serbian literature]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. pp. 20–24.
5. Koptyakova, E.E. (2008) Germaniya v natsional'nykh stereotipakh russkikh i amerikantsev [Germany in national stereotypes of Russians and Americans]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (24). pp. 129–132.
6. Vasil'eva, G.M. & Zarunskiy, S.E. (2013) [Associative verbal field “England” in the modern Russian language (according to the Russian associative dictionary)]. *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages]. Proceedings of the V international conference. St. Petersburg: State Polar Academy, Faculty of Philology. pp. 99–101. (In Russian).
7. Vasil'eva, G.M. (2014) [Dynamics of representations about the geographical space of Europe (according to the associative-verbal network)]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. Proceedings of the IV Congress of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (ROPRYaL). St. Petersburg: ROPRYaL. pp. 21–24. (In Russian).
8. Kobozeva, I.M. (1995) Nemets, anglichanin, frantsuz i russkiy: vyyavlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsiy etnonimov [The German, the Englishman, the Frenchman and the Russian: the identification of stereotypes of national characters through the analysis of the connotations of ethnonyms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 3. pp. 102–116.
9. Shchegoleva, Yu.A. (2006) Stereotip polozhitel'nogo geroya v traditsionnoy kul'ture i sovremennom massovom soznanii [The stereotype of a positive hero in traditional culture and modern mass consciousness]. In: Krasnykh, V.V. (ed.) *Russkie i “russkost”*. *Lingvo-kul'turologicheskie etyudy* [Russian and “Russianness”. Linguistic and cultural studies]. Moscow: Gnozis.
10. Tokarev, G.V. (2013) *Chelovek: stereotipy russkoy lingvokul'tury* [Man: stereotypes of Russian linguoculture]. Tula.
11. Zinov'eva, E.I. (2015) Leksiko-frazeologicheskie sredstva, verbalizuyushchie stereotipnye predstavleniya o bezumii, v obikhodnom yazyke Moskovskoy Rusi [Lexical-phraseological means, verbalizing stereotyped ideas of insanity, in the everyday language of Moscow Rus]. In: Vasil'eva, O.V. et al (eds) *Yazyk v slove, frazeologizme, tekste* [Language in word, phraseology, text]. Orel: Orel State University.
12. Zinov'eva, E.I. & Abyakaya, O.V. (2015) [A person experiencing a feeling of cold in the Russian language picture of the world (against the backdrop of Chinese and Japanese)]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYaL). Granada, Spain. 13–20 September 2015. Vol. 6. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 236–241. (In Russian).
13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.

15. Sreznevskiy, I.I. (1903) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk.
16. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 26.04.2017). (In Russian).
17. Molotkova, A.I. (ed.) (1987) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
18. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh posloviits* [A big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
19. Matitsa srpska & Matitsa khrvatska. (1967–1976) *Rechnik srpskokhrvatskoga knjizevnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary language]. Vol. 6. Novi Sad: Matitsa srpska; Zagreb: Matitsa khrvatska.
20. Moskovljević, M.S. (1990) *Rechnik savremenog srpskokhrvatskog knjizevnog jezika sa jezichkim savetnikom* [A Dictionary of Contemporary Serbo-Croatian Literary Language with a Language Advisor]. Beograd: KIZ Apolon.
21. Matitsa srpska (2007) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matitsa srpska.
22. Đosić, P. (2008) *Rechnik sinonima* [Dictionary of synonyms]. Beograd: Kornet.
23. Serbian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>. (Accessed: 15.04.2017).
24. Otašević, Đ. (2012) *Frazeološki rechnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian Language]. Novi Sad: Prometej.
25. Matešić, J. (1970) *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Phraseological Dictionary of Croatian or Serbian Language]. Zagreb: IRO Školska knjiga.
26. Kulišić, Š., Petrović, P.Ž. & Pantelić, N. (1970) *Srpski mitološki rechnik* [Serbian mythological dictionary]. Beograd: Nolit.
27. Trofimkina, O.I. (2005) *Serbokhorvatsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Serbo-Croatian-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Vostok / Zapad.
28. Zepter book world. (2001) *Slovenska mitologija: Entsiklopedijski rechnik* [Slovene Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Beograd: Zepter book world.

Received: 09 July 2017

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ РАЗВИТИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ПРАВОВОМ ПОЛЕ

Анализируются диалектические механизмы перехода из одной дискурсивной практики в другую с целью сближения или дистанцирования интенциональных горизонтов участников коммуникации. Доказывается, что дискурсивные практики находятся в постоянном движении, подчиняясь диалектическим законам развития в соответствии с современным семиотизмом. Материалом для исследования послужили массмедийные и художественные произведения, легитимность использования которых для анализа институциональной коммуникации обосновывается со ссылкой на теорию возможных миров.

Ключевые слова: дискурсивные практики; диалектика; юридический дискурс; Дискурс Различий; Дискурс Согласования; Дискурс Экспертного Сообщества.

Лингвосемиотический анализ эволюции юридического дискурса, осуществленный в [1], позволил выделить важное перспективное направление – исследование закономерностей диалектического механизма перехода из одной дискурсивной практики в другую вопреки эволюционной схеме *Дискурс Различий* – *Дискурс Согласования* – *Дискурс Экспертного Сообщества*.

Материалом для настоящего исследования послужили массмедийные и художественные произведения: российское судебное телешоу *Суд присяжных* (URL: <http://sudprisyazhnyh.ucoz.ru/>, далее – (1)) и роман американского писателя Дж. Гришема *A Time to Kill* (URL: <http://bookre.org/reader?file=235396>, далее – (2)).

Легитимность использования данных произведений для анализа социального взаимодействия обосновывается со ссылкой на теорию возможных миров [2–4 и др.]. В общих чертах возможный мир можно определить как возможное положение дел либо возможное развитие событий. Теория возможных миров, с одной стороны, способствует анализу знаний в процессе их постоянного изменения и, с другой стороны, позволяет анализировать так называемые заданные миры, содержащие утверждения о гипотетических или воображаемых ситуациях. Писатели создают возможные миры, основанные на их собственном знании об этих мирах. Однако эти миры, как отмечает Д. Льюис, должны быть обязательным образом связаны с фактами реального мира, подобными изображаемым в тексте [5. Р. 272–273].

В художественном или массмедийном произведении автором создается модель мира реального с опорой на знания о социокультурном контексте, в который вводятся высказывания. В пользу репрезентативности материала, используемого в настоящем исследовании, говорит принадлежность авторов и участников экспертному сообществу юристов. Так, Джон Гришем, автор анализируемого романа, – юрист по образованию, занимался юридической практикой на протяжении десяти лет, специализируясь на уголовных делах. В свое произведение Гришем перенес практику работы в судах и юридических конторах, где сталкивался с делами, описываемыми в триллерах. Роман *A Time to Kill* был создан после того, как писатель на одном из судебных заседаний услышал душераздирающие показания двенадцатилетней девочки, которая оказалась жертвой изнасилования.

Судебные телешоу также основываются на реальных событиях, имевших место в судебной практике. Реальность основных участников, знакомых с особенностями правовой коммуникации и владеющих экспертным знанием, позволила нам условно идентифицировать данные телешоу и юридические дискурсивные практики, разворачивающиеся в ходе настоящих судебных заседаний.

Кроме того, анализ юридических дискурсивных практик на материале художественных и массмедийных произведений помогает лучше познать объективную реальность, поскольку в художественном творчестве имеет место осмысление множества фактов в обобщенных образах и ситуациях [5. Р. 272–273]. Художественное обобщение состоит в отборе, выделении, оптимизации, фильтрации, фиксации такого материала, который, по мнению автора, лучше всего выражает его идею. Достоинство художественного обобщения заключается в его жизнеподобной форме – обеспечении наглядности, ясности, конкретности, концентрации смысла.

В рамках данного исследования под дискурсивной практикой понимается устойчивая традиция речевой деятельности определенного дискурсивного сообщества, лингвосемиотически отражающая определенный вид культуры, включенная в нее и ее характеризующая. Каждому дискурсивному сообществу присущи определенные способы производства речевых высказываний. Такие способы производства и есть дискурсивные практики – целенаправленные речевые действия, отражающие предрасположенность членов дискурсивного сообщества вести себя сходным образом в определенном институциональном контексте.

В предыдущем исследовании мы отметили вслед за А.М. Каплуненко [6. С. 115–120], что дискурсивные практики проходят три этапа в своем эволюционном развитии: Дискурс Различий, Дискурс Согласования и Дискурс Экспертного Сообщества.

На первом этапе эволюции формируется речевая деятельность, в которой преобладает феноменологическое знание, опирающееся на индивидуальный опыт – **Дискурс Различий** – знаковое взаимодействие с преобладанием индивидуального контекста интерпретации. Дискурс Различий связан с феноменологическим компонентом, интенциональными горизонтами коммуникантов, различные мнения возникают вследствие субъективного познания бытия. Феноме-

нологическое значение представляет собой индивидуальную интерпретацию знаков, основанную на личном опыте индивида. Носитель Дискурса Различий интерпретирует объекты и явления субкультуры экспертов в соответствии с внутренним временем EGO (термин Э. Гуссерля), опираясь на концепт – семиотическую сущность с бедным содержанием и неопределенным объемом.

Утверждение в науке принципа рационализма как выражения прогресса знания, науки и техники положило начало господству **Дискурса Согласования**, участники которого стремятся к утверждению общей точки зрения. В основе данного типа дискурсивной практики лежит понятие – то, «о чем люди договариваются, конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения» [7. С. 5]. Дискурс Согласования организуется вокруг понятия, которое представляет собой совокупность признаков, отобранных из концептов и согласованных участниками коммуникации. Ограниченный набор признаков концепта помогает прийти к консенсусу и согласовать различные взгляды, т.е. сформировать Дискурс Согласования.

Дискурс Экспертного Сообщества (ДЭС) – заключительный этап эволюции дискурсивных практик, в условиях которого формируется терминологический аппарат, помогающий дифференцировать общество экспертов и общество обывателей. Участники экспертного сообщества обладают специальными знаниями для решения профессиональных задач, генерируют экспертные заключения и идеи по направлениям своей профессиональной деятельности исключительно с опорой на термин. Термин служит специализирующим, ограничительным обозначением предметов, явлений, их свойств и отношений в определенной сфере.

Если эволюционный подход предполагает измерение различий между начальной (Дискурс Различий) и конечной (ДЭС) точками развития, в рамках диалектического подхода внимание исследователя приковано к механизмам преобразования, которым подвергается объект в ходе своей эволюции, к конкретным действиям, содержанию элементарных процедур, которые сопровождают движение объекта. В нашем случае этим объектом выступают дискурсивные практики и семиотические сущности, вокруг которых они организуются.

Диалектичность является конститутивным признаком дискурса в современных условиях семиозиса и заключается во взаимодействии трех форм дискурсивных практик – Дискурса Различия, Дискурса Согласования и ДЭС. Диалектическое сосуществование этих форм объясняется различием возможных миров коммуникантов – эксперта и обывателя. Эксперт обладает своим профессиональным возможным миром, сформированным в результате рефлексирования внутреннего EGO на объекты Мира Действия. Он представляет обывателя – Другого – как находящегося за пределами своего экспертного сообщества. С точки зрения эксперта, Другой не обладает специальным знанием для правильной интерпретации его профессионального возможного мира. Последний счита-

ет, что Другой способен воспринимать его знание на понятийном или концептуальном уровнях. Чтобы интегрировать свой профессиональный возможный мир в сознание Другого, эксперт вынужден формировать Дискурс Согласования либо уходить в Дискурс Различий, носителем которого является Другой.

Как мы отметили выше, при диалектическом подходе на первый план выходят интенциональные горизонты, под которыми мы понимаем всю совокупность интенциональных состояний, характерных для определенной личности. В рамках изучения диалектических механизмов социального взаимодействия раскрытие механизмов сближения и дистанцирования интенциональных горизонтов коммуникантов представляет особый исследовательский интерес. Именно разницей интенциональных горизонтов определяется характер социального взаимодействия участников и направления интерпретации знака. Различие интенциональных горизонтов коммуникантов может стать причиной разногласий, недопонимания и, как следствие, формирования Дискурса Различий. Сближение способствует формированию коммуникативной общности, обратной связи с участниками дискурса, достижению взаимопонимания и выходу на уровень Дискурса Согласования.

Рассмотрим пример:

*Присяжный 1: Мотивы для совершения данного преступления могли быть у нескольких человек. Нет **прямых ули**к в совершении данного преступления.*

*Присяжный 2: Я хочу возразить. Есть же показания свидетелей. Как раз **прямые улики** указывают на то, что она именно убила.*

*Присяжный 3: **Прямые улики** – это у нас **нож, отпечатки пальцев на орудии убийства** (1).*

Данный фрагмент дискурса присяжных заседателей при вынесении вердикта показывает, что отсутствие экспертного знания заставляет их обращаться к личному опыту интеракции со знаками. Присяжный 2 *прямыми уликами* называет представленные стороной обвинения косвенные доказательства, относя к ним показания свидетелей, которые участниками ДЭС определяются как косвенные – обстоятельства, дающие основания для определенных выводов о данных обстоятельствах. Присяжный 3 определяет прямые доказательства путем перечисления их разновидностей, но оставляя данный знак без дефиниции, поскольку не владеет знаниями в области уголовно-процессуального права. Он явно претендует на около-экспертное мнение. В силу естественного стремления каждого носителя Дискурса Различий к тому, чтобы именно его точка зрения была положена в основу Дискурса Согласования, Присяжный 3 расширяет концепт «*прямые улики*» с помощью инклюзивного «*мы / у нас*». Наблюдается скрытая форма аргумента к известной истине: «*всем известно, что **прямые улики** – это **орудие убийства и отпечатки пальцев убийцы***». Приведенная реплика является классическим примером борьбы за ресурс влияния Ego на Alter.

Присяжные заседатели обладают различным опытом, а следовательно, и интерпретация одних и тех же явлений у них будет противоречивой. В данном фрагменте мы наблюдаем борьбу Дискурсов Различий с

целью формирования Дискурса Согласования, которую схематично можно изобразить с помощью диаграммы Эйлера–Венна (рис. 1).

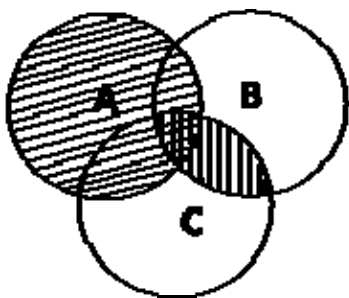

Рис. 1. Формирование Дискурса Согласования в ходе коммуникации носителей Дискурса Различий

Кроме того, рассмотренный фрагмент репрезентирует этапы «гегелевской спирали развития» *тезис – антитезис – синтез*. Аргумент Присяжного 1 есть тезис, Присяжных 2 и 3 – антитезис, а целью их коммуникации является синтез аргументов – продуцирование Дискурса Согласования, в основе которого лежит сближение интенциональных горизонтов.

К стратегии сближения интенциональных горизонтов, которая часто имеет манипулятивную природу, прибегают адвокаты и гособвинители, обращаясь к присяжным заседателям в попытке сформировать Дискурс Согласования. Под манипуляцией мы понимаем осуществление скрытого влияния на объект: «...когда Б не осознает намерения А оказать на него влияние, а А способен заставить Б действовать в соответствии со своими желаниями» [8. Р. 198]. Субъект не декларирует свои интенции. Проиллюстрируем сказанное примером:

Адвокат: *Я так и говорил. Надо кого-то одного посадить, а потом все **висяки по накатанной пойдут*** (1).

Адвокат пытается сблизить свой интенциональный горизонт и интенциональные горизонты присяжных с целью формирования Дискурса Согласования. Для этого он использует языковой код присяжных, язык, не перегруженный терминами, т.е. выходит за пределы ДЭС. Переключение с одного кода на другой, выбор того варианта языка, который близок адресату, свидетельствует о социально-лингвистической гибкости адвоката. Интенция адвоката – создать тесное коммуникативное пространство, где он и присяжные находятся на максимально близком расстоянии. Когда интенциональные горизонты собеседников близки, они легче и быстрее достигают взаимопонимания. В данном примере на создание совместного контекста интерпретации и перлокутивного эффекта работают элементы полицейского сленга и разговорного языка. Отказ от юридических терминов (*назначить наказание в виде лишения свободы; дело, не раскрытое в установленные сроки*) в условиях институционального общения является инструментом манипулирования, позволяющим адвокату позиционировать себя как «лицо близкого круга» для присяжных и добиться выгодного для себя и подсудимого вердикта.

Следующий пример также иллюстрирует выход за пределы ДЭС с целью оказания манипулятивного воздействия на адресата:

*Постановленный обвинительный приговор не выдерживает самой простой проверки – **здравым смыслом**... Конечно, наделенный **здравым смыслом** **средний представитель общества** понимает, что суд непосредственно воспринимал доказательства и исследовал их... В голову **здравомыслящего человека** поневоле закрадывается сомнение: **беспристрастен ли был суд?*** (1).

Высказывания адвоката организуются вокруг манипулятивного понятия *здорового смысла*, объем которого расширен настолько, что сложно выявить ядро содержания. Отсутствие единой интерпретанты позволяет манипулятору привнести необходимые смыслы, апеллируя к выгодной дефиниции. Апелляция к *здоровому смыслу* – это обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла, имеющемуся у адресата. То, что в чувствах, суждениях и выводах противоречит здравому смыслу, не может быть правильным. В судебной аргументации *здоровый смысл* всегда выступает в качестве индикатора истины.

Как показал анализ фактического материала, эксперт уходит в Дискурс Различий, организуемый вокруг семиотической сущности с множественной интерпретантой не только с целью оказания манипулятивного воздействия на адресата, но и для преодоления асимметрии знаний в общении с обывателем:

Переход из ДЭС в Дискурс Согласования для преодоления асимметрии знания показан в следующем примере:

*Attorney: And you heard there was **actual possession** and **constructive possession**. You are in possession of the badge that's on you now. You have active control of that. These water bottles in front of you, you have constructive possession of them. You have control over them, but you do not have active control of them. It's not in your possession right now* (2).

Отличие Дискурса Согласования от ДЭС заключается в объеме общего контекста интерпретации адресанта и адресата. Адресат – присяжный заседатель не является членом юридического экспертного сообщества, поэтому он не может адекватно интерпретировать специфические термины ДЭС. Для достижения перлокутивного эффекта адвокат пытается пояснить значение юридических терминов – *actual possession* и *constructive possession*, – прибегая к аналогии. Объяснение сложных терминов ДЭС путем обращения к жизненному опыту адресата-обывателя является одним из эффективных инструментов в асимметричной коммуникации. Такой переход позволяет выработать адекватную интерпретанту описываемого явления и сформировать Дискурс Согласования. Так, адвокат репрезентирует сложные юридические понятия *actual possession* и *constructive possession* с помощью простого образа *значка*, который можно легко визуализировать.

Еще одним примером перехода из одной дискурсивной практики в другую может служить обращение судьи к участникам судебного процесса, не являющимся профессиональными юристами, с целью пояснения их процессуальных прав и обязанностей:

Judge Bullard: You have the responsibility of reviewing criminal cases, listening to law enforcement officials

and victims, and determining whether or not reasonable grounds exist to believe the accused has committed the crime. If so, you issue an indictment, which is a formal charge placed against the accused (2).

В примере показан переход из ДЭС в Дискурс Согласования, в котором эксперты способны эффективно взаимодействовать с обывателями. Данное взаимодействие опять же можно представить с помощью диаграммы Эйлера–Венна, где место пересечения кругов – зона слияния контекстов интерпретации, т.е. зона Дискурса Согласования (рис. 2).

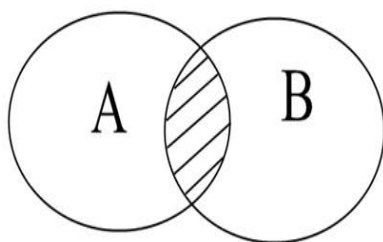

Рис. 2. Формирование Дискурса Согласования в ходе коммуникации носителя ДЭС и носителя Дискурса Различий

Участниками Дискурса Согласования являются судья – носитель ДЭС (А) – и присяжные заседатели – носители Дискурса Различий (В). В Дискурсе Согласования, который вынужден продуцировать судья, поскольку этого требует принцип кооперации, они имеют общий контекст интерпретации (см. рис. 2). Судья строит Дискурс Согласования путем пояснения термина *indictment*, используемого участниками ДЭС, в знаках, доступных для понимания носителю обывательного сознания, приводит профессиональные знания в такую семиотическую форму, которая была бы адекватно интерпретирована адресатом. Поскольку при переходе из ДЭС в Дискурс Согласования главное препятствие – это согласование в понимании терминов, судья дает соответствующее пояснение термина через понятие. Понятие – сущность сознания, в котором понимание объектов Мира Действия носителями ДЭС и интерпретатором-обывателем согласуются в Море Ценности. Понятия *charge* и *accused*, в отличие от термина *indictment*, не вызывают у носителя Дискурса Различий трудностей интерпретации, что позволяет достичь необходимого перлокутивного эффекта. Дискурс Согласования является тем мостом, который связывает ДЭС и Дискурс Различий, где, как заметил М.М. Бахтин, происходит встреча адресанта с другим сознанием, Другим [9].

Таким образом, отличительной чертой коммуникации эксперта и обывателя является ее асимметричность, обусловленная принадлежностью одного коммуниканта к ДЭС, а другого – к Дискурсу Различий. ДЭС предполагает наличие у субъекта коммуникативной власти, экспертного знания. Эксперт как субъект социальной деятельности выступает в роли представителя ДЭС и ведет обывателя от его Дискурса Различий к созданию совместного контекста интерпретации, к Дискурсу Согласования. В Дискурсе Согласования их интенциональные горизонты сближаются, формируя необходимый перлокутивный эффект.

Рассматривая случаи перехода от одной дискурсивной практики к другой с целью создания единого контекста интерпретации, отметим, что данный вопрос не раз поднимался в рамках изучения проблемы понимания и интерпретации юридического языка обывателями [10–12 и др.]. Особую актуальность этот вопрос приобретает в связи с участием присяжных заседателей в судебном процессе, от степени правильности понимания и интерпретации ситуации которых зависят справедливость и обоснованность вердикта. Поскольку присяжные заседатели не имеют специальных знаний, вопросы должны ставиться в понятных им формулировках. Как гласит п. 8 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса РФ, «юридические термины, употребляемые в речах представителей обвинения, защиты и суда должны быть доступными для рядового гражданина в такой степени, чтобы обеспечить адекватное восприятие и осмысление присяжными заседателями всего того, что происходит в судебном заседании и относится к деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый» [13].

Терминологически насыщенный юридический язык создает условия для манипуляции сознанием и поведением обывателей (присяжных заседателей, свидетелей, подсудимого и потерпевшего) со стороны представителей профессионального сообщества – судей, прокуроров, адвокатов. Так, в уголовно-процессуальной практике недопустимым считается вопрос, *было ли преступление совершено с особой жестокостью?* Употребление в вопросном листе, предъявляемом присяжным заседателям, юридического термина «особая жестокость» для установления способа убийства требует специального знания, которым владеют юристы, в языке обывателя же данное словосочетание функционирует на уровне концепта, что может привести к множественной интерпретации, неприемлемой в уголовном судопроизводстве. Возможным способом достижения перлокутивного эффекта в этой коммуникативной ситуации является отказ от ДЭС в пользу Дискурса Согласования, объяснение значения терминологического сочетания *преступление, совершенное с особой жестокостью* путем указания на его признаки: *применение пыток, истязание, совершение преступления в присутствии близких потерпевшему лиц* и т.п.

Неверная интерпретация юридического термина присяжными заседателями может привести к серьезным юридическим ошибкам. В англоязычном судебном дискурсе таким примером может служить термин *aggravate*. В языке обывателя он имеет значение *досаждать (annoy)*, а в юридическом языке – *отягчать (вину)*. Присяжные, не владея экспертным знанием в области уголовного права, часто неверно интерпретируют данное понятие, поэтому переход к Дискурсу Согласования является условием вынесения обоснованного вердикта:

A person who had a particular condition before the accident may be awarded damages for the aggravation or worsening of that condition (2).

В данном высказывании судья употребляет не только термин *aggravation*, но и знак, поясняющий значение последнего – *worsening*, формируя у адресата верную интерпретанту.

Мы рассмотрели лишь некоторые из возможных случаев диалектического перехода из одной дискурсивной практики в другую с целью сближения интенциональных горизонтов и достижения перлокутивного эффекта. Далее обратим внимание на то, как переход между дискурсивными практиками способствует дистанцированию интенциональных горизонтов:

*Адвокат: В 2008 году Вы **привлекались в качестве подозреваемого** в деле о разбойном нападении и убийстве одного столичного антиквара.*

*Прокурор: Ваша честь, причастность свидетеля проверялась компетентными органами и **никакой причастности к убийству свидетеля не установлено** (1).*

Перед нами классический пример обвинения, построенный на опровержении, оспаривании, отрицании фактов, приводимых защитой. Задача прокурора в данном диалоге состоит в том, чтобы опровергнуть или поставить под сомнение сведения адвоката о личности свидетеля обвинения. Адвокат же пытается опорочить свидетеля обвинения и вызвать у присяжных сомнения в правдивости его показаний. Разные интенции участников дискурса не способствуют формированию Дискурса Согласования.

Приведем еще один пример.

*Адвокат: На данной записи мы видим свидетеля Зиброву, которая наносит **опасный** удар по голове погибшего.*

*Прокурор: Я возражаю против формулировки «**опасный**». Мы не знаем, какой он был.*

*Адвокат: По голове все **опасно** палкой (1).*

Участники коммуникации понимают суть, но отрицают точку зрения своего оппонента, уходя в Дискурс Различий, где возможна игра с концептами — знаками с множественной интерпретантой. Разногласия у адвоката и прокурора вызывает семантика прилагательного «опасный». Данный знак обладает манипулятивным потенциалом и его намеренное использование помогает склонить присяжных заседателей на свою сторону, поскольку позволяет его соотнести с той интерпретантой, которая соответствует выбранной линии защиты или обвинения: ведь для обывателя всё, что говорит эксперт, верно, функциональная точность его высказываний не подлежит сомнению. Именно к такому манипулятивному ресурсу часто прибегают носители ДЭС, реализуя свои коммуникативные цели.

Сторона обвинения и сторона защиты имеют прямо противоположные интенции, состояние их отношений не может быть не чем иным, как борьбой:

*Прокурор: Хотелось бы акцентировать внимание на том, что подсудимая **желала** смерти погибшему.*

*Адвокат: Ваша, честь, **желать** — не значит убить. Мы много чего желаем... (1).*

Прокурор и адвокат вступают в противоречие по поводу намерений подсудимой и семантики глагола «желать». Прокурор, реализуя функцию обвинения, *желание* отождествляет с преступными намерениями, которые в юридическом сообществе относятся к подготовительной стадии совершения преступления. При отсутствии желания нельзя готовиться к преступлению, либо намеренно приступить к его совершению.

Адвокат, напротив, сознательно игнорирует интерпретанту знака «желать» в юридическом контексте, придавая ему общеупотребительный смысл — *иметь внутреннее стремление (к осуществлению чего-нибудь, обладанию чем-нибудь)*, которое не может быть объектом правовой оценки. Данный пример демонстрирует противоречия между позициями прокурора и адвоката, являющиеся результатом расхождения интенциональных горизонтов. Это борьба двух типов дискурсов — Дискурса Экспертного Сообщества и Дискурса Различий: прокурор не выходит за пределы экспертного сообщества, оперируя выработанной в нем терминологией, в то время как адвокат в борьбе за выгодную интерпретанту пытается уйти в Дискурс Различий, позволяющий манипулировать знаками.

Данные примеры представляют собой переходные случаи отклонения от традиционного дискурса участников ДЭС. Классический диалог экспертов формируется с опорой на терминологическую базу ДЭС. Участники такого дискурса реализуют профессиональные цели, формирующие единый горизонт интерпретации понятия, на котором заданы однозначные параметры сущности, выбранной в качестве объекта исследования. Единая интерпретанта позволяет им экономить время, называя факты принятыми в профессиональной среде терминами, и общаться более эффективно. Осознавая сходство интенциональных горизонтов по причине принадлежности ДЭС, экспертам нет необходимости формировать Дискурс Согласования, отказываясь от терминологического аппарата юристов. Оценивая собеседника по шкале эксперт — обыватель, участник ДЭС выбирает соответствующую форму социального взаимодействия, от правильности выбора которой зависит перлокутивный эффект высказываний. Рассмотрим пример диалога двух носителей ДЭС:

— *Does he work?*

— *Now, he's **retired**.*

— *Was his **retirement** voluntary?*

— *You mean, was he **disbarred**, so to speak?*

— *That's right, so to speak (2).*

В беседе с коллегой-юристом главный герой романа *A Time to Kill* Джек Брайгенс интересуется текущей занятостью доктора Басса и в ответ на информацию о его выходе на пенсию уточняет, был ли уход доктора добровольным. Люсьен, осознавая, что он и его собеседник обладают единым горизонтом интерпретации, переходит из Дискурса Согласования в ДЭС, заменяя общеупотребительное понятие *retirement* юридическим термином *disbar (to withdraw from an attorney the right to practise at its bar [14])*, которое применяется, как правило, в отношении субъектов адвокатской деятельности. Именно поэтому, описывая с помощью данного термина способ прекращения деятельности врача, Люсьен добавляет смягчающее словосочетание *so to speak*, поскольку речь идет о психиатре.

Приведенные примеры показывают, что диалектические механизмы дискурсивного взаимодействия неотделимы от интенциональных горизонтов участников дискурса, влияющих на характер иллокутивной силы высказываний. В зависимости от характера интенций носители ДЭС либо осуществляют коммуни-

кацию в профессиональных терминах, либо формируют Дискурс Согласования, пытаясь приблизиться к опыту и переживаниям Другого, либо уходят в Дискурс Различий, оперируя знаками с множественной интерпретантой, которые позволяют привнести необходимые смыслы, изменить коннотацию или подменить значение, апеллируя к выгодной дефиниции.

Направление интерпретации знака непосредственно зависит от принятой в семиозисе интенционально-

сти. При определенных условиях интерпретанта понятия может приобрести неограниченный объем и содержание, а термин использоваться как механизм манипулятивного воздействия и формирования Дискурса Различий – поля для манипуляций, игры знака между действительностью и ее копией. Дискурсивные практики находятся в постоянном движении, подчиняясь диалектическим законам развития в соответствии с современным семиозисом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21–30.
2. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследования по семантике и модальной логике. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 384 с.
3. Lewis D. Convention. A Philosophical Study. Oxford : Basil Blackwell, 1986. 213 p.
4. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 349–384.
5. Lewis D. Truth in fiction // Lewis D. Philosophical Papers. New York : Oxford University Press, 1983. Vol. 1. 234 p.
6. Каплуненко А.М. Концепт–Понятие–Термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. Иркутск, 2007. С. 115–120.
7. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
8. De Crespigny A. Power and Its Forms // Political Studies. 1968. Vol. 16, № 2. P. 192–205.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
10. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 8–36.
11. Tiersma P.M. Reforming the Language of Jury Instructions // Hofstra Law Review. 1993. Vol. 22. P. 37–78.
12. Melinkoff, D. The Language of the Law. Boston : Little Brown and Company, 1963. 526 p.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. URL: consultant.ru (дата обращения: 12.05.2017).
14. The Law Dictionary. URL: <http://thelawdictionary.org/disbar/> (дата обращения: 12.05.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Судебное телешоу «Суд присяжных». URL: <http://sudprisyazhnyh.ucoz.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).
2. Grisham J. A Time to Kill. URL: <http://bookre.org/reader?file=235396> (дата обращения: 12.05.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 сентября 2017 г.

ON DIALECTICAL RELATIONS OF DISCOURSE PRACTICES IN THE LEGAL FIELD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 34–40.

DOI: 10.17223/15617793/423/5

Olga A. Krapivkina, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: koa1504@mail.ru

Keywords: discourse practices; dialectics; evolution; Discourse of Differences; Discourse of Concord; Discourse of Expert Community.

The present article analyzes dialectical mechanisms of transition from one discourse practice into another one in order to approximate or distance intentional horizons of communicants. Differences in intentional horizons and illocutionary purposes determine the nature of social interactions and vectors of interpretations of signs. Discourse practices are referred to as traditional speech activities of a discourse community which are determined by a specific culture from linguistic and semiotic perspectives, involved in it and characterizing it. The article proves that discourse practices are constantly moving, following the laws of dialectical development in conformity with modern semiosis. The dialectical nature of discourse practices is a constitutive feature of modern communication. It suggests interrelation of three forms of discourse practices – Discourse of Differences, Discourse of Concord and Discourse of Expert Community. Dialectical co-existence of these forms of social interaction is due to the differences of possible worlds of communicants – an expert and a layman. The author argues that vectors of sign interpretation depend on the intentionality accepted in semiosis. Depending on the nature of intentions, experts communicate using special terminology or form Discourse of Concord aimed at coming closer to experiences of laymen, or enter Discourse of Differences using signs with multiple interpretants which allow them to change connotations or replace meanings appealing to a more favorable definition. Under certain conditions, the interpretant can acquire unlimited extension and intention, and the term can be used as a manipulative mechanism for forming Discourse of Differences – an area for manipulation. The novelty of the research is due to the analysis of forms of social interaction of communicants (expert vs layperson) in the context of knowledge asymmetry. The article is a case study of English and Russian mass media and literary works (legal procedure stories and court TV shows). The validity of using this factual material for analysis of institutional communication is substantiated with reference to the possible world theory. In addition, analysis of legal discourse practices based on literary and mass media works helps to more deeply perceive objective reality since art works describe facts using generalized images and situations.

REFERENCES

1. Krapivkina, O.A. (2017) Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 21–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/2
2. Carnap, R. (1959) *Znachenie i neobkhodimost': Issledovaniya po semantike i modal'noy logike* [Significance and necessity: Studies on semantics and modal logic]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry.

3. Lewis, D. (1986) *Convention. A Philosophical Study*. Oxford: Basil Blackwell.
4. Stolneyker, R.S. (1985) *Pragmatika* [Pragmatics]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 349–384.
5. Lewis, D. (1983) Truth in fiction. In: Lewis, D. *Philosophical Papers*. Vol. 1. New York: Oxford University Press.
6. Kaplunenko, A.M. (2007) [Concept – Notion – Term: the evolution of semiotic entities in the context of discursive practice]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kul'tur* [Asia-Pacific Region: Dialogue of Languages and Cultures]. Proceedings of the conference Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 115–120. (In Russian).
7. Dem'yankov, V.Z. (2005) Kognitsiya i ponimanie teksta [Cognition and understanding of the text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 5–10.
8. De Crespigny, A. (1968) Power and Its Forms. *Political Studies*. 16:2. pp. 192–205.
9. Bakhtin, M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khud. lit.
10. Golev, N.D. (2006) Pravovaya kommunikatsiya v zerkale estestvennogo yazyka [Legal Communication in the Mirror of the Natural Language]. Golev, N.D., Brinev, K.I., Doronina, S.V. & Matveeva, O.N. (eds) *Yurislingvistika-7: Yazyk kak fenomen pravovoy kommunikatsii* [Juridical Linguistics-7: Language as a phenomenon of legal communication]. Barnaul: Altai State University.
11. Tiersma, P.M. (1993) Reforming the Language of Jury Instructions. *Hofstra Law Review*. 22. pp. 37–78.
12. Melinkoff, D. (1963) *The Language of the Law*. Boston: Little Brown and Company.
13. Russian Federation. (2017) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF* [The RF Code of Criminal Procedure]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. (Accessed: 12.05.2017).
14. *The Law Dictionary*. [Online] Available from: <http://thelawdictionary.org/disbar/>. (Accessed: 12.05.2017).

SOURCES

1. *Sudebnoe teleshou "Sud prisyzhnykh"* [Court TV show "Jury trial"]. [Online] Available from: <http://sudprisyzhnyh.ucoz.ru/>. (Accessed: 12.05.2017).
2. Grisham, J.A *Time to Kill*. [Online] Available from: <http://bookre.org/reader?file=235396>. (Accessed: 12.05.2017).

Received: 03 September 2017

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ В ПРОСТРАНСТВЕ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

Исследованы способы метафорического моделирования социальной реальности в академическом дискурсе социальной психологии. Процесс социализации раскрывается на основе представления о пространственно-объектных отношениях. Социальные процессы уподобляются перемещению в пространстве, социально-психологические изменения моделируются как объекты, расположенные в пространстве. Отклонения от социальных норм моделируются на основе аналогии перемещения человека в отдельно существующее пространство болезни, девиации, работы и т.п.

Ключевые слова: метафорическое моделирование; концептуальная метафора; академический дискурс социальной психологии; социализация; социальный процесс; социально-психологическое изменение.

Изучение способов представления знания в языке науки – активно развивающееся направление в когнитивной лингвистике XXI в. и дискурсивных исследованиях. Данному вопросу посвящено немало работ в различных областях знания: лингвистике [1, 2], философии [3] и др. Особое внимание ученые уделяют исследованию способов метафорической номинации новых реалий действительности, правомерности и обусловленности функционирования метафоры в языке науки.

Начиная с эпохи Античности понимание «метафоры» проходит эволюцию от художественного тропа в эпоху Древней Греции и Рима до когнитивной, ментальной структуры в современных лингвистических и междискурсивных исследованиях. В русле когнитивной лингвистики метафора стала рассматриваться как ментальная операция, один из основных способов познания, категоризации и представления знания о мире [4]. Как отмечают зарубежные и отечественные когнитивисты, базовыми метафорическими моделями, на основании которых человек передает знание о мире, являются онтологическая, структурная и пространственная метафоры [Там же].

Моделирование на основе пространственных представлений – одна из основных и первичных моделей, используемая человеком при передаче восприятия действительности, представлении знания о получаемом опыте взаимодействия с окружающим миром. Прежде всего, мы понимаем и верим в то, что мы можем наглядно увидеть и, увидев, оценить; в то, что соответствует принципам «истинности и верифицируемости» [5. С. 647]. Согласно мнению М.В. Никитина, существование пространства неизменно связано с принципом его наполненности, или «вещетризма». Существование пространства не имеет смысла без составляющих его объектов: «...оно предпослано вещам, и без вещного наполнения не исчезает, но, становясь пустым, лишается измерений: нет вещей, нет расстояний, координат, скоростей, взаимодействий и пр.» [Там же. С. 651]. Данный аспект позволяет нам говорить не только о пространственном моделировании знания о мире, но **пространственно-объектном**, так как пространство и заполняющие его элементы оказываются неразрывно связанными друг с другом.

Ранее пространственное моделирование было рассмотрено в работах представителей томской метафорической школы [6–10]. А.М. Мухачева рассматривает образный компонент концепта «пространство» как структуру когнитивных моделей на материале современного русского литературного языка [6]. Пространственная метафора является активной формой представления информации о социальном конфликте в медиадискурсе [7]. Пространственному моделированию научного дискурса посвящена работа З.И. Резановой, где автор раскрывает особенности метафорической организации знания в лингвистике [8]. Анализу пространственной метафоры в научном дискурсе в целом посвящен раздел монографии Н.А. Мишанкиной [9]. Метафорическая репрезентация научного знания также представлена в исследовании Н.А. Мишанкиной и А.Р. Рахимовой, в котором авторы приводят наглядное представление организации психики человека в виде пространства [10].

Обращение к текстам по социальной психологии позволило обнаружить, что в них активно функционирует пространственная метафора, моделирующая социальную психологию как ментальное пространство, в рамках которого осуществляется становление социальной реальности, процессы социализации личности, что и определило *цель* настоящего исследования – показать особенности метафорического моделирования социального пространства в академическом дискурсе социальной психологии.

Гипотеза исследования – в академическом дискурсе социальной психологии процесс социализации человека представлен как строго организованное пространственно-объектное целое, имеющее внешнюю и внутреннюю структуру.

Материалом для данной работы послужили академические издания по социальной и общей психологии [11–21]. Из представленных источников методом сплошной выборки были отобраны метафорические контексты, включающие 2 653 метафорические единицы.

Как показало исследование, в академическом дискурсе социальной психологии процесс социализации личности имеет пространственно-объектную организацию, которая характеризуется внешней и внутрен-

ней структурой. Обратимся к рассмотрению каждого аспекта более подробно.

1. Внешняя пространственно-объектная организация. Внешняя пространственно-объектная организация лежит в основе репрезентации знания о социальных явлениях, которые происходят в процессе развития и становления человека в обществе. Говоря о внешней организации пространства, мы подразумеваем следующие его параметры: горизонтальную и вертикальную протяженность, местоположение объектов в пределах пространства, а также наличие или отсутствие пространственно-объектных границ.

Горизонтальное пространство. Горизонтальная протяженность пространства связана как с его собственными параметрами, так и с расположением объектов внутри пространства данного типа.

Прежде всего, необходимо отметить, что социум в сознании носителя языка уподобляется горизонтальному пространству, обладающему «шириной» – «протяжением чего-либо в поперечнике: *широкое поле и др.*» [22. Т. 4. С. 716]. Наличие данной характеристики становится символическим обозначением возможности социальной реализации и адаптации человека, возможности получения социального опыта, а также спектра социальных функций, которые реализует человек, вступая в социальное взаимодействие: «*Сначала рассмотрим внутреннюю динамику социальных движений, а затем обратимся к внешней динамике, т.е. к влиянию социальных движений на более широкое социальное целое, в рамках которого они действуют*» [11. С. 189]; «*В развитии выделяются такие стадии интериоризации: постепенное расширение по мере приобретения индивидом социального опыта сферы его общения, деятельности и поведения*» [12. С. 44]; «*Сложилась традиция, согласно которой в структуре социализации принято выделять... широту, т.е. количество сфер, в которых смогла приспособиться личность*» [13. С. 144]; «*Внутренние процессы, происходящие в коллективе, строятся на основе соответствия их более широкой системе социальных отношений...*» [11. С. 13].

В репрезентации знания о различных типах социального взаимодействия горизонтальная протяженность оказывается представленной на основе корреляции параметров ширины и узости пространства. Коррелятивной парой к представлению о широком пространстве является пространство «узкое» – «имеющее малую протяженность в поперечнике, меньшем по ширине, чем требуется: *узкая лента, узкая кровать и т.д.*» [22. Т. 4. С. 475]. Пространство данного типа лежит в основе наглядного представления ограниченной сферы взаимодействия человека с окружающими: «*Многообразные отношения человека не охватываются только межличностным контактом: положение человека за узкими рамками межличностных связей, в более широкой социальной системе...*» [14. С. 44]; «*В этот узкий круг отношений постепенно втягиваются все члены семьи*» [11. С. 180]. В характеристике социальных групп «узость» чего-либо является метафорическим обозначением специфики их объединения и принципов существования. Узкому пространству уподобляется знание об ограниченной

сфере интересов, целей и деятельности социальной группы: «*На уровне малых контактных общностей в качестве основной детерминанты выступают не социокультурные факторы самого общего порядка, а более узкие групповые социальные характеристики субъектов*» [11. С. 144]; «*на втором этапе межгрупповая деятельность (труд в совхозе) приобрела самостоятельную и социально значимую ценность, не ограничивающуюся узкогрупповыми целями в межгрупповом соревновании*» [14. С. 74]; «*Корпорация – организованная группа... на основе своих узкоиндивидуалистических интересов*» [15. С. 675].

Помимо ширины-узости, характеристика горизонтального пространства во многом определяется расположением объектов внутри пространства данного типа, которые находятся на определенном расстоянии друг от друга. В основе передачи информации о неформальных отношениях между людьми содержится представление о «тесном» пространстве – «таком, в котором мало свободного места, простора для чего-либо» [22. Т. 4. С. 361]: «*Для них характерна непосредственность контактов, в них происходит культуризация индивида, с очень тесными межличностными отношениями и взаимодействиями*» [13. С. 147]; «*В принципе допустимы самые различные основания для классификации малых групп: группы различаются по времени их существования (долговременные и кратковременные), по степени тесноты контакта между членами, по способу вхождения индивида и т.д.*» [15. С. 97].

Знание о межличностном взаимодействии, эмоциональном и физическом контакте, степени родства между людьми передано на основе представления о «близком» или «дальнем» расположении: «*Близость – тип межличностных отношений двух людей...*» [11. С. 76]; «*Далее, такой такесический элемент, как похлопывание по спине и плечу, возможен при условии близких отношений, равенстве социального положения общающихся...*» [Там же. С. 96]. Наличие эмоциональной составляющей, чувства любви и заботы, которые существуют между родителями и их детьми, обозначается через номинацию пространственного положения: «*У него появляется потребность действовать по образцу взрослых людей, особенно эмоционально близких ему (родителей)*» [16. С. 313]. В большинстве случаев в академическом дискурсе социальной психологии отсутствует коррелятивная пара «близкий–далекий» в представлении знания о социальных отношениях. Формальные взаимоотношения, лишённые выраженной эмоциональной составляющей, метафорически обозначены через наличие «дистанции» – «расстояния, промежутка между чем-либо» [22. Т. 1. С. 403]: «*Контакты между людьми часто поверхностны – большинство людей предпочитает дистанционные взаимоотношения. Немногие способны на глубинные человеческие контакты. Особенно вредят подлинному психическому контакту всевозможные формальные контактные манипуляции*» [19. С. 244]; «*Например, увеличение дистанции общения с лицами старше по возрасту, отдаление “незнакомых”, приближение “родственников”*» [11. С. 106]. Представление о дальнем

расположении содержится в передаче знания о различии социальных установок и жизненных ценностей, которые могут возникнуть между людьми, состоящими в социальных отношениях: *«К главным параметрам, задающим содержание межличностных отношений, как правило, относят: дистанцию между партнерами или степень их психологической близости (близкую, далекую)»* [13. С. 60]. Нахождение объектов на определенном расстоянии друг от друга служит аналогией представления информации о различном социальном положении и статусе, которыми могут обладать люди: *«Значительные различия в социальном положении общающихся порождают “эффект социальной дистанции”. Крайнее проявление этого эффекта выражается в пренебрежении и ненависти к представителям других социальных групп»* [19. С. 84].

Таким образом, метафорическое моделирование социальной реальности на основе представления о горизонтальной протяженности пространства оказывается связанным с параметрами его ширины-узости и дистанции между объектами.

Вертикальное пространство. Знание о социальном становлении человека репрезентировано на основе представления о вертикальной протяженности пространства. В данном случае мы можем говорить о «вертикали», архетипе «верх-низ» [4] как о продуктивной метафорической модели, используемой для обозначения процесса социальной динамики в общеязыковой картине мира. «Верх» пространства символизирует положительную оценку в процессе социализации человека, достижении социальных успехов, а низ – негативную: *«В итоге социальный подъем личности обеспечивается уже не овладением актуальными знаниями и даже не приращением их, а манипулятивными способностями...»* [13. С. 157]; *«И все равно наш сумасшедший, работающий без правил социальный лифт мог и все еще может выкинуть человека на самый верх бизнеса и политики», «Шесть лет назад, когда Сергей начал работать дворником, казалось, он упал на самое социальное дно»* и др. [17].

В представлении знания о функционировании социальной группы «высота» пространства является показателем успешного объединения всех ее членов: *«При такой интерпретации сплоченности обязателен третий шаг в анализе, т.е. переход от установления единства ценностных ориентаций к еще более высокому уровню единства – единства целей групповой деятельности как выражения сплоченности»* [14. С. 108]; *«высокая референтность членов коллектива по отношению друг к другу; высокая объективность...»* [12. С. 165]; *«высокая степень согласованности, сходства представлений, ориентации, позиций и мнений членов коллектива...»* [Там же. С. 167]; *«Высокоразвитые группы – это группы давно созданные, отличающиеся наличием единства целей и общих интересов, высокоразвитой системы отношений...»* [18. С. 168].

В общеязыковой картине мира и академическом дискурсе социальной психологии пространственная метафора, связанная с перемещением по вертикали,

сопряжена с анималистической метафорой «роста»: «рост» становится метафорическим обозначением социального развития человека: *«Он может повышаться, если социальная общность расценивает субъекта в динамике социального роста, или понижаться, если имеет место динамика социальной деградации»* [12. С. 59]; *«люди с высоким статусом более конформны, в большей степени стремятся соответствовать нормам...»* [14. С. 97]. И, напротив, перемещение вниз и нахождение внизу является аналогией отсутствия социальной востребованности личности: *«низшие по социальной лестнице подражают высшим»* [12. С. 29]; *низкий социальный статус*.

Таким образом, в дискурсе социальной психологии вертикальная протяженность пространства служит метафорическим обозначением динамики социального развития. Высота пространства становится показателем успешной социальной реализации личности и социальной группы людей, а нахождение внизу – метафорой малой социальной востребованности человека как ячейки общества.

Границы пространства. В моделировании социальной реальности в виде пространства, помимо горизонтального и вертикального параметра, значимым компонентом метафорической картины является представление о возможных пространственно-объектных границах. Функционально представление о границе является основой метафорического структурирования норм различных социальных объединений, особенностей их существования и характеристики тех психологических процессов, которые возникают между их членами. В репрезентации знания на основе данной модели активными становятся представления о следующих границах пространства – его «пределе», «пороге», «крае», и представление о границе какого-либо объекта, «рамке».

Наличие пространственно-объектных границ является метафорическим обозначением строго организованных социальных групп людей. Так, «предел» – «конечная часть чего-либо» [22. Т. 3. С. 364] – становится аналогией представления о минимальной или максимальной численности социального объединения: *«Говоря о низших границах малой группы, можно отметить, что ни в теоретическом, ни в практическом планах вопрос о том, два или три члена образуют минимальную малую группу, окончательно до сих пор не решен. Не менее остро стоит вопрос и о верхнем пределе малой группы»* [12. С. 146]; *«Также не решен вопрос о количественных параметрах малой группы, нижнем и верхнем пределе»* [14. С. 93].

В представлении знания о различных социальных отношениях «предел» чего-либо является обозначением ограниченной сферы их реализации: *«Вместе с тем необходимо отметить следующее... дошкольники не мечтали о том, чтобы вырваться за пределы узкосемейных отношений, пойти в школу и начать учиться»* [16. С. 207]; *«В пределах данного социума деятельность входящих в него социальных общностей, групп и отдельных индивидов регулируется общими традициями, обычаями, моральными нормами и правовыми законами»* [19. С. 227]. В пространстве

определенных социальных отношений граница данного типа уподобляется представлению о потенциально возможных действиях человека, которые он может совершить: «*Это тип “реалистов”: свои потребности подобные люди пытаются максимально полно удовлетворить в пределах реально существующих возможностей*» [19. С. 208].

Структура личности человека моделируется на основе представления о пространстве, где его «предел» становится аналогией границ понимания социального «я», разграничения социальных ролей и функций: «*Если жалобы на близких, как то обычно случается, все же приведут “проектора” или клиента, пребывающего в патологическом слиянии, к психологу, задача последнего помочь человеку верно размежевать “я” и “они”, самому обозначить реальные пределы своей личности*» [20. С. 29]. В системе социальных координат и ценностных установок конечная часть чего-либо является обозначением максимально возможной потери социальной ориентации личности: «*В случае длительных неурядиц, систематических неприятностей явление “выгорания” достигает личностно опасных пределов – происходит дезориентация индивида в системе базовых социальных ценностей*» [19. С. 247].

Представление о социальной ситуации, находясь в которой человек стремится обойти связанные с ней нормы, метафорически уподобляется преодолению «порога» пространства – «бруса на полу под дверью» [22. Т. 3. С. 303]: «*Оказаться «над ситуацией» – значит, действовать, превышая пороговые требования ситуации, как бы поднимаясь над ними. Активность в пределах этого определения может означать также и сочетание моментов принятия требований ситуации и преодоления их*» [12. С. 111]. Метафорическое моделирование стыда связано с представлением о пространстве, где «порог» становится символическим показателем различной степени проявления данного социального чувства: «*Разные люди имеют различные пороги стыда, обусловленные ориентациями ценностными...*» [15. С. 1746]; «*Люди имеют разные пороги стыда – от повышенной стыдливости до бесстыдства...*» [19. С. 327].

Не менее значимым компонентом метафорических границ социального пространства является представление о «крае» – «предельной линии, ограничивающей поверхность или протяженность чего-либо» [22. Т. 2. С. 119]. Граница данного типа участвует в структурировании знания о различных социальных процессах и явлениях. Так, в характеристике социального объединения «край» становится аналогией максимально возможной формы его изменения, социальной трансформации: «*Толпа экспрессивная – ...ее крайняя форма – толпа экзотическая, достигающая от взаимного ритмически нарастающего заражения состояния общего...*» [15. С. 1879]. Кардинально противоположные мнения, которые складываются между членами социальной группы, моделируются в виде нахождения чего-либо на краю: «*Это обнажение крайних позиций способствует более ясной картине, которая складывается в группе по дискутируемой проблеме*» [14. С. 115]; «*...группа обладает свой-*

ством быть своеобразным модератором индивидуальных мнений и суждений ее членов: она отбрасывает наиболее крайние решения...» [14. С. 114–115]. «Край» пространства является активной метафорой в представлении знания о максимально возможных проявлениях различных черт характера и поведения личности, которые возникают под действием социально негативных внешних факторов и не соответствуют общепринятым социальным нормам: «*Акцентуации характера – “слабые места” характера индивида, крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями: повышенная уязвимость личности в отношении отдельных психотравмирующих факторов*» [19. С. 314]; «*Делинквент – субъект, чье поведение девиантное в крайних проявлениях являет собой уголовно наказуемые действия*» [15. С. 350].

Граница данного типа характеризует противоположные психологические аспекты личности, проявляющиеся в процессе социализации: «*Такие люди отличаются другой крайностью – заниженным уровнем притязаний*» [19. С. 205], в противоречивости ее поведения и оценки себя: «*Требования к жизни у такого подростка смутны и противоречивы, его бросает из одной крайности в другую, и это характерно не только для его социального поведения, но и для его представлений о себе*» [11. С. 299].

Метафора «края» также участвует в репрезентации знания об определенных социальных качествах представителей различных национальностей, являясь показателем явного проявления какой-либо характерной для них черты: «*Вот почему населению западных государств часто свойственны крайняя степень проявления эгоцентризма*» [12. С. 134]; «*Французам присущи... способность вдаваться в крайности; подвижный темперамент, крайний индивидуализм*» [Там же. С. 206].

Аналогия данной пространственной границы содержится в основе представления знания о психологическом процессе восприятия информации. Исходя из проведенных исследований, психологи отмечают, что быстрее запоминается та информация, которая воспринимается человеком в начале и в конце сообщения. Метафорически данная особенность обозначается как нахождение чего-либо на самом краю пространства: «*Эффект края – в социальной психологии имеется в виду, что из предъявляемых субъекту для восприятия сигналов те, что находятся в начале и в конце, запоминаются быстрее, чем находящиеся в середине*» [Там же. С. 38].

Информация об установленных социальных нормах, которые регламентируют условия образования социальной среды, ее функциональное назначение и определяют условия существования человека в данном социальном пространстве, репрезентирована на основе представления о границе объекта, «рамке» – «четырёхугольной, овальной или иной формы скрепления из брусьев, планок для вставки, обрамления чего-либо» [22. Т. 3. С. 638]: «*Психическое развитие ребенка, формирование его личности может быть понято лишь в рамках его социализации, т.е. усвоения им продуктов накопленного людьми социального опыта*» [16. С. 181]; «*социализация группы происхо-*

дит не в вакууме: на изменения в группе влияет **характер культуры и общественных отношений, в рамках которых существует группа**» [14. С. 119]. Объединение людей, имеющее определенные специфические характеристики, а также член такого объединения метафорически обозначаются в виде пространства объекта, ограниченного рамками, отличающими данный тип объекта от других: **«В рамках определенного образа жизни...»** [12. С. 194]; **«Стилизованный механизм социализации действует в рамках субкультуры. Под субкультурой в общем виде понимается тот комплекс ценностей, норм, морально-психологических черт и поведенческих проявлений, которые типичны для людей определенного возраста или конкретного профессионально-культурного слоя...»** [13. С. 145]. При этом чем строже обозначены и очерчены границы пространства, тем более точно определяются нормы поведения людей внутри данного объединения: **«Нормы-рамки: жестко регламентируют поведение и взаимоотношения субъектов в их настоящем»** [12. С. 46]; **«Существуют определенные пределы выхода за рамки общепринятого поведения, охраняемые социальным контролем»** [19. С. 227].

Существование строгих границ связано с представлением пространства как закрытой или открытой локации, за пределы которой человек способен или не способен выйти. Образ закрытого пространства является метафорическим обозначением социальной группы, характеризующейся постоянством, общими интересами входящих в нее людей и противопоставлением себя другим: **«Корпорации – организованные группы, характерные своей замкнутостью, максимальной централизацией и авторитарностью руководства; на основе своих узкоиндивидуалистических интересов противопоставляют себя другим социальным общностям»** [12. С. 147]; **«Можно сказать, что “граница” группы воспринимается как граница этой психической общности»** [14. С. 70]. На основе возможности входить и выходить из открытого пространства и, напротив, невозможности человека выйти, если пространство замкнуто, моделируется представление о признаках социальных групп, предполагающих как фиксированное (ограниченное) количество ее членов, так и возможное множество: **«Кроме перечисленных, можно выделить множество других социально-психологических критериев для дифференцирования малых групп, например: открытые и закрытые...»** [12. С. 148].

Знание о нежесткой организации социального объединения, отсутствии строгих норм в его образовании уподобляется представлению о пространстве без точно обозначенных границ. Так, к примеру, репрезентировано знание о социальной массе. Как отмечают психологи, масса не имеет строгих социальных требований, ее признаками являются неопределенное число участников, отсутствие каких-либо критериев (национальных, возрастных, гендерных и т.д.). Метафорически аналогией данных признаков становится представление об открытых, нечетких и размытых границах пространства, не затрудняющих вход и выход в данную локацию: **«По числу участников (“размеру”) различают малые и большие группы... по**

проницаемости границ – открытые и закрытые...» [11. С. 181]; **«Масса обычно описывается как более стабильное образование с довольно нечеткими границами»** [14. С. 85]; **«Масса – статистически вероятностная общность. Это означает, что вхождение индивидов в данную общность носит неупорядоченный, случайный характер. Такая общность практически всегда отличается открытыми, размытыми границами, неопределенным количественным и качественным составом»** [12. С. 199]. Отсутствие общепринятых норм, существующих для большинства объединений и не предназначенных для отдельных групп людей, связано с разрушением пространственных границ: **«Масса – общность гетерогенная, т.е. разнородная. Она откровенно внегрупповая или межгрупповая. В подобной общности разрушаются границы между всеми существующими социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и иными группами»** [Там же. С. 199].

В характеристике взаимодействия между членами социума образ пространственной границы также участвует в представлении знания о явлениях, которые отклоняются от социальной нормы. Стремление человека уйти от возможного потенциального общения с окружающими обозначается в виде образования локации, возникновение которой связано с процессом ее отделения от пространства общего социального целого. В данном случае мы наблюдаем не только наличие границы между двумя локациями, но и образование дистанции между ними: **«Акцентуация шизоидная – отгороженность, замкнутость, интроверсия, эмоциональная холодность, недостаток интуиции в процессе общения; соответственно – характер шизоидный»** [15. С. 1986].

Таким образом, представление о границах пространства лежит в основе передачи знания о нормах создания и существования социального объединения людей. Чем строже обозначены границы, тем более точно определены критерии социальной ячейки общества. Отсутствие границ является аналогией отсутствия обозначенных условий социального образования.

Итак, в академическом дискурсе социальной психологии социальная реальность и ее явления моделируются на основе представлений о внешних пространственно-объектных параметрах, которые мы можем наблюдать. Социум и социальные возможности обозначаются на основе параметра ширины, динамика социального развития человека, как и социальная стратификация в целом, уподобляются возможности перемещения по вертикали. Критерии и нормы образования социальных групп репрезентированы в виде закрытого или открытого пространства с наличием границ.

2. Внутренняя организация пространства. Важным этапом успешной социализации любого человека является гармоничное принятие внешних социальных процессов и явлений, адаптация к ним своей психологической реальности. Поэтому в дискурсе социальной психологии знание о социально-психологических изменениях моделируется на основе представления о внутренней функциональной организации пространства, а именно о строго определенном, структурированном, сбалансированном и устойчивом расположении частей внутреннего пространства субъекта.

Социальная реальность, в отличие от реальности субъективной, может быть названа реальностью объективной, так как она объединяет и систематизирует ход мысли большинства людей [21. С. 88]. У каждого человека, взаимодействующего с социумом, есть те или иные представления о том, что хорошо, а что плохо, что можно делать и чего нельзя. Не случайна в связи с этим метафоризация социального представления человека о самом себе в соответствии с определенной упорядоченной «структурой» – «взаиморасположением и связью составных частей чего-либо, строением / устройством, организацией» [22. Т. 4. С. 292]: *«Она характеризует личность как целостную психологическую структуру, возникающую в процессе жизни и воспитания и выполняющую определенную функцию во взаимоотношениях человека с окружающей средой»* [16. С. 11]. Объективная социальная реальность структурируется на основе представлений об упорядоченном пространстве, принципиально отличающем ее от индивидуального внутреннего, «хаотичного» мира субъекта: *«К числу главных отличительных признаков социальной группы позволяет отнести следующие... целенаправленность, упорядоченность и стабильность ее существования...»* [11. С. 178]; *«Установление факта “общей социальной деятельности” сразу же задает группу как элемент социальной структуры общества, как ячейку в более широкой системе разделения труда...»* [14. С. 94]; *«Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим»* [21. С. 36]. В сознании индивида структурой социальной реальности становятся правильное понимание социальных ценностей и точное следование социальным ролям: *«Не важно, на основе общей деятельности или простого взаимодействия, но в группе возникают определенные элементы групповой когнитивной структуры – нормы и ценности, что и есть самое существенное для группы»* [14. С. 94], а также верное определение и выполнение функциональных обязанностей внутри социального объединения: *«Любая группа имеет ту или иную структуру – определенную совокупность относительно устойчивых взаимосвязей между ее членами»* [13. С. 259].

Вступая в контакт с социальной средой, не только сознание человека подвергается ее влиянию, но и весь его организм становится социально детерминированным. Начиная с детства, взрослые обучают детей правилам этикета, режиму сна и питания. Организм людей, способный самостоятельно устанавливать эти потребности, со временем становится зависимым от общего порядка, установленного социальными правилами. Поэтому в академическом дискурсе социальной психологии различные биологические и поведенческие процессы человека номинируются в качестве социально структурированного объекта: *«Даже такие глубоко биологические функции, как оргазм и пищеварение, являются социально структурированными»* [21. С. 120]; *«Общество детерминирует также способ, которым организм используется в деятельности; экспрессивность, походка, жесты социально структурированы»* [Там же].

Близким к понятию «структура» является понятие «схема», представляющая собой «чертеж, изображающий систему, устройство или взаиморасположение, связь частей чего-либо. Схема двигателя, схема маршрута» [22. Т. 4. С. 316]. В отличие от структуры, определяющей функциональную связь элементов в составе объекта, схема демонстрирует принцип работы всего механизма как единого целого. Представление о схеме становится аналогией способа социального мышления и поведения, понимания и объяснения каких-либо явлений, в основе которых содержится социальное стереотипное представление о чем-либо: *«Характер – социально сформированная поведенческая схема личности, система его поведенческих стереотипов, поведенческий синдром»* [19. С. 200]; *«Схема мышления – система понятий или логика рассуждений, привычно применяемая субъектом при встрече с незнакомым объектом или новой задачей»* [15. С. 1758–1759].

Достижение психологического баланса между общественными правилами и внутренним порядком человека также метафорически номинируется в виде возможной симметрии – «пропорционального расположения частей» [22. Т. 4. С. 94]: *«Под “успешной социализацией” нами подразумевается установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностями (а равно и идентичности). И наоборот, “неуспешную социализацию” следует понимать в терминах асимметрии между объективной и субъективной реальностями»* [21. С. 109]; *«В любом случае между его социально предписанной идентичностью и его субъективно реальной идентичностью будет иметься асимметрия»* [Там же. С. 112].

Целостность объекта обеспечивается не только существующей симметрией между составляющими его элементами, но и характеризуется равновесием самих элементов, которые создают данный объект. Такими элементами в академическом дискурсе социальной психологии становятся социальные нормы и представления, обеспечивающие существование социальной реальности в сознании человека. Осознание необходимости следовать социальным законам жизни номинируется на основе признака «устойчивости» объекта – «его способности твердо стоять, держаться, не колеблясь, не падая» [22. Т. 4. С. 525]: *«Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен»* [21. С. 41]; *«Межгрупповые социально-перцептивные процессы обладают большей устойчивостью, консервативностью, ригидностью, поскольку их субъектом является не один человек, а группа...»* [14. С. 127]; *«Они возникают и в связи с другими устойчивыми мотивами, требующими целевой организации поведения, например, с мотивами общественной трудовой деятельности...»* [16. С. 241]. Отсутствие перехода внешне социальных процессов во внутренние психологические ориентиры метафорически обозначается в виде ситуации изменения положения объекта: *«Не потому, что они не считаются само собой разумеющимися, и не потому, что воспринимаются*

как менее реальные в повседневной жизни, но по той причине, что их **реальность** не так глубоко укоренена в сознании, а потому в большей степени **поддается смещению**» [21. С. 99]. Социальное представление человека о себе, формирующееся в процессе межличностного взаимодействия, также метафорически обозначается на основе признака статичного, фиксированного положения объекта в пространстве: **«Цельность характера – это устойчивость позиций и взглядов в различных ситуациях, согласованность слов и поступков; уравновешенность характера – ровность, сдержанность поведения, эмоционально-волевая устойчивость личности»** [19. С. 205]. Аналогией знания о социально значимых образах и моральных, общественных ценностях, которые постигает человек в процессе социализации, становится представление об объекте, который можно «поместить где-либо, надлежащим образом, прочно, устойчиво поставить и т.п.» [22. Т. 4. С. 525]: **«...человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации»** [14. С. 136].

Сохранение устойчивого положения объекта, его равновесия, обеспечивается посредством иных объектов, используемых в качестве элемента поддержки, укрепления имеющейся «социальной» установки. Так, к примеру, содержащаяся в сознании индивида стереотипная интерпретация жизненных ситуаций позволяет ему не придумывать каждый раз новое объяснение происходящим событиям, а обратиться к уже имеющемуся в сознании способу разъяснения, разделяемому другими членами общества. Приверженность участников социального взаимодействия общей точке зрения и общему взгляду на какое-либо событие метафорически обозначается в качестве ситуации поддержки и сохранения всеми приемлемой социальной реальности: **«Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново»** [21. С. 44]; **«Другими детерминантами “стойкости” гипотез являются: мотивационная поддержка, когнитивная поддержка и “согласие с группой”**» [11. С. 380]; **«Для воспитания и поддержания позиции школьника важно, чтобы каждый ребенок, поступающий в школу, воспринимал не только новые, возникшие у него обязанности, но и те права, которые он при этом приобретает»** [16. С. 313].

Итак, метафорическое моделирование социально-психологических процессов осуществляется на основе представления о внутренней организации пространства объекта и его назначения. Преемственность социальных норм и установок в сознании индивида уподобляется симметричному, структурированному и устойчивому положению элементов внутри объекта, обеспечивающих его целостность и функциональность.

3. Отдельно существующее пространство. Ранее мы говорили о том, что нежелание поддерживать коммуникацию, отклонение от социальных норм, девиантное поведение, а также чрезмерная включенность в социальные процессы моделируются в виде отдельно существующих пространств, куда способен уйти человек.

Стремление не вступать в какой-либо контакт с окружающими уподобляется ситуации перемещения субъекта из данного пространства, что передано с помощью различных глаголов движения: **«...следуют обоюдные или односторонние реакции отвержения (скольжение взгляда, отдергивание руки при пожатии, отворачивание головы, тела, отгораживающие жесты, “кислая мина”, суетливость, убегание и т.п.)»** [13. С. 42]. Социально значимые проблемы обозначаются как пространство, из которого можно выйти. Нежелание человека найти пути их решения структурируется в виде стремления избежать нахождения в данной локации: **«Конфликтное противоречие – основа саморазвития индивида и социальных систем. Человек должен не избегать конфликтов, а находить адаптированные выходы из них»** [19. С. 249]; **«Конфликт “сближение-удаление” (конфликт типа “приближение-избегание”) – тип внутри личностного или межличностного конфликта, характеризующегося тем, что один и тот же объект (человек, предмет, событие и т. п.) одновременно порождает у человека как желание сблизиться с ним (приблизиться к нему), так и желание удалиться от него (избежать его)»** [18. С. 228].

К метафорической модели «отдельных пространств» относится представление знания о психическом состоянии человека, формируемом под действием алкогольных и психотропных веществ. Создание иллюзорной реальности метафорически уподобляется искусственному миру, в котором субъект начинает жить: **«Многие подростки, оставаясь внутренне одинокими, с помощью наркокурения приобретают возможность сбегать в собственный искусственный мир»** [12. С. 122]. Явления алкоголизации и наркотизации, наиболее активно развивающиеся под действием стресса, структурируются в виде пространства, куда может уйти человек в ситуации отрицания привычной для сознания жизни: **«...в стрессовых ситуациях уход в алкоголизацию, наркотизацию, в суицидные попытки»** [Там же. С. 137]. Ощущение болезни номинируется в виде отдельного пространства, в которое индивид может сбежать при нежелании принимать повседневную социальную реальность: **«Бегство в болезнь – согласно З. Фрейду – понятие и концепция, фиксирующие и объясняющие причины и механизм ряда заболеваний психических, особенно неврозов, характерных наличием неосознаваемого стремления человека к заболеванию и погружению в болезнь как средство и способ защиты от конфликта и реальности»** [15. С. 132].

Представление о пространстве является активным метафорическим компонентом при передаче знания об акцентуациях личности и ее отношении к социальной действительности. Так, к примеру, у эргопатичной личности в качестве основных социальных черт отмечается «застревание» на профессиональной реализации, что метафорически обозначается в виде отдельного пространства работы: **«Эргопатичный: “уход от болезни в работу”**» [12. С. 138]. При внешне негативном воздействии для шизоидного типа личности свойственны отказ от принятия ситуации и стремление быть наедине с природой, погрузиться в собственный мир. Состояние, достигаемое при этом,

уподобляется первобытному миру, в котором отсутствует цивилизация: «...*стремление уйти в “первобытное” состояние, “растворяясь” среди природы (у шизоидов)*» [12. С. 117].

Таким образом, при внешне негативных факторах и личностных особенностях представление о психологических (психофизиологических) процессах номинируется в виде отдельного пространства, где в силу отсутствия сознательного контроля или целенаправленно может находиться человек.

Подводя итоги, можно обобщить результаты анализа:

1) в основе метафорического структурирования социальной реальности в академических текстах по социальной психологии лежит представление о пространстве и заполняющих его объектах;

2) успешная социальная реализация субъекта моделируется на основе представлений о внешних пространственных параметрах (протяженность по горизонтали и вертикали), воспринимаемых человеком;

3) наличие точных и определенных пространственных границ становится аналогией строго установленных социальных норм, представлений и социальных функций, которые в процессе социального развития должен учитывать человек;

4) психологическая адаптация к социальным изменениям моделируется на основе представления об организации внутреннего пространства субъекта. Симметричность, упорядоченность и устойчивость составляющих элементов внутреннего пространства становятся показателем гармоничного существования человека, принятия социальной функции и жизни в целом;

5) представление о социальной девиации структурируется на основе представлений об изолированных пространствах, куда способен уходить человек.

Таким образом, пространственная метафора играет ведущую роль в формировании научных представлений о процессах социализации человека в ее внешних и внутренних проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
2. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М. : МГУ, филологический факультет, 1996. 125 с.
3. Гусев С.С. Наука и метафора. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 152 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
6. Мухачёва А.М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 14 с.
7. Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5–12.
8. Резанова З.И. Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO_Plus, 2007. С. 326–357.
9. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
10. Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57–72.
11. Социальная психология: Хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Пресс, 2003. 475 с.
12. Мокшанцев Р.И., Мокшанцева А.В. Социальная психология. Москва ; Новосибирск : Инфра-М, 2001. 408 с.
13. Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. М. : Омега-Л, 2006. 352 с.
14. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2007. 363 с.
15. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1998. 2128 с.
16. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. 341 с.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.01.2017).
18. Немов Р.С. Психология: Словарь-справочник : в 2 ч. М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. Ч. I. 304 с.
19. Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М. : Норма ; Инфра-М, 1999. 624 с.
20. Лютова С.Н. Социальная психология личности. Теория и практика: Курс лекций. М. : МГИМО (У) МИД России, 2002. 176 с.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1985–1988.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 сентября 2017 г.

METAPHORICAL MODELING OF HUMAN SOCIALIZATION IN THE ACADEMIC DISCOURSE OF SOCIAL PSYCHOLOGY: LOCATION IN SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 41–49.

DOI: 10.17223/15617793/423/6

Anastasia R. Rakhimova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastena.rahimova@mail.ru

Keywords: metaphorical modeling; conceptual metaphor; academic discourse of social psychology; socialization; social process; social and psychological change.

The aim of the article is to identify features of metaphorical modeling of social space in the academic discourse of social psychology. Metaphorical modeling in the form of space is one of the most common cognitive mechanisms for presenting information in various fields of knowledge. The hypothesis of the study is that in the academic discourse of social psychology the process of human socialization is presented as a strictly organized space-object unit having an external and internal structure. The material for this work was academic publications on social and general psychology. In the center of the metaphorical structuring of social reality in academic texts on social psychology is the notion of space and objects inside it. In general, social reality is modeled on the basis of images of horizontal and vertical space, spatial parameters that a person can observe (length, width, height). Features of interpersonal interaction (formal / informal relationship, kinship, etc.) are indicated as distance between objects that are inside space, “close” / “distant” location. Knowledge of social norms and requirements in the formation of social groups is represented by the presence or

absence of precisely determined space boundaries. The result of successful socialization is a harmonious adoption of external social processes and phenomena like one's own internal psychologically proper living conditions. Therefore, knowledge of social psychological changes is like an internal functional organization of space within a facility: a social personality is like an object, the elements of which have a strictly organized structure, are arranged according to a certain scheme (personality structure, scheme of thinking, etc.). Social values are represented as designated social "arrangements" that can maintain balance and a stable position of the object. The object becomes a representation of society as a functional system which includes a person. At the same time, the notion of social deviation is modeled as an isolated space where a person is able to walk away from the rejection of social reality (go into alcoholism, escape to illness, etc.). This space is presented as unavailable for direct observation and unorganized. The metaphorical modeling of socialization in the form of space, its individual parameters, spatial objects is the basic cognitive metaphor. It is at the basis of the formation and development of the notion of a social system as a world that exists parallel to the real physical space. There is a social person in it, unlike a biological person.

REFERENCES

1. Kozhina, M.N. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta; Nauka.
2. Prokhorova, V.N. (1996) *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian terminology (lexical and semantic formation)]. Moscow: Moscow State University, Faculty of Philology.
3. Gusev, S.S. (1984) *Nauka i metafora* [Science and metaphor]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
5. Nikitin, M.V. (2007) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [A course of linguistic semantics]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
6. Mukhacheva, A.M. (2003) *Prostranstvennye metafory kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira* [Space metaphors as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Antonova, T.G. (2015) Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: orientational metaphors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/1
8. Rezanova, Z.I. (2007) Prostranstvennye metafory v lingvisticheskom tekste [Spatial metaphors in the linguistic text]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO_Plus.
9. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: a paradox or a norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Mishankina, N.A. & Rahimova, A.R. (2015) Metaphorical modeling of human psyche structure in scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 57–72. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/35/6
11. Belinskaya, E.P. & Tikhomandritskaya, O.A. (2003) *Sotsial'naya psikhologiya: Khrestomatiya* [Social psychology: Anthology]. Moscow: Aspekt Press.
12. Mokshantsev, R.I. & Mokshantseva, A.V. (2001) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow; Novosibirsk: Infra-M.
13. Krysko, V.G. (2006) *Sotsial'naya psikhologiya: Kurs lektsiy* [Social psychology: Lectures]. Moscow: Omega-L.
14. Andreeva, G.M. (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press.
15. Golovin, S.Yu. (1998) *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Kharvest.
16. Bozhovich, L.I. (1997) *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of the formation of personality]. Moscow: Izd-vo "Institut prakticheskoy psikhologii"; Voronezh: NPO "MODEK".
17. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>. (Accessed: 27.01.2017).
18. Nemov, R.S. (2003) *Psikhologiya: Slovar'-spravochnik: v 2 ch.* [Psychology: Dictionary-reference: in 2 parts]. Part 1. Moscow: Izd-vo VLADOS-PRESS.
19. Enikeev, M.I. (1999) *Obshchaya i sotsial'naya psikhologiya* [General and social psychology]. Moscow: Norma; Infra-M.
20. Lyutova, S.N. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. Teoriya i praktika: Kurs lektsiy* [Social psychology of personality. Theory and practice: lectures]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii.
21. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz., Poligrafresursy.

Received: 07 September 2017

ИСТОРИЯ

УДК 303.422

П.В. Волошун

«НЕ ОТКРЫВАЙ ПОМЫШЛЕНИЙ СВОИХ ВСЕМ» – К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Рассматривается вопрос о наличии или отсутствии философского образования (степени бакалавра) у российской императрицы Александры Федоровны (Аликс). Анализируется ее интерес к другим конфессиям и религиозным течениям до и после замужества, несмотря на переход в православие. Рассматриваются обстоятельства повседневной жизни Аликс, ее материнские и супружеские обязанности, применение передовых и экспериментальных направлений в медицине конца XIX – начале XX в. Исследование опирается на источники личного происхождения, а именно на корреспонденцию и дневниковые записи на русском, английском и немецком языках, а также свидетельства современников.

Ключевые слова: женское образование; религиозно-философская система; теософия; история повседневности; императрица Александра Федоровна.

Образование в жизни женщины имеет большое практическое значение, оно формирует мировоззрение и оказывает влияние на характер его обладательницы. Особенно это касается обучения в такой области, как религиозная философия, где теоретической базой является богословие (теология), одно из направлений которого – мистическое.

Личность последней российской императрицы Александры Федоровны Романовой (для близких Аликс) и сегодня представляется противоречивой и непонятной. В первую очередь это связано с ее канонизацией, что идет вразрез со свидетельствами современников об ее увлеченности мистицизмом: «Все только спириты и спириты ее занимали» [1. С. 467]. Тем не менее подобная «двуличность» должна получить научное объяснение, что ставит перед исследователями задачу определить мироощущение Аликс, выявить наличие или отсутствие у нее образования, принадлежность к определенной конфессии или некой религиозно-философской системе, что позволит понять причины многих ее поступков, образа мыслей, которые, в свою очередь, повлияли на ее семью и общество в России в конце XIX – начале XX в.

Историко-биографический метод позволяет анализировать и выявлять образ императрицы как личности, обладавшей определенным индивидуальным жизненным и женским опытом, понять мотивы поступков Аликс, их эмоциональную нагруженность с целью обнаружить типичу психосоциальных реакций последней русской императрицы.

Считается, что Аликс была любимой внучкой королевы Виктории и провела в Лондоне детство и юность (после смерти матери, великой герцогини Алисы Гессенской в 1878 г.). Однако переписка королевы Виктории со своей дочерью [2], а также переписка с внучкой, названной в ее честь – Викторией, этого не подтверждают [3]. Более того, родину своей матери – Великобританию – Аликс считала не чем иным, как «чужбиной» [4], и прощание с Дармштадтом каждый раз давалось ей «тяжело» [Ibid. Р. 57]. В одном из писем к подруге Аликс сетует: «Очевидно, в конце мая я отправлюсь с Папа в Англию, а оттуда в Майнц. Первое меня совсем не радует. Я ненавижу

уезжать из Дармштадта» [4. Р. 43]. Действительно, единственное упоминание о «длительном» пребывании Аликс в Шотландии относится к 1888 г., когда ей было 16 лет и она проводила время за постановкой «живых картин» и общением со знакомыми [4. Р. 70].

Также существует версия, что Александра Федоровна во время своего пребывания у королевы Виктории получила образование в Оксфордском университете [5. С. 171] и / или в Германии получила степень доктора философии в Гейдельбергском университете имени Рупрехта и Карла (отсутствует в источниках). В случае достоверности данных сведений это могло бы объяснить увлечение императрицы философией и мистической стороной богословия. Однако анализ корреспонденции Аликс, а именно переписка с отцом, сестрами, братом и близкой подругой этого не подтверждают.

Если предположить, что Александра Федоровна действительно могла получить образование и защитить диссертацию, то произойти это могло с 1890 (достигла 18-летнего возраста) по 1894 г. (год замужества и переезда в Россию). Однако в 1890 г. Аликс написала 14 писем (из известных), и ни одно из них не было отправлено из Великобритании: весь 1890 г. она провела в Германии. Что касается 1891 г. и написанных 18 писем, судя по местам их отправления, всю зиму Аликс также провела дома и лишь с мая по июнь посетила родину матери. За этот месяц (первое письмо из Букингемского дворца она отправляет 10/22 мая и последнее 12/24 июня из Виндзора) она перемещалась между Букингемским дворцом и летними резиденциями в Виндзоре и Балморале (замок в Шотландии), т.е. времени на обучение у нее не было. К тому же в те дни она занималась вышивкой, росписью фарфора (много), изготовлением абажуров, игрой в теннис, верховой ездой [4. Р. 45–46].

Свой 1892 г. Аликс начала с сопровождения брата Эрни в его путешествии по княжеским домам для представления себя в качестве нового великого герцога после смерти их отца [Ibid. Р. 49], и лишь с 20 сентября они пребывают в Лондон, где молодая принцесса «носится по городу» для встреч с портнихами и посещает «роскошные магазины» [Ibid. Р. 57], а через

сутки они отбывают в Шотландию, где Аликс проводит три недели за выжиганием, вязанием, игрой на фортепиано, пением, прогулками [4. Р. 58–59], прослушиванием выступлений скрипача Вольфа, болтовней с сестрой Иреной. При этом ее часто мучали головные боли в эти дни из-за дождя [Ibid. Р. 59]. А вернувшись в Букингемский дворец, 12 октября, Аликс писала о своем утомлении от посещения фотоателье (в полном парадном наряде), скрипаче, чае со старой гувернанткой мисс Джексон («darling Madgie») и о том, как весь следующий день они провели в магазинах. Об уроках или учителях нигде не упоминается.

Ни одно из 10 писем, написанных Аликс на протяжении 1893 г., не были отправлены из Великобритании. Вероятно, весь этот год принцесса провела в Германии, перемещаясь между фамильными замками.

В 1894 г. Аликс написала 18 писем, часть из которых уже относится к пребыванию в Ливадии в качестве невесты наследника российского престола. Судя по корреспонденции, в Великобритании она находилась в период с 30 апреля/21 мая по 13/25 июля [6. Р. 145–155], где предавалась мыслям о своем женихе.

То количество писем Аликс, которое существует на данный момент, ставит под сомнение достоверность сведений Ф.Ф. Юсупова об ученой степени у последней российской императрицы. Примечательно, что Аликс не разделила восторга Феликса перед его отъездом в университет, она пригласила его к себе и «пыталась отговорить» ехать ввиду того, что многие молодые люди потом не желали возвращаться в Россию. Феликс заверил, что собирается получать образование на «пользу царю и отечеству», однако ответ императрице «не понравился» [5. С. 119].

Представляется очевидным, что Аликс не заканчивала Оксфорд и, вероятно, не имела учителей из данного университета, которые могли бы преподавать ей философию в те несколько дней пребывания принцессы в Великобритании. В таком случае допустимо предположить, что образование Аликс получала, находясь в Дармштадте, поскольку Гейдельберг находится недалеко. Однако те же письма ближайшей подруге Тони и брату Эрни этого не отражают.

Если допустить, что образование началось ранее 1890 г., например в 17-летнем возрасте, то в письмах Аликс имеется ее собственное описание времяпрепровождения у бабушки, куда она прибыла в августе 1889 г. [4. Р. 37]. В них также содержатся переживания о Ники, наследнике российского престола, с которым Аликс уже была знакома. Удивительно, что в таком длинном письме к подруге, единственной, кому Аликс могла писать о своих повседневных делах и сердечных переживаниях, она ни словом не обмолвилась о духовном поиске, открытиях, приобретенных в результате получаемого на тот момент образования. Очевидно, что письмо написано 17-летней девушкой на пороге взросления, и ее мысли занимает возлюбленный и предстоящий выбор мужа. Лишь в последующей переписке, будучи в Дармштадте в марте 1891 г., Аликс упоминает посещение ее учительницей (не профессора из университета) для занятия в 10 часов: «А я ничего не выучила – она очень разозлится» [Ibid.]. Прилежной ученицей в свои 19 лет будущая

российская императрица также не была, наличие учительницы свидетельствует, что к этому времени у Аликс не было степени бакалавра философии. Также становится очевидным, что от подруги свои уроки Аликс не скрывала, и если она о них не пишет, значит их не было, или же они не представляли для нее интереса.

Таким образом, можно подвергнуть сомнению версию о полученном Аликс образовании или даже ученой степени в университетах Оксфорда и Гейдельберга. И предстоит еще выяснить, что стало причиной характерного для последней российской императрицы мировоззрения, которое нельзя назвать однозначно православным.

Следует сказать о сомнениях Аликс в смене религии, а именно о том, что некоторые современники не из ближайшего окружения императрицы, писали: «Не из-за чистоты и возвышенности православия (по существу православия это, несомненно, так) принцесса Alix решила переменить свою веру. Ведь о православии она имела такое же представление, как младенец о теории пертурбации небесных планет» [7. С. 595]. Нельзя не отметить резкость в данном высказывании С.Ю. Витте и его подборку примеров и определений, содержащих уничижительные характеристики Александры Федоровны, что говорит о субъективности, предвзятости в отношении к ней. Далее он пишет: «Но, раз решившись переменить религию, она должна была уверить себя, что это единственная правильная религия человечества. Конечно, она и до сих пор не постигает ее сущности» [Там же]. Что касается самого С.Ю. Витте, следует отметить, что впоследствии он неоднократно прибегал к советам и помощи Г. Распутина [8. С. 87; 9. Л. 14].

По поводу перехода в православие и представлениях о нем у Аликс, фрейлины Е.А. Нарышкина в своих воспоминаниях пишет, что «было решено дать ей в учителя отца Янышева, которому наконец удалось убедить молодую девушку в истинности православной веры. Как он позднее мне рассказал, это явилось нелегким делом, так как он каждый раз убеждался, какими точными и глубокими знаниями принцесса обладала во всех религиозных вопросах» [10. С. 332]. Представляется, что императрица не была наивной в богословии и к выбору религии подходила осознанно. И в дальнейшем, уже проживая в России, продолжала заниматься самообразованием [11. С. 157]. Однако следует обратить внимание на «знания во всех религиозных вопросах», не исключено, что под словами священника (или же их интерпретация фрейлиной) подразумевается, что Аликс интересовалась различными религиями, поэтому у нее было много вопросов.

Среди книг, которыми увлекалась императрица, был труд немецкого христианского мистика Иоганна Таулера (1300–1361) «*Les amis de Dieu au XIV siècle*» («Друзья Бога в XIV столетии»)» [12. С. 106], которую она давала читать А.А. Вырубовой в 1905 г. Именно этим Анна объясняет веру царя и царицы в Г. Распутина и других; не исключено, что поэтому императорская чета именовала их словом «друг» (Таулер И. входил в кружок мистиков «Друзья Бога». – П.В.). О том, что Аликс действительно была знакома с тру-

дами Таулера, свидетельствует она сама, делая выписки из его книг [13].

В своей записной книжке, которую Аликс вела в период с 1901 по 1905 г., на внутренней стороне обложки в качестве эпиграфа она написала: «Не открывая помышлений своим всем, чтоб не ввести брата твоего в соблазн» [13. Л. 1]. Предостережение для себя самой или для читающего, рискующего впасть в соблазн? В предыдущей записной книжке в качестве эпиграфа был 33-й стих 68-го псалма (в оригинале 69:32 ввиду использования Аликс не славянской редакции Библии): «И оживет сердце ваше, ищущие Бога» [14. Л. 1].

Действительно, среди выписанных Аликс собственноручно цитат значительную часть занимают выдержки из протестантской теологии, трудов богословов и апологетов, философов, святых и проповедников разных ветвей христианства. Однако среди них попадаются цитаты Гермеса Трисмегиста (автор магико-оккультного учения «герметизм») и Маханирваны-тантры («Тантры Великого Освобождения»). Есть записи, которые косвенно можно отнести к поиску и удержанию «Друзей Бога», которые появляются в жизни Аликс в этот период: «Свой своего найдет, говаривал Оптинский старец о. Леонид, выражая (?) тем, что искренно и от всей души имущаго спасения Бог приведет к истинному наставнику» [13. Л. 292], и еще: «Магнит притягивает только сродные ему железо и сталь. Ибо не неправеден Бог и не попустит, чтобы прельстились те души, которые с верой и незлобием смиренно покорили себя совету и суду ближнего» [Там же], а также: «Нашедши наставника и ко нему по сыновнему прилепившись и телом и духом пребывая с того времени весь в его повелениях и с ним во всем согласуясь, смотря на него, как на самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение <...> последуй за учителем своим» [Там же]. Все выписки, сделанные за это время в основном касаются темы смирения и претерпевания несправедливых унижений, о сохранности душевного мира и ниспослании Богом испытаний и скорбей и пр. При приблизительном подсчете, за пять лет ведения записей Аликс цитирует 77 книг.

Беспорядочность цитат, их несочетаемость и порой взаимоисключение [13. Л. 106–107, 296] в содержании, отсутствие какой-либо системы в выборе книг скорее намекает на отсутствие какого-либо образования у Аликс. Вероятно, она занималась духовными поисками без какого-либо руководства, не отдавая предпочтения одной религии или религиозно-философскому учению. А учитывая упоминание среди ее знакомых Папыса (настоящая фамилия Анкосс, или Энкосс) [5. С. 175; 15. С. 490], мага, медиума, спирита, масона и розенкрейцера, допустимо предположить, что такой разброс тем связан не с чем иным, как с надконфессиональной синкретической религиозной философией – теософией [16. С. 364]. Теософия получила свое развитие в XIX–XX вв. Это объясняет одновременное использование Аликс выписок из трудов по алхимии, индийских текстов, философии, богословия. То, что императрица увлеклась этим философско-религиозным направлением, подтверждает и ее сестра, великая княгиня Елизавета Федоровна [17. С. 367].

Православная среда, в которой пребывала Аликс, имела для нее свое практическое значение, однако она была лишь частью ее собственного мировоззрения. Фрейлина Ю.А. Ден (Лили) отмечает, что православие «способствовало развитию в Ее Величестве этого мистического чувства» [18. С. 63].

Влияние на Аликс таких личностей, как месье Филипп Ансельм Низье и Григорий Распутин, было значительным. Оба случая характеризуют последнюю российскую императрицу как старательную жену и заботливую мать. В первом речь идет о «ложной беременности» Аликс, которая произошла в 1902 г. после рождения четвертой дочери и в результате сильного желания родить сына [11. С. 158]. Вопреки всем ожиданиям беременность не разрешилась родами: «После двух месяцев лечения он (Ф.А. Низье – П.В.) объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского Царя. Прошло шесть месяцев...» [19. С. 213]. Великий князь Сергей Александрович, дядя Николая II, записал в своем дневнике: «17 августа. Петергоф. Большой дворец. <...> прямо к Ники и Alix – она не пополнела, хотя ждут роды ежедневно – все это непонятно, странно – всякого вранья на сей счет слишком много, увы! <...> 18 августа. Петергоф. После 4 ч. к Alix – встретились с Ники – объявил мне, что у Alix оказалось, что никакой беременности нет!! 9 мес. не было регул!! и теперь все насмарку» [20. Л. 117–118]. На протяжении всей беременности Александра Федоровна «не допускала к себе врачей» [10. С. 351], однако когда «прошли все возможные сроки родов, к постели больной были приглашены врачи», которые «быстро и решительно поставили диагноз; они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны» [19. С. 213]. Семья и окружение были уверены, «что под внушением доктора Филиппа Царица возомнила себя беременной» [10. С. 351]. В действительности же Аликс и Николай II обращались к месье Филиппу не за тем, чтобы забеременеть, а за тем, чтобы повлиять на пол ребенка. Поскольку, согласно медицинским представлениям на начало XX в., считалось, что за пол будущего ребенка отвечает женщина [21. С. 450–451]. Николай II «ни разу не высказал видимого недовольства при объявлении пола ребенка» [11. С. 157], однако нельзя сказать, что он не переживал.

Слухи о мистической беременности быстро распространились, во многом благодаря усилиям великого князя Сергея Александровича, который информировал о конфузе императрицы всех членов семьи Романовых, а также сообщил духовнику, отцу Иоанну (Кронштадтскому), который в свою очередь диагностировал: «Действует от духа прелести, нехороший человек, его молитвы не годны <...> “от таких молитв плод жить не может”» [20. Л. 118–120]. Огласка получила большой размах [17. С. 71], интимные подробности репродуктивной жизни женщины, императрицы, активно обсуждались российским обществом, строились самые различные предположения.

Женщина теряет здоровье на попытках родить дитя наследника, за шесть лет она рождает четырех

дочерей, т.е. постоянно беременная или с младенцем на руках: почти весь 1895 г. она ходит беременная [11. С. 99] своим первым ребенком Ольгой (рожает в ноябре), через год она беременна вторым ребенком [Там же. С. 133], Татьяной (рожает летом 1897 г.), еще через год беременеет третьим [11. С. 145] – Марией (рожает летом 1899 г.), и через 1,5 года уже носит Анастасию (рожает летом 1901 г.). Помимо беременностей и родов, при ее и без того слабом здоровье [Там же. С. 134], императрица сама кормила детей грудью. Времени и ресурсов организма Аликс на то, чтобы родить еще детей, особенно в свете возрастающих проблемам с сердцем [12. С. 33; 22. С. 83; 23. С. 179], оставалось немного.

Анна Фишер-Дюккельман, доктор медицины и практикующий врач, пишет в своей книге «Женщина как домашний врач» о магнетизме и его практическом применении, добавляя в качестве аргумента примеры из Нового Завета о лечении Иисусом Христом больных методом наложения рук [21. С. 386]. Действительно, в конце XIX–XX вв. методы Ф.А. Низье не были чем-то шокирующим. Более того, и в России о терапевтической роли гипноза доктора не только знали (Шарко, Фрейд, Гиляров, Бехтерев, Данилевский, Гейбель, Прейер и др.) и находили ему применение, но и пропагандировали его применение, в том числе в акушерстве и гинекологии [24. С. 1, 12–13, 15; 25. С. 3, 5–6, 7–8, 20].

В то же время практика «мастера Филиппа» действительно вызывала сомнения ввиду его собственного увлечения мистикой [26. Р. 20], что и стало причиной гонений, которые ему устроили в прессе в конце 1902 г., отвечать на которые он не стал [Ibid. Р. 103]. Этот случай российское общество не забыло царственной чете до 1915 г. [15. С. 490].

Тем не менее никакой «ложной» или «мистической» беременности, как рисовало себе общество [Там же. С. 646], у Аликс не было; 20 августа Николай II записал в своем дневнике: «Утром у Аликс случился выкидыш при совершенно нормальных условиях» [27. Л. 72–73]. Можно предположить, что у Аликс произошла анэмбриония. Однако точно установить это мог бы анализ специалистов.

Долгожданный сын и наследник Алексей родился в 1904 г., и Николай II записал в дневнике 30 июля: «Все произошло замечательно скоро – для меня по крайней мере» [28. С. 222]. Первая запись о том, что у маленького Алексея кровотечение появилась 8 сентября [Там же. С. 228], однако ничего критичного не предположили, и уже через сутки у Аликс и Николая «отлегла щемящая забота» [Там же].

Ситуация с лечением болезни сына также имеет научное обоснование. Даже малообразованный крестьянин Г. Распутин знает о таком явлении, как гемофилия, называя ее, как было принято в деревнях, «болезнью крови» [9. Л. 30]. Распутин говорит о том, что эта болезнь не лечится «заговорами», и это даже деревенские бабы понимают, а «дело в том, что такие, у которых кровь бьет, очень они люди нервные, тревожные, и чтобы кровь унять, надо их успокоить. А это я умел» [Там же].

Что касается спиритизма, в котором неоднократно обвиняли Аликс, он также оказался на стыке развития

научных представлений и мистики. В критическом очерке доктора и приват-доцента Императорской Военно-медицинской академии П.Я. Розенбаха находим следующее: «И, несмотря на весь свой пресловутый рационализм, наш век не лишен разных попыток найти более или менее удовлетворительный ответ на эти вопросы», отсюда и «эпидемическое распространение спиритизма по всем странам цивилизованного мира, совершившегося в течение нескольких десятилетий, в середине нашего века, в самый разгар процветания естественных наук и применения механических принципов к биологическим явлениям» [29. С. 6]. Автор указывает, что спиритизмом увлекались крупные ученые, в том числе А. Уоллес, создатель эволюционной теории происхождения видов совместно с Ч. Дарвином, и популярные личности, такие как А. Конан Дойль написавший двухтомник «The History of Spiritualism». Более того, в Лондоне было основано общество под названием «Society for psychical research» для «исследования природы и размеров влияния, которое возможно между душами, независимо от каких бы то ни было известных способов восприятия» [Там же. С. 9].

Интересно отметить, что православные проповедники становились на сторону спиритизма (при этом осуждая гипнотизм), поскольку видели в нем доказательство существования духовного мира [30]. Авторы-христиане допускали, что в большинстве случаев (т.е. допустимо некое меньшинство) действуют не души умерших, а «диаволы», поэтому заниматься «спиритизмом – весьма опасное занятие» для неискушенных людей [30. С. XVII].

Известно, что спиритизмом увлекалась бабушка Аликс, королева Великобритании Виктория, а также члены британского аристократического общества.

Строго говоря, применение гипнотизма с целью повлиять на пол ребенка в утробе матери, родившей четырех дочерей и практически утратившей здоровье из-за частых родов, увлечение популярным в то время в научных и интеллигентных кругах спиритизмом, лечение гемофилии у единственного сына и наследника методами внушения определяют Аликс как мать, идущую в ногу с развивающимися медицинскими знаниями.

В возрасте 43 лет Аликс получила фельдшерское образование сама, а также привлекла к этому дочерей, и подругу: «Мы прошли полный *фельдшерский* курс, с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек» [31. С. 28]. Императрица ассистировала на операциях и получила одобрение от хирурга В.И. Гедройц [Там же. С. 55]. Вероятно, это было единственное действительное образование Аликс, подтвержденное аттестатом [12. С. 68–69].

Способность к обучению у российской императрицы Александры Федоровны, трагические события в детстве (смерть сестры, матери), испытываемое в юности одиночество, трудности и долговременность помолвки с любимым человеком стали причиной поиска божественного в повседневной жизни.

Очевидная потребность Аликс в изучении трудов богословов и проповедников, священных текстов и философских работ, желание общаться с людьми «ведающими истину», спиритические эксперименты,

принятие новых, пусть и сомнительных, достижений в медицинской науке (гипнотизм в гинекологии) ука- зывают на ее пытливый ум.

Однако нет весомых доказательств того, что она могла получить образование в Оксфордском или Гей- дельбергском университетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М. : Новости, 1900. 608 с.
2. Alice, Grand Duchess of Hesse, Princess of Great Britain and Ireland. Letters of Her Majesty The Queen: With a memoir by HRH Princess Chris- tian. Boston : Adamant Media Corporation, 2001. Vol. 1, 2.
3. Advice to My Grand-daughter. Letters from Queen Victoria to Princess Victoria of Hesse. Selected and with a commentary by R. Hough with a foreword by The Princess's grand-daughter The Lady Brabourne. New York : Simon and Schuster, 1976.
4. Hoffman-Kuhnt L. Briefe der Zarin Alexandra von Russland an ihre Jugendfreundin Toni Becker-Brancht. Norderstedt : Books on Demand GmbH, 2009.
5. Юсупов Ф.Ф. Мемуары : в 2 кн. До изгнания, 1887–1919. В изгнании / первый полн. пер. с фр. Е. Кассировой. М. : ИП Богат, 2007. 432 с.
6. The Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore Grand Duke and Duchess of Hesse. 1878–1916 / ed. by P.H. Kleinpenning. Norderstedt : Books on Demand GmbH, 2010.
7. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М. : Мысль, 1991. 708 с.
8. Дневник б. великого князя Андрея Владимировича / ред. и пред. В.П. Семенникова. Л. : Гос. изд-во, 1925. 112 с.
9. Дневник Распутина: 1915–1916 // ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. 155 л.
10. Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 688 с.
11. Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы Всероссийской. М. : Русский Хроно- граф, 2006. 528 с.
12. Вырубова А.А. Страницы моей жизни. М. : Захаров, 2012. 432 с.
13. Записная книжка императрицы Александры Федоровны с копиями стихотворений, цитатами из религиозных и философских произведе- ний. 1901–1905 // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 304. 297 л.
14. Записная книжка императрицы Александры Федоровны в выписками религиозного содержания. 1897–1901 // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 301. 238 л.
15. Джунковский В.Ф. Воспоминания : в 2 т. / под общ. ред. А.Л. Паниной ; пред. и прим. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой. М. : Изд- во им. Сабашниковых, 1997. 688 с.
16. Основы религиоведения / под. ред. И.Н. Яблокова. М. : Высшая школа, 2004. 511 с.
17. Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны / сост. Т.В. Коршунова, Е.Н. Панкратова, О.С. Трофимова. М. : Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2011. 432 с.
18. Ден Ю.А. Подлинная царица. М. : Вече, 2013. 304 с.
19. Романов А.М. Книга воспоминаний. М. : АСТ ; СПб. : Полигон, 2009. 383 с.
20. Дневник великого князя Сергея Александровича. 1902 // ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–120.
21. Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач. СПб. : Издательство Ашарханова, 1903. 563 с.
22. Мемуары великой княгини Ольги Александровны // Запись Я. Ворреса. М. : Захаров, 2004. 272 с.
23. Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918 // Новый журнал. Нью-Йорк : The New Review Publishing, 1991. Кн. 182. 400 с.
24. Ануфриев А.А. О терапевтической роли гипноза при неудержимой рвоте беременных. Доклад, читемый 15 декабря 1899 г. на заседании Московского акушерско-гинекологического общества. СПб. : Губернская типография, 1900. 16 с.
25. Боткин Я.А. Гипнотизм в гинекологии и акушерстве. М. : Типография В. Рихтера, 1897. 39 с.
26. Jaquot A., Philippe A. Les Réponses de Maître Philippe. Paris : Le Mercure Dauphinois, 2015.
27. Дневник Николая II // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 244. Л. 172–173.
28. Дневники императора Николая II / ред. К.Ф. Шацко. М. : Орбита, 1991. 376 с.
29. Розенбах П.Я. Современный мистицизм. Критический очерк. СПб. : Издание К.Л. Риккера, 1891. 52 с.
30. Дьяченко Г. Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности, с приложением рассказов и размышлений, приводящих к признанию духовного мира вообще : в 3 ч. Материалы для опытной психологии и естественно-научной апологии христианства. М. : Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1900. 766 с.
31. Переписка Николая и Александры Романовых / пред. М.Н. Покровского. Т. III : 1914–1915. Москва ; Петроград : Государственное изда- тельство, 1923. 511 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июля 2017 г.

“DO NOT OPEN YOUR THOUGHTS TO EVERYONE”: ON PHILOSOPHICAL EDUCATION OF EMPRESS ALEXANDRA FEODOROVNA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 50–55.

DOI: 10.17223/15617793/423/7

Polina V. Voloshun, Pirogov Russian Research Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pvoloshun@gmail.com

Keywords: women’s education; religious-philosophical system; theosophy; the history of everyday life; Empress Alexandra Feodorovna.

The author sets out to assess the quality of the education of Empress Alexandra Feodorovna, and thereby to reveal what hid be- hind the spiritual search for this woman: research interest formed by the academic education in the field of philosophy, or passion that became a manifestation of the inner needs of the individual and her traumatic experience. The study of this problem is also nec- essary in connection with the highest status of Alexandra Feodorovna, her influence on domestic and foreign policy in Russia at the beginning of the 20th century through her family and her spouse, Emperor Nicholas II. In societies – academic, secular or ecclesiasti- cal, – the image of the last Russian Empress Alexandra Feodorovna still appears ambiguous and contradictory. Her passion for “mys- ticism” still remains a problematic field. Some contemporaries explained the reason for her interest in sacral knowledge by the fact that Alexandra Feodorovna had a philosophical education (Bachelor’s degree). The article uses historical reconstruction and bio- graphical methods. The material of the research was diaries and notebooks, written by the Empress, as genuine sources of her thoughts, feelings, intentions, experiences. In them she wrote out quotations from the Holy Scripture, the teachings of the Holy Fa- thers, mystical theology, philosophy, treatises on alchemy, tantra and others. The study of Alexandra Feodorovna’s correspondence

before her marriage allowed to reconstruct the schedule of her movements and stays in Hessen, in Great Britain, and the events described in them to reveal the lack of obtaining an academic education in her daily life, which denies the testimonies of contemporaries (F.F. Yusupov) about the Empress having a Bachelor's degree in philosophy. Another aspect to consider was the behavior of the Empress as a woman, mother, namely, her use of progressive methods in the field of obstetrics and gynecology, characteristic of medicine in the late 19th – early 20th centuries. At the same time, Alexandra Feodorovna turned to methods of traditional medicine in the treatment of her son, when doctors recognized his illness as fatal. Analysis of these events made it possible to conclude that the Empress's family life was the sphere of application of her religious and philosophical ideas and practices. Accordingly, her fascination with overconfessional syncretic religious philosophy (theosophy) had a key influence on the decision-making and actions of the Empress. The use of the services of such persons as F.A. Nizier, G.E. Rasputin and others caused an unambiguously negative assessment on the part of close relatives of Alexandra Feodorovna and her subordinates. In sources of personal origin, such as diaries and memoirs, there are accusations of the Empress that she has ruined herself and Russia with her "mysticism". It is noteworthy that these accusations do not concern Emperor Nicholas II, who shared the views of the spouse, and no attention is paid to superstitions, fortune-telling and visits to G.E. Rasputin of informants themselves. The revolutionary events in Russia at the beginning of the 20th century, paradoxically, are still explained by the ambiguous worldview of Empress Alexandra Feodorovna. Her fascination with religious philosophy could be explained by her special education, but sources that belonged to the pen of the Empress herself do not confirm this. At the same time, her desire to follow the scientific progress in the field of medical knowledge explains her only real surgical nurse education.

REFERENCES

1. Bogdanovich, A.V. (1900) *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik* [The last three autocrats. A diary]. Moscow: Novosti.
2. Alice, Grand Duchess of Hesse, Princess of Great Britain and Ireland. (2001) *Letters of Her Majesty The Queen: With a memoir by HRH Princess Christian*. Vols 1, 2. Boston: Adamant Media Corporation, 2001.
3. Hough, R. (ed.) (1976) *Advice to My Grand-daughter. Letters from Queen Victoria to Princess Victoria of Hesse*. With a foreword by The Princess's grand-daughter Lady Brabourne. New York: Simon and Schuster.
4. Hoffman-Kuhnt, L. (2009) *Briefe der Zarin Alexandra von Russland an ihre Jugendfreundin Toni Becker-Brancht* [Letters from Czarina Alexandra of Russia to her youth friend Toni Becker-Brancht]. Norderstedt: Books on Demand GmbH.
5. Yusupov, F.F. (2007) *Memuary: v 2 kn. Do izgnaniya, 1887–1919. V izgnanii* [Memoirs: in 2 books. Before exile, 1887–1919. In exile]. Translated from French by E. Kassirova. Moscow: IP Bogat.
6. Kleinpenning, P.H. (ed.) (2010) *The Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore Grand Duke and Duchess of Hesse. 1878–1916*. Norderstedt: Books on Demand GmbH.
7. Vitte, S.Yu. (1991) *Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg.* [Selected memories, 1849–1911]. Moscow: Mysl'.
8. Semennikov, V.P. (ed.) (1925) *Dnevnik b. velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha* [Diary of former Grand Duke Andrei Vladimirovich]. Leningrad: Gos. izd-vo.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 623. List 1. File 3. 155 p. *Dnevnik Rasputina: 1915–1916* [Diary of Rasputin: 1915–1916].
10. Naryshkina, E.A. (2014) *Moi vospominaniya. Pod vlast'yu trekh tsarey* [My memories. Under the rule of three kings]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Buksgevdn, S.K. (2006) *Ventsenosnaya muchenitsa. Zhizn' i tragediya Aleksandry Fedorovny Imperatitsy Vserossiyskoy* [A crowned martyr. Life and tragedy of Alexandra Feodorovna, the Empress of All Russia]. Moscow: Russkiy Khronograf.
12. Vyubova, A.A. (2012) *Stranitsy moey zhizni* [Pages of my life]. Moscow: Zakharov.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 640. List 1. File 304. 297 p. *Zapisnaya knizhka imperatitsy Aleksandry Fedorovny s kopiymi stikhotvorenii, tsitatami iz religioznykh i filosofskikh proizvedeniy. 1901–1905* [Notebook of Empress Alexandra Feodorovna with copies of poems, quotations from religious and philosophical works. 1901–1905].
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 640. List 1. File 301. 238 p. *Zapisnaya knizhka imperatitsy Aleksandry Fedorovny s vypiskami religioznogo soderzhaniya. 1897–1901* [Notebook of Empress Alexandra Feodorovna with extracts of religious content. 1897–1901].
15. Dzhunkovskiy, V.F. (1997) *Vospominaniya: v 2 t.* [Memories: in 2 vols]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovskh.
16. Yablokov, I.N. (ed) (2004) *Osnovy religiovedeniya* [Fundamentals of Religious Studies]. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Korshunova, T.V., Pankratova, E.N. & Trofimova, O.S. (eds) (2011) *Pis'ma prepodobnomuchenitsy velikoy knyagini Elizavety Fedorovny* [Letters of the Holy Martyr Grand Duchess Elizabeth Feodorovna]. Moscow: Pravoslavnoe sestriceshvo vo imya Prepodobnomuchenitsy Elizavety.
18. Den, Yu.A. (2013) *Podlinnaya tsaritsa* [The real czarina]. Moscow: Veche.
19. Romanov, A.M. (2009) *Kniga vospominaniy* [A book of memories]. Moscow: AST; St. Petersburg: Poligon.
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 648. List 1. File 38. Pages 1–120. *Dnevnik velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha. 1902* [Diary of Grand Duke Sergei Alexandrovich].
21. Fisher-Dyukelman, A. (1903) *Zhenshchina kak domashniy vrach* [Woman as a home doctor]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Asharkhanova.
22. Vorres, Ya. (ed.) (2004) *Memuary velikoy knyagini Ol'gi Aleksandrovny* [Memoirs of Grand Duchess Olga Aleksandrovna]. Moscow: Zakharov.
23. Chebotareva, V. (1991) *V dvortsovom lazarete v Tsarskom Sele. Dnevnik: 14 iyulya 1915 – 5 yanvarya 1918* [In the palace hospital in Tsarskoe Selo. The diary: July 14, 1915 – January 5, 1918]. *Novyy zhurnal*. 182. 400 p.
24. Anufriev, A.A. (1900) *O terapevticheskoy roli gipnoza pri neuderzhimoy rvote beremennykh. Doklad, chitemyy 15 dekabrya 1899 g. na zasedanii Moskovskogo akushersko-ginekologicheskogo obshchestva* [On the therapeutic role of hypnosis in the uncontrollable vomiting of pregnant women. The report, read on December 15, 1899 at a meeting of the Moscow Obstetric and Gynecological Society]. St. Petersburg: Gubernskaya tipografiya.
25. Botkin, Ya.A. (1897) *Gipnotizm v ginekologii i akusherstve* [Hypnotism in gynecology and obstetrics]. Moscow: Tipografiya V. Rikhtera.
26. Jaquot, A. & Philippe, A. (2015) *Les Réponses de Maître Philippe* [The responses of Master Philippe]. Paris: Le Mercure Dauphinois.
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 601. List 1. File 244. Pages 172–173. *Dnevnik Nikolaya II* [The Diary of Nicholas II].
28. Shatsilo, K.F. (ed.) (1991) *Dnevnik imperatora Nikolaya II* [The Diaries of Emperor Nicholas II]. Moscow: Orbita.
29. Rozenbakh, P.Ya. (1891) *Sovremennyy mistitsizm. Kriticheskiy ocherk* [Modern mysticism. A critical essay]. St. Petersburg: Izdanie K.L. Rikhtera.
30. D'yachenko, G. (1900) *Iz oblasti taistvennogo. Prostaya rech' o bytii i svoystvakh dushi chelovecheskoy, kak bogopodobnoy dukhovnoy sushchnosti, s prilozheniem rasskazov i razmyshleniy, privodyashchikh k priznaniyu dukhovnogo mira voobshche: v 3 ch. Materialy dlya opytnoy psikhologii i estestvenno-nauchnoy apologii khristianstva* [From the field of the mysterious. A simple speech about the existence and properties of the human soul as a godlike spiritual entity, with the application of stories and reflections leading to the recognition of the spiritual world in general: in 3 parts. Materials for experimental psychology and the natural scientific apology of Christianity]. Moscow: Tipografiya Tovari-shchestva I.D. Sytina.
31. Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1923) *Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovskikh* [Correspondence between Nicholas and Alexandra Romanov]. Vol. III: 1914–1915. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Received: 11 July 2017

КОНТУРЫ БИОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЯ И.С. ЛАПИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Осуществлена попытка составить представление о биографии русско-французского издателя И.С. Лапина по публикациям во французской прессе начала XX в. Прослежены основные этапы жизни и деятельности персоны во Франции, перечислены наиболее существенные и представляющие интерес события, связанные с указанным издателем и членами его семьи. Каталогизированы ключевые франкоязычные источники, отражающие работу издательства И.С. Лапина в Париже, которая слабо изучена на данный момент.

Ключевые слова: издательство И.С. Лапина; биография; книгоиздание; филокартия; первая треть XX в.; деятели русской эмиграции в Париже.

Фигура российско-французского издателя И.С. Лапина, основавшего в начале XX в. издательство в Париже и выпускавшего многочисленные образцы книг класса люкс и почтовых открыток, может служить примером парадоксального сочетания популярности и неизвестности. С одной стороны, И.С. Лапин был удостоен высоких званий и наград как в России, так и во Франции, в современных ему газетах его имя часто сопровождалось эпитетами наподобие «известный», «уважаемый» и «выдающийся», и вплоть до настоящего времени выпущенные его издательством почтовые открытки являются предметом интереса коллекционеров и музейных работников. С другой стороны, в открытом доступе чрезвычайно затруднительно обнаружить какие-либо надежные вторичные источники, которые содержали бы обобщение подробностей биографии И.С. Лапина: объем таких данных сводится к нескольким небольшим статьям, появляющимся со значительными временными разрывами, что создает информационный вакуум, не соответствующий статусу и значимости этой персоны. Кроме того, большинство открытых источников не может предоставить даже корректных сведений об имени, отчестве и датах рождения и смерти И.С. Лапина, в результате чего «предполагаемые» личные данные издателя (т.е., говоря упрощенно, догадки о том, какими могли бы быть его имя и отчество, исходя из инициалов) проникают в библиографические описания и картотеки вплоть до уровня Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина.

В течение довольно продолжительного периода времени фактически единственным объемным источником данных об И.С. Лапине, находящимся в режиме открытого доступа, оставалась статья М. Забоченя «Открытки парижского издательства И.С. Лапина», опубликованная в газете «Правда» в 1997 г. и начинающаяся со слов «Издательство выходца из России художника-литографа И.С. Лапина известно каждому филокартисту, но публикации о нем автору этой статьи не встречались» [1]. Более близкие к современности проявления интереса к рассматриваемой нами личности прошли через несколько стадий в виде статей в профильной прессе [2] и в итоге получили воплощение в нескольких статьях каталога «Издательство И.С. Лапина в Париже», выпущенного издательским домом «Крепостнов» в 2013 г. [3]. Эти информационные материалы представляют довольно боль-

шой объем сведений о деловых проектах и связях И.С. Лапина в России, однако информация биографического характера, и в первую очередь – касающаяся французской стороны жизни издателя, изложена в сравнительно небольшом количестве. Каталог ИД «Крепостнов» мы будем рассматривать как наиболее актуальную и полную на данный момент попытку собрать сведения об И.С. Лапине и его издательстве; других, более новых, вторичных источников подобного рода нам обнаружить не удалось.

В будущем 2018 г. исполняется 150 лет с момента рождения И.С. Лапина. Слабая изученность биографии издателя вкупе с его значимостью для истории отечественного книгоиздания и с названной памятной датой представляются нам подходящими основаниями для попытки актуализировать и дополнить данные о нем.

Источником данных для контуров биографии И.С. Лапина, представленных в настоящем исследовании, послужило интернет-подразделение Национальной библиотеки Франции – Gallica (<http://gallica.bnf.fr>). «Галлика» содержит чрезвычайно значительное количество оцифрованных копий французской периодики последних столетий и предоставляет возможности полнотекстового поиска по этому архиву, поддержанные программным обеспечением распознавания текстов (OCR). Хотя в архиве подобного рода неизбежны лакуны и ошибки распознавания, он остается достаточно надежным и богатым источником информации для нашей работы: в ходе исследования мы собрали 468 вырезок, в которых тем или иным образом отражена деятельность И.С. Лапина и членов его семьи во Франции.

Мы полагаем необходимым заблаговременно оговориться, что в интересах сохранения приемлемого размера статьи мы намеренно не рассматриваем в этом материале два объемных вопроса: личные данные И.С. Лапина вкупе с началом его жизненного пути, а также его издательский репертуар. Эти вопросы будут нами изложены в отдельных публикациях. Кроме того, мы не затрагивали деятельность издателя в России, поскольку она уже описывалась, к примеру, В.В. Крепостновым и Н.А. Мозохиной. Для нужд этого исследования заметим кратко, что издатель Илья Лапин родился в г. Гродно 26 марта 1868 г. и скончался 28 октября 1931 г. в Париже.

Отметим также, что настоящее исследование имело именно биографический характер, т.е. издатель-

ская работа И.С. Лапинá, библиография изданных им книг, проблемы каталогизации открыток его предприятия и другие подобные вопросы не находились в центре нашего внимания и будут упомянуты постольку, поскольку это будет целесообразно для решения жизнеописательных задач этой статьи.

Во французских источниках издатель неизменно фигурирует под фамилией Lapina. Переводя заметки из французской периодической печати, мы будем сохранять эту фамилию и передавать ее как «Лапинá» (ударение, в соответствии с правилами французского языка, падает на последний слог).

В качестве начального представляется уместным назвать эпизод, описанный в газетах Figaro и Journal, который относится к январю 1898 г. Русская община в Париже организовала прощальный ужин в честь барона А.П. Моренгейма, бывшего ранее послом России во Франции и завершавшего свою дипломатическую миссию [4].

Помимо многочисленных аристократов, на мероприятии присутствовали члены общества русских художников, проживающих в Париже, в связи с тем что А.П. Моренгейм являлся почетным председателем этого общества [5].

Члены общества во главе со своим президентом г-ном Харламовым презентовали послу акварельный рисунок, в аллегорической форме изображающий союз России и Франции (коль скоро А.П. Моренгейм непосредственно участвовал в заключении такового союза несколькими г.ми ранее); по этому поводу Journal пишет, что «г-н де Моренгейм попросил своего соотечественника, чертежника Лапинá, воспроизвести это произведение» [6].

Здесь мы впервые встречаем один из традиционных ярлыков И.С. Лапинá – dessinateur, который приходится не очень удачно переводить как «чертежник». Более близким эквивалентом было бы нечто вроде «технический художник», однако нам необходимо отличать dessinateur от artiste, которое также переводится как «художник». Сам И.С. Лапинá, согласно его собственным изданиям, называл себя dessinateur, imprimeur-éditeur (чертежник, печатник-издатель) [3. С. 160]. В этом эпизоде речь идет о том, что И.С. Лапинá, будучи художником-литографом, создал клише для печати изображения, которое было вскоре воспроизведено в журнале Illustration.

Заметим также, что в числе гостей мероприятия был скульптор М.М. Антокольский, который будет впоследствии упоминаться в связи с женитьбой И.С. Лапинá.

В марте 1898 г. газета Augere сообщила в краткой заметке, что «ассоциация русских студентов-евреев дала свой седьмой ежегодный бал» [7]. В этом тексте говорится о том, что «симпатичный художник Лапинá управлял балом с большим чувством такта». Нам не удалось обнаружить ответа на вопрос, обучался ли И.С. Лапинá во Франции и имел ли непосредственное отношение к упомянутой ассоциации. Сопутствующие данные (такие, например, как предыдущая заметка о приеме в честь А.П. Моренгейма) косвенно свидетельствуют о том, что на тот момент И.С. Лапинá можно было уже считать состоявшимся художником;

мы вернемся к этому несколько позднее, при рассмотрении Всемирной Парижской выставки 1900 г. Представляется допустимым предположить, что именно в 1898 г. издатель уже не являлся студентом, однако мог поддерживать связи с ассоциацией, возникшие в прошлом, либо просто иметь к ней отношение по этническому принципу.

В сентябре 1898 г. в периодике впервые появляется имя «Иуа Лапинá». Оно упомянуто в газете Augere в контексте сбора денег по подписке, насколько можно судить по заглавию – в пользу бастующих рабочих [8].

В январе 1899 г. газета Figaro сообщает, что «г-н Илья Лапинá, уважаемый русский чертежник, вскорости женится на мадемуазель Марте Гольдшмидт, дочери хорошо известного антиквара» [9].

В номере Figaro от 23 января 1899 г. помещено сообщение о том, что «вчера, в храме на улице Нотр-Дам-де-Назарет, справлялось бракосочетание г-на Илья Лапинá с мадемуазель Мартой Гольдшмидт» [10]. Указано, что свидетелями со стороны жениха выступали «хорошо известный скульптор» М.М. Антокольский, а также некий «г-н Л. Лапинá». Со стороны невесты в качестве свидетелей были приглашены «доктор Перли» (Perlis) и г-н Жюль Блок (Bloch). В числе гостей названы, к примеру, некоторые представители аристократии («барон Э. Бейен, маркиз де Бирон»), жена и дочь М.М. Антокольского, а также упоминавшийся ранее «художник Харламов». Личность Л. Лапина нам определить не удалось; в архиве «Галлики» более нет подобных упоминаний. Г-н Жюль Блок с высокой степенью вероятности является родственником невесты: его фамилия совпадает с девичьей фамилией ее матери, которая указана на общей для Гольдшмидтов и Лапинá надгробной плите [11]. Та же плита свидетельствует, что «мадам И. Лапинá, урожденная Марта Гольдшмидт» родилась 14 мая 1878 г. Дата смерти повреждена, однако можно прочитать ее как 14 октября 1951 г.

Мемориал на кладбище Монпарнас предоставляет также сведения о сыне И.С. Лапинá. Указано: «Серж Лапинá. Военный крест 1914–1918 – 1939–1945. 8 ноября 1899 – 27 февраля 1953». Французские военные кресты двух указанных диапазонов являются разными наградами, из чего можно сделать вывод, что Серж Лапинá был награжден ими обоими и, следовательно, успел тем или иным образом поучаствовать как в Первой, так и во Второй мировых войнах.

В каталоге Всемирной универсальной Парижской выставки 1900 г., том III, группа 3 («Общие инструменты и средства литературы, науки и искусства»), в описании русского отдела по классу 11 (типография и печать) имеется запись: «Lapina (J.), à Pétersbourg. – Chromolithographies» («Лапинá (Ж.), Петербург. – Хромолитографии») [12. С. 72]. Эта запись образует неоднозначность, так как инициал J не соответствует имени «Илья» (возможны только два варианта: с начальной I (Ilya / Ilia / etc) и с начальной Y (Ylia)), ни в одном справочнике или адрес-календаре Российской Империи 1900 г. и ближайших лет мы не обнаружили никаких промышленников и предпринимателей, которые подходили бы под это имя, и в отечественном каталоге русского отдела на рассматриваемой выстав-

ке такой записи нет [13. С. 84], однако за исключением еще одного экспонента («Golichéff, à Moscou») все остальные участники выставки совпадают.

Неоднозначность разрешается следующим образом: сверка участников показывает, что все русские экспоненты 11-го класса, чье имя начинается с буквы «И», во французском каталоге имеют инициал «J» (например, Исидор Гольдберг – Goldberg (J.)) и, помимо каталога выставки, существует также серия документов под общим названием «Rapports du jury international» (т.е. отчеты международного жюри, судившего выставку); в отчете о русском отделе 11-го класса 3-й группы имеется запись: «M. Lapina, à Paris. – Dessinateur» («Г-н Лапинá, Париж. – Чертежник»). В кратком пояснении указано, что именно экспонировал участник: «...образцы акварелей и рисунков, исполненных им от имени русских домов» [14. С. 129].

Мы считаем допустимым утверждать, что И.С. Лапинá участвовал в выставке как резидент Парижа, однако по подданству был отнесен организаторами в русский отдел (впоследствии будет показано, что издатель считался русским подданным как минимум до 1914 г.). Вероятно, что именно по этой причине он не попал в отечественный каталог. Кроме того, запись жюри вкупе с предыдущими замечками создает основу для утверждения, что изначально И.С. Лапинá был известен не как типограф или печатник, а как художник (либо, точнее, художник-литограф). Впоследствии к этому утверждению будут приведены дополнительные основания. Под «русскими домами», вероятно, имеются в виду дома аристократические, что сопрягается с кругом общения издателя, изображаемым в газетных публикациях.

Заметим также, что отсутствие И.С. Лапинá в отечественных справочниках и адрес-календарях заставляет полагать, что до своего появления во Франции издатель не имел собственного предприятия в России.

В сентябре 1901 г. издание *Gaulois* публикует объявление о том, что подписчики газеты могут воспользоваться эксклюзивным для них предложением о приобретении «крупной неопубликованной фотогравюры г-на И. Лапинá, русского художника-литографа, проживающего в Париже» [15]. Сообщается, что данная работа репродуцирует картину живописца Анри Жерве, изображающую «коронацию Царя в Москве». Речь идет, очевидно, о коронации Николая II; оригинальная картина была написана в 1896 г. В описании продукта говорится, что это – экземпляры класса люкс, отпечатанные специально для подписчиков газеты на японской бумаге большого формата, нумерованные и удостоверенные личной подписью А. Жерве.

В январе 1908 г. в еженедельнике *Archives commerciales de la France* опубликовано извещение о создании «товарищества на вере “Илья Лапинá и компания”» [16]. В качестве направления деятельности новой организации указаны «художественные издания и печать». Предприятие зарегистрировано в доме № 83 по улице Томб-Иссуар и имеет уставной капитал 315 000 франков, из которых 100 000 внесены товарищами-вкладчиками (коммандитистами). Улица Томб-Иссуар соответствует XIV округу Парижа. Именно в этом округе И.С. Лапин жил, работал, скон-

чался и был похоронен (кладбище Монпарнас также относится к этому округу). Список товарищей нам не известен; можно лишь утверждать, что это предприятие И.С. Лапинá открыл не сам, а с чьей-то помощью (это ясно из наличия товарищей-коммандитистов).

В 1909 г. товарищество появляется в «Ежегоднике французской и зарубежной печати и мира политики», где «Илья Лапинá и компания» фигурирует в списке французских печатников [17].

В мае и июле 1910 г. в газете *Matin* встречаются объявления о наборе вспомогательного персонала. И.С. Лапинá ищет рассыльного 25–35 лет, «очень серьезного» и «с отличными рекомендациями» [18]. Объявления содержат просьбу «не являться [лично]» и вместо этого сообщать о своем желании заполнить вакансию в письменном виде. Эти объявления примечательны тем, что в них впервые появляется традиционный адрес И.С. Лапинá в Париже – улица Данфер-Рошери, д. 75.

В январе 1911 г. в газете *Journal* опубликована заметка о том, что «русская торговая палата Парижа чествовала... своего нового почетного председателя г-на Извольского» [19], который сменил А.И. Нелидова на посту посла России во Франции. Сообщается, что эта церемония, которая «собрала... элиту представителей французской и русской промышленности и коммерции», «вдохновила в изысканной манере карандаш чертежника Ильи Лапинá». Последняя метафорическая фраза не вполне ясна, но можно предполагать, что И.С. Лапинá создал некий карандашный рисунок, в том или ином смысле отражающий это событие.

В феврале 1912 г. в издании *Univers* впервые упоминается о том, что И.С. Лапинá печатал работы художника Яна Стыка [20].

В июне 1913 г. в газете *Journal* помещено объявление о найме торгового представителя, на которого будут возложены обязательства по «продаже цветных художественных почтовых карточек» [21]. В архиве «Галлики» это первое упоминание о такой важной стороне бизнеса И.С. Лапинá, как выпуск открыток.

В августе 1913 г. еженедельник *Archives commerciales de la France* фиксирует факт ликвидации общества «Илья Лапинá и компания» [22]. В этой публикации впервые указан «двойной» адрес, который традиционно ассоциируется с издательством И.С. Лапина: ул. Данфер-Рошери, дома 75 и 77.

Признаков создания новой организации в 1913 г. нам обнаружить не удалось; в объявлениях и заметках прежнее наименование «Илья Лапинá и компания» сменилось на простое «Илья Лапинá». Представляется допустимым предположить, что в этом периоде своей деятельности во Франции издатель перешел в режим работы, который можно было бы определить термином «предприниматель без образования юридического лица».

В январе 1914 г. И.С. Лапинá становится кавалером ордена Почетного легиона. В соответствующем декрете сказано следующее: «Г-н Лапинá (Илья), русский подданный, чертежник, печатник, издатель; заслуги в области французской промышленности и искусства; 25 лет промышленной практики» [23]. Заме-

чение *sujet russe*, т.е. «русский подданный», связано с тем, что И.С. Лапинá был представлен к награде Министерством иностранных дел. Указание на длительность деятельности позволяет определить, что «промышленная практика» издателя началась в 1888 (если представление было оформлено еще в конце 1913 г.) или в 1889 г.

В общей сложности упоминание об этом событии содержится в 20 разных изданиях из архива «Галлики». К примеру, Figaго пишет, что «г-н Илья Лапинá, чрезвычайно выдающийся чертежник-печатник, известный столь замечательными произведениями, был произведен в кавалеры [ордена] Почетного легиона» [24].

В заметке газеты *Journal* по этому информационному поводу сообщается, в частности, что И.С. Лапинá был художником перед тем, как стать печатником, а также указывается, что он издал альбомы с хромофотографическими репродукциями шедевров Лувра и Люксембургского музея. Кроме того, газета отмечает, что он «взял на себя заботу увековечить альбомом того же жанра 250-летие Санкт-Петербургской Академии художеств, где представлено столь много шедевров французского искусства» [25].

Можно также упомянуть краткую заметку в газете *Matin*, где сказано, что «г-н Илья Лапинá получает крест Почетного легиона за его прекрасные издания произведений о современном французском искусстве» [26].

В периодическом издании «Отчет о работе Общества французских художников» за 1914 г. зафиксированы сведения о фактах сотрудничества «Л. Гранжерара [Grandgérard], живописца, и И. Лапинá» [27]. Говорится о «панно и картинах маслом, которые были заказаны и исполнены до войны». В этом же документе упоминаются деловые отношения И.С. Лапинá с художником по фамилии Кретьен (Chrétien), которому было поручено исполнить изображения для почтовых карточек [28].

В феврале 1914 г. журнал *Mercure de France* пишет о том, что «русский чертежник, ставший издателем, г-н И. Лапинá, опубликовал превосходную книгу о шедеврах Люксембургского музея... которая представляет собой не только красивый подарочный том, но и ценный документальный труд» [29].

В марте 1914 г. И.С. Лапинá ищет по объявлению представителя для распространения «почтовых карточек и гравюр» в Париже и пригородах [30].

В апреле 1914 г. газета *Journal* сообщает о судебном противостоянии между И.С. Лапинá и немецким обществом *Photographische Gesellschaft*. В заметке сказано, что в 1897 г. общество приобрело у русского художника В.В. Верещагина «эксклюзивное право на воспроизведение 14 его полотен, изображающих эпизоды кампании Наполеона I в России» [31]. Впоследствии общество обнаружило, что «русский издатель Лапинá, которого французское правительство недавно наградило орденом Почетного легиона, воспроизвел эти полотна» на почтовых карточках и в изданной им к 100-летию упомянутой выше кампании (т.е. в 1912 г.) книге Ф. де Сегюра о Наполеоне. Организация требовала возместить ей убытки в размере 10 000 франков. Из заметки следует, что суд отклонил

иск немецкого общества по нескольким различным юридическим основаниям. Подробно данное разбирательство описано в выпуске официального печатного органа Бюро Международного союза защиты литературных и художественных произведений «*Droit d'auteur*» за 1914 г. В нем назван «Илья Лапинá, русский художник, обосновавшийся в Париже» [32], а также обозначено, что другими ответчиками по иску были его партнеры Фламмарин (Flammarion) и Хейманн (Heumann). Первый указан как «издатель томов», второй – как распространитель открыток.

В выпуске того же издания за 1915 г. приведено полное решение суда, из которого, в частности, следует, что И.С. Лапин подал встречный иск и отсудил у немецкого общества 5 000 франков [33].

В мае 1914 г. в газете *Radical* появляется объявление о 72 по счету ежемесячном ужине республиканского кружка XIV округа Парижа. В нем говорится, что собрание будет организовано, помимо прочего, «в честь г-на Ильи Лапинá, одного из наиболее выдающихся художников-литографов, который недавно стал кавалером ордена Почетного легиона» [34]. Отчет об этом мероприятии опубликован в той же газете в июне; из него известно, в частности, что на собрании председательствовал помощник мэра округа г-н Марку, который от имени кружка поздравил И.С. Лапинá с наградой. Автор заметки пишет, что «г-н Лапинá выразил благодарность в нескольких любезных словах и подарил каждому из гостей [мероприятия] художественную гравюру самого прекрасного исполнения» [35].

В октябре 1914 г. И.С. Лапинá ищет по объявлению коммерческих агентов для работы «в Париже и провинции», связанной с «актуальными патриотическими открытками, черно-белыми и цветными» [36].

В том же месяце в периодическом издании «*Annales politiques et littéraires*» помещено изображение почтовой открытки «*La lettre du Pape*» («Письмо Папы [Римского]»). Иллюстрация сопровождается надписью «Одна из самых успешных почтовых карточек военного времени. Композиция С. Соломко. И. Лапинá, издатель, Париж» [37]. Среди собранных нами материалов «Галлики» это хронологически первое упоминание об отечественном художнике С.С. Соломко, чье сотрудничество с И.С. Лапиным – одна из наиболее известных в отечественной филокартии сторон деятельности издателя.

В декабре 1914 г. в газете *Matin* появляется реклама, предлагающая «прекраснейшую коллекцию патриотических почтовых карточек» [38]. В нашей базе данных из архива «Галлики» это первая газетная реклама И.С. Лапинá после предложения «коронационной» гравюры в *Gaulois* 1901 г. Вызывает определенное любопытство фраза «Опасайтесь подделок», находящаяся в заключительной части объявления: наличие контрафакта – традиционный индикатор популярности какого-либо производителя.

В январе 1915 г. *Matin* публикует более развернутое объявление, в котором рекламируются уже типографские услуги, в том числе лито- и хромофотография, а также гелиогравюра. Сообщается, что предприятие специализируется на «тщательно выполняемых»

работах, которые могут быть выполнены на заказ «у И. Лапинá, печатника-издателя, 75 и 77, ул. Данфер-Рошера, Париж, который сохранил часть своего прежнего персонала» [39]. Поскольку это рекламное объявление стоимостью в 3 франка за строку, то представляется вполне очевидным, что фраза о персонале не является случайной и вставлена И.С. Лапиным намеренно. Мы не имеем данных, которые могли бы ее прояснить, однако нам кажется вероятным, что она введена в объявление из репутационных соображений и отражает желание подчеркнуть, что качество услуг издательства не пострадало от распада товарищества «Илья Лапинá и компания». На основании предыдущих заметок можно осторожно предполагать, что И.С. Лапинá расширял производство, а не сокращал его; следовательно, явных причин для увольнения сотрудников он не имел, и потери кадров могли быть связаны, к примеру, с тем, что кто-либо из полных товарищей покинул прежнюю организацию с целью начать собственное дело и забрал часть работников с собой.

В марте 1915 г. И.С. Лапинá вновь ищет представителя для работы по открыткам, однако в данном случае требует наличия опыта в соответствующей области деятельности [40]. В апреле того же года издатель повторно предлагает эту должность, но выдвигает иное требование: претендент должен быть свободен от воинской обязанности [41].

В том же месяце в газете *Petit Parisien* размещено объявление, в котором содержится «просьба раненым, возвращающимся из Германии, способным предоставить сведения о Гольдшмидте Луи, сержанте, 28-й пехотный [полк], пропавшем при Гюизе 28 августа [1914], обратиться к Лапинá, 75, ул. Данфер-Рошера, Париж. Издержки будут возмещены» [42]. Значительно позже, в 1930 г., в издании *Univers israélite* обнаруживается упоминание о благотворительном взносе в 500 франков, который был совершен «г-жой Мартой Лапинá и г-ном Шарлем Гольдшмидтом в память об их брате, сержанте Луи Гольдшмидте, пропавшем без вести 28 августа 1914 г. в битве при Гюизе» [43].

В январе 1916 г. имя И.С. Лапинá обнаруживается в списке участников «Лиги защиты угнетенных евреев», который помещен в приложении к изданию «*Emancipation juive*» [44].

В феврале 1916 г. газета *Rappel* сообщает о банкете, устроенном во дворце д'Орсе в честь «великого художника и друга Франции Луи Ремекерса» [45]. «Илья Лапинá, чертежник» указан в числе гостей.

В июне 1916 г. в газете *Matin* помещена небольшая реклама, озаглавленная «Для наших фронтовиков» [46]. Объектами предложения являются «*Chansons de France de Maurice Boukay*» («Песни Франции Мориса Буке») и «открытки, иллюстрированные нашими лучшими художниками, с марками Красного Креста, портретами наших генералов».

В ноябре 1917 г. газета *Croix* публикует своеобразный дайджест из некоторых публикаций в других изданиях, озаглавленный «Всегда кстати о “Дне фронтовика”: вопросы без ответов». Заметка начинается следующим образом: «Париж, 19 ноября. – 11 октября “*Soleil du Midi*” впервые потребовала у г-

на Секкальди [Ceccaldi], председателя комитета “Дня фронтовика”, предать гласности сведения о том, на что именно были употреблены 1 561 028 франков 80 сантимов, которые в бухгалтерском балансе упомянутого “Дня” фигурируют в графе расходов» [47]. Несколько далее в тексте статьи газета ссылается на еженедельник *On Dit*, который «сопроводил свои комментарии следующими вопросами»:

«Мы только что упоминали имя г-на Лапинá как поставщика печатной продукции для “Дня фронтовика”. Кто же такой этот г-н Лапинá? Не был ли он перед войной особенно известен в русских революционных кругах? Не был ли он, под властью полицейского Азефа, осведомителем русского посольства “Николая царствующего”? Не на короткой ли он ноге с г-дами Секкальди и Куиба?».

«Полицейский Азеф» – это, очевидно, Е.Ф. Азеф, еврейский «двойной агент», занимавший высокое положение в партии эсеров и одновременно с этим сотрудничавший с департаментом полиции. Примечательно, что он родился и некоторое время жил в Гродненской губернии [48]. В связи с этим возникает вопрос о возможном наличии связи между И.С. Лапинá и Эстер Лапиной, которая «вступила в боевую организацию партии социалистов-революционеров под руководством Е.Ф. Азефа» [49] и впоследствии, после его разоблачения, покончила с собой в Париже в 1909 г. В «Галлике» есть несколько заметок о ее смерти, из которых, в частности, следует, что Э. Лапина – уроженка Гродно [50]. Если И.С. Лапинá действительно имел какое-то отношение к эсерам или царской полиции, то это сможет послужить объяснением того, почему персона издателя не имеет никаких заметных следов изучения в советском периоде нашей истории.

Названный в конце цитаты «г-н Куиба» с высокой степенью вероятности является Шарлем-Морисом Куиба (Souyba), французским политическим деятелем, который занимался также литературной работой под псевдонимом «Морис Буке»; это имя фигурирует в рекламе из газеты *Matin* 1916 г., описанной нами выше.

В мае 1919 г. в еженедельнике *L'Afrique du Nord illustrée* сообщается о том, что бельгийский поэт Т. Дронша (Dronchat) написал, а «г-н Илья Лапинá, русский печатник» издал произведение под названием «Гимн Свободе». Сказано также, что «этот русско-бельгийский шедевр» был предназначен для того, чтобы официально вручаться в дипломатических и политических кругах Парижа. «[Г-н] Бабук, из [газеты] *Opinion*, сильно возмущен этой авантюрой», – добавляет издание [51].

В июле 1919 г. в очередном выпуске «Отчета о работе Общества французских художников» сообщается о сотрудничестве И.С. Лапинá с Э. Обеном (Aubain), живописцем [52]. Несколько позже, в начале 1920 г., это же издание упоминает в аналогичном контексте еще двух живописцев – г-жу Ловерне-Птижан (Lauvernay-Petitjean) и Ф. Майо (Maillaud) [53].

В сентябре 1920 г. в «Официальном муниципальном бюллетене города Парижа» под заголовком «Открытие кредитов для оплаты расходов по публикации двух официальных реляций» имеется запись «Счет Лапинá,

15 000 франков» [54]. Насколько можно судить по тексту, речь идет о тиражировании реляции о приеме президента США В. Вильсона в Отель-де-Виль.

В сентябре 1921 г. в газете *Temps* появляется объявление, согласно которому «сдается меблированный дом, 7 спален, 2 столовых, гостиная, бильярдная, 2 ваннные комнаты, 3 комнаты для прислуги, кухня, большой и красивый сад с садовником, гараж для автомобиля, в Бельвю, 15 минут до Парижа. Превосходное местоположение. Обращаться с 2 до 3 часов, Лапинá, ул. Данфер-Рошери, 75» [55]. Происхождение данного дома нам не известно; каких-либо событий, которые могли бы привести, к примеру, к его получению в наследство, в архиве «Галлики» нет. Возможно, что, как и в случае с розыском Луи Гольдшмидта, И.С. Лапинá выступал посредником, а дом принадлежал кому-либо из его родственников со стороны жены. В аналогичном объявлении в той же газете от октября 1921 г. содержатся дополнительные сведения: применительно к саду указано число «4 000 метров» (вероятно, квадратных), а также названа стоимость аренды – 1 000 франков в месяц [56]. Заметим также, что в марте 1922 г. И.С. Лапинá ищет по объявлению садовника [57], что сопрягается с предыдущими данными. Впоследствии аналогичные объявления появляются в июле 1922 г. [58], а также марте [59] и апреле 1923 г. [60]. В феврале 1925 г. информация о соответствующей вакансии появляется вновь, однако, в отличие от предыдущих публикаций на эту тему, она содержит требование, согласно которому садовник непременно должен быть женат [61].

В мае 1922 г. в издании *Gaulois* предвосхищается «бал Гран-при». Сообщается, в частности, что участники события смогут получить «великолепную программу-альбом, содержащую двадцать акварелей наших самых популярных художников, изданную г-ном Лапинá» [62]. В июне та же газета размещает еще несколько упоминаний об этом собрании. Опубликован, в частности, репортаж, подготовленный за день до бала, в котором журналист рассказывает о том, как был свидетелем разговора между г-ном Дефреном, владельцем «Галери Лафайет», и представителем И.С. Лапина, ответственным за программу. Цитируемая журналистом беседа начинается следующими репликами:

«– Похоже, вы готовите для нас шедевр.

– Будет хорошо, увидите. Не ложились пять ночей, чтобы всё подготовить. Но теперь работа завершена» [63].

Кроме того, в августе 1922 г. известный модный журнал *Vogue* приводит несколько изображений, иллюстрирующих костюмы и детали костюмов участников бала. В числе прочих показан головной убор с высоким плюмажем г-жи Лапиной [64].

Годом позже, в июне 1923 г., *Gaulois* сообщает об аналогичном собрании. Согласно этой заметке, гости бала могли приобрести «альбом, с бесконечной тщательностью и утонченным мастерством исполненный г-ном Лапинá, который превзошел всех в этом деле» [65].

В октябре 1922 г. *Petit Parisien* кратко сообщает, что «вчера вечером [27 октября], около 11 часов 40 минут, в ателье типографии Ильи Лапинá, 75 и 77, ул. Данфер-Рошери, произошло возгорание. Пожарные справились с угрозой после часа работы. О по-

страдавших не сообщалось» [66]. В газете *Radical* дополнительно указано, что ущерб составил около 50 000 франков [67].

В апреле 1923 г. «Лапинá (г-жа)», «Лапинá (Илья), издатель» и «Лапинá (Серж), издатель» участвовали в Международном конгрессе библиотекарей и библиофилов в Париже, о чем имеется запись в материалах конгресса, изданных в 1925 г. [68]. Это – первый документ в нашей выборке из архива «Галлики», в котором сын И.С. Лапина прямо назван издателем. Все трое имеют один и тот же адрес (улица Данфер-Рошери), из чего можно предположить, что на этот момент Серж Лапинá еще не ведет собственного дела.

В декабре 1923 г. фамилия «Лапинá» указана среди людей, присутствовавших на похоронах художника Т.-А. Стейнлена [69]. Можно отметить упоминание «г-на Куиба, бывшего министра», о котором шла речь выше.

В том же месяце в газете *Figaro* опубликовано относительно крупное объявление, в котором к новогодним праздникам предлагается «подарок полезный и роскошный». По цене в 100 франков за экземпляр рекламируются четыре книги: «Le Louvre» г-д Лафенестра и Бенедита, «Le Luxembourg» Л. Бенедита, «La beauté de la femme dans l'art» («Женская красота в искусстве») А. Дайо (Dayot) и «Napoléon» генерала де Сегюра. Объявление завершается фразой «художественные издания Лапинá» [70].

В этой рекламе впервые фигурирует конструкция «Éditions d'art Lapina», перевод которой дан в предыдущем предложении. Впоследствии, вплоть до 1928 г., краткий вариант этой фразы («Éditions Lapina») часто встречается в рекламе и библиографических описаниях в качестве названия издательства. Тем не менее указаний на какие-либо юридические перемены в бизнесе И.С. Лапина в архиве «Галлики» не обнаруживается, поэтому мы предполагаем, что издатель просто подобрал себе более внушительное неофициальное наименование. Как видно по нескольким предыдущим заметкам, он также предпринимал попытки называть себя «Дом Лапинá» («Maison Lapina»), но это название, похоже, не устоялось.

Также в декабре 1923 г. в ежемесячнике *Correspondant* помещена реклама «Стихов о Франции и Италии» П. де Ноляка, открывающих «новую роскошную коллекцию “Знаменитые книги”» [71], и других изданий И.С. Лапинá размером в полную страницу.

В 1924 г. И.С. Лапинá указан в ежегодном бюллетене «Общества Фрагонара в Грассе» в качестве одного из учредителей организации. Из того же бюллетеня следует, что общество было основано «по инициативе группы ученых, художников и любителей региона... с целью изучения и сохранения художественного и исторического наследия Нижнего Прованса» [72]. Именно также, что общество создало музей Фрагонара в Грассе, который впоследствии был расширен и превращен в музей искусства и истории Прованса [73. С. 111], существующий по сей день.

В апреле 1924 г. в газете *Temps* помещено объявление о смерти г-на Симона Гольдшмидта, антиквара. Указывается, что погребение произойдет на кладбище

Монпарнас. Информация подписана «от лица его вдовы г-жи Симон Гольдшмидт, г-на и г-жи Шарль Гольдшмидт и их детей, г-на и г-жи Лапинá и г-на Сержа Лапина, его детей и внуков» [74]. Речь, очевидно, идет об отце жены И.С. Лапинá, дата смерти по периодике соответствует указанию на семейном надгробии, упоминавшемся выше.

В декабре 1924 г. в *Temps* обнаруживается объявление, в котором читатели приглашаются «по случаю новогодних праздников посетить недавно открывшийся магазин предметов искусства и роскошных изданий Лапинá, 43, ул. Лафит» [75]. Заметим вскользь, что издательство И.С. Лапинá осталось на прежнем месте, и новый адрес свидетельствует об открытии отдельного магазина, а не о переезде.

В 1925 г. И.С. Лапинá фигурирует в ежегоднике «Общий справочник французского производства». Относительно рода занятий указано: «чертежник, печатник-издатель, художественные и коммерческие репродукции в технике хромолитографии, гелиографии и трехцветной печати» [76].

Имеются сведения об участии И.С. Лапинá в «Международной выставке декоративных искусств и современной промышленности», которая проходила в Париже в 1925 г. В отчете о выставке, подготовленном Министерством коммерции и промышленности, представлено издание *L'île des pingouins* («Остров пингвинов») А. Франса с иллюстрациями Л. Жу (Jou) [77. С. 202].

В том же месяце в *Gaulois* опубликована заметка, где «г-н Лапинá» упомянут в числе гостей посольского торжества в Каннах [78].

В апреле 1925 г. в *Mercure de France* опубликовано рекламное объявление в полную страницу, в котором примечательна заключительная фраза: «Издания Лапинá удостоверяется эксклюзивное право, сроком на 10 лет, на публикацию роскошными иллюстрированными тиражами законченных произведений, которые уже появились или появятся в будущем, великих писателей Ж. и Ж. Таро» [79].

В мае 1925 г. «г-н Лапинá» назван в числе гостей торжественного ужина при «Выставке декоративных искусств» [80].

В том же месяце *Figaro* сообщает о мессе в память о художнике Яне Стыка, о котором нам уже приходилось упоминать. Среди посетителей мероприятия указан «Илья Лапинá» [81]. Там же встречается имя партнера И.С. Лапина Эрнеста Фламмарiona.

В декабре 1925 г. «отец и сын Лапинá» фигурируют в числе гостей банкета в честь награждения орденом Почетного легиона г-на Л. Брезийона (Brézillon) [82].

В марте 1926 г. газета *Intransigeant* сообщает, что «издатель, г-н Лапинá, заключил в мае 1923 г. контракт с чертежником Стейнленом, согласно которому художник обязался передать рисунки для иллюстрации «Острова пингвинов» А. Франса» [83]. Сказано также, что издатель выплатил художнику аванс в 12 000 франков. Однако в декабре 1923 г. Стейнлен скончался, о чем упоминалось выше. Согласно этой же заметке И.С. Лапинá, не получив рисунков, обратился в суд с требованием взыскать аванс и компенсацию понесенного им ущерба с наследников художника.

В апреле 1926 г. газета *Comoedia* сообщает о «новой коллекции еще не изданных произведений современных авторов: “Les Panathénées” [“Панафинеи”], которая будет выпущена в издательстве Лапинá» [84].

В июне 1926 г. в газете *Petit Parisien* опубликована заметка, согласно которой «шофер парижского издателя Лапинá, г-н Селе, был приговорен судом Осера к месяцу тюрьмы условно и штрафу в размере 600 франков за то, что он на своем автомобиле сбил насмерть велосипедиста. Г-н Лапинá должен будет выплатить 20 000 франков матери жертвы» [85].

В январе 1927 г. в издании *Droit ouvrier* опубликовано решение суда от 20 ноября 1926 г. Во вводной части сообщается, что «Лапинá, мастер-печатник, обжаловал приговор, вынесенный 13 апреля 1926 г. советом по разрешению трудовых споров... который обязал вдову Гассе как опекуншу ее младшего сына Рене выплатить ему [И.С. Лапину] сумму в 100 франков и объявил о расторжении контракта о техническом обучении от 6 февраля 1925 г., который связывал стороны», а также что «вдова Гассе подала встречную апелляцию» [86]. Насколько можно судить по содержанию текста, издатель обжаловал приговор потому, что требовал компенсацию в размере 1 000 франков. Из мотивационной части решения можно сделать вывод о том, что И.С. Лапин принял Р. Гассе на работу в качестве ученика сроком на 5 лет, однако прописал в контракте, что может возлагать на того и другие обязанности по своему усмотрению (что, вероятно, и послужило причиной конфликта). Суд посчитал, что этот пункт противоречит сущности контракта, и признал контракт не имеющим силы, вследствие чего ответственности по контракту. Выплата 100 франков в пользу И.С. Лапинá, присужденная первой инстанцией, также была отменена.

Следом в том же источнике приводится еще одно решение того же суда по аналогичной проблеме. Здесь И.С. Лапин обжаловал приговор совета по разрешению трудовых споров от 1 июня 1926 г., который расторг «контракт о техническом обучении от 6 октября 1924 г., заключенный между ним и Лореном-отцом, [действовавшим] от имени своего младшего сына Люсьена», и отказал ему в компенсации ущерба на общую сумму в 1 500 франков. Это второе решение представляет интерес потому, что содержит некоторую дополнительную информацию о причинах конфликта. Указано, что, «несмотря на неоднократные рекламации отца, вместо того, чтобы занимать молодого Лорена на работах, непосредственно относящихся к типографскому делу, его мастер, напротив, почти постоянно использовал его для труда по уборке, перфорации и ношению тяжестей», а также что «он даже угрожал ему санкциями за желание начать заниматься практикой того дела, ради которого он был принят на работу» [87]. В этом случае приговор первой инстанции, отказавшей И.С. Лапину в удовлетворении его требований, был оставлен без изменений.

В марте 1927 г. И.С. Лапинá ищет по объявлению торгового представителя для работы по «печатной продукции, художественной рекламе всех жанров, книготорговле, почтовым карточкам и гравюрам»

[88]. Похожие объявления имеются в газете *Intransigeant* в феврале [89] и сентябре 1928 г. [90], а также в *Temps* в августе 1929 г. [91]

В мае 1927 г. в газете *Somoedia* сообщается, что «бальзаковские публикации под руководством г-на Марселя Бутерона, ненадолго прерванные, скоро появятся. Г-н Марсель Бутерон действительно договорился с издательством Лапинá, которому он предоставил свои произведения на десять лет» [92]. Кроме того, в ноябре 1927 г. в *Somoedia* опубликована реклама «Бальзаковской коллекции», подписанная «Издательство Лапинá, 75, ул. Данфер-Рошери, и 43, ул. Лафит, Париж» [93]; заметим, к слову, что это первая публикация из нашего архива «Галлики», где оба адреса фигурируют вместе.

В июне 1927 г. *Somoedia* пишет, что «после „Панафиней“... г-н И. Лапинá учреждает новое собрание: „Les images du temps“ [“Образы времени”]» [94].

В июле 1927 г. *Action française* сообщает, что «Луи Откёр подготавливает в издательстве Лапинá труд о музее Лувра. Анри Верне, директор Национальных музеев, написал предисловие, воспроизведенное в „Figaro artistique“» [95].

В сентябре 1927 г. в газете *Figaro* под рубрикой «О Каннах» указано, что «стечение [людей] всегда велико в „Мажестике“, который пользуется заслуженной популярностью. Среди гостей... г-н и г-жа Лапинá» [96]. Вероятно, имеется в виду одноименный отель.

В феврале 1928 г. в газете *Journal* сообщается о «помолвке мадемуазель Ремонд Бенжамен Блок с г-ном Сержем Лапинá» [97]. Как уже отмечалось, «Блок» (Bloch) — девичья фамилия матери жены И.С. Лапина.

В марте 1928 г. в газете *Nouvelles litteraires, artistiques et scientifiques* опубликована реклама, в которой впервые появляется название «Издательство „Лапинá и сын“». М. Забочень считал, что предприятие называлось «Лапин и сыновья», однако И.С. Лапин имел только одного сына; проблема, очевидно, вызвана тем, что французское слово «*fil*» имеет одинаковые формы единственного и множественного числа (т.е. может переводиться и как «сын», и как «сыновья»).

В апреле 1928 г. в издании *Archives commerciales de la France* имеется запись об образовании общества с ограниченной ответственностью «Лапинá и сын». В качестве направления деятельности указаны типографика, книгоиздание и выпуск открыток. Предприятие сохраняет прежний адрес на улице Данфер-Рошери. Примечателен уставной капитал размером в 1 млн 250 тысяч франков. Дата регистрации — 2 марта 1928 г. [98]. В том же издании имеется другая запись, датированная 23 марта 1928 г., согласно которой «г-н и г-жа Лапинá передают 460 акций г-ну Сержу Лапинá» [99].

В июле 1928 г. в «Официальном муниципальном бюллетене города Парижа» под рубрикой «Запросы решений на строительство» имеется запись: «14-й округ. — Проспект Парк-де-Монсури, 34. — Собственность г-на Лапинá, улица Данфер-Рошери, 75. — Гараж и жилое помещение (1 этаж)» [100]. Указанный адрес среди наших вырезок из «Галлики» встречается впервые, и мы не можем связать с ним какие-либо события или факты.

В сентябре 1928 г. в указателе под заглавием «Дополнительный список членов-корреспондентов» ежемесячника *Expansion commerciale de la France* (печатный орган Национального комитета советников по внешней торговле Франции) имеется запись: «Лапинá (Серж), печатник-издатель. — 75, улица Данфер-Рошери, Париж» [101]. Из более позднего источника следует, что И.С. Лапин был членом-донатором того же комитета [102].

В марте 1929 г. в газете *Journal* помещено сообщение о кончине г-жи Симон Гольдшмидт (матери жены И.С. Лапина) и о планируемом похоронах на кладбище Монпарнас. Информация подписана «от лица г-на и г-жи Илья Лапинá, г-на и г-жи Шарль Гольдшмидт, г-на Сержа Лапинá, мадемуазель Андре Гольдшмидт и г-на Эли-Жака Гольдшмидта, ее детей и внуков» [103].

В мае 1929 г. И.С. Лапинá ищет по объявлению начальника производства, «способного оценивать печатную продукцию всех жанров» [104].

В августе 1929 г. в «Официальном муниципальном бюллетене города Парижа» приведены результаты размещения государственного заказа на изготовление облигаций займа. Имеется запись: «3 и 4 лоты — г-да Лапинá и сын, 72 франка за 1 000 экземпляров» [105]. Те же исполнители указаны и для лота № 7.

В октябре 1929 г. Туристический клуб Франции организовал «воздушное путешествие» из Парижа в Страсбург и обратно. Среди пассажиров шести самолетов указаны «г-н и г-жа Лапинá» [106].

В апреле 1930 г. в газете *Somoedia* опубликована заметка, из которой следует, что «г-н Поль Готье, известный университетский преподаватель, вверил издателю, г-ну Лапинá, важное предисловие о „Коринне“ с заметками, которые должны были сопровождать новое издание знаменитого романа г-жи де Сталь. Произведение должно было появиться в июне 1928 г., к столетию романтизма. Однако издатель месяц за месяцем задерживал выход книги, и затем, в 1929 г., написал г-ну Готье, что более не может дать ему ни точного момента, ни гарантий относительно даты публикации» [107]. Также из заметки следует, что автор предисловия обратился в суд с требованием о расторжении контракта и возмещении ущерба. Суд принял сторону истца и обязал И.С. Лапина, который не явился на заседание, выплатить г-ну Готье 20 000 франков.

Позже, в марте 1931 г., та же газета пишет о разбирательстве повторно. Описанные обстоятельства совпадают с указанными ранее, но названа вдвое меньшая сумма выплаты — 10 000 франков [108]. Фраза «после возражения г-жи Ласкин от имени издателя», содержащаяся в тексте, позволяет предполагать, что уменьшение штрафа является результатом обжалования приговора со стороны И.С. Лапинá. Уменьшенная сумма подтверждается также заметкой газеты *Paris-soir* за тот же месяц [109]. Согласно более позднему источнику после выхода книги г-н Готье должен был получить 6 000 франков гонорара [110].

Также в апреле 1930 г. И.С. Лапинá завершает публикацию серии «Панафиней». Все 12 книг коллекции, запланированные в 1926 г., были успешно выпущены [111].

В июле 1930 г. в издании Archives commerciales de la France содержится запись о внесении изменений в регистрационные данные общества «Лапинá и сын» в виде «назначения Лапинá единственным управляющим». Запись сопровождается датой «6 ноября 1929 г.» [112].

В августе 1930 г. в том же издании приведены протоколы собрания акционеров общества «Недвижимое имущество художественных издательств» с капиталом 500 000 франков. Сообщается, что «тысяча акций [передается] г-ну Илье Лапинá в качестве вознаграждения за его труды и заботы по приращению капитала» [113]. Каких-либо иных имен в этих резолюциях не упоминается, из чего можно с осторожностью предполагать, что И.С. Лапинá сыграл заметную роль в деятельности этого акционерного общества.

В октябре 1930 г. в «Бюллетене физического союза» имеется заметка, из которой следует, что к 50-летию высшей нормальной школы в Севре планируется издать книгу, «состоящую из более чем 400 страниц и иллюстрированную 48 страницами различных репродукций. Печать будет выполнена в двух цветах (в трех на обложке), на белой бумаге из эспарто, изготовленной специально, с водяным знаком в виде названия труда». Далее указано, что «тираж этой книги, вверенный “Impressions Printory” (Серж Лапинá) в Париже, будет нумерован и ограничен по количеству подписчиков». Там же назван адрес издательства: 42б, улица Нотр-Дам-де-Шам, 6-й округ Парижа [114]. Этот текст является первым встреченным нами упоминанием о самостоятельной издательской практике сына И.С. Лапинá. Заметим, впрочем, что записей о регистрации такого предприятия в базе данных «Галлики» нам обнаружить не удалось.

В 1931 г. имя И.С. Лапинá указано в числе членов «Парижского книжного кружка» [115], а также «Профсоюзной палаты издателей художественных книг и публикаций ограниченным тиражом» [Там же].

В том же году издания «Разоренного Реймса» П. Адама и «Груды» Ж. Граппа, выпущенные И.С. Лапинá, упоминаются в каталоге Международного салона художественной книги в Париже (май – август 1931 г.) [116].

В январе 1931 г. в газете Intransigeant имеется объявление, согласно которому «требуется серьезная девушка для хождения по делам и несложной канцелярской работы», подписанное «Лапинá, 50, бульвар Бомарше» [117]. Характерная фраза «являться с 2 до 3 часов» объединяет это объявление с большинством сообщений о вакансиях, размещавшихся И.С. Лапиным в предыдущие годы, однако адрес нам не знаком и никак не увязывается с издателем напрямую, поэтому мы относим данную публикацию к группе «условных». Этот же адрес с фамилией «Лапинá» имеется в ежегоднике «Annuaire general des lettres» в разделе «Офсетные печатники» [118]. Можно выдвинуть чрезвычайно осторожное предположение о том, что по этому адресу мог разместить свое предприятие кто-то из родственников И.С. Лапинá, эмигрировавших из России.

В августе 1931 г. И.С. Лапинá был произведен в офицеры ордена Почетного легиона. Из официально-

го объявления следует, что издатель был представлен к этой следующей степени награды министерством коммерции и промышленности за «участие в Лейпцигской ярмарке» [119].

В октябре 1931 г. в газете Journal помещено уведомление о «кончине г-на Ильи Лапинá, издателя, офицера ордена Почетного легиона. От [лица] г-жи Ильи Лапинá, г-на и г-жи Серж Лапинá, семей Лапинá, Перли и Гольдшмидт. Похороны состоятся в узком кругу близких людей» [120].

Указание на то, что семья не желала допускать к прощанию с издателем посторонних лиц, вызывает некоторое удивление. Представляется странным также и то, что мы не смогли обнаружить в базе данных «Галлики» ни одного некролога в адрес И.С. Лапинá, несмотря на то что список изданий, писавших о нем в течение жизни, исчисляется несколькими десятками газет и журналов.

Присутствие «г-жи Серж Лапина» свидетельствует о женитьбе сына И.С. Лапинá, однако поиск информации об этом событии по «Галлике» не дал результатов. Ресурс geneaservice.com выводит формуляры о бракосочетании для Сержа Лапинá в разделе архива с 1923 по 1930 г. [121]; поскольку в марте 1929 г. сын И.С. Лапинá все еще упоминался без пары, можно предположить, что свадьба имела место в 1929 или 1930 г.

В ноябре 1931 г. в Archives commerciales de la France обнаруживается запись о новом изменении регистрационных данных общества «Лапинá и сын», а именно о «назначении г-на С. Лапинá управляющим» [122].

В декабре 1931 г. то же издание публикует информацию о том, что вдова И.С. Лапинá наследует его дело согласно брачному контракту. В этом тексте интересно упоминание о том, что издатель жил в доме 91 по проспекту Орлеан [123].

В январе 1932 г. в газете Journal сообщается о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Лапинá и сын» [124].

В феврале 1932 г. в Journal des debats politiques et litteraires помещено объявление о первой распродаже имущества компании. В рамках этого сеанса распродается продукция: «роскошные книги, с иллюстрациями и без», «существенное количество цветных и черно-белых репродукций», «очень большой запас почтовых карточек», а также «художественные произведения: акварели, рисунки, пастели...». Согласно объявлению, в наличии имеется 1 200 экземпляров книг из коллекции «Образы времени», 500 экземпляров из коллекции «Панафинеи», а также 900 экземпляров «Бальзаковских тетрадей» (выпуски 5–8). В качестве лиц, ответственных за распродажу, указаны Ж. Энгельманн (Engelmann) и Л. Жакне (Jacquetnet) [125].

В марте 1932 г., согласно газете Intransigeant, проводится второй сеанс, в ходе которого распродается «крупное печатное оборудование» – станки, прессы и т.д., а также «значительное количество литер», «крупное движимое имущество» и «много бумаги для печати» [126]. Перечень машин и прочего оборудования с ценами имеется также в газете Figaro за тот же месяц [127]; общая стоимость активов составляет 287 100 франков.

В апреле 1932 г. проводится третья, последняя известная нам распродажа имущества [128], на которой, судя по объявлению, продаются остатки активов, не реализованные в ходе первых двух сеансов.

Последнее упоминание о компании «Лапинá и сын» из нашего архива «Галлики» – краткая заметка о дивидендах от распродажи под заголовком «Распределение ликвидации [имущества обществ]» из газеты *Journal des finances* [129].

В качестве заключительных биографических замечаний, непосредственно относящихся к семье И.С. Лапинá, остается отметить, что Серж Лапинá в 50-х гг. XX в. был отмечен в списках пассажиров трансатлантических лайнеров, шедших из Франции в США и обратно [130]. Совместно с ним в списках присутствует также г-жа Сюзанна Лапинá, 1919 или 1920 г.р.; характер ее отношения к сыну И.С. Лапинá нам не ясен. На данный момент это последний член семьи издателя, о котором нам что-либо известно.

Отдавая себе отчет в том, что газетно-журнальные публикации не являются всецело надежным источником в силу общеизвестных особенностей публицистики в частности и журналистики в целом, что в данном конкретном случае, несмотря на широкий охват «Галлики» и объемную работу французских специалистов по каталогизации и индексированию этой базы данных, сопровождается также неизбежной неполнотой коллекции оцифрованных изданий и дополнительно осложняется несовершенством технологий оптического распозна-

вания текстов, обеспечивающих полнотекстовый поиск по этой БД, мы, тем не менее, полагаем, что собранные нами материалы позволяют предварительно очертить наиболее общие контуры биографии И.С. Лапинá. На наш взгляд, ключевые даты и события, отраженные во французской периодической печати первой трети XX в., способны послужить реперными точками для последующих архивных изысканий в том случае, если кто-либо из отечественных специалистов поставит перед собой задачу извлечь данные об И.С. Лапинá из парижских архивов. Вряд ли будет значительным допущением утверждать, что таковые архивы позволяют составить более ясное представление о роли и месте И.С. Лапинá в книгоиздательской индустрии Франции.

Мы ставили перед собой цель обрисовать общие направления, в которых могут развиваться дальнейшие биографические исследования относительно рассматриваемой персоны, каталогизировать находящиеся в открытом доступе франкоязычные источники, соотносимые с фигурой И.С. Лапинá, и привлечь внимание к необходимости изучения его жизненного пути и издательского репертуара. В рамках данной статьи мы полагаем эту цель достигнутой. Мы находим уместным выразить надежду на то, что собранная нами информация будет использована на практике как собственными историками, так и специалистами в области генеалогии, библиографами, филокартистами и в целом всеми исследователями, которые усматривают в творческой деятельности личности одну из ключевых ценностей человеческой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забочень М. Открытки парижского издательства И.С. Лапина // *Правда*. № 3 (176). 24–31 января 1997. URL: <http://www.philocartist.su/articles/articles4.html> (дата обращения: 23.03.2017).
2. Мозохина Н.А. Новое об издательстве И.С. Лапина по материалам Петербургских архивов // *Филокартия*. 2008. № 1 (7).
3. Сергей Соломко: иллюстрированный каталог почтовых открыток. Издательство Ильи Лапина в Париже: альбом / рук. проекта: В. Крепостнов; авт. рус. текста: В. Крепостнов, Н. Мозохина; пер. на фр. яз. Ж. Пияр. Киров: Крепостнов, 2013. 400 с.
4. *Figaro*. 1898-01-04 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k284248f/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
5. *Figaro*. 1898-01-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2842595/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
6. *Journal*. 1898-01-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7618161n/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
7. *Aurore*. 1898-03-23 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7015232/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
8. *Aurore*. 1898-09-20 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k701704c/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
9. *Figaro*. 1899-01-08 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2846191/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
10. *Figaro*. 1899-01-23 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k284634t/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
11. Details on the monument for grave number 273075 // *Gravestone Photographic Resource*. URL: <http://www.gravestonephotos.com/requestee/gravephoto.php?scrwidth=1200&grave=273075&requestee=66727> (дата обращения: 23.03.2017).
12. Exposition internationale universelle de 1900. Catalogue général officiel / CNAM. URL: <http://cnum.cnam.fr/redir?12XAE543> (дата обращения: 23.03.2017).
13. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. СПб., [1900]. 485 с.
14. Exposition universelle internationale de 1900 à Paris. Rapports du jury international / CNAM. URL: <http://cnum.cnam.fr/redir?8XAE567> (дата обращения: 23.03.2017).
15. *Gaulois*. 1901-09-30 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k531530k/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
16. *Archives commerciales de la France*. 1908-02-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5795477n/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
17. *Annuaire de la presse française et étrangère et du monde politique*. 1909 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5796997f/f208> (дата обращения: 23.03.2017).
18. *Matin*. 1910-05-09 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5694230/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
19. *Journal*. 1911-01-29 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7626848v/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
20. *Univers*. 1912-02-21 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7147121/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
21. *Journal*. 1913-06-07 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7624637r/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
22. *Archives commerciales de la France*. 1913-08-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5597091p/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
23. *Journal officiel de la République française*. 1914-01-17 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6394111s/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
24. *Figaro*. 1914-01-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k290197m/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
25. *Journal*. 1914-01-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598813z/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
26. *Matin*. 1914-01-17 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k570769b/f2> (дата обращения: 23.03.2017).

27. *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français*. 1914-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744167j/f478> (дата обращения: 23.03.2017).
28. *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français*. 1914-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744167j/f481> (дата обращения: 23.03.2017).
29. *Mercur de France*. 1914-02-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k201741k/f196> (дата обращения: 23.03.2017).
30. *Journal*. 1914-03-21 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598877w/f9> (дата обращения: 23.03.2017).
31. *Journal*. 1914-04-10 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598897n/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
32. *Droit d'auteur*. 1914-11-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5497856r/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
33. *Droit d'auteur*. 1915-04-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5497874p/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
34. *Radical*. 1914-05-28 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76034554/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
35. *Radical*. 1914-06-14 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7603472n/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
36. *Matin*. 1914-10-31 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571061d/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
37. *Annales politiques et littéraires*. 1914-10 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57470214/f13> (дата обращения: 23.03.2017).
38. *Matin*. 1914-12-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571097q/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
39. *Matin*. 1915-01-13 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5711356/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
40. *Matin*. 1915-03-25 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571215v/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
41. *Matin*. 1915-04-19 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571240z/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
42. *Petit Parisien*. 1915-03-24 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5653841/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
43. *Univers israélite*. 1930-06-27 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6244693r/f19> (дата обращения: 23.03.2017).
44. *Émancipation juive*. 1916-01-25 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6558019c/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
45. *Rappel*. 1916-02-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k75500141/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
46. *Matin*. 1916-06-07 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571658k/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
47. *Croix*. 1917-11-27 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2598733/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
48. Азеф Евно / Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/10099> (дата обращения: 23.03.2017).
49. Лапина (Бэла), Эстер Лея Менделевна / Партия социалистов-революционеров. URL: <https://socialist-revolutionist.ru/component/content/article/34-people/1057-lapina-bela-ester-leya-mendelevna> (дата обращения: 23.03.2017).
50. *Journal*. 1909-05-19 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7628110m/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
51. *L'Afrique du Nord illustrée*. 1919-05-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55857612/f21> (дата обращения: 23.03.2017).
52. *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français*. 1919-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57441753/f35> (дата обращения: 23.03.2017).
53. *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français*. 1920-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744183n/f83> (дата обращения: 23.03.2017).
54. *Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris*. 1920-09-24 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6350773m/f8> (дата обращения: 23.03.2017).
55. *Temps*. 1921-09-19 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244502r/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
56. *Temps*. 1921-10-02 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2445157/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
57. *Journal*. 1922-03-28 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7608097n/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
58. *Petit Parisien*. 1922-07-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605071c/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
59. *Petit Parisien*. 1923-03-18 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605326g/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
60. *Petit Parisien*. 1923-04-28 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6053677/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
61. *Petit Parisien*. 1925-02-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6060187/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
62. *Gaulois*. 1922-05-24 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5390689/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
63. *Gaulois*. 1922-06-24 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k539099q/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
64. *Vogue*. 1922-08-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65378769/f25> (дата обращения: 23.03.2017).
65. *Gaulois*. 1923-06-23 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k539463n/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
66. *Petit Parisien*. 1922-10-28 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605185j/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
67. *Radical*. 1922-10-29 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7612759/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
68. *Congrès international des bibliothécaires et des bibliophiles tenu à Paris du 3 au 9 avril 1923 : procès-verbaux et mémoires*. 1925 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5652851h/f43> (дата обращения: 23.03.2017).
69. *Comoedia*. 1923-12-17 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7647216p/f1> (дата обращения: 23.03.2017).
70. *Figaro*. 1923-12-23 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2938030/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
71. *Correspondant*. 1923-12-10 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4151840/f810> (дата обращения: 23.03.2017).
72. *Bulletin annuel de Société Fragonard*. 1924 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k61060788/f14> (дата обращения: 23.03.2017).
73. Peck A. *Period Rooms in the Metropolitan Museum of Art*. New York : Yale University Press, 2004. 312 с.
74. *Temps*. 1924-04-10 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k245435w/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
75. *Temps*. 1924-12-29 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k245702n/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
76. *Annuaire industriel. Répertoire général de la production française*. 1925. / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k62664099/f644> (дата обращения: 23.03.2017).
77. *Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes*. 1925. Paris / CNAM. URL: <http://cnam.cnam.fr/redir?4XAE94.7> (дата обращения: 23.03.2017).
78. *Gaulois*. 1925-01-29 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k540049r/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
79. *Mercur de France*. 1925-04-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2019764/f306> (дата обращения: 23.03.2017).
80. *Comoedia*. 1925-05-20 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7652837n/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
81. *Figaro*. 1925-05-29 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2943870/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
82. *Comoedia*. 1925-12-07 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7649950r/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
83. *Intransigeant*. 1926-03-19 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k791406c/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
84. *Comoedia*. 1926-04-07 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7653959w/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
85. *Petit Parisien*. 1926-06-03 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k606500d/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
86. *Droit ouvrier*. 1927-01 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63155593/f14> (дата обращения: 23.03.2017).
87. *Droit ouvrier*. 1927-03-18 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63155593/f16> (дата обращения: 23.03.2017).
88. *Journal*. 1927-03-27 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7629093v/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
89. *Intransigeant*. 1928-02-20 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k792108g/f8> (дата обращения: 23.03.2017).
90. *Intransigeant*. 1928-09-09 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k792310d/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
91. *Temps*. 1929-08-03 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k247546g/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
92. *Comoedia*. 1927-05-18 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651849j/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
93. *Comoedia*. 1927-11-22 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651944u/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
94. *Comoedia*. 1927-06-13 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651874m/f2> (дата обращения: 23.03.2017).

95. Action française. 1927-07-26 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7631170/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
96. Figaro. 1927-09-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2952508/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
97. Journal. 1928-02-16 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76248917/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
98. Archives commerciales de la France. 1928-04-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1257547b/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
99. Archives commerciales de la France. 1928-04-20 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k12575428/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
100. Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris. 1928-07-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6497497h/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
101. Expansion commerciale de la France. 1928-09 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57034193/f42> (дата обращения: 23.03.2017).
102. Expansion commerciale de la France. 1931-11 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5706139r/f36> (дата обращения: 23.03.2017).
103. Journal. 1929-03-04 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7632748j/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
104. Journal. 1929-05-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7632822n/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
105. Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris. 1929-08-15 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6236757k/f4> (дата обращения: 23.03.2017).
106. Revue du Touring-club de France. 1929-11 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6506721v/f30> (дата обращения: 23.03.2017).
107. Comoedia. 1930-04-17 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7648256h/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
108. Comoedia. 1930-03-18 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76487908/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
109. Paris-soir. 1930-03-19 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7641908p/f5> (дата обращения: 23.03.2017).
110. Annuaire général des lettres. 1932 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5516461d/f53> (дата обращения: 23.03.2017).
111. Choix de superbes livres. 1931 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5747811h/f210> (дата обращения: 23.03.2017).
112. Archives commerciales de la France. 1930-07-04 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55917613/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
113. Archives commerciales de la France. 1930-08-22 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5855897x/f52> (дата обращения: 23.03.2017).
114. Bulletin de l'Union des physiciens. 1930-10 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1241350/f387> (дата обращения: 23.03.2017).
115. Annuaire général des lettres. 1931 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55163026/f354> (дата обращения: 23.03.2017).
116. Catalogue du Salon international du Livre d'art. 1931 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5789246c/f92> (дата обращения: 23.03.2017).
117. Intransigeant. 1931-01-30 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k793183m/f9> (дата обращения: 23.03.2017).
118. Annuaire général des lettres. 1932 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5516461d/f521> (дата обращения: 23.03.2017).
119. Journal officiel de la République française. 1931-09-04 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6544256t/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
120. Journal. 1931-10-31 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76315155/f2> (дата обращения: 23.03.2017).
121. Série 10 - Lot LAPINA / GeneaService. URL: http://www.geneaservice.com/recherche/preview.php?nom=LAPINA&ref_lot=10L016-00-100-162 (дата обращения: 23.03.2017).
122. Archives commerciales de la France. 1931-11-09 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55762332/f3> (дата обращения: 23.03.2017).
123. Archives commerciales de la France. 1931-12-14 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6145564r/f24> (дата обращения: 23.03.2017).
124. Journal. 1932-01-13 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7629843q/f6> (дата обращения: 23.03.2017).
125. Journal des débats politiques et littéraires. 1932-02-21 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k506876t/f8> (дата обращения: 23.03.2017).
126. Intransigeant. 1932-02-25 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k793574w/f10> (дата обращения: 23.03.2017).
127. Figaro. 1932-03-06 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2968949/f7> (дата обращения: 23.03.2017).
128. Intransigeant. 1932-04-05 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7936144/f12> (дата обращения: 23.03.2017).
129. Journal des finances. 1935-03-08 / Gallica. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1253302t/f16> (дата обращения: 23.03.2017).
130. Serge Lapina / Ancestry.com. URL: http://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?gl=allgs&gss=sfs28_ms_r_f2_s&new=1&rank=1&gsfn=serge&gsfn_x=1&gsln=lapina&gsln_x=1&MSAV=1&cp=0&catbucket=rstp&uidh=egk (дата обращения: 23.03.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

OUTLINE OF THE BIOGRAPHY OF THE EDITOR I.S. LAPIN BASED ON THE MATERIALS OF FRENCH PRINTED MEDIA OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 56–70.

DOI: 10.17223/15617793/423/8

Nikolay V. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nvgolovko@inbox.ru

Keywords: I.S. Lapin's publishing house; biography; book printing; philcartism; first third of 20th century; personalities of Russian emigration in Paris.

In the article the author makes an attempt to compile a very comprehensive overview of Lapin's life and activities in Paris on the basis of information from the database "Gallica" of the National Library of France, equipped with full-text search capabilities on the archive of the French periodical press. Despite the popularity among collectors, deltiologists and museum workers, the Russian-French publisher I.S. Lapin (Ilya Lapina) has not been the object of a sufficiently large-scale biographical study, with the exception of a few general sketches of his activities in Russia. The author collected a total of 468 clippings from electronic copies of French newspapers and magazines of the first third of the 20th century, from which the publications containing certain biographical information were selected and described. Articles and reviews containing data on Lapin's book publishing activities are considered in the article insofar as their content is correlated with the events of the publisher's life, so the description of his books and other printed products is mostly outside the scope of the study. The author traces key events of Lapin's personal and business life in Paris, starting from the last years of the 19th century and ending with the death of the publisher in 1931. The data from the periodical press allows the author to assert that initially Lapin was known in France as a lithographic artist, and later changed his occupation and opened his publishing practice. The article specifies the members of Lapin's French family, their personal data are also established or verified; the connections of Lapin with Russian and French diplomatic and aristocratic circles are specified, and some personalities from these

sections of society who had direct or indirect relation to his biography are noted; the circle of writers, artists and publishers with whom Lapin maintained business relations is outlined; some significant exhibitions and events, at which the products of his publishing house were presented, are named; also, the data on state awards of the publisher, which are available in other biographical research works, are checked and corrected: in particular, it was discovered that Lapin was not only a cavalier, but also an officer of the French Order of the Legion of Honor. In addition, the author establishes the main organizational forms of existence of the aforementioned publishing house and the chronological framework for their creation and dissolution; it seems that this will assist certain specialists in more accurate dating of some samples of Lapin's printed materials. The total set of the data contained in the French periodicals of the first third of the 20th century allows the author to conclude that Lapin's personality played a significant role in the social and cultural life of Russia and France, and also that subsequent biographical and bibliographical research on this person is appropriate and relevant.

REFERENCES

1. Zabochen', M. (1997) Otkrytki parizhskogo izdatel'stva I.S. Lapina [Postcards of the Paris publishing house of I.S. Lapin]. *Pravda*. 3 (176). 24–31 January. [Online] Available from: <http://www.philocartist.ru/articles/articles4.html>. (Accessed: 23.03.2017).
2. Mozokhina, N.A. (2008) Novoe ob izdatel'stve I.S. Lapina po materialam Peterburgskikh arkhivov [New about the publishing house of I.S. Lapin by the materials of St. Petersburg archives]. *Filokartiya*. 1 (7).
3. Krepostnov, V. & Mozokhina, N. (2013) *Sergey Solomko: illyustrirovannyi katalog pochtovykh otkrytok. Izdatel'stvo Il'i Lapina v Parizhe: al'bom* [Sergey Solomko: illustrated catalog of postcards. Ilya Lapin's publishing house in Paris: album]. Kirov: Krepostnov'.
4. Gallica. (1898) *Figaro*. 1898-01-04. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k284248f/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
5. Gallica. (1898) *Figaro*. 1898-01-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k284259f/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
6. Gallica. (1898) *Journal*. 1898-01-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7618161n/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
7. Gallica. (1898) *Aurore*. 1898-03-23. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7015232/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
8. Gallica. (1898) *Aurore*. 1898-09-20. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k701704c/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
9. Gallica. (1898) *Figaro*. 1899-01-08. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2846191/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
10. Gallica. (1898) *Figaro*. 1899-01-23. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k284634t/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
11. GraveStone Photographic Resource. (n.d.) *Details on the monument for grave number 273075*. [Online] Available from: <http://www.gravestonephotos.com/requestee/gravestone.php?scrwidth=1200&grave=273075&requestee=66727>. (Accessed: 23.03.2017).
12. CNAM. (1900) *Exposition internationale universelle de 1900. Catalogue général officiel* [Universal International Exhibition of 1900. Official General Catalog]. [Online] Available from: <http://cnum.cnam.fr/redir?12XAE54.3>. (Accessed: 23.03.2017).
13. Anon. (c. 1900) *Katalog Russkogo otdela na Vsemirnoy Parizhskoy vystavke 1900 g.* [Catalog of the Russian department at the World Exhibition in Paris in 1900]. St. Petersburg.
14. CNAM. (1900) *Exposition universelle internationale de 1900 à Paris. Rapports du jury international* [Universal International Exhibition of 1900 in Paris. International Jury Reports]. [Online] Available from: <http://cnum.cnam.fr/redir?8XAE567>. (Accessed: 23.03.2017).
15. Gallica. (1901) *Gaulois*. 1901-09-30. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k531530k/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
16. Gallica. (1908) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1908-02-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5795477n/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
17. Gallica. (1909) *Annuaire de la presse française et étrangère et du monde politique. 1909* [Directory of the French and foreign press and the political world. 1909]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5796997f/f208>. (Accessed: 23.03.2017).
18. Gallica. (1910) *Matin*. 1910-05-09. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5694230/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
19. Gallica. (1911) *Journal*. 1911-01-29. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7626848v/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
20. Gallica. (1912) *Univers*. 1912-02-21. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7147121/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
21. Gallica. (1913) *Journal*. 1913-06-07. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7624637r/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
22. Gallica. (1913) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1913-08-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5597091p/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
23. Gallica. (1914) *Journal officiel de la République française*. 1914-01-17. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6394111s/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
24. Gallica. (1914) *Figaro*. 1914-01-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k290197m/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
25. Gallica. (1914) *Journal*. 1914-01-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598813z/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
26. Gallica. (1914) *Matin*. 1914-01-17. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k570769b/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
27. Gallica. (1914) *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français* [Report on the work of the Society of French Artists]. 1914-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744167j/f478>. (Accessed: 23.03.2017).
28. Gallica. (1914) *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français* [Report on the work of the Society of French Artists]. 1914-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744167j/f481>. (Accessed: 23.03.2017).
29. Gallica. (1914) *Mercure de France*. 1914-02-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k201741k/f196>. (Accessed: 23.03.2017).
30. Gallica. (1914) *Journal*. 1914-03-21. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598877w/f9>. (Accessed: 23.03.2017).
31. Gallica. (1914) *Journal*. 1914-04-10. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7598897n/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
32. Gallica. (1914) *Droit d'auteur* [Copyright]. 1914-11-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5497856r/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
33. Gallica. (1915) *Droit d'auteur* [Copyright]. 1915-04-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5497874p/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
34. Gallica. (1914) *Radical*. 1914-05-28. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76034554/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
35. Gallica. (1914) *Radical*. 1914-06-14. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7603472n/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
36. Gallica. (1914) *Matin*. 1914-10-31. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571061d/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
37. Gallica. (1914) *Annales politiques et littéraires*. 1914-10. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57470214/f13>. (Accessed: 23.03.2017).
38. Gallica. (1914) *Matin*. 1914-12-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571097q/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
39. Gallica. (1915) *Matin*. 1915-01-13. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5711356/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
40. Gallica. (1915) *Matin*. 1915-03-25. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571215t/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
41. Gallica. (1915) *Matin*. 1915-04-19. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571240z/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
42. Gallica. (1915) *Petit Parisien*. 1915-03-24. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5653841/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
43. Gallica. (1930) *Univers israélite*. 1930-06-27. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6244693r/f19>. (Accessed: 23.03.2017).
44. Gallica. (1916) *Émancipation juive*. 1916-01-25. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6558019c/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
45. Gallica. (1916) *Rappel*. 1916-02-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k75500141/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
46. Gallica. (1916) *Matin*. 1916-06-07. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k571658k/f4>. (Accessed: 23.03.2017).

47. Gallica. (1917) *Croix*. 1917-11-27. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2598733/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
48. The Electronic Jewish Encyclopedia. (n.d.) *Azef Evno*. [Online] Available from: <http://www.eleven.co.il/article/10099>. (Accessed: 23.03.2017). (In Russian).
49. The Party of Socialist-Revolutionaries. (1998) *Lapina (Bela), Ester Leya Mendeleвна*. [Online] Available from: <https://socialist-revolutionist.ru/component/content/article/34-people/1057-lapina-bela-ester-leya-mendeleвна>. (Accessed: 23.03.2017). (In Russian).
50. Gallica. (1909) *Journal*. 1909-05-19. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7628110m/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
51. Gallica. (1919) *L'Afrique du Nord illustrée*. 1919-05-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55857612/f21>. (Accessed: 23.03.2017).
52. Gallica. (1919) *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français* [Report on the work of the Society of French Artists]. 1919-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57441753/f35>. (Accessed: 23.03.2017).
53. Gallica. (1920) *Compte-rendu des travaux de la Société des artistes français* [Report on the work of the Society of French Artists]. 1920-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5744183n/f83>. (Accessed: 23.03.2017).
54. Gallica. (1920) *Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris*. 1920-09-24. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6350773m/f8>. (Accessed: 23.03.2017).
55. Gallica. (1921) *Temps*. 1921-09-19. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244502r/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
56. Gallica. (1921) *Temps*. 1921-10-02. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2445157/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
57. Gallica. (1922) *Journal*. 1922-03-28. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7608097n/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
58. Gallica. (1922) *Petit Parisien*. 1922-07-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605071c/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
59. Gallica. (1923) *Petit Parisien*. 1923-03-18. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605326g/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
60. Gallica. (1923) *Petit Parisien*. 1923-04-28. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6053677/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
61. Gallica. (1925) *Petit Parisien*. 1925-02-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6060187/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
62. Gallica. (1922) *Gaulois*. 1922-05-24. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5390689/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
63. Gallica. (1922) *Gaulois*. 1922-06-24. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k539099q/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
64. Gallica. (1922) *Vogue*. 1922-08-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65378769/f25>. (Accessed: 23.03.2017).
65. Gallica. (1923) *Gaulois*. 1923-06-23. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k539463n/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
66. Gallica. (1922) *Petit Parisien*. 1922-10-28. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k605185j/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
67. Gallica. (1920) *Radical*. 1922-10-29. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7612759s/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
68. Gallica. (1925) *Congrès international des bibliothécaires et des bibliophiles tenu à Paris du 3 au 9 avril 1923: procès-verbaux et mémoires. 1925* [International Congress of Librarians and Bibliophiles held in Paris from April 3 to 9, 1923: minutes and notes. 1925]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5652851h/f43>. (Accessed: 23.03.2017).
69. Gallica. (1923) *Comoedia*. 1923-12-17. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7647216p/f1>. (Accessed: 23.03.2017).
70. Gallica. (1923) *Figaro*. 1923-12-23. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2938030/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
71. Gallica. (1923) *Correspondant*. 1923-12-10. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4151840/f810>. (Accessed: 23.03.2017).
72. Gallica. (1924) *Bulletin annuel de Société Fragonard. 1924* [Annual bulletin of the Fragonard Society. 1924]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k61060788/f14>. (Accessed: 23.03.2017).
73. Peck, A. (2004) *Period Rooms in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Yale University Press.
74. Gallica. (1924) *Temps*. 1924-04-10. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k245435w/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
75. Gallica. (1924) *Temps*. 1924-12-29. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k245702n/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
76. Gallica. (1925) *Annuaire industriel. Répertoire général de la production française. 1925* [Industrial Directory. General directory of French production. 1925]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k62664099/f644>. (Accessed: 23.03.2017).
77. CNAM. (1925) *Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes. 1925. Paris* [International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Arts. 1925. Paris]. [Online] Available from: <http://cnum.cnam.fr/redir?4XAE94.7>. (Accessed: 23.03.2017).
78. Gallica. (1925) *Gaulois*. 1925-01-29. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k540049r/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
79. Gallica. (1925) *Mercure de France*. 1925-04-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2019764/f306>. (Accessed: 23.03.2017).
80. Gallica. (1925) *Comoedia*. 1925-05-20. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7652837n/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
81. Gallica. (1925) *Figaro*. 1925-05-29. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2943870/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
82. Gallica. (1925) *Comoedia*. 1925-12-07. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7649950r/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
83. Gallica. (1926) *Intransigeant*. 1926-03-19. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k791406c/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
84. Gallica. (1926) *Comoedia*. 1926-04-07. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7653959w/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
85. Gallica. (1926) *Petit Parisien*. 1926-06-03. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k606500d/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
86. Gallica. (1927) *Droit ouvrier*. 1927-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63155593/f14>. (Accessed: 23.03.2017).
87. Gallica. (1927) *Droit ouvrier*. 1927-01. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63155593/f16>. (Accessed: 23.03.2017).
88. Gallica. (1927) *Journal*. 1927-03-27. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7629093v/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
89. Gallica. (1928) *Intransigeant*. 1928-02-20. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k792108g/f8>. (Accessed: 23.03.2017).
90. Gallica. (1928) *Intransigeant*. 1928-09-09. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k792310d/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
91. Gallica. (1929) *Temps*. 1929-08-03. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k247546g/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
92. Gallica. (1927) *Comoedia*. 1927-05-18. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651849j/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
93. Gallica. (1927) *Comoedia*. 1927-11-22. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651944u/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
94. Gallica. (1927) *Comoedia*. 1927-06-13. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7651874m/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
95. Gallica. (1927) *Action française*. 1927-07-26. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7631170/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
96. Gallica. (1927) *Figaro*. 1927-09-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2952508/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
97. Gallica. (1928) *Journal*. 1928-02-16. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76248917/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
98. Gallica. (1928) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1928-04-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1257547b/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
99. Gallica. (1928) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1928-04-20. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k12575428/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
100. Gallica. (1928) *Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris*. 1928-07-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6497497h/f4>. (Accessed: 23.03.2017).
101. Gallica. (1928) *Expansion commerciale de la France* [Commercial expansion of France]. 1928-09. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57034193/f42>. (Accessed: 23.03.2017).
102. Gallica. (1931) *Expansion commerciale de la France* [Commercial expansion of France]. 1931-11. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5706139r/f36>. (Accessed: 23.03.2017).
103. Gallica. (1929) *Journal*. 1929-03-04. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7632748j/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
104. Gallica. (1929) *Journal*. 1929-05-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7632822n/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
105. Gallica. (1929) *Bulletin municipal officiel de la Ville de Paris*. 1929-08-15. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6236757k/f4>. (Accessed: 23.03.2017).

106. Gallica. (1929) *Revue du Touring-club de France*. 1929-11. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6506721v/f30>. (Accessed: 23.03.2017).
107. Gallica. (1930) *Comoedia*. 1930-04-17. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7648256h/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
108. Gallica. (1930) *Comoedia*. 1930-03-18. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76487908/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
109. Gallica. (1930) *Paris-soir*. 1930-03-19. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7641908p/f5>. (Accessed: 23.03.2017).
110. Gallica. (1932) *Annuaire général des lettres* [General Directory of Letters]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5516461d/f53>. (Accessed: 23.03.2017).
111. Gallica. (1931) *Choix de superbes livres* [The choice of superb books]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5747811h/f210>. (Accessed: 23.03.2017).
112. Gallica. (1930) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1930-07-04. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55917613/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
113. Gallica. (1930) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1930-08-22. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5855897x/f52>. (Accessed: 23.03.2017).
114. Gallica. (1930) *Bulletin de l'Union des physiciens*. 1930-10. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1241350/f387>. (Accessed: 23.03.2017).
115. Gallica. (1931) *Annuaire général des lettres* [General Directory of Letters]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55163026/f354>. (Accessed: 23.03.2017).
116. Gallica. (1931) *Catalogue du Salon international du Livre d'art. 1931* [Catalog of the International Exhibition of the Art Book. 1931]. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5789246c/f92>. (Accessed: 23.03.2017).
117. Gallica. (1931) *Intransigeant*. 1931-01-30. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k793183m/f9>. (Accessed: 23.03.2017).
118. Gallica. (1932) *Annuaire général des lettres* [General Directory of Letters] [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5516461d/f521>. (Accessed: 23.03.2017).
119. Gallica. (1931) *Journal officiel de la République française*. 1931-09-04. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6544256t/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
120. Gallica. (1931) *Journal*. 1931-10-31. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76315155/f2>. (Accessed: 23.03.2017).
121. GeneaService. (n.d.) *Série 10 – Lot LAPINA* [Series 10: Lapin]. [Online] Available from: http://www.geneaservice.com/recherche/pre-view.php?nom=LAPINA&ref_lot=10L016-00-100-162. (Accessed: 23.03.2017).
122. Gallica. (1931) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1931-11-09. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55762332/f3>. (Accessed: 23.03.2017).
123. Gallica. (1931) *Archives commerciales de la France* [Trade Archives of France]. 1931-12-14. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6145564r/f24>. (Accessed: 23.03.2017).
124. Gallica. (1932) *Journal*. 1932-01-13. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7629843q/f6>. (Accessed: 23.03.2017).
125. Gallica. (1932) *Journal des débats politiques et littéraires*. 1932-02-21. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k506876t/f8>. (Accessed: 23.03.2017).
126. Gallica. (1932) *Intransigeant*. 1932-02-25. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k793574w/f10>. (Accessed: 23.03.2017).
127. Gallica. (1932) *Figaro*. 1932-03-06. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2968949/f7>. (Accessed: 23.03.2017).
128. Gallica. (1932) *Intransigeant*. 1932-04-05. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7936144/f12>. (Accessed: 23.03.2017).
129. Gallica. (1935) *Journal des finances*. 1935-03-08. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1253302t/f16>. (Accessed: 23.03.2017).
130. Ancestry.com. (n.d.) *Serge Lapina*. [Online] Available from: http://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?gl=allgs&gss=sfs28_ms_r_f-2_s&new=1&rank=1&gsfn=serge&gsfn_x=1&gsln=lapina&gsln_x=1&MSAV=1&cp=0&catbucket=rstp&uidh=egk. (Accessed: 23.03.2017).

Received: 27 June 2017

ЗАМЕЩЕНИЕ ПРОФЕССОРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: НАЗНАЧЕНИЕ VS ВЫБОРЫ

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14. В25.31.0009).

Рассматривается проблема замещения профессорских должностей в российских университетах конца XIX – начала XX в. Внимание уделяется социальным аспектам темы. Автор приходит к выводу, что в период действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение профессоров, этим правом МНП пользовалось не часто, но подобные случаи болезненно воспринимались в университетской среде. Это объясняется тем, что процедура замещения должностей играла роль пропуска в корпорацию и ее члены желали сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир.

Ключевые слова: университет; профессора; должность; выборы; назначение.

Одним из центральных аспектов университетской жизни всегда оставался вопрос о принципе замещения преподавательских и административных должностей. На протяжении XIX в. этот вопрос решался по-разному, отражая различные периоды университетской истории. Волнообразная смена университетских уставов 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. сопровождалась то усилением выборного начала, то утверждением принципа централизованного назначения профессоров на их должности.

В исследовательской литературе указанная тема, как правило, рассматривалась либо в контексте локальных историй отдельных университетов (Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017), либо в контексте проблемы научно-педагогической аттестации (Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994; Матушанский Г., Завада Г. Послевузовская подготовка научно-педагогических кадров в России: ретроспективный взгляд // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 48–56; Шаршунов В.А. История создания государственной системы аттестации ученых и педагогов в Российской империи // Проблемы управления. 2007. № 3. С. 74–91 и др.). За неимением необходимости подробно описывать существовавшие в рассматриваемый период правила в настоящей работе остановимся на характеристике того, как осуществлялся процесс замещения профессорских должностей в «человеческом изменении», т.е. с особым вниманием к внутрикorporативным отношениям и различным социальным аспектам темы.

Последний в дореволюционной истории университетский устав 1884 г. предусматривал два равнозначных варианта замещения вакантной профессорской должности: либо непосредственное назначение распоряжением министра, либо избрание кандидата Советом университета с последующим утверждением Министерством народного просвещения (МНП) университетского выбора; причем какой из двух возможных путей избрать, решал сам министр [1. С. 36]. В случае следования по второму пути университет был

обязан «немедленно объявить о вакантной кафедре во всеобщее ведение» и принимать заявления от желающих занять кафедру кандидатов; помимо этого действовавшие профессора могли официально рекомендовать на вакантную должность известных им лиц.

Порядок, установленный Уставом, действовал без изменений 20 лет. Но в разгар Первой русской революции «Временными правилами» 27 августа 1905 г. был установлен запрет на практику прямого назначения, что, однако, не отменяло необходимости утверждения избранных Советом профессоров министерством [2. С. 658]. Впрочем, такое послабление действовало недолго. Поскольку нового устава, который бы закрепил данную норму, так и не появилось, с изменением политической атмосферы министерство смогло при необходимости кадровых перестановок в университетах апеллировать не к «Временным правилам», а к общим для чиновников принципам, которые предполагали право министра по своему усмотрению уволить или переместить любое лицо и без его согласия [3. С. 84]. Поэтому в постреволюционные годы непосредственное назначение профессоров решением МНП стало достаточно распространенным явлением.

8 апреля 1906 г. было высочайше разрешено как избрание путем объявления конкурса, так и по рекомендации членов факультета (без объявления открытого конкурса). Теперь при открытии вакансии университет мог ходатайствовать перед МНП об иницировании выборных процедур по одному или иному сценарию. Новая процедура предполагала право каждого члена факультета назвать кандидата на вакантную должность. Товарищ министра народного просвещения П.П. Извольский в письме (апрель 1906 г.) ректору Варшавского университета (ИВУ) Е.Ф. Карскому так разъяснял особенности нового порядка: «Конкурс, привлекая к соисканию вакантной кафедры все наличные силы, гарантирует <...> избрание наилучшего кандидата, хотя иногда лица с известным ученым именем и не выставляют своей кандидатуры, не желая подвергаться случайностям конкурсной оценки. Но, к сожалению, это слишком громоздкая процедура, отнимающая у научного преподавания в наилучшем случае ½ года, а чаще целый год и более. Поэтому в тех случаях, когда требуется скорое замещение кафедры и у факультета намечены вполне до-

стойные кандидаты, объявлению конкурса следует предпочесть избрание по рекомендации» [4. к. 114–114 об.]. Как видим, главным преимуществом новой системы министерству виделась скорость выборной процедуры. Уже отмечалось, что некоторые элементы определения кандидатов на должность по рекомендациям существовали и ранее и отношение в университетской среде к этому явлению не было однозначным. Например, профессор Московского университета (ИМУ) В.В. Марковников 12 августа 1893 г. записал в дневнике: «При рекомендациях попадают на кафедры такие гуси, которые при выборном начале, конечно, никогда не были бы выбраны» [5. С. 391].

Вот как в марте 1911 г. проходило замещение по рекомендациям кафедры факультетской терапевтической клиники медицинского факультета ИВУ. В факультетском заседании три профессора выдвинули трех своих кандидатов: профессор М.М. Кузнецов – клинического профессора при Варшавском военном госпитале, доктора медицины Г.Я. Гуревича; профессор И.Ф. Пожариский – экстраординарного профессора по кафедре частной патологии и терапии Новороссийского университета (ИНУ), доктора медицины А.И. Игнатовского; профессор П.В. Никольский – приват-доцента киевского университета Святого Владимира (ИУСвВ), доктора медицины А.С. Своехотова. В соответствии с процедурой были озвучены рекомендации названных профессоров медицинского факультета, *curriculum vitae* претендентов, отзывы об их работах. После этого состоялась баллотировка, в результате которой Г.Я. Гуревич получил 7 избирательных и 9 неизбирательных шаров, А.И. Игнатовский – 11 избирательных и 5 неизбирательных шаров, а А.С. Своехотов – по 8 избирательных и неизбирательных шаров. Таким образом, А.И. Игнатовский был избран кандидатом на вакантную кафедру. На этом основании факультет просил университетский совет ходатайствовать о назначении А.И. Игнатовского на кафедру факультетской терапевтической клиники [6. к. 64–65]. Ходатайство министерством было удовлетворено, и в мае 1911 г. А.И. Игнатовский занял искомую должность экстраординарного профессора. Таким образом, процесс замещения должности занял два месяца.

Практика перемещения профессоров между университетами без учета их желания связана преимущественно с периодом министерства Л.А. Кассо (1910–1914 гг.). Так, в эти годы только в Санкт-Петербургский университет (ИСПБУ) в качестве профессоров были назначены из ИНУ – В.М. Грибовский, С.П. Никонов, И.И. Чистяков; из Харьковского университета (ИХУ) – П.П. Мигулин; из ИУСвВ – А.А. Жилин, В.А. Удинцев; из Юрьевского университета (ИЮУ) – А.С. Яценко, В.Ф. фон Зелер [7. С. 218, 221].

Несмотря на пертурбации с механизмом замещения должностей, университеты и министерство не прекращали поиск оптимальных требований к кандидатам.

Согласно весьма категорично звучащей 99-й статье Устава 1884 г., «никто не может быть профессором, не имея степени доктора» [1. С. 36]. Однако на протяжении десятилетий в каждом университете слу-

жили десятки профессоров, имевших только одну из двух, магистерскую, степень. Выход из противоречия Уставу был найден в назначении лиц, не имевших докторской степени «исправлявшими должность» профессоров: лицам, имевшим степень магистра, было дозволено становиться и.д. экстраординарных профессоров при условии дачи обязательства защиты докторской диссертации в 3-летний срок. При этом лица, исправлявшие должность профессора, имели равные права с профессорами в вопросе членства в совете, оклада, выслуги пенсии. «Естественно, что при таких условиях, – отмечал в брошюре 1916 г. профессор ИНУ И.А. Линниченко, – у и.д. профессоров не было никакого смысла писать докторские диссертации – никакой выгоды от этого они не имели» [8. С. 7]. Профессор ИУСвВ Д.А. Граве, участвовавший в январе 1916 г. в заседании комиссии по подготовке открытия в Саратовском университете (ИНСУ) физико-математического факультета (а один из основных аргументов против открытия состоял в недостаточности профессорских кадров), говорил: «...недостаток лиц, могущих вести преподавание в университетах, есть явление кажущееся. Если министерство будет настаивать на необходимости для профессоров известной марки – степени, то не только нельзя будет открыть ни одного высшего учебного заведения, но и существующие придут в полное запустение. Профессором может быть тот, кто имеет работы, кто действительно может научить студентов, а получение или неполучение степени есть во многих случаях дело случайное, чисто с наукой ничего общего имеющее». В итоге в выработанном комиссией докладе для Совета содержался пункт № 4, который гласил: «Вследствие возможности замещения кафедр магистрами и возможности поручения преподавания магистрантам не встретится затруднений для обеспечения преподавания на физико-математическом факультете» [9. Л. 6 об. – 7, 11 об.]. В целом по состоянию на 1915 г. порядка 30% всех профессорских должностей в университетах Российской империи было занято и.д. экстраординарных или ординарных профессоров, имеющими степень магистра [10. Л. 33].

Судя по объявлениям о вакансиях преподавательских должностей, требования разных университетов к претендентам могли варьироваться. Например, согласно объявлению о поиске ИУСвВ лектора итальянского языка (декабрь 1906 г.) от претендентов требовалось рукописное или печатное сочинение по итальянскому языку или по литературе; помимо этого, «лица, явившиеся кандидатами на должность лектора, должны в присутствии членов историко-филологического факультета: а) защитить представленные ими сочинения и извлеченные из них тезисы и б) прочесть две пробные лекции, одну по языку, другую по истории литературы» [11. Пагинация 1-я. С. 70–71]. А вот историко-филологический факультет ИЮУ, искавший в 1915 г. лектора французского языка, предъявлял к конкурсантам меньше требований: лица, желавшие занять указанную должность, должны были прислать заявление на имя декана и представить диплом или иное удостоверение о полученном образовании, *curriculum vitae*, печатные труды (при наличии) [12. к. 164].

Дискуссии о том, что именно и в каких формах требовать от претендентов на вакантные кафедры, довольно часто возникала в Советах университетов. Так, в июне 1907 г. медицинский факультет Казанского университета (ИКУ) был озабочен замещением кафедры патологической анатомии, ставшей вакантной после смерти профессора Н.М. Любимова. Во время первой процедуры выборов из четырех кандидатов на эту должность больше других «избирательных голосов» получил приват-доцент Военно-медицинской академии Ф.Я. Чистович, опередив в числе прочих и доктора медицины П.П. Заболотнова, приват-доцента ИКУ, ученика покойного профессора Любимова. Однако этот конкурс Министерством народного просвещения был признан незаконным в силу допущенного нарушения, которое выразилось «в допущении студентов к участию в факультетской оценке кандидатов» [13. Л. 31]. Во время обсуждения порядка повторных выборов члены Совета университета раскололись по вопросу о том, достаточно ли при проведении конкурса ознакомления только с печатными работами кандидатов или требуется вызов всех претендующих на занятие кафедры в Казань, чтение ими пробных лекций и проведение патологоанатомических вскрытий (что не было предусмотрено действовавшим уставом, но вытекало, по мнению сторонников этой меры, из специфики кафедры) [Там же. Л. 25].

Во время развернувшейся 18 сентября 1907 г. дискуссии на заседании Совета медицинского факультета прозвучали небезынтересные доводы и аргументы с разных сторон. Если профессор В.И. Разумовский не видел в дополнительных испытаниях ничего зазорного, то профессор К.А. Арнштейн занял иную позицию: «Подобное требование равносильно экзамену, которому уважающий себя специалист с научным именем не пожелает подвергнуться. На это пойдут только второразрядные или молодые ученые, научная репутация которых еще не установлена и которым, следовательно, терять нечего. <...> а самые способные из кандидатов займут кафедры в других университетах» [Там же. Л. 34, 34 об.]. (Отметим пресечение мыслей профессора Арнштейна с вышеприведенными соображениями товарища министра народного просвещения П.П. Извольского, высказанными им в 1906 г.) В любом случае, по мнению большинства членов Совета, усложнение конкурсной процедуры отпугнуло бы от приезда в Казань иногородних кандидатов. Принятие решения затянулось, велись согласования с ректором, попечителем и министерством. В итоге было принято решение проводить конкурс обычным порядком, без дополнительных испытаний, и кафедру с 1908 г. занял вышеупомянутый Ф.Я. Чистович, одержавший победу еще на первых выборах в июне 1907 г. [Там же. Л. 44].

При обсуждении достоинств кандидатов на вакантные кафедры порой разгорались нешуточные споры. Приведем несколько примеров из истории разных университетов.

В конце 1880-х гг. приват-доцент ИНУ В.А. Яковлев обратился в МНП с просьбой о назначении его профессором по кафедре русского языка и литературы. Министерство, в свою очередь, запросило через

попечителя учебного округа от университета характеристику на просителя, которую по поручению ректора дал ординарный профессор А.А. Кочубинский. Характеристика вышла достаточно негативной; профессор А.А. Кочубинский, в частности, писал: «Участие г[осподина] приват-доцента Владимира Яковлева в судьбах истории русской литературы как науки обозначилось изданием некоторых памятников нашей письменной старины, именно Патерика¹ и Домостроя, и некоторым обследованием первого. Но как ученая, так и издательская деятельность г[осподина] Яковлева обнаружила недостаточную подготовку автора для науки. <...> Легкое отношение к предмету сделалось тяжелым уделом г[осподина] Яковлева, чего бы он ни касался, хотя и касаться он позволял себе нечасто. <...> Но что сказать о втором ингредиенте – кафедры, которой домогается г[осподин] Яковлев, – русского языка? Эта область <...> совсем чужда ему. Воспитавши в себе особое отношение к интересам научного труда, г[осподин] приват-доцент Яковлев едва ли (реализует. – М.Г.) с осязаемой пользой свое преподавательское поприще у нас: он был среди нас только как человек с формальным правом. <...> Поручать кафедру истории русского языка и литературы г[осподину] приват-доценту Яковлеву, следовательно, связывать судьбы ее у нас с его деятельностью, не представляется желанным, так как желанного усиления этой кафедры произойти не может – не представляется желательным» [14. Л. 3–3 об.]. Заметим, впрочем, что, несмотря на такой отзыв, в 1894 г. В.А. Яковлев все-таки ненадолго станет экстраординарным профессором ИНУ на кафедре русского языка и литературы.

Заседания факультетских и университетских советов сопровождали особенно бурные споры, когда решался вопрос о замещении вакантных преподавательских должностей. Не согласные с решением Совета профессора могли оставаться при Особом мнении, фиксируя свое несогласие письменно. Так, в 1914 г. ординарный профессор юридического факультета ИЮУ Б.В. Никольский оказался в меньшинстве при баллотировке приват-доцента А.А. Алексеева на должность экстраординарного профессора по вакантной кафедре энциклопедии и философии права (результаты голосования: пять – за избрание А.А. Алексеева, три – против). В Особом мнении Б.В. Никольский писал: «Ссылаться на то, что за книгу автор уже удостоен ученой степени, недостаточно. Мы знаем, что иногда книга бывает умней и значительней автора, а иногда – и гораздо чаще – наоборот. Присуждение степени, основываясь не на книге только, а и на диспуте, во впечатлении от личности автора, очень часто зиждется не только не столько на достоинствах произведения, сколько на способностях автора и возбуждаемых им надеждах. Бывает иногда, и к несчастью чаще, чем следует, что степень, особенно магистерскую, присуждают только в виде “поощрения”, а то даже из сострадания и человеколюбия. Знаменитый Пернис², по словам его биографа, порою голосовал за присуждение ученой степени со словами: “Lassen wir schon den dummen Jungen durch – Pech genug für ihn, dass er so ein Schaaf ist”³. Но одно дело поощрять любовь к науке... и иное дело – поручить человеку пре-

подавание. Приглашая в свои ряды нового сочлена, мы должны заботиться об интересах преподавания, а никак не о поощрении кафедрой человека, к ней, может быть, не способного и не подготовленного. ...Тут ни поощрению, ни снисхождению, ни тем более жалости не должно быть места. Притом недостаточная строгость и заботливость наша при этих выборах служит наилучшим оправданием замещения кафедр назначением».

Далее Б.В. Никольский принял за анализ труда приват-доцента А.А. Алексеева «Министерская власть в конституционном государстве» (Харьков, 1910), за которую тот был удостоен степени магистра государственного права, на предмет «1, достаточна ли она сама по себе, чтобы присудить за нее степень магистра, 2, свидетельствует ли она о преподавательских способностях автора и 3, свидетельствует ли она о его пригодности для занятия той кафедры, на которую его рекомендуют». На все три вопроса Б.В. Никольский дал отрицательные ответы. В заключение Б.В. Никольский пишет: «Если другого кандидата, кроме г. Алексеева нет, так значит надо отказаться от замещения кафедры и выждать, ибо непозволительно факультету и совету рекомендовать слабого кандидата только потому, что он единственный: это напомнило бы Гоголя, у которого один из действующих лиц восклицает: “Не с чего, так с бубен!”». В особенности следовало бы быть осторожными в деле таких замещений лицам, находящим избрание профессоров предпочтительнее назначения: какой прок в избрании, если при этом на безлюдье и Фома дворянин?» И далее: «Готов был бы разделить розовые надежды тех, кто уповает, что г. Алексеев поучится и научится учить других; однако, на чей же умственный счет и за чью нравственную ответственностью будет подучиваться г. Алексеев? Что же для чего, в конце концов, существует – профессура для того, чтобы студенты у них учились, или студенты для того, чтобы профессора у них учились? Такие *experimenta in anima vili*⁴ противоречат нашему достоинству как наставников и руководителей молодежи. Она должна знать, что избираемый нами профессор есть достойный ее доверия и внимания наставник, что он приглашается в университет во свидетельство признания нами его преподавательских и ученых качеств, а не для того, чтобы заткнуть вакантную кафедру единственным наличным кандидатом, заслуживающим только тройки на суде самих рекомендующих» [15. Л. 14, 15, 33–34]. Получив большинство голосов «за», А.А. Алексеев занял искомую кафедру, хотя задержался в университете ненадолго.

При определении кандидатов на вакантную кафедру естественным образом задействовались личные связи. Так, в ноябре 1907 г. профессору ИВУ П.И. Митрофанову писал директор Пулковской обсерватории О.А. Баклунд: «При нашем кратком свидании вчера я совершенно забыл назвать Вам еще одного вполне подходящего кандидата на должность профессора астрономии». О.А. Баклунд рекомендовал рассмотреть в качестве кандидата адъюнкта-астронома Пулковской обсерватории Г.А. Тихова [16. к. 428]. Впрочем, Г.А. Тихов, впоследствии член-

корреспондент Академии наук СССР, так и не свяжет свою профессиональную деятельность с Варшавой. В сентябре 1911 г. бывший ординарный профессор ИВУ В.В. Максимов, возглавлявший хирургическое отделение Санкт-Петербургской городской детской больницы, так реагировал на просьбу медицинского факультета ИВУ назвать кандидатуру на новую кафедру: «Позвольте прежде всего поблагодарить Вас за лесное доверие и честь, которыми Вы меня удостоили, предоставив мне по поручению медицинского факультета указать и рекомендовать достойного кандидата на открывающуюся новую кафедру педиатрии при И[мператорском] Варшавск[ом] Унив[ерситете]». В.В. Максимов рекомендовал своего коллегу, доктора медицины Б.Н. Воинова, заведующего отделением инфекционных детских болезней [17. к. 123–123 об.].

В свете разбираемого аспекта университетской истории встает вопрос о степени конкуренции среди отечественных преподавателей и ученых на штатные должности в российских университетах. Анализ многочисленных выборных процедур приводит к двоякому выводу. С одной стороны, редкие выборы кандидата на вакантную университетскую кафедру обходились без конкуренции как минимум между двумя-тремя лицами. С другой стороны, «ученый ценз» претендентов очень часто не соответствовал требованиям должности. Приведем примеры, относящиеся к самому молодому в империи – ИНСУ. В 1912 г. здесь проводился конкурс на замещение 6 кафедр медицинского факультета, на которые претендовал 21 человек. Среди них – сверхштатный экстраординарный профессор ИХУ, пять приват-доцентов ИМУ, три приват-доцента ИУСвВ, два приват-доцента ИНУ, по одному приват-доценту их ИКУ и ИХУ, а также четыре приват-доцента Военно-медицинской академии, два приват-доцента Санкт-Петербургского женского медицинского института, врач из больницы Екатеринбург и старший ординатор из Варшавского лазарета [18. Л. 6–6 об., 100]. В 1916 г. «Список г[оспод] аспирантов⁵, подавших заявления на соискание вакантной кафедры госпитальной терапевтической клиники при Императорском Николаевском университете» состоял из семи человек: шести приват-доцентов и только одного ординарного профессора. Для разбора заслуг кандидатов была сформирована комиссия, которая разделила всех претендентов на три группы. К первой были отнесены четыре человека, «обладающие вполне солидной подготовкой, необходимой для кандидата на такую ответственную кафедру», ко второй – одного из претендентов, «считая его опытным практическим врачом и полезным приват-доцентом», но с указанием на некоторые недочеты в его работе, в третью группу были включены два приват-доцента «как неудовлетворяющие тем требованиям, которые должны быть предъявлены к профессору-клиницисту». В результате выборов, последовавших за оглашением выводов комиссии, победу одержал приват-доцент Г.А. Любенецкий, изначально включенный в первую группу [19. Л. 4, 8, 9, 290].

Редкий случай произошел в 1912 г. в ИЮУ. В ноябре 1912 г. при выборах профессора кафедры всеобщей истории имелось четыре кандидата. Ни первая ни

вторая баллотировка не принесли победу ни одному из кандидатов. По итогам третьей баллотировки вновь равное количество голосов получили Е.В. Тарле и В.Э. Регель. Подробное описание процедуры через канцелярию попечителя учебного округа было направлено Министерство, которое приняло достаточно неожиданное решение: утвердить в качестве экстраординарных профессоров обоих кандидатов [20. Л. 11–12 об., 34–34 об.].

Вопрос замещения преподавательских должностей в рассматриваемый период был тесно сопряжен с проблемой раскола университетских советов на враждебные группировки, с чем была связана практика «голосования по партиям». Рекомендованный к избранию факультетским советом претендент мог быть забаллотирован на уровне университетского совета, а избранный на университетском совете профессор, мог не получить утверждения в министерстве. Зависимость решения о назначении на должность не только от мнения факультета, но и от университетского Совета и, тем более, от МНП порой сильно досаждала представителям университетского сообщества. Показательно в этом отношении письмо (27 февраля 1914 г.) приват-доцента ИСПБУ В.Ф. Якубовича профессору ИУСвВ Г.М. Малкову об избрании его – Якубовича – профессором в Киеве: «Хотя я и бесконечно рад избранием меня, но пока боюсь окончательно надеяться, так как еще не известно, чем дело кончится в Совете. В Одессе был ни один случай, где выбранного факультетом единственного кандидата совет провалил, благодаря агитации среди членов последнего теми членами медицинского факультета, самолюбие которых было уязвлено неизбранием желательного им кандидата, а в других случаях вследствие желания дать министру возможность назначить то или другое желательное лицо. Так было и в том

случае, когда выступали Вы, Левашевской клике желательно было, чтобы в одном случае был назначен Коровицкий, а в другом – Игнатовский. Во всяком случае, пока Вы не известите меня, что я прошел и в совете, буду держать Вашу телеграмму в строгом секрете, чтобы пока и министр ничего не узнал раньше времени и секретно не оказал бы давления на Совет. Когда же окажусь избранным и последним также, то пушу в ход родню г[осподина] Кассо, которой он обещал, что не будет противиться моему избранию. Вот тогда наступит для него щекотливый момент показать окончательно, могут ли даже родственники верить его словам» [21. Л. 65]. Опасения В.Ф. Якубовича были не напрасны. Он действительно не был утвержден в должности профессора, во всяком случае, его фамилии в списках профессоров ИУСвВ за 1914–1917 гг. не обнаруживается.

Вместе с тем знакомство с многочисленными биографиями университетских профессоров позволяет прийти к выводу о том, что в период действия последнего университетского устава (1884–1917 гг.), допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим Министерство народного просвещения пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как из ряда вон выходящие действия министерства и покушение на их права. Такое внимательное отношение профессуры к «кадровым вопросам» вполне объяснимо. Процедура замещения вакантных должностей играла роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию, и ее члены желали во что бы то ни стало сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир, что им в основном удавалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Патерик – сборник изречений святых отцов-подвижников или рассказов о них.

² Людвиг Вильгельм Антон Пернис (1799–1861) – германский юрист, ученый-правовед.

³ «Давайте пропустим этого глупого мальчика – ему уже достаточно не повезло в том, что он такой баран» (нем.).

⁴ *Experimenta in anima vili* – «Опыт на маломощном организме» (лат.); перен. – о пренебрежительном отношении к тем, чьи интересы затронуты проводимым мероприятием.

⁵ Слово «аспирант» здесь употребляется в значении «кандидат», «претендент».

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах. СПб., 1884. 63 с.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXV. Отделение I. СПб., 1908. 966 с.
3. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. III. 752 с.
4. *Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 81.*
5. Записки В.В. Марковникова // Русский Архив. 1910. № 3. С. 357–400.
6. *APW. Z. 214. S. 501.*
7. Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма. Конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 34. С. 215–235.
8. Линниченко И.А. Проект нового университетского устава. Пг., 1916. 44 с.
9. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 718.
10. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 598.
11. Журнал министерства народного просвещения. 1906. Декабрь.
12. *APW. Z. 214. S. 329.*
13. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7545.
14. Государственный архив Одесской области. Ф. 42. Оп. 35. Д. 326.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1373.
16. *APW. Z. 214. S. 466.*
17. *APW. Z. 214. S. 108.*

18. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 161.
19. ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 731.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 201. Д. 169.
21. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 385 Оп. 2. Д. 26.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 июля 2017 г.

FILLING PROFESSORIAL POSITIONS IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY UNIVERSITY: APPOINTMENT VS ELECTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 71–76.

DOI: 10.17223/15617793/423/9

Mikhail V. Gribovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Keywords: university; professors; position; appointment; elections.

This research was conducted on the basis of documents extracted mainly from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Capital City of Warsaw, the Central State Historical Archives of Ukraine, the Russian State Historical Archive, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the State Archives of Odesa Oblast, the State Archive of Saratov Oblast. Particular attention is paid to the social aspects of changing the procedures for filling vacancies, searching for optimal requirements for candidates for professorships and the phenomenon of “acting professor” (“ispravlyayushchiy dolzhnost”). The author touches upon the subject of the degree of competition for full-time teaching positions in Russian universities. The item of the principle of the filling of teaching posts has always remained one of the central aspects of university life. Throughout the 19th century this issue was solved in different ways and this reflected the different periods of university history. Wave-like change of university statutes in 1804, 1835, 1863, 1884 were sometimes accompanied by an intensification of the elective principle, sometimes by the affirmation of the principle of centralized appointment of professors to their posts. At the turn of the 20th century there were three ways of filling vacant chairs: an open competition, a competition for recommendations, the appointment of the Ministry of Education. The requirements for candidates for teaching positions in different universities could be slightly different. The main formal requirement – the presence of a doctoral degree – was fairly easily turned aside through the introduction of the notion “ispravlyayushchiy dolzhnost” of a professor. However, the election of a candidate to hold a vacant post was, as a rule, very competitive (there were at least 2–3 applicants and quite often 4–6). Knowledge of numerous biographies of university professors allows to come to a conclusion that during the period of validity of the last university statute (1884–1917) which allowed direct assignment of teachers to vacant posts, the Ministry of Education did not often enjoy this right. Rare cases of ignoring the opinion of the University Council in the appointment of a new member of the faculty were often perceived by the university community as extraordinary actions of the Ministry and as an attempt on their rights. The professor’s attentive attitude to “staffing matters” is quite understandable. The procedure for filling vacancies played a role of admission to a university teaching corporation and its members wanted to keep control over the “front doors” to the academic world. And it was mostly possible for them.

REFERENCES

1. Typography of A. Yakobson. (1884) *Obshchiy ustav i vremennyy shtat Imperatorskikh rossiyskikh universitetov, a takzhe raspisanie dolzhnostey i okladov soderzhaniya po inspeksii v universitetakh* [General statutes and temporary staff of Imperial Russian Universities, as well as a schedule of posts and salaries by the inspection at universities]. St. Petersburg: tip. A. Yakobsona.
2. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXV. Part I. St. Petersburg: Gos. tip.
3. Russian Empire. (1876) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
4. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 81.
5. Russkiy Arkhiv. (1910) *Zapiski V.V. Markovnikova* [Notes of V.V. Markovnikov]. *Russkiy Arkhiv*. 3. pp. 357–400.
6. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 501.
7. Belyaeva, O.M. (2011) *Akademicheskoe soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma. Konflikty v professorskoy srede* [Academic community of St. Petersburg University with rector E.D. Grimm. Conflicts in the professorial environment]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*. 34. pp. 215–235.
8. Linnichenko, I.A. (1916) *Proekt novogo universitetskogo ustava* [Draft of a new university statute]. Petrograd: tip. t-va “Obshchestv. Pol'za”.
9. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 718. (In Russian).
10. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 598. (In Russian).
11. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1906). December.
12. State Archive in Warsaw (APW). File 214. pp. 329.
13. National Archives of the Republic of Tatarstan. Fund 92. List 2. File 7545. (In Russian).
14. State Archives of Odesa Oblast. Fund 42. List 35. File 326.
15. State Archive of the Russian Federation. Fund 588. List 1. File 1373. (In Russian).
16. State Archive in Warsaw (APW). Z. 214. pp. 466.
17. State Archive in Warsaw (APW). Z. 214. pp. 108.
18. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 161. (In Russian).
19. State Archive of Saratov Oblast (GASO). Fund 393. List 1. File 731. (In Russian).
20. Russian State Historical Archive. Fund 733. List 201. File 169. (In Russian).
21. Central State Historical Archives of Ukraine. Fund 385 List 2. File 26.

Received: 02 July 2017

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В исторической ретроспективе рассматривается образование как один из ведущих факторов развития российско-китайских отношений с конца XIX в. Данная проблема имеет слабое освещение в исторической науке. Авторы отмечают, что российская (советская) система образования оказала существенное влияние на процесс формирования системы образования Китая. В рамках концепции «мягкой силы» авторы определяют образование как один из эффективных ее инструментов. В заключении обосновывается вывод об утрате Россией лидирующих позиций в сфере образования в контексте российско-китайского взаимодействия.

Ключевые слова: Россия; Китай; образование; «мягкая сила»; международные отношения.

История отношений России и Китая не укладывается исключительно в плоскость межгосударственных политико-дипломатических контактов, а содержание этих отношений не ограничивается экономическими связями и размежеванием приграничных территорий. Во взаимоотношениях государств огромную роль играли гуманитарные связи. В силу давних двусторонних контактов России и Китая, наличия общей границы в течение долгого времени происходили формирование и развитие разносторонних связей, в том числе в сфере культуры и образования.

Образование представляет собой важнейший государственный и социальный институт, без которого невозможно поступательное развитие человеческих ресурсов – главного актива современного государства. С этой точки зрения вклад России в развитие образования в КНР является важным аспектом истории их взаимоотношений. В контексте формирования современного азиатского вектора российской внешней политики и необходимости упрочения международного положения России в Восточной и Центральной Азии рассмотрение исторического опыта взаимодействия в принципиально значимой для человека и государства образовательной сфере представляется актуальным и необходимым.

Проблема российско-китайского взаимодействия в области образования и культуры в целом является малоразработанным исследовательским полем. Историография данного вопроса представлена обобщающими исследованиями по истории внешней политики, международных отношений двух государств. Труды, освещающие вопросы внешней политики, позволяют охарактеризовать историко-культурный фон изучаемого вопроса [1–3]. Важными для понимания ситуации в сфере российско-китайского сотрудничества являются работы советских историков Ю.Б. Кашлева, Г.А. Можаяева и др. [4–7]. Авторы доказывали прогрессивность советской культуры и образования и трактовали взаимодействие государств в области образования как составляющий элемент добрососедских отношений и оказание «братской помощи». При анализе работ советского периода бросается в глаза их ярко выраженный идеологизированный характер. Исследователи того периода указывали на огромный вклад Советского Союза в развитие КНР в период первых пятилеток. В исторической литературе не допускались сомнения в правильности советской внеш-

ней политики, пропагандировались социалистические идеи, а проблемы и противоречия в российско-китайских отношениях замалчивались. Ярким примером тому является работа Р.В. Вяткина по истории русско-китайских отношений КНР [8]. С этих же позиций интересна работа советского дипломата, китаеведа М.С. Капицы [9, 10]. Рассматривая впервые в советской историографии отношения СССР и КНР (1917–1957 гг.) в сфере искусства и литературы, особый акцент он делал на вклад советских ученых в развитие науки в братской Китайской Народной Республике.

Спустя два десятилетия вопросы российско-китайских культурных связей обсуждались в монографии А.С. Цветко уже в контексте принципиально иной политической и социально-экономической обстановки в СССР и КНР, где автор подвергает жесткой критике маоцзэдуновский Китай и его культурно-образовательную политику [11. С. 74–76].

После распада Советского Союза начинается этап в осмыслении развития культурных связей двух держав. Труды исследователей уже свободны от давления идеологического фактора, им свойствен критический подход к выстраиванию взаимоотношений с КНР. Директор ИДВ РАН, председатель Общества российско-китайской дружбы М.Л. Титаренко одной из основных причин замораживания взаимодействия двух стран видел нежелание советской стороны учитывать особенности китайского менталитета, игнорирование национально-специфических особенностей и незнание философско-культурологических основ китайского образа мышления [12, 13]. Из постсоветских исследований особый интерес представляет монография В.Л. Ларина. В ней представлен широчайший спектр мнений, взглядов, подходов с точки зрения экономики, истории, этнопсихологии взаимодействия РФ и КНР с конца 80-х гг. XX в. до 2005 г. В.Л. Ларин говорит об ошибках и просчетах, допущенных в выстраивании отношений двух стран и сложностях их преодоления. Отдельные разделы посвящены проблематике приграничного взаимодействия: политических и экономических связях, туризме, культурном обмене. Книга примечательна попыткой взглянуть на Дальний Восток и Россию глазами китайцев посредством анализа трудов китайских коллег, прессы КНР, публикаций по теме ученых других стран [14].

Известный китаевед, профессор В.Г. Дацышен в своих работах исследовал историю взаимопроникно-

вения культур благодаря изучению китайского языка русскими и проникновению христианства и православной русской культуры на территорию Китая [15, 16]. Его работы посвящены выявлению роли России, русской культуры и их влияния на китайскую. Автор отмечает, что «золотой век» русских миссионеров в Китае пришелся на первые два десятилетия XX в., когда китайцы-христиане играли заметную роль во всех сферах экономической и политической жизни страны. Однако рост китайского национализма, обострение противоречий между христианством и местным культурным контекстом привели к фактической остановке христианской церковно-религиозной жизни в КНР.

Особый интерес представляют работы европейских и американских историков. Западная историография представлена рядом исследований общего характера, касающихся истории Китая и российско-китайских отношений. Прежде всего, необходимо отметить 15-томный труд ученых Кембриджского университета «Кембриджская история Китая» [17].

Внимание американских специалистов в основном сконцентрировано на влиянии российской литературы на культуру Китая, на особенностях восприятия китайцами русских, эмигрировавших в Харбин в 1920-х гг. Единственной работой, в которой анализируется российское влияние на развитие образовательной политики в Китае, представляется исследование американского ученого Е. Каске (E. Kaske), рассматривающее особенности языковой политики и проблемы в системе образования 1885–1919 гг. [18].

В целом для работ западных исследователей характерно однозначно негативное отношение к российскому культурному влиянию. Гуманитарные связи между двумя государствами трактуются ими как российская / советская культурная экспансия, как использование культурных контактов с Китаем в качестве плацдарма для своей идеологической пропаганды [19–21].

Новое прочтение получило российско-китайское образовательное сотрудничество на основе концепции «мягкой силы», впервые сформулированной Дж. Наем. Учение основано на тезисе о том, что культурная привлекательность является таким же мощным фактором для достижения стратегических геополитических интересов государства, как и «жесткая», т.е. военная, сила. Современные исследования рассматривают образование как инструмент влияния [22]. А.В. Голубев, используя термин «культурная дипломатия», убедительно доказывает, что система культурной дипломатии эффективно действовала во второй половине XX в., нередко использовалась для решения политических задач [23. С. 183–185]. Значительный интерес представляет публикация В.А. Родинова, оценивающая роль образования в контексте изучения «мягкой силы» во внешней политике России и Монголии [24. С. 255–260].

С точки зрения концепции мягкой силы воздействие, осуществляемое во время образовательного процесса, гораздо эффективнее, нежели краткосрочные пропагандистские кампании. Мягкая сила образования реализуется в основном через обучение элит

или будущих лидеров других стран и через обучение людей, пусть и не принадлежащих к элите, но которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну, в которой обучались. Иностранные студенты часто перенимают методы, подходы, философию, академическую культуру, свойственные научной и образовательной системе страны пребывания. Очень важно, что после возвращения домой они сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения.

Действенность академической мягкой силы обеспечивается, с одной стороны, обменом идеями, информацией, познаниями в искусстве и культуре, с другой – каскадным эффектом образования. Тем самым вопреки политическим разногласиям и санкциям, закладывается позитивная основа сотрудничества и создается нейтральная площадка для личных контактов, что служит гибким, общепризнанным средством общения со странами в условиях политической напряженности или приостановки дипломатических отношений. Таким образом, очевидно, что в современных исследованиях авторы все чаще выделяют образование как инструмент геополитики, позволяющий оказывать влияние на политические решения.

Нужно отметить, что, несмотря на целый массив исследований, посвященных российско-китайскому образовательному взаимодействию, в трудах российских исследователей образование не рассматривалось как средство геополитического влияния России в Китае во второй половине XIX в. – начале второй половины XX в. Таким образом, анализ развития российско-китайских отношений с позиций геополитического подхода представляется востребованным и актуальным.

Целью данной работы является определение роли образования в историческом развитии российско-китайского взаимодействия в контексте обеспечения национальных интересов государств.

Нужно отметить, что устойчивые культурные контакты России и Китая прослеживаются с середины XVII в. С начала следующего столетия они определялись деятельностью Пекинской духовной миссии, которая сыграла ведущую роль в развитии российско-китайских культурных и научных связей [25].

Вовлеченность России в проблемы образования и культуры в Китае во многом определялась российскими геополитическими императивами в регионе. Эти вопросы стали подниматься по мере экспансии Российской империи в Восточную Азию в последней четверти XIX в.

Важным рубежом развития российско-китайских отношений в области образования стало строительство КВЖД в начале XX в. на северо-востоке Китая, когда возникла необходимость в ускоренной подготовке специалистов для обслуживания данного объекта. Сначала в Харбине, а затем в Тяньцзине и Шанхае стали открываться российские учебные заведения, которые во многом соответствовали подобным учреждениям из дореволюционной системы образования в России и работали по ее программам. Существовала преемственность традиций и методов российского образования. Для чтения лекций приглашались из-

вестные российские ученые, педагоги «и соответствовали положению о «Нормальном распределении занятий для прохождения предметов...» соответствующих учебных курсов, которым руководствовались в учебных учреждениях в системе российского образования» [26. С. 71].

После открытия движения по КВЖД в 1904 г. на всей территории Китая были открыты более 30 русских учебных заведений разного профиля, а также ряд учебных подразделений по обучению русскому и китайскому языкам [27. С. 234–237]. Строительство и эксплуатация Китайской Восточной железной дороги способствовали увеличению численности русского населения в Маньчжурии, преимущественно проживающего вдоль полосы железной дороги и в Харбине. Как правило, это были представители различных технических специальностей и интеллигенция. Большинство переселенцев, обслуживающих железную дорогу, переезжали с семьями. Управление КВЖД, вследствие этого, столкнулось с необходимостью развития инфраструктуры – организации учреждений связи, просвещения, здравоохранения и т.п.

Решение данного вопроса в стране, которая ни формально, ни фактически не подчинена русским органам власти, было затруднительно. Управление КВЖД действовало независимо от российских властей. По линии железной дороги и в Харбине по образцу российских заведений создавались учреждения просвещения, здравоохранения, связи на средства Управления железной дорогой и частных пожертвований.

Первая русская школа в Маньчжурии открылась в 1898 г. в Старом Харбине на средства КВЖД. Начальное училище возглавил педагог И.С. Степанов [28. С. 94–102]. В 1907 г. в ведении Управления КВЖД состояли 20 начальных училищ: 11 одноклассных и 9 двухклассных [29. С. 214]. Начальные училища на КВЖД имели шестилетний курс обучения. В одноклассных училищах в зависимости от уровня образования учащихся действовали три последовательных отделения. В каждом отделении обучение продолжалось два года. Обучение велось на русском языке, что очень важно. Управление железной дорогой уделяло значительное внимание организации школьного дела. Для привлечения опытных учителей создавались благоприятные материальные условия. В профессиональном отношении преподаватели имели возможность выезжать на учительские съезды, курсы в центральные регионы России [30. С. 267–272].

К 1914 г. часть училищ, подчиненных Управлению дороги, перешло в ведомство Министерства народного просвещения, в том числе частные женские учебные заведения в Харбине – прогимназия М.С. Генерозовой (1903 г.) и гимназия М.А. Оксаковской (1906 г.). Харбинские учебные заведения формально подчинялись главной инспекции училищ Приамурского генерал-губернатора. Учебные заведения, расположенные в районе поселка Маньчжурия, находились в ведении иркутского генерал-губернатора [29. С. 219].

После Октябрьской революции 1917 г. культурные и образовательные связи развивались стабильно и эффективно, начали работать «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей», «Общество культур-

ной связи Китая и СССР», в рамках которых были созданы клубы по изучению русского языка. Наладился научно-образовательный обмен между вузами СССР и Китая. Советское правительство с целью поддержания антиколониального народного движения 21 апреля 1921 г. открыло в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока. В 1923 г. туда прибыла группа китайских коммунистов во главе с одним из создателей КПК Чжао Шиянем. С марта 1923 г. по сентябрь 1924 г. при содействии Коминтерна и советского правительства университет принял для обучения три группы общей численностью около 100 человек. В 1925 г. с целью подготовки кадров для Гоминьдана и КПК советское правительство приняло решение о создании в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (в апреле 1928 г. университет был переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая). В 1925–1930 гг. через университет прошли более тысячи видных членов КПК: Е Тин, Гуань Сяньин, Ван Цзясян, Цинь Бансянь, Ван Мин, Цзо Цюань, У Ланьфу, Ши Чжэ, Ян Шанкунь, Чэнь Гэн, У Сюцюань, Чэнь Бода, Лю Бочэн, Кай Фэн, Е Цзяньин и другие, которые составили ядро КПК в период от ее образования и до полной победы во всем Китае [31. С. 7–17].

В этот период особенно интенсивно развивалось образовательное сотрудничество с Северо-Востоком Китая. В связи с востребованностью специалистов для обслуживания КВЖД 18 октября 1920 г. в г. Харбине открылся Русско-Китайский индустриально-транспортный техникум КВЖД, по статусу приравненный к высшему специальному учебному заведению. Его целью являлась подготовка будущих русских и китайских инженеров, «полезных краю и Китайской Восточной железной дороге» [27. С. 234–237]. Директором техникума избран инженер путей сообщения А.А. Щелков. В этом учебном заведении в соответствии с классической российской системой профессионального образования основной акцент делался на развитие у студентов умений применять полученные теоретические знания на практике.

В 1922 г. на базе указанного техникума открылся Русско-Китайский политехнический институт (ставший в 1928 г. Харбинским политехническим институтом), в котором действовала дореволюционная модель российского образования. Использование в Харбинском политехническом институте классической системы обучения, применение учебных планов, программ и университетского Устава, разработанных еще в Российской империи, обеспечивали высокий образовательный ценз получаемых студентами знаний и технических навыков. Курс обучения увеличился до пяти лет. Преподавание велось с «трехязыковым» профилированием студентов на русском, английском и китайском языках. В методах обучения сохранялась ориентация на практическую направленность, принятая в традиционной классической «системе русского образования». С 1925 г. лучшие выпускники института оставались в институте для проведения научных исследований и преподавания. После 1949 г. этот принцип организации учебного процесса, характерный для наиболее престижных образовательных и

научно-исследовательских учреждений СССР, переняли во многих китайских университетах [32. С. 43].

После образования Китайской Народной Республики на учебу в Советский Союз в большом количестве направлялись избранные представители китайской молодежи. Согласно статистике в 1950 г. в СССР обучались 400 студентов из Китая, что составило 6,4% от общего числа студентов из-за рубежа; в 1960 г. – 900 студентов 9,7%. Народное образование КНР с 1949 до середины 1950-х гг. в общих чертах проходило тот же путь, что и социалистическая система образования в СССР [33. С. 24–27]. В итоге высшее образование Китая было реструктурировано по советскому образцу: установлены специальности и специализации, подготовка по которым осуществлялась в соответствии с учебными планами, заимствованными у Советского Союза.

Позже политическая и экономическая напряженность между двумя государствами негативно отразилась на расширении взаимодействия в области культуры и образования СССР и КНР. Период 1960–1970-х гг. характеризуется значительным уменьшением советско-китайского взаимодействия во всех сферах, в том числе культурной и образовательной. Использование опыта Советского Союза подверглось острой критике китайскими теоретиками за отсутствие адаптации к китайским реалиям [34. С. 143].

Изменения в политике, экономике и культуре Китая в 1970–1980-х гг. оказали влияние на отбор и развитие модели высшего образования в пользу западного образца образовательной системы. И всё же необходимо подчеркнуть, что советское профессиональное образование на протяжении XX в. неоднократно рассматривалось в качестве объекта изучения китайских исследователей.

В современных условиях глубинной трансформации существующего миропорядка активно формируются и используются инструменты политического воздействия, способные переформатировать глобальное геополитическое пространство. Особенно важными становятся не прямые аспекты международного влияния: информационная политика, культурная дипломатия, гуманитарная помощь. В этих условиях исторический опыт советского образования в КНР приобретает особую актуальность, так как компоненты многоуровневой внешнеполитической повестки советского руководства в Китае успешно реализовывали культурно-образовательные связи.

Процессы национальной консолидации в Китае осуществлялись при мощном влиянии транслировавшейся на него извне советской идеологии. Научное изучение этого периода в истории китайского народа неизбежно упирается в феномен экспорта из России / СССР социалистических идей и комплексную многоуровневую проблему их трансформации и адаптации в социокультурном контексте развития китайского общества. Коммунистическая идеология оказала формообразующее влияние на государственные и социальные институты Китая. Однако в российской историографии не получила освещения ни роль образования в передаче идеологии, ни процессы применения, адаптации и трансформации советской идеологии,

педагогических знаний, практик и организационных моделей образования в Китае.

Всплеск общественного и профессионального интереса к развитию российско-китайского образовательного сотрудничества произошел в 2000-е гг. На наш взгляд, это связано не только с политической либерализацией, но и со смещением геополитических интересов России в Центральную и Восточную Азию.

Нужно отметить, что происходящие в настоящее время в Китае и России изменения неизбежно отражаются на формате образовательного сотрудничества. Сверхбыстрый рост экономики Китая, сохраняющийся в течение 30 с лишним лет, позволил КНР стать сильным игроком на мировом рынке. Быстрое превращение Китая в одну из ведущих мировых держав оказало влияние на стратегии и китайских вузов, и китайских абитуриентов в отношении российских университетов.

К сожалению, приходится констатировать, что в новой «большой игре» Россия, очевидно, отстает от своего соседа. Во-первых, в результате целенаправленной и последовательной государственной политики КНР в сфере образования происходит динамичное развитие китайских университетов. Нарастание материально-технической базы вузов, строительство современных кампусов является результатом и государственных инвестиций, и экономической свободы университетов. «Китайские университеты стали символами национальных амбиций. Интенсивно развивающаяся система высшего образования в КНР уже опередила по количественным показателям все страны мира...» [35. С. 20]. Соответственно, Китай теперь может гораздо полнее удовлетворять потребности собственных и иностранных граждан в получении высшего образования и экспортирует свои образовательные услуги уже в Россию.

Важным фактором, определяющим выбор образовательных учреждений, становится рост благосостояния китайских граждан. Начиная со второго полугодия 2013 г. экономический рост в КНР опирается, главным образом, «на внутренний спрос, в том числе на инвестирование и потребление» [36. С. 26–27]. Нужно отметить, что и раньше китайские студенты активно получали образование за рубежом: в США, европейских странах, Австралии и пр. Теперь эти образовательные услуги, достаточно дорогие, доступны большему числу китайских абитуриентов. В связи с этим теряется конкурентное преимущество российских вузов – более низкая стоимость обучения.

На неутешительные результаты российской образовательной мягкой силы оказывает влияние языковой фактор. Во-первых, с 1978 г., начала политики реформ и открытости, в начальных и средних школах Китая почти исключительно в качестве иностранного языка стал преподаваться английский, вследствие чего выпускники средних и высших учебных заведений для продолжения учебы за границей выбирают вузы США, Великобритании и других стран Запада [37. С. 91–104]. По данным Россотрудничества, число изучающих русский язык в КНР постоянно сокращается. Значит, сокращается и число потенциальных иностранных абитуриентов российских вузов. Если полвека назад Советский Союз был

практически монопольной кузницей кадров с высшим образованием для КНР, то сейчас Россия контролирует лишь 1,5–2% этого рынка [38]. Отметим с сожалением, что это не только упущенная экономическая выгода, но и упускаемые политические возможности «мягкого» влияния Российской Федерации.

В свою очередь, КНР во главу своей внешнеполитической деятельности ставит как раз продвижение мягкой силы Китая посредством создания институтов Конфуция в России, в задачи которых входят: распространение китайского языка и китайской культуры за границей; формирование привлекательного имиджа Китая в РФ; создание условий для активизации «экономического сотрудничества». Фактически институты Конфуция стали частью так называемой китайской народной дипломатии.

Первый институт Конфуция появился в нашей стране в 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. С тех пор в России «пустили корни» 18 институтов и 4 класса Конфуция [39. С. 312]. Заметим, однако, что активная деятельность институтов Конфуция в нашей стране не сопровождается столь же активной работой соответствующих ведомств Российской Федерации по созданию в КНР центров изучения русского языка

или, например, институтов Толстого, учредить какие-либо давно уже предлагают некоторые авторитетные российские китаеведы. Это нарушает один из важнейших принципов международных отношений, а именно взаимность. В общем, уже многим экспертам в нашей стране очевидно, что, позволив институтам Конфуция развиться в России столь бурную активность, российские власти совершили серьёзную ошибку.

Таким образом, анализ взаимодействия России и Китая в области образования и культуры приводит к неутешительному выводу не только о потере Россией некогда лидирующих позиций, но и возникновении объективной опасности в свою очередь стать объектом китайской мягкой силы. Очевидна необходимость подготовки высококвалифицированных кадров для двустороннего научно-образовательного сотрудничества, включая кадры всех уровней управления (правительственные организации, региональные правительства, учебные заведения, научно-исследовательские организации, предприятия), хорошо знающие китайский язык и разбирающиеся во внутренней и внешней политике. Значение образования в современных условиях стремительно трансформируется из общекультурного фактора в политический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко А.А., Пономорев Б.Н. История внешней политики 1917–1985 гг. М.: Наука, 1986. Т. 2. 691 с.
2. Капица М.С. Братская дружба двух великих народов. М.: Знание, 1959. 32 с.
3. Усачев И.Г. СССР и проблемы межгосударственного сотрудничества. М., 1980. 248 с.
4. Кашлев Ю.Б. Международное сотрудничество и культурные связи СССР. М.: Московский рабочий, 1975. 120 с.
5. Кашлев Ю.Б. Международное гуманитарное сотрудничество: состояние и перспективы. М.: Знание, 1988. 62 с.
6. Можаяев Г.А. Международные культурные связи СССР. М.: Знание, 1965. 48 с.
7. Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры М.: Наука, 1975. 429 с.
8. Вяткин Р.В. Документы по истории русско-китайских отношений. М., 1959. 256 с.
9. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958. 424 с.
10. Капица М.С. КНР: три десятилетия, три политики. М.: Политиздат, 1963. 576 с.
11. Цветко А.С. Советско-китайские культурные связи. М.: Мысль, 1974. 136 с.
12. Титаренко М.Л. Взаимовыгодное сотрудничество, обращенное в XXI век // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 45–49.
13. Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения в преддверии XXI века: перспективы стратегического взаимодействия двух стран // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2000. № 1.
14. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. 80-е годы XX – начало XXI века. М.: Восток–Запад, 2005. 390 с.
15. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.
16. Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. 183 с.
17. The Cambridge History of China. Vols. 9–15: The Ch'ing Empire to 1800, Part 1 – The People's Republic, Part 2: Revolutions Within the Chinese Revolution. Cambridge (England) etc.: Cambridge Univ. Press, 2008.
18. Kaske E. The Politics of Language in Chinese Education. Leiden; Boston; Brill, 2008.
19. Gamsa Mark. The Chinese Translation of Russian Literature. Brill, 2008.
20. Carter James H. Struggle for the Soul of a City: Nationalism, Imperialism and Racial Tension in 1920s. Harbin: Modern China, 2001.
21. China learns from the Soviet Union, 1949-present / ed. by Thomas P. Bernstein, Hua Yuli. Lexingtonbook, 2010.
22. Глобализация и мультикультурализм / отв. ред. Н.С. Китбаев. М., 2005. 331 с.
23. Голубев А.В. Дипломатия народная и культурная: из опыта советской эпохи // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран в XX: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию РУДН. М., 2010. С. 183–185.
24. Родионов В.А. «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260.
25. Кучерский Владислав Анатольевич. Деятельность Российской Духовной Миссии в Китае в сфере образования // Время науки – The Times of Science. 2014. № 2. URL: <http://puma/article> (дата обращения: 27.11.2016).
26. Антиповский А.А., Боровская Н.Е., Франчук Н.В. Политика в области науки и образования в КНР. 1949–1979 гг. М.: Наука, 1980. 288 с.
27. Карнаух Н.В., Ху Мин. Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 234–237.
28. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии в 20–40-х гг. XX в. // Ойкумена. 2013. № 3. С. 94–102.
29. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. 305 с.
30. Мамкина И.Н. Влияние геополитических особенностей Восточной Сибири на развитие системы общего образования в XIX в. // Материалы Международной научной конференции «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)». Новосибирск, 2016. С. 267–272.
31. Цао Тинцзюнь, Се Юнли, Ван Юйвэнь. Укреплять сотрудничество Китая и России в сфере высшего образования – воспитывать кадры, отвечающие условиям «регионализации» и «интернационализации» // Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран-участниц ШОС: XII Междунар. науч.-практ. конф. 21–23 мая 2014 г. Чита: ЗабГУ, 2014. Ч. I. С. 7–17.

32. Otsuka, Yuiaka. Japan 's Involvement with Higher Education in Manchuria: Some Historical Lessons from an Imposed Educational Cooperation // Education, Culture and Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2001. P. 57.
33. Аликберова А.Р. Анализ российско-китайских отношений в области образования на современном этапе (региональный аспект) // Казанская наука. 2013. № 5. С. 24–27.
34. Peppere S. Radicalism and Education Reform in 20–th – Century China. Yanbridge University Press, 1996. P. 160.
35. Помпелова Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР // Вестник Минского университета. 2014. № 1. С. 20.
36. Цзунь Фэн. Развитие китайской экономики умеренно форсируется // Китай. 2013. № 7. С. 26–27.
37. Цзя Л. Развитие российско-китайских отношений в области образования // Образование и наука. 2013. № 10. С. 91–104.
38. Гарусова Л.Н., Сухая А.Е. Интернационализация высшего образования и международная деятельность университетов российского Дальнего Востока // Территория новых возможностей. 2014. № 2 (25). URL: <http://puma/article> (дата обращения: 29.11.2016).
39. Румянцев Е.Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М. : Синосфера, 2016. 589 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: HISTORY AND MODERNITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 77–83.

DOI: 10.17223/15617793/423/10

Natalia Yu. Gusevskaya, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: gusnat1@rambler.ru

Inna N. Mamkina, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation); Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Keywords: Russia; China; education; “soft power”; international relations.

The purpose of the article is to determine the role of education in the historical development of Russian-Chinese interaction in the context of ensuring national interests of the powers. The article deals with the role of education in the development of Russian-Chinese relations since the end of the 19th century in the context of historical retrospect. Historiographic analysis shows that Russian researchers have not considered education as an instrument of geopolitical influence of Russia in China education from the late 19th century until the present day. An unambiguously negative attitude toward Russian cultural influence is characteristic for the Western researchers. The humanitarian relations between the two states are interpreted by them in the context of Russian / Soviet cultural expansion and the use of cultural contacts with China as a springboard for ideological propaganda. Within the framework of the “soft power” concept, the authors, using the retrospective method, consider education as one of the effective tools for ensuring national interests of the state. Based on the functional-systemic and comparative methods the Russian and Soviet system of education is established to have had a significant influence on the development of relations between the two countries. The authors noted that Russia's involvement in the problems of Chinese education and culture was largely determined by Russian geopolitical goals in the region. An important milestone in the history of Russian-Chinese relations in the field of education was the construction of the Chinese Eastern Railway at the beginning of the 20th century in the Northeast of China. First in Harbin, and then in Tianjin and Shanghai, Russian educational institutions were established and they preserved traditions and methods of Russian education. The article focused on the role of education in the period from October 1917 to 1949 presented by the activities of cultural and educational societies and establishment of new educational institutions. From 1949 until the mid-1950s the system of higher education in China was restructured according to the Soviet model. The authors note that Sino-Soviet cooperation in the educational sphere was reduced against the background of worsening political relations in the 1970s, which subsequently resulted in the rejection of the Soviet model of education and led to the introduction of elements of the Western-type educational system in Chinese educational institutions. The article reveals that in the retrospective of Russian-Chinese relations education was one of their instruments of indirect impact on relations between the two powers. The authors come to a conclusion about the loss of Russia's once leading position, and the emergence of an objective danger to the Russian state, in turn, to become an object of Chinese soft power.

REFERENCES

1. Gromyko, A.A. & Ponomorev, B.N. (1986) *Istoriya vneshney politiki 1917–1985 gg.* [History of foreign policy of 1917–1985]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
2. Kapitsa, M.S. (1959) *Bratskaya družba dvukh velikikh narodov* [Brotherly friendship of two great nations]. Moscow: Znanie.
3. Usachev, I.G. (1980) *SSSR i problemy mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva* [The USSR and the problems of interstate cooperation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Kashlev, Yu.B. (1975) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i kul'turnye svyazi SSSR* [International cooperation and cultural ties of the USSR]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
5. Kashlev, Yu.B. (1988) *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: sostoyaniye i perspektivy* [International humanitarian cooperation: status and prospects]. Moscow: Znanie.
6. Mozhaev, G.A. (1965) *Mezhdunarodnye kul'turnye svyazi SSSR* [International cultural ties of the USSR]. Moscow: Znanie.
7. Ioffe, A.E. (1975) *Mezhdunarodnye svyazi sovetskoy nauki, tekhniki i kul'tury* [International relations of soviet science, technology and culture]. Moscow: Nauka.
8. Vyatkin, R.V. (1959) *Dokumenty po istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents on the history of Russian-Chinese relations]. Moscow.
9. Kapitsa, M.S. (1958) *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
10. Kapitsa, M.S. (1963) *KNR: tri desyatiletia, tri politiki* [PRC: three decades, three politicians]. Moscow: Politizdat.
11. Tsvetko, A.S. (1974) *Sovetsko-kitayskie kul'turnye svyazi* [Soviet-Chinese cultural ties]. Moscow: Mysl'.
12. Titarenko, M.L. (1997) *Vzaimovыgodnoe sotrudnichestvo, obrashchennoe v XXI vek* [Mutually beneficial cooperation towards the 21st century]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 3. pp. 45–49.
13. Titarenko, M.L. (2000) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v predverii XXI veka: perspektivy strategicheskogo vzaimodeystviya dvukh stran* [Russian-Chinese relations in the run-up to the 21st century: prospects for strategic interaction between the two countries]. *Ekspress-informatsiya IDV RAN*. 1.
14. Larin, V.L. (2005) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh. 80-e gody XX – nachalo XXI veka* [Russian-Chinese relations in regional dimensions. The 1980s – beginning of the 21st century]. Moscow: Vostok–Zapad.
15. Datsyushen, V.G. (2007) *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'* [Christianity in China: history and modernity]. Moscow: Nauch.-obrazovat. forum po mezhdunar. otnosheniyam.

16. Datsyshen, V.G. (2006) *Istoriya izucheniya kitayskogo yazyka v Rossiyskoy imperii* [History of the study of the Chinese language in the Russian Empire]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
17. Peterson, W.J. et al. (eds) *The Cambridge History of China*. Vols. 9–15. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
18. Kaske, E. (2008) *The Politics of Language in Chinese Education*. Leiden; Boston: Brill.
19. Gamsa, M. (2008). *The Chinese Translation of Russian Literature*. Brill.
20. Carter, J.H. (2001) *Struggle for the Soul of a City: Nationalism, Imperialism and Racial Tension in 1920s*. Harbin: Modern China.
21. Bernstein Th.P. & Hua Yuli. (eds) (2010) *China learns from the Soviet Union, 1949–present*. Lexingtonbook.
22. Kitbaev, N.S. (ed.) (2005) *Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm* [Globalization and multiculturalism]. Moscow: RUDN.
23. Golubev, A.V. (2010) [Diplomacy of the people and culture: from the experience of the Soviet era]. *Sotrudnichestvo i svyazi Rossii i SSSR s narodami zarubezhnykh stran v XX v.* [Cooperation and relations of Russia and the USSR with the peoples of foreign countries in the 20th century]. Proceedings of the XIV All-Russian conference. Moscow: RUDN. pp. 183–185. (In Russian).
24. Rodionov, V.A. (2009) “Myagkaya” sila v sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniyakh [“Soft” power in modern Russian-Mongolian relations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 255–260.
25. Kucherskiy, V.A. (2014) Deyatel'nost' Rossiyskoy Dukhovnoy Missii v Kitae v sfere obrazovaniya [Activity of the Russian Spiritual Mission in China in the sphere of education]. *Vremya nauki – The Times of Science*. 2. [Online] Available from: <http://puma/article>. (Accessed: 27.11.2016).
26. Antipovskiy, A.A., Borevskaya, N.E. & Franchuk, N.V. (1980) *Politika v oblasti nauki i obrazovaniya v KNR. 1949–1979 gg.* [Policy in the field of science and education in China. 1949–1979]. Moscow: Nauka.
27. Karnaukh, N.V. & Khu Min (2011) Russia and China: historical aspects of cooperation in the sphere of education at the institution of higher learning. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya – Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2. pp. 234–237. (In Russian).
28. Lazareva, S.I. & Shpileva, A.N. (2013) Rossiyskaya emigratsiya i razvitie obrazovaniya v Man'chzhurii v 20–40-kh gg. XX v. [Russian emigration and the development of education in Manchuria in the 1920s–1940s]. *Oikumena*. 3. pp. 94–102.
29. Sokolovskiy, P. (1914) *Russkaya shkola v Vostochnoy Sibiri i Priamurskom krae* [Russian school in Eastern Siberia and the Amur region]. Khar'kov: tip. i lit. M. Zil'berberg i s-v'ya.
30. Mamkina, I.N. (2016) [The influence of geopolitical features of Eastern Siberia on the development of the general education system in the 19th century]. *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.)* [Asian Russia: the problems of socio-economic, demographic and cultural development (17th–21st centuries.)]. Proceedings of the international congress. Novosibirsk: Izdatel'stvo Parallel'. pp. 267–272. (In Russian).
31. Cao Tingjun, Xie Yongli & Wang Yuiven. (2014) [To strengthen the cooperation of China and Russia in the field of higher education is to educate the staff that meet the conditions of “regionalization” and “internationalization”]. *Nauchno-obrazovatel'noe i kul'turnoe sotrudnichestvo stran-uchastnits ShOS* [Scientific-educational and cultural cooperation of the SCO member countries]. Proceedings of the XII international conference. 21–23 May 2014. Vol. 1. Chita: Transbaikal State University. pp. 7–17.
32. Otsuka Yuiaka. (2001) Japan 's Involvement with Higher Education in Manchuria: Some Historical Lessons from an Imposed Educational Cooperation. In: Peterson, G., Hayhoe, R. & Lu, Y. (eds) *Education, Culture and Identity in Twentieth-Century China*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
33. Alikberova, A.R. (2013) Analiz rossiysko-kitayskikh otnosheniy v oblasti obrazovaniya na sovremennom etape (regional'nyy aspekt) [Analysis of Russian-Chinese relations in the field of education at the present stage (regional aspect)]. *Kazanskaya nauka*. 5. pp. 24–27.
34. Peppcer, S. (1996) *Radicalism and Education Reform in 20th-Century China*. Cambridge University Press.
35. Pompelova, Yu.P. (2014) Vysshee obrazovanie dlya natsional'nykh men'shinstv v KNR [Higher education for national minorities in the PRC]. *Vestnik Minskogo universiteta*. 1. pp. 20.
36. Tsun Feng. (2013) Razvitie kitayskoy ekonomiki umerenno forsiruetsya [The development of the Chinese economy is moderately forced]. *Kitay*. 7. pp. 26–27.
37. Tszei, L. (2013) Razvitie rossiysko-kitayskikh otnosheniy v oblasti obrazovaniya [The development of Russian-Chinese relations in the field of education]. *Obrazovanie i nauka*. 10. pp. 91–104.
38. Garusova, L.N. & Sukhaya, A.E. (2014) Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya i mezhdunarodnaya deyatel'nost' universitetov rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Internationalization of higher education and international activity of universities in the Russian Far East]. *Territoriya novykh vozmozhnostey*. 2 (25). [Online] Available from: <http://puma/article>. (Accessed: 29.11.2016).
39. Rumyantsev, E.N. (2016) *Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Si Tszin'pina* [Domestic and foreign policy of Xi Jinping]. Moscow: Sinosfera.

Received: 28 June 2017

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1991–2016 гг.): ОБЗОР СОЮЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Предпринята попытка рассмотреть особенности современного развития союзной историографии по проблематике российско-белорусских отношений 1991–2016 гг. Под современной союзной историографией здесь понимаются новейшие (последние 5–6 лет) исследования отечественных и белорусских ученых на тему взаимодействия России и Беларуси по целому ряду направлений сотрудничества.

Ключевые слова: историография; Россия; Беларусь; российско-белорусские отношения; Союзное государство; интеграционные процессы.

Декабрь 2016 г. 25 лет назад произошла ликвидация СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности», началось разрушение общего хозяйственно-экономического, социально-политического союзного пространства и образование на его территории независимых государств. Обретя «желанную» «свободу», бывшие союзные республики столкнулись с множеством внутренних и внешних исторических вызовов и угроз. Республика Беларусь, разумеется, не стала исключением.

Исследование российско-белорусских отношений вызывает особый общественный и научный интерес, поскольку сотрудничество с Беларуссией относится к числу наиболее приоритетных направлений российской внешней политики на постсоветском пространстве.

Движение наших стран по пути строительства Союзного государства России и Беларуси, участие в интеграционных процессах и объединениях (как в двустороннем, так и в многостороннем форматах) – все это способствовало появлению в историческом контексте качественно новых уровней развития белорусско-российского межгосударственного взаимодействия. Вместе с тем российско-белорусский союз признается одним из наиболее успешных и развитых интеграционных проектов на постсоветском пространстве, «выступающим в качестве своеобразной экспериментальной модели для объединительных процессов» [1. С. 3] не только среди стран – бывших советских республик, но и на площадке создающихся интеграционных систем на евразийском континенте.

В то же время многие современные исследователи совершенно справедливо задаются риторическим вопросом: «В развитии российско-белорусских отношений, которые, с одной стороны, являются примером наиболее тесного сотрудничества постсоветских государств, а с другой – периодически переживают стрессовые состояния, отмеченные публичной полемикой руководителей двух стран, присутствует некоторая неопределенность, не позволяющая дать четкий ответ на вопрос – как пойдут дальше Россия и Белоруссия – вместе или рядом?» [2. С. 62].

В целом же отметим, что комплексное и многостороннее исследование феномена становления и развития межгосударственных отношений представляется крайне важным в новых исторических условиях, обостряется необходимость более глубокого и предметного понимания процесса развития современных международных отношений на постсоветском про-

странстве, особенно на фоне периодически складывающейся неблагоприятной агрессивной внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры.

Среди ключевых аспектов исследуемой союзными авторами проблематики следует выделить следующие вопросы:

- российско-белорусские отношения на постсоветском пространстве: советское наследие, история и ретроспективный анализ взаимоотношений государств в 1991–2016 гг., проблемы и перспективы;

- Союзное государство: предпосылки, этапы строительства, противоречия и проблемы, результаты и перспективы; участие стран в интеграционных процессах на постсоветском пространстве;

- сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь, проблемы и перспективы, интеграционные процессы в следующих сферах взаимодействия: социально-экономической, энергетической, политико-правовой, военной, научной, образовательной, культурно-гуманитарной, информационной;

- влияние внутренних и внешних факторов на межгосударственные отношения;

- приграничное и межрегиональное сотрудничество двух стран.

Осмысление такого широкого профиля разносторонних аспектов истории российско-белорусских отношений требует от исследователя применения системного и междисциплинарного подходов, что подразумевает обращение к целому ряду научных публикаций в области истории и политологии, экономики и социологии, международных отношений и юриспруденции, философии и психологии.

На современном этапе изучением обозначенной выше проблематики системы межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Беларусь (РБ) занимаются отечественные и белорусские вузы, исследовательские и научно-аналитические центры, в том числе входящие в состав ведущих научных институтов: МГИМО, МГУ, РГГУ, СПбГУ, Дипломатическая Академия МИД РФ, БГУ, БГЭУ, ИМЭМО РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Институт Европы РАН, Институт экономики РАН, Институт экономики НАН Беларуси, Институт социологии РАН, Институт социологии НАН Беларуси, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, Институт стран СНГ, РИСИ, БИСИ и др.

Отдельно следует выделить Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства

(далее – МАС), издающий время от времени сборник статей «Научные материалы», а также публикующий материалы международных научно-практических конференций и материалы заседаний МАС, посвященные актуальным вопросам союзного строительства и проблемам взаимоотношений Белоруссии и России.

Проблематика российско-белорусских отношений, равно как и белорусско-российской интеграции, нашла свое отражение в новейших публикациях историографического характера, среди которых следует выделить работы Ю.И. Веревкиной [3], Е.И. Пивовара, А.В. Гушина [4], М.В. Созыкина [5, 6]. В диссертации А.Ю. Тополева [7] отчасти представлено современное состояние научной мысли Великобритании и США по вопросу межгосударственных отношений РФ и РБ в 1992–2008 гг.

В то же время мы вынуждены отметить, что на данный момент не существует комплексного труда, посвященного новейшей (последние 5–6 лет) отечественной и зарубежной историографии по вопросу развития российско-белорусских отношений 1991–2016 гг. В контексте этого опубликование данной работы можно рассматривать не только как попытку заполнить исследовательские лакуны на очередном научно-исследовательском фронте, но и как форму своеобразного историографического посредничества между учеными современности.

Целый ряд работ отечественных и белорусских ученых направлен на исследование опыта российско-белорусского сотрудничества в энергетической сфере (главным образом в нефтегазовой отрасли). На данный момент союзными авторами (Н. Башкатов [8], Д.В. Болкунец [9], С.В. Тихонова [10–12], И.В. Турицын [13] и др.) рассмотрена эволюция белорусско-российских отношений в контексте взаимодействия в нефтегазовой сфере в период с 1990-х по 2016 г., предпринята попытка осмыслить значение советского нефтегазового наследия для обеих стран, а также рассмотреть проблемы преодоления кризиса в топливно-энергетических комплексах РФ и РБ, наступившего после ликвидации СССР. Был проанализирован накопленный опыт взаимодействия сторон, осмыслены основные достижения, противоречия и проблемы, дана развернутая оценка состояния современных нефтегазовых отношений и перспектив дальнейшего развития.

Вместе с тем научным сообществом уделяется повышенное внимание следующим исследовательским проблемам: роль энергетической дипломатии во взаимоотношениях между Россией и Белоруссией; транзитный фактор в нефтегазовом межгосударственном сотрудничестве (в особенности на геэкономическом пространстве «РФ – РБ – ЕС»).

В новейшей историографической практике принято хронологически разделять процесс формирования и развития системы российско-белорусского взаимодействия в энергетике на два основных этапа. Первый этап (1990-е гг.): складывание на постсоветском пространстве хозяйственно-экономических связей с преобладанием дотационного принципа, основанного на поставках российских энергоресурсов по преференциальным условиям. Второй этап (2000-е гг. –

наст. время): процесс перехода от политики дотаций и неэквивалентного торгового оборота к политике «прагматизма», в частности к увеличению цены на экспорт российских углеводородов. Такой историко-хронологический подход в той или иной степени характерен для большинства работ, посвященных рассматриваемой проблематике.

Представляется справедливой точка зрения, встречающаяся в ряде публикаций, что Союзное государство РФ и РБ (далее – СГ) оказало значительное влияние на развитие нефтегазовых отношений двух стран. В то же время будет верно и обратное замечание: развитие нефтегазовых отношений России и Белоруссии оказало значительное влияние на характер интеграционного объединения и сам процесс строительства СГ. Транзитная составляющая российско-белорусского нефтегазового сотрудничества «привела к излишней политизированности энергетического фактора в двусторонних отношениях» [11. С. 174]. «Энергетика была и остается наиболее сложной темой в повестке дня российско-белорусских переговоров» [14. С. 17]. А само положение дел в нефтегазовом секторе стало своеобразным индикатором состояния российско-белорусских отношений.

Большое количество современных работ авторов Союзного государства посвящено военно-политическому, военно-техническому сотрудничеству двух стран и проблемам безопасности на государственном, союзном и региональном уровнях (С.В. Астахова [15], О.В. Бахлова [16, 17], С.Ф. Гребениченко [18], В.В. Евсеев [19], Н.М. Коновалов [20], О.В. Репинская [21], М.В. Созыкин [22], Н.В. Ступаков [23], В.Г. Цыплин [24], А.И. Чистяков [25] и др.).

Пристальное внимание исследователей к проблемам безопасности и вопросам дальнейшего развития двусторонних отношений в области военно-политического сотрудничества и оборонной сфере объясняется актуализацией транснациональных угроз, агрессивностью внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры, а также перманентным процессом обострения отношений России и Белоруссии со странами Запада и некоторыми международными структурами, в особенности с НАТО.

В большинстве работ авторами рассматриваются содержание, основные направления, проблемы и перспективы военно-политической и военно-технической интеграции РФ и РБ по линии двустороннего взаимодействия и в рамках СНГ и ОДКБ. Интеграция представляется как важный элемент системы региональной безопасности. В ряде публикаций был проведен ретроспективный анализ развития российско-белорусского военного сотрудничества в период с 1991 по 2016 г.

Исследователи едины во мнении, что военное сотрудничество России и Белоруссии было и остается устойчивым и относительно непротиворечивым компонентом двусторонних отношений, что определяется общностью геостратегических интересов. Однако «в рассматриваемом измерении присутствует до сих пор много проблем общеполитического и конъюнктурного характера» [16. С. 36].

В числе работ, вызвавших наибольший исследовательский интерес, хотелось бы выделить публикации

О.В. Бахловой «Военно-политическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь в контексте формирования системы региональной безопасности содружества», Н.В. Ступакова «Политические аспекты формирования новой стратегии развития Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь в обеспечении национальной безопасности».

Часть современных публикаций союзных авторов посвящена вопросам взаимодействия России и Белоруссии в борьбе с международным терроризмом. Внимание исследователей было сконцентрировано на таких вопросах, как политико-правовое и конкретно-практическое обеспечение антитеррористического сотрудничества между двумя странами (на фоне интеграционных процессов в ходе строительства Союзного государства и в частности в условиях гармонизации законодательств).

В центре внимания современных российских и белорусских исследователей (П.А. Витязь [26], С.М. Дедков [27, 28], Е.В. Кузьмич [27], А.Н. Корнеев [29], А. Слонимский, Э. Савчук [30], А.В. Шурубович [31]), кроме прочего, безусловно, находятся и общие вопросы взаимодействия и сотрудничества двух стран в научной сфере, а также проблематика строительства единого научно-технического и научно-инновационного пространства РФ и РБ в рамках союзных программ. Важное место в работах авторов [32, 33] в последнее время отводится теме совместного развития космических технологий двух стран.

Основным предметом исследования авторов является межгосударственное академическое и научно-практическое сотрудничество. Деятельность Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, играющего важную роль во взаимодействии ученых двух стран, также не осталась без внимания научного сообщества. Кроме того, в рамках уже самого МАС был подготовлен сборник [34] новейших трудов по российско-белорусскому научному сотрудничеству.

Такой интерес объясняется тем, что в последние два десятилетия российские и белорусские ученые тесно взаимодействуют по целому ряду современных научных направлений, в числе которых: космические исследования; энергетика (в том числе и ядерная); вычислительная техника и информатика; медицина, биотехнологии и фармацевтика; информационно-телекоммуникационные системы; геология нефти и газа; разработка современных технологий, включая наноматериалы и нанотехнологии; рациональное природопользование; сельское хозяйство.

В то же время С.М. Дедков совершенно верно подметил, что «сотрудничество в области техниче-

ских, точных, естественных наук развивалось опережающими темпами в сравнении с исследованиями обществоведческого и гуманитарного характера» [28. С. 49]. Подчеркнута необходимость проведения совместных комплексных научных программ в области экономики, права, социологии, истории, философии.

В целом же межакадемическое сотрудничество РАН и НАН Беларуси, расширение и углубление их связей с научными центрами рассматривается современным исследовательским сообществом как мощный стимул интеграции двух стран, в том числе при формировании и развитии единого научно-технического и научно-инновационного пространства РФ и РБ.

Еще один важный исследовательский кластер – взаимодействие России и Белоруссии в информационной сфере. Среди авторов наиболее значимых новейших публикаций, посвященных данной проблематике, следует выделить А.В. Минакова [35] и С.Ю. Попова [36–39]. В общем же современные публикации авторов [40–42] по рассматриваемому вопросу носят, как правило, одиночный несистемный характер либо лишь опосредованно касаются темы межгосударственного взаимодействия в информационной сфере. Примечательно также, что часть публикаций [43–45] посвящена так называемым информационным войнам в контексте современных российско-белорусских отношений.

С.Ю. Попов справедливо замечает, что «комплексный анализ деятельности союзных СМИ и интернет-ресурсов Союзного государства необходим для выработки научно обоснованных ориентиров, рекомендаций, способных не только облегчить процесс российско-белорусской интеграции, но и преобразовать общее информационное пространство Союзного государства в единое коммуникативно обусловленное медиапространство» [36. С. 3–4].

В ходе написания данной работы были выявлены, проанализированы и систематизированы новейшие публикации представителей научно-исследовательских сообществ России и Белоруссии на тему проблемы межгосударственных отношений двух стран в период 1991–2016 гг. Подводя краткие итоги обзора историографической базы, следует отметить, что, несмотря на наличие значительного количества трудов по рассматриваемой проблематике, отдельные аспекты по-прежнему ждут своего более глубокого и комплексного исследования. К сожалению, результаты многих перспективных научных разработок пока еще не находят практического применения в выработке внешнеполитического и внешнеэкономического курсов России и Беларуси, в развитии интеграционного взаимодействия между странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машко В.В. Развитие российско-белорусских союзных отношений (1999–2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
2. Боришполец К.П., Чернявский С.И. Российско-белорусские отношения: угрозы реальные и мнимые // Вестник аналитики. 2012. № 3. С. 62–73.
3. Вережкина Ю.И. Проблема «союзной парадигмы» в белорусско-российских отношениях: попытка историографического анализа // Наука и практика регионов. 2016. № 2. С. 55–64.
4. Пивовар Е.И., Гушин А.В. Основные направления изучения постсоветской интеграции в российской историографии // Вестник РГГУ. Сер. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2013. № 21. С. 11–38.

5. Созыкин М.В. Военные связи России и Беларуси // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 190–195.
6. Созыкин М.В. Проблема военного сотрудничества в новейшей историографии российско-белорусских отношений // Инновационное развитие современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 9 ч. Ч. 8 / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. С. 159–163.
7. Тополев А.Ю. Отношения России с государствами постсоветского пространства (1992–2008 гг.) в оценках американских и британских исследователей : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
8. Башкатов Н. Одна стратегия, две тактики // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2013. № 3. С. 35–46.
9. Болкунец Д.В. Состояние и особенности российско-белорусского энергетического сотрудничества // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2014. № 4. С. 120–128.
10. Тихонова С.В. Российско-белорусское взаимодействие в нефтегазовой сфере и энергетическая политика ЕС (1992–2011) // Власть. 2012. № 9. С. 188–191.
11. Тихонова С.В. Российско-белорусское сотрудничество в нефтегазовой сфере в 1992–2008 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
12. Тихонова С.В. Энергетическое сотрудничество России и Белоруссии в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве (1992–2010) // Мир и политика. 2011. № 12. С. 120–126.
13. Турецкий И.В. Российско-белорусское сотрудничество в нефтегазовой сфере: постсоветский опыт // Современная научная жизнь. 2014. № 6. С. 147–172.
14. Тихонова С.В. Российско-белорусское сотрудничество в нефтегазовой сфере в 1992–2008 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
15. Астахова С.В. Военное сотрудничество Белоруссии и России // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 3. С. 50–57.
16. Бахлова О.В. Военно-политическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь в контексте формирования системы региональной безопасности сотрудничества // Регионоведение. 2016. № 2. С. 26–41.
17. Бахлова О.В. Интеграционное взаимодействие в борьбе с терроризмом как транснациональной угрозой (на примере Союзного государства Беларуси и России) // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 65–70.
18. Гребениченко С.Ф., Созыкин М.В. Российско-белорусская интеграция: военно-техническое сотрудничество // Россия и мир: история, политика, культура, образование : материалы XVI Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : РУДН, 2014. С. 139–145.
19. Евсеев В.В. Совместная противоракетная оборона в контексте российско-белорусской интеграции // Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений. Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Вып. 3 / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск : Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. С. 70–78.
20. Коновалов Н.М. Сотрудничество России и Белоруссии в сфере оборонной политики // Вестник ТГУ. 2014. № 11. С. 100–104.
21. Репинская О.В. Российско-белорусское антитеррористическое сотрудничество. Политико-правовой аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 2–2. С. 306–310.
22. Созыкин М.В. Исторический опыт оборонно-технологической интеграции России и Республики Беларусь // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 199–208.
23. Ступаков Н.В. Политические аспекты формирования новой стратегии развития Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь в обеспечении национальной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2. С. 6–13.
24. Цыплин В.Г. Перспектива создания новой российской военной базы в Республике Беларусь // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 91–98.
25. Чистяков А.И. Военно-техническое сотрудничество России с Белоруссией, Арменией и Казахстаном в контексте формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6, № 1. С. 229–235.
26. Витязь П.А. Формирование единого научно-технического пространства Союзного государства России и Беларуси в рамках союзных программ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1. С. 47–52.
27. Дедков С.М., Кузьмич Е.В. Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2. С. 50–59.
28. Дедков С.М. Стратегия формирования единого научно-инновационного пространства Беларуси и России в рамках Союзного государства // Наука и инновации. 2013. Т. 10, № 128. С. 45–49.
29. Корнеев А.Н. Развитие инновационного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях становления Союзного государства : дис. ... канд. экон. наук. М., 2014.
30. Слонимский А., Савчук Э. Инновационная политика и совместные научно-технические проекты Союзного государства // Наука и инновации. 2014. Т. 5, № 135. С. 29–34.
31. Шурубович А.В. Академическая наука – Союзному государству // Мир перемен. 2011. № 1. С. 182–186.
32. Меньшиков В.В. Многофункциональная космическая система Союзного государства как инструмент для развития высоких технологий в России и Беларуси // Фундаментальные проблемы радиоэлектронного приборостроения. 2013. Т. 13, № 5. С. 73–76.
33. Тузиков А.В., Коренько С.А. Совместное развитие космических технологий Беларуси и России // Наука и инновации. 2013. Т. 5, № 123. С. 7–10.
34. Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений. Научные материалы Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства. Вып. 3 / под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. Минск : Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2011. 256 с.
35. Минаков А.В. Особенности создания и функционирования межгосударственного телевизионного вещания (на примере российско-белорусского телеканала ТРО) // Вестник ЧГУ. 2011. Т. 1, № 2–29. С. 81–85.
36. Попов С.Ю. Союзные СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии (1999–2014) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
37. Попов С.Ю. СМИ как инструмент информационной политики Союзного государства России и Белоруссии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3–1. С. 101–105.
38. Барабаш В.В., Попов С.Ю. Историко-правовые основания информационной политики Союзного государства Россия – Белоруссия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3–1. С. 231–236.
39. Попов С.Ю. Основные принципы реализации информационной политики Союзного государства Россия – Белоруссия // Глобальный научный потенциал. 2015. № 2. С. 33–35.
40. Баринов С.Л. Социокультурные аспекты приграничной коммуникации населения России и Беларуси в контексте нового этапа постсоветской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4. С. 97–113.
41. Ломов С.А. Психологический и социокультурный аспекты обеспечения информационной безопасности Союзного государства в условиях становления глобального информационного пространства // Информационные войны. 2011. № 4. С. 93–97.
42. Свиридов А.В. Информационное измерение геополитики Союзного государства России и Беларуси // Научные труды РИВШ. 2015. № 14. С. 100–106.
43. Горбелева Е.А. Информационная война 2010 г. в российско-белорусских отношениях: причины конфликта сторон // Дневник АШПИ. 2012. № 28. С. 89–92.

44. Лисовский Ю.А., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Калийная война: Белоруссия помогает прокуратуре России // Конфликтология. 2013. № 3. С. 166–177.
45. Тагильцева Ю.Р. «Брат ты мне или не брат?», или информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 180–186.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

BELARUS–RUSSIA RELATIONS (1991–2016): AN OVERVIEW OF RUSSIAN AND BELARUSIAN HISTORIOGRAPHIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 84–89.

DOI: 10.17223/15617793/423/11

Roman Yu. Zverev, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: zverev_ry@mail.ru

Keywords: historiography; Russia; Belarus; Russian-Belarusian relations; Union State of Russia and Belarus; integration processes.

The article attempts to examine the features of the contemporary development of historiography of scientists of the Union State of Russia and Belarus on the problems of Belarus-Russia relations (1991–2016). The historiography of the Union State is understood as the latest research of Russian and Belarusian researchers that studies areas of cooperation of two countries. These studies were performed in the field of history and political science, economics and sociology, international relations and law, philosophy and psychology. The problems of Russian-Belarusian relations as well as the problems of Belarusian-Russian integration are reflected in the latest historic and historiographic publications. At the same time, it is necessary to say that at the moment there are no research publications that show the latest Russian, Belarusian and foreign historiography on the development of Belarus–Russia relations in 1991–2016. The historiographic sources the author used represent the current state and level of scientific thought of the research communities of Russia and Belarus on the problems of interstate cooperation in the following spheres of interaction: energy sphere, military cooperation, scientific cooperation and Belarusian–Russian cooperation in the information sphere. Moreover, the article lists the main Russian and Belarusian universities, research and analytical centers, leading scientific institutes that engage in studying the above-mentioned problems. A complex and multilateral study of the phenomenon of the formation and development of Belarus–Russia relations seems extraordinarily important in contemporary circumstances. At present, the necessity of a profound and objective comprehension of the development of modern international relations in the post-Soviet space is actualized in connection with a periodical unfavorable aggressive external-political and external-economic conjuncture. The publication of this article can be viewed not only as an attempt to fill some research lacunas in science, but also as a peculiar form of historiographic mediation between modern researchers. The author concludes that the results of a lot of perspective scientific research and developments have not found practical application in the development of external-political and external-economic courses of Russia and Belarus and in the development of integration interaction between the countries yet.

REFERENCES

1. Mashko, V.V. (2011) *Razvitie rossiysko-belorusskikh soyuznykh otnosheniy (1999–2009 gg.)* [Development of Russian-Belarusian Union Relations (1999–2009)]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Borishpolets, K.P. & Chernyavskiy, S.I. (2012) Rossiysko-belorusskie otnosheniya: ugrozy real'nye i mnimye [Russian-Belarusian relations: real and imaginary threats]. *Vestnik analitiki*. 3. pp. 62–73.
3. Verevkin, Yu.I. (2016) Problema “soyuznoy paradigmy” v belorussko-rossiyskikh otnosheniyakh: popytka istoriograficheskogo analiza [The problem of the “allied paradigm” in the Belarusian-Russian relations: an attempt of historiographic analysis]. *Nauka i praktika regionov*. 2. pp. 55–64.
4. Pivovarov, E.I. & Gushchin, A.V. (2013) Osnovnye napravleniya izucheniya postsovetsoy integratsii v rossiyskoy istoriografii [The main directions of studying post-Soviet integration in Russian historiography]. *Vestnik RGGU. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie*. 21. pp. 11–38.
5. Sozykin, M.V. (2015) Voennye svyazi Rossii i Belarusi [Military connections of Russia and Belarus]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 190–195.
6. Sozykin, M.V. (2014) [The problem of military cooperation in the newest historiography of Russian-Belarusian relations]. *Innovatsionnoye razvitie sovremennoy nauki* [Innovative development of modern science]. Proceedings of the international conference. In 9 parts. Pt. 8. Ufa: Bashkir State University. pp. 159–163. (In Russian).
7. Topolev, A.Yu. (2013) *Otnosheniya Rossii s gosudarstvami postsovetsoy prostranstva (1992–2008 gg.) v otsenkakh amerikanskikh i britanskikh issledovateley* [Relations between Russia and the states of the post-Soviet space (1992–2008) in the assessments of American and British researchers]. History Cand. Diss. Moscow.
8. Bashkatov, N. (2013) Odnaya strategiya, dve taktiki [One strategy, two tactics]. *Obozrevatel' – Observer*. 3. pp. 35–46.
9. Bolkunets, D.V. (2014) Sostoyaniye i osobennosti rossiysko-belorusskogo energeticheskogo sotrudnichestva [State and features of the Russian-Belarusian energy cooperation]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 4. pp. 120–128.
10. Tikhonova, S.V. (2012) Rossiysko-belorusskoe vzaimodeystvie v neftegazovoy sfere i energeticheskaya politika ES (1992–2011) [Russian-Belarusian interaction in the oil and gas sphere and the EU energy policy (1992–2011)]. *Vlast'*. 9. pp. 188–191.
11. Tikhonova, S.V. (2015) *Rossiysko-belorusskoe sotrudnichestvo v neftegazovoy sfere v 1992–2008 gg.* [Russian-Belarusian cooperation in the oil and gas sector in 1992–2008]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Tikhonova, S.V. (2011) Energeticheskoe sotrudnichestvo Rossii i Belarusii v kontekste integratsionnykh protsessov na postsovetsoy prostranstve (1992–2010) [Energy cooperation between Russia and Belarus in the context of integration processes in the post-Soviet space (1992–2010)]. *Mir i politika*. 12. pp. 120–126.
13. Turitsyn, I.V. (2014) Rossiysko-belorusskoe sotrudnichestvo v neftegazovoy sfere: postsovetsoy opyt [Russian-Belarusian cooperation in the oil and gas sphere: post-Soviet experience]. *Sovremennaya nauchnaya zhizn'*. 6. pp. 147–172.
14. Tikhonova, S.V. (2015) *Rossiysko-belorusskoe sotrudnichestvo v neftegazovoy sfere v 1992–2008 gg.* [Russian-Belarusian cooperation in the oil and gas sector in 1992–2008]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
15. Astakhova, S.V. (2013) Voennoe sotrudnichestvo Belarusii i Rossii [Military cooperation between Belarus and Russia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 3. pp. 50–57.
16. Bakhlova, O.V. (2016) Voennopoliticheskaya integratsiya Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus' v kontekste formirovaniya sistemy regional'noy bezopasnosti sotrudnichestva [Military-political integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the context of the formation of the regional security system of the commonwealth]. *Regionologiya*. 2. pp. 26–41.

17. Bakhlova, O.V. (2016) Integratsionnoe vzaimodeystvie v bor'be s terrorizmom kak transnatsional'noy ugrozoy (na primere Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii) [Integration interaction in the fight against terrorism as a transnational threat (on the example of the Union State of Belarus and Russia)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2. pp. 65–70.
18. Grebenichenko, S.F. & Sozykin, M.V. (2014) [Russian-Belarusian Integration: Military-Technical Cooperation]. *Rossiya i mir: istoriya, politika, kul'tura, obrazovanie* [Russia and the World: History, Politics, Culture, Education]. Proceedings of the XVI all-Russian conference. Moscow: RUDN. pp. 139–145. (In Russian).
19. Evseev, V.V. (2011) Sovmestnaya protivoraketnaya oborona v kontekste rossiysko-belorusskoy integratsii [Joint Missile Defense in the Context of Russian-Belarusian Integration]. In: Dedkov, S.M. & Egorov, V.K. (eds) *Rossiysko-belorusskoe nauchnoe sotrudnichestvo na pervom etape soyuznykh otnosheniy* [Russian-Belarusian Scientific Cooperation at the First Stage of Union Relations]. Vol. 3. Minsk: Tsentr sistemnogo analiza i strategicheskikh issledovaniy NAN Belarusi.
20. Kononov, N.M. (2014) Cooperation between Russia and Belarus in the field of defense policy. *Vestnik TGU – Tambov University Reports. Humanities*. 11. pp. 100–104. (In Russian).
21. Repinskaya, O.V. (2014) Rossiysko-belorusskoe antiterroristicheskoe sotrudnichestvo. Politiko-pravovoy aspekt [Russian-Belarusian antiterrorist cooperation. Political-legal aspect]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2–2. pp. 306–310.
22. Sozykin, M.V. (2016) Istoricheskiy opyt oboronno-tekhnologicheskoy integratsii Rossii i Respubliki Belarus' [Historical experience of defense-technological integration of Russia and the Republic of Belarus]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 199–208.
23. Stupakov, N.V. (2015) Political Aspects of the Formation of New Strategy of Development of the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus in National Security. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 6–13. (In Russian).
24. Tsyplin, V.G. (2015) Perspektiva sozdaniya novoy rossiyskoy voennoy bazy v Respublike Belarus' [Prospect of the creation of a new Russian military base in the Republic of Belarus]. *Sovremennye evraziyskie issledovaniya*. 3. pp. 91–98.
25. Chistyakov, A.I. (2015) Voennno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s Belorussiei, Armeniei i Kazakhstanom v kontekste formirovaniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (EAES) [Military-technical cooperation of Russia with Belarus, Armenia and Kazakhstan in the context of the formation of the Eurasian Economic Union (EAEU)]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. 6:1. pp. 229–235.
26. Vityaz', P.A. (2011) Formirovanie edinogo nauchno-tekhnicheskogo prostranstva Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi v ramkakh soyuznykh programm [Formation of a unified scientific and technical space of the Union State of Russia and Belarus within the framework of Union programs]. *Ekonomicheskoe i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 1. pp. 47–52.
27. Dedkov, S.M. & Kuz'mich, E.V. (2012) Rossiysko-belorusskoe nauchnoe sotrudnichestvo na pervom etape soyuznykh otnosheniy: vostanovlenie edinogo nauchnogo prostranstva [Russian-Belarusian scientific cooperation at the first stage of union relations: the restoration of a single scientific space]. *Ekonomicheskoe i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2. pp. 50–59.
28. Dedkov, S.M. (2013) Strategiya formirovaniya edinogo nauchno-innovatsionnogo prostranstva Belarusi i Rossii v ramkakh Soyuznogo gosudarstva [Strategy for the Formation of a Unified Science and Innovation Space of Belarus and Russia in the Framework of the Union State]. *Nauka i innovatsii*. 10:128. pp. 45–49.
29. Korneev, A.N. (2014) *Razvitiye innovatsionnogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus' v usloviyakh stanovleniya Soyuznogo gosudarstva* [Development of innovative cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the conditions of the formation of the Union State]. Economics Cand. Diss. Moscow.
30. Slonimskiy, A. & Savchuk, E. (2014) Innovatsionnaya politika i sovmestnye nauchno-tekhnicheskie proekty Soyuznogo gosudarstva [Innovative policy and joint scientific and technical projects of the Union State]. *Nauka i innovatsii*. 5:135. pp. 29–34.
31. Shurubovich, A.V. (2011) Akademicheskaya nauka – Soyuznomu gosudarstvu [Academic Science to the Union State]. *Mir peremen*. 1. pp. 182–186.
32. Men'shikov, V.V. (2013) Mnogofunktsional'naya kosmicheskaya sistema Soyuznogo gosudarstva kak instrument dlya razvitiya vysokikh tekhnologiy v Rossii i Belarusi [The multifunctional space system of the Union State as a tool for the development of high technologies in Russia and Belarus]. *Fundamental'nye problemy radioelektronnoy priborostroeniya*. 13:5. pp. 73–76.
33. Tuzikov, A.V. & Korenyako, S.A. (2013) Sovmestnoe razvitiye kosmicheskikh tekhnologiy Belarusi i Rossii [Joint development of space technologies of Belarus and Russia]. *Nauka i innovatsii*. 5:123. pp. 7–10.
34. Dedkov, S.M. & Egorov, V.K. (eds) (2011) *Rossiysko-belorusskoe nauchnoe sotrudnichestvo na pervom etape soyuznykh otnosheniy* [Russian-Belarusian Scientific Cooperation at the First Stage of Union Relations]. Vol. 3. Minsk: Tsentr sistemnogo analiza i strategicheskikh issledovaniy NAN Belarusi.
35. Minakov, A.V. (2011) Osobennosti sozdaniya i funktsionirovaniya mezhgosudarstvennogo televizionnogo veshchaniya (na primere rossiysko-belorusskogo telekanala TRO) [Features of the creation and operation of interstate television broadcasting (on the example of the Russian-Belarusian television channel TRO)]. *Vestnik ChGU*. 1:2–29. pp. 81–85.
36. Popov, S.Yu. (2015) *Soyuznye SMI kak instrument informatsionnoy politiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii (1999–2014)* [The union media as an information policy tool of the Union State of Russia and Belarus (1999–2014)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
37. Popov, S.Yu. (2015) SMI kak instrument informatsionnoy politiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Mass media as an information policy tool of the Union State of Russia and Belarus]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 3–1. pp. 101–105.
38. Barabash, V.V. & Popov, S.Yu. (2015) Istoriko-pravovye osnovaniya informatsionnoy politiki Soyuznogo gosudarstva Rossiya – Belorussiya [Historical-legal bases of an information policy of the Union State of Russia – Belarus]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 3–1. pp. 231–236.
39. Popov, S.Yu. (2015) Osnovnye printsipy realizatsii informatsionnoy politiki Soyuznogo gosudarstva Rossiya – Belorussiya [Basic principles of the implementation of the information policy of the Russia-Belarus Union State]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 2. pp. 33–35.
40. Barinov, S.L. (2013) Sotsiokul'turnye aspekty prigranichnoy kommunikatsii naseleniya Rossii i Belarusi v kontekste novogo etapa postsovetsoy integratsii [Sociocultural aspects of cross-border communication of the population of Russia and Belarus in the context of a new stage of post-Soviet integration]. *Evraziyskaya ekonomicheskaya integratsiya*. 4. pp. 97–113.
41. Lomov, S.A. (2011) Psikhologicheskii i sotsiokul'turnyy aspekty obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva v usloviyakh stanovleniya global'nogo informatsionnogo prostranstva [Psychological and sociocultural aspects of ensuring information security of the Union State in the conditions of the formation of the global information space]. *Informatsionnye voyny*. 4. pp. 93–97.
42. Sviridov, A.V. (2015) Informatsionnoe izmerenie geopolitiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi [Information dimension of the geopolitics of the Union State of Russia and Belarus]. *Nauchnye trudy RIVSh*. 14. pp. 100–106.
43. Gorbeleva, E.A. (2012) Informatsionnaya vojna 2010 g. v rossiysko-belorusskikh otnosheniyakh: prichiny konflikta storon [Information war of 2010 in the Russian-Belarusian relations: the causes of the conflict of the sides]. *Dnevnik ASHPi*. 28. pp. 89–92.
44. Lisovskiy, Yu.A., Samarin, A.N. & Fionova, L.K. (2013) Kaliynaya vojna: Belorussiya pomogaet prokurature Rossii [Potash war: Belarus helps the Russian prosecutor's office]. *Konfliktologiya*. 3. pp. 166–177.
45. Tagil'tseva, Yu.R. (2014) “Are you my true brother?” or information-psychological warfare in the context of Russia-Belarus relations. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 180–186. (In Russian).

Received: 28 June 2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТОБОЛЬСКИХ КАЗАЧЬИХ РОДОВ в XVII–XX вв. (НА ПРИМЕРЕ РОДА КРУШИНСКИХ)

На основании впервые вводимых в научный оборот источников – подворных, похозяйственных переписей деревень Бегишевской волости Тобольского уезда, документов Тобольского комитета Севера, архива РУ ФСБ РФ по Тюменской области – рассматривается эволюция тобольского казачьего рода Крушинских. Крушинские принадлежали к первопоселенцам Сибири, зафиксированы в Дозорной книге 1623 г., входили в разряд казаков литовского списка, являлись владельцами одной из деревень «служилых людей». В статье прослеживается продолжительность во времени заселения территории после ее присоединения к Российскому государству людьми, прибывшими первыми.

Ключевые слова: род; служилые люди; казаки литовского списка; население; крестьяне; деревня; репрессии; Тобольская губерния.

Формирование населения Сибири преимущественно изучалось через эволюцию отдельных социальных групп. Основой населения Западной Сибири явились служилые люди. Наиболее массовой категорией служилых людей было казачество. Обращение к истории конкретных казачьих родов, на наш взгляд, позволит раскрыть всю сложность процесса заселения Сибири, проследить изменения в составе населения, выделить основные переломные моменты. В центре данного исследования находится история тобольского казачьего рода Крушинских, восходящего к начальному этапу истории Сибири и завершающего свое существование в рамках сталинских репрессий. Анализ эволюции рода проводится на основе микроисторического подхода. «Микроистория» в научной терминологии – понятие достаточно неустоявшееся, как и «микроанализ». А.А. Кром отмечает «плюрализм точек зрения» в трактовке понятия «микроистория» [1. С. 93]. Он подчеркивает, что «восприятие микроистории в каждой стране имело свою специфику», «разные историографические модели» [Там же. С. 95]. «Микроистория предполагает изучение малого исторического объекта», – пишет А. Поляков; при этом она «тяготеет к частному, единичному, случайному» [2. С. 314]. В процессе исследования при микроанализе «взаимодействие общего (массового) и единичного идет не только от массового к единичному, но и от единичного к теоретическим обобщениям» [Там же]. Что может представлять объект микроистории? Это и «семья как социальный институт» [Там же. С. 306], и «изучение жизненных путей туринских рабочих, их интеграции в городскую среду» [Там же. С. 96]. Исходя из этого, казачий род Крушинских – это тот самый микроисторический объект, эволюция которого рассматривается «в географически ограниченном... месте действия» [Там же. С. 100]. Понимание рода включает группу кровных родственников, носящих одну фамилию, ведущих свое происхождение от зафиксированного в самых ранних письменных источниках на данной территории одного предка. Относительно Крушинских ситуация осложняется тем, что в Дозорной книге 1623 г. названы два носителя фамилии Крушинских – братья «Данилка и Меркушка». В связи с этим возможным было бы употреблять понятие «родовой клан», определяя его как кровнородственную группу, объединенную одной фамилией, ведущую свое происхождение в Сибири от двух ро-

дона начальников, зафиксированных в Дозорной книге 1623 г. В то же время сложность источниковой базы не позволяет проследить последовательную смену поколений, как и разветвление Крушинских на потомков «Данилки» и «Меркушки», поэтому используется только понятие «род». Нет в распоряжении исследователя письменных источников, отражающих сознание членов рода в виде дневников, завещаний, переписки. Крушинские – молчаливые субъекты исторического процесса, и это ограничивает применение микроанализа.

Предложенная линия исследования опирается на факт наличия имен и фамилий тех, кто закладывал основы населения края в таких источниках, как «переписные, дозорные, межевые книги, подворные описи и материалы ревизий» [3. С. 85]. Они зафиксировали начальное ядро населения края [4. С. 100]. Облегчает осуществление исследования истории рода соотнесение принадлежавших к нему персонажей с конкретным поселением, которое являлось в данном случае первоначально «деревней» из категории «деревни служилых людей» (деревня братьев Крушинских). Деревни отражали проживание «многих поколений на одном месте» [Там же]. Историческое исследование, обращенное к разворачивающейся во времени истории одного из казачьих родов, родоначальники которого оказались в Сибири в самом начале ее освоения, в определенной степени правомерно определять и как явление «персональной истории». Л.П. Репина отмечает, что в исторической науке проявляется «тенденция к персонализации предмета истории» [5. С. 55]. В отличие от основного принципа «персональной истории», с задачей «раскрытия конкретного содержания процесса индивидуального сознания и поведения человека, выражающегося в усилении личностных ориентаций за счет групповых» [Там же. С. 66], анализ истории рода и «отдельных судеб» его представителей связывается с областью коллективного опыта. Сознание представителей этого рода в молчаливой истории Сибири может быть раскрыто через явления завершающего этапа существования рода Крушинских, а именно эпохи сталинских репрессий. В этом явлении обнажается суть сознания представителей этого рода, связанного с элементами индивидуализма, непринятия коллективного принуждения, наличия самостоятельности и независимости мышления, приверженности к индивидуальной форме хозяйст-

ния, что сделало столь массовым вовлечение в сталинские репрессии представителей рода. Эти же черты сознания и поведения, на наш взгляд, во многом определили судьбу рода на широком историческом фоне, как и направление их в Сибирь в конце XVI – начале XVII в., а затем слабое продвижение по карьерной лестнице. Постоянная связь на протяжении многих веков с военной службой, на рубеже XIX–XX вв. проявившаяся в участии в Первой мировой войне, а затем в Белом движении, привела к сложному отношению к советской власти, а затем и участию в выступлении 1921 г. Впоследствии в рамках Большого террора эти явления были использованы против значительной части представителей рода, вовлеченных в репрессивную политику. Данное исследование близко к биографическому методу – методу «изучения индивидуального как вспомогательного для изучения коллективного, социального» [6. С. 52]. На основе обращения к микроистории (истории одного из казачьих родов Сибири) прослеживается один из вариантов эволюции тобольских казачьих родов как составной части населения Сибири. Изучение действующих лиц истории, ведущее к «персонализации истории... через обращение к судьбам простых людей, рядовых людей», позволяет «пролить свет на неизученные аспекты прошлого» [7. С. 7].

Несомненно, для данного исследования важен генеалогический метод исследования, не реализованный в полной мере, но автором учтены наработки генеалогов по истории крестьянских и казачьих родов, которые показали, что население Сибири восходит своими корнями к самому начальному периоду заселения и имеет долговременный характер существования. Об этом свидетельствуют исследования А.И. Бакиной по истории крестьянских родов Чикишевых [8], Чарковых [9], а также работы Н.Г. Злыгостева о казачьих родах Тобольского уезда [10]. Н.Г. Злыгостев прослеживал возникновение и крестьянских родов [11], связывая их с заселением новых деревень [12], которые имели устойчивое фамильное ядро.

Историография проблемы складывается из длинной цепочки авторских исследований разных проблем, занявших значительный временной промежуток и позволивших составить представление о путях изучения обозначенного явления. Она включает изучение имеющегося материала, касающегося истории похода Ермака, анализа сибирских летописей, отражающих поход Ермака и деятельность первых царских воевод в Сибири, истории такого явления, как владельческие деревни. Много времени ушло на исследование истории польско-литовского государства, изучение начальной истории казачества на широком историческом фоне с сужением проблемы до истории сибирского казачества. Особое внимание было уделено автором иноземному контингенту в составе казачества, и прежде всего такому явлению, как казаки «литовского списка». Исследование опиралось на знание истории Тобольска и его окрестностей, а также на детальное знание географии местности, о которой в основном идет речь. Для понимания судьбы представителей рода в XX в. потребовалось изучение таких явлений, как восстание 1921 г. на территории бывшей

Тобольской губернии, освоение Арктики в первой трети XX в., географии экспедиций в арктическую зону в советский период, а затем – литературы, касающейся массового террора в стране и в частности в Западной Сибири. Многие звенья исследовательского процесса нашли отражение в авторских публикациях.

Для определения исходного времени появления в Сибири Крушинских важно было определить место их проживания на территории Сибири, которое оказалось связано с деревней «служилых людей» Крушинских, что позволило проследить преемственность в поколениях. Деревня относилась к категории «деревни служилых людей», выделенных Дозорной книгой Тобольского уезда 1623 г. [13]. П.Н. Бучинский приводил названия 82 деревень служилых людей близ Тобольска [14. С. 118–126. Подсчет]. Они раскинулись по западному и восточному берегам Иртыша, вверх по нему – в сторону Вагая, вниз – в направлении северных территорий, а также по берегу Тобола, по небольшим речкам и вблизи крупных озер. Расположение деревень служилых людей свидетельствует не столько об их колонизационной роли, сколько о выполнении их владельцами стратегической, защитной («караульной») функции [15]. Все возникшие владельческие деревни, отраженные в Дозорной книге 1623 г., мы связываем с теми историческими персонажами, которые оказались в Сибири с Ермаком, С. Болховским, И. Мансуровым, В. Сукиным, И. Мясным, Д. Чулковым. «Первыми насельниками покоренного края, – как считал еще П.Н. Бучинский, – были те служилые люди, которые и завоевали его» [14. С. 185]. Он же отмечал, что «начальные лица, совершившие поход... возвращались в Русь... но остальной состав экспедиции водворялся в Сибирь...» [Там же. С. 193]. Особый интерес представляет цепочка деревень служилых людей в количестве более 20 по восточному берегу Иртыша, от Кучумовой Сибири в сторону Вагая, и не только потому, что именно в их числе и находилась деревня Крушинских. Названия этих деревень (Иванова, Яковлева, Крушинских, Булгакова, Мордвинова, Выходцева, Измайловых, Сергеева, Станиславова, Матюшкина, Косовецкого, Черного, Мельникова, Волкова и т.д.) зафиксировали устоявшиеся фамилии, в том числе связанные со служилыми русскими родами, представленными при государевом дворе. Этот факт свидетельствует о том, что в отрядах русских воевод были и те, кто служил важную государеву службу. Их оставление в Сибири на службе и жителстве было наказанием или опалой, что со второй половины XVI в. было частым явлением. Цепочка владельческих деревень на этом участке привлекает внимание и тем, что располагались они в местах, где некогда активно действовали побежденные, и эти земли должны были после покорения кучумовичей принадлежать тем, кто имел большое влияние в ермаковой эпопее и событиях, с ней по времени близко связанных [15]. Первоначально покинув территорию после гибели Ермака, члены его отряда возвращались с отрядами воевод В. Сукина, И. Мясного, Д. Чулкова и на правах участников самых важных военных операций становились хозяевами владельческих деревень. Если сопоставить сло-

жившиеся в источниках [16. С. 148–149] и научной литературе – в работах Г.Е. Катанаева [17. С. 55, 56], А.А. Преображенского [18. С. 41, 47], Р.Г. Скрынникова [19. С. 14, 17, 18, 21, 55, 67, 185–187], А.П. Яркова [20. С. 98, 99], Е.К. Ромодановской [21. С. 14–21] – сведения о тех, кого историки, на основе Синодика, разных челобитных, источников о вкладчиках в Чудов монастырь, относят к «ермаковцам» [15], то таковых насчитывается около трех десятков человек, большая часть из которых названа преимущественно по именам. В соответствии с понятием «ермакова сотня», исходящим из XVII в., цифру оставшихся в живых ермаковцев определяли в 100 человек [17. С. 90].

Деревень, соотносимых с известными именами ермаковцев, немного, но они есть: Иванова (хотя число исторических персонажей раннего этапа сибирской истории с именем Иван было очень значительным: Кольцо, Гроза, Глухов, Киреев (был и Гаврила Иванов), Яковлева (атаман Яков Михайлов), Антонова (Осташка Антонов), Сысоева (Ларка Сысоев), Ясырева (Ясыря), Кузмина (Ульян Кузьмин)) [19. С. 14, 187, 189, 237; 21. С. 19]. Да и топонимика окрестностей Тобольска, несомненно, складывалась под влиянием событий конца XVI – начала XVII в. Среди этих названий (Черкасова Еректа) рядом – Савинская протока (Черкас Александров и Савва Болдыря), «Тырковка» – дорога в сторону города (по Дозорной книге 1624 г. г. Тобольска – сын боярский Василий Тырков) [22. С. 7], деревня Жуковка (служилый человек Безсонко Жуков) [Там же. С. 10] и т.д.

Только применительно к участку от Старой Сибири до Ермаковой перекопи, где располагалась деревня служилых людей – братьев Крушинских, сохранялась легенда о раздаче земель самим Ермаком, о чем сообщал тоболяк XIX в. М.С. Знаменский. Речь шла о деревне Котиной – служилых людей Котовых, расположенной в двух верстах от Искера (Сибири) [23. С. 34]. Родовое предание Котовых гласило, что они вели «свой род от казака, пришедшего с Ермаком и получившего от завоевателя Сибири в потомственное владение землю». П.Н. Буцинский поместил деревню Котиных среди деревень служилых людей, выявленных им по Дозорной книге 1623 г., на речке Сибирке, близ кучумовой Сибири [14. С. 119]. На этой же линии, только восточнее, находилась деревня братьев Крушинских, отразившая, несомненно, особый статус среди победителей кучумовичей, в том числе и Крушинских, которые получили земельные владения на очень значимой по тем временам территории.

Крушинские – казаки, но изначально источниками отнесенные к казакам литовского списка и упоминаемые в источниках только в этой категории казачества. В Дозорной книге 1623 г. сказано, что «деревня на реке Мостовой, во дворе служивые люди литовского списку Меркушка и Данилка Крушинские», перечислены их земельные наделы: «пашни паханные луговые и дубровные середние земли в трех месте двенадцет чети да перелог лесом поросло десять чети в поле а в дву потому ж лесново места дубровы пят десятин. Сенных покосов за речкою Мостовою в лугу триста копен» [24]. Г.Ф. Миллер под 1741 г. поместил в своих описаниях деревню Крушинскую на восточной стороне

небольшой речушки Стомак. Стомак – скорее всего, татарское название р. Мостовой, которая впадала в Иртыш с восточной стороны [25]. Расположение д. Крушинской отражают данные XIX в.: 47 км от Тобольска, на проселочной дороге [26. С. 292].

В 1710 г. деревня братьев Крушинских была переписана среди владений Софийского двора. П.Н. Буцинский, обращая внимание на разрастание владений тобольского епархиального центра – Софийского двора, указывал на документ, в котором архиепископ Герасим, при вступлении на престол Алексея Михайловича, писал государю, что «земля на речке Мостовой около 300 десятин пустая... и просил отвести ее Софийскому дому», и государь, отмечал П.Н. Буцинский, «землю пожаловал» [14. С. 143]. Так, земля на речке Мостовой, на которой лежала деревня Крушинская, оказалась во владениях Тобольской епархии. В ней в 1710 г. только один из жителей имел фамилию Крушинский: драгун Яков Карпов Крушинский, 50 лет, жил с женой Екатериной, 40 лет, и двумя сыновьями: Дмитрием, 20 лет, и Силом, 12 лет [27]. Почему драгун жил в деревне? Только потому, что время его службы закончилось. Служилые люди оседали в своих деревнях с окончанием службы. Драгуны как «пешие воины, посаженные на лошадей» в Тобольске появились в 1667–1669 гг., когда и был организован полк драгун, в него вошли беломестные казаки и литвины [20. С. 35]. В 1686 г. драгун первых перевели на службу «с пашни», лишив денежного жалованья. Учитывая количество дворов в деревне в 1710 г., она к тому времени не получила развития, что вполне объяснимо тем, что казаки Крушинские активно несли государеву службу.

По Книге окладов 1696 г. Крушинские представлены в числе казаков «литовского списка» в количестве трех человек: Якимко Крушинский с окладом в 10 руб. с четью, при самом высоком окладе в 14 руб., в списке он девятый, Митька Крушинский имел оклад в 8 руб. с четью, а Ганька Крушинский – 7 руб. с четью. Перечень казаков литовского списка дополнялся списком рейтаров, относительно которых указано, что «по грамоте великих государей 186 г. (1676 г.) велено литве быть в рейтарах», в нем двое Крушинских: Ивашко и Олешка, сын Василия Крушинского [22. С. 48, 49]. Несколькими годами ранее в Книге именной тобольских служилых людей также числился среди казаков «литовского списка» Яким Крушинский, но были еще Степан и Гаврило, а среди рейтаров те же самые Иван и Алексей, но Иван назван с отчеством – Иван Григорьев Крушинский [28]. Таким образом, в этом служилом разряде у Крушинских стабильная численность – 5 человек, что составляет 2% от числа казаков литовского списка, 3,8% – из числа рейтаров. Больше ни в каких других категориях казачества Крушинских мы не встречаем, кроме как среди казаков «литовского списка». При изучении других казачьих родов прослеживается черта попадания их представителей в конные казаки, пешее казачество. Но Крушинские представляют казаков, привязанных только к разряду казаков «литовского списка». Постоянно сохраняют одно и то же число присутствия в этом служебном разряде, как и в категории рейтаров.

Допускаем, что это определялось незначительной численностью рода, активной службой внутри этого служилого разряда. Крушинские направляются в отдаленные территории в процессе освоения Сибири и остаются там на жительство. Гаврило Крушинский, которого нет в Книге окладов г. Тобольска 1696 г., а до этого упоминавшийся в Книге именной служилых людей Тобольска, встречается в 1696 г. в «Договоре» служилых людей Селенгинска, Удинска, Катанского и Ильинского острогов, как служилый человек г. Удинска [29].

Источники XVII в. знают «поляков», «литвин», «литву», «казаков литовского списка». Наши исследования различий между вышеперечисленными явлениями привели к выводу о том, что «литва» появляется на территории Сибири уже в конце XVI в. [30. С. 128], а среди служилых людей России «литва» есть с конца XV в. Казаки «литовского списка» отличны от «литвы». Они – явление только сибирское, появляются в начале XVII в. С нашей точки зрения, казаки «литовского списка» – явление, связанное до появления на территории России с принадлежностью к профессиональному военному разряду Польско-Литовского государства, реестровому казачеству [Там же. С. 130], где, при разнообразном рядовом составе, руководящие должности принадлежали польской шляхте [Там же. С. 131]. Слово «реестр» буквально означало «список». В Сибири они появляются с вынужденным или добровольным переходом на русскую службу в условиях Ливонской войны и завершающегося Смутного времени. В то же самое время, когда в восточные владения Московской Руси направляются для поселения пленные, сюда перемещается и казачество. Р.Г. Скрынников пишет, что «казацкии городки на Волге появились в 1560-е гг., Волга стала важной торговой артерией» [19. С. 135, 137]. Казаки литовского списка отличались профессиональными навыками в военном деле, что в тех условиях как раз и требовалось в Сибири. В последующем в эту категорию стали включать поляков и «литву». В Тобольском гарнизоне их численность было строго фиксированной в 150 (учитывая «убылых») человек, дополнялась рейтарами (54 человека).

Крушинские – поляки. Фамилия зафиксирована в перечне старинных польско-литовских родов гербов Побог и Правдзиц, последний имел более позднее по времени, по сравнению с гербом Побог, возникновение – 1351 г. [31]. Поселения с названием Крушин, от которого и могла возникнуть фамилия шляхтичей Крушинских, как предполагаемое место их исхода, имеются как в Западной Белоруссии, так и в Польше. Таким образом, следует считать, что территорией исхода было Польско-Литовское государство. В числе тех, кто связан с владельческими деревнями под Тобольском в начале XVII в., носителей польских (польско-литовских) фамилий немного, всего шесть [13]: Косовецкий, Черный, Любимской, Низовский, Тычинский, Аршинский и Крушинские, а на пространстве от Старой Сибири вверх по Иртышу в сторону Вагая только две деревни хозяев с явно польскими фамилиями: Косовецкий, Крушинские. Здесь же есть Безсонко и Черный, но «Черный» могло быть и прозвищем, Безсонко, в Дозорной книге г. Тобольска

1624 г. записан как «Безсонко Жуков» [22. С. 10]. Не все казаки литовского списка получали земли. Рядовые с русскозвучащими фамилиями проживали в Тобольске, служили за жалованье. Часть казаков литовского списка, по всему принадлежавшая к более знатным по происхождению фамилиям или же имевшим более весомый военный опыт, получили земли. Среди них – Крушинские.

В Тобольске казаки «литовского списка» как обладавшие отличительным военным опытом чаще всего направлялись в наиболее сложные походы по разведыванию новых земель, сопровождению посольских служб, походы в степь и играли важную роль в освоении огромных восточных пространств Русского государства. «Список 1633 г.» по г. Тобольску дает возможность видеть те функции, которые выполняли казаки, в том числе и того самого «литовского списка»: отправлены «в Енисейск на житье», «с хлебными запасами в Мангазею» (и «по 142 г. – 1636 г. в Тобольске не бывали», т.е. не вернулись), в Тару (и также на 141 г. не вернулись), в поход «на кучумовых внучат», «на государевых изменников», «юртовских татар и колмыцких людей», в Мутные и Земляные реки, на Лену в новые земли, в Турухан – водяным путем, «в новые земли – на 3 года», а также в Обдор, Березов, Москву, оставшиеся в Тобольске – «на государевы рыбные ловли», в «ясачные волости для ясажного сбора», «в сибирские города за колодниками» [22. С. 28]. В некоторых источниках сохранились конкретные сведения о Крушинских, связанные с направлением их в отдаленные территории, что не содействовало укреплению их владельческой деревни и численному увеличению рода. В 1675 г. при выезде из Тобольска в Китай посольства Н.Г. Спафария, в Тобольской приказной избе была составлена роспись тобольских служилых людей, направленных с посольством, в их числе назван «казак литовского списку» «Митька Крушинский», на место которого (в «Список») направлен его брат двоюродный Микифорко сын Офонасьев» [32]. Есть сведения о Крушинских, попавшие в «Полное собрание законов Российской империи»: Иван Крушинский, в должности поручика конных казаков, направлен из Ямышевской крепости (на правом берегу Иртыша на территории современной Павлодарской области Казахстана) с командой солдат и служилых людей «для присмотра неприятельских лошадей казачей орды». События датированы 27 сентября 1727 г. При выполнении задания были отбиты и три русских «полоников» и взято 14 лошадей русских и барабинских. За «ними гнались сутки, но догнать не смогли», пало у отряда Крушинского шесть лошадей [33. С. 832].

Переход земель по речке Мостовой во владения Тобольской епархии стал причиной утраты владельческой деревни Крушинскими, которых мы находим в XVIII в. в деревне Полуяновой, основанной также в самом начале XVII в. посадскими людьми Полуяновыми. Расположилась она на противоположной стороне речки Стомак в 42 км от Тобольска. По четвертой ревизии населения в 1780-х гг. деревня Крушинская сохранилась, но в ней нет ни одного Крушинского. В то же время география их расселения в восточ-

ном направлении расширилась. В 1771 г. в станце Грачевском Усть-Каменогорской крепости числился и казак Крушинский [34].

Типичным явлением для владельцев деревень было попадание в категорию «дети боярские», где ни в одном списке Крушинские долгое время нам не встречались. Однако Переписная книга по г. Тобольску за 1754 г., называя крестьянина Степана Максимова, 67 лет, с сыном Петром, 15 лет, указывает, что это крестьянин... «отпущен на волю» «от бывшего сына боярского Гаврилы Крушинского» [22. С. 99]. Таким образом, представители Крушинских входили и в такой разряд, как «дети боярские», но принадлежность к нему утратили. Нельзя не учесть то, что этот служебный разряд был ликвидирован на государственном уровне. Однако отмечаем, что Крушинские являлись в определенное время собственниками земель и «владельческих» крестьян.

Молчалив относительно Крушинских XIX в., который для сибирского казачества стал переломным в связи с сокращением его контингента на территории Тобольской губернии, перенесения центра в г. Омск. В конце XIX в, согласно переписи 1897 г., в деревне Крушинской всего 8 дворов и в ней живут Ишимцевы (5 дворов), Локотковы (1 двор), Крушины (2 двора). Имена Крушинных: Яков Дмитриевич, Савелий Алексеевич, типичны для имен, встречающихся у Крушинских (Дмитрий, Яков, Алексей) [35. Д. 203. Л.1, 2 об.]. Крушины названы крестьянами, с пометкой «из бывших владельческих» [Там же. Л. 2 об.]. До этого Василий Осипов Крушин встречался в Переписной книге крестьян и разночинцев г. Тобольска второй и третьей ревизии, в 1763 г. было ему 55 лет, жил он в Тобольске с женой Екатериной, 40 лет, девичья фамилия ее Яркова, и дочерью Ириной, 17 лет [22. С. 10, 11]. Собственно, Крушинские в конце XIX в. жили в деревне Полуяновой в нескольких километрах от своей бывшей родовой деревни. В списках тобольского чиновничества Крушинских найти не удалось. Проживали в небольшом количестве они в деревне Полуяновой.

Деревня Полуянова оказалась в конце XIX в. на тракте [26. С. 121], который шел в восточном направлении, была многолюдна. В ней жили Полуяновы (более 20 дворов), Таскаевы (4 двора), Генераловы, Ковалевы, много поселенных в деревне ссыльных и вышедших из Тобольского тюремного замка (Архип Вангелевский, Терентий Гетманов, Тихон Юдонович, Арсений Супригин, Семен Манстолер, Фома Найда), и в этой же деревне – Крушинские (4 двора) [35. Д. 203. Л. 11–43]. Один двор – Павла Андреевича Крушинского, 30 лет, холостого. Три двора – семейных Крушинских, имеющих детей [Там же. Л. 43 об.]. Самая многочисленная семья Кузьмы Васильевича Крушинского, 55 лет, проживающего с женой Еленой Григорьевной, 55 лет, при них два сына – Семен и Терентий, дочь Мария. Семен уже был женат и имел сына Гаврилу [35. Д. 203. Л. 13 об.]. Вторая семья – Федора Афанасьевича, 40 лет, грамотного, окончившего приходское училище. Жил с женой, имел трех дочерей и двух сыновей. С ними проживала мать Федора – Мавра Ивановна [35. Д. 203. Л. 11]. Третий семейный Крушинский – Степан Федорович, 56 лет,

жил с женой Евдокией Яковлевной, 50 лет, и одним сыном – Василием Степановичем, 19 лет [Там же. Л. 25]. Общее число Крушинских, с учетом жен, составило 20 человек. Вот весь прирост Крушинских за целых три века. Явно отличала Крушинских грамотность, что особенно было заметно в среде неграмотного населения деревни Полуяновой.

Подворный список деревни Полуяновой за 1927 г., т.е. в год развертывания коллективизации, вновь показывает Крушинских в числе жителей деревни. Численность их несколько увеличилась. Находим девять семей Крушинских, и только одна семья Крушинского Семена Кузьмича дает ответвления в виде двух уже новых семей – Алексея и Дмитрия. Семен Кузьмич занимался торговлей скотом с 1907 по 1926 г., но узнаем мы об этом уже из документов НКВД 1937 г. [36. Д. 1065. Л. 9]. Несколько семей Крушинских проживали в деревне Бакшеевой, той же Бегишевской волости, к которой относилась деревня Полуянова. Семьи Крушинских по численности небольшие, в основном 2–3 ребенка, преобладают девочки. Среди детей: 6 мальчиков – 16 девочек. [37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–15]. Возможно, преобладание рождающихся девочек было родовой чертой Крушинских, что и привело к тому, что фамилия не получила широкого распространения и за несколько веков прирост Крушинских на пространстве Тобольского уезда был столь незначительным. На 1927 г. в Полуяновой Крушинских всего 35 человек с учетом жен и проживающих в некоторых семьях матерей. Появились семьи вдов, без глав семей [Там же. Л. 8–11]. Откуда вдовы – вопрос пока оставался без ответа. Семьи Крушинских на 1927 г. определялись как семьи середняков, но со значительными наделами земли: на семью – 21–28 десятин.

Предстоящая перед нами обидно упрощенная линия существования рода Крушинских, по переписным и похозяйственным книгам, извлеченным их архивов, показывала из века в век очень незначительные приросты численности носителей этой фамилии. Похозяйственные книги деревни Полуяновой начала советской эпохи отразили их земельные владения, социальный статус «середняков». И вдруг историческое существование по этим документам Крушинских прервалось на целых полтора десятилетия – сведения о Крушинских в похозяйственных книгах деревни Полуяновой исчезли. Вновь обозначившиеся во второй половине 1940-х гг. в деревне Полуяновой Крушинские представляли какое-то странное явление – одна семья с наличием мужчин, а остальные – женщины, вдовы. Первое, что приходило в голову при поиске ответа, – причины – в Великой Отечественной войне. Но вставал вопрос, почему и в 1930-е гг. о них вдруг переписи замолчали. Стремление понять исчезновение информации о Крушинских, длительное время не дававшее ни каких результатов, привело в архив РУ ФСБ по Тюменской области, где были найдены ответы на вопрос об исчезновении Крушинских на длительный период и появлении затем в очень ограниченном количестве, фактически ознаменовавшем конец исторического времени Крушинских.

Архивные материалы дали картину масштабной трагедии рода. Ее корни оказались связаны с тради-

ционной приверженностью Крушинских к военной службе, которую в начале XX в. они выполняли, участвуя в Первой мировой войне. Однако впоследствии в документах НКВД участие в Первой мировой стало определяться как служба в царской армии, как будто войны, в которой участвовало государство, просто не существовало, да и государственные мобилизации на войну не учитывались. Оставалась строка в следственном деле – служба в царской армии. После войны они стали участниками Белого движения, а затем – участниками восстания 1921 г. Восстание было масштабным явлением в истории Западной Сибири начала XX в. Р.С. Гольдберг пишет: «Восставших было около ста тысяч человек. Списков убитых в боях и стычках с регулярными частями... никто не составлял» [38. С. 11]. Больше всего документов отложилось о восстании в другом уезде – Ишимском. В «Докладе председателя Революционного военного трибунала Сибири Опарина» от 1921 г. можно найти причины, толкнувшие крестьян Западной Сибири к выступлению в 1921 г. В документе говорилось, что «Ревтрибунал Сибири по распоряжению Сибирского Революционного Комитета, в согласии с помглавкомом Сибири» рассматривал на месте дела «о повстанческом движении». При рассмотрении выяснилось, что «значительная доля вины в повстанческом движении падает на ненормальную постановку продовольственной работы в уезде вообще и не правильные и преступные действия отдельных лиц из числа продработников» [Там же. С. 12]. Были приведены примеры действий продработников: «Чрезвычайный Уполномоченный по продовольствию Соколов... наносил побои гражданам... производил конфискации разного рода имущества и скота, оскорблял крестьян матерной бранью... употреблял угрозы револьвером» [Там же. С. 13], «райпродкомиссар Гущин и начальник отряда Гуляев применяли при проведении разверстки оружие и пороли крестьян плетью», «продинструктор Гурман занимался конфискацией брюк в свою пользу», «продинструктор Яковлев без всяких оснований арестовывал граждан», «продработник Щукин во время разверстки бегал по улице с обнаженным пистолетом, арестовал 67 человек», «уполномоченный Контрольной тройки труда Кубанский употреблял при разверстке истязания, бил веревкой с громадными узлами и грозил револьвером» [Там же] и т.д. Острое противостояние проявилось в г. Тобольске, где новая власть стала применять массовые расстрелы. В мае 1921 г., по данным Тюменского губкома, в городе было расстреляно 200 человек [39. Д. 210 оц. Л. 71]. В материалах Тюменского Губкома партии большевиков особо отмечался размах выступлений в Бегишевской волости Тобольского уезда, где «крестьяне ожидали всеобщего восстания» [Там же. Д. 279 оц. Л. 41]. Бегишевская волость была территорией традиционного проживания казачьих семей, а в начале XX в. – их потомков.

В восстании 1921 г. от рук большевиков, как показал один из документов РУ ФСБ по Тюменской области, погиб Терентий Кузьмич, названный «активным участником бандитского восстания», он был «расстрелян красными в 1921 г.», в его биографии – служ-

ба в царской армии и чин старшего унтер-офицера. В восстании участвовал сын Семена, брата Терентия, – Дмитрий, исчез в это же время еще один сын Семена – Гаврила [36. Д. 1065. Л. 9, 44 об.]. Это исходное событие, которое и приводит к концу рода Крушинских. В начале XX в.: служили на военной службе, участвовали в войнах, прирастали чинами. Семен Кузьмич не воевал, но занимался торговлей, разводил и торговал лошадьми. В церкви был старостой.

Все это новая власть Крушинским не простила. На страницах архивных следственных дел социальный статус Крушинских линии Кузьмы Васильевича определяется как «зажиточный крестьянин-кулак», отмечались применение до революции наемного труда, наличие в хозяйстве значительного числа лошадей [Там же. Д. 1065. Л. 44 об.; Д. 1962. Л. 40]. Крушинский Дмитрий Семенович, 8.11.1898, из деревни Полуяновой, сын Семена Кузьмича, оказался под бдительным присмотром органов ОГПУ-НКВД. Учитывалось и чем отец занимался, и кем дядя был, и что сам Дмитрий в армии Колчака в 1918–1919 гг. рядовым служил, и то, что являлся участником восстания 1921 г. На протяжении 1920–1930-х гг. несколько раз был осужден: в первый раз – в 1926 г., затем – в 1932 г. – на 10 лет лагерей. Был досрочно освобожден. Однако в 1937 г. репрессирован, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян, по решению тройки от 11 марта 1938 г. [36. Д. Р-1962. Т. 1. Л. 41, 111, 133, 19]. В 1938 г. в один год скончались Крушинский Семен Кузьмич и его жена Наталья Ивановна [Там же. Д. 1065. Л. 9]. Причина одновременной смерти неизвестна.

Крушинский Иван Петрович, родившийся 14 сентября 1895 г., определенный уже в другом следственном деле 1938 г. как «кулак», использовавший наемный труд, причем как в дореволюционный, так и послереволюционный период, также отслужил в царской армии в 35-м пехотном полку в 1916–1917 гг. В 1919–1920 гг. служил в Белой армии. Принял участие в восстании 1921 г. По характеру участия в восстании определялся как «организатор бандвосстания». По решению тройки от 14 марта 1938 г. получил наказание в 10 лет ИТЛ [Там же. Д. Р-2793. Л. 2, 48–48 об., 49, 51 об., 52]. Его брат Крушинский Флор Петрович в 1937 г. проживал в Тобольске, родившийся 17 августа 1888 г., имел очень сложную по меркам того времени биографию. Получил образование в школе села Преображенского. В 1906 г. стал служить помощником волостного писаря, письмоводителем у крестьянского начальника. В 1909 г. взят служить в царскую армию, служил с 1909 по 1912 г. всего лишь старшим писарем. Вернулся и вновь оказался волостным писарем, но уже в 1914 г. был мобилизован в царскую армию, получил звание «заурядчиновник». В этом же чине оказался и в армии Колчака. В Белом движении был определен как «чиновник военного времени», службу продолжал в 1918–1919 гг. В 1920–1922 гг. пригосылся и новой власти, служил в Таре, в отделе допризывной военной подготовки Тарского военкомата. Но на протяжении 1930-х гг. стал подвергаться мерам воспитательного воздействия. В 1930 г. был посажен в Тобольскую тюрьму, освобожден в 1931 г. Стал проживать в Тобольске, работал плановиком Снабтех-

прома Облрыбтреста. Осенью 1937 г. арестован, расстрелян 10 октября 1937 г. [36. Д. Р-2032. Т. 1. Л. 140–142; Д. Р-2032. Т. 9. Л. 129–131]. В следственном деле – полное признание вины по всем предъявляемым обвинениям: признание наличия связей с лицами контрреволюционной деятельности, принадлежности к контрреволюционной группе из 13 человек, «вовлечение в группу нового числа членов из разложившихся враждебных лиц», специальное недоброкачественное выполнение работ, «чтобы качество работы не соответствовало действительному», «проведение подрывной и вредительской работы», «проявление враждебности против проводимых мер партии и правительства», признал и то, что «в случае войны против СССР хотели поднять восстание и свергнуть советскую власть» [Там же. Д. 1962. Л. 45–47].

В 1940 г. был арестован брат Дмитрия Даниил Семенович 1907 г. р., «с указанием, что “брат бандита, арестованного органами НКВД в 1937 г.”. Указано, что он являлся в 1923–1929 гг. колхозником, в 1929–1931 гг. служил в РККА, отбыл наказание в течение шести месяцев в 1936 г. «за халатность в работе» [36. Д. 1065. Л. 6 об.], которая заключалась в том, что выпал снег и «урожай гороха на участке в 2 га ушел под снег», а во втором случае, будучи уже животноводом, допустил падеж скота. Каждый раз наказание отбывал в колхозе [Там же. Л. 14 об.]. Третий раз был арестован уже за антисоветскую деятельность, выразившуюся в проявлении «недовольства советской властью и колхозным строем, за то, что «в похабной форме дискредитировал партию и правительство, и лично т. Сталина», «материл и срамил Сталина» [Там же. Л. 44]. Свидетельские показания дали «односельцы», а также жена Крушинская Прасковья Петровна, брат Алексей Семенович, который в тот период был председателем колхоза. Даниил был осужден Тобольским окружным судом 22 мая 1941 г. на 10 лет ИТЛ. Арестован был во время болезни крупозным воспалением легких, умер 1 августа 1943 г. в ИТЛ № 8 [Там же. Л. 65, 67, 68]. Реабилитирован посмертно 14 мая 1992 г. Реабилитация расстрелянных и направленных в лагеря, там и сгинувших Крушинских, за исключением павших в 1921 г., проведена в 1957–1958 гг.

Внук Кузьмы Васильевича, сын Терентия Кузьмича Крушинского, Степан Терентьевич, 1909 г. р., рано остался сиротой – отец убит красными в 1921 г., матери тоже не было. Грамотный Степан стал секретарем комсомольской организации деревни Полуяновой, женился, родилась дочь. Но в его судьбу вмешалось следующее обстоятельство. Уральский комитет содействия народностям северных окраин, а Тобольск в тот период относился к Уральской области, принял решение 28 февраля 1932 г. направить комсомольскую научную экспедицию в Ямальский округ, выезд был намечен на 5 марта, срок работы 4–5 месяцев [40]. Дело было важным и находилось в русле государственной линии, реализуемой в отношении северных территорий Президиумом ВЦИК. Комитет содействия народностям Севера определил территории работы: одна из трех – Крайний север европейской части СССР, Урал, Зауралье. Подразделение Уральского комитета находилось в Тобольске. В условиях разво-

рачивающегося воздействия на его ближайших родственников Крушинский Степан Терентьевич отправился в экспедицию. Полагаем, что это была попытка бегства от складывающихся обстоятельств. Экспедиция была совершена на территорию Новой Земли, где основная часть экспедиции, в том числе и Степан Крушинский за очень короткий период времени погибли от цинги. Тела их были «захоронены» в вечной мерзлоте. В то место, где погибли члены экспедиции, в 1943 г. вновь выезжали по какой-то надобности, и в ледниковой могиле, яме или просто на льду, где были упокоены умершие, были вновь осмотрены тела участников предыдущей экспедиции.

В годы Великой Отечественной войны Крушинских в деревне Полуяновой не было [37. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–8]. В 1946 г. в деревне обозначился только Крушинский Иван Федорович 1880 г.р., с женой Варварой Федоровной 1887 г.р., сыном и дочерью [35. Оп. 2. Д. 23. Л. 7], что свидетельствует о том, что наряду с репрессиями против значительной части Крушинских последовало принудительное выселение остальных. К концу 1950-х гг. Крушинских – 10 человек, представляющих 7 семей с преобладанием лиц женского пола. Много семей неполных, и если судить по отчествам, то можно говорить только о сохранении одной семьи Ивана Федоровича и его потомков. Иван Федорович и Варвара Федоровна в возрасте и фактически доживали свою жизнь, их сын Алексей Иванович указан как инвалид Великой Отечественной войны [37. Оп. 2. Д. 69. Л. 43–44].

Репрессии 1930-х гг. уничтожили ядро рода Крушинских. Послевоенные события отразили дальнейшее уменьшение представителей этого рода. Последней жительницей села с фамилией Крушинская стала Матрена Ивановна, дочь Ивана Федоровича, 1922 г.р. Крушинских в деревне Полуяновой не осталось.

Таким образом, Крушинские в силу внешних обстоятельств оказавшиеся в Сибири в самый начальный период ее заселения, на протяжении ряда веков выполняли сложную государственную службу, специализируясь преимущественно на военной службе. Длительное время относились к специфической категории казачества казаки «литовского списка», отличавшегося военными навыками, и использовались в наиболее сложных операциях, походах. Этот служилый разряд исчез в первой четверти XVIII в. Обладание владельческой деревней оказалось недолговременным в силу колонизации местарасположения деревни Тобольской епархией. Соотнося данное явление с ростом населения Сибири, можно утверждать, что те, кто закрепился в крае в деревнях, имел длительное продолжение во времени, но не всегда значительное численное приращение. Утрата владельческой деревни привела к переселению в близлежащую деревню. Нельзя не отметить, что интенсивность казачьей службы с направлением в отдаленные экспедиции, а также на поселения в другие вновь осваиваемые земли обусловили медленный прирост численности рода. Численный рост рода Крушинских, прослеживаемый по месту их основного проживания – Бегишевская волость Тобольского уезда, – за весь исторический период незначителен. Наибольшая численность падает на конец

1920-х гг. Прекращение существования рода Крушинских в Западной Сибири приходится на 1930–1940-е гг. и обуславливается сталинской репрессивной политикой, непосредственно затронувшей и Крушинских, с приговорами в виде высшей меры наказания и лагерей. Основаниями привлечения Крушинских к репрессиям стало их материальное положение – наличие крепких крестьянских хозяйств и сохранение приверженности военной службе. Крепкое материальное положение, наличие значительных наделов земли в условиях смены власти толкнули Крушинских, как и основную часть потомков казачества, на выступление против советской власти в восстании

1921 г. В рамках сталинских репрессий все это и стало основанием конца исторического существования рода. Нерепрессированные были подвергнуты принудительному переселению из деревни. В послевоенный период в месте многовекового проживания Крушинских появилась только одна семья, с которой связано некоторое время существование Крушинских. Устойчивые семейные очаги, состоящие из нескольких поколений, исчезли, что в конечном итоге привело к их исчезновению в месте многовекового проживания. В 1950-е гг. перестала существовать и деревня с названием «Крушинская». В XX в. известно всего одно надгробие, на котором зафиксирована такая фамилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кром М.М. Историческая антропология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб. ; М. : Изд-во Европейск. ун-та в СПб. ; Квадрига, 2010. 214 с.
2. Неклассическое наследие. Андрей Поляков / отв. ред. И.М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 704 с.
3. Балюк Н.А. Русские старожилы Западной Сибири (по данным массовых статистических источников XVII–XVIII вв.) // Вторые Тюменские Родословные чтения : материалы и тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2002. 240 с.
4. Панишев Е.А. Преемственность поколений старожильского населения Тобольского уезда // Пятые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2005. 206 с.
5. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории». История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
6. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
7. Репина Л.П. Личность и общество или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
8. Баикина А.И., Рябухина Т.В. История западно-сибирского рода Чикишевых // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские родословные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Баикиной ; отв. ред. Г.Ю. Колева. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 266 с.
9. Баикина А.И., Баикина Ю.О. История крестьянского рода Чарковых // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские родословные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Баикиной ; отв. ред. Г.Ю. Колева. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 266 с.
10. Злыгостев Н.Г. Из истории старинного казачьего рода Тобольских Копыловых // Шестые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2006. 230 с.
11. Злыгостев Н.Г. История крестьянского рода Балуевых // Восьмые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2008 г. Тюмень : Вектор Бук, 2008. 228 с.
12. Злыгостев Н.Г. К истории сибирских деревень // Седьмые Тюменские родословные чтения: материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 232 с.
13. Тобольский уезд. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lfnf> (дата обращения: 20.07.2016).
14. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков : Типография губернского правления, 1893. 320 с.
15. Колева Г.Ю. Судьбы владельческих деревень близ Тобольска служилых людей первой волны (XVII–XIX вв.) // Тобольск научный-2013 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, Россия, 25–26 октября 2013 г. Тобольск : Тобольская типография, филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. 406 с.
16. Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Издание императорской археографической комиссии. СПб. : Типография Н.Н. Скороходова, 1900. 395 с.
17. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии районов Сибири и Средней Азии / сост. Г.Е. Катанаев. СПб. : Тип-фия В.А. Тихонова, 1908. Вып. 1. 115 с.
18. Преображенский А.А. Урал и западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. М. : Наука, 1972. 391 с.
19. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука, 1986. 281 с.
20. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткие очерки) / под ред. А.П. Яркова. Тюмень : Экспресс, 2010. 182 с.
21. Ромодановская Е.К. Синодик Ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Известия СО АН СССР. Сер. Общественные науки. 1970. Вып. 3, № 11. С. 14–21.
22. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1885. 144 с.
23. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень : Типография А.А. Крылова, 1901. 72 с.
24. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. «Книги». Д. 3. Л. 85.
25. Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек и достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска. URL: <http://www.vostlit.info/Text/rus16/Miller-41/> (дата обращения: 20.07.2016).
26. Зверинский В.В. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 60. Тобольская губерния. СПб. : Типография МВД, 1871. 478 с.
27. 1710: Переписная книга Тобольского уезда переписи Тобольского дворянина Алексея Струнина // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1493. Л. 32 об. URL: http://census1710.ru/perepis/214_1_1493.htm (дата обращения: 16.07.2016).
28. Книги именные тобольским ружникам и дворянам и детям боярским и подьячим и литовского и новокрещенного списков и конных и пеших казаков // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 201. URL: <http://forum.vgd.ru/602> (дата обращения: 16.07.2016).
29. Переписные книги г. Нерчинска за 1685–1721 гг. // РГАДА. Сибирский приказ. Стб. № 1697. Л. 27. URL: <http://elan-kasak.org/forum/> (дата обращения: 16.07.2016).
30. Колева Г.Ю. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. Октябрь. С. 127–136.
31. Гербы польской шляхты. Побог (герб); Правдзиц (герб) // Википедия. URL: Wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 16.07.2016).

32. Роспись тобольским детям боярским и литовского списку и конным и новокрещенным казаком толмачю и кречатым помощником, которые посланы в Китайское государство с посланником с Николаем Спафарии // РГАДА. Ф. Сношение России с Китаем. Оп. 1. Кн. 3. Л. 230 об. URL: <http://www.vostlit.info/Text/Documenty/> (дата обращения: 18.07.2016).
33. Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825 гг. / под ред. М.М. Сперанского : в 50 т. СПб. : Изд-во Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 16. 28 июня 1762–1765 гг. 1120 с.
34. Гарнизон Усть-Каменогорской крепости. 1771 г. URL: <http://forum.vgd.ru/post/17/3490/> (дата обращения: 18.07.2016).
35. Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал (далее – ГАТО ТФ). Ф. И-417. Оп. 2.
36. Архив (регионального управления) РУ ФСБ РФ по Тюменской области. Ф. 5. Оп. 38.
37. ГАТО ТФ. Ф. 299.
38. Гольдберг Р.С. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук ВЧК-ОГПУ-НКВД в годы «красного террора» (Тюменская область) : в 3 т. Тюмень : Тюменский курьер, 2004. Т. III. 408 с.
39. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. Оп. 1.
40. ГАТО ТФ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 202. Л. 29.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 июля 2017 г.

HISTORICAL EVOLUTION OF TOBOLSK COSSACK KINS (THE 17TH–20TH CENTURIES) (ON THE EXAMPLE OF THE KRUSHINSKY KIN)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 90–99.

DOI: 10.17223/15617793/423/12

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: kin; serving people; Cossacks of Lithuanian list; population; peasants; village; repressions; Tobolsk Province.

The article considers the evolution of the Tobolsk Cossack kin of Krushinsky throughout centuries on the basis of the sources first introduced for the scientific use: household and farmstead censuses of the Krushinskaya and Poluyanovaya villages of Begishevskaya Volost of Tobolsk Uezd, documents of the Tobolsk Committee of the North, investigative cases of the Archive of the Regional Department of the Federal Security Service of the Russian Federation of Tyumen Oblast. The relevance of studying this phenomenon is connected with the Krushinsky kin belonging to the first settlers of Siberia, and also to the peculiar Siberian phenomenon i.e. to “Cossacks of the Lithuanian list”. Cossacks of the Lithuanian list made an elite military unit and were engaged in the performance of the most difficult orders, in the development of the control system of Siberia. The Krushinskys act as representatives of a rather rare phenomenon for Siberia: they were owners of possessory villages. The aim of the article is to track the duration of Cossacks’ (as a component of the population of Siberia that were first to settle on the territory) time after its accession to the Russian state. In the course of the research the author comes to conclusions about the Krushinskys’ specialization on military Cossack service, active participation in the development of Siberia, resettlement in new flagship points and outposts throughout centuries. Ownership of a possessory village was not long, owing to the colonization of the location of the village by the Tobolsk Diocese. Loss of the possessory village led to a resettlement to a nearby village. The intensity of the Cossack service with remote expeditions caused the slow growth of the kin. The numerical growth of the Krushinsky kin traced in the place of their main accommodation for the whole historical period was not considerable. The greatest representation of the kin dates back to the end of the 1920s. There was a sharp reduction of the Krushinsky kin in Siberia in the 1930s–1940s, which was caused by the Stalin repressive policy which affected the kin immensely. In the conditions of the change of the power, the good financial position, considerable plots of land pushed the Krushinskys, as well as the main part of the Cossack descendants, to fight against the Soviet power in the West Siberian Revolt of 1921. This circumstance along with the participation in World War I was the basis of repression and became the end of the historical existence of the Krushinsky kin. Those who were not victims of political repressions were subjected to forced resettlement. During the post-war period the steady family centers consisting of several generations disappeared, which finally led to their disappearance in the place of centuries-old residence.

REFERENCES

1. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical anthropology]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow: European University in St. Petersburg; Kvadriga.
2. Savel'eva, I.M. (ed.) (2011) *Neklassicheskoe nasledie. Andrey Polyakov* [Non-classical heritage. Andrey Polyakov]. Moscow: HSE.
3. Balyuk, N.A. (2002) [Russian old-timers of Western Siberia (according to mass statistical sources of the 17th–18th centuries)]. *Vtorye Tyumenskije Rodoslovnye chteniya* [Second Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
4. Panishev, E.A. (2005) [Continuity of generations of the old-timer population of Tobolsk Uezd]. *Pyatye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Fifth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
5. Repina, L.P. (2005) Ot “istorii odnoy zhizni” k “personal'noy istorii” [From the “history of one life” to “personal history”]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
6. Belen'kiy, I.L. (2005) Biografiya i biografika v otechestvennoy kul'turno-istoricheskoy traditsii [Biography and biographics in the national cultural and historical tradition]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
7. Repina, L.P. (2005) [Personality and society or history in biographies]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
8. Baikina, A.I. & Ryabukhina, T.V. (2013) [History of the West Siberian kin of the Chikishevs]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Problems of preservation of historical memory. Tenth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 27–28 September 2013. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University. (In Russian).
9. Baikina, A.I. & Baikina, Yu.O. (2013) [History of the peasant kin of the Charkovs]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Problems of preservation of historical memory. Tenth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 27–28 September 2013. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University. (In Russian).
10. Zlygostev, N.G. (2006) [From the history of the ancient Cossack kin of the Tobolsk Kopylovs]. *Shestye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Sixth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
11. Zlygostev, N.G. (2008) [The history of the peasant kin of the Baluyevs]. *Vos'mye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Eighth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 16–17 November 2008. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
12. Zlygostev, N.G. (2007) [To the history of Siberian villages]. *Sed'mye Tyumenskije rodoslovnye chteniya* [Seventh Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).

13. Wikipedia.org. (n.d.) *Tobol'skiy uезд* [Tobolsk Uezd]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lfnf>. (Accessed: 20.07.2016).
14. Butsin'skiy, P.N. (1893) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
15. Koleva, G.Yu. (2013) [Destinies of the possessory villages near Tobolsk of servicemen of the first wave (the 17th–19th centuries)]. *Tobol'sk nauchnyy-2013* [Scientific Tobolsk-2013]. Proceedings of the all-Russian conference. Tobolsk, Russia. 25–26 October 2013. Tobolsk: Tobol'skaya tipografiya, filial OAO "Tyumenskiy izdatel'skiy dom". (In Russian).
16. Imperial Archaeographic Committee. (1900) *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Sibirskie letopisi* [Complete collection of Russian chronicles. Siberian chronicles]. St. Petersburg: Tipografiya N.N. Skorokhodova.
17. Katanaev, G.E. (ed.) (1908) *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii rayonov Sibiri i Sredney Azii* [West-Siberian service Cossacks and their role in the exploration and occupation of the regions of Siberia and Central Asia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya V.A. Tikhonova.
18. Preobrazhenskiy, A.A. (1972) *Ural i zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVII v.* [Urals and Western Siberia in the late 16th – early 17th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Skrynnikov, R.G. (1986) *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Siberian expedition of Ermak]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka.
20. Yarkov, A.P. (ed.) (2010) *Kazaki Tyumenskogo regiona ot Ermaka do nashikh dney (kratkie ocherki)* [Cossacks of the Tyumen region from Ermak to our days (short essays)]. Tyumen: Ekspres.
21. Romodanovskaya, E.K. (1970) Sinodik Ermakovym kazakam (predvaritel'noe soobshchenie) [Obituary to Ermak Cossacks (preliminary report)]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Obshchestvennye nauki*. 3:11. pp. 14–21.
22. Naydenov, N.A. (ed.) (1885) *Tobol'sk. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk. Materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova.
23. Znamenskiy, M.S. (1901) *Istoricheskie okrestnosti goroda Tobol'ska* [Historical surroundings of the city of Tobolsk]. Tyumen: Tipografiya A.A. Krylova.
24. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (*Sibirskiy prikaz*). Opis "Knigi" [Siberian Order. Inventory "Books"]. File 3. Page 85.
25. Miller, G.F. (c. 1734) *Opisanie gorodov, krepostey, ostrogov, slobod, sel, dereven', ostrovov, rek, rechek i dostoprimechatel'nostey na reke Irtyshe i vozle nego vverkh ot goroda Tobol'ska* [Description of cities, fortresses, jails, settlements, villages, islands, rivers and sights on the Irtysh River and near it up from the city of Tobolsk]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text4.phtml?id=10283. (Accessed: 20.07.2016).
26. Zverinskiy, V.V. (1871) *Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. 60. Tobol'skaya guberniya* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 60. Tobolsk Province]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
27. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1493. Page 32 rev. 1710: *Perepisnaya kniga Tobol'skogo uезда perepisi Tobol'skogo dvoryanina Aleksey Strunina* [1710: The census book of Tobolsk Uezd of the census of the Tobolsk nobleman Alexei Strunin]. [Online] Available from: http://census1710.ru/perepis/214_1_1493.htm/. (Accessed: 16.07.2016).
28. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1376. Page 201. *Knigi imennyye tobol'skim ruzhnikam i dvoryanam i detyam boyarskim i pod'yachim i litovskogo i novokreshchennogo spiskov i konnykh i peshikh kazakov* [Books of names of the Tobolsk ruzhniks, noblemen, boyar children, servicemen, and horse and foot Cossacks of the Lithuanian and newly baptized lists]. [Online] Available from: <http://forum.vgd.ru/602>. (Accessed 16.07.2016).
29. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). *Sibirskiy prikaz* [Siberian Order]. Column 1697. Page 27. *Perepisnye knigi g. Nerchinska za 1685–1721 gg.* [Census books of Nerchinsk for 1685–1721]. [Online] Available from: <http://elan-kasak.org/forum/>. (Accessed: 16.07.2016).
30. Koleva, G.Yu. (2014) Service class people of Siberia: Cossacks of the "Lithuanian List". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 127–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/387/19
31. Wikipedia.org. (n.d.) *Gerby pol'skoy shlyakhty. Pobog (gerb); Pravdzits (gerb)* [Coats of arms of the Polish gentry. Pobog (coat of arms); Prawdzic (coat of arms)]. [Online] Available from: <http://wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 16.07.2016).
32. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund *Snoshenie Rossii s Kitaem* [Relations of Russia with China]. List 1. Book 3. Page 230 rev. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Text/Documenty/>. (Accessed: 18.07.2016).
33. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. 1649–1825 gg.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1649–1825]. Vol. 16. St. Petersburg: Izd-vo Sobstvennoy ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
34. Anon. (1771) *Garnizon Ust'-Kamenogorskoy kreposti. 1771 g.* [The garrison of the Ust-Kamenogorsk fortress. 1771]. [Online] Available from: <http://forum.vgd.ru/post/17/3490/>. (Accessed: 18.07.2016).
35. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund I-417. List 2. (In Russian).
36. Archive (of the Regional Administration) of the FSB of the Russian Federation for Tyumen Oblast. Fund 5. List 38. (In Russian).
37. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund 299. (In Russian).
38. Gol'dberg, R.S. (2004) *Kniga rasstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk VChK-OGPU-NKVD v gody "krasnogo terrora" (Tyumenskaya oblast): v 3 t.* [The book of the shot. The martyrology of the killed by the Cheka-OGPU-NKVD in the years of the "Red Terror" (Tyumen Oblast): in 3 vols]. Vol. 3. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
39. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast. Fund 1. List 1. (In Russian).
40. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund 695. List 1. File 202. Page 29. (In Russian).

Received: 02 July 2017

РОССИЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ХИВИНСКОМ ПЛЕНУ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматривается проблема русских пленников в Хивинском ханстве. На базе архивных материалов представлен собирательный образ пленника, собраны сведения о быте в Хивинском плену, о выкупе пленников. Анализируется значение данного вопроса для взаимоотношений Российской империи и Хивинского ханства. Изучение вопроса позволяет более полно представить картину русско-хивинских отношений, а также подробно рассмотреть один из аспектов проводимой внешней политики России в регионе.

Ключевые слова: Средняя Азия; Хива; ханства; Российская империя; пленники.

Осознание важности и необходимости решения хивинского вопроса правительством России сформировалось после неудачного похода А. Бековича-Черкасского, а также ряда неудачных дипломатических миссий середины XVIII в. (например, поездка Гладышева и Муравина, миссия майора Бланкеннагеля [1, 2]). В 1740 г. четко обозначается необходимость военной экспансии в Хиву, а также подчеркивается зависимость среднеазиатской торговли от Российской империи. В источниках отмечается перспектива дальнейшего развития торговли и заинтересованность ханств в торговых отношениях, однако выстраивание торговых отношений может быть затруднено тем, что правительство Хивы ожидает от Российской империи мести за князя Бековича: «Опасаясь, дабы по времени когда его Императорское величество пожелает учинить отмщение [как все чаяли в бытность там посланникову] над землею хивинскою» (здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены) [3. Л. 15–16].

Российская общественность ждала карательной экспедиции в Хиву от нового государя. Не могло быть речи об успешной коммерции, пока с Хивой и Бухарой не будет заключен дружественный договор, что в свою очередь невозможно, так как повредит авторитету Российской империи: «Однако ж сие примирение с Хивою народу российскому поставится в немалое умаление славы при тамошних народах, и не будет от них почитано мужество российское» [Там же. Л. 17].

Таким образом, военная экспансия в Хиву уже с середины XVIII в. представлялась лишь вопросом времени. Ключевой причиной экспедиции называлось обеспечение безопасной торговли с Индией путем пресечения грабежей караванов и убийств купцов, а также восстановление авторитета страны после неудачного похода 1714 г.

Однако в начале XIX в. в качестве важнейшей причины военного похода в Хиву называется проблема русских пленников в ханстве, хотя в источниках XVIII в. этот вопрос освещается слабо или не ставится вообще. Несмотря на это, вплоть до 1839 г. правительство Российской империи продолжает избегать открытых военных конфликтов и снаряжает в Хиву и ханства мирные экспедиции и дипломатические миссии, которые зачастую не дают желаемых результатов.

К началу XIX в. ситуация в данном регионе обостряется из-за появления новой силы. Интерес России к Индии и попытка решения в данном контексте

Хивинского вопроса не могли не привлечь внимание Англии.

В 1804 г. генерал от кавалерии и Оренбургский военный губернатор князь Волконский продолжает считать ключевой причиной в необходимости решения хивинского вопроса грабежи русских караванов. Он оценивал огромный экономический ущерб, нанесенный киргизами, отмечая, что «грабители киргизы почти всегда нападают на российские [караваны], и что бухарские, хивинские и другие народы [торговые караваны] пропускают свободно. Грабили же их только тогда, когда знали что в них находились товары российских купцов <...>. Сии обстоятельства ведут к догадкам, что ограбление наших караванов не одна хищность киргизов производила, но едва ли они не научаемы и подстрекаемы к сему были всегда от хитрых хивинцев и бухарцев» [4. Л. 75–80].

Оценка экономического урона, наносимого киргизами под протекторатом хивинцев, приводит князя к выводу о необходимости создания экспедиции.

Таким образом, в 1805 г. Российская империя была готова совершить карательную экспедицию против киргизских грабежей в других условиях и путем военной хитрости подчинить Хиву.

Тем не менее по ряду внешнеполитических причин, связанных с Наполеоновскими войнами, поход был отложен более чем на 30 лет.

18 марта 1813 г. Комитет министров принял официальное решение о необходимости всемерного развития торговли со странами Востока, в том числе со среднеазиатскими ханствами. В целях улучшения организации отношений России со странами Востока в 1819 г. в структуре Министерства иностранных дел был создан Азиатский департамент, а также Азиатский комитет при Комитете министров.

В том же 1819 г. в Хиву для переговоров из Петербурга был отправлен Николай Муравьев, опубликовавший после поездки «Путешествие в Туркмению и Хиву» (1822) [5]. В ходе этой миссии хану в очередной раз была предложена дружба: «Главкомандующий наш, желая вступить в тесную дружбу с Вашим Высочеством, хочет войти в частые сношения с вами. Для сего должно сперва, утвердить торговлю между нашим и вашим народами в пользу обеих держав» [Там же. С. 27].

Однако хивинцев удовлетворяли сложившиеся отношения с Россией. Хан не стремился увеличить оборот торговли, что в свою очередь не обязывало его к

установлению дружеских связей с Россией. Хива избегала открытой конфронтации, но при этом довольно ловко избегала и дружбы. Это позволяло с уверенностью продолжать протекционистскую политику рынка, закрытого от русских купцов, а также содержать русских пленников, о которых мы впервые видим множество сообщений именно у Н. Муравьева: «Русских считается в Хиве до трех тысяч, их доставляют Киргизы схватывая на Оренбургской линии; <...> Какой то русской подводя мне лошадь шепотом ругал Хивинцев за неловкость их в приводе лошади. Ехавши через Хиву, я видел во многих местах несчастных соотечественников наших собравшихся в особенные толпы, они кланялись мне, и называли своим избавителем. <...> Один из них шел долго подле моей лошади, и когда я оборотился к нему, сказал мне: господин Посланник примите мое усерднейшее почтение, и не забудьте нас несчастных по возвращении вашем в отечество; по виду его мне казалось, что он не из простолудинов» [5. С. 43].

Таким образом, именно Н. Муравьев впервые поставил вопрос о нахождении подданных Российской империи в Хиве. Благодаря его сообщениям вопрос о пленниках стал угрозой Российскому авторитету и впервые вышел в первые ряды причин необходимости военной экспансии.

Однако это не означает, что до визита Муравьева в Хиву российское правительство не знало о пленных. Как показывают данные неопубликованных источников, правительство знало о данной проблеме, но не придавало ее огласке.

В 1799 г. к Астраханскому губернатору Захарову прибыли «магишлакский трухменец Мамет Нияз Наубетбакиев и хивинец Паланкуль Бабаев». Они объявили губернатору, что «по бытности его [Наубетбакиева] в Хиве выкупил он находившихся там, в плену, россиян одиннадцать человек и Бабаев одну колонистку и привезли в Астрахань, прося возврата от казны уплаченным ими за каждого человека денег всего 3220 рублей» [6. Л. 1–5].

Губернатор пишет отчет, в котором высказывает сомнения относительно необходимости выкупа привезенных людей из хивинского плена: «Нашел я, что они есть люди старые, от тамошнего порабощения крайне изнуренные и уже учинившиеся неспособными к понесению дальнейших трудов, возлагаемых на них поработителями. Следовательно, и выкуплены они не по преданности к России (как говорят искупители), но по негодности их к рабству и ради получения за них окупа. <...> Ясно я вижу ухищрения трухменца и хивинца и никак не могу поверить, чтобы заплачены были такие деньги. Но сам собою на решимость с ними поступить не осмеливаюсь. Следует ли отдать требуемую сумму? Ограничение в летах и поле, может быть, произведет ту пользу, что станут возить из плена и молодых людей, которые отечеству своему еще будут годны? Или пресечет надежду выторговать в ущерб казны большие деньги в поощрение самих хищников».

Таким образом, правительство особо не видело смысла в спасении людей, если они не могли послужить службу отечеству в дальнейшем и платить за

них деньги, опасаясь дальнейшего вымогательства. Кроме того, источник также показывает, что даже рядовой астраханский губернатор был в курсе, что в Хиве содержатся и молодые пленники. Однако никаких мер или даже попыток по решению данного вопроса не наблюдалось до тех пор, пока отчет Муравьева не придавал ситуации всеобщую огласку. С этого момента знание большинства о неспособности и нежелании правительства возвращать из плена своих подданных стало угрозой авторитета Российской империи.

Здесь стоит обратиться к делу «О враждебном отношении Хивинского хана к России». Султан младшего жуза Арынгази-хан, ищущий сближения с Россией, сообщает о бесчинствах хивинского хана, а также обращается к России за помощью: «Полагаю я, что кочевье наше по Сыр-Дарье расположенное от нас будет отнято, и там впредь зимовье иметь нельзя; что предавая в вид Вашего Высокопревосходительства прошу к избежанию того дать какие-либо способы; ибо о сем кроме покровительства Вашего от других подпоры и защиты изыскивать я не в состоянии, и <?> прошу не отторгнуть нас от милости Вашей, в чем весь народ имеет надежду на милость Вашу» [7. Л. 1–22].

Арынгази уверен, что своими поступками по захвату киргизских владений, находящихся «в подданстве и под покровительством Всемиловейшего Государя Императора Всероссийского» [Там же. Л. 7], хан навлекает на себя государственный гнев и, как следствие, свою гибель.

Действительно, описываемые в данном документе события выходят за рамки дозволенного хану. И если Российское правительство мирилось с содержанием пленников и проблемой торговли, то с открытой протекцией захватчикам примириться было нельзя.

До 1836 г. положение дел не менялось. Хивинский хан продолжал поощрять захватническую политику в киргизских степях, покупку захваченных в плен российских подданных, а также избегать прямого сотрудничества с Россией. Это привело к тому, что в 1836 г. Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский пишет хану знаменитое письмо в ответ на заявленные действия хивинского хана с требованиями [8. Л. 59–61].

«С незапамятных времен и поныне Ханы Хивинские делами и поступками своими сами себя изобличали в глубокой вражде к России. Об этом можно бы говорить много, но довольно будет припомнить то, что делается еще и поныне» [Там же. Л. 59].

Данное письмо является ультиматумом и последней попыткой мирного урегулирования взаимоотношений между Россией и Хивой. Именно в нем впервые в истории вопрос о пленных выходит на первое место:

«1. Хива содержит пленников Русских в большом количестве, а как войны между Россией и Хивою никогда объявлено не было, то и Русских не должно бы находиться в плену.

2. Хивинцы начинают распоряжаться в степи Кайсацкой как дома; собирают подати с Киргизов и купцов наших.

3. Ни один купец, ни же путник наш не смеет показаться в Хиву по тому, что нарушая народные пра-

ва, Хивинцы встречают гостей своих ножом, ядом, или кандалами невольника. Между тем Хивинские купцы доселе свободно разъезжали по всему Российскому Государству» [8. Л. 59–61].

Данные требования отражают сложившуюся ситуацию, которую можно было наблюдать в российско-хивинских взаимоотношениях на протяжении многих лет. Также они подтверждают слова Арынгази о расширении хивинских владений в степи. Все эти действия, прямо или косвенно направленные против России, Перовский очень точно характеризует «безрасудною враждою».

Здесь стоит отметить, что требования России были подкреплены решительными действиями по единовременному аресту всех хивинских купцов в России с их имуществом. Это действие стало ответом на содержание пленных в Хиве и подразумевало обмен пленными, как при ведении военных действий: «Вышлите всех пленников Русских и тогда будем переговариваться. Тогда возвратят Ваших всех задержанных теперь здесь купцов Хивинских, возвратят и все товары им» [Там же].

Россия вновь предприняла попытку дипломатического урегулирования конфликта, пытаясь воззвать к разуму хана: «Россия не нуждается в торговле с Хивою, но Хива без торговли с Россией обойтись не может. Хива не может быть без меди, железа, чугуна и других произведений природы и рук подданных Российского Государя <...> у вас без нашей торговли не будет ни денег, ни товаров» [Там же. Л. 59].

По мнению Перовского, введение подобных жестких торгово-экономических санкций должно было повлиять на Хиву. При этом Перовский продолжал среди первостепенных требований называть освобождение пленников: «Если хотите еще вовремя опомниться, то вышлите немедленно всех Русских пленников и дайте слово свое, вести себя впредь мирно и дружелюбно, не поощряйте грабежей и разбоев, не мешайтесь в управление Кайсацкого народа; дайте подданным Императора Всероссийского те же права у Вас, какие Он дает у себя Вашим, и старое будет забыто» [Там же. Л. 60].

В Декларации, изданной 14 ноября 1839 г., были изложены причины, побудившие императора повелеть предпринять военную экспедицию против Хивы: «Цель сей экспедиции состояла в том, чтобы силою оружия заставить Хивинцев исполнить справедливые требования Российского Правительства, освободить томившихся в Хиве Русских невольников, прекратить грабежи и насилия, производившиеся близ границ Империи, и обеспечить на будущее время права пользы Российских подданных» [9. Л. 249–250].

Таким образом, основными задачами похода, определенными на заседании особого комитета Азиатского департамента в марте 1839 г. были прекращение набегов хивинцев на подвластные Российской империи территории, освобождение российских пленников в Хивинском ханстве, а также обеспечение безопасной торговли и исследование Аральского моря [10. С. 91–93].

Однако поспешность проведения Хивинского похода 1839–1840 гг. в действительности была обусловлена нарастающей конкуренцией России и Англии в регионе.

Российское правительство консультировалось с Английским кабинетом касательно Хивы и начала экспансии, мотивируя ее вышеперечисленными причинами: «Для предупреждения всяких неосновательных опасений <...> действия наши противу Хивы не имеют ничего общего с последними переговорами в Афганистане» [11. Л. 2–9]. Здесь имеется в виду командирование в конце 1837 г. в Афганистан состоявшего при Перовском поручика Я. В. Виткевича.

«Хивинская экспедиция должна была обратить на себя внимание Английского правительства, тем более, что она предпринята была вслед за экспедицией их в Афганистан. Слова Его Величества послужили к совершенному успокоению Английского правительства» [12. Л. 1–6].

Таким образом, произошло разделение сфер влияния Англии и России в Центральной Азии, где Афганистан закреплялся за Англией, а Хива постепенно должна перейти под влияние России.

Несмотря на военный провал русской экспедиции, английские шпионы Эббот и Шекспир все же склонили хана Аллакули издать указ от 19 июля 1840 г., которым под страхом смертной казни запрещалось поданным хивинским впредь навсегда грабить и похищать русских [9. Л. 249–250].

Подобное давление на решение хана обеспечивало безопасность Хивы от вторжения русских. Отсутствовала новая официальная причина начала вооруженного наступления, что развязывало руки английским агентам на дипломатическом поле азиатских ханств.

Через месяц караван с русскими пленными из Хивы в числе 416 человек прибыл в Н. Александровское укрепление, откуда морем был отправлен в городок Гурьев, а оттуда пленные препровождены были в Оренбург. На пленных были заведены дела и заполнены анкеты, сохранившиеся в Оренбургском архиве [13].

Представленный ниже статистический анализ одиннадцати дел хивинских пленных, обнаруженных в деле «О посылке миссии в Хиву под начальством капитана Никифорова» [Там же. Л. 27–48], является уникальным источником, показывающим исследователям среднестатистический портрет пленника, условия его пленения, содержания, общественного положения и социального статуса.

Этот источник не единственный в своем роде. Подобный анализ мы встречаем в статье «Голос хивинских пленных», где говорится, что «несколько показаний возвращенных в 1840 году русских пленных, захваченных во время рыболовства на Каспийском море туркменцами и киргизами и проданных в Хиву, в некоторой степени могут пополнить этот недостаток [описаний Хивы]. Из показаний этих можно видеть, насколько жизнь для русских, которые бы желали туда переселиться, удобна и чем изобилует сравнительно с Россиею тамошняя природа; а для торговцев объясняется, какие могут покупать товары и по какой цене» [14. С. 465–470].

Попытаемся по данным анкет воссоздать портрет Хивинского пленника, находящегося на допросе 17 декабря 1841 г.

В анкете всего 16 вопросов, включающих в себя как стандартные общего типа: фамилию / имя, возраст, звание, Родину, женат или холост, количество

детей и их имена; так и более конкретные, касающиеся непосредственно плена и являющиеся наиболее интересными для следователя. Это вопросы о времени пленения, месте пленения, «пленителях», обстоятельствах пленения, сразу ли были отвезены в Хиву, у кого жили в Хиве, обстоятельства освобождения, остались ли в Хиве еще пленники и как их зовут, а также был ли женат в Хиве и имел ли детей.

Из данных анкет можно сделать вывод, что пленник – это мужчина приблизительно тридцати лет от роду, крестьянин (но может быть и рядовым, реже однодворцем), русский (реже калмык), чаще холостой (или не имеющий детей в браке), взятый в плен в 20–30-х гг. XIX в., чаще урожденный Астраханской, Нижегородской или Пензенской губернии, плененный на Каспийском море (чаще с рыбного промысла) «туркменцами» или киргизами и освобожденный капитаном Никифоровым в 1840 г.

Все пленники находились в Хиве в разных местах, однако при анализе обстоятельств освобождения складывается впечатление, что пленники были знакомы между собой, что позволяло им ссылаться на имена друг друга.

Ни один из пленников не был женат в Хиве. Однако для следователя является важным этот факт, вероятнее всего, потому, что жену или детей пленника можно было использовать для шпионажа.

Мы можем сделать вывод, что портрет хивинского пленника середины XIX в. не является каким-то особым, во многих аспектах пленники абсолютно идентичны друг другу, однако важным является факт пленения, описания обстоятельств этого события. Чаще это вероломное нападение на рыболовное судно киргизов или туркмен (с разрешения Хивинского хана) и дальнейшая продажа в Хиву на работы к знатым горожанам.

Условия содержания пленных не выглядят жестокими, и это прекрасно понимали участники похода и правительство, особенно если брать во внимание вопросы о жене и детях в Хиве.

«После некоторого времени пребывания там, дают пленнику возможность обзавестись самому хозяйством; он получает для земледелия быка, а для посева достаточное количество семян. Всякий по трудам своим приобретает прибыль, а некоторые и совсем обжились, завелись семействами и живут с большим довольством» [14. С. 465–470].

Таким образом, вопрос пленных для Российской империи скорее оставался вопросом престижа в глазах собственного народа (о чем говорит появление интереса к пленным лишь после миссии Муравьева) и на внешнеполитической арене, а также поводом для введения своих войск на территорию Хивинского ханства в период обостряющейся конфронтации с Англией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. 85 с.
2. Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах / Бланкеннагель. М. : Книга по Требованию, 2012. 32 с.
3. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 410. Л. 1–21.
4. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 296. Л. 75–80.
5. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М. : Типография Августа Семена, 1822. 120 с.
6. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1642. Л. 1–5.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 6669. Л. 1–22.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4371. Л. 59–61.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5068а. Л. 249–250.
10. Записки о Бухарском ханстве. М. : Наука, 1983. 152 с.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5068. Л. 2–9.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5055. Л. 1–6.
13. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5241. Л. 27–48.
14. Михайлов М. Голос хивинских пленных // Нива. 1873. № 30. С. 465–470.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июня 2017 г.

RUSSIAN SUBJECTS CAPTURED IN KHIVA AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES: WAYS OF PROBLEM SOLVING AND CONSEQUENCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 100–104.

DOI: 10.17223/15617793/423/13

Anton V. Kochnev, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

Keywords: Central Asia; Khiva; khanates; Russian Empire; captives.

The aim of the research is to study Russia's foreign policy towards the Khiva Khanate in the late 18th and early 19th centuries in the context of the problem of Russian subjects in the Khiva captivity. One of the research objectives is to study the collective image of the Russian prisoner. The research is based on the unpublished archival documents from GAOO (Orenburg) and RGIA (St. Petersburg) including memoir materials, Khiva expedition reports. The article uses comparative-historical and problem-chronological methods, which allow to identify the tendency in the development of Russia's foreign policy towards Khiva and observe its qualitative changes. To assess the potential of archival materials the author used a historiographic method and source analysis. After the Patriotic War of 1812 and setting up of the European protectionism system Russia relatively reoriented its economy to the East. On the 18th of March 1813 the ministers' Committee officially came to the decision of a comprehensive development of trade with Eastern countries, including Central Asian khanates. In 1819, a military campaign to Khiva took place and the main reason for it, according to N.N. Muravyov, was the problem of Russian prisoners in the Khiva Khanate. However, in the sources of the 18th century this issue is poorly covered or not mentioned at all. There is a possibility that the first military prisoners in Khiva appeared after

A. Bekovich-Cherkassky's expedition of 1714–1717. Unfortunately, the sources of that period do not give any information concerning robberies or capture of civil people. The first person to mention the problem of the Khiva captivity was Major Blankenagel in 1794. Apart from this, sources of the 18th century claim that civil servants were widely informed about Russian prisoners in Khiva. Despite the fact that in 1819 information about captured people was introduced to the public by N. Muravyov, until 1839 the government of the Russian Empire avoided open military conflicts with Khiva and arranged peaceful expeditions and diplomatic missions. The problem of Russian prisoners in Khiva at the governmental level was first designated by V.A. Perovsky in a well-known ultimatum to the Khiva Khan. Russia used the problem of captivity as the main reason for the Khiva military campaign in 1839. The details regarding Russian prisoners, the conditions of their detention began to appear in sources. Despite the failure of the military campaign, under the pressure of the United Kingdom Khiva set some of the Russian subjects (416 people) free. Each of the rescued prisoners was interrogated to fill in a special form, which allowed to create the collective image of Khiva prisoners, as well as the conditions of their captivity. Thus, the search for a consensus in Russian-Khiva relations as well as the problem of Khiva captivity was for a long time beyond the scope for the Russian government. The topics gained urgency through Russian-British contradictions in the region due to the beginning of the Anglo-Afghan war and the need for a weighty occasion for the military campaign in 1839.

REFERENCES

1. Khanykov, Ya.V. (ed.) (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 gg. Gladyshevym i Muravinym* [A trip from Orsk to Khiva and back, completed in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin]. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
2. Blankennagel'. (ed.) (2012) *Zamechaniya mayora Blankennagelya, vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh* [Remarks of Major Blankenagel, following his trip from Orenburg to Khiva in 1793–94]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
3. Scientific and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History RAS. Fund 115. File 410. Pages 1–21. (In Russian).
4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 296. Pages 75–80. (In Russian).
5. Murav'ev-Karskiy, N.N. (ed.) (1822) *Puteshestvie v Turkmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh, gvardeyskogo General'nogo Shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov* [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 of the Guards General Staff captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations] Moscow: Tipografiya Avgusta Semena.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1374. List 2. File 1642. Pages 1–5.
7. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 3. File 6669. Pages 1–22. (In Russian).
8. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 4371. L. 59–61. (In Russian).
9. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5068a. Pages 249–250. (In Russian).
10. Demezov, P.I. & Vitkevich, I.V. (eds) (1983) *Zapiski o Bukharskom khanstve* [Notes on the Bukhara Khanate]. Moscow: Nauka.
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5068. Pages 2–9. (In Russian).
12. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5055. Pages 1–6. (In Russian).
13. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 10. File 5241. L. 27–48. (In Russian).
14. Mikhaylov, M. (1873) Golos khivinskiikh plennykh [Voice of the Khiva captives]. *Niva*. 30. pp. 465–470.

Received: 29 June 2017

ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ГОРОДАХ – АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (1920–1945 гг.)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ «Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)» (№ 16-11-54002).

Дана характеристика Октябрьских торжеств, которые устраивались в Иркутске и Красноярске в период с 1920 по 1945 г. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей празднеств. Определяются место и роль коммемораций в праздничных сценариях, описаны их типичные примеры. Объясняется мобилизационное значение коммеморативных элементов торжеств. Установлены тенденции восприятия праздника жителями городов Восточной Сибири.

Ключевые слова: Октябрьские торжества; политический праздник; коммеморация; Сибирь.

2017 г. ознаменован 100-летием Октябрьской революции в России. Эта памятная дата заметно актуализирует общественные и научные дискуссии о ее значении. Наряду с возросшим интересом к фактам и событиям революционной истории исследователей привлекают проблемы коллективной памяти российского общества о Великом Октябре. Разработка данной проблематики проходит на фоне так называемого мемориального поворота, которым в настоящее время охвачены гуманитарные науки. Этот поворот предполагает обращение к новым исследовательским проблемам, связанным с осмыслением специфики исторической памяти различных сообществ, факторов ее формирования и динамики, форм и способов ее выражения, влияния памяти на социальное, политическое поведение людей, на их творчество и духовность. В этой связи становится актуальным изучение вопросов коллективной памяти советского общества об Октябрьской революции, специфике ее восприятия разными поколениями, зависимости этого восприятия от государственной политики памяти, а также проблем, связанных с политическими праздниками как важными каналами ее трансляции. С начала 1920-х гг. Октябрьские торжества, отражавшие, прежде всего, официальный государственный революционный нарратив, являлись главным политическим праздником для всей страны и были нацелены на воспитание в гражданах особенного ценностного восприятия прошлого.

Изучение форм празднования годовщин Октябрьской революции важно также для понимания сущности и критичного осмысления российской официальной праздничной культуры, которая базируется на продолжительно существующей традиции, сложившейся еще в имперский период и адаптированной к новым политическим условиям в советское время. Если ранее проблемы праздничной культуры привлекали внимание лишь этнографов, антропологов и культурологов, то сегодня эта тема все чаще становится объектом исследования политологов и историков, занимающихся социально-политической проблематикой. Государственные праздники как имперского периода отечественной истории, так и советского анализируются на предмет их идеологического значения и роли в формировании политической культуры общества, а также тенденций развития коллективной

памяти разных поколений россиян о национальном прошлом. Указанное направление научных исследований в настоящее время представлено рядом обобщающих научных трудов, принадлежащих как отечественным (Г.А. Бордюгов [1], С.Ю. Малышева [2], С.Н. Шаповалов [3]), так и зарубежным (К. Корни [4], К. Петроне [5], М. Ральф [6]) авторам. Однако на сибирских материалах разработка вопросов исторической эртологии советского периода лишь начинается. Ранее нами был представлен анализ коммеморативной составляющей Октябрьских торжеств в городах Западной Сибири 1920–1930-х гг. [7. С. 307–345]. Данное исследование расширяет представления о специфике Октябрьских коммемораций в обширном Сибирском регионе.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности Октябрьских торжеств, устраивавшихся в Красноярске и Иркутске в период с 1920 по 1945 г. В задачи исследования входит: установить условия и факторы динамики октябрьских коммемораций, определить и описать коммеморативные элементы в структуре массовых праздничных мероприятий, объяснить их происхождение и идеологическое значение, установить тенденции восприятия праздника и Октябрьских коммемораций населением.

Базовой методологической опорой данного исследования служат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как *memory studies*, в фокусе внимания которого находятся проблемы коллективной памяти, воплощающейся в коммеморациях – сознательных социальных актах передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, т.е. введения образов прошлого в пласт современной культуры. Октябрьские торжества мы рассматриваем как коммеморативные практики, предполагающие целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти. Степень государственного контроля над коммеморативной сферой культуры проявляется в политике памяти, т.е. в способах и самих процессах идеологизации прошлого, создания с помощью памяти о нем необходимых власти социальных представлений и национальных символов.

Из всего многообразия подходов «memory studies» мы выбрали в качестве опоры своего исследования динамически-коммуникативный подход (М. Шадсон) [8. С. 32], исходящий из того, что память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу», самим обществом, выдающим разнообразные реакции на политику памяти. Был учтен также процессореляционный подход Дж. Олика [9], предполагающий понимание коммеморации как сложного процесса, зависящего от средств передачи памяти, нарративных и дискурсивных контекстов.

Источниками данного исследования послужили документы нормативного, распорядительного и делопроизводственного характера, хранящиеся главным образом в архивах Красноярская и Иркутска. Эти документы отражают как подготовку и проведение Октябрьских торжеств партийными и советскими организациями, так и реакции населения на праздники. Также были использованы ежедневные газеты данных восточно-сибирских городов, ежегодно уделявшие пристальное внимание празднованиям революционных годовщин.

Важнейшим фактором динамики Октябрьских торжеств являлась советская политика памяти. В СССР она не была институализирована и оформлена в систематическом виде, а «растворялась» в советской идеологии и пропаганде. Но, при всей ее неочевидности, не вызывает сомнений, что в советских условиях государство обладало монополией на то, что сегодня принято называть политикой памяти. В изучаемый период акторами политики памяти выступали, прежде всего, Коммунистическая партия и вожди. В первой половине 1920-х гг. значительную роль в процессе концептуализации памяти об Октябре сыграл академик М.Н. Покровский – организатор и лидер советской исторической науки, заместитель наркома просвещения РСФСР, взгляды которого были осуждены после его смерти в 1932 г. С годами все большую роль в разработке праздничной концепции играл И.В. Сталин. Особенно это касается периода Великой Отечественной войны.

За организацию Октябрьских торжеств в городах Восточной Сибири отвечали местные партийные структуры (Сибббюро ЦК РКП(б), Сибкрайком ВКП(б), Запсибкрайком ВКП(б) и Востсибкрайком ВКП(б), губкомы, обкомы, горкомы, райкомы) и советские органы управления (Сибревком, горсоветы), которые были вынуждены строго подчиняться руководству партии и правительства. Представители местных бюро комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (Истпарта), музейщики, журналисты, историки, учителя, артисты, актеры театра и кино также участвовали в реализации государственной политики памяти. Она выражалась далеко не только в организации массовых мероприятий, но и в строгом контроле над СМИ и издательствами, над деятельностью музеев, архивов и библиотек, над репертуаром театров, кинотеатров, концертных залов и т.д. Большое внимание уделялось визуальной и монументальной пропаганде.

Ежегодно к каждой памятной дате Центральная Октябрьская комиссия при президиуме ЦИК СССР формулировала новые «ударные точки пропаганды», ставившиеся 7 ноября основой лозунговой базы.

По всей стране Октябрьские торжества проходили однотипно. Их динамика была обусловлена изменениями в идеологии и государственной политике памяти, которая зависела от внешних и внутренних политических обстоятельств, а также от проблем социально-экономического развития страны. Однако нельзя не учитывать, что на местах существовали особые условия, задававшие специфику как самим празднованиям, так и их рецепции.

В 1920 г., когда в городах Восточной Сибири прекратились боевые действия, но Гражданская война в стране еще полыхала, большевики использовали праздник для того, чтобы убедить население в целесообразности продразвёрстки, других экономических мероприятий и политических решений. Торжества были нацелены на повышение градуса доверия большевикам со стороны общества, на дискредитацию врагов, в Сибири, прежде всего колчаковцев, которым неизменно предъявлялись страшные счета – многочисленные человеческие жертвы из числа замученных и расстрелянных революционеров, красноармейцев и подпольщиков, а также хозяйственная разруха, ответственность за которую, большевики всецело возлагали на противников, проигравших в войне. В начале 1920-х гг. Октябрьская революция, «колчаковщина» и «семеновщина», как наиболее актуальные сюжеты из памяти жителей Восточной Сибири о Гражданской войне, рассматривались в неразрывной взаимосвязи. Так, в 1920–1922 г. годовщина Октябрьской революции и «освобождение от колчаковщины» праздновались в один день. Лишь позднее эти памятные даты были разделены.

Изначально торжества нацеливались и на пропаганду ключевых мобилизационных задач, значение которых объяснялось необходимостью преодоления последствий «мрачного прошлого», живописно изображавшихся посредством разнообразных коммемораций. Еще в 1921 г. организаторы торжеств на местах должны были учитывать, что 7 ноября – это не только день торжества победы революции и воспоминаний о героях, павших в борьбе, но еще и «день, когда мы подведем учет сделанного» [10. Д. 860. Л. 17]. М.Н. Покровский рассуждал об Октябрьской революции не как о стихийном событии, а в категориях сотворения, как о событии, предварительно спланированном и «написанном» В.И. Лениным [11. С. 169]. По мнению марксистов, лишь отказ от «старых порядков» и дальнейшее применение правильных, теоретически обоснованных усилий народных масс могли привести общество к успехам и процветанию. Поэтому годовщины Октября стали рассматриваться как контрольная дата проверки соответствия народных усилий марксистской схеме исторического развития общества.

В середине 1920-х гг. Октябрьская революция именовалась еще Октябрьским переворотом, ей не приписывалось эпохального значения. Торжества были ориентированы на популяризацию идеи Октябрьского переворота как первого этапа диктатуры пролетариата в борьбе пролетариата всех стран. В эти годы вышли новаторские фильмы С.М. Эйзенштейна «Стачка» (1925 г.), «Броненосец Потемкин» (1925 г.) и «Октябрь» (1927 г.). Игровое художественное кино середины 1920-х гг., адресованное массовому зрителю,

лю, превозносило и прославляло революцию. Одновременно, по мере перехода к «мирному строительству», неприглядные образы прошлого, использовавшиеся в ходе торжеств, служили задаче демонстрации разностороннего прогресса, который преподносился пропагандой как главный итог Октябрьской революции. С начала 1920-х гг. в стране непрерывно разворачивались разнообразные идеологические кампании, в числе которых были и Октябрьские торжества. Годовщина Октября оценивалась как одна из важнейших в этом ряду. Ее смыслом стала пропаганда достижений за восемь лет после революции [10. Д. 2465. Л. 83]. При этом теряли значения идеи героической жертвенности революционного поколения, актуальные в начале 1920-х гг.

В годы Сталинских пятилеток усиливалось мобилизационное значение празднований годовщин Октябрьской революции, которая уже в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) уверенно называлась «Великой» и «социалистической». Отныне считалось, что Октябрьская революция открыла «новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций». На фоне роста политического культа «Октября» заметно ослабевала коммеморативная составляющая массовых торжеств. Чем дальше, тем очевиднее революционная история становилась лишь размытым фоном пропаганды новых мобилизационных задач. 7 ноября в центре внимания находились вопросы выполнения планов хлебозаготовок и промышленного строительства, стахановского движения и социалистических соревнований, в период войны – помощи фронту. Стабильно на протяжении многих лет специфической целью пропаганды в Восточной Сибири была мобилизация сил на превращение Восточно-Сибирского края из экономически отстающего в передовой [12. Оп. 5. Д. 69. Л. 13]. В военный период планы пятилеток по-прежнему не выполнялись. Однако пропаганда преуменьшала неудачи и требовала от населения перевыполнения планов.

Одновременно снижалось внимание к памяти о революционных событиях и героях местной истории. В годы Великой Отечественной войны эти сюжеты исчезли вовсе из официального «Октябрьского» нарратива. Зато уже к середине 1930-х гг. в ходе «Октябрестеств» стали неизменно и повсеместно почитать умерших вождей, прежде всего С.М. Кирова и В.В. Куйбышева, чьи биографии революционеров имели связь с Сибирью. Все эти люди расценивались как герои Новейшего времени, ставшие жертвами ожесточенной борьбы советского народа за социализм и новую счастливую жизнь. Однако практики, связанные с их поминовением в ходе Октябрьских торжеств, практически сошли на нет уже в 1941 г.

Немалую роль в формировании однотипных массовых представлений о героях военно-революционных лет в 1930-х гг. играл художественный кинематограф. Популярный фильм «Чапаев» (1934 г.) Г.Н. и С.Н. Васильевых был снят в соответствии с уже утвердившимся соцреалистическим каноном. «Человечный» образ Чапаева стимулировал желание зрителей подражать герою, готовому жить ради борьбы за социализм и погибнуть в этой борьбе. Фильмы пред-

военных лет: «Человек с ружьем» (1938 г.), «Ленин в Октябре» (1937 г.), «Ленин в 1918 г.» и «Великое за рево» (1938 г.), строго соответствовали содержанию «Краткого курса истории ВКП(б)», визуализируя и «оживляя» данный, в сущности, догматичный текст. Сталин в этих картинах был представлен как главный соратник Ленина, Зиновьев и Каменев выставлялись врагами, которым не удалось сорвать ленинские революционные планы.

С 1937 г. лейтмотивом праздничной пропаганды стала тема патриотизма. Пропаганда активно формировала в коллективной памяти советского общества однотипные, позитивно окрашенные образы героев отечественной истории, в числе которых были, к примеру, император Петр I, А.С. Пушкин, полководцы Д. Донской, К. Минин, Д. Пожарский, А. Суворов и М. Кутузов. Политика памяти этого времени была очевидно направлена на формирование беззаветной любви к Родине и ненависти к врагу посредством использования исторических рассказов и однотипных образов героев. Для стимуляции патриотического подъема пропаганда использовала и образы героев Гражданской войны. Однако призывы усилить помощь фронту и добиться перевыполнения хозяйственных планов являлись доминантами дискурса советской пропаганды периода Великой Отечественной войны. Рассмотрим далее происхождение и идеологическое значение Октябрьских коммемораций.

Еще в имперский период сформировался сценарный шаблон массового государственного праздника, который применялся в том числе и в сибирских городах. Праздник предварялся тематическими народными чтениями в гимназиях, библиотеках и клубах. В сам праздник устраивались основные стандартные торжества: военный парад, крестный ход, торжественная литургия или молебен, торжественное заседание городской думы, собрания в клубах, народные чтения и бесплатные театральные постановки на исторические, политические и религиозные темы. В советское время этот шаблон использовался практически в неизменном виде. Лишь сценарные элементы церковного характера заменялись на светские мероприятия, по форме похожие на их религиозные прототипы. Так, к примеру, демонстрацией заменялся крестный ход, митингом – молебен. Каждый структурный элемент праздника и до и после революции актуализировал коллективную память, укреплял идентичность социально-политических групп, расширял их границы.

В начале 1920-х гг. видоизмененный сценарный шаблон государственного праздника лишь утверждался в городах Восточной Сибири. Октябрьские торжества еще сравнительно скромно освещались ежедневными городскими газетами Иркутска и Красноярска. Так, в 1920 г. вплоть до 7 ноября никаких материалов о предстоящем торжестве в газетах вообще не было. В праздничный день печатные издания ограничились публикацией лозунгов. 9 ноября «Власть труда» сообщала, что в Иркутске по клубам прошли концерты-митинги, основной темой которых являлись «Великие революционные завоевания» [13]. Эти мероприятия были ориентированы прежде всего

на разъяснение современной политической и экономической ситуации, на легитимацию власти большевиков и лишь во вторую очередь – на коммеморативные задачи. Митинги тянулись с 5 по 8 ноября.

В фонде Иркутского губкома РКП(б) сохранились отчеты агитаторов о проведении этих митингов. Из отчетов видно, что организаторы мероприятий постарались охватить все районы города. Митинги прошли в городском и военном театрах, в Народном доме, в кинотеатрах и клубах. Торжественные мероприятия планировались на двадцати восьми площадках, однако на шести они не состоялись. На митинги собиралось до 1000 человек. Около получаса выступали докладчики по темам «Влияние рабоче-крестьянской революции на развитие мировой революции», «О мире с Польшей», «Третий Коминтерн», «Международная обстановка», далее следовала концертная часть [10. Д. 415. Л. 158–196].

Первый опыт иркутян в организации массовых октябрьских торжеств едва ли можно признать удачным. Действия агитаторов были плохо согласованы. Население еще не привыкло к советским политическим торжествам, вследствие чего трудно было собрать людей, заставить их слушать докладчиков, заинтересовать. Однако митинги становились неотъемлемой частью праздничной программы. Они устраивались на торжественных собраниях в воинских частях и в профсоюзных организациях. 6 ноября 1922 г. уже в 14 часов прекращалась работа на предприятиях и в учреждениях. Торжества открывали именно митинги. Докладчики освещали темы, посвященные как недавнему прошлому («Колчаковщина в Сибири и ее виновники»), так и затрагивавшие современную политическую ситуацию («Задачи четвертого конгресса Коминтерна»). Однако уже в эти годы главной темой праздника стало подведение политических и хозяйственных итогов за срок, истекший со времен революции. Митинг завершался художественной частью, состоявшей из «живых картин», пьес и миниатюр, в том числе и на революционные темы [14. Д. 382. Л. 101, 104]. В 1924 г. новой темой для выступлений на митингах, предварявших основные торжества, стала «Роль Ленина в революции».

Постепенно в городах Восточной Сибири в практику входили вечера воспоминаний, устраивавшиеся 6 ноября. Судя по отчетам, в начале 1920-х гг. организация вечеров воспоминаний могла быть довольно спонтанной. Людей, которым давали слово, подчас находили прямо перед началом мероприятия. Докладчик мог свободно рассказывать, к примеру, о том, что в 1917 г. он был эсером, но «перебросился к большевикам», услышав, что «рабочие должны быть подавлены эсерами и меньшевиками». Также спокойно подобные рассказы попадали в официальные отчеты агитаторов [Там же. Д. 860. Л. 120]. Однако вольностям уже скоро был положен конец. Доклады стали тщательно готовить и подгонять под шаблоны.

Сохранились документы, свидетельствующие об организации вечеров воспоминаний на предприятиях и в театрах Красноярска в 1921 г. Вечера, как и митинги, сопровождалась инсценировками, концертами и театрализованными постановками. В военных ча-

стях рекомендовалось инсценировать «всевозможные суды», видимо, над лидерами Белого движения [14. Д. 945. Л. 28, 30]. В 1922 г., в год пятилетия революции, организаторы торжеств следовали установке вовлечь в праздник широкие массы пролетариев и крестьян, приглашая их, кроме прочего, на такие вечера. Однако восточно-сибирские источники не дают увидеть четкой разницы между митингами и вечерами воспоминаний, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. К примеру, 3 ноября «Красноярский рабочий» приглашал горожан на вечера воспоминаний в клубы, заявляя темы праздничных докладов: «Пять лет советской власти», «Четвертый конгресс Коминтерна», «Колчаковщина и ее виновники» [15]. Очевидно, что на вечерах звучали не только чьи-то воспоминания, но и выдавалась политинформация. Иркутская газета «Власть труда» анонсировала вечер в своей редакции: в программу включались доклады на темы, которые выглядят исключительно коммеморативными: «О Красном Октябре», «1918 год в Сибири», «Врангельская кампания», «Колчаковское юнкерство» [16]. Однако нельзя сказать точно, излагали ли докладчики свои собственные воспоминания или обобщенно освещали большевистскую версию истории революции.

9 ноября «Красноярский рабочий» предложил отчет о вечере воспоминаний во 2-м Советском театре. Подобные публикации всегда подчеркивали многолюдность мероприятия, стандартно характеризовалась и общая атмосфера «единодушия». Теоретически вечер воспоминаний изначально был задуман как полностью коммеморативное мероприятие, камерное и «задушевное». В начале 1920-х гг. для участников подобных вечеров важнее всего было вспомнить павших в годы Гражданской войны товарищей. Однако эмоциональная спонтанность пресекалась. Организаторы мероприятий уже в ходе празднований пятилетия революции старались заранее согласовывать содержание речей с докладчиками. На вечере важно было показать связь между событиями 1905, 1917 гг. и колчаковщиной. В Красноярске и Иркутске находились докладчики, способные рассказать о революционных событиях в Петербурге. Однако жители этого региона говорили на вечерах воспоминаний с наибольшим оживлением не о революции 1917 г., а о Гражданской войне, память о которой была более свежей. Обычно выступавшие напоминали собравшимся о жестоких расправах над рабочими, недовольными режимом Колчака, и о замученных героях подполья. На вечерах велась целенаправленная работа по формированию в коллективной памяти сибиряков строго определенной версии революционного прошлого.

На сегодняшний день почти не сохранились тексты речей, которые звучали на вечерах воспоминаний. Мы можем судить об их содержании и качестве лишь на основе немногочисленных примеров. Но эти примеры довольно показательны. Они отражают обрывочность представлений докладчиков о революции, отсутствие шаблонов докладов, на которые выступавшие могли бы опереться, и их неумение грамотно формулировать мысли [14. Д. 945. Л. 38]. Никто не

излагал личных воспоминаний. Скорее напоминалось о том, что сообщали газеты в 1917 г. и говорили окружающие о событиях в столице. Однако подобные коммеморативные мероприятия, несомненно, заставляли собравшихся вспоминать недавнее прошлое и общую атмосферу политической нестабильности. Кульминацией мероприятия в начале 1920-х гг. становилось поминовение «товарищей, погибших в этой величайшей исторической борьбе» [17].

Личные воспоминания и рассказы о событиях в городах Восточной Сибири, а также поминальные ритуальные действия могли быть содержанием не вечера воспоминаний, а мероприятия, заявленного как митинг. К примеру, 6 ноября 1923 г. был устроен подобный митинг на заводе «Памяти 13 борцов» в Красноярске. С митинга рабочие отправились к братской могиле тех самых борцов, в честь которых был назван завод. Там состоялось выступление очевидцев арестов этих жертв Гражданской войны [14. Д. 575. Л. 15].

С 1923 г. на вечера воспоминаний рабочие приглашались с семьями. Эти мероприятия становились все более массовыми. 6 ноября 1923 г. вечер в сборном цехе посетило более четырех тысяч железнодорожников и членов их семей [Там же. Л. 23]. Именно массовые торжества, устраивавшиеся железнодорожниками, зачастую становились главным сюжетом праздничных репортажей в Красноярске. В 1927 г. сообщалось о вечере в клубе К. Либкнехта, где собралась «старая гвардия, которая на своих плечах вынесла пламя борьбы». Видимо, наиболее впечатляющим для собравшихся стал рассказ старого большевика Облаева о том, как колчаковцы расстреляли его сына [18]. Практика вечеров воспоминаний стала особенно популярна к середине 1920-х гг. Иркутская печать сообщала, что вечера затягиваются до полуночи, а молодежь «ходит из клуба в клуб» [19]. В этих «хождениях», несомненно, чувствуется отголосок народных святочных традиций. Фактический вечер воспоминаний мог называться не только митингом, но и торжественным заседанием. К примеру, подобное мероприятие было устроено в 1926 г. иркутским обществом политкаторжан. Собравшиеся начали с поминовения погибших, после чего перешли к воспоминаниям и докладам [20].

К концу 1920-х гг. внимание печати к вечерам воспоминаний ослабло, хотя сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1930-х гг. вечера (беседы, заседания, митинги) рассматривались как неотъемлемый элемент торжества. К докладам и концертной части мероприятия добавилось угощение собравшихся, необходимость которого, однако, вызывала споры [21. Д. 110. Л. 13]. В 1933 г. Крайком ВКП (б) требовал от политруков военных частей Иркутска организовать в преддверии 7 ноября не менее двух вечеров воспоминаний в каждой части с участием революционеров и свидетелей Гражданской войны [12. Оп. 5. Д. 69. Л. 21]. Но, видимо, живые воспоминания свидетелей революционных событий звучали на массовых мероприятиях все-таки редко. «Старый большевик», выступавший в роли эксперта, мог быть приглашен в преддверии праздника на встречу с агитаторами и беседчиками, готовившимися к массовым праздни-

чным мероприятиям. На встрече обязательно зачитывался какой-нибудь официальный пропагандистский материал, после чего проходила «задушевная беседа» революционеров с молодежью, готовившихся к участию в празднике в качестве организаторов и ведущих официальных мероприятий [22].

Ни печать, ни архивные фонды не содержат сведений об устройстве вечеров воспоминаний в годы Великой Отечественной войны. В условиях мобилизации сил на помощь фронту в канун праздника на предприятиях организовывали общие собрания в цехах, которые начинались уже 4 ноября. Там подводились предварительные итоги социалистических соревнований [21. Д. 635. Л. 1 об.]. На собрание могли приглашаться бойцы, прибывшие с фронта, которые агитировали рабочих за выполнение и перевыполнение производственных планов. Места выступления старых большевиков с воспоминаниями о революции и Гражданской войне на таких митингах уже не было. Чтобы не отвлекать трудящихся от работы, в 1944 г. устраивался радиомитинг стахановцев, транслировавшийся в цехах. Обязательными в годы войны были собрания рабочих поздним вечером 6 ноября. Мероприятие начиналось докладами заводских агитаторов о революции и текущей политической обстановке. После этого, уже ночью, трудящиеся слушали в прямом эфире праздничную речь И.В. Сталина, который поздравлял советский народ с очередной годовщиной Октября и ставил перед обществом новые боевые задачи. Коммеморативная составляющая доклада Сталина, как и докладов агитаторов, была предельно краткой и формальной. В заключение мероприятия многие воодушевленные рабочие брали на себя обязательства существенно повысить производительность труда и добиться новых стахановских рекордов [Там же. Д. 833. Л. 42].

Еще одной яркой приметой середины 1920-х – начала 1930-х гг. стали молодежные факельные шествия, традиция которых коренится в античной культуре. В древности этот ритуал был нацелен на изгнание злых духов. Смысл факельных шествий в Иркутске и Красноярске довоенных лет источники не раскрывают. Однако можно предположить, что шествия выражали смыслы памяти о погибших и солидарности молодых со старшим поколением большевиков. За организацию и проведение шествий отвечал обком комсомола, участие в этих мероприятиях принимали и пионеры. Обычно шествие стартовало 6 ноября в 17 часов. Уже в 18.30 участники шествия достигали конечной цели – памятного места. К примеру, известно, что красноярская молодежь обычно двигалась с факелами к памятнику Ленина на площади Революции [23].

В 1927 г. была устроена массовая театрализованная инсценировка «Взятие Зимнего» в Иркутске, имевшая коммеморативный смысл. В середине 1920-х гг. подобные мероприятия проводились по всей стране. Однако, по нашим наблюдениям, не более одного раза в одном городе. В печати сообщалось, что на главной городской площади собралась десятитысячная толпа, ставшая свидетельницей «ареста временного правительства» и «установления советской власти». Устроители инсценировки применяли звуковые эффекты,

имитировавшие грохот орудий, пулеметов, выстрел крейсера «Аврора», а также использовали игру света («в красном свете десятка лампочек загорается звезда – символ революции», фейерверки, огни фабрик и заводов). Главным смыслом инсценировки стала символическая демонстрация экономических успехов, достигнутых в результате Октябрьской революции к 1927 г. [24].

Важнейшими уличными мероприятиями 7 ноября были военные парады, демонстрации и митинги, на которых выступали с торжественными речами представители местной партийной элиты. Очередность этих мероприятий, особенно в начале 1920-х гг. могла варьироваться, поскольку еще не сложился жесткий шаблон празднований на улице. Военные парады стали устраиваться в городах Восточной Сибири лишь с 1922 г. Обычно они предварялись присягой воинских частей [25]. В Красноярске парады проходили на площади Революции, а в Иркутске – на площади III Интернационала, которая в 1935 г. была переименована в площадь Кирова. Иногда, как в 1928 г., в Красноярске из-за погодных условий парады могли отменяться. В парадах 1930-х гг. принимала участие боевая техника: танки, самолеты и даже дирижабли. В годы Великой Отечественной войны в городах Восточной Сибири, в отличие, к примеру, от Новосибирска, парады не устраивались. Источники, относящиеся ко всему изучаемому нами периоду, не фиксируют внимания на коммеморативных смыслах военных парадов. Не делая акцент и на связи поколения революционеров и молодых поколений 1930-х – первой половины 1940-х гг.

Перед уличными торжествами главные площади городов декорировались. В 1930-х гг. главным украшением служили огромные портреты И.В. Сталина и действовавших членов правительства, в Иркутске также сооружался макет мавзолея Ленина [26]. В 1937 г. праздничная визуальная пропаганда подчеркивала преемственность между политикой Ленина и Сталина. Так, в Иркутске здание обкома партии было украшено громадным панно с изображением Ленина в 1917 г. во главе восставших красногвардейцев, а также изображение Сталина на фоне строек века: московского метро и канала Волга–Москва [27].

Первая ноябрьская демонстрация прошла в Красноярске в 1922 г., вслед за военным парадом, а в Иркутске – лишь в 1923 г. Изначально эти мероприятия не являлись массовыми. Печать сообщала, что посмотреть на первый иркутский военный парад пришли все, кто сочувствовал советской власти. Участие в демонстрациях изначально должны были принимать лишь члены профсоюзов [28]. Однако уже в 1924 г. организаторам праздника в Иркутске удалось собрать на демонстрацию около 30 тыс. участников из числа красноармейцев, рабочих, детдомовцев и пионеров, несших в руках самодельные красные флажки [29].

Вплоть до 1924 г. демонстранты двигались к братским могилам жертв революции и Гражданской войны как к конечной цели, что всегда акцентировалось местной печатью [30]. Там устраивался краткий митинг, начинавшийся с поминовения погибших, на могилы возлагались траурные венки [10. Д. 382. Л. 101].

Особенно впечатляющим стоит признать поминовение погибших, состоявшееся в 1922 г., когда на братской могиле в Красноярске открыли памятник захороненным в ней лицам, почитавшимся как герои [Там же. Л. 131]. Однако уже скоро выраженная коммеморативная (поминальная) составляющая Октябрьских торжеств утратила актуальность. В 1925 г. продлили маршруты шествия. Демонстранты следовали к трибунам, с которых звучали доклады и выкрикивались политические лозунги, обращенные не в прошлое, а в будущее. Коммеморативный характер демонстрации теперь отражало лишь ее музыкальное сопровождение. Печать свидетельствовала, что участники шествия двигались под песню Гражданской войны «Белая армия, черный барон» [31]. Постепенно демонстрации становились все более продолжительными (о начале сбора демонстрантов уже в 9 утра извещала сирена) и массовыми [32]. Иркутская печать, к примеру, сообщала, что в 1933 г. перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся [33]. Однако стоит учитывать, что эти данные могли завышаться.

В 1930-х гг. коммеморативная составляющая демонстраций и митингов постепенно ослабевала. Символы памяти о военно-революционном прошлом занимали место торжеств. Теперь демонстрация рассматривалась, прежде всего, как «демонстрация достижений», ее участники несли в руках различные модели и диаграммы, наглядно отражавшие рост промышленного и сельскохозяйственного производства [32]. Шествие возглавляли передовики производства. Нововведением середины 1920-х стали оптимистичные карнавалы, проводимые с участием комсомола и красноармейцев [10. Д. 2481. Л. 12–12 об.]. Демонстрантов сопровождали люди в ярких костюмах с символическими атрибутами производственных успехов.

В годы Великой Отечественной войны акценты пропаганды, звучавшей повсюду 7 ноября, резко изменились. Революционному прошлому и памятной дате на демонстрациях практически перестали уделять внимание, рассматривая торжества лишь как средство мобилизации общества на боевые и трудовые подвиги. Описывая демонстрации военных лет, газеты останавливали внимание на митингах, становившихся кульминацией событий, и приводили основные тезисы из речей выступавших. При этом опускались фразы, имевшие отношение к революционной тематике, акцент делался на частных успехах и победах в текущей войне.

Отдельного внимания заслуживают описания парадов и демонстраций 7 ноября 1945 г. Все газеты Сибири преподносили эти уличные торжества как особенно грандиозные и долгожданные. Подчеркивалась преемственность между завоеваниями Октябрьской революции и Великой Победы: «Советский народ отстоял завоевания Великого Октября». Демонстрацию называли «демонстрацией преданности Октябрьской революции». Но газеты не заостряли внимания на истории революции в Сибири, на героях-революционерах, на Гражданской войне. Судя по данным источникам, сибиряки, прежде всего, праздновали свою победу в Великой Отечественной войне, на которую их так активно настраивала пропаганда

последних четырех лет, в том числе используя Октябрьские торжества как повод [34].

Вечером 6 ноября в здании самого большого городского театра ежегодно устраивалось торжественное заседание с участием местной элиты, прежде всего, руководителей партийных и советских властных структур. В разное время на эти заседания приглашали также революционеров и подпольщиков, стахановцев, артистов и ученых. Неизменно присутствовали и журналисты. Технические возможности 1930-х гг. позволяли транслировать такие заседания в прямом эфире по радио. Сценарии заседаний расписывались по минутам, регламентация стала особенно жесткой со второй половины 1930-х гг.

В начале 1920-х гг. был выражен коммеморативный смысл этих заседаний. Мероприятие обычно начиналось под звуки Интернационала, после чего объявлялась минута памяти погибших героев революции, во время которой исполнялся похоронный марш [35]. В дальнейшем печать редко акцентировала этот коммеморативный ритуал. Лишь в 1929 г. в газете «Власть труда» было сказано о минуте молчания в память о павших героях и содержалось выступление старого партизана Антипина с воспоминаниями о боях за советскую власть в Сибири. Усиление внимания к этой теме было обусловлено десятилетием «освобождения» региона от «колчаковщины» [36]. С 1920 г. на таких заседаниях звучал обязательный доклад секретаря краевого комитета партии об итогах развития страны и региона к очередной годовщине революции, а также другие праздничные доклады участников мероприятия, после чего начиналась концертная программа.

С середины 1930-х гг. основной темой докладов стали достижения пятилеток. Говорилось о том, что в стране «произошли решающие сдвиги», которые выразились в ликвидации классовых различий. В 1935 г. центральной темой стали успехи стахановцев [37]. В конце 1930-х гг. докладам была присуща консервативно-патриотическая риторика, однозначно очернявшая историческое прошлое и выражавшая безграничную любовь к современной России и вождю. Так, в духе времени иркутский стахановец Елисеев говорил: «В царской России у трудящихся не было Родины. Была страна – тюрьма народов, была жизнь – мученье. А теперь у нас есть горячо любимая Родина, во славу которой мы по-стахановски работаем» [38]. В 1942 г. красноярский докладчик Моисеев должен был раскрыть главный тезис: «Вся наша страна к 25-й годовщине Октября превратилась в единый боевой лагерь». Ничего не сообщалось о «крови героев, пролитой за революцию». Он говорил и о том, что в результате революции была низвергнута власть буржуазии и создан новый тип государства – советское социалистическое государство рабочих и крестьян; было установлено полное равноправие всех национальностей, отменена частная собственность и национализирована земля, созданы условия для уничтожения эксплуатации человека человеком и превращения СССР в передовую техническую и культурную страну. Делался концептуальный вывод: «Благодаря революции наша родина преодолела вековую отсталость, укрепи-

лась оборонная мощь СССР. Судьба 25-летних завоеваний зависит от того, как коммунисты сумеют повести за собой массы в тылу и на фронте на борьбу с врагом» [21. Д. 635. Л. 4–6].

В городах Восточной Сибири продолжалась существовавшая еще до революции практика торжественных открытий в праздничные дни мемориальных объектов, а также социальных и промышленных. К примеру, в первой половине 1920-х гг. к Октябрьским годовщинам красноярские железнодорожники дважды приурочили выпуск новых и отреставрированных паровозов [Там же. Д. 382. Л. 131; Д. 575. Л. 23]. В 1927 г. Красноярская окружная комиссия по проведению празднования Октябрьской годовщины решила открыть в честь праздника красный уголок инвалидов, детский клуб и ночлежный дом. Дабы социальные «подарки» населению в честь десятилетия Великого Октября не казались слишком скромными, было принято решение о необходимости учесть все, что было построено в городе в последнее время, и приурочить к празднику торжественное открытие наиболее значимых объектов [39. Д. 541. Л. 67]. Аналогично в Иркутске в 1929 г. к годовщине Октябрьской революции состоялось открытие Дома Красной армии [40]. Во время Великой Отечественной войны, по понятным причинам, не было никаких праздничных «открытий».

В дни Октябрьских торжеств театры, клубы и кино обязательно приглашали зрителей на бесплатные (либо по сниженным ценам) спектакли, концерты и фильмы. Однако не все зрелища были связаны тематически с революцией и Гражданской войной. 7 ноября 1921 г. в Красноярске можно было посмотреть первые агитационно-революционные пьесы, к примеру «Великий коммунарь» (В.А. Трахтенберг, 1920), «Антанта» (В.В. Иванов, 1920), либо новую постановку классического произведения «Как мужик двух генералов прокормил» (по М.Е. Салтыкову-Щедрину) [14. Д. 945. Л. 31]. В последующие годы клубы приглашали на новые спектакли революционного содержания («Марат», «Гибель империи») [Там же. Д. 575. Л. 26]. Параллельно в первой половине 1920-х гг. 7 ноября могли еще демонстрироваться постановки по сценариям авторов Серебряного века. К примеру, в Иркутске в 1923 г. поставили пьесу Д.С. Мережковского «Петр Первый и царевич Алексей», содержание которой было коммеморативным, но далеко не революционным. Спектакли ставили не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы. Сценарии могли быть посвящены местным сюжетам. К примеру, в 1924 г. в Красноярске на заводе «Памяти тринадцати борцов» был поставлен спектакль по сценарию местного автора «Октябрь» [Там же. Д. 575. Л. 16]. В 1927 г. иркутская печать освещала праздничную театральную постановку «Штурм». Сообщалось, что спектакль показывал «кусочек жизни маленького уездного городка в тисках Гражданской войны». В постановке нашли отражение темы эпидемии тифа и злодейств белогвардейских банд. Основой сюжета стало противопоставление «подлинных революционеров» и «бумажных», «тех, кто, прикрываясь партийным билетом, ищут материальных благ для себя в то

время, как тысячи голодных мрут от сыпняка, отплясывают фокстрот и занимаются выпивками на своих тайных вечеринках» [41].

В 1930-х гг. праздничный театральный репертуар уже не отличался оригинальностью. Из него исчезли пьесы местных сценаристов. По-прежнему ставили некоторые классические спектакли («Борис Годунов»), но на сценах все-таки шли преимущественно пьесы военно-революционного содержания («Нас семеро», «Год 19-й») [42]. В 1937 г. в Иркутске поставили оперу «Тихий Дон» (по М.А. Шолохову) [43]. Перед войной в театрах 7 ноября шли пьесы «Павка Корчагин» (по роману Н.А. Островского «Как закалялась сталь»), «Кремлевские куранты» (по сценарию Н.Ф. Погодина), «Свадьба в Малиновке» (по сценарию Б.А. Александрова) [44].

Периодическая печать Восточной Сибири неизменно фиксировала единодушие и энтузиазм масс трудящихся в Октябрьские дни. Газеты описывали стройные ряды демонстрантов, их «бодрость и силу», «бывшую ключом радость от одержанных побед», «любовь и преданность Родине». Однако сохранившиеся документальные источники, дают возможность увидеть рецепцию торжеств и с изнаночной стороны.

В начале 1920-х гг. было еще трудно на праздник собрать народ и решить организационные проблемы. Сами агитаторы часто не имели необходимого практического опыта. Яркие примеры неудачных митингов 1920 г. отражают отчеты иркутских агитаторов. К примеру, Бородин, который должен был выступить в госпитале, зафиксировал в своем отчете следующее: «Прибыв в госпиталь, мы узнали, что о предполагаемом митинге там никто ничего не знает, из ком. ячеек никого нет, политрука нет. Больные ужинают, готовятся спать...». Бородину пришлось уехать, так и не выступив перед пациентами. На другой площадке этому агитатору вновь не повезло: к моменту его прибытия митинг уже состоялся, народ расходился. Он принял решение выступить вечером, когда рабочие начнут собираться к спектаклю. Но и здесь не обошлось без непредвиденных обстоятельств: явилось слишком много зрителей, большую половину собравшихся в зал не пустили. Лишь когда смолкли возмущения недовольных, Бородин смог кое-как зачитать доклад перед публикой [10. Д. 415. Л. 172–175]. Агитатор Померанцева объясняла неудачу своего выступления тем, что собравшиеся пришли прежде всего на спектакль и отвлекались на покупку билетов, не проявляя внимания к ее докладу [Там же. Л. 183]. Один из агитаторов получил задание выступить перед мусульманами, однако столкнулся с проблемой непонимания собравшимися доклада на русском языке [Там же. Л. 185]. Одновременно некоторые в 1920 г. уже демонстрировали умение представлять формально-благополучные, складно сочиненные отчеты. Так, агитатор Бетонов докладывал: «В 6 часов вечера депо переполнены. С глубоким вниманием слушает докладчика рабочая аудитория. Шаг за шагом ведет докладчик рабочую массу по пути трехлетия советской власти. Не чувствуется усталости...» [Там же. Л. 163].

Более тщательная подготовка агитаторов в последующие годы давала положительные результаты. Уже

в 1922 г. красноярцы могли констатировать массовость мероприятий, «запруженность» улиц народом и «подъем», превысивший первомайский [14. Д. 382. Л. 131]. В первой половине 1920-х гг. печать информировала читателей о том, что к уличным торжествам не допускались «посторонние». В 1924 г. «Власть труда» сообщала, что людей «спекулянтско-харбинской внешности» детдомовцы оттесняли от трибуны [29]. Годом позже уже говорилось, что неорганизованных и праздных обывателей оттесняла конная милиция. «Красноярский рабочий» свидетельствовал, что перед началом массовых уличных торжеств в 1924 г. с площади Революции спешно уходил священник, явно лишний на этом празднике. Однако сообщалось, что «и посторонней публики набралось на площади немало», любопытные подростки «прорывали ограждение» [45].

Можно отметить, что в начале 1920-х гг. отдельные социальные группы реагировали на октябрьские коммеморации в целом позитивно. Этому способствовали различные факторы: воспроизведение ритуалов поминовения погибших товарищей, память о которых была еще свежа и болезненна, материальные поощрения передовиков производства ценными подарками, организация семейных вечеров с угощением. Нельзя дать однозначной оценки, однако возможно признать положительной тенденцию восприятия официальных мероприятий, связанных с годовщинами Октябрьской революции, среди красноярских железнодорожников, организовывавших особенно массовые собрания и торжества. При этом сводки о политических настроениях, составлявшиеся во второй половине 1920-х гг., отразили недовольство рабочих экономической и социальной политикой большевиков. В частности, были зафиксированы высказывания рабочих, отражавшие их веру в революцию как в «собственное завоевание». Выходит, пропаганда лишь частично достигала цели. Трудящиеся могли усваивать мысль о решающей роли рабочего класса в революционной борьбе и веру в идеалы пролетарской революции, но не соглашались с текущими действиями властей и, более того, воспринимать их как несправедливые по отношению к «героическому классу», заслуживающему поощрений.

В середине 1930-х гг. участие городских жителей в Октябрьских торжествах рассматривалось властями как общеобязательное. Однако население нередко демонстрировало пренебрежение к праздничным коммеморациям. Очевидное недовольство внутренней политикой и экономической ситуацией отражалось на желании масс участвовать в демонстрациях, на их восприятии «как повинности». В 1935 г. ожидалось, что на демонстрацию в Иркутске выйдет около 50 тыс. человек. Однако фактически в ней приняло участие не более 20 тыс. В лучшем случае от коллектива являлось 75% трудящихся, в худшем – не более чем 45%. Рабочие нередко проявляли равнодушие, даже пренебрежение к политической символике. После 7 ноября партийные органы получали информацию, в которой содержались сведения о том, что, к примеру, кто-то из рабочих, неся бюст вождя, ругал его матом. Так, справка управления НКВД сообщала о том, что один

из участников демонстрации отказывался нести красный флажок, пытался отдать его идущим рядом, но и они флажок не брали. В итоге этот флажок упал и остался валяться на дороге, по нему прошли несколько рядов демонстрантов. Аналогичная ситуация сложилась с наградным переходящим красным знаменем, которое получил коллектив литографского цеха ОГИЗа. Никто не хотел нести это знамя. В итоге оно упало и некоторое время валялось на мостовой, пока его не поднял председатель профкома, очевидно испугавшийся наказания [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 260–263]. Эти примеры выглядят как антиподы шаблонного мотива дискурса пропаганды – красного знамени, уроненного в бою одним смертельно раненным героем-жертвой и поднятого другим героем-победителем.

Сводки свидетельствуют, что многие горожане воспринимали праздничную риторику как лживый поток пропаганды. Фиксировались высказывания: «Этот праздник не для нас, а для начальства и трепачей с длинными языками. Они говорить будут и премии получат, а рабочий постоит на площади и пойдет домой». Звучала и негромкая критика праздничной пропаганды стахановского движения как призыва работать на износ. 7 ноября демонстранты вместо того, чтобы воодушевляться на борьбу за выполнение досрочных планов пятилеток, могли, идя в строю, рассказывать друг другу политические анекдоты. В иркутские сводки попал один из них: «Сталин придумывал, как дешевле и эффективнее провести праздник Октябрьской революции. Позвал своего секретаря и тот посоветовал ему застрелиться, мол это будет дешево, произведет много шума и рабочие будут довольны» [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 263].

Стоит иметь в виду и то, что народ постепенно привыкал к ежегодным Октябрьским торжествам, праздник обмирщался, становился очередным «поводом выпить» для людей с пристрастием к алкоголю. Среди иркутян звучали прозаические оценки дня 7 ноября: «Эти праздники все население ждет потому, что магазины выбрасывают товары, дают зарплату и рабочие проводят эти дни в пьянстве» [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 263]. «На ноябрьскую» пьянствовали и организаторы торжеств. Так, председателя управления Восточно-Сибирской железной дороги соратники обвинили в том, что накануне праздника он напился и сорвал подготовку. В итоге на торжественное собрание железнодорожников явилось только 30% рабочих. Неизбежно 7 ноября дебоширили нетрезвые трудящиеся. Подчас доходило до драк и даже убийств [Там же. Л. 260–264]. Алкоголь развязывал языки. В итоге только в 1935 г. в Восточно-Сибирском крае было арестовано 72 человека за антисоветскую пропаганду в праздничные дни [Там же. Л. 266].

Празднования годовщин Октябрьской революции Красноярске и Иркутске с самого начала не отличались оригинальностью, что было обусловлено, прежде всего, жесткой политикой памяти и единым для всей страны шаблоном торжеств. Однако в начале 1920-х гг. жители городов Восточной Сибири могли использовать памятную дату как повод предаться совместным воспоминаниям о недавних кровавых событиях и помянуть погибших. К середине 1920-х г. торжества стали оптимистичными, оторванными от памяти о местных событиях и очень официальными, что, видимо, и вызывало их отторжение многими сибиряками, которые участвовали в коммеморативных мероприятиях по принуждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти. М. : АИРО-XXI, 2010. 256 с.
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 400 с.
3. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
4. Corney F.C. Telling October : Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, N.Y. : Cornell University press, 2004. 266 p.
5. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington : Indiana University Press, 2000. 266 p.
6. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОСПЭН, 2009. 440 с.
7. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
8. Васильев А.Г. Современные «memory studies» и трансформация классического наследия // Диалог со временем: память о прошлом в контексте истории. М. : Либроком, 2008. С. 20–21.
9. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–73.
10. Государственный архив Новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1.
11. Покровский М.Н. Октябрьская революция : сб. ст. (1917–1927 гг.). М. : Изд-во Коммунист. акад., 1929. 418 с.
12. ГАНИИО. Ф. 123.
13. К празднованию трехлетней годовщины в Иркутске // Власть труда. 1920. 9 нояб.
14. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1.
15. К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.
16. Вечер воспоминаний // Власть труда. 1922. 5 нояб.
17. Митинг в Гортатеатре // Красноярский рабочий. 1923. 9 нояб.
18. Шахматов И. Вспоминают минувшие дни // Красноярский рабочий. 1927. 10 нояб.
19. Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.
20. Октябрь в Иркутске // Власть труда. 1926. 9 нояб.
21. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1.
22. Беседа со старым большевиком // Восточно-Сибирская правда. 1935. 7 нояб.
23. План проведения демонстрации 7 ноября 1927 г. // Красноярский рабочий. 1927. 4 нояб.
24. Шад А. «Зимний взят» (массовое действо на площади) // Власть труда. 1927. 10 нояб.
25. Октябрьские торжества // Власть труда. 1922. 9 нояб.
26. Город в Октябрьские дни // Восточно-Сибирская правда. 1935. 4 нояб.
27. Перед праздником // Восточно-Сибирская правда. 1937. 1 нояб.
28. План проведения шестой годовщины Октябрьской революции // Власть труда. 1923. 6 нояб.
29. Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.

30. К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.
31. Восьмой Октябрь // Власть труда. 1925. 9 нояб.
32. 14 Октябрь в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1931. 10 нояб.
33. Перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся // Восточно-Сибирская правда. 1933. 10 нояб.
34. Парад и демонстрация в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1945. 10 нояб.
35. Торжественное заседание Иркутского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября // Власть труда. 1920. 9 нояб.
36. Торжественный пленум горсовета // Власть труда. 1929. 9 нояб.
37. Торжественное заседание пленума Иркутского горсовета // Восточно-Сибирская правда. 1935. 10 нояб.
38. Аргунский И. Демонстрация любви и преданности Родине // Восточно-Сибирская правда. 1937. 10 нояб.
39. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1.
40. Последнее решение Октябрьской комиссии // Власть труда. 1929. 6 нояб.
41. «Шторм» в Театре! // Власть труда. 1927. 10 нояб.
42. [Объявления] // Красноярский рабочий. 1937. 7 нояб.
43. [Объявления] // Восточно-Сибирская правда. 1937. 7 нояб.
44. Куда пойти? // Восточно-Сибирская правда. 1940. 7 нояб.
45. На площади революции // Красноярский рабочий. 1924. 9 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

OCTOBER CELEBRATIONS IN THE ADMINISTRATIVE CENTERS OF EASTERN SIBERIA: A COMMEMORATIVE ASPECT (1920–1945)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 105–115.

DOI: 10.17223/15617793/423/14

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: October celebrations; political celebration; commemoration; Siberia.

The purpose of the article is to characterize the commemorative features of the October celebrations arranged in the administrative centers of Eastern Siberia between the Civil War and the end of the Great Patriotic War. The sources for the research were unpublished office documents stored in the archives of Eastern Siberia, daily newspapers published in Krasnoyarsk and Irkutsk (1920–1945). The author determines the place and role of commemorations in festive scenarios, gives their typical examples and special conditions of celebrations peculiar to Eastern Siberia. The dynamics of festive commemorations are traced. The author establishes the tendency of their perception by the inhabitants of Irkutsk and Krasnoyarsk. In Krasnoyarsk and Irkutsk the October celebrations were not original from the beginning. This was due to the strict memory policy and the pattern of celebrations, uniform for the whole country. The author ascertains that before the Great Patriotic War the typical scenario of celebration of the October revolution anniversaries included memorial evenings (rallies, solemn meetings), military parades and demonstrations, solemn sessions of the city administration, entertainment events. In the early 1920s residents of the Eastern Siberia cities usually used the memorable date as an excuse to indulge in joint memories of the recent bloody events and to remember the dead. Festive demonstrations rushed to the mass graves of the victims of the revolution and the Civil War. There rallies were held, remembrance of the victims was carried out. Holiday theater productions could be dedicated to military-revolutionary events in Eastern Siberia. By the mid-1920s, the celebrations became optimistic and detached from the memory of the local events. In the years of the Great Patriotic War, festive scenarios centered around collective listening to live radio broadcast of the speeches of J. Stalin. During wartime, on 7 November there was almost no reminiscing of the October revolution at official events. Honoring the heroes of the revolution halted. Newspapers consistently recorded the unanimity and enthusiasm of the worker masses in the October days. However, it was only wishful thinking. In the early 1920s, the most popular holiday of the country caused numerous negative reactions of Siberians. Many of the demonstrators resented the coercion to participate in activities. Walking in the ranks, the Siberians could tell political jokes and refuse to carry red banners. Also, drinking of workers was a problem for the organizers of the celebrations.

REFERENCES

1. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda: kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
2. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
3. Shapovalov, S.N. (2011) *Istoricheskaya transformatsiya rossiyskikh (sovetskikh) gosudarstvennykh prazdnikov v 1917–1991 gg. (na materialakh Krasnodarskogo kraia i Rostovskoy oblasti)* [Historical transformation of Russian (Soviet) state holidays in 1917–1991 (on the materials of Krasnodar Krai and Rostov Oblast)]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnodar.
4. Corney, F.S. (2004) *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
5. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
6. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass celebrations]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
7. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Remember or forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia]. Novosibirsk: NSTU.
8. Vasil'ev, A.G. (2008) Sovremennye “memory studies” i transformatsiya klassicheskogo naslediya [Modern “memory studies” and the transformation of the classical heritage]. In: *Dialog so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogue with time: memory of the past in the context of history]. Moscow: Librokom.
9. Olick, J. (2012) Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. Translated from English by D. Khlevnyuk. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 1. pp. 40–73. (In Russian).
10. State Archive of the New History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 1. List 1. (In Russian).
11. Pokrovskiy, M.N. (1929) *Oktyabr'skaya revolyutsiya: sb. st. (1917–1927 gg.)* [October Revolution: articles (1917–1927)]. Moscow: Izd-vo Kommunist. akad.
12. State Archive of the New History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 123. (In Russian).
13. *Vlast' truda*. (1920) K prazdnovaniyu trekhletney godovshchiny v Irkutske [To the celebration of the three-year anniversary in Irkutsk]. *Vlast' truda*. 9 November

14. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-1. List 1. (In Russian).
15. Krasnoyarskiy rabochiy. (1922) K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii [To the anniversary of the October Revolution]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 3 November.
16. Vlast' truda. (1922) Vecher vospominaniy [Evening of memories]. *Vlast' truda*. 5 November.
17. Krasnoyarskiy rabochiy. (1923) Miting v Gorteaatre [Meeting in City Theater]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 9 November.
18. Shakhmatov, I. (1927) Vspominayut minuvshie dni [Remembering the past days]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 10 November.
19. Vlast' truda. (1924) Sed'moy Oktyabr' [The seventh October]. *Vlast' truda*. 9 November.
20. Vlast' truda. (1926) Oktyabr' v Irkutske [October in Irkutsk]. *Vlast' truda*. 9 November.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-17. List 1.
22. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Beseda so starym bol'shevikom [A conversation with an old Bolshevik]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
23. Krasnoyarskiy rabochiy. (1927) Plan provedeniya demonstratsii 7 noyabrya 1927 g. [Plan for the demonstration on November 7, 1927]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 4 November.
24. Shad, A. (1927) "Zimniy vzyat" (massovoe deystvo na ploshchadi) ["The Winter Palace is taken" (mass action on the square)]. *Vlast' truda*. 10 November.
25. Vlast' truda. (1922) Oktyabr'skie torzhestva [October celebrations]. *Vlast' truda*. 9 November.
26. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Gorod v Oktyabr'skie dni [The city in the October days]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 4 November.
27. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1937) Pered prazdnikom [Before the holiday]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1 November.
28. Vlast' truda. (1923) Plan provedeniya shestoy godovshchiny Oktyabr'skoy revolyutsii [Plan for the sixth anniversary of the October Revolution]. *Vlast' truda*. 6 November.
29. Vlast' truda. (1924) Sed'moy Oktyabr' [The seventh October]. *Vlast' truda*. 9 November.
30. Krasnoyarskiy rabochiy. (1923) K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii [To the anniversary of the October Revolution]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 3 November.
31. Vlast' truda. (1925) Vos'moy Oktyabr' [The eighth October]. *Vlast' truda*. 9 November.
32. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1931) 14 Oktyabr' v Irkutske [October 14 in Irkutsk]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
33. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1933) Pered tribunoy proshlo 50 tys. trudyashchikh [Fifty thousand workers passed before the rostrum]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
34. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1945) Parad i demonstratsiya v Irkutske [Parade and demonstration in Irkutsk]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
35. Vlast' truda. (1920) Torzhestvennoe zasedanie Irkutskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov 6 noyabrya [Solemn meeting of the Irkutsk Soviet of Workers' and Red Army deputies on November 6]. *Vlast' truda*. 9 November.
36. Vlast' truda. (1929) Torzhestvennyy plenum gorsoveta [The ceremonial plenum of the City Council]. *Vlast' truda*. 9 November.
37. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Torzhestvennoe zasedanie plenuma Irkutskogo gorsoveta [Solemn meeting of the plenum of the Irkutsk City Council]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
38. Argunskiy, I. (1937) Demonstratsiya lyubvi i predannosti Rodine [Demonstration of love and devotion to the homeland]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
39. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-10. List 1. (In Russian).
40. Vlast' truda. (1929) Poslednee reshenie Oktyabr'skoy komissii [The last decision of the October Commission]. *Vlast' truda*. 6 November.
41. Vlast' truda. (1927) "Shtorm" v Teatre! ["Storm" at the Theater!]. *Vlast' truda*. 10 November.
42. Krasnoyarskiy rabochiy. (1937) [Ob'yavleniya] [[Announcements]]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 7 November.
43. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1937) [Ob'yavleniya] [[Announcements]]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
44. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1940) Kuda poyti? [Where to go?]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
45. Krasnoyarskiy rabochiy. (1924) Na ploshchadi revolyutsii [At the revolution square]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 9 November.

Received: 26 June 2017

ДЕЛО И. РОДИОНОВА И И. РОЗОВСКОГО 1879–1880 гг. В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В 1870–1880-х гг.

Детально исследуется дело И. Родионова и И. Розовского 1879–1880 гг., остающегося малоизученным и недостаточно освещенным в научной литературе. Материалы дела ценны тем, что содержат в себе комплекс информации по актуальным вопросам изучения революционного терроризма в России 1870–1880-х гг. На основе этой информации можно рассмотреть часть общего процесса эволюции идейных основ революционного терроризма в России, а также выявить, как он воспринимался политической элитой страны, что позволяет оценить воздействие терроризма на самодержавие.

Ключевые слова: революционное движение; народничество; революционный терроризм; судебные процессы над революционерами; Народная воля; И.И. Розовский; И.В. Родионов.

При изучении истории такого явления, как терроризм, особенно актуальными для современных исследователей становятся вопросы его идейно-психологической составляющей в целом. Имея в поле зрения обширное количество трудов советских историков, посвященных народничеству, в которых косвенно затрагивалась и проблема терроризма, у исследователя может возникнуть впечатление, что эта тема изучена достаточно. Но это далеко не так. Советские историки, проводя трудоемкую эвристическую работу, больше занимались вопросами устройства, структуры революционных организаций 1870–1880-х гг., отдельных пунктов их политических программ, целей и намерений, в этих программах заложенных. Была в целом реконструирована история развития этих революционных организаций.

Выявив крупную источниковую базу, советские исследователи революционного народничества не успели непосредственно сосредоточиться на теме революционного терроризма, тем более его идейно-психологических основ. В современной российской исторической науке присутствуют монографии, посвященные идеологии и психологическим аспектам революционного терроризма 1870–1880-х гг. [1, 2], но таких фундаментальных научных работ единицы, поэтому темы мотивации, идеологических основ, восприятия терроризма обществом в России при Александре II по-прежнему находят недостаточное освещение.

При обращении к этим проблемам источниковой базой в основном служат документы личного происхождения, делопроизводственные материалы, периодика. Особое значение в этом ряду имеют документы органов следствия и суда. Интересны они тем, что отражают точки зрения на ситуацию как охранителей, так и самих революционеров, а также показывают реакцию государства на революционный терроризм, революционное движение в общем.

Кроме того, порой в материалах следствия, вещественных доказательствах можно отыскать сохранившиеся в единственном экземпляре варианты программ революционных организаций и кружков, записки революционеров и т.п. В советской и российской исторической науке рассматривались основные следственные дела и процессы над революционерами, такие как процессы 193-х, 50-ти, процессы первомайцев и остальных народовольцев, принимавших участие в покушениях на Александра II. Большой

вклад в изучение судебных процессов над народниками внес Н.А. Троицкий, подробно исследовавший большинство этих процессов [3–6].

На данный момент остаются малоизученными некоторые судебные процессы, которые нельзя назвать громкими, по сравнению с процессом тех же первомайцев, но данные из материалов этих процессов, несомненно, являются важными в свете темы революционного терроризма сразу в нескольких аспектах. Один из таких комплексов документов – дело И. Родионова и И. Розовского.

18 декабря 1879 г. на станции Ольшанки Киево-Брестской железной дороги за расклеивание двух прокламаций революционной организации «Народная воля», посвященных покушению на императора 19 ноября 1879 г., был задержан некий юноша. Как сообщается в жандармском рапорте, при установлении личности им оказался семнадцатилетний солдатский сын Иван Васильевич Родионов [7. Л. 5].

Юный Родионов на первом же допросе показал, что листовки нашел в публичной библиотеке в газете «Молва» и расклеил их потому, что хотел отделаться от этих бумаг [8. С. 6]. Затем, на другом допросе, на который он вызвался сам, Родионов сообщил, что, приехав в Киев, он отправился ночевать к знакомому студенту Розовскому, которого на квартире не застал. Вместе с И. Родионовым квартире Розовского ночевал некий неизвестный ему господин, ушедший утром с квартиры прихватив из-под подушки револьвер [Там же]. Явившийся на квартиру Розовский сказал Родионову, что ночевавший с ним известный радикал Сергей и передал Родионову две упомянутые прокламации [Там же].

Вскоре жандармы явились на квартиру к Иосифу Исааковичу Розовскому, 19 лет, студенту 1-го курса физико-математического факультета Киевского университета. В донесении жандармского офицера сообщалось, что при обыске в квартире было обнаружено следующее: два бланка о явке к исполнению воинской повинности, бланк об увольнении из университета, сундук, в котором обнаружены: четыре литографированных полулиста с программой южного Исполнительного комитета, запрещенное стихотворение Н.А. Некрасова «Пир на весь мир», коробка с 25 патронами для револьвера, записная книжка [7. Л. 5 об.–6].

Иосиф Розовский на следствии заявил, что в революционной организации не состоит, прокламаций

никому не передавал, сундук, а значит программа и патроны, ему не принадлежат [8. С. 6]. Впоследствии Розовский хоть и признал, что сундук принадлежит ему, но стоял на том, что передал его лицу, которое называть он не хочет, а вещи, обнаруженные в сундуке, ему не принадлежат [8. С. 6]. На очной ставке И. Родионов не признал в И. Розовском того человека, который передал ему прокламации [7. Л. 10]. Но после этого он свои показания изменил и заявил, что не хотел оговаривать Розовского в его присутствии. После, уже на процессе, Родионов вновь отказался от своих показаний. Общие знакомые И. Родионова и И. Розовского не дали никаких удостоверений в том, что Родионов бывал в квартире Розовского и вообще с ним знаком [Там же. Л. 10 об.].

К моменту окончания процесса, в феврале 1880 г., Родионову исполнилось 18 лет, Розовскому, соответственно, 20 лет. Оба являлись несовершеннолетними, согласно действующему законодательству, и не могли быть приговорены к слишком суровому наказанию [9. Т. 15. С. 21–22; 33–35].

Кроме этого, обращает на себя внимание отсутствие какой-либо серьезной и основательной доказательной базы обвинения. Факт расклеивания листовок И. Родионовым был неоспорим, но то, что их передал ему И. Розовский, следствие доказать не сумело, принадлежность студенту патронов и программы революционной организации тоже оставалась спорной. Последнее даже не ставилось в вину Розовскому, его обвиняли в принадлежности к «революционной партии» [7. Л. 11–14; 8. С. 6].

Свидетельских показаний, уличающих Розовского, не было. Но суд приговорил И. Розовского и И. Родионова к смертной казни, признав их виновными в принадлежности к революционной организации. Приговор шокировал общество. Генерал-адъютант П.С. Ванновский, временно исполнявший обязанности киевского генерал-губернатора и командующего Киевским военным округом, заменил смертную казнь для Родионова на шесть лет каторжных работ с последующим вечным поселением в Сибири. Приговор в отношении И. Розовского изменен не был. Розовского повесили 5 марта 1880 г. Безрадостно сложилась и судьба И. Родионова. По окончании назначенных ему каторжных работ у него обнаружили признаки сумасшествия [7. Л. 28]. После выздоровления им было подано прошение о помиловании и отправке его домой на поруки отцу [Там же. Л. 30]. Два года (!) жандармские бюрократы и чиновники министерства юстиции пересылали друг другу записки и рапорты, решая, подавать или нет прошение Родионова Александру III [Там же. Л. 28–31]. В конце концов вопрос был решен в пользу заключенного и он, сломленный каторгой и ссылкой, переживший время умопомешательства, был отправлен к отцу.

Приговор И. Родионову и И. Розовскому откровенно противоречил действующему законодательству, т.е., по сути, был незаконен. Согласно Уложению об уголовных и исправительных наказаниях обоим подсудимым как несовершеннолетним наказание должно было быть снижено на одну или две степени, тем более учитывая, что ранее они не привлекались к ответ-

ственности по политическим преступлениям [9. Т. 15. С. 33–35]. По Воинскому уставу о наказаниях (оба были судимы военным судом в условиях военного положения) точно так же, как и по гражданскому Уложению об уголовных и исправительных наказаниях, Родионова и Розовского, не достигших на момент окончания процесса 21 года, никак не могли приговорить к смертной казни [10. С. 28]. При этом необходимо учитывать потаенную для властей часть этого дела. У Розовского ночевал другой революционер, А.М. Диковский (тот самый «Сергей»), патроны и программа принадлежали ему [11. С. 263]. И. Розовский, естественно, отказался признавать эти вещи своими, но и выдавать владельца не стал. У революционеров, знавших об этой стороне дела, несправедливость и жестокость приговора Розовского вызывала только гнев и возмущение. С.М. Степняк-Кравчинский справедливо отмечал, что «в обычное время его [И. Розовского] выслали бы в Сибирь в административном порядке, то есть без суда». «Возможно даже, что он, как несовершеннолетний... отделался бы ссылкой в одну из северных губерний. Но пятого числа того месяца произошел взрыв в Зимнем дворце... Надо было дать устрашающий урок, и юноша заплатил своей жизнью за деяния других» [12. С. 126]. Даже представители революционного подполья прекрасно понимали, что данный приговор был своеобразным ответом властей на взрыв 5 февраля 1880 г., устрашением, уроком революционерам на будущее, ради чего нарушались установленные самой же царской администрацией законы.

Само дело И. Родионова и И. Розовского исследовано недостаточно. В основном на него ссылались как на факт незаконных действий царизма, жестокости в отношении к революционерам. Процесс был коротко проанализирован Н.А. Троицким в нескольких трудах [3. С. 195; 197; 4. С. 89–90]. В них он ссылался на документы из ЦГИА СССР и только на приговор суда [4. С. 89]. Сами материалы дела, находящиеся сейчас в фондах РГИА (а следовательно, само дело Родионова и Розовского), достаточно ценны, поэтому необходимо уделить им большее внимание. Можно сказать, что благодаря материалам этого процесса до нас дошла программа революционеров-«южан». Примечательна она тем, что именно на территории малороссийских и новороссийских губерний впервые стали применяться террористические методы революционной борьбы и начало формироваться теоретическое обоснование этих методов. В конце этой программы содержалось пять тезисов, второй по счету говорил о необходимости «дискредитировать правительство в глазах народа всеми зависящими от нас средствами: террором, демонстрациями бунтами» [7. Л. 5 об. – 6]. Как видно из этой части программы, революционеры Юга намного раньше, чем революционеры-«северяне», центром которых был Петербург, стали приходить к осознанию главной действующей силы терроризма – возможности дискредитировать политическую власть, продемонстрировав ее бессилие в борьбе с ними, а значит, подорвать, таким образом, ее авторитет. Эта информация, несомненно, очень полезна при реконструкции процесса складывания идеологии революционного терроризма в России в 1870–1880-х гг.

Два других аспекта дела Родионова и Розовского тесно взаимосвязаны. С одной стороны, видно, насколько самодержавие было встревожено и даже испугано революционным движением и непосредственно терроризмом. Но при этом оно пыталось разрешить ситуацию при помощи старых средств, которые стали принимать все более неадекватный характер, т.е. ответ властей, наказания большинству участников революционного движения оказывались несоизмеримы совершенным им правонарушениям даже в рамках действующего законодательства. Это лишний раз подтверждает существование серьезного политического кризиса в России на рубеже 1870–1880-х гг. С другой стороны, подобные неадекватные меры правительства предсказуемо формировали мотив мести у революционеров, подталкивали их ко все более решительным мерам и усилению своей борьбы с самодержавием.

То, какое возмущение у революционеров и различных представителей общественности, деятелей культуры вызвал этот процесс и казнь Розовского, можно проследить по их воспоминаниям, дневникам, письмам. М.Ф. Фроленко, вспоминая о происшедшем тогда на Юге, писал, что «наступает нечто неопишное». «Высылают, казнят, арестуют – и кого? Людей, часто виновных лишь в том, что у них переночевал нелегальный человек и оставил пачку прокламаций. Так был казнен Розовский в Киеве, отказавшийся сказать, кто это у него ночевал и оставил пакет» [13. С. 69]. Л.Н. Толстой в письме к Н.Н. Ге писал, что рассказ о деле Розовского и Родионова, составленный другим политзаключенным Кандыбой и

присланный художником ему, «произвел страшное впечатление» [14. Т. 90. С. 308]. «Как же после этого не быть 1-му марта?» – вопрошал известный писатель [Там же]. Впечатление было настолько велико, что Л.Н. Толстой поместил этот рассказ, от лица одного из героев, в свой последний роман «Воскресение».

Материалы дела И. Родионова и И. Розовского ценны тем, что представляют разноплановый комплекс информации по ряду актуальных вопросов изучения истории революционного терроризма в России 1870–1880-х гг. Благодаря этой информации можно сделать вывод, что некоторые революционеры Юга прекрасно осознавали провокационную и дискредитационную силу индивидуального терроризма против самодержавной власти. В этом случае перед исследователем предстает часть общего процесса эволюции идейных основ революционного терроризма в России. Материалы дела Родионова и Розовского показывают, как терроризм воспринимался политической и административной элитой страны. Самодержавие было так встревожено возможными последствиями терроризма, что в качестве устрашения, в нарушение действующего законодательства, выносило смертные приговоры тем, чья вина заключалась в расклеивании листовок или в хранении запрещенной литературы, и то не доказанная на суде. Данное небольшое, но значимое в контексте политической ситуации России начала 1880-х гг. дело среди прочего прекрасно иллюстрирует то, что в указанный период в стране установилась напряженная, критическая ситуация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
2. Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.
3. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978.
4. Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов, 1983.
5. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866–1895 гг. М., 1979.
6. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов, 1976.
7. РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7974.
8. Судебная хроника // Киевские губернские ведомости. 1880. 4 марта. С. 5–6.
9. Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. С. 1–602.
10. Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868.
11. Попов М.Р. Записки землепользователя. М., 1933.
12. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Москва ; Берлин, 2015.
13. «Народная воля» и «Черный передел»: воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1878–1882 гг. Л., 1989.
14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 90.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

THE 1879–1880 CASE OF I. RODIONOV AND I. ROZOVSKY IN THE LIGHT OF THE STUDY OF REVOLUTIONARY TERRORISM IN RUSSIA IN THE 1870S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 116–119.

DOI: 10.17223/15617793/423/15

Denis A. Morozov, School No 31 (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

Keywords: revolutionary movement; populism; revolutionary terrorism; trials of revolutionaries; *Narodnaya volya*; I.I. Rozovsky; I.V. Rodionov.

The article considers I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov's case in the light of studying revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s. Addressing the issues of motivation, ideological bases, perceptions of terrorism by society in Russia during Alexander II's reign the main historical sources are generally personal documents, office materials and the press. Court and investigation documents are of special value. They are interesting as they reflect the way both guardians and revolutionaries perceived the situation. Moreover, they show the reaction of the state to revolutionary terrorism. Currently some lawsuits (perhaps not so famous) are still poorly studied, though these materials could undoubtedly be important from the point of view of studying revolutionary terrorism in a number of aspects. Such aspects become known while studying the case of I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov in detail. In December

1879 I.V. Rodionov was detained at one of railway stations, sticking the leaflets of the revolutionary organization “Narodnaya volya” devoted to an attempt on Alexander II’s life on November 19, 1879. I.V. Rodionov told gendarmes that he had received the leaflets from I.I. Rozovsky, a student of Kiev University. Soon I.I. Rozovsky was arrested. The search in Rozovsky’s apartment revealed the program of the Southern Executive Committee, a box with 25 cartridges for the revolver. The investigation could not prove otherwise, as well as it could not prove I.I. Rozovsky’s and I.V. Rodionov’s membership in the revolutionary organization. Still the martial court sentenced I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov to capital punishment having found them guilty of belonging to the revolutionary organization. The capital punishment for Rodionov was replaced by six years of hard labor with the subsequent lifelong settlement in Siberia. The sentence of I.I. Rozovsky was not changed. The sentences of I.V. Rodionov and I.I. Rozovsky obviously contradicted the current legislation. The article points out that the materials of I.I. Rozovsky and I.V. Rodionov’s case show the program of revolutionaries of Little Russia and Novorossiysk Provinces – members of the so-called Executive Committee. Information obtained from this program is undoubtedly useful for reconstructing the formation of the ideology of revolutionary terrorism in Russia in the 1870s–1880s. In addition, the article demonstrates the way the political and administrative elite of imperial Russia perceived terrorism. The article concludes that this minor, but significant case in the context of the political situation in Russia at the beginning of the 1880s among other things perfectly illustrates that during the specified period the situation in the country was rather tense and critical.

REFERENCES

1. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN).
2. Safronova, Yu. (2014) *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Troitskiy, N.A. (1978) *Bezumstvo khrabrykh: russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma 1866–1882 gg.* [Madness of the brave: the Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism in 1866–1882]. Moscow: Mysl'.
4. Troitskiy, N.A. (1983) “Narodnaya volya” *pered tsarskim sudom (1880–1894)* [“Narodnaya Volya” before the tsar’s court (1880–1894)]. Saratov: Saratov State University.
5. Troitskiy, N.A. (1979) *Tsarizm pod sudom progressivnoy obshchestvennosti. 1866–1895 gg.* [Tsarism under the court of the progressive public. 1866–1895]. Moscow: Mysl'.
6. Troitskiy, N.A. (1976) *Tsarskie sudy protiv revolyutsionnoy Rossii (Politicheskie protsessy 1871–1880 gg.)* [Tsarist courts against revolutionary Russia (Political processes of 1871–1880)]. Saratov: Saratov State University.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 77. File 7974. (In Russian).
8. Kievskie gubernskie vedomosti. (1880) *Sudebnaya khronika* [Court Chronicle]. *Kievskie gubernskie vedomosti*. 4 March. pp. 5–6.
9. Russian Empire. (1857) *Ulozhenie o Nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [The Code of Criminal and Correctional Penalties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 15. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
10. Russian Empire. (1868) *Voinskiy ustav o nakazaniyakh* [Military regulations on punishments]. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
11. Popov, M.R. (1933) *Zapiski zemlevol'tsa* [Notes of a Land and Liberty member]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
12. Stepnyak-Kravchinskiy, S.M. (2015) *Rossiya pod vlast'yu tsarey* [Russia under the rule of tsars]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
13. Volk, S.S. (ed.) (1989) “Narodnaya volya” i “Chernyy peredel”: *vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge v 1878–1882 gg.* [People’s Will and Black Partition: memories of participants in the revolutionary movement in St. Petersburg in 1878–1882]. Leningrad: Lenizdat.
14. Tolstoy, L.N. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 90. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

Received: 28 June 2017

К.Г. Муратишина, А.Е. Иванова

ПОЛИТИКА КИТАЯ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ

*Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+,
Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.*

Рассматриваются факторы, причины и инструменты участия Китайской Народной Республики в Арктическом совете – в будущем межправительственном интеграционном объединении в Арктическом регионе. Прослеживаются некоторые этапы долгосрочной стратегии КНР по получению доступа к управлению Арктическим регионом и использованию его ресурсов, анализируются методы, применявшиеся китайской стороной для получения одобрения своих действий со стороны арктических государств – членов АС. Используются такие источники, как официальные заявления китайской стороны, публикации китайских экспертов, многосторонние документы АС, двусторонние документы, актуальные публикации СМИ КНР и стран АС, с которыми она осуществляет наиболее тесное взаимодействие.

Ключевые слова: Китай; Арктика; Арктический совет; российско-китайские отношения; арктическая политика Китая.

Исследование международных отношений и проблем безопасности в Арктическом регионе является одной из актуальных тем международных исследований на современном этапе. В том числе важным становится изучение интеграционных процессов, осуществляемых в регионе. Арктика не стала исключением в условиях усиления повсеместных для глобализирующегося мира тенденций к созданию интеграционных институтов и роста роли многосторонней дипломатии.

Ключевым многосторонним межправительственным объединением в регионе является Арктический совет (АС). В рамках данного исследования рассматривается участие в нем в качестве наблюдателя Китайской Народной Республики, проявляющей уже много лет повышенный интерес к Арктическому региону и наиболее громко заявляющей о своих правах на использование его ресурсов и торговых путей.

С точки зрения типологии интеграционных объединений, Арктический совет является региональной межправительственной организацией. Свою деятельность он ведет с 1996 г. Основные сферы – координация усилий по решению различных проблем в регионе, в том числе взаимодействие с другими межправительственными и неправительственными организациями в деле борьбы с угрозами экологической безопасности и обеспечении прав коренных народов [1]. Не менее важными задачами организации являются регулирование вопросов хозяйственной деятельности на арктическом шельфе, сохранение биоразнообразия, координация спасательных операций, авиационного и морского поиска и т.д. [2]. В качестве постоянных членов в его ряды входят арктические государства – Россия, США, Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция.

Поскольку организация является главным координирующим, правосоздающим и правореализующим субъектом в таком геополитически значимом регионе, как Арктика, о желании войти в нее со временем начали заявлять и неарктические государства, в том числе Китай. Впервые Пекин подал заявку на вступление в АС на правах наблюдателя еще в 2009 г., однако она была отклонена. Наиболее категоричную позицию тогда заняла Норвегия [3. С. 45].

КНР не оставила своих попыток. К тому моменту арктическое направление уже, по сути, заняло место в

ряду ключевых для нее внешнеполитических задач в силу заинтересованности, как логично предположить, во всех видах имеющихся в Арктике природных ресурсов и использовании в случае таяния льдов ее транспортных путей. Отдающее откровенным национализмом заявление на официальном сайте Государственной администрации по вопросам океанов, опубликованное еще в 2007 г., гласило: «Китай – великая нация, и он готов, в интересах человечества и всего мира, внести свой вклад в исследование, развитие и *использование* (курсив наш. – К.М.) Арктики» [4].

В реальности притязания выражались в том, что на тот период у Китая уже имелся задел по изучению Арктики. В частности, действовали два ключевых подразделения Государственной администрации по вопросам океанов: Управление Арктики и Антарктики (структура, занимающаяся «организацией полярных экспедиций», «сотрудничеством с зарубежными программами полярных исследований», «популяризацией полярных экспедиций», а также, что самое интересное, не расшифрованными «другими задачами, стоящими перед Административной» [5]), и Институт по изучению полярных территорий [6] (сфера его деятельности – естественнонаучные области: гляциология, океанография, физика, биология и т.д.; к этим отраслям относятся доступные на сайте Института публикации его сотрудников).

Также был начат целый ряд других научно-исследовательских программ, изучающих темы, связанные с Арктическим регионом [7. Р. 5]. Кроме этого, КНР владела небольшой научно-исследовательской базой на о. Свальбард [8] (открытой в 2004 г., задолго до скандала с диссидентом-Нобелевским лауреатом и ухудшения отношений с Норвегией) и купленным в свое время у Украины недостроенным советским ледоколом, который сначала пришлось достраивать и только потом использовать для экспедиций в Арктику и Антарктику [9].

Необходимо отметить интенсивность и разнообразие методов, которыми Китай добивался участия в АС. Во-первых, страна каким-то неизвестным образом присоединялась к работе министерских конференций [10]. Во-вторых, начала организовывать визиты в АС своих исследователей (как специалистов естественнонаучного профиля, например, по гляциологии [11], так и исследователей международных от-

ношений [12. Р. 19]) и журналистов [Ibid.]. Премьер Вэнь Цзябао активно обсуждал вопрос членства в организации с представителями скандинавских государств во время серии визитов в 2012 г. [13].

Развивались и научные исследования внутри страны. В Шанхае в 2009 г. начал работу специализированный Центр полярных и океанологических исследований, в качестве сфер деятельности которого на его официальном сайте заявлены «всеобъемлющие исследования Арктики и Антарктики: политика, право, безопасность, общество, окружающая среда, экономика, полярная стратегия и полярная политика КНР». Среди конкретных мероприятий Центра – проведение научных исследований, в том числе междисциплинарных, сотрудничество с зарубежными специалистами. В числе научных сотрудников Центра есть и эксперты по международным отношениям, а советником организации является посол КНР в Исландии. Финансируется деятельность Центра Государственной администрацией по вопросам океанов [14]. Отличие этого Центра от упоминавшегося выше Института по изучению полярных территорий в том, что в шанхайском Центре акцент сделан на политические науки, а не на естественнонаучное направление.

В списке публикаций шанхайского Центра на его официальном сайте перечислены названия сравнительно небольшого количества работ (без гиперссылок и тем более без полного текста) по изучению международных отношений в Арктическом регионе с точки зрения теории игр, а также по изучению нетрадиционных угроз региональной безопасности, возможностей Китая по участию в глобальном управлении Арктикой, истории и этнографии коренных народов Арктики и различным аспектам изучения Антарктики. В разделе «документы» приводятся декларации АС разных лет и арктические стратегии государств АС, но, как нетрудно догадаться, не приводится какой-либо открытой и столь же четко и ясно сформулированной и выложенной в общий доступ арктической стратегии самого Китая. Логично предположить, что большая часть работы такого *think tank* в частности и составление арктической стратегии КНР в целом может вестись в закрытом режиме и по конкретным госзаданиям.

Далее следует отметить участие КНР во встрече наблюдателей АС и «наблюдателей ad hoc» в 2012 г., где китайской стороной было сделано программное заявление о том, что в Арктике есть вопросы «трансрегионального уровня», такие как изменение климата и международные грузоперевозки, «затрагивающие интересы неарктических стран», и что в случае принятия в свои ряды наблюдателей Совет повысит свою «открытость и инклюзивность, получит более высокую оценку своей работы мировым сообществом, а также в целом расширит свое влияние». Особого внимания заслуживает выражение из области некой дипломатической эквилибристики, в котором было собрано всё, пригодившееся к месту и не к месту: Китай назывался в этом заявлении не арктическим государством, но «приарктическим» («near Arctic») на том основании, что «природные изменения и экономическое развитие Арктики» якобы «имеют су-

щественное влияние на его климат, экологическую обстановку, сельскохозяйственное производство и социально-экономическое развитие» [15].

Принятия в число наблюдателей АС КНР добилась в 2013 г. Это было зафиксировано Декларацией саммита в г. Кируна (Швеция) [16]. Статус наблюдателя присваивается АС неарктическим государствам, а также межправительственным и межпарламентским организациям, которые, согласно Декларации об учреждении АС и Правилам процедуры, «могут внести положительный вклад в его работу». Наблюдатели участвуют в заседаниях АС, являются членами рабочих групп, могут выступать с проектными предложениями через любого постоянного участника и вносить финансовый вклад в проекты АС. Последний, однако, не может превышать объемы финансирования от арктических государств. Среди добившихся, подобно КНР, статуса наблюдателя – Франция, Германия, Польша, Испания, Япония, Индия, Великобритания, Сингапур и др. [17].

Новость о принятии заявки в АС в Китае была воспринята с огромным энтузиазмом: наблюдатели писали о получении доступа к «арктическому пирогу», сопоставляли различные оценки запасов полезных ископаемых, оценивали варианты использования арктического транспортного коридора и шансы конкурентов в борьбе за лидерство в регионе (России, США, Канады, стран ЕС), прежде всего в плане военного присутствия в Арктике [18].

Интересно, что, по некоторым оценкам, принятие КНР в число наблюдателей АС произошло как раз после масштабных денежных вливаний в экономику отдельных членов организации, а именно Дании, Исландии и, конечно, России [19]. Дания, в частности, как отмечают западные эксперты, по сути, затеяла с Китаем довольно странную игру, пытаясь с выгодой для себя сбывать Пекину полезные ископаемые Гренландии. Гренландский министр полезных ископаемых, промышленности и труда побывал в Китае с торговой миссией, а китайские компании осуществили крупные закупки датских станков и фармацевтических препаратов на несколько миллиардов долларов. Более того, часть контейнерных перевозок из КНР была «завязана» на датскую логистическую компанию Maersk. Наконец, были достигнуты договоренности об инвестициях китайских компаний Sinosteel и China Communications Construction Corp в разработку в Гренландии рудных месторождений. В итоге посол Датского королевства в КНР Ф. А. Петерсон заявил, что Китай имеет в Арктике «естественные и законные экономические и научные интересы» [20].

В подходе к Исландии Китай, по сути, сыграл на противоречиях, с одной стороны, между ней и другими членами Арктического совета, а с другой – между ней и ЕС. Дело в том, что в 2007–2010 гг. Россия, США, Канада, Норвегия и Дания некоторое время, с подачи последней, пытались обсуждать все важнейшие вопросы в формате «пятерки», и это очень сильно «подстегнуло» активность Исландии в АС. В ЕС же страну попросту не приняли после долгих переговоров, поскольку не смогли согласовать вопросы регулирования рыболовства. Пекин проявил завидную

оперативность, предложив Исландии валютный своп на 406 млн долл., соглашение о свободной торговле и контракты в геотермальной энергетике, которую планировалось развивать в КНР. Еще одним бонусом для обеих может стать увеличение импорта из Исландии в КНР рыбы [21].

Если говорить о других членах Арктического совета, то Норвегия показала себя очень неуступчивым партнером [22], а активность и принципиальность США в отстаивании своих интересов в Арктике известны и сохраняются уже длительное время (см., например: [23, 24]). Поэтому поддержкой лишь Дании и Исландии Пекин, похоже, не намерен ограничиваться. С Финляндией он обменивается опытом в правовых вопросах [25], изъявляет готовность развивать арктический туризм [26] и владеет корпорацией «Kaidi Finland», специализирующейся на альтернативной энергетике [27]. В Швеции были вложены гигантские средства в покупку компании-производителя люксовых смартфонов Vertu [28], а также создано (правда, уже на китайской территории) совместное предприятие по производству электромобилей [29]. Кроме того, в условиях активизации на современном этапе торговых связей с Евросоюзом [30] Пекин теоретически может рассчитывать на поддержку со стороны ЕС в случае принятия последнего в АС на правах корпоративного члена или наблюдателя (заявка уже подавалась ранее, но пока статус наблюдателя ЕС получен не был [17]).

Наконец, требуется остановиться подробнее на позиции России. Свое стремление к проникновению в Арктику КНР закрепила еще в 2001 г., когда, будучи инициатором и автором проекта двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, включила в него многозначный пункт о «сотрудничестве в области защиты и улучшения состояния окружающей среды, предотвращения трансграничных загрязнений, справедливого и рационального использования пограничных водотоков, живых ресурсов в северной части Тихого океана и бассейнах пограничных рек» (ст. 19) [31. С. 150]. Что такое «северная часть Тихого океана»? Это Охотское и Берингово моря с проливом, ведущим непосредственно в арктические воды Северного Ледовитого океана. И вот этот ареал КНР и предложила в совместное «справедливое и рациональное использование».

В 2003 г. РФ и КНР был подписан еще один документ, содержащий договоренности, касавшиеся Арктики, – межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования Мирового океана. В нем впервые появился пункт о совместном изучении Арктики и Антарктики и употреблялась формулировка «освоение минеральных ресурсов Мирового океана» [32. С. 255]. В последующие годы, т.е. в период настойчивого стремления КНР войти в число членов Арктического совета, начавшуюся параллельно дискуссии о делении шельфа китайские СМИ называли «вызовом, который бросают международному порядку и международному праву Россия и некоторые другие государства» [33], а затем и вовсе начали открыто призывать руководство страны «отказаться от нейтральной позиции, осознать, что мы не так далеки от

полярных дел»; при этом заместитель директора Государственной администрации по вопросам океанов Чэнь Ляньцзэн прямо заявлял, что «Китай может и должен использовать “жесткую силу”» [34. С. 48].

В ходе видеомоста «Москва – Пекин» в августе 2011 г. зам. директора Института по изучению полярных территорий Ли Юаньшэн изложил своим российским коллегам позицию китайской стороны: «Для нас вопрос освоения Арктики – ключевой. И мы бы хотели, чтобы Россия не только пошла навстречу в исследовательском плане, но и предоставила благоприятные условия для прохода наших судов через свои воды» [35]. Как видим, требования, в общем-то, совершенно безосновательные – у китайской стороны сразу были более чем высокими и достаточно жесткими.

Относительно принятия КНР в Арктический совет руководство РФ, с одной стороны, озвучило достаточно принципиальную точку зрения. Премьер-министр Д.А. Медведев высказался в интервью Норвежской телерадиовещательной корпорации (NRK) так: «Доверие к Китаю существует, но правила игры устанавливаем мы с вами, то есть арктические государства... Это естественно, это наш регион, мы здесь живем. Это наша родная земля» [36]. Справедливую озабоченность выразил и министр обороны РФ С.К. Шойгу. «Настойчиво в Арктику стремятся развитые страны, не имеющие непосредственного выхода к приполярным областям, предпринимают определенные политические и военно-экономические шаги в этом направлении», – заявил министр и добавил, что «одним из приоритетных направлений деятельности Министерства обороны является развитие в этой зоне военной инфраструктуры», при этом «постоянное военное присутствие в Арктике и возможность защиты государственных интересов средствами вооруженной борьбы рассматриваются как составная часть общей политики обеспечения национальной безопасности» [37].

С другой стороны, в 2013 г. стало известно о том, что гораздо менее принципиальную позицию занимает российский крупный бизнес, который, в лице «Роснефти», выразил готовность сотрудничать с Китаем в «освоении арктических месторождений» [38]. Не в создании, отметим, передовых предприятий обрабатывающей промышленности, не в очистке побережья от загрязнений, а в банальном вычерпывании ресурсов из одного из немногих оставшихся неосвоенным и нетронутым мировыми ТНК участков моря и суши совместно с не имеющим никакого отношения к Арктике государством. О каких-либо опровержениях или принципиальных отказах от этих планов не сообщалось, из чего можно сделать вывод, что они продолжают оставаться актуальными для мало заботящихся о стратегическом равновесии и балансе сил в Арктическом регионе, его уникальной экосистеме и простом «сохранении лица» российских ТНК.

Российский совет по международным делам в своем аналитическом докладе отмечает, что «следует взвешенно подходить к действиям Китая в Арктике в контексте российско-китайских отношений. Согласно ст. 234 Конвенции по морскому праву 1982 г., Россия, как прибрежное государство, имеет право принимать законы в области судоходства и защиты экологии в

покрытых льдом районах». Выявляется новая проблема: «Пекин настаивает на пересмотре тарифной политики России в отношении прохода ледоколов по Северному морскому пути, подчеркивая, что высокие расценки могут значительно снизить коммерческое преимущество использования маршрута. Кроме того, китайская сторона выражает обеспокоенность расширением суверенных прав арктических государств и увеличением исключительной экономической зоны, в первую очередь России, поскольку при этом зона международных арктических вод существенно сокращается. Не исключено, что Китай может потребовать предоставления Северному морскому пути статуса нейтральных вод. По мнению заместителя директора Института по изучению полярных территорий Ли Юаньшэна, Россия должна предоставить Китаю благоприятные условия прохода по Северному морскому пути». Таким образом, китайская сторона продолжает занимать более чем категоричную позицию в ответ на дружественный жест своего стратегического партнера, а Россия пока лишь констатирует факт появления такой проблемы, но не выступает с конкретными ответными действиями или заявлениями. В то же время в докладе выражается надежда, что «сотрудничество может стать взаимовыгодным» [39. С. 26–28].

Кстати, в КНР российскую арктическую политику и любые ее нюансы тщательно отслеживают, анализируют, сообщают о планах технических инноваций [40], испытаниях в условиях Арктики военной техники [41] и строительстве инфраструктуры [42], подсчитывают в СМИ государственные инвестиции в арктические регионы, объемы добычи газа на Ямале и несколько пренебрежительно отмечают, что, «сталкиваясь с двойным соблазном разработки ресурсов и проложения пути, Россия [в Арктике] придерживается позиции “борьбы за каждый клочок земли”» [43]. Интересны китайским СМИ даже экологические проблемы, вызванные хозяйствованием на приарктических территориях российских ТНК [44] (как будто мало аналогичных тем внутри своей страны). Когда же российский министр иностранных дел С.В. Лавров сделал достаточно дежурное заявление о том, что РФ «открыта для взаимовыгодного сотрудничества с соседями в Арктике, в том числе в сферах транспорта, энергетики, туризма и экологии», это было мгновенно воспринято и растиражировано как «готовность России к совместным энергетическим проектам в Арктике с другими странами» [45].

Отчасти схожей с российской оказалась реакция на вступление КНР в АС другого крупнейшего государства в регионе, претендующего на лидерство в Арктике [46. С. 23], – Канады: с одной стороны, СМИ страны публикуют обсуждаемые затем активно в Китае статьи, призывающие задуматься о причинах и серьезности активизации КНР в Арктике [47], с другой – канадская сторона, не задумываясь о возможной трактовке Пекином ее действий как важного прецедента и создания благоприятного политического дискурса, организует семинары типа «Китай в Арктике» [Там же], и власти, как и крупный бизнес, все еще рассчитывают на китайские инвестиции, что китайская сторона опять же прекрасно видит, осознает [Там же] и, несомненно, будет пользоваться моментом.

Добившись статуса наблюдателя в АС, Китай активизировал всю свою арктическую политику. Была проведена серия «научных исследований» «в районах Берингова моря, Берингова пролива, Чукотского моря, Чукотского поднятия и Канадской котловины» [48] и объявлено о планах создания собственного ледокольного флота [49]. В 2013 г. был создан еще один крупный научный центр – Центр арктических исследований Китая и северных государств, нацеленный на сотрудничество с зарубежными *think tanks* [50]. Приоритетные сферы исследований, выделяемые им, – «изменение климата в Арктике», «ресурсы Арктики», «судоходство и экономическое сотрудничество», а также «политика и право в Арктике» [51]. Китайские исследователи, как отмечается в докладе Российского совета по международным делам, ведут работу по оценке коммерческих, политических и военных последствий освоения Арктики. Но главное – параллельно Пекином активно развивается концепция интернационализации Арктики и признания ее ресурсов «общим наследием человечества», а не только арктических государств [39. С. 18–19].

При этом для обоснования своей арктической политики китайская сторона предпочитает использовать разнообразные и приятные на слух лозунги о международном сотрудничестве [52], но от истинных целей они достаточно далеки. АС, кстати, пытается привлечь КНР к своим экологическим проектам, например к сотрудничеству по изучению миграции птиц [53. Р. 18], но эта тема вряд ли может быть интересной китайской стороне. Не звучит и выражений горячей поддержки Китаем одной из рекомендаций декларации саммита АС в Фэрбэнксе 2017 г. по снижению странами-членами и наблюдателями вредных выбросов в атмосферу [54].

Пожалуй, наиболее открыто свои приоритеты КНР обозначила на форуме «Арктика – территория диалога» в марте 2017 г. Вице-премьер Госсовета Ван Ян заявил: «Китай предлагает следующее. Первое: укреплять охрану экосистемы в Арктике. Второе: постоянно углублять научные исследования Арктики. Третье: рационально освоить и использовать арктические ресурсы на правовой основе. Четвертое: совершенствовать институты и механизмы арктического управления» [55]. Вычленив из этого ряда главную мысль о доступе к ресурсам и «арктическому управлению» несложно, тем более что высказывание Ван Яна развило на следующий день Международное радио Китая, опубликовав заметку о том, что «в ходе исследований Арктики появится возможность добывать газ и нефть подо льдом и водой». Сослалось китайское СМИ, кстати, на российский бизнес, а именно – на специалистов «Объединенной судостроительной корпорации», которые «работают над соответствующими технологиями» [56]. Судя по всему, Китай намерен, как стратегический партнер РФ, присоединиться к работам и овладеть этими технологиями.

Что же касается «управления», то китайский взгляд на управление миром, как «глобальной деревней» с ресурсами в виде «общего котла», был высказан еще в 2011 г., во времена Ху Цзиньтао. Китай, согласно этому взгляду, не стремится иметь самую

большую ложку, чтобы побольше захватить или оттолкнуть соседа, – говорилось в статье члена Госсовета КНР Дай Бинго. Его стратегия – «создать стабильную и благоприятную окружающую среду для собственного развития, добиться взаимной выгоды и общего выигрыша с соответствующими странами». Но если проблемы слишком остро воспринимаются, то их нужно «подвесить и взяться за них тогда, когда созреют условия» [57]. В таком случае заявление Ван Яна следует воспринимать как твердое намерение Китая добиваться своих целей, не ограничивая себя ни во времени, ни в средствах.

При этом, как отмечает профессор Океанического университета Китая Го Пэйцин, «арктическим государствам не стоит опасаться Китая»: «Даже при наличии бизнес-интересов в сфере ресурсов никакого спора о суверенитете Арктики нет». Более того, Китай якобы больше всего радует за экологию Арктики (хотя, как цитировалось выше, главное для него – это «возможность добывать нефть и газ») и «готов активизировать научные исследования, чтобы защитить *наш общий дом*» (курсив наш. – К.М.) [58]. Одновременно китайские военные эксперты пристально отслеживают арктические стратегии и развитие в этом регионе вооруженных сил арктических государств [59].

В докладе Шанхайской Академии международных исследований делается упор на крайне важную роль «близкого к Арктике» Китая в сферах экологии, ресурсов, маршрутов судоходства. Также называются странными растущие подозрения со стороны международного сообщества в отношении политики КНР в регионе. Особенно подчеркивается показанный практически как нечто естественное и само собой разумеющееся логистический интерес: сокращение времени доставки торговых грузов из Китая в Европу посредством морских торговых путей, что значительно улучшит позиции Китая в геополитическом отношении [60]. Наконец, по словам Кай Суня из Океанического университета Китая, «таяние льдов Арктики и открытие арктических путей и ресурсов привлекли значительное внимание китайского бизнеса», и ключ к успеху в этой ситуации – развитие научной базы, самых разных направлений полярных исследований, их «воплощение на практике», развитие образования, подготовки кадров [61. Р. 2].

В целом можно отметить, что пока члены АС лишь наблюдают за действиями и растущими амбициями Китая. Одной из причин может быть почему-то укоренившееся среди части экспертов мнение, что «исключение азиатских стран из региона» якобы «неминуемо повлечет за собой ослабление возможностей Арктического совета, поскольку в данном случае они легко могут перенести обсуждения и действия на другие форумы, такие как Международная морская организация или ООН, тем самым ослабив возможности АС» [62].

Самим созданием статуса наблюдателей, по сути, и прецедентом приглашения к обсуждению проблем региона внерегиональных акторов АС сам для себя открыл «ящик Пандоры». На нынешнем этапе уже не важно, в общем-то, было ли это сделано в расчете на пусть и не критичное, но значительное финансовое участие с их стороны или на сохранение веса организации по сравнению с неправительственными объединениями, в которых, например, государства Азии участвуют также очень активно. Важны результаты, а они весьма специфичны. В настоящее время число наблюдателей уже превысило число постоянных членов, и еще 17 стран претендуют на получение такого статуса, что вызывает вполне понятное отторжение со стороны собственно арктических государств. Эта проблема отмечается руководством АС как один из ключевых вопросов, который организации придется решать в ближайшее время [63].

Мы можем также сказать, что, выражая желание быть одним из игроков в Арктике и осуществлять там свои собственные шаги, Китай делает большие и долгосрочные ставки на регион. Но будущее, однако, зависит не только от него, но и от того, как арктические государства будут взаимодействовать с ним и между собой. На сегодняшний день Арктический совет стал важным международным институтом, и поэтому очевидно, что планомерное и активное внедрение Китая в данную структуру способствует расширению его деятельности в регионе и дальнейшей активизации его арктической политики. И только развитие грамотных стратегий и твердое отстаивание арктическими государствами своих интересов поможет избежать лишних прецедентов и конфликтов в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Arctic Council. A backgrounder // Arctic Council official website. URL: http://www.arctic-council.org/images/PDF_attachments/2015-07-03_Arctic_Council_Backgrounder_PRINT_VERSION_NO_LINKS.pdf (дата обращения: 1.05.2017).
2. 20th Anniversary Declaration. The Arctic Council: A Forum for Peace and Cooperation // Arctic Council official website. 19.09.2016. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1784> (дата обращения: 1.05.2017).
3. Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–52.
4. The long way to the Arctic // Chinese Arctic and Antarctic Administration. 16.01.2007. URL: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=events&sub=arc&id=36> (дата обращения: 20.06.2017).
5. Chinese Arctic and Antarctic Administration. URL: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=about> (дата обращения: 20.06.2017).
6. Polar Research Institute of China. URL: <http://www.polar.gov.cn/en/index/> (дата обращения: 20.06.2017).
7. Jakobson L. China Prepares for an Ice-Free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. 2010. № 2. 16 p.
8. Arctic Yellow River Station // China.org.cn. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/CPR/168820.htm> (дата обращения: 20.06.2017).
9. Icebreaker Snow Dragon // China.org.cn. 19.05.2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/CPR/168828.htm> (дата обращения: 20.06.2017).
10. Arctic Council 7th Ministerial Meeting. Nuuk, Greenland. 12 May 2011. List of Participants // Arctic Council official website. 2011. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1608/list_of_participants_web.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 1.05.2017).
11. Melting Ice: Regional Dramas, Global Wake-Up Call. Tromsø, 28 April 2009. Co-Chair's Summary // Arctic Council official website. 2009. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1643> (дата обращения: 1.05.2017).

12. Arctic Council Secretariat Annual Report 2013. Tromsø : ACS, 2013. 34 p.
13. More Chinese pressure on Arctic Council // Barents Observer. 17.04.2012. URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/more-chinese-pressure-arctic-council> (дата обращения: 19.03.2017).
14. Center for Polar and Oceanic Studies // Tongji University. URL: http://cpoos.tongji.edu.cn/en/content.aspx?info_lb=1&flag=1 (дата обращения: 24.06.2017).
15. Statement by H.E. Ambassador Lan Lijun at the Meeting between the Swedish Chairmanship of the Arctic Council and Observers // Arctic Council official website. URL: http://www.arctic-council.org/images/PDF_attachments/Observer_DMM_2012/ACOBSDMMSE01_Stockholm_2012_Observer_Meeting_Statement_Ambassador_Lan_Lijun_China.pdf (дата обращения: 20.05.2017).
16. Kiruna Declaration // Arctic Council official website. 2013. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/MM08_Kiruna_Declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isAllowed=y (дата обращения: 1.05.2017).
17. Наблюдатели // Официальный сайт Арктического совета (раздел на русском языке). URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers> (дата обращения: 1.05.2017).
18. Чжэндо Бэйцзи «хуаюй цюань» чэн шицзе цзюньши цзюэжэ синь цянъянь / на кит. яз. (Соперничество за «право голоса в Арктике» и новые границы в регионе) // Huaxia.com. 30.05.2013. URL: <http://big5.huaxia.com/thjq/jszw/2013/05/3359046.html> (дата обращения: 24.06.2017).
19. Blank S. China's Arctic Strategy // The Diplomat. 20.06.2013. URL: <http://thediplomat.com/2013/06/20/chinas-arctic-strategy/> (дата обращения: 3.07.2013).
20. Erickson A., Collins G. China's New Strategic Target: Arctic Minerals // The Wall Street Journal. 18.01.2012. URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/01/18/china%E2%80%99s-new-strategic-target-arctic-minerals/> (дата обращения: 19.03.2017).
21. Guschin A. China, Iceland and the Arctic // The Diplomat. 20.05.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/china-iceland-and-the-arctic/> (дата обращения: 24.10.2015).
22. Norway 'wants to block China from Arctic Council' // The Telegraph. 25.01.2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/norway/9038782/Norway-wants-to-block-China-from-Arctic-Council.html> (дата обращения: 10.05.2017).
23. Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 129–157.
24. Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 33. С. 6–19.
25. Juola C.D. «Arctic law and governance: the role of China and Finland» in conversation with Timo Koivurova // Finnish China Law Center. URL: <http://blogs.helsinki.fi/chinalawcenter/arctic-law-and-governance-the-role-of-china-and-finland-in-conversation-with-timo-koivurova/#.WNgtJfmLTiU> (дата обращения: 27.03.2017).
26. Arctic Finland looks for boost from Chinese tourists // Eye on the Arctic. URL: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2015/04/20/arctic-finland-looks-for-boost-from-chinese-tourists/> (дата обращения: 29.03.2017).
27. Chinese investors move ahead in Finnish Lapland, will build €1 billion biofuel refinery // The Barents Observer. 8.12.2016. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/industry-and-energy/2016/12/chinese-investors-move-ahead-finnish-lapland-will-build-eu1-billion> (дата обращения: 24.06.2017).
28. Китайские инвесторы приобрели Vertu // Жэньминь жибао онлайн. 5.11.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1105/c31518-8971976.html> (дата обращения: 20.05.2017).
29. Китайские и шведские предприятия будут совместно строить электромобили // Жэньминь жибао онлайн. 29.06.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0629/c31520-8912683.html> (дата обращения: 20.05.2017).
30. Китай и ЕС начали сопряжение «Плана Юнкера» и «Пояса Си» – итальянский политолог // Информационно-аналитическое издание «Евразия.эксперт». 15.06.2017. URL: <http://eurasia.expert/kitay-i-evrosoyuz-nachali-sopryazhenie-plana-yunkera-i-poyasa-si-italyanskiy-politolog/> (дата обращения: 20.06.2017).
31. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Сборник российско-китайских документов. 1999–2007. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 143–151.
32. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области исследования и использования Мирового океана // Сборник российско-китайских документов. 1999–2007. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 254–258.
33. Китай позарился на российскую Арктику // Инновационный портал Уральского федерального округа. 12.03.2010. URL: <http://www.invg.ru/index.php?page=news&id=79962> (дата обращения: 13.03.2010).
34. Романюк Д.В. Полярная проблематика: статус Арктики в XXI в. // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации : тез. докл. XIX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М. : ИДВ РАН, 2011. С. 47–48.
35. Х. Клинтон рассказала, кто и как должен делить «арктический пирог» // РБК. 3.06.2012. URL: <http://top.rbc.ru/politics/03/06/2012/653358.shtml> (дата обращения: 20.09.2012).
36. Медведев: Страны Арктики доверяют КНР, но будут устанавливать правила // РИА Новости. 4.06.2013. URL: <https://ria.ru/world/20130604/941379869.html> (дата обращения: 1.05.2017).
37. Сепрей Шойгу: Россия готова оружием защищать свои национальные интересы в Арктике // Russia Today. 25.02.2015. URL: <https://russian.rt.com/article/76378> (дата обращения: 1.05.2017).
38. Роснефть приглашает в Арктику Китай // Barents Observer. 24.03.2013. URL: <http://barentsobserver.com/ru/energiya/2013/03/rosneft-priglasht-v-arktiku-kitay-24-03> (дата обращения: 1.05.2017).
39. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад Российского совета по международным делам. 2016. № 26. 58 с.
40. Элосы туйчи цидун цзяньцэ Бэйцзи дицой вэйсин ситун чжи 2018 нянь / на кит. яз. (Запуск спутниковой системы «Арктика» перенесен Россией на 2018 год) // Хуаньцю шибао. 17.10.2016. URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2016-10/9562848.html> (дата обращения: 24.06.2017).
41. Бэйцзи сянь: Элосы цзюньюн чэлян цзай Бэйцзи дицой цзиньсин найхань син цэши / на кит. яз. (Риски Арктики: российская военная техника была протестирована в условиях арктических холодов) // Хуаньцю шибао. 20.02.2017. URL: <http://world.huanqiu.com/photo/2017-02/2862006.html> (дата обращения: 24.06.2017).
42. 2017 нянь Э цзян цзай Бэйцзи дицой цзяньчэн бай юй чу цзюньши цзичу шэши / на кит. яз. (2017: Россия развивает военную инфраструктуру в Арктике) // Хуаньцю шибао. 26.01.2017. URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2017-01/10026222.html> (дата обращения: 24.06.2017).
43. Борьба за Арктику постепенно накаляется // Жэньминь жибао онлайн. 18.02.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8539559.html> (дата обращения: 15.11.2015).
44. Э гунсы чэньжэнь ужань у селу чжи бэйцзи дицой хэлю бянь «сюз хэ» / на кит. яз. (Россия допускает утечку загрязняющих веществ в Арктике, «кровавые реки») // Хуаньцю шибао. 13.09.2016. URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2016-09/9437479.html> (дата обращения: 24.06.2017).
45. Э вайчжан: Э чжуньбэй юй таго цзай Бэйцзи дицой лянхэ кайчжань нэньюань сяму / на кит. яз. (Министр иностранных дел России: Россия готова сотрудничать с другими странами с целью проведения совместных энергетических проектов в Арктике) // Хуаньцю шибао. 9.02.2017. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2017-02/10094996.html> (дата обращения: 24.06.2017).

46. Комлева Н.А. Арктическая стратегия приарктических государств: общее и особенное // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 19–25.
47. China and Canada expect more collaboration on the Arctic // China Daily. 26.03.2015. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/world/2015-03/26/content_19911768.htm (дата обращения: 28.03.2017).
48. Научно-исследовательское судно «Сюэлу» отправится в 6-ю китайскую научную экспедицию в Арктику // Жэньминь жибао онлайн. 7.07.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0707/c31517-8751661.html> (дата обращения: 19.09.2014).
49. Вай мэй гуаньчжу шоу соу «Чжунго цзао» цзиди побинчуань чжэньши кай цзянь / на кит. яз. (Иностранные СМИ обращают внимание на первый китайский ледокол) // Цанькао Сяоси. 23.12.2016. URL: <http://www.cankaoxiaoxi.com/mil/20161223/1544779.shtml> (дата обращения: 1.05.2017).
50. China to build research center for Arctic region // Chinese Arctic and Antarctic Administration. URL: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=news&sub=nat&id=91> (дата обращения: 20.06.2017).
51. Background // China-Nordic Research Center. URL: <http://www.cnarc.info/organization> (дата обращения: 24.06.2017).
52. Чжунго цзиди цаньюй Бэйцзи яньцзю кайфа кань гэгэ Бэйцзи чжаньлюэ жухэ буцзю / на кит. яз. (Китай активно участвует в исследованиях в Арктике в стратегических целях) // China.com.cn. 23.11.2016. URL: http://www.china.com.cn/news/world/2016-11/23/content_39765553_2.htm (дата обращения: 1.05.2017).
53. The Arctic Migratory Birds Initiative. Workplan 2015–2019. Conservation of Arctic Flora and Fauna Strategy Series Report. Borgir: CAFF International Secretariat, 2015. № 6. 64 p.
54. Fairbanks Declaration // Arctic Council official website. 2017. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1910/EDOCS-4339-v1-ACMMUS10_FAIRBANKS_2017_Fairbanks_Declaration_Brochure_Version_w_Layout.PDF?sequence=8&isAllowed=y (дата обращения: 20.06.2017).
55. Госсовет КНР: Китай готов и способен играть большую роль в развитии Арктики // ТАСС. 29.03.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4134538> (дата обращения: 30.03.2017).
56. В Арктике нефть и газ будут добывать под водой и льдом // Международное радио Китая (переводная версия). 31.03.2017. URL: <http://russian.cri.cn/3051/2017/03/31/1s600612.htm> (дата обращения: 31.03.2017).
57. Дай Бинго. Как правильно есть из общего котла // Российская газета. 2.03.2011.
58. Чжуаньцзя: Бэйцзи дицзюй гоцзя усюй дуй Чжунго хуай ю цзесинь чжунфан Бэйцзи кэнь сюй сянгунь го чжичи / на кит. яз. (Эксперт: арктические страны не должны проявлять осторожность и нуждаются в поддержке Китая в проводимых ими исследованиях в Арктике) // Хуаньцю шибао. 1.11.2016. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2016-11/9618983.html> (дата обращения: 24.06.2017).
59. Бэйцзи, цзюньши бои будуань шэньзэнь / на кит. яз. (Арктика: военные продолжают игру) // Чжунго гунчаньдан синьзэнь ван (Новостной портал Компартии Китая). 13.01.2014. URL: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/n/2014/0113/c83083-24098990.html> (дата обращения: 24.06.2017).
60. Бэйцзи чжили юй Чжунго цзиди чжаньлюэ – и Бэйцзи хандао кайпи лион вэй аньли / на кит. яз. (Арктическое управление и стратегия Китая в Арктике. Исследование арктических судоходных маршрутов) // Шанхай гоцзи вэньти яньцзю юань (Шанхайский институт международных исследований). 2015. № 4. 58 p.
61. Kai Sun. East Asia – Arctic relations: boundary, security and international politics. Ontario: Center for International Governance Innovation, 2013. 14 p.
62. Sigfusson A. Climate change is opening up new opportunities and challenges in the Arctic. Is the United States ready to lead? // American Foreign Service. URL: <http://www.afsa.org/getting-game-americas-arctic-policy> (дата обращения: 24.04.2017).
63. 20 years of the Arctic Council: What are the "big questions" ahead? // Arctic Council official website. 29.09.2016. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/our-work/28-news-and-events/418-20-years-balto-2> (дата обращения: 1.05.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июля 2017 г.

CHINA'S POLICY IN THE ARCTIC COUNCIL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 120–128.

DOI: 10.17223/15617793/423/16

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia_kgm@mail.ru

Anna Ye. Ivanova, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mychinatown12@gmail.com

Keywords: China; Arctic; Arctic Council; Russian-Chinese relations; China's Arctic policy.

This paper aims to study the participation of the People's Republic of China in the Arctic Council. This international intergovernmental organization has already become an essential structure for decision-making in the Arctic region. China entered the Arctic Council as an observer in 2013, despite being a non-Arctic state. The approval of Beijing's bid was a result of the realization of a long-term strategy, designed by the PRC in order to acquire the access to Arctic governance. The steps of this strategy are traced in the paper, too, as the authors analyze what methods China used to gain the favor of Arctic states – the Council permanent members: primarily Denmark, Iceland and Russia and, later, Sweden, Canada and Finland. The research is based on the study of a large number of sources: China's official declarations, publications of Chinese experts, multilateral documents of the Arctic Council, bilateral documents, official reports, as well as the up-to-date media sources of China and of the Council members it interacts with in the most intensive way. The paper demonstrates how trade and investment deals, along with the inclusion of specific formulations in bilateral agreements, helped the PRC to advance towards its goals in the Arctic. These goals for China primarily include the access to natural resources of the Arctic shelf and the use of the Northern Sea Route for cheaper and faster goods supplies to Europe. At the same time, the open declaration of these goals can be attributed only to the present stage of China's policy, while at earlier stages Beijing in some way disguised its objectives by emphasizing the need for environmental cooperation and joint research as the top priorities of its Arctic policy, and promoted its own probable participation in these activities. Having acquired the observer status, China has intensified its Arctic policy considerably by expanding comprehensive Arctic-related research projects, organizing new expeditions and strengthening bilateral ties with Russia and other Arctic states. Meanwhile, this situation can result in various problems of regional and global scale. The fact that China, with its intensive Arctic policy, and several other non-Arctic states have obtained the Council observer status, can act as a precedent, used by non-Arctic states with powerful economies all over the world, or as a ground for complicated disputes and conflict for the probable future exploitation of the resources of the Arctic. The latter may start even earlier, for example, thanks to Russian-Chinese oil or gas deals, which can expose the region to environmental risks. And some conflicts have already started to occur in bilateral relations: China, despite being a non-Arctic state, started pressurizing Russia to provide special privileges for shipping by the Northern Sea Route.

REFERENCES

1. Arctic Council official website. (2015) *The Arctic Council. A backgrounder*. [Online] Available from: http://www.arctic-council.org/images/PDF_attachments/2015-07-03_Arctic_Council_Backgrounder_PRINT_VERSION_NO_LINKS.pdf. (Accessed: 1.05.2017).
2. Arctic Council official website. (2016) *20th Anniversary Declaration. The Arctic Council: A Forum for Peace and Cooperation*. 19.09.2016. [Online] Available from: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1784>. (Accessed: 1.05.2017).
3. Yag'ya, V.S., Kharlamp'eva, N.K. & Lagutina, M.L. (2015) Arktika – novyy region vneshney politiki Kitaya [The Arctic, a new region of China's foreign policy]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik RUDN. International Relations*. 1. pp. 43–52.
4. Chinese Arctic and Antarctic Administration. (2007) *The long way to the Arctic*. 16.01.2007. [Online] Available from: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=events&sub=arc&id=36>. (Accessed: 20.06.2017).
5. Chinese Arctic and Antarctic Administration. (n.d.) *About*. [Online] Available from: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=about>. (Accessed: 20.06.2017).
6. *Polar Research Institute of China*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.polar.gov.cn/en/index/>. (Accessed: 20.06.2017).
7. Jakobson, L. (2010) China Prepares for an Ice-Free Arctic. *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2. 16 p.
8. China.org.cn. (c. 2004) *Arctic Yellow River Station*. [Online] Available from: <http://www.china.org.cn/english/features/CPR/168820.htm>. (Accessed: 20.06.2017).
9. China.org.cn. (2006) *Icebreaker Snow Dragon*. 19.05.2006. [Online] Available from: <http://www.china.org.cn/english/features/CPR/168828.htm>. (Accessed: 20.06.2017).
10. Arctic Council official website. (2011) *Arctic Council 7th Ministerial Meeting. Nuuk, Greenland. 12 May 2011. List of Participants*. [Online] Available from: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1608/list_of_participants_web.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (Accessed: 1.05.2017).
11. Arctic Council official website. (2009) *Melting Ice: Regional Dramas, Global Wake-Up Call. Tromsø, 28 April 2009. Co-Chair's Summary*. [Online] Available from: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1643>. (Accessed: 1.05.2017).
12. Arctic Council Secretariat. (2013) *Arctic Council Secretariat Annual Report 2013*. Tromsø: ACS.
13. Barents Observer. (2012) *More Chinese pressure on Arctic Council*. 17.04.2012. [Online] Available from: <http://barentsobserver.com/en/arctic/more-chinese-pressure-arctic-council>. (Accessed: 19.03.2017).
14. Tongji University. (n.d.) *Center for Polar and Oceanic Studies*. [Online] Available from: http://cpoos.tongji.edu.cn/en/content.aspx?info_lb=1&flag=1. (Accessed: 24.06.2017).
15. Arctic Council official website. (2012) *Statement by H.E. Ambassador Lan Lijun at the Meeting between the Swedish Chairmanship of the Arctic Council and Observers*. [Online] Available from: http://www.arctic-council.org/images/PDF_attachments/Observer_DMM_2012/ACOBSDMMSE01_Stockholm_2012_Observer_Meeting_Statement_Ambassador_Lan_Lijun_China.pdf. (Accessed: 20.05.2017).
16. Arctic Council official website. (2013) *Kiruna Declaration*. [Online] Available from: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/93/MM08_Kiruna_Declaration_final_formatted.pdf?sequence=5&isAllowed=y. (Accessed: 1.05.2017).
17. Arctic Council official website. (n.d.) *Nablyudateli [Observers]*. [Online] Available from: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council/observers>. (Accessed: 1.05.2017). (In Russian).
18. Huaxia.com. (2013) Rivalry for “the right to vote in the Arctic” and new borders in the region. 30.05.2013. [Online] Available from: <http://big5.huaxia.com/tbjq/jswz/2013/05/3359046.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
19. Blank, S. (2013) China's Arctic Strategy. *The Diplomat*. 20.06.2013. [Online] Available from: <http://thediplomat.com/2013/06/20/chinas-arctic-strategy/>. (Accessed: 3.07.2013).
20. Erickson, A. & Collins, G. (2012) China's New Strategic Target: Arctic Minerals. *The Wall Street Journal*. 18.01.2012. [Online] Available from: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/01/18/china%E2%80%99s-new-strategic-target-arctic-minerals/>. (Accessed: 19.03.2017).
21. Guschin, A. (2015) China, Iceland and the Arctic. *The Diplomat*. 20.05.2015. [Online] Available from: <http://thediplomat.com/2015/05/china-iceland-and-the-arctic/>. (Accessed: 24.10.2015).
22. The Telegraph. (2012) Norway 'wants to block China from Arctic Council'. *The Telegraph*. 25.01.2012. [Online] Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/norway/9038782/Norway-wants-to-block-China-from-Arctic-Council.html>. (Accessed: 10.05.2017).
23. Fenenko, A.V. (2011) Voенно-politicheskie aspekty rossiysko-amerikanskikh otnosheniy v Arktike: istoriya i sovremennost' [Military-political aspects of Russian-American relations in the Arctic: history and modern times]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika – Moscow State University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*. 2. pp. 129–157.
24. Shakleina, T.A. (2013) Obshchnost' i razlichiya v strategiyakh Rossii i SSHA [Commonality and differences in the strategies of Russia and the United States]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 11:33. pp. 6–19.
25. Juola, C.D. (2017) “Arctic law and governance: the role of China and Finland” in conversation with Timo Koivurova. [Online] Available from: <http://blogs.helsinki.fi/chinalawcenter/arctic-law-and-governance-the-role-of-china-and-finland-in-conversation-with-timo-koivurova/#.WNgTjfmLTIU>. (Accessed: 27.03.2017).
26. Eye on the Arctic. (2015) *Arctic Finland looks for boost from Chinese tourists*. [Online] Available from: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2015/04/20/arctic-finland-looks-for-boost-from-chinese-tourists/>. (Accessed: 29.03.2017).
27. Barents Observer. (2016) *Chinese investors move ahead in Finnish Lapland, will build €1 billion biofuel refinery*. 8.12.2016. [Online] Available from: <https://thebarentsobserver.com/en/industry-and-energy/2016/12/chinese-investors-move-ahead-finnish-lapland-will-build-eu1-billion>. (Accessed: 24.06.2017).
28. Russian.people.com.cn. (2015) *Kitayskie investory priobreli Vertu* [Chinese investors bought Vertu]. 5.11.2015. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1105/c31518-8971976.html>. (Accessed: 20.05.2017).
29. Russian.people.com.cn. (2015) *Kitayskie i shvedskie predpriyatiya budut sovместno stroit' elektromobili* [Chinese and Swedish enterprises will jointly build electric cars]. 29.06.2015. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0629/c31520-8912683.html>. (Accessed: 20.05.2017).
30. Evraziya.ekspert. (2017) *Kitay i ES nachali sopryazhenie “Plana Yunkera” i “Poyasa Si” – ital'yanskiy politolog* [An Italian political scientist: China and the EU have started pairing the Junker Plan and the Belt C]. 15.06.2017. [Online] Available from: <http://eurasia.expert/kitay-i-evrosoyuz-nachali-sopryazhenie-plana-yunkera-i-poyasa-si-italyanskiy-politolog/>. (Accessed: 20.06.2017).
31. Losyukov, A.P. et al. (eds) (2007) *Dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve mezhdru RF i KNR* [Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. In: *Sbornik rossiysko-kitayskikh dokumentov. 1999–2007* [Collection of Russian-Chinese documents. 1999–2007]. Moscow: Olma Media Grupp.
32. Losyukov, A.P. et al. (eds) (2007) *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom RF i Pravitel'stvom KNR o sotrudnichestve v oblasti issledovaniya i ispol'zovaniya Mirovogo okeana* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the PRC on cooperation in the exploration and use of the World Ocean]. In: *Sbornik rossiysko-kitayskikh dokumentov. 1999–2007* [Collection of Russian-Chinese documents. 1999–2007]. Moscow: Olma Media Grupp.
33. Innovative portal of the Urals Federal District. (2010) *Kitay pozarilsya na rossiyskuyu Arktiku* [China wants the Russian Arctic]. 12.03.2010. [Online] Available from: <http://www.invur.ru/index.php?page=news&id=79962>. (Accessed: 13.03.2010).

34. Romanyuk, D.V. (2011) [Polar issues: the status of the Arctic in the 21st century]. *Vekovoy put' Kitaya k progressu i modernizatsii* [China's century-long path to progress and modernization]. Proceedings of the XIX international conference. Moscow: IFE RAS. pp. 47–48. (In Russian).
35. RBK. (2012) *Kh. Clinton rasskazala, kto i kak dolzhen delit' "arkticheskiy pirog"* [H. Clinton told who and how should divide the "Arctic pie"]. 3.06.2012. [Online] Available from: <http://top.rbc.ru/politics/03/06/2012/653358.shtml>. (Accessed: 20.09.2012).
36. RIA Novosti. (2013) *Medvedev: Strany Arktiki doveriyayut KNR, no budut ustanavlivat' pravila* [Medvedev: Arctic countries trust the PRC, but they will establish the rules]. 4.06.2013. [Online] Available from: <https://ria.ru/world/20130604/941379869.html>. (Accessed: 1.05.2017).
37. Russia Today. (2015) *Sergey Shoygu: Rossiya gotova oruzhiem zashchishchat' svoi natsional'nye interesy v Arktike* [Sergei Shoigu: Russia is ready to protect its national interests in the Arctic]. 25.02.2015. [Online] Available from: <https://russian.rt.com/article/76378>. (Accessed: 1.05.2017).
38. Barents Observer. (2013) *Rosneft' priglashaet v Arktiku Kitay* [Rosneft invites China to the Arctic]. 24.03.2013. [Online] Available from: <http://barentsobserver.com/ru/energiya/2013/03/rosneft-priglashaet-v-arktiku-kitay-24-03>. (Accessed: 1.05.2017).
39. Ivanov, I.S. (ed.) *Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy. Doklad Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam № 26* [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects. Report of the Russian Council on Foreign Affairs No. 26]. Moscow: NP RSMD.
40. Huanqiu.com. (2017) *The launch of the satellite system "Arctic" was moved by Russia in 2018*. 17.10.2016. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/hot/2016-10/9562848.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
41. Huanqiu.com. (2017) *Risks of the Arctic: Russian military equipment was tested in the Arctic cold*. 20.02.2017. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/photo/2017-02/2862006.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
42. Huanqiu.com. (2017) *2017: Russia develops military infrastructure in the Arctic*. 26.01.2017. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/hot/2017-01/10026222.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
43. Russian.people.com.cn. (2014) *Bor'ba za Arktiku postepenno nakalyaetsya* [The struggle for the Arctic is gradually heating up]. 18.02.2014. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/95181/8539559.html>. (Accessed: 15.11.2015).
44. Huanqiu.com. (2017) *Russia admits leakage of pollutants in the Arctic, "bloody rivers"*. 13.09.2016. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/hot/2016-09/9437479.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
45. Huanqiu.com. (2017) *Russian Foreign Minister: Russia is ready to cooperate with other countries to conduct joint energy projects in the Arctic*. 9.02.2017. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2017-02/10094996.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
46. Komleva, N.A. (2011) *Arkticheskaya strategiya priarkticheskikh gosudarstv: obshchee i osobennoe* [Arctic strategy of the Arctic states: the general and the special]. *Arktika i Sever*. 2. pp. 19–25.
47. China Daily. (2015) *China and Canada expect more collaboration on the Arctic*. 26.03.2015. [Online] Available from: http://usa.chinadaily.com.cn/world/2015-03/26/content_19911768.htm. (Accessed: 28.03.2017).
48. Russian.people.com.cn. (2014) *Nauchno-issledovatel'skoe sudno "Syuelun" otpravitsya v 6-yu kitayskiyu nauchnyuyu ekspeditsiyu v Arktiku* [Research vessel "Xuelong" will go to the 6th Chinese scientific expedition to the Arctic]. 7.07.2014. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0707/c31517-8751661.html>. (Accessed: 19.09.2014).
49. Cankaoxiaoxi.com. (2016) *Foreign media pay attention to the first Chinese icebreaker*. 23.12.2016. [Online] Available from: <http://www.cankaoxiaoxi.com/mil/20161223/1544779.shtml>. (Accessed: 1.05.2017). (In Chinese).
50. Chinese Arctic and Antarctic Administration. (2013) *China to build research center for Arctic region*. [Online] Available from: <http://www.chinare.gov.cn/en/index.html?pid=news&sub=nat&id=91>. (Accessed: 20.06.2017).
51. China-Nordic Research Center. (n.d.) *Background*. [Online] Available from: <http://www.cnarc.info/organization>. (Accessed: 24.06.2017).
52. China.com.cn. (2016) *China actively participates in research in the Arctic for strategic purposes*. 23.11.2016. [Online] Available from: http://www.china.com.cn/news/world/2016-11/23/content_39765553_2.htm. (Accessed: 1.05.2017). (In Chinese).
53. CAFF International Secretariat. (2015) *The Arctic Migratory Birds Initiative. Workplan 2015–2019. Conservation of Arctic Flora and Fauna Strategy Series Report*. Is. 6. Borgir: CAFF International Secretariat.
54. Arctic Council official website. (2017) *Fairbanks Declaration*. [Online] Available from: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1910/EDOCs-4339-v1-ACMMUS10_FAIRBANKS_2017_Fairbanks_Declaration_Brochure_Version_w_Layou.PDF?sequence=8&isAllowed=y. (Accessed: 20.06.2017).
55. TASS. (2017) *Gossovet KNR: Kitay gotov i sposoben igrat' bol'shuyu rol' v razvitii Arktiki* [State Council of China: China is ready and able to play a large role in the development of the Arctic]. 29.03.2017. [Online] Available from: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4134538>. (Accessed: 30.03.2017).
56. International Radio of China (translated version). (2017) *V Arktike neft' i gaz budut dobyvat' pod vodoy i l'dom* [In the Arctic, oil and gas will be extracted under water and ice]. 31.03.2017. [Online] Available from: <http://russian.cri.cn/3051/2017/03/31/s600612.htm>. (Accessed: 31.03.2017).
57. Day Bingo. (2011) *Kak pravil'no est' iz obshchego kotla* [How it is correct to eat from the common boiler]. *Rossiyskaya gazeta*. 2.03.2011.
58. Huanqiu.com. (2016) *Expert: Arctic countries should not exercise caution and need China's support in their research in the Arctic*. 1.11.2016. [Online] Available from: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2016-11/9618983.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
59. News portal of the Communist Party of China. (2014) *The Arctic: the military continue the game*. 13.01.2014. [Online] Available from: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/n/2014/0113/c83083-24098990.html>. (Accessed: 24.06.2017). (In Chinese).
60. Shanghai Institute of International Studies. (2015) *Arctic Governance and China's Arctic Strategy Study of Arctic Shipping Routes*. *Shanghai Institute of International Studies*. 4. 58 p. (In Chinese).
61. Kai Sun. (2013) *East Asia – Arctic relations: boundary, security and international politics*. Ontario: Center for International Governance Innovation.
62. Sigfusson, A. (2015) *Climate change is opening up new opportunities and challenges in the Arctic. Is the United States ready to lead?* [Online] Available from: <http://www.afsa.org/getting-game-americas-arctic-policy>. (Accessed: 24.04.2017).
63. Arctic Council official website. (2016) *20 years of the Arctic Council: What are the "big questions" ahead?* 29.09.2016. [Online] Available from: <http://www.arctic-council.org/index.php/en/our-work2/8-news-and-events/418-20-years-balton-2>. (Accessed: 1.05.2017).

Received: 06 July 2017

ТРАКТОВКА ОБРАЗА ПАВЛА I В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI в.

Статья посвящена анализу исторической литературы о российском императоре Павле I. Особое внимание было уделено тому, как изменился образ императора Павла I на протяжении второй половины XIX – начала XXI в. в трудах историков. В результате исследования сделан вывод о том, что дореволюционные, советские и современные российские исследователи, опираясь на одни и те же исторические источники, приходят к разным выводам относительно оценок личности и деятельности правителя.

Ключевые слова: Павел I; образ; историография; мемуары; исторические сочинения.

Российский император Павел I из-за нелёгкого жизненного пути, долгого ожидания восшествия на престол и трагической кончины стал не только объектом исторической дискуссии, растянувшейся на века, но и человеком, исторический образ которого имеет много граней. Противоречивая личность стала в такой же мере противоречивым политиком, получив в воспоминаниях современников и трудах историков различные оценки – от признания Павла абсолютно неспособным к управлению и ввергнувшим страну в хаос до монарха, имевшего ясную цель и желавшего народу благополучия. По меткому замечанию известного российского историка А.Н. Боханова, руку к созданию образа так недолго правившего монарха приложили «психиатры от истории», которые сформировали своё мнение после изучения мемуарной литературы, где Павла I называют не иначе как «сумасшедшим, параноиком или даже идиотом» [1. С. 196]. Неоднозначность фигуры Павла I даёт возможность «дистраивания» образа монарха исследователями и выявления его эволюции в контексте идеологических и историографических изменений [2. С. 12–13].

Начало формирования образа Павла можно отнести к середине XIX в., когда в России в 1869 г. был опубликован дневник С.А. Порошина, повествующий о детстве наследника престола Павла Петровича [3]. Немногом ранее, в 1852 г., свет увидела работа Д.А. Милютин «История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 году» [4]. Последующие десятилетия ознаменовались публикацией практически недоступных ранее исследователям произведений мемуарной литературы, повествовавшей о различных моментах в жизни и деятельности монарха. И хотя в первых исследовательских трудах период правления Павла затрагивался лишь вскользь, а политическая составляющая не была изучена [5. С. 22], появление подобных произведений, сочетавшееся с расширением источниковой базы, подготовило почву для перехода к более серьёзному изучению личности и деятельности правителя в начале XX в.

Одной из первых исторических работ, всецело посвящённых Павлу I, стал труд главного редактора журнала «Русская старина» Н.К. Шильдера «Павел I. Его жизнь и царствование», изданный в 1901 г., где период правления императора был обозначен как «краткий, но незабвенный по жестокости» [6. С. 233]. Причины болезненного душевного состояния правителя историк находил, помимо всего прочего, в атмо-

сфере, в которой проходило его детство: отчуждённость от матери и воспитание придворными няньками развило в наследнике престола такие чувства, как страх и пугливость [Там же. С. 10].

Ещё один дореволюционный исследователь павловской эпохи Е.С. Шумигорский в работе «Император Павел I. Жизнь и царствование» (1907 г.) также упоминал о «боязни и подозрительности», которые развились в будущем монархе уже с детства. Особенности воспитания автор связывал с методами управления, говоря о том, что в будущем это «породило много жестокостей» [7. С. 131]. Одним из мотивов государственной деятельности императора Н.К. Шильдер называл «возмездие за 1762 год» (год убийства его отца – императора Петра III. – А.Н.) [6. С. 235]. По словам историка, в Павле I играли сложные чувства, и он «являлся как бы судьёй отношений, существовавших между его отцом и матерью» [Там же]. Очевидно, историк имел в виду месть Павла I матери за узурпацию власти и долгое ожидание престола. «Новое царствование с первых же дней сделалось отрицанием предыдущего», – писал Н.К. Шильдер [Там же. С. 240]. Однако подтверждение своих слов исследователь находил лишь во внешних атрибутах: изменениях, произошедших во дворце, вахтпарадах и пр. [Там же]. В целом учёный резко отзывался об эпохе Павла I, утверждая: «В такой простой, в такой наивной форме, как при Павле, самовластие ещё ни разу не являлось в России. Это был своего рода бред или, как выразился граф Воронцов, хаос. Всякая идея политического прогресса была отстранена. Одно понятие: самодержавие неограниченное, – были двигателями всех действий Павла» [Там же. С. 245–246]. Основанием для подобных выводов автора стали выбранные им цитаты из воспоминаний современников, например И.М. Муравьёва-Апостола, позволявшие дать следующую характеристику времени правления Павла I: «Наступившую тогда новую эпоху в русской истории называли, где как требовалось: Торжественно и громогласно – возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса – царством власти, силы и страха; втайне, между четырёх глаз – затмением свыше» [Там же. С. 245].

Однако в работе Е.С. Шумигорского, тоже написанной с опорой на мемуарную литературу, мы находим совсем иные, чем в труде Н.К. Шильдера, оценки государственной деятельности императора. Так, учёный утверждал, что своим долгом Павел I считал за-

боту о крестьянах и «приструнение туеядцев-дворян», а сословные привилегии для него были хороши лишь в том случае, если они существуют для пользы государству [7. С. 107, 112]. Естественно то, что подобные взгляды императора не устраивали дворян, поэтому, по словам историка, бурную реакцию общества вызывало даже то, что было естественно для дворянской службы. Ссылаясь на мемуариста А.Т. Болотова, исследователь подчёркивал, что «воздыхание и утирание слёз» вызывал даже приказ Павла I явиться на место службы [Там же. С. 108]. При всей положительной оценке управленческой деятельности Павла Е.С. Шумигорский вполне объективно оценивал личные качества монарха, упоминая о его раздражительности и приступах гнева [Там же. С. 117].

Историк писал и о том, что Павел «в раздражении иногда бросался на офицеров» [Там же. С. 128], но при этом он же утверждал, что исключались офицеры со службы «за пьянство и нерадение» [Там же. С. 129]. Так же внимательно Е.С. Шумигорский старался подойти к вопросу о том, почему император оказался преданным своими приближёнными и был убит в результате заговора. По его словам, высшее общество Петербурга было под впечатлением от интенсивности предпринимаемых императором дел, и ему нелегко было оставить свои прежние привычки [Там же. С. 117].

Помимо интенсивной законодательной деятельности Е.С. Шумигорский в ряд причин цареубийства включает также то, что Павел I ненавидел порядки, заведённые при Екатерине II, не смог сформировать свою команду приближённых, разделяющих его идеи, был одинок в своих попытках проведения изменений, которые оказались лишены системы [Там же. С. 120]. Подобная оценка деятельности Павла дала возможность современному ученому А.В. Скоробогатову заявить о возвеличивании Е.С. Шумигорским павловской системы управления государством [5. С. 22].

Среди исторических исследований дореволюционного периода, посвященных Павлу I, можно выделить и работу польско-французского историка К.Ф. Валишевского. По словам учёного, при создании работы «Павел I» им были использованы все значимые и представляющие интерес читателю источники, среди которых мемуары современников, Полное собрание законов Российской Империи и статьи «Санкт-Петербургских ведомостей» [8. С. 10]. Изученные источники позволили автору заявить о несостоятельности политической программы императора по реформированию страны, поскольку на момент получения власти монархом был заготовлен лишь проект военной реорганизации, и он был доведён «до достаточной степени если не совершенства, то зрелости, но лишь в виде намерений, неопределённых планов и неясных мечтаний» [Там же. С. 151].

К.Ф. Валишевский отмечал готовность Павла I к изменениям в армии и гвардии, планировавшимся как одна из главных реформ монарха. Павел I желал изменить многое, «и это прежде всего приводило к обнаружению, и даже усилению, недостатка находившихся в его распоряжении средств» [Там же. С. 154]. Некоторые идеи монарха, такие как мысль о

введении министерств, по мнению историка, были очень своевременными, но не были осуществлены по причине непродуманности [8. С. 156–157].

Интересны мысли К.Ф. Валишевского относительно личных качеств самодержавного правителя. Историк считал Павла I склонным к подражанию и, учитывая его поклонение перед Фридрихом II, который в силу своего высокомерия не имел советников, объяснял павловскую формулу единоличного управления, ссылаясь на фразу Ф.В. Ростопчина: «Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах. Он не выносит, чтобы ему о них говорили. Он приказывает и требует беспрекословного исполнения» [Там же. С. 100–101]. Исследователь утверждал, что в действиях императора не было последовательности: «Его система состояла в том, чтобы не иметь её вовсе» [Там же. С. 169]. Впрочем, К.Ф. Валишевский признавал благие намерения монарха в некоторых начинаниях. Так, по его мнению, в сословной политике Павла I прослеживались уместные действия, поскольку государь «не хотел воевать» с дворянством, но при этом поддерживал крестьян, так как зачастую крепостное право принимало форму «рабства со всей его непривлекательностью» [Там же. С. 160, 168].

В целом нельзя сказать, что дореволюционная историография в отношении Павла I была однобокой – указанные выше авторы обнаруживали как положительные, так и отрицательные качества монарха, приходя при этом к разным выводам. Интересной представляется точка зрения известнейшего историка В.О. Ключевского, который в своём «Курсе русской истории», уделив Павлу I сравнительно мало внимания, тем не менее заявлял, что не разделяет скептических взглядов на это правление. Более того, учёный утверждал, что царствование Павла I стало вполне логичным звеном в истории России и удачно вписывается в период между правлением Екатерины II и Александра I, поскольку «оно органически связано как протест – с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников – с будущим» [9. С. 1103].

Произошедшие затем революционные события, приведшие к свержению монархии и установлению нового политического строя, отнюдь не способствовали сколько-нибудь объективному рассмотрению образа любого императора, в том числе и Павла I. Неудивительно поэтому, что в работах видного советского историка-марксиста М.Н. Покровского Павел I предстаёт как человек нездоровый и «не чуждый алкоголизма» [10. С. 29]. В истории Дома Романовых, по словам ученого, были «деспоты крупного стиля», такие как Пётр I, «но мы не встречаем у них того мелочного деспотизма и капризливости, детского самодурства, которые так характерны для первого императора Голштинского дома» [Там же]. Исходя из таких оценок, вполне логична характеристика государственной деятельности императора: «Павел ни на минуту не думал о классовых противоречиях, когда издавал свои указы. Он руководствовался исключительно минутным капризом или инстинктивным отвращением ко всякому стеснению своей личной воли» [Там же. С. 33]. Даже политику Павла в отношении дво-

рянства историк считал непродуманной, указывая: «Служба дворянской молодёжи стала значительно тяжелее... Неудачная военная карьера лишала члена господствующего сословия самой важной сословной привилегии – права служить по выборам от дворянства и даже участвовать в них» [10. С. 32]. М.Н. Покровский при описании политических действий императора показательно употреблял слово «система» в кавычках, подчёркивая тем самым её отсутствие [Там же. С. 34].

Тем не менее, несмотря на явную идеологизацию оценок личности и деятельности Павла I, советский историк, как и его предшественники, использовал тот же набор источников-мемуаров. Так, М.Н. Покровский утверждал, что в ситуации с убийством императора дворянство отреагировало не на ущемление в правах – с этим высшее сословие сталкивалось не каждый день, а на экономические ограничения в виде разрыва отношений с Англией [Там же]. Подобную точку зрения мы можем найти у одного из мемуаристов – М.А. Фонвизина, писавшего: «Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нём ненависть к Павлу I» [11. С. 203]. Гибель императора от рук заговорщиков исследователь считал расплатой монарха за попытку «коснуться грубой рукой интересов господствующего класса» [10. С. 34].

Дальнейшее развитие советской исторической науки, хотя и шло по-прежнему в рамках марксистско-ленинской идеологии, тем не менее характеризовалось повышением теоретического уровня публикаций, расширением источниковой базы исследований и постепенным отходом от гипертрофированной политизации в оценках прошлого. Все это вместе взятое способствовало формированию новых подходов в изучении истории страны. Поэтому в изданной в 1982 г. работе Н.Я. Эйдельмана «Грань веков» большое внимание было уделено сущности и природе политики Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв., в том числе личности и государственной деятельности Павла I. Труд Н.Я. Эйдельмана был создан на основе множества исторических источников, включая мемуары современников, донесения послов и труды историков дореволюционного периода. По мнению автора, формулу власти Павла I хорошо характеризует фраза, сказанная шведскому послу: «Господин посол, знайте, что в России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю и пока я с ним говорю» [12. С. 58]. Н.Я. Эйдельман писал о политической цели императора – «максимальной централизации, предельном усилении императорской власти», которая происходила из веры монарха в божественное предназначение государя в так называемую мистику власти [Там же. С. 60]. К основным чертам «павловского стиля» историк относил «чрезвычайную интенсивность законодательства, непрерывную ломку, реорганизацию, новшества, перемены» [Там же. С. 61]. При этом Н.Я. Эйдельман считал, что стержнем всех законов были «централизация и самодержавие», поэтому, даже несмотря на «мелочи» в виде запрета на ношение круглых шляп или введения военной формы прусского образца, монарх шёл к определённым результатам, и «мелочи, несомненно, имели

отношение к генеральным, идеологическим проблемам, которые пытался решить Павел I» [12. С. 64, 78]. Причиной политических неудач императора историк считал конфликт в отношениях с дворянством, которое должно было стать проводником идей монарха, но стало препятствием на пути их реализации [Там же. С. 85]. Таким образом, даже в противоречивости действий императора ученый видел определенную системность.

Современная российская историческая наука, лишенная, с одной стороны, жесткой идеологической заданности, но сохранившая генетическую связь с исследованиями советского периода, с интересом относится к личности и деятельности Павла I. Формирующееся на рубеже XX–XXI вв., по мнению О.А. Леонтьевой, историческое сознание монархического типа определяет поворот к представлению о всемогуществе единоличной власти [2. С. 432]. Публикующиеся с 90-х гг. XX в. исследования объединяет положительное отношение к императору и его реформам. С именами таких историков, как Ю.А. Сорокин и А.Н. Боханов, связан новый научный взгляд на изучаемую эпоху. Указанные исследователи не считают, что император проводил политику «контрреформ», и выделяют чёткую цель, которую имел монарх. Правда, эта цель и её внутренние задачи трактуются исследователями по-разному. Так, Ю.А. Сорокин считает, что Павел I хотел укрепить самодержавие в условиях кризиса внутренней и внешней политики [13. С. 47]. А.Н. Боханов, заявляя, что государственная деятельность Павла I не была хаотичной, видит в ней следующие задачи: ослабление значения дворянского сословия в виде ограничения его беспредельных экономических и сословных преимуществ, облегчение тягот крестьян, установление законности и порядка на основе регламентации [1. С. 199].

А.Н. Боханов полагает, что со смертью Екатерины II, несмотря на сложившееся мнение о ее «блестящем правлении», наследнику престола досталось тяжёлое наследство: долг и разлад финансовой системы, огромное количество нерешённых дел в Сенате. Но самое главное, по мнению историка, заключается не в этом. Рухнул «тепло-рутинный чиновно-аристократический мир», и чиновников заставили работать, а военных – служить [Там же. С. 212–214]. Это и попавало к неудаче павловские реформы, ведь так называемую тиранию ощутили на себе как раз приближённые, которые были этим недовольны [Там же. С. 208]. Главной же «бедой» Павла I А.Н. Боханов называет отсутствие толковых исполнителей, поскольку двор был наполнен лишь «придворными интриганами» [Там же. С. 204].

Другой видный исследователь павловской эпохи – Ю.А. Сорокин, положительно оценивает государственную деятельность монарха, но при этом не разделяет мнения о покушении на свободу дворянства. Он считает, что никаким гонениям главное сословие страны не подвергалось, и приходит к выводу, что речь шла лишь о «регламентации деятельности дворян и призыве к исполнению своих прямых обязанностей», в то же время положение крестьян, вопреки желанию императора, не улучшилось [13. С. 69]. По-

ложительно историк отзывается и о внешней политике России при Павле I. В частности, Ю.А. Сорокин пишет, что император руководствовался не желанием разрушить дела матери, а трезвым политическим расчётом [13. С. 71]. По словам учёного, Российская империя при Павле I ставила стратегические задачи и пыталась их решить, а критика на него обрушилась в связи с разрывом с Англией, союз с которой был жизненно необходим дворянству [Там же. С. 75].

Таким образом, анализ исторических сочинений второй половины XIX – начала XXI в., посвященных личности и деятельности императора Павла I, со всей очевидностью свидетельствует о заметном изменении

в них трактовки образа монарха. Дореволюционные, советские и современные российские исследователи, опираясь на одни и те же исторические источники, приходят к разным выводам относительно оценок его личности и деятельности. В одних трудах Павел предстает как деспот и самодур, в других – как дальновидный политик, который руководствовался в своей государственной деятельности целью и интересами России. Подобная эволюция образа Павла I является отражением изменений, происходящих и происходивших в общественном сознании, поэтому вполне можно предположить, что и в дальнейшем образ правителя будет меняться в соответствии с эпохой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А.Н. Павел I. М. : Вече, 2010. 448 с.
2. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара : Книга, 2011. 448 с.
3. Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // Русский архив. 1869. № 1. С. 1–64.
4. Милотин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 году: в 5 т. СПб. : Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852.
5. Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М. : РГГУ, 2004. 346 с.
6. Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование. М. : Эксмо, 2010. 432 с.
7. Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб. : Типография В.Д. Смирнова, 1907. 264 с.
8. Валишевский К.Ф. Павел I. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 448 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1197 с.
10. История России в XIX веке. Дореформенная Россия. М. : Центрполиграф, 2001. 589 с.
11. Из записок Фонвизина // Царевичество 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1907. С. 199–213.
12. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М. : Мысль, 1982. 368 с.
13. Сорокин Ю.А. Павел I: личность и судьба. Омск : Омский госуниверситет, 1996. 211 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF PAUL I IN THE WRITINGS OF HISTORIANS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 129–133.

DOI: 10.17223/15617793/423/17

Anton V. Neverov, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

Keywords: Paul I; image; historiography; memoirs; historical works.

The article is devoted to the analysis of historical literature about Russian Emperor Paul I. Particular attention is paid to how the image of the monarch was modified during the second half of the 19th – beginning of the 21st centuries. It can not be said that the list of works on Paul I is great; nevertheless, pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historians were studying the era of his reign. The interest of historical science in the personality and activity of the Russian emperor is due to the fact that the monarch is a rather controversial and ambiguous figure, which is indicated by his state activity, personal qualities and, moreover, his tragic death as a result of a conspiracy, due to which a comprehensive study of the period of Paul I's reign throughout the century was limited. The contingent of historians in this work is determined in accordance with the chronology: studies of pre-revolutionary (N. Schilder, E. Shumigorsky, K. Valishevsky), Soviet (M. Pokrovsky, N. Eidelman) and modern Russian (Yu. Sorokin, A. Bokhanov) researchers. Using the same historical sources published at the turn of the 20th century, historians interpret the image of the emperor differently, apparently based on a selective analysis of the works of memoir literature available to them. It must also be said that the image of the emperor presented by historians was influenced by the era in which their historical work was created – often the dominant ideology and general scientific tendencies made their own corrections. In this regard, it should be noted that historians come to different conclusions, and the image of the emperor developed from contradictory in pre-revolutionary works, unambiguously negative in the early Soviet period to positive in the works of modern Russian researchers. In their works historians present the most important, in their opinion, moments, describing both the personal qualities of the emperor, which undoubtedly influenced his state activity, and also characterizing the policy Paul I pursued. The analysis of historical literature in the second half of the nineteenth and the beginning of the 21st centuries, carried out in the article, makes it possible to state that the image of Emperor Paul I has changed markedly over the centuries. Using primarily memoir literature, pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historians compiled various historical portraits of the monarch: in some, Paul I was incapable of governing the state, in others he was a far-sighted politician who set strategic goals for Russia. Such an evolution of the image of Pavel I is a reflection of the changes taking place and taking place in the public consciousness, enabling further “completion” of the image of the monarch.

REFERENCES

1. Bokhanov, A.N. (2010) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Vechе.
2. Leont'eva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.
3. Poroshin, S.A. (1869) *Sto tri dnya iz detskoy zhizni imperatora Pavla Petrovicha* [One hundred and three days from the child's life of Emperor Pavel Petrovich]. *Russkiy arkhiv*. 1. pp. 1–64.

4. Milyutin, D.A. (1852) *Istoriya voyny Rossii s Frantsiey v tsarstvovanie imperatora Pavla v 1799 godu: v 5 t.* [The history of the war between Russia and France in the reign of Emperor Paul in 1799: in 5 vols]. St. Petersburg: Tip. shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy.
5. Skorobogatov, A.V. (2004) *Tsesarevich Pavel Petrovich: politicheskiy diskurs i sotsial'naya praktika* [Czarevitch Pavel Petrovich: political discourse and social practice]. Moscow: RSUH.
6. Shil'der, N.K. (2010) *Pavel I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Paul I. His life and reign]. Moscow: Eksmo.
7. Shumigorskiy, E.S. (1907) *Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Paul I. Life and reign]. St. Petersburg: Tipografiya V.D. Smirnova.
8. Valishevskiy, K.F. (2004) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
9. Klyuchevskiy, V.O. (2011) *Kurs russkoy istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [A course of Russian History. Complete edition in one volume]. Moscow: AL'FA-KNIGA.
10. Pokrovskiy, M.N. et al. (eds) (2001) *Istoriya Rossii v XIX veke. Doreformennaya Rossiya* [History of Russia in the 19th century. Pre-reform Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
11. Fonvizin, D. (1907) *Iz zapisok Fonvizina* [From the notes of Fonvizin]. In: *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
12. Eydel'man, N.Ya. (1982) *Gran' vekov* [The edge of centuries]. Moscow: Mysl'.
13. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I: lichnost' i sud'ba* [Paul I: personality and fate]. Omsk: Omsk State University.

Received: 28 June 2017

ОТПРАВКА МАРШЕВЫХ РОТ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ ИЗ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)

Рассматриваются процессы формирования маршевых рот в запасных частях Омского военного округа в годы Первой мировой войны, а также их следования на фронт со всеми вытекающими эксцессами. Отмечаются изменения в практике формирования маршевых рот на поздних этапах войны. Исследование основано на материалах ГАНО и ГАТО.

Ключевые слова: Первая мировая война; Сибирь; пополнение; маршевые роты; сибирские стрелковые запасные полки.

Первая мировая война явилась важнейшим событием XX в. – она принесла кардинальные изменения в мировой геополитике, ознаменовала переход к новой картине мира, привела к падению нескольких империй и принесла революционные изменения в военное дело. Тем не менее эта война остается малоизученной в отечественной историографии, хотя в последние годы интерес исследователей к данной теме растет.

Для России не последнее место в ходе Первой мировой войны занимал западносибирский тыл. После ухода на фронт ряда сибирских объединений на его территории создаются запасные бригады, главным предназначением которых стала подготовка и отправка пополнения для действующей армии в составе маршевых рот. Значительные потери на фронте вместе с перегруженностью железных дорог делали своевременную высылку подкреплений и их успешную доставку исключительно важной. В этих условиях многое зависело от командования запасных частей: необходимо было готовить пополнения регулярно, быстро и качественно, а также поддерживать дисциплину среди солдат в течение длительного пути на фронт.

Целью настоящей статьи является анализ процесса комплектования маршевых рот, их структуры, количества, обстоятельств их отправки на фронт, а также динамики этого процесса в течение войны. Главная задача – исследование сведений, содержащихся в делопроизводстве 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка) 5-й Сибирской стрелковой запасной бригады и 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка) 4-й Сибирской стрелковой запасной бригады, представленных в государственных архивах Новосибирской и Томской областей.

Тему отправки маршевых рот на фронт так или иначе затрагивали большинство авторов, писавших о деятельности сибирского тыла во время Первой мировой войны. К примеру, следования маршевых рот касался И.А. Ерёмин. В монографии он выявил солдатские нарушения, совершенные по дороге на фронт. Упоминаются, помимо прочего, побегі на станциях Сураново и Тайга [1. С. 123]. Отправку на фронт маршевых рот освещал М.В. Шиловский, всесторонне отслеживая ее, а также состав рот [2. С. 66–67]. О маршевых ротах из Сибири писал коллектив авторов книги «Западная Сибирь в мировых войнах XX века», отмечая их высокий уровень подготовки, о чем фронтовые части сообщали командующему округом генералу Н.А. Сухомлинову [3. С. 56–57]. Много усилий к изучению роли Сибири в Первой мировой войне приложил Ю.А. Фабрика. Коснулся он и нашей темы: в

частности, он отметил значительное – более чем в полтора раза – снижение скорости отправки округом маршевых рот по мере продолжения войны [4. С. 219]. Таким образом, тема затрагивалась нашими предшественниками, но, по нашему мнению, не все ее аспекты были изучены.

Как правило, в армейской документации маршевые роты изначально, в период подготовки личного состава, назывались «очередными ротами пополнения» и начинали именоваться маршевыми накануне отправки в действующую армию. Такая терминология была весьма устойчивой и нарушалась крайне редко: лишь однажды, уже после Февральской революции, был использован совмещенный термин «очередная маршевая рота пополнения» [5. Л. 130]. Стандартная численность маршевой роты – 250 чел. В маршевую роту по штату входили: 1 фельдфебель, 4–5 младших унтер-офицеров, 15 ефрейторов, занимавших должности командиров отделений; новобранцы или ратники ополчения. Иногда количество унтер-офицеров превышало норму [6. Л. 37], фельдфебелей же могло не хватать [6. Л. 139]. В период подготовки каждая очередная рота пополнения закреплялась за кадровой ротой и командир кадровой роты нес ответственность за ее подготовку. Тем не менее не всегда солдаты роты пополнения принадлежали к той роте, при которой она комплектовалась; например, 32-я очередная рота пополнения была сформирована при 7-й кадровой роте, но включала в себя также 125 чел. из 1-й кадровой роты. Если в кадровой роте мест для солдат маршевой роты не хватало, то кадровые солдаты временно переселялись в другое помещение [7. Л. 82].

За несколько дней до отправки помимо обязательного медосмотра [Там же. Л. 114] проводились строевой смотр и опрос жалоб; опрошенные таким образом 16, 18 и 19-я маршевые роты были отправлены на фронт через четыре дня [8. Л. 287]. Еще одним мероприятием становилась присяга молодых солдат роты: например, солдаты 22, 23 и 24-й рот пополнения были приведены к присяге 19 октября 1915 г. [9. Л. 73], а уже 21 октября их роты отправляются в г. Минск. Наконец, обязательным ритуалом являлось проведение молебна, на котором обязаны были присутствовать временный командир маршевой роты, а также командир той кадровой роты, при которой она была сформирована [Там же. Л. 37]. Молебны для иноверцев проводились отдельно [10. Л. 75 об.].

Перед отправкой роты из числа офицеров батальона / полка назначались начальник эшелона, в котором маршевые роты должны были отправиться, а также

его помощник. У каждой маршевой роты имелся временный командир – как правило, в звании прапорщика, которому выдавались деньги на расходы, и который считался временно командированным [10. Л. 70]. Командированным был и начальник эшелона, возвращавшийся в полк [11. Л. 15 об.]. Солдат распределяли по вагонам по 30–40 чел. [5. Л. 169 об.; 8. Л. 1 об.], из них назначались старшие по вагону [8. Л. 240]. Нередко в одном эшелоне ехали маршевые роты разных батальонов. Иногда с маршевыми ротами отправлялись добровольцы, в том числе старослужащие и выпускники учебной команды [12. Л. 62].

После отправления маршевых рот приходилось бороться с побегами солдат. В случае успеха ответственный за сопровождение офицер получал благодарность, как, например, прапорщик Ганзен [8. Л. 61]; в другой раз поручик из 18-го батальона допустил побег нижних чинов из поезда; причиной оплошности было то, что весь конвой находился в последнем вагоне [13. Л. 90 об.]. За побег нижних чинов начальники эшелонов получали неделю гауптвахты [14. Л. 22, 31].

Иногда сопровождающим эшелон офицерам приходилось принимать энергичные меры. Так, когда из эшелона попытался бежать солдат, конвоиры стреляли по беглецу, но промахнулись, за что командование сделало им замечание [13. Л. 76]. Устраивая такие акции, офицеры подвергались немалому риску: например, 17 сентября 1915 г. за выстрелы по убежавшему из эшелона солдату был избит солдатами маршевых рот 76-го запасного батальона прапорщик Троицкий [16. Л. 274]. Командование приказало заранее посылать информацию, откуда призваны нижние чины, чтобы выставить там караул и не их выпускать там по одному [14. Л. 50 об.].

Число маршевых рот, отправленных разными Сибирскими стрелковыми запасными батальонами (полками), было разным. Так, в январе 1916 г. в 121-й Пензенский пехотный полк одновременно прибыли 48-я маршевая рота из 35-го батальона, 74-я – из 25-го и 28-я – из 32-го [17. Л. 40 об.]. При этом уровень подготовки всех прибывших солдат был расценен как достаточно низкий. Среди маршевых рот различных запасных батальонов, полученных фронтовыми частями позднее, также не наблюдалось кардинального различия в качестве полученной подготовки, несмотря на большой разброс в номерах рот; так, 150-й Таманский пехотный полк получил 90, 91 и 93-ю маршевые роты из 17-го запасного батальона наряду со 106-й маршевой ротой из 20-го батальона и 42-й маршевой ротой из 36-го запасного батальона [17. Л. 162; 18]. Разница в числе рот, подготовленных полками округа, наглядно показана в табл. 1.

Изменения, имевшие место после Февральской революции, напрямую коснулись и подготовки и отправки маршевых рот. Омский военный округ не выполнял планы по перевозке маршевых рот ввиду массовых опозданий солдат из отпусков [14. Л. 208], в которые они регулярно отправлялись по завершении курса стрельбы [6. Л. 200] под честное слово по его же приказу [19. Л. 156]. Из-за этого номинальную численность маршевых рот увеличили до 290 чел. [20. Л. 2], чтобы с учетом опоздавших выдержать

стандартную численность в 250 чел. Зная о проблемах командования, солдаты стали проситься на полевые работы, говоря, что их все равно не хватит для маршевых рот [20. Л. 106]. Маршевые роты стали комплектоваться бывшими полицейскими и жандармами [14. Л. 227], кроме того, приоритет при отправке получили дезертиры, которых направляли на фронт целыми ротами [1. Л. 229]. Полки приходилось доукомплектовывать за счет соседей [14. Л. 247]; 8 апреля 1917 г. 2-я кадровая рота 38-го полка была расформирована, чтобы пополнить маршевые роты [20. Л. 11].

Таблица 1

О готовности маршевых рот в 5-й бригаде после 8 недель подготовки на март 1917 г. [6. Л. 156]

Срок	Маршевые роты
5 марта 1917 г.	152-я и 153-я роты 18 запасного полка, 91-я рота 32-го запасного полка, 87-я рота 38-го запасного полка
15 марта 1917 г.	133-я рота 25-го запасного полка
20 марта 1917 г.	88-я рота 38-го запасного полка
25 марта 1917 г.	154-я рота 18-го запасного полка
30 марта 1917 г.	92-я и 93-я роты 32-го запасного полка, 89-я и 90-я роты 38-го запасного полка

Командование 5-й бригады приказало отправлять маршевые роты по мере готовности, чтобы поддержать июньское наступление [14. Л. 282]. В маршевые роты требовали включить остатки ушедших рот, всех инструкторов и их заместителей, всех солдат, предназначенных для командировок в пулеметные и самокатные запасные полки, всех инструкторов саперного дела и их учеников, всех кандидатов в учебные команды, всех белобилетников, прошедших курс строевой подготовки, всех строевых солдат на нестроевых должностях. Их надлежало свести в роты до 270 чел. [Там же. Л. 286]. Во всех кадровых ротах надлежало оставить лишь 21 кадрового, а также их заместителей в числе 20 чел. и всех должностных лиц [21. Л. 18].

4 апреля 1917 г. в Гарнизонном собрании г. Томска состоялось совещание, посвященное противодействию побегам из эшелонов. Принимается решение в рамках борьбы с проблемой, во-первых, разъяснять недопустимость самовольных отлучек из эшелонов; во-вторых, назначить в каждый эшелон представителей Совета рабочих и военных депутатов и полковых коллективов для осведомления Совета и полковых коллективов об условиях следования эшелона. В-третьих, было признано необходимым создать вагонный путевой коллектив из трех лиц, в том числе со старшим по вагону для поддержания порядка, а также общий путевой коллектив, составленный из вагонных, включающий ротного командира. Из них составлялся эшелонный коллектив во главе с начальником эшелона и представителем Совета рабочих и военных депутатов [22. Л. 72]. Но солдаты продолжали совершать нарушения по дороге на фронт: 12 июня 1917 г. от Петроградского начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба пришло сообщение, что солдаты маршевых рот требуют незапланированных остановок, угрожая начальству железной дороги расправой, грозя сойти самовольно [5. Л. 28; 23. Л. 78]. Предложенные меры были достаточно общими – прочитать лекцию о недопустимости таких действий и «принять меры» [5. Л. 223 об.].

1 июля Главное управление Генерального штаба распорядилось ускорять отправку маршевых рот: «Для ускорения все сведения готовности рот надлежит немедленно доносить военной телеграммой в мере готовности непосредственно ГУГШ... указывая номер полка, пункт посадки, число рот, время готовности» [14. Л. 312].

Ввиду отрывочности сведений в настоящее время не представляется возможным проследить их влияние в каких-либо запасных полках, кроме 38-го. Положение очередных рот пополнения этого полка по состоянию к 10 февраля 1917 г. воспроизведено в табл. 2.

Таблица 2

Маршевые роты 38-го Сибирского стрелкового запасного полка по состоянию на 10 февраля 1917 г. [6. Л. 58 об.]

Номер роты	Срок подготовки	Контингент
88, 89, 90, 91	Менее 4 недель	Нижние чины запаса, ратники ополчения 1-го и 2-го разрядов разных мобилизаций, белобилетники разных мобилизаций и молодые солдаты досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.
87	6 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г., белобилетники мобилизации 1 октября 1916 г. и молодые солдаты досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.
86	10 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г.
85, 84, 83	12 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 25 октября 1916 г.
82	13 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г. и белобилетники мобилизации 1 октября 1916 г.
81	15 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г.
80, 79	16 недель	Ратники ополчения 2-го разряда мобилизации 20 сентября 1916 г.
78	19 недель	Ратники ополчения 2-го разряда разных мобилизаций и молодые солдаты досрочных призывов 1916, 1917 и 1918 гг.

Позднее в 27-м Сибирском стрелковом полку, куда прибыли 80-я и 83-я маршевые роты, отмечалось, что средний возраст их военнослужащих – 35–36 лет, а также что они страдают рядом болезней, включая воспаления, бронхит, грыжи и пр. [6. Л. 161].

Стоит заметить, что практика комплектации маршевых рот молодыми солдатами досрочного призыва началась еще раньше: так, 11-я маршевая рота, отправленная в 1915 г., уже была составлена преимущественно из призывников 1916 г. [8. Л. 4], а 63, 64 и 65-я – из призывников 1918 г. [15. Л. 481]; 73, 74, 75 и 76-я состояли из ратников ополчения второго разряда 1903–1905 гг. призыва и новобранцев 1916–1918 гг. призыва [6. Л. 37].

Из так называемого дела о маршевых ротах следует, что начальнику эшелона и командирам маршевых рот выдавались следующие документы: попутный лист (перечень выданных документов и инвентаря), свидетельство о прохождении 8-недельного курса обучения, свидетельство о прохождении курса обучения противогазовой обороны (учрежден в начале 1917 г.), приказ временному командиру роты, приказ по г. Томску о внутреннем порядке в эшелонах. Кроме того, начальник эшелона получал инструкцию, где было указано количество рот, их командиры, фамилии обслуживающего персонала, документы и деньги

для рот, проездной документ для начальника эшелона обратного следования.

К 20 апреля 1917 г. в 38-м полку были новые маршевые роты. 97-я рота успела пройти 4-недельное обучение, 96-я рота – 5-недельное, 95- и 94-я роты – 6-недельное, 93- и 92-я – 7-недельное. Все они были укомплектованы молодыми солдатами досрочного призыва 1919 г. [6. Л. 144 об.].

В августе возникли дополнительные затруднения – 38-й полк не получал информации о сроке отправки подготовленных им маршевых рот. После оживленной переписки между командиром полка подполковником Холодовским, командованием 17-й дивизии и 5-й бригады [Там же. Л. 255–268] в «деле о маршевых ротах» была размещена копия телеграммы из Петрограда от начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба от 10 августа: «О всех готовых маршевых ротах прошу сообщать Мобилизационному, который будет давать наряды на перевозку, иначе очень часто роты направляются не на надлежащие фронты, так как переходы дивизий с одного фронта на другой округу неизвестны» [22. Л. 271]. Был составлен план отправки четырех рот в г. Луцк. Однако одна из маршевых рот – 98-я – передается караульной команде Томского гарнизона и стала считаться расформированной [24. Л. 11]. Последней ротой, об отправке которой на фронт имеются сведения, стала 95-я, составленная из белобилетников [6. Л. 381].

Всего, как следует из проводившихся в полку стрельб, смотров личного состава и отправок рот на фронт, за период с 1 августа 1915 г. по 5 марта 1917 г. 38-м Сибирским стрелковым запасным полком было подготовлено 77 маршевых рот, начиная с 11-й и заканчивая 87-й. При этом до конца марта были подготовлены еще три маршевые роты, но с начала апреля и до конца августа 1917 г. было подготовлено лишь девять рот, из которых одна была расформирована, а об отправке на фронт еще трех информация отсутствует.

Отчасти можно отметить большое количество рот, подготовленных в 23-м запасном батальоне – с ноября 1914 г. по май 1915 г. были сформированы 47 маршевых рот [25. Л. 35]; к концу 1915 г. уже 90-я маршевая рота из этого подразделения достигла фронта. При этом, однако, отмечались низкие боевые качества солдат.

Таким образом, мы рассмотрели процесс создания в сибирском тылу маршевых рот, его темпы, соотношение количества рот в разных полках. В ходе исследования был сделан ряд наблюдений. В первую очередь стоит отметить тщательность, с которой роты отправлялись на фронт, различные мероприятия, которыми она сопровождалась. Единообразие условий отправки всех рот указывает на то, что ее механизм был отлажен уже к началу войны.

Для поддержания порядка во время следования эшелона на фронт с ним отправлялся коллектив офицеров, которые подвергались немалой опасности, если им не удавалось держать ситуацию под контролем, учитывая значительное количественное превосходство нижних чинов. Офицерам не всегда удавалось поддерживать порядок, что продолжало быть проблемой вплоть до окончания войны, причем введение новых санкций оказывалось недостаточно эффектив-

ным – ситуация лишь усугублялась. Неспособность сопровождавших эшелон офицеров в случае непредвиденных обстоятельств силой восстановить дисциплину была, на наш взгляд, главным недостатком процедуры формирования и отправки рот, из-за чего порядок в пути поддерживался за счет дисциплинированности солдат, которая зависела от качества их подготовки, которое у разных рот было разным, и отсутствия у них оружия.

За время своей деятельности запасные полки подготовили разное количество маршевых рот. Так как известно, что полки были сформированы не одновременно, то неудивительно то, что, как правило, полки с высоким порядковым номером успевали подготовить меньше маршевых рот, что подтверждается количеством рот 5-й бригады к марту 1917 г. Однако известно, что к январю 1916 г. 32-й запасной батальон подготовил значительно меньше рот, чем 35-й, что указывает на наличие других факторов, которые оказывали влияние на скорость отправки рот. К сожалению, недостаток информации не позволяет выделить эти факторы, и

можно лишь догадываться, что эффективность подразделений в данном случае зависела от компетентности их офицеров и своевременного предоставления полку новобранцев и ратников ополчения. Интересно, что 32-й батальон испытывал такие трудности еще до Февральской революции, внесшей свои коррективы и практически поставившей крест на эффективной деятельности 38-го запасного полка: когда было выдвинуто требование ускорить отправку маршевых рот для поддержания июньского наступления, 38-й полк уже не мог его выполнить, не имея инструкций по отправке. Полк, очевидно, и раньше имел схожие проблемы, иначе в его составе не оказалось бы к марту 1917 г. очередной роты пополнения девятнадцатинедельного обучения, но на сей раз кризис был особенно сильным. Отправить маршевые роты, сформированные еще весной, на фронт с большим трудом получилось лишь в августе 1917 г., в то время как новые роты созданы не были. Учитывая то, что последние роты полка были составлены из ратников ополчения и белобилетников, это тоже не является удивительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. 276 с.
2. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.
3. Западная Сибирь в мировых войнах XX века : в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул : Алтайский Дом печати, 2014. Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
4. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. Т. I. 608 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 27.
6. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35
7. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 31.
12. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 10.
14. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 22.
15. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 12.
16. ГАНО. Ф. Д-135. Оп. 1. Д. 5.
17. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 7.
18. ГАНО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1.
19. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 412. Оп. 2. Д. 9.
20. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 32.
21. ГАТО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 10.
22. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 25.
23. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 34.
24. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 29.
25. ГАНО. Ф. Д-134. Оп. 1. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2017 г.

THE DISPATCH OF THE MARCHING COMPANIES TO THE ARMY IN THE FIELD FROM THE OMSK MILITARY DISTRICT DURING THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR, 1914–1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 134–138.

DOI: 10.17223/15617793/423/18

Daniil O. Nikulin, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikdanya@mail.ru

Keywords: First World War; Siberia; replenishment; marching companies; Siberian Rifle Reserve regiments.

This article deals with the formation of marching companies in reserve units of the Omsk Military District during the First World War, as well as their travel to the front, structure, quantity, dynamics. This topic has been mentioned earlier, but not in all of its aspects. The author of the article examines information contained in the records of the 38th Siberian Rifle Reserve Battalion (Regiment) of the 5th Siberian Rifle Reserve Brigade and the 23rd Siberian Rifle Reserve Battalion (Regiment) of the 4th Siberian Rifle Reserve Brigade, stored in the state archives of Novosibirsk and Tomsk Oblasts. The author got acquainted with the data on marching companies, beginning from their formation until their arrival at the front. The information considered indicates that the mechanism for the formation of marching companies was well established, as a result of which several officers were responsible for the

company, including the commander of a regular company under which it was trained. The dispatch of the company to the front was also carefully prepared and controlled, shortly before it several events were held, including a review and a prayer. A whole staff of officers was called upon to monitor the order in the train on the way to the front. On the way, soldiers periodically made attempts to escape, which were stopped with varying success by the officers accompanying them. During this period, different reserve regiments of the Omsk Military District prepared a different number of companies, which is explained by the different time of their formation and the different level of competence of their officers. After the February Revolution, the Omsk Military District began to experience considerable difficulties with the preparation of marching companies. It began to lack men, the speed of the formation of the companies dropped significantly, the least efficient contingent from the number of deserters, people previously exempted from military service and militiamen was sent to the front as part of marching companies. Appeals to patriotism and the creation of democratic bodies, supposed to improve the situation, did not lead to anything – the soldiers thought, mainly, about being sent to field works, and the officers were engaged in political struggle in the newly formed democratic bodies. The last dispatch of marching companies in the 38th Siberian Rifle Reserve Regiment took place in August 1917, when it managed to send some companies formed in April. The rest were disbanded.

REFERENCES

1. Eremin, I.A. (2005) *Tomskaya guberniya kak tylovoy rayon Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Tomsk Province as the rear area of Russia during the First World War (1914–1918)]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
2. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avto-graf.
3. Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A. & Rostov, N.D. (2014) *Zapadnaya Sibir' v mirovykh voynakh XX veka: v 2 kn.* [Western Siberia in the world wars of the twentieth century: in 2 books]. Book 1. Barnaul: Altayskiy Dom pečati.
4. Fabrika, Yu.A. (2014) *Sibir' srazhayushchayasya. Novonikolaevsk i novonikolaevtsy v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [The fighting Siberia. Novonikolaevsk and its residents in the First World War of 1914–1918]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 27. (In Russian).
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 35. (In Russian).
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 3. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 1. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 2. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 4. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 31. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 5. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 10. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 22. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 12. (In Russian).
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-135. List 1. File 5. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 7. (In Russian).
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 435. List 1. File 1. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 412. List 2. File 9. (In Russian).
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 32. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 412. List 1. File 10. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 25. (In Russian).
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 34. (In Russian).
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-132. List 1. File 29. (In Russian).
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund D-134. List 1. File 6. (In Russian).

Received: 27 June 2017

ПРОРОССИЙСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕРХУШКИ В 80–90-х гг. XVIII в.

Показано усиление внешнеполитической ориентации дагестанских правящих элит на Россию на конце XVIII в., раскрываются причины данного исторического явления. Как показало исследование, для дагестанских владетелей нахождение в союзнических отношениях с Российской империей было гораздо выгоднее, чем с Персией или Турцией. В то же время, привлекая дагестанских владетелей на свою сторону, российские власти укрепляли свои политические позиции в регионе.

Ключевые слова: дагестанские владетели; пророссийская ориентация; политика России; подданство; покровительство.

Поражение Турции в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. ослабило ее влияние на народы Северного Кавказа. Произошел перелом во внешнеполитической ориентации владетелей Дагестана в пользу России, что, естественно, вызвало озабоченность правительств Османской империи и шахского Ирана и активизацию их антироссийской деятельности на Кавказе. Укрепление позиций кубинского и дербентского правителя Фатали-хана, придерживавшегося пророссийской ориентации, также сильно встревожило правительства Персии и Порты. Иранский правитель Керим-хан Зенд был недоволен тем, как азербайджанские земли объединяются под властью Фатали-хана, который шел на сближение с Россией.

Керим-хан стал искать врагов Фатали-хана у него в тылу. Так, в 1777 г. он вышел на уцмю Амир-Гамзу, которому «через гилинского Гедаят-хана прислал «в подарок разного товаров на немалую сумму» [1. С. 240]. Керим-хан просил помощи для организации похода на Грузию, так как Фатали-хан намеревался свергнуть Ираклия II и поставить там царем внука Вахтанга VI Александра Бакаровича, бежавшего в Иран с русской службы. По замыслам Керим-хана, уцмий Амир-Гамза вместе с Гедаят-ханом Гилянским должны были напасть на союзника Фатали-хана – Джавадское ханство на реке Куре – и тем самым открыть иранцам прямой путь в Грузию, оттеснив Фатали-хана на север от Куры и навсегда закрыв ему дорогу к южной части Азербайджана.

Не дожидаясь задержавшегося Амир-Гамзы, в апреле 1778 г. Гидаят-хан захватил Джеват и Сальяны. Не сумев привлечь на свою сторону шамхала Муртузали, собрав трехтысячную конницу, осенью того же года Амир-Гамза опустошил Ардебиль, Карабах и Гянджу, награбил значительные богатства, а затем через Шеки, Ахты и Кюринский округ вернулся обратно.

Между тем в Дагестане происходили новые события, нежелательные для уцмий. За время его отсутствия Фатали-хану удалось склонить на свою сторону его племянника Мухамед-хана, которому он подарил выстроенную в трех фарсажах от Дербента крепость, названную в его честь Хан-Магомед-кала. Примерно в это же время на сторону Фатали-хана перешел Шахмардан-бек – старший сын Мухаммед-хана Казикумухского от его первой жены. В знак признательности Фатали-хан передал ему Гюнейский магал, входивший раньше в Кубинское ханство, и относившиеся к Дербентскому ханству магалы Кабирский и Кутуркюринский. Опираясь на них, Шахмардан-бек сам

присоединил Курахский магал, вследствие чего образовалось «буферное» Кюринское ханство.

Таким образом, самым влиятельным политическим лидером в регионе оставался Фатали-хан. В 1782 г. в его дворце в Дербенте оказался и Александр Бакарович, которого Фатали-хан выдвигал на роль грузинского царя вместо Ираклия II. Через год, в феврале 1783 г. в дербентской резиденции Фатали-хана состоялось совещание с участием дагестанских владетелей: шамхала Муртузали, уцмий Амир-Гамзы, Али-Султана Дженгутаевского и других, на котором было принято решение готовиться к совместному походу против Ираклия.

Все же не было единства среди дагестанских владетелей относительно грузинского вопроса. Уцмию удалось вовремя уловить политические предпочтения России; вскоре 27 июня 1783 г. он отправляет письмо командующему войсками на Кавказской линии П.С. Потемкину, в котором сообщает, что не желает участвовать в аванюре Александра Бакаровича, обвиняя во всем «дагестанский народ», который хочет напасть на Грузию, и обещая воспрепятствовать этому. Далее он пишет, что и прежде мешал осуществлению затеи грузинского царевича Александра (очевидно, речь идет о событиях 1778 г.), теперь он советует российским властям вывести Александра Бакаровича из Дербента и заверяет о верности российским властям вместе со своими четырьмя сыновьями и его подчиненными [2. С. 178–179].

Планам дагестанских владельцев не суждено было сбыться, поскольку российское правительство готовилось к заключению Георгиевского трактата с Ираклием II о союзе между Россией и Грузией и принятии ее под российское покровительство. Присоединение в 1783 г. Крыма к России, закрывшего главный канал османо-крымской агрессии против народов Кавказа, ускорило подписание Георгиевского трактата 26 июля 1783 г. [3. С. 60].

Вскоре главные владетели Восточного Кавказа, в числе которых были Фатали-хан, шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский, хан Казикумухский, Умма-хан Аварский, Баммат Бойнакский, были официально извещены российскими властями о присоединении Крыма и Кубани к России и о принятии Грузии в подданство России. Данные исторические события сильно повлияли на внешнеполитические позиции дагестанской верхушки. «Можно себе представить, – пишет Р.М. Магомедов, – какое сильное впечатление произвели в дагестанской феодальной среде вести о

том, что Грузия вышла из-под власти Ирана и включена в сферу России, ведь это означало как бы “полу-охват” Дагестана с севера и запада российскими владениями (не говоря уж о том, что и на Каспии, вдоль восточного предела Дагестана, господствовала русская военная флотилия)» [1. С. 244].

Почувствовав мощную силу России, как только стало известно о подписании Георгиевского трактата, владельцы Дагестана наперебой засвидетельствовали свою верность России. Тарковский шамхал Муртузали, желая видеть себя в числе подданных России, писал: «Расположась с искренностью моею на преданность выс. всероссийскому престолу, подношу мое прошение относительно принятия меня во всемогущее е.в. покровительство и подданство, и о присоединении меня и с народом к прочим российским верно-подданным...» [2. С. 183]. Умма-хан Аварский также заверял П.С. Потемкина о своем желании верно служить России: «...нашей и всего народа великой государыни сердечно желаю душою и телом служить и оказать услуги» [Там же. С. 180]. Не менее эмоционально свою верность российскому престолу выражали андийцы: «Мы, андийские старшины и народ, обещаем и клянемся перед самим всемогущим богом и пророком Магомедом в том, что, будучи издревле верными российскому престолу, покоряясь высокой воле всепресветлейшей державнейшей великой государыне нашей имп. Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, возобновляем нашу присягу, почитая себя счастьем, что удостоены мы в число верноподданных сынов ее высокому престолу» [Там же. С. 184–185]. Аналогичные по содержанию письма российское кавказское командование получало и от других дагестанских владетелей [4. С. 136].

Активизация российско-дагестанских политических связей вызвало очередное недовольство Стамбула, решившего принять ответные меры. Так, весной 1785 г. султан направил Умма-хану аварскому «жалованье» в 500 пиастров и обещал ему при вступлении в Грузию «удовольствовать войска его провиантом и фуражом на четыре месяца» [5. С. 383]. Стало очевидным, что Турция готовилась к новой войне ради достижения своих реваншистских целей. Активная работа в этом направлении проводилась путем идеологической обработки горских масс, призывая к «священной войне» против «неверных». Большое число турецких агентов засылалось в Дагестан, Чечню, Кабарду и другие части Северо-Восточного Кавказа, обещая горцам, поступившим на службу к османам, по 50 рублей. Все они должны были в политических интересах Порты «долгом веры» вызывать ненависть к русским, поднимать горцев на защиту ислама от посягательств «неверных» [6. С. 450].

В этом плане Турция большие надежды возлагала на начавшееся в Чечне восстание под руководством шейха Мансура (Ушурма) [7. С. 386]. Отношение к движению дагестанского общества было неоднозначным. Если эндириевский владетель Чопалов и джентутаевский правитель Ахмед-хан примкнули к восстанию под руководством Ушурмы, то такие видные дагестанские деятели, как шамхал Тарковский, ханы Аварии и Казикумуха не только не присоединились к

этому движению, но и ответили категорическим отказом. «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, – отвечал Ушурме Умма-хан Аварский, – чтобы подобно населению подчиненных тебе чеченских районов и отсюда народы пошли... сражаться с русскими... Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником» [5. С. 396]. Такие же отказы Ушурме выразили тарковский шамхал Баммат, казикумухский хан Магомед, табасаранский кадий Рустем и др.

Об отказе шейху Мансуру дагестанских владетелей стало известно в Петербурге, что вызвало удовлетворение российских властей. «О собрании лже-пророка разведал...», – доносил в Петербург в 1786 г. П.С. Потемкин. – Кроме чеченцев, никого нет». Даже когда распространились слухи о скорой помощи Дагестана Ушурме, объявившем себя пророком, Потемкин категорически заключил: «Это невероятно и не видно, чтобы народы к нему стекались». Просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ» [Там же]. В скором времени даже приткнувшиеся к движению Ушурмы андрийцы в письме от 4 августа 1786 г. на имя П.С. Потемкина раскаиваются и официально заявляют о том, что «отошли от Ушурмы и (желают. – Ф.О.) быть по-прежнему верными Е.И.В. рабами» [2. С. 196]. Не менее пронизательным оказался уймый Амир-Гамза, в марте 1786 г. отправивший к П.С. Потемкину посланника с заверением, что не стоит беспокоиться по поводу уцмья с шейхом Мансуром и его сторонниками [1. С. 246].

Отвергая предложения шейха Мансура о покровительстве Порты, политические деятели Дагестана активно обращались с просьбой о подданстве России. В 1784 г. официально оформить свое вхождение в состав России решило шамхальство Тарковское, но оно было отсрочено в связи с кончиной шамхала Муртузали. Его преемник Баммат Бойнакский, охотно продолжая курс Муртузали и видя политический перелом на Кавказе в пользу России, особенно с 1783 г., продолжил переговоры с российскими властями. В марте 1786 г. шамхал Баммат заявляет о своей готовности возобновить присягу на подданство России [2. С. 189–190].

Со своей стороны российские власти проявляют к шамхалу повышенный интерес, в преддверии Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. имперское правительство явно стремилось теснее привязать к себе шамхальство. Все эти обстоятельства привели к тому, что в 1786 г. в Тарках в присутствии народа и представителя кавказской администрации поручика Филатова шамхал Баммат принял обязательство и дал присягу на верность и подданство России [2. С. 195].

В течение 1876–1877 гг. присяги о подданстве России возобновили почти все дагестанские владетели: Умма-хан Аварский, казикумухский и кюринский ханы, аксаевский, костековский, эндириевский, табасаранский Рустам-кадий и другие владетели. Р.М. Магомедов, проанализировав текст присяги шамхала Баммата, пишет, что «теперь мы находим в актах о присяге новые строки: “о принятии нас и преемников наших под верховный покров И.И.В. и в преемников всероссийского имперского престола над

тарковскими и бойнакскими владетелями, шамхальский сан имеющими...», «принять именем нашим и наших преемников е.и.в. и е. имперским престолопреемникам и преемников моих и всех моих областей, признавая на вечные времена выс. покровительство и верховную власть е.и.в. и ее высоких преемников надо мною и моим преемниками шамхалами». Далее отвергалась возможность покровительства шамхалом других государей (хотя еще в XVIII в. была возможна служба «на обе стороны», поскольку Россия и Иран были союзниками). Итак, верховенство России приобретало новое качество, а вассалитет превращался в подданство в самом точном смысле» [1. С. 248].

Усиление влияния России в Дагестане подтолкнуло Порту на крайние действия. С начала 1787 г. она ускорила подготовку войны с Россией, пользуясь активной поддержкой западных держав. Воинственные настроения Турции подогревались представителями Англии, Пруссии и Голландии. Надеясь на их помощь, а также на выступление Швеции и Польши против России, Порты заняла решительную позицию. 27 июля 1787 г. визир вручил российскому послу в Стамбуле Булгакову ультиматум, в котором предлагалось пересмотреть условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и Георгиевского трактата 1783 г. Не дождавшись ответа, 24 августа 1787 г. Турция объявила войну России [8. С. 154].

С началом военных действий турецкий султан Селим III обратился к народам Кавказа выступить против России [9]. В другом послании султан сообщил о своих планах направить на Кавказ 60-тысячную османскую армию для оказания помощи в борьбе с Россией и обещал крупное денежное вознаграждение активным участникам «священной войны» с русскими [10]. Как ни странно, призывы султана не нашли поддержки в Дагестане. Более того, фирманы султана владетели Дагестана доставили в подлиннике кавказскому командованию, заверяя имперскую власть в своей верности России. Об этом, основываясь на личных наблюдениях, генерал-майор Горич 3 ноября 1788 г. также доносил князю Потемкину: «...хотя здесь со стороны турков распространяются разные слухи, как-то об отправке турецких войск на Кавказ и Дагестан... но горцы сами видят, что то несбыточно... я нахожу во всех горских народах доброе к нам расположение и если угодно будет вашей светлости могу собрать войско из них» [Там же].

В апреле 1789 г. руководитель российской внешней политики Г.А. Потемкин писал в Петербург: «Сношение, которое продолжал я с владельцами дагестанскими и прочими внутри самой Персии, весьма способствовало к удержанию их в благомыслии, предохранило Грузию от разорения и произвело даже в правительствах их... полезное...» России, несмотря на все происки османов [8. С. 157]. В сентябре 1789 г. шамхал Тарковский и Ахмед-хан Дербентский объявили российскому командованию о своей верности и готовности служить России.

Специальное заседание Государственного Совета России 11 октября 1789 г. обсудило несколько вопросов о делах на Северном Кавказе: об усилении анти-русской деятельности Турции в Кавказском регионе, о российско-кавказских взаимоотношениях и российской позиции в Дагестане, в том числе и во-

прос о желании отдельных дагестанских владетелей перейти в российское подданство. В ходе обсуждения последнего вопроса Государственный Совет отметил, что «аксаевские владельцы с узденями и лезгинские, салатаевские начальники обнаруживают верность свою к нам». Коменданту г. Кизляра российское правительство предписало для улучшения взаимоотношений с народами Дагестана «пропускать их на прежнем основании без всяких пошлин» в Кизляр по торговым делам [2. С. 214–215]. В том же 1789 г. шамхалу Тарковскому как наиболее дружественному России владетелю, российское правительство преподнесло грамоту и ценные подарки, а подданным его было предоставлено право беспошлинной торговли в Кизляре [11. С. 73]. В ноябре 1789 г. командующий Кубанским и Кавказским корпусом И.П. Салтыков уведомил Петербург о прибытии к нему посла от уцмий Кайтага Устар-хана с заверениями в верности России [2. С. 215].

Весной 1791 г. османы еще пытались, как указывает П.Г. Бутков, «возбуждать кавказцев и дагестанцев» против России, «хотя и напрасно» [12. С. 231]. Это объясняется осторожной и тонкой политикой российских властей в регионе. Так, руководитель внешней политики России Г.А. Потемкин предлагал во время российско-османской войны «ласкать» подарками князей Засулакской Кумыкии, шамхала и других дагестанских владетелей [13]. Успехи русских войск на суше под командованием А.В. Суворова и российского флота во главе с Ф.Ф. Ушаковым вынудили султанскую Турцию просить мира. Был подписан Ясский мирный договор 1791 г., подтвердивший условия Кючук-Кайнарджийского договора.

Исходя из соответствующих статей Ясского договора, Екатерина II указом от 28 февраля 1792 г. разрешила принять в российское подданство народы Северного Кавказа. Сделав акцент на необходимости проводить расчетливо продуманную политику в отношении горских народов, в своем указе она призвала «не оружием, а паче правосудием и справедливостью привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... Со всей серьезностью следить, что ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам» [14. С. 123–124].

Естественно, такая политика имперского правительства находила взаимопонимание у большинства кавказских владетелей и старшин, что подтверждается следующими фактами. В 1791 г. в Петербург прибыла делегация дагестанских правящих элит в составе засулакских князей, шамхала Тарковского, хана Дербентского и других для решения вопроса о подданстве России. 19 апреля 1793 г. командующий войсками на Кавказской линии генерал И.В. Гудович повторно принял присягу от кумыкских князей и шамхала Тарковского с произведением его в чин тайного советника с годовым жалованьем в 6 тысяч рублей. 11 августа того же года дербентский Ших-Али-хан также принял присягу на верность России [2. С. 226]. Переговоры о принятии российского подданства вели и другие дагестанские владетели. Однако имперское правительство, не желая осложнять свое внешнеполитическое

положение, решило повременить с принятием в подданство России тех владений, которые находились на западном и южном побережьях Каспия [6. С. 459].

Однако вскоре ситуация в регионе изменилась. Петербургский двор продолжал придерживаться сдержанного курса, обусловленного, как отмечает Ф.З. Феодаева, «каджарской опасностью» [15. С. 218]. Дело в том, что с начала 80-х гг. в Иране возобновилась борьба за власть, в которой на сей раз основными соперниками стали представитель племени зендов исфаханский Али Мурад-хан и представитель племени каджаров астрабадский Ага Мухаммед-хан [16. С. 214–215]. Пришедший к власти Ага Мухаммед-хан начал строить планы относительно Кавказа. «Безусловная покорность шамхала тарковского и искание покровительства России многими персидскими ханами, – писал Н.Ф. Дубровин, – не нравились Ага Мухаммед-хану, желавшему подчинить их своей власти» [17. С. 16–17].

Российские правящие круги известили иранского правителя о том, что если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то должен отказаться от притязаний на Кавказский регион [12. С. 331]. Этим самым Россия брала под свою защиту и покровительство народы Кавказа. Однако, ободренный успехами внутри Ирана и подталкиваемый западно-европейскими державами, иранский шах вступил во владения Ибрагим-хана Карабахского. В течение короткого времени он осадил крепость Шушу, захватил Карабах, разорил Гянджу и вторгся в Грузию. После взятия Тбилиси шах потребовал от дагестанцев покориться ему [2. С. 242], в противном случае грозил участью, которая выпала грузинам.

Требования шаха Ирана взволновали народы Дагестана. Последние собрались на общий совет и единогласно отклонили требования персидского завоевателя, решили принять все меры для оказания сопротивления и обратились с просьбой о помощи к Рос-

сии [18]. За исключением дербентского правителя Ших-Али-хана, остальные дагестанские владельцы единодушно согласились организовать оборону. Дагестанцы были воодушевлены тем, что в октябре 1795 г. вахмистр Абдулла Садыков был отправлен к ним с письмами И.В. Гудовича для «склонения их к твердому противодействию Ага-Мухаммед-хану» [12. С. 348].

Кроме того, генерал И.В. Гудович послал в Дербент отряд под командованием генерал-майора Савельева. Дагестанским владельцам было предложено собрать ополченцев и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов. 15 апреля 1796 г. В.А. Зубов выступил на юг Дагестана. Дагестанские владельцы присоединились к его отряду [19. С. 144].

Однако дагестанским планам Ага-Мухаммед-хана не суждено было сбыться. В июле 1797 г. он был убит [Там же. С. 147]. Владетели Дагестана были благодарны России за противостояние планам персидского завоевателя захватить Дагестан [2. С. 233–234].

Итак, Россия, выступив в защиту народов Дагестана, спасла их от опустошительного нашествия шаха Ага-Мухаммед-хана. Результаты его похода в Дагестан в несколько раз превосходили бы таковые походы Надир-шаха. Правители Дагестана, осознавая, к каким тяжелым последствиям и разорению может привести поход иранского правителя, оказывали российским войскам практическую помощь и поддержку в их продвижении на юг Дагестана, что в конечном итоге привело к отказу иранского шаха от запланированного похода против дагестанских народов. С уходом иранских войск создалась благоприятная обстановка для присоединения Дагестана к России, тем более что многие феодальные владельцы Дагестана не раз обращались к российскому правительству о принятии их в подданство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Ч. II. 514 с.
2. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. 357 с.
3. Новосельцев А.П. Георгиевский трактат и его историческое значение // История СССР. 1983. № 4. С. 55–67.
4. Магарамов Ш.А. Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI – XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 133–137.
5. История Дагестана. М., 1967. Т. 1. 432 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 544 с.
7. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. 528 с.
8. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
9. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 487. Л. 122.
10. АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1789–1796 гг. Д. 485. Л. 88–89.
11. Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. 13. 616 с.
12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1702 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. 600 с.
13. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 32. Л. 178.
14. АКАК. Тифлис, 1869. Т. 2. 1938 с.
15. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 2008. 300 с.
16. История Ирана. М., 1977. 488 с.
17. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 3. 550 с.
18. ЦГА РД. Ф.150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19.
19. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Иран. Баку, 1991. 305 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

PRO-RUSSIAN FOREIGN POLICY POSITIONS OF THE DAGESTAN POLITICAL ELITE IN THE 1780S-1790S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 139–143.

DOI: 10.17223/15617793/423/19

Fakhreddin N. Orudzhev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: sharafutdin@list.ru

Keywords: Dagestan possessors; pro-Russian orientation; policy of Russia; citizenship; protection.

The work aims to study the process of strengthening the foreign policy orientation of the Dagestani political elites in Russia in the late eighteenth century, to uncover the causes of this phenomenon. The basis for achieving this aim was archival documents and other published sources. The study shows that the defeat of Turkey in the Russian-Turkish war of 1768–1774 was the turning point in the foreign political orientation of the rulers of Dagestan in Russia's favor. It is established that the strengthening of Pro-Russian positions of Dagestani rulers was influenced by the accession of the Crimea and Kuban to Russia and the adoption of Georgia into the Russian citizenship. Feeling the powerful force of Russia, once it became known about the signing of the Treaty of Georgievsk, rulers of Dagestan testified their loyalty to Russia. The Shamkhal of Tarki, the Umma-Khan of Avaria, Andian elders and many others declared their desire to be in Russian citizenship. Intensification of Russian-Dagestani political ties resulted in the dissatisfaction of the Sultan. Turkey hopes laid on the uprising that began in Chechnya under the leadership of Sheikh Mansur. However, such prominent Dagestani figures as the Shamkhal of Tarki, the khans of Avaria and KaziKumukh did not join this movement, and replied with a categorical refusal. Russian authorities learned about this refusal of Dagestani rulers and were satisfied with it. Rejecting suggestions of Sheikh Mansur and, accordingly, High Porte patronizing him, the politicians of Dagestan actively sought citizenship of Russia. In 1784, the Shamkhalate of Tarki decided to formalize its accession to Russia. This example was followed by many others. During 1786–1787 almost all of Dagestani rulers resumed oaths of allegiance to Russia: Aksai, Kostek, Enderi lords, the Umma-Khan of Avaria, KaziKumukh and Kyurin khans, qadi Rustam of Tabasaran and other lords. As is known, Turkey, which began to prepare for war with Russia since 1787, using the active support of the Western powers, did not appreciate this. On 24 August 1787, it declared war on Russia. With the beginning of military actions, Selim III appealed to the peoples of the Caucasus to fight against Russia. Oddly enough, the sultan's appeals found no support in Dagestan. Moreover, the rulers of Dagestan delivered the firmans of the sultan in the original to the Caucasian commanders, assuring the Imperial power in its allegiance to Russia. In September 1789, the Shamkhal of Tarki and Ahmed-Khan of Derbent declared their loyalty and willingness to serve Russia to the Russian commanders. As evidenced by the sources, in 1791 a delegation of the Dagestani ruling elite including Zaslak princes, the Shamkhal of Tarki, the Khan of Derbent and others came to Petersburg to address the question of Russian citizenship. In the course of the study the author comes to a conclusion that Russia, repeatedly patronizing the peoples of Dagestan defended them during the threat of invasion by Shah Agha-Mohammad Khan. In turn, the rulers of Dagestan, realizing the serious consequences and ruin the Iranian ruler's campaign could cause, Russian troops provided effective assistance and support, which ultimately led to the Shah's refusal from the expedition against Dagestani peoples. The study showed that the departure of the Iranian army created favorable conditions for the annexation of Dagestan to the Russian Empire.

REFERENCES

1. Magomedov, R.M. (1999) *Darginsy v dagestanskom istoricheskom protsesse* [Dargins in the Dagestani historical process]. Pt. 2. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Gadzhiev, V.G. et al. (eds) (1988) *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Novosel'tsev, A.P. (1983) Georgievskiy traktat i ego istoricheskoe znachenie [Georgiev treatise and its historical significance]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 55–67.
4. Magaramov, Sh.A. (2014) Sotrudnichestvo dagestanskoy pravayashchey elity s Rossiei v XVI – XVIII vv. [Cooperation of the Dagestan ruling elite with Russia in the 16th – 17th centuries]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 133–137.
5. Gadzhiev, V.G. (ed.) (1967) *Istoriya Dagestana* [The history of Dagestan]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Piotrovskiy, B.B. (ed.) (1988) *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times until the end of the eighteenth century]. Moscow: Nauka.
7. Akhmadov, Sh.B. (2002) *Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX veka* [Chechnya and Ingushetia in the eighteenth and early nineteenth centuries]. Groznyy, Elista: APP“Dzhangar”.
8. Gadzhiev, V.G. (1965) *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. Moscow: Nauka.
9. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 52. List 1/194. File 487. Page 122. (In Russian).
10. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund *Snosheniya Rossii s Persiei* [Relations of Russia and Persia]. List 77. 1789–1796. File 485. Pages 88–89.
11. Anon. (1889) *Kavkazskiy sbornik* [The Caucasian Collection]. Vol. 13. Tiflis: Tip. Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga.
12. Butkov, P.G. (1869) *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1702 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1702 to 1803]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
13. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 52. List 1/194. File 32. L. 178.
14. Acts of the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). (1869) *Tiflis*. Vol. 2.
15. Feodaeva, F.Z. (2008) *Russko-dagestanskije otnosheniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX vv.* [Russian-Dagestan relations in the second half of the 18th – early 19th centuries]. Makhachkala Moscow: TAUS.
16. Ivanov, M.S. (ed.) (1977) *Istoriya Irana* [History of Iran]. Moscow: Moscow State University.
17. Dubrovin, N.F. (1871) *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Departamenta udelov.
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGA RD). Fund 150. List 1. File 18. Pages 18–19. (In Russian).
19. Bakikhanov, A.-K. (1991) *Gyulistan-i Iram* [Paradise Flower Garden]. Baku: El'm.

Received: 28 June 2017

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ НА ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ДУМСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ (1905–1907 гг.)

Рассматривается влияние революционного террора на ход и результаты первых выборов в нижнюю палату российского парламента. Авторы анализируют многочисленные архивные материалы и данные периодической печати того времени. Показывается влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения в отношении революционного террора. Авторы приходят к выводу о том, что революционный террор затруднял создание умеренных и правых политических партий, препятствовал нормальному проведению ими избирательных кампаний в I и II Государственные думы. В свою очередь он облегчил победу на выборах конституционным демократам.

Ключевые слова: политический террор начала XX в.; выборы в I Государственную думу Российской империи; выборы во II Государственную думу Российской империи; думские избирательные кампании; Революция 1905–1907 гг.; абсентеизм.

Историография первых думских выборов насчитывает не одну сотню книг и статей. К настоящему времени подробно изучены предвыборные программы [1] и тактика [2, 3] политических партий России начала XX в., причины их побед и поражений на выборах в Государственную думу [4], электоральное поведение [5], вмешательство власти в избирательный процесс [6], особенности организации выборов в различных регионах страны [7–10]. Казалось бы, что нового может дать научный поиск в этом направлении? Между тем при всей многочисленности и большом разнообразии этих изданий проблема воздействия на выборы в I и II Государственные думы революционного террора еще не становилась предметом специального изучения. Данная статья – одна из первых попыток проследить влияние политического террора на поведение избирателей, предвыборную тактику партий – участниц первых думских избирательных кампаний.

В начале XX столетия террористы добились того, что страх стал постоянно действующим фактором жизни Российской империи, определяя поведение ее подданных. Запуганное общество было вынуждено выполнять требования террористов. «Строгое и последовательное применение системы террора к лицам, оказывающим противодействие революционному движению, решительный и систематический образ действий комитета, имеющего в своем распоряжении значительные денежные средства, привели к тому, что все его приказания, передаваемые какими-то неизвестными лицами, исполняются беспрекословно всем населением, опасаящимся мести за ослушание» [11. Л. 7 об.], – докладывал кутаисский губернатор.

Подобные сообщения поступали и из других мест Империи. Население испытывало невротический страх перед возможными терактами. К примеру, в Ржеве начались страшная паника и давка летом 1907 г. во время крестного хода, когда некие «злонамеренные лица», желавшие, как выяснилось позже, совершить кражи, воспользовавшись паникой, стали кричать: «Бросили бомбу!» [12. Л. 187–187 об.]. Губернский гласный Полтавского земства В.И. Мезенцов в письме С.Ю. Витте в конце 1905 г. верно подметил народные настроения: «Совершенно терроризировано все мирное, благоразумное общество. Вы напрасно вызываете к поддержке благомыс-

лящих людей, – они не могут, они не смеют пикнуть против обуявшего их террора, – хотя несколько не сочувствуют революции» [13. Л. 73].

Безусловно, такая ситуация не могла не повлиять на поведение политических партий и отдельных граждан в период первой и второй думских избирательных кампаний. Сразу после издания Указа от 11 декабря 1905 г. все недавно образованные партии Российской империи, а также партии и союзы, находящиеся в стадии оформления, включились в предвыборную борьбу. В России начала XX в. при практическом отсутствии ярких, хорошо известных в политике имен, слабом развитии средств массовой информации победить на выборах в одиночку было практически невозможно. Так, выборы в Петербурге показали «общее и решительное» преобладание партийных списков над отдельными кандидатами и полную неудачу мелких партий, внепартийных списков [14. С. 289].

Деятельность так называемого Петербургского комитета внепартийных не имела успеха. Московские выборы также имели «несомненным результатом голосование не личности, а партийной программы»: на непартийных кандидатов здесь пришлось лишь 0,6% всех поданных голосов [15. С. 62]. На выборах в Тифлисе, как отмечали местные корреспонденты, избиратели также голосовали «не за лиц, а за партии» [16. С. 147]. Показателен в этом отношении и пример первых парламентских выборов в Киеве. Беспартийным кандидатам пришлось провести специальное совещание, где решался вопрос, поддержать ли борющиеся партии или выставить свой собственный список выборщиков от объединившихся «диких» кандидатов [17. С. 12].

Выборы в I Государственную думу организовано, дисциплинировано, «на европейский манер» вели только кадеты. Они самым внимательным образом изучили опыт избирательных кампаний тех государств, где парламентская демократия насчитывала уже не один десяток лет – Великобритании, Франции, США. Их предвыборная пропаганда носила сугубо адресный характер, конституционные демократы апеллировали прежде всего к группе избирателей, которые составляли опору партии, а предвыборная комиссия осуществляла поквартирный обход горожан с целью выяснения их политических пристрастий и вербовки в партию новых членов. Подбор коллегии выборщиков проводился тща-

тельно и осторожно. На заключительной стадии избирательной кампании кадеты эффективно использовали несовершенство и «сырость» самой технологии проведения голосования. Избирателю надлежало заполнить бюллетень фамилиями достойных, на его взгляд, кандидатов в выборщики по своему участку. Однако в инструкции по выборам не указывалось, должен ли он сделать это собственноручно и только ли в помещении избирательного участка. Учтя это, конституционные демократы заранее запаслись большим количеством заполненных типографским способом бюллетеней и накануне и в день выборов раздавали их всем желающим. «Они простую штуку сделали, — отмечали недоброжелатели кадетов, — всем избирателям разослали печатные бланки с именами своих кандидатов. Только приди и опусти. И бланки-то думские, так что для серого избирателя это было равносильно распоряжению начальства» [18. Л. 262].

Самим конституционным демократам революционный террор не был страшен: из-за своей тактики и отношения к радикальным организациям кадеты воспринимались общественностью как левая политическая партия. «Между кадетами и революционерами существует какая-то невидимая духовная связь, что-то вроде беспроволочного телеграфа» [19. С. 32–33], — считал один из лидеров правомонархического движения П.Ф. Булацель. В конце 1905 г., в период наивысшего разгула революционного террора, кадеты заявляли, что «сейчас не время борьбы с крайними партиями» и предлагали «выйти из партии и из политической жизни» [20. С. 44] всем, кто намеревался бороться с революцией. Конституционные демократы не только не осуждали террор левых партий, но и оправдывали его, используя в своей борьбе за власть. В мае 1906 г. в газете «Речь» появилась программная статья одного из лидеров Конституционно-демократической партии Н.А. Гредескула, отражавшая отношение кадетов к террору. Автор заявлял, что партия будет оценивать террор не с нравственных, но исключительно с политических позиций. Виновником террора в России объявлялась власть, а революционный террор — лишь ответом левых на террор справа: «Перед нами — справа — такие насильники и террористы, перед которыми совершенно бледнеют все левые террористы» [21. 10 мая].

Власть, как могла, защищала себя от террористов. Были приняты беспрецедентные меры для защиты и безопасности Таврического дворца, где проходили заседания нижней палаты российского парламента: «особую полицейскую охрану» [22. Л. 52] создали уже в период подготовки его помещений для работы Государственной думы. Так, среди рабочих-ремонтников неотлучно находилось до сорока переодетых рабочими агентов охранного отделения. «При переезде печей и перестилке паркета производится тщательный осмотр образовавшихся пустот и углублений» [23. 4 марта], — отмечала пресса. Ко дню открытия первого российского парламента состоящим при Думе чинам сыскной полиции надлежало «знать всех депутатов в лицо» [24. 25 апр.]. По злой иронии судьбы менее чем через год начальник охраны Таврического дворца погибнет от рук террористов при взрыве

на даче П.А. Столыпина, к которому в тот день он явился на прием.

В первую избирательную кампанию предвыборная агитация совпала с процессом организации либеральных и правых партий. И.И. Высоцкий, редактор праволиберального «Рижского вестника», стал одним из инициаторов создания отдела партии «Союз 17 октября» в Риге, где террор получил сильнейшее распространение. В письме ЦК партии октябристов он описывал трудности создания умеренной партии в городе. На учредительных собраниях и съездах запуганные террором горожане просили «не читать списки членов даже в собрании». Это обстоятельство не позволило вовремя опубликовать в газетах состав совета отдела партии, активно начать предвыборную агитацию [25. Л. 2 об.—3]. По свидетельству И.И. Высоцкого, кадетская печать называла бюрократами, черносотенцами и реакционерами всех несогласных с программными положениями своей партии, и люди из страха быть зачисленными в состав черной сотни шли к кадетам [26. 12 апр.].

Помимо вышеизложенных трудностей предвыборной борьбы, умеренные и правые столкнулись с еще одной: принадлежать к этим партиям, руководить ими было достаточно опасно. Более всего страдали от террора члены Союза русского народа. Так, только за 1905–1906 гг. одному из лидеров этой организации В.М. Пуришкевичу террористы вынесли четыре смертных приговора. Его телефон вынужденно бездействовал, адресованные ему «казенные пакеты бесследно исчезали» [27. 13 фев.].

В январе 1907 г. в Симферополе произошло покушение на убийство активистки местного отделения Союза русского народа А.В. Гранкиной, оказавшейся хорошим оратором, которых так не хватало ультраправым. Монархисты расценили этот факт как предвыборную провокацию левых, стремящихся «заставить Союз русского народа потерять равновесие» [28. 25 янв.].

8 января 1907 г. в Новороссийске погиб один из организаторов местного отдела СРН Н. Лавринович. Он получил шесть выстрелов в упор от террористов [29. 10 янв.].

В период второй предвыборной кампании чрезвычайно накалились страсти в Курске. Местный комитет партии эсеров разбросал по городу более семи тысяч экземпляров прокламаций, угрожая терактами кандидатам от умеренных партий [30. 27 янв.]. Угроза не осталась пустым звуком: в январе был убит председатель Курского отдела «Союза 17 октября» Н.И. Плохов за то, что не снял свою кандидатуру на выборах. Об этом трагическом случае много писала правая и умеренная пресса. Газета «Россия» в статье, посвященной убийству Н.И. Плохова, прямо обвинила кадетов в том, что они, не осуждая и замалчивая случаи левого террора, используют последний для проведения в Думу своих кандидатов. Корреспондент «Русского знамени» на примере этого случая доказывал, что революционеры и кадеты, используя террор («все средства хороши»), попирают свободу слова и убеждений в России, «напрягают все усилия, чтобы провалить или сорвать кандидатуры умеренных и правых

<...> Терроризируют слабые души тихих обывателей медвежьих углов» [27. 30 янв.].

Возможно, именно террор стал причиной отказа некоторых выборщиков принять избрание. К примеру, в Кашире городской голова, октябрист, наотрез отказался стать выборщиком. Вместо него комиссии пришлось утвердить другого человека [30. 19 марта].

Несмотря на опасность террора, октябристы и правые, в отличие от кадетов, стали общественными силами, которые активно вступили в борьбу с этим грозным явлением. Прежде всего, они стремились сформировать враждебное по отношению к террору общественное мнение [31]. Борьбу с террором октябристы сделали одной из ключевых идей своей агитационной кампании по выборам во II Думу. Так, «Голос Москвы» постоянно публиковал призывы ЦК партии к гражданам Москвы, желающим работоспособной Думы и выступающим «против анархии и против насилия со стороны революционных партий» [32. 31 дек.], голосовать за октябристов. Кроме осуждения террора, предвыборные воззвания ЦК содержали критику кадетов, отказавшихся осудить террор в I Думе. Однако в период революции отнюдь не эти общественные силы, а леволлиберальная пресса оказывала огромное влияние на формирование общественного мнения в стране. В короткий срок кадеты, помимо центрального органа партии газеты «Речь», смогли наладить выпуск более 70 партийных газет и журналов, 1000 экземпляров брошюр и листовок. Кадетская печать расценивала революционный террор не как преступление, но как средство, которым вынуждено пользоваться общество в борьбе с самодержавием и произволом власти. Такое отношение левых либералов к террору, безусловно, способствовало его размаху.

Вероятно, именно боязнь террора вынудила руководство «Союза 17 октября» огласить свой партийный список в самый последний момент, объясняя этот шаг мерами предосторожности. Так, список кандидатов в выборщики по Петербургу от «Союза 17 октября» и входивших с ним в избирательный блок партий появился в печати лишь 16 марта 1906 г., т.е. за четыре дня до выборов [33. 16 марта]. За три дня до выборов были опубликованы имена московских выборщиков от умеренных партий [34. 23 марта]. По мнению известного публициста, будущего парламентского корреспондента А.А. Пиленко, избиратель попросту не заметил этого списка [33. 23 марта]. В то же время конституционные демократы публиковали списки своих кандидатов «немедленно вслед за избранием выборщиков» [35. Л. 2].

Участники первых и вторых думских выборов столкнулись с таким явлением предвыборной борьбы, как абсентеизм избирателей, иначе говоря – уклонение от голосования. «Главный противник наш обозначился на выборах в первую Думу. Это был абсентеизм избирателей» [36. С. 29], – вспоминал кандидат в депутаты от правых В.В. Шульгин. На избирательные съезды приезжало около 10% выборщиков, в отдельных случаях их число снижалось до 1–5% [37. 6 марта].

В историографии указывают различные причины абсентеизма: спешность выборов, слабость партийной пропаганды, давление правительства на избирателей,

неприятие самой идеи народного представительства, влияние идеи бойкота выборов в I Государственную думу со стороны левых партий и т.д. [38]. Однако исследователи упускают из вида еще одну причину уклонения от голосования – политический террор. Он приобрел невиданный размах как раз в период первой и второй избирательных кампаний и помешал части электората прийти на избирательные участки в первую очередь в тех губерниях, где размах террора был особенно силен.

Многие избиратели опасались, что террор осложнит выборы, не даст реализоваться свободе слова и собраний. Так, участники первых думских выборов в Москве просили власть не смягчать чрезвычайную охрану, боясь по вине террористов лишиться «свободы и прав, дарованных им Государем Императором» [23. 21 янв.]. Русское население польского Ченстохова считало, что революционеры «путем всеобщего террора <...> стремятся не допустить созыва Государственной думы» [39. 30 марта]. Правая газета «День», готовя своих читателей к первым в Российской империи парламентским выборам, поместила статью о предвыборных собраниях в Англии, во время одного из которых в лицо оратору полетела селедка. Газета высказала опасение, что на предвыборных собраниях в России дело не ограничится «*только* бросанием следок в лицо ораторам», намекая на бомбы [23. 10 янв.].

В период первой и второй избирательных кампаний в стране циркулировали всевозможные слухи-страхи, часть которых получила подтверждение в действительности. Обыватели боялись возможных терактов непосредственно в предвыборных собраниях. По Москве распространялись упорные слухи о том, что «в день выборов в губернском избирательном собрании революционеры путем террора сорвут эти выборы» [40. 9 марта]. Московские избиратели опасались принимать участие в выборах в Государственную думу, отмечая, что «все дело выборов сосредоточено в руках городских служащих, являющихся сторонниками революционного движения». В статистическом отделении было принято до 5 000 подобного рода заявлений [23. 6 янв.]. В Бобруйске бросили бомбу в помещение, где проходили выборы [27. 7 марта], подобные случаи имели место и на территории Царства Польского [39. 28 марта]. Ходили слухи и о возможных кражах и уничтожении избирательных списков. Чтобы успокоить население, правительство приняло меры к их охране. Тем не менее, по сообщениям печати, в Либаве, Лодзи, Самаре, Одессе подверглись нападению почтальоны, разносившие избирательные повестки, работники типографий, партийные активисты, готовившие списки выборщиков [27. 23 янв., 28. 25 янв., 30. 7 апр.].

Как видим, революционный террор, получивший невероятный размах в период 1905–1907 гг., оказал серьезное влияние на выборы в I и II Государственные думы. Запуганное общество в период выборов в Думу ожидало террористической атаки в предвыборных собраниях, на избирательных участках. Многие из этих ожиданий, увы, сбылось. Не ограничиваясь лишь угрозами терактов, террористы действительно бросали бомбы в помещения предвыборных собраний, уничтожали не только

списки выборщиков, но и нежелательных, с их точки зрения, кандидатов в депутаты. На данном этапе исследования невозможно точно определить, сколь велико было количество угроз кандидатам в депутаты. По всей видимости, такие угрозы и предостережения вообще никак не учитывались или фиксировались лишь в протоколах избирательных собраний. С большой долей вероятности именно боязнь террора стала причиной отказа некоторых выборщиков принять избрание в депутаты. И, безусловно, террор явился одной из значимых причин абсентеизма на выборах в тех губерниях, где получил особенный размах.

Революционный террор затруднил предвыборную агитацию правых и умеренных партий и союзов, в определенной степени стал одной из причин победы кадетов на выборах в I Думу, облегчил им и левым политическим партиям проведение избирательной кампании во II Думу. Не осуждая и замалчивая случаи

левого террора, кадеты использовали его для проведения в парламент своих кандидатов.

В период 1905–1907 гг. российская печать активно формировала общественное мнение в отношении революционного террора, однако выработать единой позиции в деле осуждения террора так и не смогла. Праволиберальная и правительственная пресса активно боролась с террором, формируя в стране негативное по отношению к нему общественное мнение. Однако тон отношения к террору в российском обществе задавали леволиберальные издания, качественно и количественно превосходившие умеренную и правую печать. Леволиберальная пресса смотрела на революционный террор сквозь призму борьбы с ненавистным государством, возлагая на правительство основную вину за его размах. Данное обстоятельство осложняло борьбу власти с этим явлением и способствовало дальнейшему росту революционного террора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омелянчук И.В. Крестьянский вопрос в программах консервативно-монархических партий России (1905–1914 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 83–97.
2. Костылев А.В. Предвыборные собрания как средство агитации политических партий на выборах в I и II Государственные думы // Вестник молодых ученых. Сер.: Исторические науки. 2007. № 4. С. 71–77.
3. Патрикеева О.А. Правые на выборах во II Государственную думу: поиски союзников в предвыборной борьбе // Клио. 2003. № 3 (22). С. 86–92.
4. Патрикеева О.А. Российская общественность и печать о победе кадетов на выборах в I Государственную думу Российской империи // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы : сб. ст. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 62–71.
5. Селезнев Ф.А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 гг. // Российская история. 2006. № 1. С. 41–53.
6. Баранова Е.А. К вопросу о влиянии полицейских органов на выборы в Государственную думу Российской империи // Черные дыры в Российском законодательстве. 2014. № 2. С. 33–35.
7. Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы истории парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб.: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 85–93.
8. Землянский В.Л. Организация выборов в Государственную думу на территории Приморской области в 1906–1912 гг. // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы истории парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб.: ЭлекСис, 2015. Ч. 1. С. 119–126.
9. Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 1. Томск, 1994. С. 86–110.
10. Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2001. 314 с.
11. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 727. Оп. 2. Д. 85.
12. Государственный архив Тверской области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27562.
13. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 57.
14. Набоков В.Д. Выборы в Петербурге // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 5. С. 289–290.
15. Выборы по г. Москве в Государственную думу первого призыва. (Отчет Московской городской управы о составлении избирательных списков и производстве выборов). М. : Город. типогр., 1908. 72 с.
16. Хроника. Избирательная кампания в Тифлисе // Отклики современности. 1906. № 4. С. 138–147.
17. Сикорский И.А. Партии и беспартийные в деле выборов. Киев : Товарищество И.Н. Кушнерев и К, 1906. 12 с.
18. Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48.
19. Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1908. 46 с.
20. Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. М. : Прогресс-Академия, 1994. Т. 1. 526 с.
21. Речь (СПб.). 1906.
22. РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1.
23. День (М.). 1906.
24. Наша жизнь (СПб.). 1906.
25. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 72.
26. Рижский вестник (Рига). 1906.
27. Русское знамя (СПб.). 1907.
28. Друг (Кишинев). 1907.
29. День (М.). 1907.
30. Россия (СПб.). 1906.
31. Портнягина Н.А. «Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 191–200.
32. Голос Москвы (М.). 1906.
33. Новое время (СПб.). 1906.
34. Русское слово (М.). 1906.
35. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 121.
36. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920: Мемуары. М., 1990. 828 с.
37. Речь (СПб.). 1906.

38. Костылев А.В. Абсентеизм на выборах в Государственную думу Российской империи // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы истории парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб. : ЭлектСис, 2016. Ч. 1. С. 94–101.
39. Варшавский вестник (Варшава). 1906.
40. Слово (СПб.). 1906.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2017 г.

THE REVOLUTIONARY TERROR IN RUSSIA: INFLUENCE ON THE PROCESS AND RESULTS OF THE DUMA ELECTION CAMPAIGNS (1905–1907)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 144–149.

DOI: 10.17223/15617793/423/20

Natalia A. Portnyagina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Olga A. Patrikeeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

Keywords: political terror of early twentieth century; elections to First State Duma of Russian Empire; elections to Second State Duma of Russian Empire; Duma election campaigns; Revolution of 1905–1907; absenteeism.

The aim of this article is to trace the effect of political terror on the behavior of voters, electoral tactics of the parties participating in the first Duma election campaigns. 1905–1907 is not only the period of the First revolution in Russia, but also the first and second national elections to the State Duma. The impact of revolutionary terror on the elections in the First and Second State Dumas of the Russian Empire has not been the subject of special study in domestic and foreign historiography. The article is written based on documents that are stored in both central and local archives: the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, the State Archive of Tver Region. Most of the archival documents are first introduced into scientific use. An important source for the study of the problem is the periodicals of that time: 1) newsprint periodicals of political parties participating in the first elections to the Duma: *Rech* (Constitutional-Democratic Party), *Golos Moskvy* (The Union of October 17), *Russkoe znamya*, *Den* (The Union of Russian People), 2) the press of South-Western, Western and Central regions of the Russian Empire that suffered most from the revolutionary terror: *Drug*, *Varshavskiy vestnik*, *Rizhskiy vestnik*, *Novoe vremya*, *Rossiya*, *Slovo*, *Russkoe slovo*. The research uses the historical-typological method (for classification of reviews, description of articles in the press), historical-genetic, chronological, synchronous and comparative methods. On the basis of the conducted research it is possible to draw the following conclusions: revolutionary terror complicated the creation of moderate and rightist political parties and impeded the normal conduct of their election campaigns: terrorists physically eliminated their leaders, blew up bombs in the premises of electoral assemblies, destroying campaign literature. On the other hand, terror facilitated the electoral victory of the Constitutional Democrats, since the latter did not condemn the cases of revolutionary terror and the Russian society perceived them as a leftist political force. Revolutionary terror had a major influence on the behavior of the electorate, becoming one of the causes of absenteeism of voters. During the Revolution of 1905–1907 the Russian media actively shaped public opinion in regard to revolutionary terror, but could not develop a common position in condemning terror. Right-wing liberals, monarchists and governmental press actively fought against terror and tried to create a negative attitude to it in the country. However, the attitude towards terror was set by the left-liberal publications which quantitatively and qualitatively outnumbered the moderate and right print. The left-liberal press looked at revolutionary terror through the prism of the fight against “the hated state”, imposing the blame for the scope of it on the government.

REFERENCES

1. Omel'yanchuk, I.V. (2006) Krest'yanskiy vopros v programmakh konservativno-monarkhicheskikh partiy Rossii (1905–1914 gg.) [The peasant issue in the programs of conservative monarchist parties in Russia (1905–1914)]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 83–97.
2. Kostylev, A.V. (2007) Predvybornye sobraniya kak sredstvo agitatsii politicheskikh partiy na vyborah v I i II Gosudarstvennye dумы [Election meetings as a means of agitation of political parties in the elections to the First and Second State Dumas]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Istorieskie nauki*. 4. pp. 71–77.
3. Patrikeeva, O.A. (2003) Pravye na vyborah vo II Gosudarstvennyuyu dumu: poiski soyuznikov v predvybornoy bor'be [Right-wingers in the elections to the Second State Duma: the search for allies in the election campaign]. *Klio*. 3 (22). pp. 86–92.
4. Patrikeeva, O.A. (2006) Rossiyskaya obshchestvennost' i pechat' o pobede kadetov na vyborah v I Gosudarstvennyuyu dumu Rossiyskoy imperii [The Russian public and the press about the victory of the Cadets at the elections to the First State Duma of the Russian Empire]. In: Artemov, E.G. (ed.) *Parlamentarizm v Rossii: problemy i perspektivy* [Parliamentarianism in Russia: Problems and Perspectives]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
5. Seleznev, F.A. (2006) Politicheskie predpochteniya burzhuzii Moskvy i Nizhnego Novgoroda v 1906–1907 gg. [Political preferences of the bourgeoisie of Moscow and Nizhny Novgorod in 1906–1907]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 41–53.
6. Baranova, E.A. (2014) K voprosu o vliyaniy politseyskikh organov na vybory v Gosudarstvennyuyu dumu Rossiyskoy imperii [On the influence of police bodies on elections to the State Duma of the Russian Empire]. *Chernye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve*. 2. pp. 33–35.
7. Egorov, A.N. (2016) [Elections to the State Duma of the Russian Empire in the Vologda Province: regional features]. *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian readings 2015. Topical issues of the history of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the international conference. Pt. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 85–93. (In Russian).
8. Zemlyanskiy, V.L. (2015) [Organization of elections to the State Duma in the territory of Primorsky Region in 1906–1912]. *Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian readings 2014. Topical issues of the history of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the international conference. Pt. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 119–126. (In Russian).
9. Rodionov, Yu.P. (1994) Khronika izbiratel'nykh kampaniy v I i II Gosudarstvennye dумы v Sibiri [Chronicle of election campaigns in I and II State Duma in Siberia]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* [Materials to the chronicle of the social movement in Siberia in 1895–1917]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–110.
10. Seleznev, F.A. (2001) *Vybory i vybor provintsiy: partiya kadetov v Nizhegorodskom krae (1905–1917 gg.)* [Elections and the choice of the province: the Cadet Party in the Nizhny Novgorod region (1905–1917)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 727. List 2. File 85. (In Russian).
12. State Archive of Tver Oblast. Fund 56. List 1. File 27562. (In Russian).
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1276. List 1. File 57. (In Russian).
14. Nabokov, V.D. (1906) Vybory v Peterburge [Elections in St. Petersburg]. *Vestnik Partii narodnoy svobody*. 5. pp. 289–290.

15. Moscow City Council. (1908) *Vybory po g. Moskve v Gosudarstvennuyu dumu pervogo prizyva. (Otchet Moskovskoy gorodskoy upravy o sostavlenii izbiratel'nykh spiskov i proizvodstve vyborov)* [Elections in Moscow to the First State Duma. (Report of the Moscow City Council on the compilation of electoral lists and elections)]. Moscow: Gorod. tipogr.
16. Otkliki sovremennosti. (1906) *Khronika. Izbiratel'naya kampaniya v Tiflise* [Chronicle. Election campaign in Tiflis]. *Otkliki sovremennosti*. 4. pp. 138–147.
17. Sikorskiy, I.A. (1906) *Partii i bespartinye v dele vyborov* [Parties and nonparty participants of elections]. Kiev: Tovarishchestvo I.N. Kushnerev i K.
18. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. Fund 285. List 1. File 48. (In Russian).
19. Bulatsel', P.F. (1908) *Bor'ba za pravdu* [Fight for the truth]. St. Petersburg: Otechestvennaya tipografiya.
20. Pavlov, D.B. (ed.) (1994) *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta Konstitutsionno-demokraticheskoy partii* [Protocols of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party]. Vol. 1. Moscow: Progress-Akademiya.
21. *Rech'* (St. Petersburg). (1906).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1206. List 1. File 1. (In Russian).
23. *Den'* (Moscow). (1906).
24. *Nasha zhizn'* (St. Petersburg). (1906).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 115. List 1. File 72. (In Russian).
26. *Rizhskiy vestnik* (Riga). (1906).
27. *Russkoe znaniye* (St. Petersburg). (1907).
28. *Drug* (Kishinev). (1907).
29. *Den'* (Moscow). (1907).
30. *Rossiya* (St. Petersburg). (1906).
31. Portnyagina, N.A. (2014) "Nel'zya sovместit' konstitutsiyu s nasiliem...": vzglyady oktyabristov na terror v period revolyutsii 1905–1907 gg. ["You can not combine the constitution with violence...": the views of the Octobrists on terror during the revolution of 1905–1907]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2. pp. 191–200.
32. *Golos Moskvy* (Moscow). (1906).
33. *Novoe vremya* (St. Petersburg). (1906).
34. *Russkoe slovo* (Moscow). (1906).
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 2. File 121. (In Russian).
36. Shul'gin, V.V. (1906) *Gody. Dni. 1920: Memuary* [Years. Days. 1920: Memories]. Moscow: Novosti.
37. *Rech'* (St. Petersburg). (1906).
38. Kostylev, A.V. (2016) [Absenteeism in the elections to the State Duma of the Russian Empire]. *Tavrisheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurian readings 2015. Topical issues of the history of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the international conference. Pt. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 94–101. (In Russian).
39. *Varshavskiy vestnik* (Varshava). (1906).
40. *Slovo* (St. Petersburg). (1906).

Received: 14 July 2017

ИЗУЧЕНИЕ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СМЕНА ПАРАДИГМ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Анализируется ключевая проблема историографии раннесоветского общества – сущности общественного строя, сложившегося в Советской России / СССР в 1917 – середине 1930-х гг. Показаны роль тоталитарной теории и социальной истории как основных конкурирующих подходов к изучению раннесоветского общества в 1990–2000-х гг.; варианты методологического синтеза, предложенные отечественными исследователями, а также «гибридные» концепции, пригодные для изучения раннесоветского общества.

Ключевые слова: историография; раннесоветское общество; теория тоталитаризма; социальная история; методологический синтез; культурно-историческая перспектива.

Историография советского общества 1920–1930-х гг. поистине необъятна и не может быть представлена в рамках одного историографического труда, даже монографического характера. Специализация в исследовании различных аспектов его развития (политических, социально-экономических, социокультурных) привела к созданию обширной литературы, требующей специального анализа. Мы ставим задачу выявления исследовательских подходов российских историков к интерпретации сущности общественного строя, сложившегося в этот период, рассматриваемых нами в контексте западной историографии. При этом в центре обсуждения главным образом будет истолкование историками характера взаимоотношений власти и общества, механизмов функционирования власти.

Переосмысление исторического опыта развития нашей страны в 1917–1930-е гг., как и в целом советского периода ее истории, началось в годы перестройки. После длительного господства предельно догматизированного сталинского положения об окончании нэпа и, соответственно, «победы социализма» к 1936 г. ведущие историки к концу 1980-х гг. сошлись во мнении о «сломе» нэпа уже в конце 1920-х гг. [1]. Нэп, в соответствии с традицией советской историографии, следовавшей за ленинскими положениями, рассматривался в годы перестройки как политика переходного от капитализма к социализму периода [1. С. 124, 141, 143], а его слом – как «отказ от путей и методов преобразования общества, намеченных В.И. Лениным в его последних трудах» [1. С. 151]. В это же время начал обсуждаться вопрос о предпосылках свертывания нэпа, его альтернативах, сущности новой общественной системы, утвердившейся после «революции сверху» 1929 г. (которая в большинстве работ обозначалась как «административно-командная» или «административно-мобилизационная»), природе «культы личности» Сталина [1, 2]. Историками, обществоведами разрабатывались социально-экономические, политико-идеологические, идейно-психологические предпосылки свертывания нэпа и утверждения власти Сталина [3. С. 369–398]. Наряду с противопоставлением ленинского и сталинского курсов, нэпа и форсированной модели развития уже в конце 1980-х гг. зазвучали, поначалу редкие, голоса выступавших за выявление их общих характеристик и преемственности [4, 5].

Определяющее влияние на развитие историографической ситуации в постсоветский период, после 1991 г., оказала интеграция российской исторической науки в мировое исследовательское пространство. Она была ознаменована освоением концепций западной, прежде всего англо-американской, историографии советского общества. Исторический крах коммунизма и советской модели развития в СССР в целом ряде других стран, антикоммунистические настроения в российском обществе определили широкое распространение и имплементацию «тоталитарной концепции». Ее использование в объяснении исторических процессов в Советской России и СССР 1920–1930-х гг. получило в конце 1980-х – 1990-е гг. теоретическое обоснование и практическое воплощение в отечественной историографии. Трактровка идей классических работ Х. Арндт, К. Фридриха, З. Бжезинского, Р. Арона и других, обоснование возможности их использования применительно к советской истории Ю.И. Игрицким, К.С. Гаджиевым и другими авторами [6–8] позволяли рассматривать советскую систему как разновидность тоталитарных режимов, характеризующихся общими фундаментальными признаками. Конкретно-исторические исследования, в том числе докторские диссертации, написанные на основе данного подхода, были посвящены, прежде всего, политическим аспектам становления и развития советской системы, механизмам функционирования власти, изучению политических репрессий, причем не только на общесоюзном, но и на региональном материале [9–11]. В 1999 г. известный специалист по истории советского общества А.К. Соколов констатировал: «Концепция тоталитаризма как способ видения советского прошлого находится сегодня в России в положении официальной идеологии» [12. С. 132]. Распространению теории способствовали не только уже упомянутые факторы, но и важное научное обстоятельство, связанное с открытием архивов в 1992 г., создавшим документальную основу для изучения репрессий и показавшим, что террор, как отмечал О.В. Хлевнюк, был управляемым из центра процессом, а карательные акции проводились в сроки и по правилам, установленным в Москве [13. С. 92].

В работах яркого представителя тоталитарной концепции советской истории в современной амери-

канской историографии М. Малиа последовательно отстаивается примат политики и идеологии, а не социальных факторов и экономики в объяснении советского феномена [14, 15]. Его подходы были созвучны с выводами целого ряда исследований отечественных авторов, находя в них определенное подтверждение. Так, важные материалы и выводы о доминировании политики и идеологии в развитии советского общества в 1917–1930-х гг., ограниченности возможностей большевистского реформирования привел в своих трудах 1990-х – начала 2000-х гг. известный исследователь советской политической системы Е.Г. Гимпельсон [16–18].

И.В. Павлова на основе теории тоталитаризма доказывала, что сталинская власть была антинародной и подпольной, всеохватывающей и всепроникающей [19]. Конспиративность власти как сущностной черты сталинизма, по ее мнению, определялась тем, что скрытое не только от государства, но и от собственной партии тайное делопроизводство по осуществлению реальной политики в стране определяло неформализованность этой власти и безграничность ее действия [19. С. 64].

Наряду с «безоговорочным признанием» значимости тоталитарной концепции в отечественной историографии 1990-х гг. существовали и более взвешенные аналитические подходы, сопряженные с глубоким анализом методологических ограничений и условий применения этой теории в отношении российской истории [20]. Параллельно с утверждением концепции тоталитаризма в российской историографии стали разрабатываться альтернативные варианты исторического объяснения феномена раннесоветского общества. Некоторые историки подчеркивали фактор исторической преемственности в становлении и эволюции российской государственности на ее разных этапах, превалирования в облике политической системы, утвердившейся в 1920–1930-е гг., специфических отечественных, а не универсальных «тоталитарных» черт [21. С. 73–80].

В 1990-е гг. параллельно изысканиям, осуществлявшимся в рамках «тоталитарной» парадигмы, в нашей стране под влиянием исследований «ревизионистов» на Западе и освоения методологического и историографического наследия школы «Анналов» раннесоветское общество стало изучаться в жанре социальной истории и родственных антропологически-ориентированных направлений. Как известно, представители «ревизионизма» с 1970–1980-х гг. обратились к анализу постреволюционных процессов в России с позиций социальной истории, пристально изучали социальное измерение и социальный контекст происходивших перемен, реальные каналы и механизмы взаимодействия власти и общества, добившись в этом значимых результатов [22–26].

Многолетняя полемика сторонников теории тоталитаризма и ревизионистов велась в западной историографии, по выражению О.В. Хлевнюка, «на грани научных приличий» [13. С. 93]. Вслед за американской историографией, где дискуссии были чрезвычайно острыми, российские приверженцы двух направлений также столкнулись в жестком противо-

стоянии, сконцентрировавшемся в конце 1990-х гг. вокруг оценки методологических подходов «ревизионистской» историографии. В ходе обсуждения прозвучал ряд важных положений и оценок вклада «ревизионистской» и «тоталитарной» историографии в изучение раннесоветского общества, потенциала обоих направлений [12. С. 121–141; 27. С. 107–121].

Наиболее серьезную критику тоталитарной теории предпринял А.К. Соколов, отмечавший политизированность и ограниченность познавательных возможностей данной концепции [12. С. 130–134]. А.К. Соколов являлся не только лидером в конкретно-исторических исследованиях социальных процессов сталинского времени, но и разработчиком источниковедческих подходов к изучению советской истории, инициатором и редактором сборников документов по этому периоду, автором вузовского учебника [28–32].

Осознание эвристического потенциала методологического синтеза в изучении советского общества привело к появлению целого ряда «гибридных» подходов, позволяющих наиболее адекватно исследовать различные сферы и сегменты общественной жизни, специфические процессы советской действительности. В этой связи обращает на себя внимание наличие ряда разновидностей таких подходов: соединения модернизационной и цивилизационной перспектив, идей модернизации и признания тоталитарной природы политического режима и др.

Так, еще американские исследователи выдвинули тезис о сталинских преобразованиях как форме модернизации, ее советском варианте [32. Р. 4]. Российскими авторами дано обоснование возможности синтеза модернизационного и цивилизационного подходов к изучению советского общества, «мультиплицирующего» их познавательные возможности [33. С. 38, 96; 34. С. 35]. Уральские историки В.В. Алексеев, И.В. Побережников и другие акцентировали внимание на преемственности целей и методов российских модернизаций, рассматриваемых в контексте их цивилизационного своеобразия, пространственно-временных характеристик, конкретно-исторических условий протекания. Они показали, что цивилизационные особенности оказывали воздействие на характер и динамику модернизационных процессов, поскольку определяли фундаментальные, наиболее устойчивые структуры и ценности социума [33. С. 101]. Авторы утверждают решающее влияние российской модернизационной традиции на трансформацию большевизма, отмечая, что «большевизм был “переварен” Россией и превратился в разновидность “почвеннического” течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле же он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах, как они понимались правящей элитой» [Там же. С. 109].

Сибирские историки, разработавшие вслед за западными авторами [34] проблему социальной мобилизации в сталинском обществе [35], предложили трактовку соотношения процессов модернизации и утверждения тоталитарного режима. С.А. Красильников отмечал, что именно «мобилизационность», став сущностной характеристикой постреволюционного

советского режима, в значительной мере определяла формат, направления и масштабы модернизационных процессов, а не наоборот. «Поэтому, — пишет он, — с не меньшим основанием можно утверждать, что модернизация выступала инструментом, условием утверждения мобилизационного тоталитарного режима в СССР» [36. С. 22]. При этом сибирские исследователи разделяют концепцию «нового русского феодализма», получившую определенное распространение среди зарубежных и отечественных обществоведов, позволяющую за внешними значительными различиями феодальной и индустриальной экономик, социальных и политических институтов и общественных отношений выявить архаическую природу советского общества [35. С. 16].

Другой вариант методологического синтеза предложен А.С. Сенявским, допускающим возможность соединения тоталитарного, модернизационного и цивилизационного подходов к изучению истории России в XX в. Она обеспечивается прежде всего, по мнению автора, характером исторических процессов в новейшее время, тем обстоятельством, что «тоталитаризм как явление... есть побочный продукт урбанизационного процесса», запоздалой и ускоренной российской урбанизации, породившей, вкупе с Первой мировой войной, масштабную маргинализацию общества; является по сути путем преодоления порождаемой ею фундаментальной нестабильности [37. С. 44–49].

Важным теоретическим инструментом анализа российской революции и процесса становления большевистской общественной системы является концепция европейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. [38–40]. П. Холквист отмечает, что, с точки зрения социальных институтов, революция и Гражданская война в России были всего лишь финальной стадией длительного общеевропейского кризиса, начатого в 1914 г. При этом целый ряд социальных процессов, происходивших в течение семи кризисных лет 1914–1921 гг., должны рассматриваться в контексте еще более длительных социальных изменений, что определяет необходимость выявления элементов преемственности при рассмотрении социальной и демографической структуры российского общества в дореволюционный и постреволюционный периоды. П. Холквист обращает внимание на развитие в России в начале XX в. влиятельных средств массовой информации, что было одним из проявлений становления «массового общества», перехода к методам массовой политики и пропаганды, характерным и для других европейских стран. Особое значение в утверждении новых, современных методов управления имел опыт Первой мировой войны. «Тотальная война, — отмечает П. Холквист, — была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением» [38. С. 84].

Опыт Первой мировой войны, когда во всех европейских странах реализовывались проекты национальной и социальной мобилизации, обусловил распространение новых представлений о роли государства в управлении обществом. Оно стало мыслиться через «переделку» сознания и поведения человека,

«возвращение» нового человека, т.е., по сути, путем социального инжиниринга. Поэтому, отмечает П. Холквист, во всех странах, включая Россию, изменились функции надзора за населением. Он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений населения, как не сводиться и к контролю над этим населением; вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, чтобы их изменить. Во всех странах под влиянием опыта мировой войны появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, «нового человека». Надзор за настроениями населения, таким образом, делает вывод автор, надо понимать не просто как «русский феномен», а как вспомогательную функцию политики современной эпохи, одним из вариантов которой является тоталитаризм [39. С. 47].

В близкой по подходам книге Д. Санборна «Мобилизуя российскую нацию: воинская обязанность, тотальная война и массовая политика, 1905–1925» политические процессы рассматриваются как порождение феноменов массовой политики, пропаганды и массовой армии, имеющих общеевропейскую природу. При этом автор выявляет культурную основу и идейно-психологическую составляющую данных феноменов, выражающуюся в формировании концептов, образов, массовых интерпретаций, воплощавших и определявших происходившие перемены. Д. Санборн показывает влияние Первой мировой войны, создавшей тотально мобилизованное общество, а затем революционных процессов и периода Гражданской войны на ускорение формирования, трансформацию облика и самой идеи российской нации [40. Р. 205–207].

Освоение российскими историками подходов социальной истории и других антропологически ориентированных направлений способствовало их значительному продвижению в исследовании социокультурных процессов постреволюционного времени [30; 41–46]. Если для изучения репрессий большое значение имело рассекречивание документов, относящихся к функционированию власти, то для изучения сознания, поведения, повседневной жизни советских людей, помимо них, — еще и огромного массива «писем во власть» [22. Р. 155; 47. С. 22].

Все большую популярность в изучении раннесоветского общества приобретают подходы «новой культурной» и «новой политической» истории. Исследователи обращаются к феноменам «нового человека», культурных практик, эмоций, сознания и поведения советских людей [46–52]. Значительное внимание уделяется изучению культурно-символических аспектов общественных процессов, рассматриваемых в контексте анализа проблем пропаганды, формирования новой политической культуры, новой идентичности, конструирования «революционного» символического пространства, нового облика территорий [53–60]. При этом авторы в своих работах, как правило, используют междисциплинарную методологию, исходя из специфики самого предмета, а также задач исследований.

Возможности и перспективы дальнейшего изучения раннесоветского общества обеспечиваются введением в

научный оборот новых архивных материалов, прежде всего извлекаемых из региональных архивохранилищ; выходом в свет в 2000–2010-е гг. целого ряда новых сборников документов общероссийского и регионального характера [61–65]. На основе новых и переосмысленных источников можно разрабатывать широкий спектр

проблем взаимоотношений власти и общества, углубить и уточнить наши представления о соотношении разрыва и преемственности в политической, экономической и культурной сферах общественной жизни, роли большевистского властного конструирования и социокультурной инерции в ее трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят. Тринадцать бесед. М. : Политиздат, 1988. С. 122–190.
2. Осмыслить культ Сталина. М. : Прогресс, 1989. 656 с.
3. Лацис О.Р. Перелом. Опыт прочтения нескрещенных документов. М. : Политиздат, 1990. 397 с.
4. Попов Г.Х. Программа, которой руководствовался Сталин // Не смей командовать! : от административно-командных к экономическим методам управления / под ред. Н.Я. Петракова. М. : Экономика, 1990. С. 53–65.
5. Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45–55; № 12. С. 40–48; 1989. № 1. С. 46–57; № 2. С. 53–61.
6. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 3–25.
7. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 172–190.
8. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3–17.
9. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск : НГУ, 1993. 250 с.
10. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. : в 2 ч. Нижний Тагил : Уральский государственный педагогический университет ; Нижнетагильский государственный педагогический институт, 1996. Ч. 1 : Репрессии 1920–1930-х гг. 232 с.
11. Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.
12. «И снова об историках-ревизионистах» (Круглый стол) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 121–141.
13. Хлевнюк О.В. Гипотезы или факты? // Советское прошлое: поиски понимания. Круглый стол // Отечественная история. 2000. № 5. С. 92–96.
14. Малиа М. Советская история // Отечественная история. 1999. № 3. С. 134–141.
15. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 582 с.
16. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М. : Наука, 1995. 232 с.
17. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е гг. М. : ИРИ РАН, 2000. 439 с.
18. Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М. : Собрание, 2006. 130 с.
19. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 1920–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
20. Голубев А.В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.) / РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 7–33.
21. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 400 с.
22. Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton ; Oxford, 2005. 332 p.
23. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. ; London, 2002. 359 p.
24. Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkley ; Los Angeles ; London, 1995. 639 p.
25. Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington, 1989. 450 p.
26. Siegelbaum, Lewis H., Rosenberg William G. Social dimensions of Soviet industrialization. Bloomington : Indiana University Press, 1993. 296 p.
27. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.
28. Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. М. : Изд-во МГУ, 1998. Вып. 1. С. 56–64.
29. Соколов А.К. Курс советской истории, 1917–1940. М. : Высшая школа, 1999. 272 с.
30. Соколов А.К. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 7–52.
31. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермская, Челябинская и Свердловская область). Т. 1 : Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область. Документы и материалы. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 792 с.
32. Siegelbaum Lewis, Sokolov Andrei. Stalinism as a Way of Life. New Haven ; London : Yale University Press, 2000. 460 p.
33. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.Т. Артёмов и др. ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 384 с.
34. Ушакова С.Н. Проблема социальной мобилизации в современной англоязычной историографии // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. С. 23–33.
35. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. 419 с.
36. Красильников С.А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаут, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 9–22.
37. Сенявский А.С. Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.) / РАН. Ин-т рос. истории в сотрудничестве с ун-том им. Меллена. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 33–57.
38. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб. : СПб. Институт истории РАН ; Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.
39. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Самар. ун-т, 2001. С. 45–93.
40. Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003. 278 p.
41. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма» : Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
42. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М. : Институт философии РАН, 1996. 215 с.
43. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920–1930-е гг. СПб. : Нева ; Летний сад, 1999. 320 с.

44. Маркевич А.М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М. : РОССПЭН, 2005. 368 с.
45. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
46. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.
47. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.
48. Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф. 2009. С. 372–377.
49. Лившин А., Орлов И. Власть и общество: Диалог в письмах. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 208 с.
50. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб. : Европейский дом, 2006. 570 с.
51. Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. 376 с.
52. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.
53. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 400 с.
54. Барышева Е.В. Праздничное убранство советских городов 1920–1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 23–32.
55. Алексеев Е. «Звучание тишины»: контрасты и парадоксы сталинской эпохи в газетной графике // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 83–108. DOI 10.15826/QR.2015.4.127
56. Коньшева Е. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 3. С. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174
57. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 439 с.
58. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 336 с.
59. Figs O. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York : Viking, 1997. 923 p.
60. Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory / ed. by Murray Frame, Boris Kolonitskii, Steven G. Marks, Melissa K. Stockdale. Bloomington : Indiana, 2014. 370 p.
61. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930-е гг. : сб. документов : в 2 кн. СПб. : Нестор-История, 2006. 340 с.
62. Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 352 с.
63. Общество и власть. Российская провинция: 1917–1980-е г. (по материалам нижегород. архивов) : в 3 т. Т. 1 : 1917 – сеп. 1930 г. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. 640 с.; Т. 2 : 1930 г. – июнь 1941 г. / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. М. ; Н. Новгород : Ин-т рос. истории РАН и др., 2005. 1152 с.
64. Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г) : сб. документов / сост. В.И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск : Автограф, 2015. 421 с.
65. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др. ; науч. ред. Н.В. Суржикова. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 510 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2017 г.

CONTEMPORARY EARLY SOVIET SOCIETY STUDIES IN THE CONTEXT OF CHANGING PARADIGMS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 150–156.

DOI: 10.17223/15617793/423/21

Olga S. Porshneva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Keywords: historiography; early soviet society; totalitarian theory; social history; methodological synthesis; cultural-historical perspective.

The article is devoted to the analysis of the key historiography problem of the early soviet state history of 1917 – middle 1930s – the issue of the soviet system's nature. The author focuses attention on the formation and evolution of the methodological approaches to this problem in contemporary historiography. The article argues that historians characterize the nature of the early soviet system primarily by assessing the state mechanism's functioning and by analyzing the means of power and public interrelationship. The article starts with the overall description of the historiographical situation of the early 1990s, which could be seen as a starting position for the contemporary Russian historiography of the Soviet epoch. The author shows a conceptual influence of Western historiography, especially of American Russian Studies and sovietology, on Russian post-soviet and contemporary historiography of this problem. The article discusses the role of totalitarian theory and social history as two main competing approaches to the early soviet society research in the Russian historiography of the 1990s–2000s. The author takes into consideration the significance of the methodological discussions of the 1990s – beginning of the 2000s in overcoming the totalitarian theory extremities and in elaborating deeper understanding of the social processes of 1917 – the 1930s. Special attention is paid to the polemics between the proponents of the theory of totalitarianism and the so-called 'revisionist' movement in historiography. The article shows variants of methodological synthesis and hybrid concepts which have a multiplicative effect on the epistemological potential of theoretical ideas used for the explanation of key mechanisms of soviet society functioning and researching its institutional and socio-cultural parameters. The author focuses on the contemporary methodological models and achievements in the studies of anthropological and cultural dimensions of social historical processes. In particular, the concepts of European military-revolutionary crisis (P. Holquist, D. Sanborn), the theory of modernization (V. V. Alekseev, I. V. Poberezhnikov) and the theory of mobilization (S. A. Krasilnikov) are analyzed in details. The article examines fruitful ideas of contemporary historiography which help to comprehend the early soviet society as a realm and subject of realization of a new world and human being creation Bolshevik project. The author makes a conclusion about the prospective ways of studying the early soviet society, defining the newly-emerging cross-disciplinary approaches (like 'new cultural history' or 'new political history') and the broadening of source base as the pivotal directions of development in the years to come.

REFERENCES

1. Danilov, V.P., Dmitrenko, V.P. & Lel'chuk, V.S. (1988) Nep i ego sud'ba [NEP and its fate]. In: Lel'chuk, V.S. (ed.) *Istoriki sporyat. Trinadtsat' besed* [Historians argue. Thirteen conversations]. Moscow: Politizdat.
2. Kobo, Kh. (ed.) (1989) *Osmyslit' kul't Stalina* [To understand the cult of Stalin]. Moscow: Progress.
3. Latsis, O.R. (1990) *Perelom. Opyt prochteniya nesekretnykh dokumentov* [Change. Experience in reading unclassified documents]. Moscow: Politizdat.
4. Popov, G.Kh. (1990) Programma, kotoroy rukovodstvovaly Stalin [Program which guided Stalin]. In: Petrakov, N.Ya. (ed.) *Ne smet' komandovat'!: ot administrativno-komandnykh k ekonomicheskim metodam upravleniya* [Do not dare to command!: from administrative-command to economic methods of management]. Moscow: Ekonomika.
5. Tsipko, A.S. (1988) Istoki stalinizma [The origins of Stalinism]. *Nauka i zhizn'*. 11. pp. 45–55.
6. Gadzhiev, K.S. (1992) Totalitarizm kak fenomen XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the twentieth century]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 3–25.
7. Igritskiy, Yu.I. (1990) Kontseptsiya totalitarizma: uroki mnogoletnikh diskussiy na Zapade [The concept of totalitarianism: lessons of long-standing discussions in the West]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 172–190.
8. Igritskiy, Yu.I. (1993) Snova o totalitarizme [Again about totalitarianism]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 3–17.
9. Pavlova, I.V. (1993) *Stalinizm: stanovlenie mekhanizma vlasti* [Stalinism: the formation of the mechanism of power]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Kirillov, V.M. (1996) *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala. 1920-e – nachalo 1950-kh gg.: v 2 ch.* [The history of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals. 1920 – the beginning of the 1950s: in 2 parts]. Pt. 1. Nizhny Tagil: Ural State Pedagogical University; Nizhny Tagil State Pedagogical Institute.
11. Suslov, A.B. (2004) *Spetskontingent v Permskom krae v kontse 20-kh – nachale 50-kh gg. XX v.* [Special contingent in the Perm region in the late 1920s – early 1950s]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
12. *Otechestvennaya istoriya*. (1999) "I snova ob istorikakh-revizionistakh" (Kruglyy stol) ["And again about revisionist historians" (Round table)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 121–141.
13. Khlevnyuk, O.V. (2000) Gipotezy ili fakty? [Hypotheses or facts?]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 92–96.
14. Malia, M. (1999) Sovetskaya istoriya [Soviet History]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 134–141.
15. Malia, M. (2002) *Sovetskaya tragediya: Istoriya sotsializma v Rossii. 1917–1991* [Soviet tragedy: The history of socialism in Russia. 1917–1991]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
16. Gimpel'son, E.G. (1995) *Formirovanie sovetskoy politicheskoy sistemy. 1917–1923 gg.* [Formation of the Soviet political system. 1917–1923]. Moscow: Nauka.
17. Gimpel'son, E.G. (2000) *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema: 20-e gg.* [NEP and the Soviet political system: the '20s]. Moscow: IRH RAS.
18. Gimpel'son, E.G. (2006) *Rossiya na perelome epokh. Osmyslenie XX stoletiya rossiyskoy istorii* [Russia at the turn of the ages. Comprehension of the 20th century of Russian history]. Moscow: Sobranie.
19. Pavlova, I.V. (1998) Mekhanizm politicheskoy vlasti v SSSR v 1920–30-e gody [The mechanism of political power in the USSR in the 1920s–30s]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 49–66.
20. Golubev, A.V. (1999) Totalitarizm kak fenomen rossiyskoy istorii XX veka [Totalitarianism as a phenomenon of the Russian history of the 20th century]. In: Dmitrenko, V.P. et al. (eds) *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940-e gg.)* [Power and Society in the USSR: Politics of Repression (the 1920s–1940s)]. Moscow: IRH RAS.
21. Shishkin, V.A. (1997) *Vlast'. Politika. Ekonomika: poslerevolutsionnaya Rossiya (1917–1928)* [Power. Policy. Economy: post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
22. Fitzpatrick, Sh. (2005) *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia*. Princeton: Princeton University Press.
23. Holquist, P. (2002) *Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
24. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
25. Koenker, D.P., Rosenberg, W.G. & Suny, R.G. (eds) (1989) *Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*. Bloomington: Indiana University Press.
26. Siegelbaum, L.H. & Rosenberg, W.G. (1993) *Social dimensions of Soviet industrialization*. Bloomington: Indiana University Press.
27. Pavlova, I.V. (1998) Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoj Rossii 30-kh godov [Contemporary Western historians on Stalin's Russia of the '30s]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 107–121.
28. Sokolov, A.K. (1998) Sotsial'naya istoriya Rossii noveyshego vremeni: problemy metodologii i istochnikovedeniya [Social history of Russia of modern times: the problems of methodology and source study]. In: Pivovarov, E.I. (ed.) *Teoreticheskie problemy istoricheskikh issledovaniy* [Theoretical problems of historical research]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
29. Sokolov, A.K. (1999) *Kurs sovetskoy istorii, 1917–1940* [A course of Soviet history, 1917–1940]. Moscow: Vysshaya shkola.
30. Sokolov, A.K. (2005) Drama rabocheho klassa i perspektivy rabochey istorii v sovremennoy Rossii [The drama of the working class and the prospects of working history in modern Russia]. In: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2004* [Social History. Yearbook. 2004]. Moscow: ROSSPEN. pp. 7–52.
31. Alekseev, V.V. (ed.) (2005) *Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiiya. 1917–1985. Dokumenty i materialy (Permskaya, Chelyabinskaya i Sverdlovskaya oblast')* [Society and power. The Russian province. 1917–1985. Documents and materials (Perm, Chelyabinsk and Sverdlovsk Oblasts)]. Vol. 1. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
32. Siegelbaum, L. & Sokolov, A. (2000) *Stalinism as a Way of Life*. New Haven; London: Yale University Press.
33. Alekseev, V.V. et al. (eds) (2011) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennyy aspekt* [Civilizational specificity of the Russian modernization of the 18th–20th centuries: the space-time aspect]. Ekaterinburg: UrB RAS.
34. Ushakova, S.N. (2013) Problema sotsial'noy mobilizatsii v sovremennoy angloyazychnoy istoriografii [The problem of social mobilization in modern English-speaking historiography]. In: Arnautov, N.B. et al. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
35. Arnautov, N.B. et al. (2013) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
36. Krasil'nikov, S.A. (2013) Sotsial'naya mobilizatsiya kak ob'ekt sotsiologicheskikh issledovaniy. Teoreticheskie aspekty [Social mobilization as an object of social and humanitarian studies. Theoretical aspects]. Arnautov, N.B. et al. *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
37. Senyavskiy, A.S. (1999) Rossiyskiy totalitarizm: urbanizatsiya v sisteme faktorov ego stanovleniya, evolyutsii i raspada [Russian totalitarianism: urbanization in the system of factors of its formation, evolution and decay]. In: Dmitrenko, V.P. et al. (eds) *Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940-e gg.)* [Power and Society in the USSR: Politics of Repression (the 1920s–1940s)]. Moscow: IRH RAS.
38. Holquist, P. (1999) Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context]. Translated from English. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Rossiia i Pervaya mirovaya voyna* [Russia and the First World War]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of History RAS, "Dmitriy Bulanin".
39. Holquist, P. (2001) "Osvedomlenie – eto al'fa i omega nashey raboty": Nadzor za nastroeniyami naseleniya v gody bol'shevistskogo rezhima i ego obshcheevropeyskiy kontekst ["Awareness is the alpha and omega of our work": Surveillance of the moods of the population during the Bol-

- shevik regime and its pan-European context]. Translated from English. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya* [American Russian Studies: Milestones of historiography of the latest years. Soviet period: Anthology]. Samara: Samara State University.
40. Sanborn, J. (2003) *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
 41. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) “Krepost’ sotsializma”: Povsednevnost’ i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. [“Fortress of Socialism”: Daily life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
 42. Kozlova, N.N. (1996) *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi: Golosa iz khora* [Horizons of the everyday life of the Soviet era: Voices from the choir]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
 43. Lebina, N.B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn’ sovetskogo goroda 1920–1930-e gg.* [The daily life of the Soviet city of the 1920s–1930s]. St. Petersburg: Neva; Letniy sad.
 44. Markevich, A.M. (2005) “Magnitka bliz Sadovogo kol’tsa”: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode “Serp i molot”, 1883–2001 gg. [“Magnet plant near the Garden Ring”: Incentives for work at the Moscow plant Serp i Molot, 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN.
 45. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.
 46. Narskiy, I.V. (2001) *Zhizn’ v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN.
 47. Livshin, A. (2010) *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia in 1917–1932]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
 48. Kur-Korolev, K. (2011) [New man, or social engineering under Stalinism: an obituary for dreams of a new man]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [History of Stalinism: results and problems of study]. Proceedings of the international conference. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 372–377. (In Russian).
 49. Livshin, A. & Orlov, I. (2002) *Vlast’ i obshchestvo: Dialog v pis’makh* [Power and Society: Dialogue in Letters]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
 50. Yarov, S.V. (2006) *Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-kh gg.* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd of 1917–1920s]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom.
 51. Yarov, S.V. (2014) *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920-e gg.* [Man in the face of power. 1917–1920s]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
 52. Buldakov, V.P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast’. Psichosotsial’naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920s–1930s]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
 53. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul’tura v provintsii: prostranstvo, simvol, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
 54. Barysheva, E.V. (2016) *Prazdnichnoe ubranstvo sovetskikh gorodov 1920–1930-kh gg.* [Festive decoration of Soviet cities of the 1920s–1930s]. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. 3 (52). pp. 23–32.
 55. Alekseev, E. (2015) The sound of silence: the contrast and paradoxes of the Stalin era in newspaper graphics. *Quaestio Rossica*. 4. pp. 83–108. (In Russian). DOI: 10.15826/QR.2015.4.127
 56. Konyshcheva, E. (2016) ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans. *Quaestio Rossica*. 4:3. pp. 34–54. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2016.3.174
 57. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass celebrations]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsin”.
 58. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol vlasti i bor’ba za vlast’: k izucheniyu politicheskoy kul’tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
 59. Figs, O. (1997) *A People’s Tragedy: A History of the Russian Revolution*. New York: Viking.
 60. Frame, M., Kolonitskii, B., Marks, S.G. & Stockdale, M.K. (eds) (2014) *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922*. Book 2. Bloomington: Indiana University Press.
 61. Yarov, S.V. (ed.) (2006) *Novgorodskaya zemlya v epokhu sotsial’nykh potryaseniy. 1918–1930-e gg.: sb. dokumentov: v 2 kn.* [Novgorod land in the era of social upheaval. 1918–1930s: documents: in 2 books]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
 62. Sokolov, A.K. (ed.) (1998) *Obshchestvo i vlast’: 1930-e gg. Povestvovanie v dokumentakh* [Society and power: the 1930s. Narration in documents]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
 63. Kulakov, A.A., Smirnov, V.V. & Kolodnikova L.P. (eds) (2005) *Obshchestvo i vlast’. Rossiyskaya provintsia: 1917–1980-e g. (po materialam nizhegorod. arkhivov): v 3 t.* [Society and power. The Russian province: 1917–1980s (based on the materials of the Nizhny Novgorod archives): in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow; Nizhniy Novgorod: IRH RAS.
 64. Shishkin, V.I. (ed.) (2015) *Pis’mo vo vlast’ v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (mart 1917 – may 1921 g): sb. dokumentov* [Letters to power in the era of the Revolution and the Civil War (March 1917 – May 1921): documents]. 2nd ed. Novosibirsk: Avtograf.
 65. Surzhikova, N.V. et al. (eds) (2015) *Rossia 1917 goda v ego-dokumentakh: Vospominaniya* [Russia in 1917 in ego-documents: Memoirs]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Received: 31 August 2017

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ XX в.

Исследование выполнено в рамках проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Рассмотрены старообрядческие эсхатологические сочинения XX в. Сделана попытка определить их место в системе литературного наследия в рамках традиционной культуры. Они являются политическими памфлетами, опирающимися на образы Апокалипсиса, в которых олицетворением сатаны стала советская власть. Рассмотрено шесть сочинений, особое внимание уделено сочинению 1905 г., которое стало одним из первых в этом жанре и задало направление развитию старообрядческой мысли, окончательно оформившейся в советский период.

Ключевые слова: Россия; старообрядчество; эсхатология; советская власть; антисоветские сочинения.

Раскол русской православной церкви во второй половине XVII в. привел к возникновению крупнейшего оппозиционного общественно-религиозного движения России – старообрядчества, которое более 250 лет являлось главным противником официальной церкви и доставляло немало проблем светской власти. Старообрядчество стало не только хранителем и носителем древнерусских культурных традиций, но и дало новый импульс развитию демократической литературы, оставив после себя огромный комплекс оригинальных сочинений, отразивших как общероссийские проблемы существования староверия, так и региональные особенности.

В старообрядчестве XX в. сложилось целое литературное направление, пытавшееся трактовать мировую историю в контексте христианского вероучения через призму событий, последовавших за октябрьским переворотом 1917 г. События первых десятилетий советской власти заставили представителей этого направления крайне критически оценивать весь период новейшей истории. Исходя из традиционных для старообрядцев представлений о пришествии антихриста со времен патриарха Никона, они считали ситуацию XX в. кануном воцарения последнего антихриста или уже его окончательным торжеством. Этот этап земной жизни начался с России, затем в него вступил весь мир.

Определение места этих сочинений в системе литературного наследия в рамках традиционной культуры, их жанровой принадлежности представляет определенную сложность.

Единственной основательной работой, в которой делается попытка разобраться в своеобразии народных эсхатологических представлений Новейшего времени, является монография А.А. Панченко «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» [1]. Исследователь значительное внимание уделяет анализу традиционных типов «эсхатологического поведения» («эсхатологические ожидания» и «эсхатологические движения»), рассматривая в первую очередь эсхатологические ожидания на фольклорном материале.

А.А. Панченко выделяет три основные группы интерпретационных мотивов в эсхатологических текстах: техногенные новшества, «общественные

настроения внутри деревенского мира: вражду кровных родственников, пьянство, воровство и т.п. Наступление «последних времен» предвещается разрушением привычных норм общественного порядка», мотивы «более универсального порядка» – представления о малочисленности людей на земле и их физической слабости [1. С. 255–257].

Таким образом, он приходит к выводу: «Представляется, что рассмотренные выше эсхатологические ожидания русского крестьянства, функционировавшие в течение XX в. в форме нарративов о “последних временах”, в существенной степени связаны с процессами аккультурации, воздействия более развитой в техническом отношении культуры на культуру более слабую. Такие процессы, сопровождающиеся изменением социальной структуры и перестройкой аксиологических систем, неизбежно вызывают определенное социальное напряжение» [Там же. С. 261]. При этом, по наблюдениям А.А. Панченко, «антихрист, как правило, не фигурирует в эсхатологических рассказах, записанных во второй половине нашего столетия, что отличает их от текстов конца XIX в.», и причины тому ученый видит в отсутствии «той или иной исторической (псевдоисторической) фигуры, являющейся центральным персонажем легендарного сюжета... место персонифицированного антихриста заменили безличные враждебные силы» [Там же. С. 259–260].

Хотелось бы обратить внимание еще на один тезис из работы А.А. Панченко. Рассуждая о роли эсхатологических учений в христианских деноминациях, он говорит о двух формах их существования: «С одной стороны, представления о конце света и судьбах человечества служат предметом профессиональных толкований Писания, богословских опусов, апокрифической литературы. С другой – эсхатологические представления и верования активно функционируют в не специализированном, фольклорном контексте, подчас оказывая значительное воздействие на процессы повседневной коммуникации» [Там же. С. 251].

Рассматриваемые ниже старообрядческие сочинения не вписываются в предлагаемую А.А. Панченко схему, которую, надо отдать должное ученому, он не абсолютизировал, а соглашался с мнением Р. Крамми о том, что «исследование русского старообрядчества

могло бы способствовать прояснению многих аспектов дискуссии о народной религии» [1. С. 51]. Таким образом, анализ старообрядческих эсхатологических сочинений XX в. является попыткой дополнить картину представлений о миропорядке в рамках традиционных верований, соединенных с бытовыми представлениями.

Старообрядческие эсхатологические сочинения XX в., с одной стороны, следует относить к профессиональным толкованиям Писания, поскольку их авторы хорошо и глубоко знали, понимали институциональную религиозную литературу, были людьми высокого уровня грамотности в рамках традиционной культуры, с другой стороны – из истории создания некоторых из этих сочинений известно, что они формировались и даже какое-то время бытовали в устной традиции, а позднее были записаны авторами. Записанные тексты сопровождаются многочисленными ссылками не только на традиционную христианскую литературу, но и на современную, в том числе светскую, что должно было, по мысли писателей, придать им весомость и авторитетность.

В отличие от фольклорных текстов главной причиной создания старообрядческих эсхатологических сочинений является аккультурация не техногенных новаций, а политических изменений, попытка понять их и объяснить происходящее исходя из уровня своих познаний о мироустройстве. И еще на одно отличие старообрядческой письменной эсхатологии XX в. от фольклорных текстов необходимо обратить внимание: это четкая персонификация антихриста, который предстает в образе советской власти.

Особенно ярко традиция создания эсхатологических сочинений прослеживается у старообрядцев часовенного согласия, сложившегося в Урало-Сибирском регионе.

К числу авторов, работавших в этом жанре, принадлежал Сафон Яковлевич Лаптев (о. Симеон, 1895 – после 1951), зауральский крестьянин, который большую часть своей жизни (с 1919 г.) провел в сибирских старообрядческих скитах и был арестован в 1951 г. во время разгрома силами Министерства государственной безопасности одного из таких скитов [2. С. 239–277]. Однако скитская жизнь не означала полной изоляции от мира. Сибирские крестьяне часто обращались к скитникам за помощью в ходе своих попыток понять и разобраться в перипетиях современной жизни, сформировать свое отношение к власти. Игумен Симеон много беседовал с людьми, поучая и объясняя происходящее. Свои размышления о происходящем в стране и мире он изложил в ряде сочинений. Первое из них, «На союзы», было написано еще до ухода в скит, в 1918 г. Сочинение направлено против кооперации. Эсхатологическое осмысление современности привело Лаптева к выводу, что свержение русской монархии является доказательством приближающегося конца света, это время, когда «встало нечестие». В «союзах» он видит опасность соединения со слугами грядущего антихриста.

Вслед за первым последовали другие сочинения: «Краткая памятная запись нынешних событий о судьбе Древнего Рима» (1924/25), «О пришествии святых

пророков и о последнем антихристе» (1928) и др. В них автор дает обзор политической ситуации в мире начала XX в., кануна революции, формулирует ее «причины» и последствия, выстраивая эсхатологический сценарий.

Ученик С.Я. Лаптева, Афанасий Герасимович Мурчев (1921–2008) продолжил тему учителя. Он предложил свою периодизацию истории, выделив семь этапов. В соответствии с этой периодизацией с 1917 г. начался пятый период, когда стали сбываться пророчества о наказании, уничтожении еретиков. Этот процесс, на его взгляд, стартовал в России, в которой воцарился лжепророк – КПСС. Закончится пятый период атомной войной, и выживут в ней только избранные [2. С. 295–311].

Наконец, самым выразительным и эмоциональным памятником, созданным на эту тему часовенными, является лицевой толковый Апокалипсис уральского старообрядца Владимира Георгиевича Токмнина (1932–после 2002), известного под псевдонимом Иродион Уральский, который жил в Свердловской области в г. Нижний Тагил. Свое сочинение он писал с 1974 по начало 1990-х гг. [2. С. 416–425; 3; 4].

Толкование 13-й главы Откровения Иоанна Богослова, в которой говорится о семиглавом и десятирогом звере, выходящем из воды, было положено в основу труда Иродиона. В его представлении зверь – это советская власть, а ее рога – это «руководители партии и правительства». Он пишет: «Семь голов – это Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Маленков, Булганин, Хрущев... и дополняются к ним еще трое – Брежнев, Андропов и Черненко и всего их 10». Последний же Антихрист – это малый 11-й рог, который исходит из десяти прежних, Антихрист с пятном в виде шестиконечной звезды на лысине – Горбачев [5. Л. 348, 406]. Рассматривая Россию как территорию, долгое время остававшуюся единственной хранительницей истинной веры, Иродион в духе старообрядческой идеологии считает, что с российских событий, связанных с отступлением от этой веры, и начинается конец света.

Этой же теме посвятил свой труд «Апокалипсические чудовища» [6–9] крупный деятель белокрыницкого согласия епископ Иннокентий (Усов) [10. С. 65; 11. Т. 20. С. 27–30], в миру Иван Григорьевич Усов (21.01.1870–16.02.1942). Значительная часть его жизни связана с нижегородским старообрядчеством. С 1903 по 1920 г. Иннокентий являлся еп. Нижегородским и Костромским белокрыницкой иерархии. В 1920 г. Усов уехал в Румынию, где был поставлен епископом Кишиневским, а в 1940 – Тульчинским.

Литературное наследие еп. Иннокентия достаточно велико, оно насчитывает не один десяток сочинений. В основу его работы «Апокалипсические чудовища» были положены более ранние труды автора, созданные в 1920-е гг.: «Социализм и Христианство», «Оправдание бегства христиан во время гонений», «Почему христиане празднуют воскресение, а не субботу. Ответ адвентистам седьмого дня» и др.

О своем эсхатологическом сочинении Усов писал следующее: «Не толковал Апокалипсиса, а лишь указал, какие символы, аллегории или иносказания этой пророческой книги олицетворяют и изображают

события настоящего времени: указал, кто виновники всех несчастий человечества. И только» [6. С. 97]. И действительно, это сочинение – политический памфлет, опирающийся на образы Апокалипсиса, написанный достаточно хорошим, четким, литературным языком (благодарю А.Г. Гудкова за предоставление электронных копий изданий сочинения И. Усова. – *И.П.*).

Еп. Иннокентий берет три основных образа Апокалипсиса, представляющих темные силы: змия или дракона, семиглавого зверя, выходящего из моря, двурогого зверя, выходящего из земли, и объясняет, какие современные силы, ведущие человечество к гибели, они олицетворяют. Анализу каждой из этих сил посвящена отдельная глава.

Первая глава «Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами» посвящена главному врагу рода человеческого, и с ним Усов ассоциирует советскую власть: «Большой красный дракон – непосредственная сила сатаны. Узнать ее в настоящее время совсем не трудно. Скажите сами, читатель, какая организация называется красной. Если не знаете, то спросите, и вам всякий скажет, что красные – это безбожники социалисты или коммунисты. Так они называют сами себя, такими их считают и все люди. Россией сейчас владеют красные. Их армия называется красной. Их флаг красный. Они установили красный террор. И название “красные” они получили не случайно, а потому, что жаждут крови, жаждут кровопролития. Это и есть “большой красный дракон с семью головами и десятью рогами”» [Там же. С. 11]. «...под большим красным драконом или древнем змием разумеется, как сам сатана – непосредственная его сила, враждебная христианству, стремящаяся искоренить его» [Там же. С. 18].

Во второй главе «Зверь, подобный барсу с семью головами и десятью рогами, с ногами медведя и пастью льва» этот зверь трактуется как еврейство с его иудаистской религией. Глава отражает крайние антисемитские настроения автора, она написана в духе «разоблачения жидо-массонского заговора». В своих рассуждениях Усов опирается, активно цитируя, на работы французского философа Ф. Бренье [12], одного из лидеров русского черносотенного движения Н. Е. Маркова [13]. Причем брошюра Маркова «Война тайных сил» является основополагающей. Надо думать, в ней еп. Иннокентий почерпнул цитаты из других книг на волнующую его тему. Он упоминает, например, «Историю евреев», изданную в 1710 г. в Париже на французском языке [14], и «Победу иудаизма над германизмом» немца В. Марра [15]. Вряд ли Усов сам читал их. В «Апокалиптических чудовищах» название книги Марра звучит как «Победа иудаизма над католицизмом». Опосредованно, через Маркова, на страницах работы старообрядческого епископа появляются цитаты из книги Г. Форда «Международное еврейство» [16].

Иннокентий пишет о тесной связи между красным драконом и барсовым зверем: «Социалистическая или коммунистическая безбожническая власть, этот красный дракон, царствующий теперь в России. дал еврейству силу свою, и престол свой, и великую власть. И в самом деле, в подавляющем большинстве у власти там евреи. Их в России насчитывалось ме-

нее одного процента, а у власти и на высших постах с начала воцарения красного интернационала их оказалось девяносто процентов <...> Да и сам-то красный социализм, красный змий, или дракон, вызван к жизни именно евреями: основатели современного безбожнического красного социализма К. Маркс, Д. Рикардо, Лассаль, а возможно, и другие, являются евреями по национальности» [6. С. 41–42].

В третьей главе книги «Зверь с двумя рогами, подобными агнчим» называется еще одна сила зла, зверь с двумя рогами – это протестантизм в целом и наиболее активная, радикальная, по мнению автора, его часть – адвентисты. Адвентисты, нетерпимо относящиеся ко всем вероисповеданиям, проявляли определенную благосклонность к иудаизму, что обеспечивало укрепление влияния евреев во всех сферах жизни общества, считает Усов: «Вместо того, чтобы бороться с барсовым зверем, враждебным всему человечеству, еврейством, стремящимся победить христианство и овладеть всем миром, другой зверь, протестантизм, упорно настаивает на том, чтобы человечество покорно преклонило перед ним и христианство добровольно уступило ему место» [Там же. С. 57].

На фоне этих рассуждений еп. Иннокентия особенно удивительной воспринимается толерантность Иродиона Уральского, крайне редко встречающаяся у старообрядцев. «Если из веры в веру будет человек переходить и запутается, и не узрит антихриста... Не нужно тянуть человека в каждую веру. Вера в Бога одна – умереть за Господа Бога Иисуса Христа и стоять против Антихриста... И из всех обрядов будут спасены...», – писал он [5. Л. 361]. Эти слова Иродион дополняет наивными умозаключениями по поводу евреев, он считает, что есть «часть жиды и часть израиль. Они Богом разделены на две части, на два класса, значит любая нация делится на два класса, кто будет крепко верить в Христа и Бога и умрет за него или печать не примет антихриста 666 на лоб и то же именуется Израиль. А если против Бога, то именуется жид» [Там же. Л. 390 об.].

И еще один апокалиптический образ связывает Иннокентий с современностью, посвящая ему отдельную главу «Блудница, сидящая на богряном звере, имеющем семь голов и десять рогов». Блудница – это «живая церковь», т.е. церковь послереволюционная, являющая собой «соединение христианства с красным безбожием» [6. С. 80], и главный ее отличительный признак в том, «что она сидит на красном звере, который носит ее туда, куда ему угодно. Она не имеет своей воли, для нее есть только воля зверя, на котором она сидит, но которым управлять не может <...> Под этой блудницей разумеются все вообще христиане, где бы они и когда ни были, которые, оставаясь христианами, работают на разрушение христианства, в пользу – красного зверя безбожия» [Там же. С. 84–85].

Подводя итог своему анализу современности, еп. Иннокентий пишет: «В каком же периоде мы живем? Мы живем, когда излилась шестая чаша гнева Божия, когда апокалипсические жабы, вышедшие из уст красного дракона, барсового зверя и двурогого зверя, или бесовские духи ходят к правителям земли и внушают им делать все, что служит на пагубу хри-

стианства и на погибель человеческого рода. Мы переживаем то время, когда молнии по всем направлениям бороздят темный горизонт политической, экономической и всякого другого рода и вида жизни человечества, когда то там, то здесь раздаются ошеломляющие удары грома, слышатся всевозможные голоса, то угрожающие, то предостерегающие» [6. С. 78].

Тему еп. Иннокентия продолжил его ученик Нестор Иванович Венедиктов из с. Кунич Молдавской ССР, дьякон церкви белокрыницкого согласия старообрядцев [17]. Венедиктов был арестован за антисоветскую деятельность в 1940 г., сразу после присоединения Молдавии к СССР. Его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, но адвокату каким-то чудом удалось добиться смягчения приговора, и Нестор был отправлен на 10 лет в ГУЛАГ, в Норильск. В 1951 г. Н.В. Венедиктов вернулся на родину. В 1952 г. был снова арестован и до 1958 г. отбывал наказание в лагерях Камышина и Норильска. Умонастроения и взгляды на происходящее Нестор отразил в своем антисоветском сочинении, содержание которого, видимо, формировалось в сознании старообрядца в годы его первого заключения, а текст был записан по возвращении, в 1951–1952 гг. Рукопись объемом 256 л. была обнаружена вместе с другими бумагами во время обыска в доме Венедиктова в 1952 г. и стала поводом для его второго ареста. Неполную копию текста этой рукописи из следственного дела удалось получить сыну Н. Венедиктова Ивану. В рукописи, самоназвание которой не известно, автор использовал работы Иннокентия Усова, цитируя большие фрагменты из его сочинения «Апокалипсические чудовища» [Там же. С. 180]. Венедиктов отличает не только советскую власть и православную церковь, но и старообрядческую иерархию: «Но, вот в Буковину вторгнулся Красный змей или Ленино-Сталинская диктатура. Этот зверь разрушил Митрополию в 1946 г. до основания, не осталось камня на камне. Московская же Старообрядческая Архиепископия и все архиепископы и епископы, и все старообрядческое духовенство ни одного протеста не поставили против советского зверского издевательства над святыней, даже ни слова не выразили в защиту своей Митрополии. А наоборот: в помощь этому зверю, на котором сидит, в помощь безбожной власти, Московская Архиепископия организовала денежное пособие в сумме один миллион двести тысяч рублей...» [Там же. С. 181].

Все известные старообрядческие эсхатологические сочинения XX в., представляющие собой сплав оригинальной эсхатологии и политической публицистики с нравственно-этическими рассуждениями и выводами, появились в постреволюционный период. Однако, как показывает находка в фондах рукописных и старопечатных книг Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, такой тип литературных произведений начал складываться в рамках традиционной культуры значительно раньше. Выявленное сочинение относится к 1905 г., и написано оно было представителем поморского брачного согласия Поволжья, вероятнее всего, из Самары.

Сочинение под названием «О бедствиях и ужасах, окружавших землю русскую и, кто послужил ви-

ною оным» находится в составе сборника, переписанного в 1962 г. Анфимом Максимовичем Каргаполовым [18], известным на Урале старообрядческим деятелем из г. Челябинск. В свое время в ЛАИ УрФУ был передан архив Анфима Максимовича, в котором есть письма из Поволжья, что свидетельствует о его тесных связях с этим регионом и объясняет наличие у него сочинения, созданного там.

Несмотря на то что старообрядчество изначально возникло как оппозиционное движение, оппозиционное не только официальной церкви, но и государству, в силу чего, несомненно, являлось политическим движением, оно не принимало активного участия в политической жизни страны. Его противостояние власти носило преимущественно пассивный характер (главные формы: уход от преследований в отдаленные от властей, труднодоступные места, в XVII – начале XVIII в. самосожжения), лишь некоторые проявления сопротивления имели элементы активности (например, Тарский бунт 1723 г., участие в восстании Пугачева, оборона своих моленных и монастырей при передаче их единоверцам во второй четверти XIX в.). 1905 г. координально поменял отношение старообрядцев к общественно-политической деятельности. Бурные события первой русской революции заставили их включиться в политическую жизнь, они начали предпринимать попытки оказать влияние на происходящее с учетом своих интересов. Эти интересы состояли не только в стремлении к изменению своего гражданско-правового положения как религиозного течения, но и в получении наиболее благоприятных условий экономической деятельности для русской буржуазии, в формировании которой старообрядчество играло заметную роль. Конечно, это включение в политическую жизнь было невозможно без Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. [19. Т. 25. № 26126] и манифеста от 17 октября того же года, декларировавших установление в России «незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [19. Т. 25. № 26804], а также Высочайшего указа правительствующему Сенату от 17 октября 1906 г. о порядке образования и действия старообрядческих общин [20. Т. 26. № 28424], который был разработан при участии представителей старообрядчества. В поисках политических союзников лидеры староверия присоединялись к различным партиям, преимущественно либерального толка: в первую очередь, к конституционным демократам, в меньшей степени – к праволиберальному Союзу 17 октября, к Партии мирного обновления. Однако входили старообрядцы и в радикальные политические объединения: Союз русского народа, РСДРП. Конечно, их политические предпочтения в разных регионах страны несколько отличались, но это уже детали, выходящие за рамки темы данной статьи. Хорошо известны имена политиков от старообрядчества, членов государственной думы разных созывов, например: австрийцы П.П. Рябушинский и Ф.И. Мельников (Москва), поморцы С. П. Кириллов (Витебская губ.) и В.З. Яксанов (Саратов), беглопоповец В.С. Дрибинцев (Могилевской губ.), часовенные

В.О. Казицын (позднее перешел в единоверие, Екатеринбург), уральские иконописцы Романовы и др. Эти люди выражали свои позиции, отношение к происходящему во вполне светских формах, соответствующих времени. Однако в среде старообрядчества были те, кого не меньше, чем перечисленных выше деятелей, волновало происходящее в стране, но их выражение своих настроений и оценок строилось на основах традиционной культуры. Отношение к современной ситуации они формулировали в средневековых формах, хотя и привлекали новейшие источники. К этой группе людей принадлежал и автор рассматриваемого сочинения. Ему, несомненно, была близка платформа конституционных демократов.

Автор в самом начале сочинения характеризует ужасы современной ситуации (Русско-японская война, начало Первой русской революции 1905 г.), в ходе этой характеристики он ссылается на периодику, труды философов, религиозных писателей, историков, выписки из которых перемежаются цитатами из традиционной литературы, указывающей приметы конца света, «совпадающие» с современными явлениями.

Сочинение начинается словами: «Возлюбленные о госпде отцы и братия, и сестры! Мы видим нечто ужасное, совершающее и совершившееся в нашей родной нам отчизне, русской земле! Мы видим страшное и злое восстание друг на друга, от которого потрясены города и селы и человечество сделалось тысячами жертв» [18. Л. 10 об.]. Далее идет большая выдержка из «Воззвания петербургского духовенства», перепечатанного в газете «Сызрань» от 29 октября 1905 г. На тот момент она еще принадлежала либералам, но вскоре перешла к социал-демократам. Автора сочинения это воззвание привлекло своей эмоциональной характеристикой современной ситуации, перекликающейся с его восприятием и оценкой реалий. В частности, в этом воззвании говорится: «Каждый день, каждый час приносит нам известия одно ужаснее другого о том, что совершается на юге и на севере, и на востоке. От кровавых ужасов кровь стынет в жилах, сердце разрывается от боли. Что будет, чем кончится пожар? А что может случиться дальше? Может быть, что содрогнется весь мир» [Там же. Л. 10 об.–11]. Эту характеристику происходящего в стране и мире, данную в воззвании, автор нашего сочинения подкрепляет словами Иоанна Златоуста и пишет: «Знамение сие (т.е. все описанное выше. – *И.П.*) указывает на дни последние, что и глаголет глас божественнаго писания». И далее слова Иоанна Златоуста: «Восстанет царство на царство и град на град и род на род не возлюбят» [Там же. Л. 11].

В ходе описания сложившейся в стране ситуации много внимания уделено фигуре обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, в частности приведен фрагмент из статей, опубликованных в газете «Самарский курьер» за 28 и 30 октября 1905 г., которая принадлежала кадетам. Вообще «Самарский курьер» – один из главных источников создателя сочинения. В данном фрагменте из ее публикации Победоносцев характеризуется как «великий инквизитор», «обогривший Россию кровью», «вспомните те гонения, ту дикую травлю, которую предпринимал К.П. Победо-

носцев в своих охотах за старообрядцами, – цитируется в сочинении. – Вспомните, как не удовольствуясь насилием над живыми, он вымещал свою злобу на мертвых, он приказывал ломать гробы и обливать керосином тела старообрядцев и сжигать. И проч. совершал казни и томления. Но теперь его волк взвыл, у которого выпали зубы» [Там же. Л. 14].

В целом ряде других цитат из «Самарского курьера» автор выбирает те, в которых звучат мысли о смене старого режима, о превращении России в демократическое государство «с переносом законодательной власти и власти управления с царя на выборных от народа» [Там же. Л. 9]. Причем в одном месте после упоминания в приведенной им цитате слова «конституция» автор обращается к словарю иностранных слов Н.А. Гавкина [21] и делает выписку с объяснением этого понятия.

Далее после череды цитат из книг Св. Писания и Предания, характеризующих признаки приближения Страшного Суда, автор вновь обращается к описанию ужасов современности, используя цитату из статьи, опубликованной в самой распространенной в России того времени газеты «Русское слово», издававшейся И.Д. Сытыным. Редколлегия газеты изначально позиционировала ее как внепартийную, провозгласив при этом знаменем газеты «Православие. Самодержавие. Народность» [22. С. 1], что, однако, не мешало ей негативно оценивать сложившуюся в начале XX в. ситуацию и политику правительства. Фрагмент, почерпнутый из публикации «Русского слова», заканчивается призывом ко всем «верным сынам России»: «Воистенну, в современное нам время слуги служат и поклоняются временному образованию, принимая на себя дикий нехристианский вит и жестокий характер... Призываю всех верных сынов России вспомнить долг свой пред родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами наперечь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле» [18. Л. 17–18].

Кроме прессы в качестве источников автор сочинения использует труд Иоанна Кранштатского «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса» [23], где приводятся примеры предвестий «мироуражения», доведенные практически до современного ему периода. Причем его несколько не смущает то, что Иоанн, описывая отступления от истинного христианства, которые ведут мир к концу, рассматривает старообрядцев как отступников и ставит их в один ряд с протестантами. Наш автор, конечно, берет другие цитаты, и они наполняются совершенно иным смыслом из-за того, что сливаются с цитатами из газетных статей, которые употреблены без ссылок на первоисточник. Так, например, длинное рассуждение о подвигах «борцов за благочестие, которое Россия унаследовала от Старого и Нового Рима» и противопоставление им борцов за свободу западнического толка, анонимный автор завершает цитатой из Иоанна Кранштатского со ссылкой на него: «Бедные слепцы! Как ловко проводит их лукавый князь мира...» [Там же. С. 126; 18. Л. 25]. В результате складывается впечатление, что весь этот длинный пассаж с воспеванием старообрядцев принадлежит православному священнику.

Еще один весьма любопытный источник нашего сочинения – труд философа В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» [24]. С цитатами из этой работы автор обходится так же, как и с извлечениями из книги Иоанна Кронштатского, вставляет их в контекст газетной фразеологии либо передает общий смысл высказываний философа, дословно воспроизводя лишь отдельные фразы. В частности, он приводит из Соловьева мысли о крушении старых монархий и о борьбе с Азией, по терминологии Соловьева, с «желтой расой». По мысли автора, эти характеристики современного мира тоже свидетельствуют о последних временах земной истории.

При написании сочинения автор обращается и к книге Н. Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» [25], откуда цитирует рассуждения историка о теории «Москва – третий Рим».

Завершается сочинение перечислением землетрясений, которые являются «предвестниками последних событий». Ссылаясь на газетные сводки («Новое время», «Биржевые ведомости», «Свет», «Кавказ», «Телеграфное агенство»), автор подробно перечисляет трагедии с указанием места, даты, количества погиб-

ших. Заканчивается этот сюжет следующей фразой: «Это же огненная казнь была, как Содомы и Гоморы, являющая скорый конец мира, как описывает книга «Начало и конец земного мира», о потопе и о содомских городах» [18. Л. 29]. И вслед за этим идет пространная цитата из Иоанна Кронштатского на заявленную тему.

А все повествование заканчивается большим фрагментом третьей книги Ездры с описанием пророчеств о бедствиях, угрожающих грешникам [Там же. Л. 30 об. – 32].

Таким образом, выстраивается целая череда старообрядческих политических сочинений, порожденных революционными событиями XX в. Их религиозный характер не может скрыть антигосударственную направленность: главным признаком наступления последних времен является существующий режим, действия властей. Критика режима в сочинениях нарастала от начала века к его второй половине, т.е. труд нашего анонимного автора является самым мягким в этом смысле, в нем речь идет еще только о приближении последних времен, о предвещии пришествия антихриста, который явится в последующих сочинениях в виде советской власти. Однако сочинение 1905 г. задавало направление развитию старообрядческой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Новосибирск: Наука, 2002.
3. Починская И.В. Родион Уральский – один из последних писателей древнерусской традиции // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 6. С. 67–76.
4. Ročinskaya I.V. Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngster Zeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. № 3. P. 430–443.
5. ЛАИ УрФУ. VII. 315p/5624.
6. Иннокентий (Усов), епископ. Апокалипсические чудовища. Кишинёв: Тульча, 1931 (стеклограф).
7. Иннокентий (Усов), епископ. Апокалипсические чудовища // Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 6–8; 1943. № 4. С. 7–8; № 5. С. 7–8; № 12. С. 6.
8. Пригарин А.А. «Уроки хронологии»: сочинение владыки Иннокентия Усова «Апокалипсические чудовища» // Британская политика и мир: контуры исторического взаимодействия. К 60-летию проф. Олега Борисовича Демина: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.В. Шахин. Одесса, 2008. С. 8–14.
9. Гудков А.Г. Тайна лицевого гектографа // Посев. 2016. № 6. С. 17–20.
10. Усов И.Г. // Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): материалы к словарю. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. С. 65.
11. Агеева Е.А., Боченков В.В. Иннокентий // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 27–30.
12. Бренье Ф. Еврей и Талмуд. Париж, 1924.
13. Марков Н.Е. Думские речи. Война темных сил. Париж, 1928.
14. Histoire des juifs, depuis Jesus-Christ jusqu'a present: Contenant les dogmes des juifs leurs confession de foi; leurs variations...: Pour servir de Suppl. & de Cont. à l'Histoire de Joseph. Paris: Roulland, 1710.
15. Marr W. Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet. Bern, 1879.
16. The International Jew: The World's Foremost Problem. Detroit, 1920.
17. Магола А. Исповедники старой веры в Молдавской ССР во времена советского богоборческого режима // Материалы XI Международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». 11–13 ноября 2014 г. М., 2014. Т. 1. С. 170–187.
18. ЛАИ УрФУ. XVIII. 42p/1683.
19. ПСЗРИ. Собрание третье. СПб., 1908. Т. 25. С. 258–261. № 26126 «Апреля 17. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров (Собр. Узак. 1905 г. Апрель 17, отд. I, ст. 526). – Об укреплении начал веротерпимости»; С. 754. № 26803 «Октября 17. Манифест. (Собр. Узак. 1905 г. Октябрь 17, отд. I, ст. 1658). – Об усовершенствовании государственного порядка»;
20. ПСЗРИ. Собрание третье. СПб., 1909. Т. 26. С. 904–914. № 28424 «Октября 17. Именной Высочайший указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1906 г. Октябрь 17, отд. I, ст. 1728). – О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах, и обязанностях, входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от Православия сектантов».
21. Словарь иностранных слов / сост. Н.А. Гавкин. В конце XIX – начале XX в. переиздавался 48 раз.
22. Русское слово. 1895. № 1.
23. Сергиев И.И. (прот. Иоанн, Кранштатский). Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. СПб., 1900.
24. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе. СПб.: Издание Санкт-петербургского т-ва печатного и издательского дела «Труд», 1901.
25. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2017 г.

20TH-CENTURY ESCHATOLOGICAL ESSAYS OF THE OLD BELIEVERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 157–163.

DOI: 10.17223/15617793/423/22

Irina V. Pochinskaia, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: poirvi12@gmail.com

Keywords: Russia; Old Believers; eschatology; Soviet government; anti-Soviet essays.

The paper examines 20th-century eschatological essays of the Old Believers, classifies them as the genre of spiritual essays in traditional booklore and determines the origin of this genre. The sources of the research are six essays written in the 20th century by Old Believers of different concords – three were written by *chasovennye*, two by *belokrinitskie*, and one by a Pomorian Old Believer. The introduction of the paper is devoted to determining the features of the genre of Old Believer eschatological essays. To do so, the paper uses the analyses of A.A. Panchenko and S.E. Ninkitina on the problems of folk eschatology. The author has verified their conclusions by applying them to the Old Believer essays in question. Although several essays derive from the folk oral tradition (they were recorded in written somewhat later), they must be examined as written artefacts featuring professional commentary on the Holy Scripture. Unlike folklore texts on similar subjects, the Antichrist is clearly personified in the image of Soviet authority. Brief descriptions of each essay are provided. The authors of the essays were S.Ya. Laptev, A.G. Murachev, V.G. Tokmenin, I.G. Usov, N.I. Venediktov. The paper focuses on essays which have not been subjected to intensive study by other researchers. The focus of the article is on the essay “On the decay and terror which have surrounded the Russian land and who is guilty of this”, which was written by an anonymous author. It was written in 1905 by a Pomorian Old Believer who lived in the Volga region. It is interesting because this piece was one of the first examples of the genre of the Old Believer political pamphlet: this genre was based on images of the Apocalypse. The events of 1905 changed the Old Believers’ attitude to socio-political activity: they turned from mostly passive opposition to active participation in political discussions. The Old Believers combined modern forms of struggle for their interests with traditional ones. Their attitude to modern reality was expressed in medieval forms: this was at the basis of the aforementioned essays. Thus, a series of Old Believer political essays born in the revolutionary events of the 20th century can be traced. Their religious character could not hide their anti-state attitudes. The 1905 essay was one of the first in this series: its criticism of the ruling regime was also one of the softest. Nonetheless, it gave direction to the development of the Old Believer thought.

REFERENCES

1. Panchenko, A.A. (2002) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christovshchina i skopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI.
2. Pokrovskiy, N.N. & Zol'nikova, N.D. (2002) *Staroobryadtsy-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.* [Chasovennye Old Believers on the East of Russia in 18th – 20th centuries] Novosibirsk: Nauka.
3. Pochinskaya, I.V. (2007) Rodion Ural'skiy – odin iz poslednikh pisateley drevnerusskoy traditsii [Rodion of Urals: one of the last writers of ancient Russian tradition]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 6. pp. 67–76.
4. Pochinskaya, I. V. (2015). Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngster Zeit [An Old Believer interpretation of Apocalypse in recent times]. In: *Jarbücher für Geschichte Osteuropas*. 3. pp. 430–443.
5. Laboratory for Studies in Archaeography of Ural Federal University (LAI UrFU). VII.315p/5624. (In Russian).
6. Innokentiy (Usov), bishop. (1931). *Apokalipsicheskie chudovishcha* [Apocalyptic monsters]. Kishinev, Tul'cha: Tip. I. Volkovich.
7. Innokentiy (Usov), bishop. (1942). *Apokalipsicheskie chudovishcha* [Apocalyptic Monsters]. *Tserkovnoe Obozrenie*. 9–10. pp. 6–8.
8. Prigarin, A.A. (2008). “Uroki khronologii”: sochinenie vладыki Innokentiya Usova “Apokalipsicheskie chudovishcha” [“Lessons of chronology”: an essay of bishop Innokentiy Usov “Apocalyptic Monsters”]. In: Shakhin, Yu.V. (ed.) *Britanskaya politika i mir: kontury istoricheskogo vzaimodeystviya* [British policy and world: counters of historical interaction]. Odessa. pp. 8–14.
9. Gudkov, A.G. (2016). Tayna litsevo go gekto grafa [A mystery of illustrated hectograph]. *Possev*. 6. pp. 17–20.
10. Voznesenskiy A.V., Mangilev P.I. & Pochinskaya I.V. (1996) Usov, I.G. In: *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' staroobryadtssev (1701–1918). Materialy k slovari* [Typographical activity of Old Believers (1701–1918). Materials for a Dictionary]. Ekaterinburg: Ural State University.
11. Ageeva, E.A. & Bochenkov, V.V. (2010). Innokentiy [Innokentiy]. In: *Pravoslavnaia encyclopedia* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 23. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaia Entsiklopediya”.
12. Brenie, F. (1924). *Evrei i Talmud* [Jews and Talmud]. Translated from French by D.M. Grabbe. Paris: Doloy zlo.
13. Markov, N.E. (1928). *Dumskie rech'i. Voyna temnykh sil* [Duma speeches. The war of dark powers]. Paris: Rapid-imprimerie.
14. Basnage, J. (1710) *Histoire des juifs, depuis Jesus-Christ jusqu'à present: Contenant les dogmes des juifs leurs confession de foi; leurs variations... Pour servir de Suppl. & de Cont. à l'Histoire de Joseph* [History of the Jews, from Jesus Christ to the present: Containing the dogmas of the Jews their confession of faith; Their variations: To serve as Suppl. & Cont. to the Story of Joseph]. Paris: Roulland.
15. Marr, W. (1879). *Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet* [The victory of Judaism over Germanism. From the non-denominational point of view]. Bern.
16. Ford, H. (1920) *The International Jew: The World's Foremost Problem*. Detroit: Wayne State University Press.
17. Magola, A. (2014). [Confessors of the Old Belief in Moldavian SSR in times of Soviet anti-religious regime]. *Staroobryadchestvo: istoria, kul'tura, sovremennost'* [The Old Believers: history, culture, modernity]. Proceedings of the 11th international conference. 11–13 November 2014. Vol. 1. Moscow: Tsentr istorii i kul'tury staroobryadchestva im. boyaryni Morozovoy. pp. 170–187. (In Russian).
18. Laboratory for Studies in Archaeography of Ural Federal University. XVIII.42p/1683. (In Russian).
19. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXV. 26126. St. Petersburg: Gos. tip.
20. Russian Empire. (1908) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. XXVI. 28424. St. Petersburg: Gos. tip.
21. Gavkin, N.A. (1894) *Karmannyi slovar' inostrannykh slov* [The pocket dictionary of foreign words]. Kiev; Kharkov: F.A. Ioganson.
22. *Russkoe slovo*. (1895).
23. Sergiev, I.I. (prot. Ioann Kronshtadtskiy). (1900). *Nachalo i konets nashego zemnogo mira. Opyt raskrytiya prorochestv Apokalipsisa* [The beginning and the end of our earthly world. An experience of Apocalypse prophecy's opening]. St. Petersburg: Leshtukovskaya Parovaya soopechatnya P.O.Yablonskogo.
24. Soloviev, V. S. (1901). *Tri razgovora o voine, progresse i vseмирnoy istorii, so vklucheniem kratkoy povesti ob Antikhriste* [Three talks about war, progress and the end of all-world history, with short essay on Antichrist included]. St. Petersburg: Izdanie Sankt-peterburgskogo t-va pechatnago i izdatel'skogo dela “Trud”.
25. Kaptelev, N. F. (1885). *Kharakter otnosheniy Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [Character of Russian relations to the Orthodox East in the 16th and 17th centuries]. Moscow: tip. L.F. Snegireva.

Received: 31 August 2017

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО КРАЯ

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: «Историческое знание во втор. пол. XIX – нач. XXI вв. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).

На основе архивных материалов, документальных публикаций и периодической печати исследуется история создания и деятельности историко-этнологического отдела Института исследования Сибири. Анализируется состояние научных сил Сибирского региона в области исторических дисциплин. Делается вывод о вкладе ИИС в их изучение.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Томск; Иркутск; Владивосток; история; археология; этнография; Гражданская война.

В последние десятилетия с момента выхода отечественной исторической науки из-под идеологической опеки государства исследователи истории науки и образования Сибири получили возможность более детально остановиться на некоторых исторических сюжетах. Одним из них стал кратковременный период существования Института исследования Сибири (ИИС) в годы Гражданской войны. Наряду с документальными публикациями [1–4] деятельности этого института посвящен ряд научных работ [5–8]. Вместе с тем работа этого научного учреждения в некоторых областях требует переосмысления в более широком хронологическом и проблемном контексте. В данной статье предпринята попытка определить роль, которую сыграл ИИС в изучении истории, археологии и этнографии Сибири, исходя из учета общего развития этих исторических дисциплин. При этом ИИС будет рассматриваться в качестве феномена, включенного в контекст сибирского научного развития.

К моменту основания ИИС (январь 1919 г.) кадры специалистов в области истории, археологии и этнографии Сибири были немногочисленными. В сфере высших учебных заведений они были представлены кафедрами истории при историко-филологических факультетах Томского и Иркутского университетов, а также Восточного института [9. С. 50–55]. Несмотря на квалифицированный преподавательский состав (П.Г. Любомиров, А.Д. Григорьев, Н.Н. Бакай – в Томском университете; В.И. Огородников, Б.Э. Петри – в Иркутском; А.П. Георгиевский, С.П. Широкогоров – в Восточном институте) и большое количество студентов, эти факультеты, образованные в 1917–1918 гг., только начинали свое развитие. Разруха и экономический кризис, вызванные Первой мировой и Гражданской войнами, поставили высшие образовательные учреждения Сибири в тяжелое экономическое положение, существенно затормаживая тем самым развертывание их научной деятельности.

В начале 1918 г. при Томском университете под председательством декана историко-филологического факультета А.Д. Григорьева было образовано Общество этнографии, истории и археологии – первое сибирское профессиональное объединение историков

[6. С. 112]. В 1919 г. вокруг профессора Иркутского университета Б.Э. Петри сложился студенческий научный кружок краеведения, положивший начало зарождению «Иркутской школы археологии». В числе его членов оказались будущие известные исследователи: Е.И. Титов, В.Г. Ксенофонов, Г.П. Сосновский, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, действительный академик АН СССР А.П. Окладников, члены-корреспонденты АН СССР, геологи М.М. Одинцов и Н.А. Флоренсов [10. С. 133; 11. С. 65–66].

На Дальнем Востоке этнографическими и археологическими исследованиями занималось общество изучения Амурского края. Среди работ его участников стоит упомянуть исследования В.П. Маргаритова, посвященные орочам и ительменам, И.П. Надарова о гольдах, С.Н. Браиловского об удэгейцах, Б.О. Пилсудского об айонах и др. Исследованиями нивхов, гольдов и ольчей занимался К.Д. Логиновский, принявший впоследствии участие в работе историко-этнографического отдела на съезде по организации ИИС [12. С. 46–48]. Археологическими исследованиями (составление археологической карты Дальнего Востока, полевые исследования) занимался первый председатель общества Ф.Ф. Буссе [13. С. 140].

Изучением Сибири занимались также отдельные исследователи. Стоит упомянуть исследования Б.Э. Петри по изучению палеолита Прибайкалья и археолого-этнографические исследования В.А. Адрианова в Урянхайском крае (Туве). В 1920 г. в свет вышла двухтомная работа профессора, заведующего кафедрой русской истории, декана историко-филологического факультета Иркутского университета В.И. Огородникова, в которой содержался анализ археологических памятников эпохи палеолита, неолита, медного века и более поздних периодов, а также характеристика сибирских этносов (финно-угров, киргизов, бурят, тунгусов и др.) [14. С. 10–11, 18].

Не последнюю роль играло созданное в Петербурге в 1907 г. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, которое в качестве одной из задач ставило краеведческое исследование сибирского края. В общество входили такие известные деятели, как В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, А.В. Колчак, Н.Л. Ска-

лозубов и др. [15]. Оно имело 14 самостоятельных отделов в городах Сибири, которые объединяли представителей сибирской интеллигенции. Значительный вклад в изучение Сибири внесли петербургское и московское отделения. Так, петербургское отделение образовало комиссию по изучению инородцев. На заседаниях отдела заслушивались доклады А.А. Кауфмана «Русская община и сибирская заимка», С.П. Швецова «О земельных отношениях у алтайских инородцев», А.А. Панова «Желтый вопрос на Дальнем Востоке» и др. Отделом устраивались также студенческие экскурсии и экспедиции, в том числе археолого-этнографического характера [16. С. 79].

В Томске Общество изучения Сибири сложилось самостоятельно в 1909 г. При нем был создан историко-археологический комитет под председательством В.И. Анучина. Наиболее значительным мероприятием стала монгольская экспедиция 1910 г. М.Н. Соболева и М.И. Боголепова, программа которой включала целый ряд проблем экономического, этнографического, а также историко-политического характера [17. С. 161]. В 1913 г. в свет вышел двухтомник трудов Общества, в котором были помещены работа А.Н. Молотилова, посвященная говорам старожильского населения Барабы, а также его заметка «К вопросу о географическом распределении археологических памятников в северной и средней Барабе», в которой автор поднимал актуальный вопрос сохранения археологических памятников – «городков» [Там же. С. 166–167].

Петербургское общество изучения Сибири и его отделения не выполнили и не могли выполнить полностью поставленные в их программах задачи. Одной из проблем, особенно для сибирских отделений, стало отсутствие финансирования. Другой причиной, по свидетельству М.В. Шиловского, являлось то, что рядовые члены отделов в массе своей не имели с ними никакой связи, едва посещая их заседания [15].

Наконец, не стоит забывать об исследованиях в области археологии и этнографии Восточно-Сибирского, Западно-Сибирского, Якутского и Приамурского отделов Русского географического общества. Не останавливаясь подробно на истории их исследований, отметим, что с началом Первой мировой войны экспедиционная и издательская деятельность отделов практически прекратилась. С 1914 по 1918 г. ЗСОИРГО провел всего 8 экспедиций, половина которых пришлось на 1914 г. Вместе с тем усилилась работа отделов в области сохранения историко-культурного наследия края, связанной с регистрацией, описанием и охраной памятников старины. Еще в 1894 г. при ЗСОИРГО была организована «Археологическая комиссия» под предводительством А.П. Плахова, а в 1901 г. – неофициальная архивная комиссия при ЗСОИРГО, получившая впоследствии статус подотдела (комиссии) [18. С. 21]. Теперь же деятельность этих комиссий приобрела более широкий размах.

Таким образом, несмотря на все достижения ученых-сибиряков в области истории, археологии и этнографии, можно констатировать, что к моменту становления историко-этнологического отдела ИИС исследования в указанных областях носили случайный, бессистемный характер. Не сформировалось ни ар-

хеологических научных школ, ни устойчивых методологических направлений [14. С. 8]. Со всей очевидностью проблемы и пробелы в этих дисциплинах вскрылись на съезде по организации Института исследования Сибири.

Секция истории, археологии и этнографии являлась единственной гуманитарной секцией на съезде по организации Института исследования Сибири, который проводил свою работу с 15 по 26 января 1919 г. в г. Томске.

Здесь собралось множество видных ученых: декан историко-филологического факультета Томского университета П.Г. Любомиров, ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Казанского университета, антиковед М.М. Хвостов, выпускник Казанского университета, профессорский стипендиат Томского университета, археолог В.Ф. Смолин, историк искусства, доктор искусствоведения Б.П. Денике, и.д. экстраординарного профессора по кафедре классической филологии Томского университета Э.В. Диль, профессорский стипендиат Петербургского университета, преподаватель русского языка и словесности М.К. Азадовский, представители Приамурского отдела РГО, этнографы А.Н. Липский и Н.А. Липская, член Якутского отдела РГО, видный этнограф Г.В. Ксенофонтов, историк-архивист, будущий секретарь ИИС Н.Н. Бакай и др. [19. С. 89–90, 154–156]. Всего секция насчитывала 25 человек (при общем количестве человек на съезде 240) и являлась третьей по численности секцией на съезде.

Работа секции состояла из 5 заседаний, на которых было зачитано 10 докладов. На первом организационном заседании 16 января были избраны председатель секции П.Г. Любомиров, товарищ председателя Э.В. Диль и секретарь М.К. Азадовский.

Зачитанные на секции доклады можно условно разделить по нескольким направлениям. Так, проблемам в области истории были посвящены доклады М.М. Хвостова и Н.А. Зиневича.

М.М. Хвостов посвятил свое выступление необходимости сбора материалов в Сибири по истории Первой мировой войны и революции. Понимая, что в будущем историки будут подробно писать об этих событиях, он призвал обратиться к крупным библиотекам Сибири с тем, чтобы они подробно собирали материалы по этой тематике.

Н.А. Зиневич коснулся проблемы изучения истории образования в Сибири. Предложив за основу программу изучения, разработанную статистиком Г.И. Лебедевым, докладчик, предложив сконцентрировать внимание на изучении условий развития народного образования, а также факторов, способствующих или препятствующих оному. Это требовало установления контактов с местными учреждениями по всей Сибири, чем и должен был заняться соответствующий орган при историко-этнологическом отделе.

Организации археологического изучения Сибири был посвящен доклад В.Ф. Смолина. Он обрисовал совершенно неудовлетворительную постановку археологического дела в Сибири. «Копают все, у кого есть руки, – говорил В.Ф. Смолин: землемеры, инженеры, студенты, учителя и т.д., и т.д. ... Памятники

Сибири гибнут с каждым днем» [20. Ч. 3. С. 98]. Решение проблемы представлялось очевидным: необходимо было создать археологический отдел, в компетенции которого находились бы те же функции, которыми располагала Центральная Петроградская Археологическая Комиссия, а именно: регистрация памятников древности, их охрана, ведение археологических раскопок и выдача санкций на них другим лицам и организациям, составление археологической карты и т.д.

Искусствоведению и охране культурного наследия края были посвящены доклады Б.П. Денике и А.Д. Крячкова.

Б.П. Денике обратил внимание участников секции на распространившиеся в связи с Гражданской войной случаи разрушения памятников старины на территории Сибири. Ввиду этого необходимо было как можно скорее снарядить ряд небольших экспедиций с целью собирания архивных данных, регистрации, фотографирования и обмера памятников, а также изучения особенностей их стиля и технических приемов, использованных их создателями. Для всесторонней охраны памятников Б.П. Денике предложил возобновить «действие аппарата государственной охраны памятников художественной старины с правами Археологической комиссии» [Там же. С. 91].

А.Д. Крячков, констатируя совершенно неудовлетворительное состояние музейного дела, школ и обществ, посвященных искусству, предложил учредить при ИИС орган, ведающий изучением, охраной и направлением деятельности в области искусства. Кроме того, он предложил создание печатного органа по вопросам искусства, организации экспедиций для собирания материалов, открытие в Томске художественно-промышленной школы, музея и библиотеки [5. С. 290].

Об этнографии и фольклористике народов Сибири рассказывали в своих докладах К.Д. Логиновский, В.И. Анучин, А.Н. Липский и М.К. Азадовский [21. 12 января].

Докладчики говорили о важности всесторонней помощи малым народам Сибири, необходимости изучения и улучшения условий их жизни (сохранение звероловных и рыболовных богатств, пересмотр ясачного обложения, изучение санитарно-гигиенических условий, обучения грамоте и ремеслам и др.). На повестку дня были поставлены вопросы создания областных отделов, занимающихся сбором, обработкой и систематизацией фольклорного материала туземцев, а также русских старожилов; изучения туземных языков: турецкого, самоедского, маньчжурского, монгольского и палеоазиатского [20. Ч. 3. С. 88]; издания сборников по материалам народной словесности, а также этнографического журнала при отделе ИИС. Для достижения поставленных целей был предложен ряд идей. Так, М.К. Азадовский предложил создать «музыкально-песенную и сказочную комиссии». А.Н. Липский предложил возбудить ходатайство «о постановке преподавания этнографии, при историко-филологическом факультете университета» или пойти еще дальше и создать отдельную кафедру этнографии при университете [Там же. С. 102].

Подводя итоги работы секции, П.Г. Любомиров увязал поставленные в докладах проблемы с общим

уровнем состояния научных сил в области истории, археологии и этнографии в Сибири. Насчитав около 50 организаций, занимавшихся в то время данной тематикой (50 на всю Сибирь!), он с сожалением вынужден был признать: «...деятельность их не объединена, не координирована и у большинства сибирских учреждений – очень слаба. Иные из обществ едва живут по недостатку работников или по отсутствию, почти полному, необходимых для работы средств... не в силах снарядить ни одной экспедиции, не в состоянии помочь работнику даже книгами, командировкой его в ученые центры, субсидией для разысканий и т.п., – все это подрывает охоту к работе в составе данного общества, а то и вообще» [20. Ч. 3. С. 107].

Задача изменить коренным образом эту ситуацию возлагалась на историко-этнологический отдел, который, как полагали, мог рассчитывать не только на финансовую поддержку будущего института, но пользоваться авторитетом государственного учреждения, его возможностью оказать «властное вмешательство». В то же время докладчик призвал ограничиться на первое время учреждением отдела в составе 5–6 человек, дождавшись, пока ученые Европейской России смогут сказать свое авторитетное слово. Вместо этого П.Г. Любомиров призвал направить усилия в сторону подготовки кадров исследователей. По иронии судьбы в апреле того же года декретом СНК РСФСР на основе Археологической комиссии была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), в задачи которой входили практические, теоретические и охранные мероприятия «в области археологии, истории искусства и этнологии» на территории всей России. Однако ИИС и РАИМК так и не суждено будет работать вместе.

В резолюции секции истории, археологии и этнографии были суммированы предложения, выдвинутые в докладах и прениях после них. Таким образом, секция истории, археологии и этнографии провела на съезде большую работу, в ходе которой обозначила целый ряд проблем, не терпящих отлагательств. Стоит отметить, что речь шла преимущественно о проблемах в области этнографии, затем археологии и только потом истории. Это не означало, что проблемы изучения, скажем, истории Сибири (о чем упоминал в итоговом докладе П.Г. Любомиров) стояли вне поля зрения членов секции. Однако на тот момент перед участниками секции существовали куда более острые проблемы: исчезновение коренных народов Сибири, а также разрушение археологических памятников и предметов искусства [22].

Резолюция секции истории, археологии и этнографии была принята единогласно и без изменений по окончанию работ съезда [20. Ч. 1. С. 111, 118]. Итоговый состав отдела включал трех человек чего было явно недостаточно для успешной работы отдела.

Наряду с этим участниками съезда было принято решение об образовании музейного отдела ИИС. С этой целью была создана комиссия под председательством директора музея Приенисейского края А.Я. Тугаринова. В итоговом «Положении о музейном отделе...» целями отдела было провозглашено создание областных музеев, объединение деятельности суще-

ствующих и открытие новых музеев, их поддержка в научном, практическом и финансовом отношениях, а также разработка вместе с другими отделами мероприятий по охране памятников труда и культуры в Сибири [20. Ч. 1. С. 105].

Круг задач, стоящих перед музейным отделом, был обширен и включал как создание новых музеев и поддержание старых, так и организационно-издательскую деятельность (организация справочного бюро, созыв съездов деятелей, издание печатного органа и т.д.). Состав отдела насчитывал шесть членов: заведующий, помощник заведующего, секретарь и три члена отдела (по теории музейного дела, музейной практики и инструктированию), а также по одному представителю от каждого отдела.

Успешное завершение работы съезда, в ходе которой был создан Институт исследования Сибири, ознаменовало собой новый этап в изучении Сибирского края. Однако Институт не был еще официально утвержден в качестве государственного учреждения, а следовательно, не мог получить полномочий и финансирования, которые были ему так нужны. Он начал свое существование в качестве общественной организации «Общество ИИС». Лишь через полгода, 25 октября 1919 г. он стал государственным учреждением после опубликования в «Правительственном Вестнике» указа за подписью Верховного правителя адмирала А.В. Колчака [23. 25 октября].

На первых порах деятельность отдела заключалась в установлении контактов с «учеными учреждениями и обществами» и выработке совместного с ними координированного плана работ. Еще на съезде по организации ИИС была зачитана приветственная телеграмма от Комитета по учреждению историко-филологического факультета Восточного института, председателем которого был антрополог Музея антропологии и этнографии РАН, видный этнограф, специалист по тунгусам С.М. Широкогоров. Комитет передавал горячее приветствие деятелям науки, «взявшим на себя труд создания высоконучного учреждения» и выражал свою готовность «быть полезным ему» [20. Ч. 5. С. 16]. Позже С.М. Широкогоров стал председателем съезда по организации Дальневосточного отделения (ДО) ИИС. 20 ноября 1919 г. ИИС перевел 23 550 руб. ДО (8 550 руб. на содержание личного состава и 15 тыс. руб. на операционные расходы) и еще 40 тыс. руб. самому С.М. Широкогорову (25 тыс. руб. на приобретение бумаги и 15 тыс. руб. на приобретение книг для библиотеки института) [3. С. 49].

ИИС установил контакты с ЗСОРГО, вместе с которым он организовал 5 экспедиций в различные местности Зауралья. На заседаниях этого общества было заслушано 28 сообщений, посвященных изучению естественно-географических условий Сибири и ее этнографическому составу [24. С. 176].

С мая 1919 г., когда Институту был переведен первый аванс в 230 тыс. руб., отдел смог развернуть научную работу. В составленной П.Г. Любомировым на 1919 г. смете предполагались совершение поездок по сбору материалов по диалектологии и фольклору (20 тыс. руб.), издание научных трудов (22 тыс. руб.), оплата специалистов, работающих в комиссиях

(5 тыс. руб.) [25. Д. 38. Л. 45А]. Кроме того, намечалось заняться составлением сводки того, что уже было сделано в отношении сбора и обработки материалов по истории, археологии, этнографии и т.д. Сибири, готовя в отдельных случаях к переизданию в отдельных сборниках разбросанные в малодоступных изданиях материалы. В целях сбора и охраны быстро исчезающих памятников и материалов старины отдел планировал в первый же год организовать ряд комиссий: музыкально-песенную, сказочную, археологическую, по изучению коренных народов Сибири и т.п. Помимо этого отдел планировал заняться и подготовкой кадров исследователей и собирателей материалов. Предусматривались также поездки для сбора этнографических, диалектологических и других материалов, археологические раскопки, издание трудов [Там же. Л. 71].

Состав отдела из 3 членов был явно недостаточен. Поэтому возглавлявший отдел П.Г. Любомиров ходатайствовал о его увеличении. От Томского музыкального общества членом историко-этнологического отдела Института была избрана К.И. Томашинская, сотрудником отдела от Общества археологии, истории и этнографии – М.К. Азадовский. 18 мая 1919 г. в качестве члена ИИС по историко-этнологическому отделу был избран бывший директор Томской губернской мужской гимназии Н.Н. Бакай. С 14 декабря 1919 г. на должности старших ассистентов были избраны протоиерей А.Ф. Михайлов (с 14 декабря 1919 г.) и В.Ф. Смолин (с 27 февраля 1920 г.), младших ассистентов – А.И. Тихов (с 17 марта 1920 г.) и Ф.А. Фильструп (с 20 апреля 1920 г.). В марте 1920 г. сотрудником отдела стал профессор по кафедре теории и истории искусств историко-филологического факультета Томского университета Б.П. Денике [25. Д. 33. Л. 24]. П.Г. Любомирова на посту заведующего отделом сменил С.И. Руденко.

За все время существования отдела было проведено 17 заседаний, причем первые два (12 октября и 2 ноября 1919 г.) состоялись еще до того, как институт стал работать в статусе государственного учреждения. На двух заседаниях отдела, проведенных совместно с Обществом археологии, истории и этнографии при Томском университете, были заслушаны доклады А.Д. Григорьева («Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров Сибири») и Н.Н. Бакая («К вопросу о первых днях истории декабристов в Иркутске» и «О литературных занятиях декабристов в Сибири») [Там же].

Еще 2 ноября 1919 г. на заседании отдела было заслушано сообщение П.Г. Любомирова, обеспокоенного сохранностью архивов в Томске [25. Д. 48. Л. 48]. Однако лишь весной 1920 г., уже при советской власти, организованная при отделе архивная комиссия постановила после доклада Н.Н. Бакая принять меры к охране томских архивов. С этой целью в марте 1920 г. была создана комиссия, в состав которой вошли Н.Н. Бакай (председатель), А.И. Тихов и В.Ф. Смолин. В начале апреля Н.Н. Бакай и А.И. Тихов обстоятельно обследовали архивы и доложили об их состоянии отделу. В результате по представлению председателя отдела П.Г. Любомирова было учреждено Томское губернское управление архивного дела. Первыми его заве-

дующими были П.Г. Любомиров и Н.Н. Бакай [25. Д. 33. Л. 24 об.].

В начале июля 1920 г. Н.Н. Бакаю было поручено предварительно ознакомиться с хранившимся в то время в библиотеке института рукописным наследием Г.Н. Потанина. В конце того же месяца на заседании совета института им было сделано предварительное сообщение [Там же. Л. 24–25]. В дальнейшем архив и библиотека Г.Н. Потанина, приобретенные институтом, после ликвидации последнего, были переданы в Фундаментальную (Научную) библиотеку Томского государственного университета.

В 1919 г. профессор А.Д. Григорьев, крупный специалист в области древнерусской литературы, удостоенный Петербургской Академией наук Ломоносовской премии за свою магистерскую диссертацию «Повесть о Акире Премудром», занялся изучением русских старожильческих говоров Сибири. Летом 1919 г. он совершил поездку по Сибирскому тракту, проходящему по территории Тобольской и Томской губерний [26. Д. 859. Л. 25–28]. В 1920 г. А.Д. Григорьев еще раз был командирован институтом для изучения народных говоров населения, проживавшего в населенных пунктах, расположенных вдоль Московского тракта [25. Д. 33. Л. 25]. Результаты обработки собранного им материала вылились в большую работу «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров», помещенную в известиях историко-этнографического отдела.

«Ознакомление с немногочисленными работами о русских говорах Сибири и с записями памятников народной словесности... показало неверность... представления о том, что русское население Сибири почти сплошь говорит по-великорусски, т.е. оаает. На самом деле, – писал А.Д. Григорьев, – добрая половина населения Сибири происходит из акающих губерний Европейской России» [27. С. 1]. Чтобы разобраться в вопросе об истории образования говоров, необходимо было выяснить, как происходило заселение московского тракта (южного сухопутного пути, пролегающего от Екатеринбурга на западе до Кяхты и Нерчинска на востоке) русским старожильческим населением. Однако, поскольку в историографии не предпринималось работ по истории не только заселения московского тракта, но и его устройства, А.Д. Григорьев занялся не только этнолингвистическим, но и историческим исследованием.

Результаты работы автора были суммированы в 10 положениях. В них подробно излагалась история возникновения участков московского тракта, причем, по свидетельству А.Д. Григорьева, на протяжении от Кунгура до р. Ишима Московский тракт заселялся преимущественно жителями северных великорусских губерний, а от р. Ишима до Кяхты и Нерчинска – преимущественно средневеликорусами и южновеликорусами. При этом они оказывали значительное влияние на говоры внетрактового населения [27. С. 83–84].

Свой вклад в развитие исторических дисциплин внесло Средне-Сибирское отделение ИИС. На заседании 6 мая 1919 г. студенту Петроградского университета С.А. Новгородцеву было ассигновано 4 тыс. руб.

на исследование языка племени карагасов в Нижнеудинском уезде. Тогда же приват-доценту Б.Э. Петри было выделено 3 тыс. руб. на организацию археологической экспедиции для исследования и раскопок древних стоябищ человека на оз. Косогол, в Тунке и на Байкале. Одну тысячу рублей предоставили профессору Иркутского университета, будущему члену-корреспонденту АН СССР и АН Болгарии А.М. Селищеву на поездку по Ангаре и Забайкалью для изучения местных наречий и говоров [4. С. 189].

В 1920 г. при поддержке ИИС им была издана монография «Диалектологический очерк Сибири» – результат обстоятельной работы по изучению сибирских говоров. Автор пришел к сходному с А.Д. Григорьевым выводу о преимущественной принадлежности сибирских говоров к выходцам из великорусских северных губерний. К этому он добавляет, что со второй половины XVIII в. в Сибирь переселялись старообрядцы из западной России, а еще позднее – средневеликорусы и южновеликорусы из Центральной России, а также малорусские выходцы из южной и западной России и поляки. В последующие десятилетия северновеликорусский говор стал, однако, преобладать, распространившись и среди нерусских этнических групп [28. С. 143]. Однако уже на стадии переселения в нем появляются финно-угорские заимствования, а на местах поселений – тюркские заимствования [29. С. 134]. А.М. Селищев отметил значительное смешение русских переселенцев с сибирскими народами: остяками, якутами, бурятами и тунгусам. У последних каждый третий говорил по-русски, а 82% исповедовали православную веру. Эти культурно-этнографические процессы, заключал автор, должен учитывать исследователь русских говоров в Сибири.

Летом 1919 г. Э.В. Диль командировался в с. Фоминское Бийского уезда Алтайской губернии с целью археологического обследования неолитической стоянки в предгорьях Алтая. В ходе поездки на Алтай Э.В. Диль ознакомился с научными и культурными ценностями Барнаула, побывав в местных библиотеках и музеях, осмотрел метеорологическую обсерваторию. Он также посетил архив Алтайского горного округа, в котором обнаружил документы, относящиеся к середине XVIII в. Архив, по его словам, «содержит много чрезвычайно ценных документов», которые рисуют «все стороны жизни Алтайского округа почти за двести лет». Этот архив, подчеркнул он, «даст много благодарной работы сибирским историкам» [30. 7 августа].

В то же лето Б.П. Денике был командирован в Тобольскую губернию для изучения памятников старины и деревянного зодчества [25. Д. 24. Л. 54]. В Томск он привез много фотоснимков памятников деревянного зодчества Сибири. Как писала газета «Сибирская жизнь», это была «первая попытка систематического научного обследования памятников сибирского искусства» [30. 18 июня]. В августе 1919 г. Б.П. Денике опубликовал в газете «Русская армия» свои «Очерки по русской старине и искусству», в которых описал поездку в Тобольск. Автор рассказал о таких сооружениях, как Абалацкий монастырь, бывшая столица Сибирского ханства город Искер, Софийский собор,

Богородицкая, Спасская и Ильинская церкви. Однако гораздо больше его интерес привлекли сооружения, выполненные в стиле так называемого Тобольского барокко: Захарьевская, Благовещенская, Покровская церкви и др. Обнаружив сходство со стилем Мазепинского барокко, Б.П. Денике сделал предположение о его влиянии на архитектуру Томска. Причиной этому, по словам автора, было то, что в течение более 60 лет (с 1702 по 1768 г.) тобольскими митрополитами были малороссы [31. 21 августа]. В таком же стиле, «пышном и грациозном», выполнено и внутреннее убранство церквей.

Большой вклад в изучение памятников архитектуры внес А.Д. Крячков, зачисленный специалистом в промышленно-технический отдел ИИС. В течение 5 лет, с 1914 по 1919 г., он занимался изучением деревянного и каменного зодчества по всей Сибири, побывав на Урале, в Тобольске, Томске, Иркутске и Омске [32]. В начале мая 1920 г. он представил на утверждение отдела программу истории строительства в Сибири, которую совет постановил согласовать с представителями историко-этнологического отдела [3. С. 146–147]. Из-за отсутствия средств у Института его работа так и не была закончена.

В 1919 г. А.Н. Липский был командирован Институтом исследования Сибири на Амур для изучения гольдов. Им были представлены опубликованная статья «У гольдов рр. Урми и Тунгуска», а также подробный отчет о результатах командировки и рукопись «На Бурсинском нагорье» [25. Д. 33. Л. 25].

На курсах по подготовке исследователей природы и инструкторов по составлению школьных коллекций, организованных в 1920 г. по инициативе С.С. Неуструева, читали лекции члены и сотрудники отдела М.К. Азадовский (собрание и записывание памятников народной словесности), Б.П. Денике (о регистрации и собирании памятников искусства в Сибири), Н.Н. Бакай (архивоведение), А.Д. Григорьев (наречия русского языка; практический курс русской палеографии), С.И. Руденко и С.А. Теплоухов (систематическая антропология и антропометрия), С.И. Руденко (собрание этнологических коллекций), В.Ф. Смолин (археологические разведки) и А.Г. Смешек (запись географических названий и вообще слов инородческих языков Сибири) [Там же. Д. 32. Л. 127].

Одними из наиболее значительных мероприятий, проводимых отделом, было составление двух карт Сибири: археологической и этнографической (племенной). Работа в этих направлениях была призвана дать общее представление об археологических памятниках на территории Сибири и проживающих здесь народностях. На тот момент в Сибири еще не существовало определенной классификации археологических культур, сбор материала только намечался. Схожая ситуация наблюдалась в этнографии, когда ученые не располагали необходимыми данными об интересующих их народах в области фольклора, изучения быта, хозяйства и т.д.

Работа по составлению археологической карты Сибири велась по инициативе В.Ф. Смолина. 21 ноября 1919 г. им была передана в историко-этнологический отдел записка, в которой обращалось

внимание на отсутствие систематического археологического изучения Сибири. В связи с этим В.Ф. Смолин считал необходимым «пересмотреть по возможности все издания, в которых бы можно было отыскать какие-либо сведения по археологии Сибири, затем выписать эти сведения на карточки с точными указаниями мест находок и литературы, далее разгруппировать полученные таким образом карточки по губер[ниям] и уездам и приступить к нанесению условными значками мест арх[еологических] находок на карту». Составленная таким образом карта с пояснительным текстом позволила бы делать оценку имеющегося к тому времени археологического материала Сибири [25. Д. 48. Л. 51–52]. На выполнение этой работы институтом были выделены необходимые средства для оплаты труда 15 привлеченных сотрудников. Среди тех, кто принимал участие в составлении карты, были В.А. Абудеева, А.В. Мягова, И.М. Мягов, А.В. Ногаткина, В.Ф. Удодова и др. [Там же. Д. 39. Л. 58, 79; Д. 73. Л. 6–7]. Помимо этого В.Ф. Смолин руководил археологическими раскопками близ старого татарского кладбища в Томске, на местах древних городищ по берегу Томи от Лагерного сада до Басандайки и за р. Томью на месте Тоянова городища. На эти цели институт выделил ему 4 тыс. руб. [Там же. Д. 24. Л. 43, 57].

В 1920 г. В.Ф. Смолин вновь поставил вопрос о координации археологических исследований на территории Томской губернии и Сибири, в связи с чем обосновал необходимость созыва археологического съезда. Он активно включился в деятельность «Комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы». Параллельно под его руководством продолжались археологические раскопки в окрестностях Томска, на которые ему было выделено 12 тыс. руб. В ходе них он обнаружил опасное явление – томичи распахивали огороды на месте исторических памятников. В мае 1920 г. В.Ф. Смолин обратился в отдел с заявлением, в котором сообщил «об угрожающей опасности уничтожения городищ в окрестностях г. Томска, представляющих большой археологический научный интерес – у Лагерного сада, Потаповых лужков и Тоянова городища», и просил совет института обратиться по телеграфу «в областные советские учреждения в Омске о запрещении устраивать огороды на местах исторических памятников около г. Томска» [3. С. 169].

Во время общегородского субботника в Томске 26 мая 1920 г. В.Ф. Смолин и Б.Л. Богаевский внимательно следили за проведением мероприятия и тем самым спасли «Томский могильник» [33. С. 128]. С 1 марта по 12 мая того же года на курсах сибиреведения при научном кружке им. Потанина он прочитал серию лекций по археологии и древней истории края, а 17 июня сделал доклад «Значение археологического материала для изучения Сибири. Охрана и изучение археологических памятников» на съезде делегатов уездных отделов народного образования Томской губернии, а также разработал проект организации охраны памятников в губернии [Там же. С. 129].

Работа над племенной картой велась под руководством бывшего ученого секретаря Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопред-

дельных стран Академии наук С.И. Руденко. При отделе истории и этнологии была образована комиссия по изучению племенного состава населения Сибири, которая в своей работе руководствовалась особой инструкцией, разработанной академической комиссией [34. С. 371]. В ее состав вошли В.В. Сапожников, профессора А.Д. Григорьев и С.И. Руденко и два представителя от статистико-экономического отдела – профессора П.Н. Лашенков (медик) и В.Я. Нагнибеда (экономист). К работе, которая заняла полгода, были привлечены Е.А. Садникова, М. Чуракова, К. Чердынцев и Т.В. Чердынцева [25. Д. 73. Л. 6 об.].

За полгода своей работы комиссией были составлены этнографические (племенные) карты Енисейской и Тобольской губерний, Новониколаевского уезда, населенных пунктов Томской и Алтайской губерний с обозначением количества населения и племенного состава; вычислена средняя численность каждой национальности в Каинском и Кузнецком уездах и Нарымском крае и определено процентное соотношение национальностей по деревням, волостям и уездам. Наконец, комиссией были сделаны подсчеты общего количества населения по уездам и волостям всей Томской губернии и подворные расчеты по национальностям [35. С. 31]. Эти материалы предполагалось передать соответствующей комиссии при Академии наук [25. Д. 33. Л. 23].

Летом 1920 г. по инициативе С.И. Руденко была организована Минусинско-Абаканская комплексная экспедиция, в которой приняли участие Ф.А. Филельсбург, С.А. Теплоухов, А.К. Иванов и три студента, в том числе второкурсник М.П. Грязнов. Ставилась задача провести геологические, минералогические, археологические и этнологические наблюдения в долине р. Енисей к югу от Красноярска с прилегающим нагорьем. Всего было раскопано 15 курганов. По итогам экспедиции в кабинет географии Томского университета поступили восемь археологических коллекций и антропологические материалы раскопок, а также был подготовлен устный доклад на совместном заседании ИИС и Общества истории, археологии и этнографии [36. С. 38–39]. Параллельно С.И. Руденко и С.А. Теплоухов по заданию Томского университета занимались археологическими исследованиями Минусинской котловины. Именно в этих экспедициях у С.А. Теплоухова появилась идея классификации культур этой области, поскольку в сибирской археологии в отличие от европейской эта проблема все еще не была решена. Помимо этого в то же время была организована Кузнецко-Алтайская экспедиция, на которую, вместе с Минусинско-Абаканской, было выделено авансом 50 тыс. руб. [3. С. 189].

С 8 июня по 1 сентября того же года в Алтайской губернии работала экспедиция историко-этнологического отдела в составе А.В. Анохина и практиканта историко-этнологического отдела В.Л. Бриллианщикова, занимавшаяся этнографическим изучением инородцев Бийского и Кузнецкого уездов [37. С. 31]. М.К. Азадовский был командирован на р. Лену для собирания фольклорных материалов [25. Д. 33. Л. 25].

1 июля 1920 г. постановлением Сибревкома ИИС был закрыт, а в 1921 г. историко-филологический факультет Томского университета был включен в состав

факультета общественных наук (ФОН) в качестве этнолого-лингвистического отделения. Но и ФОН был ликвидирован летом 1922 г. Однако старания ученых историко-этнологического отдела не были напрасными.

Продолжилась работа С.И. Руденко. В 1921 г. он вернулся в Петроград и вскоре возобновил деятельность в качестве секретаря Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (в дальнейшем – СССР) при Академии наук [38. С. 379]. В 1933 г. эта комиссия станет составной частью Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Через 9 лет, в 1929 г. С.И. Руденко частично опубликует результаты своих экспедиций в Минусинскую котловину во французском журнале «L'Anthropologie». Однако область его исследований переместится в дальнейшем на Алтай [36. С. 41].

По-прежнему велись работы в области фольклористики и этнографии. В 1928 г. А.Д. Григорьев публикует монографический труд, посвященный русским старожильческим говорам Сибири [39]. Рукописный текст этого труда, занимающий свыше 1600 страниц, станет одной из первых комплексных работ в этой области [40. С. 88–91].

Исследования гольдов и других народностей Восточной Сибири будут продолжены «Комитетом содействия народностям северных окраин». Супруги Липские будут изучать гольдов. После долгих лет исследований ими были сняты два фильма, посвященных участию шаманов в похоронном обряде гольдов, а также жизни гольдов при советской власти [41].

Именно здесь в ходе работы историко-этнологического отдела определится область научных интересов С.А. Теплоухова и будет положено начало научному пути М.П. Грязнова, ставшего впоследствии видным археологом. Исследования в области археологии, этнографии и антропологии продолжились на базе Музея истории материальной культуры, а также в составе краеведческой секции Общества естествоиспытателей и врачей, председателем которой стал участник Минусинско-Абаканской экспедиции, и.о. заведующего кафедрой географии и антропологии физико-математического факультета Томского университета А.К. Иванов.

В июле–августе 1924 г. им были продолжены археологические раскопки в районе «Тоянова городка», Басандайки, на Самуськом затоне и «Томском могильнике» [42. С. 143; 43]. В последующие годы А.К. Ивановым будет организован ряд экспедиций по этнографическому изучению шорцев. После восстановления историко-филологического факультета перед Великой отечественной войной Томского университета началось систематическое археологическое изучение Томско-Нарымского Приобья, а работа над археологической картой была продолжена А.П. Дульзоном.

Что касается архива и библиотеки Г.Н. Потанина, то после десятилетий забвения томские и иркутские исследователи приступили к систематизации обширного наследия, оставленного Григорием Николаевичем. К 2011 г. учеными ТГУ была подготовлена новая опись архива, включающая в себя около 15 700 л. материалов за 1849–1919 гг. [44. С. 31].

Подводя итоги, отметим, что историко-этнологическому отделу ИИС удалось внести весомый

вклад в изучение исторических дисциплин. Воспользовавшись тем, что в ходе Гражданской войны в Томск эвакуировались многие ученые из Европейской России и других городов Сибири, отдел дал им возможность продолжить здесь свою деятельность. Отделу удалось консолидировать ученых в единое научное сообщество, работа которого протекала по определенному плану. При этом учитывалась их специализация. Работая в рамках ИИС, историко-этнологический отдел координировал свои работы с другими отделами. Ярче всего это проявилось во время снаряжения различного рода экспедиций, которые, в отличие от многих экспе-

диций дореволюционного времени, носили комплексный, планомерный характер.

Так, ученые, работая плечом к плечу на благо науки, чувствуя солидарность и сопричастность общему делу, преодолевали экстремальные условия, в которых приходилось работать отделу: хозяйственную разруху и военные действия Гражданской войны. Тем самым отделу удалось если не вывести исторические исследования на новый уровень, то, по крайней мере, сохранить то, что имело в столь непростое для страны время. Тем самым деятельность историко-этнологического отдела стала связующим звеном между исследованиями дореволюционного и советского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Целью института является...»: Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 158–177.
2. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 6. С. 158–177.
3. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 – 16 сентября 1920) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
4. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
5. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методологии исследования. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та ; Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. 370 с.
6. Хаминев Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX–XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
7. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.
8. Хаминев Д.В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, Гражданской войны и первых лет советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
9. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
10. Калихман Т.П. По делам их узнаете их // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 5. С. 130–136.
11. Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. М. : Вост. лит., 2002. 343 с.
12. Глебова Е.В. Становление этнографических исследований коренных народов на Дальнем Востоке России в XVIII – начале XX века // История и культура Приамурья. 2011. № 2 (10). С. 46–48.
13. Масло О.А. Первое научное общество на Дальнем Востоке России (о деятельности общества изучения Амурского края в конце XIX – начале XX в.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 32. Т. 11. С. 138–144.
14. Молодин В.И. Из истории отечественной науки: археология Сибири в период Октябрьской революции, Первой мировой и Гражданской войн (1914–1922 годы) : учеб. пособие для вузов. Новосибирск, 2009. 27 с.
15. Шиловский М.В. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта (1908–1917 гг.). URL: https://duma.tomsk.ru/content/obshhestvo_izuchenija_sibiri_i_uluchshenija_ejo_byta_19081917_gg (дата обращения: 2.05.2017).
16. Хорина В.В. Красноярский отдел общества изучения Сибири и улучшения ее быта (1914–1917 гг.) // Сборники конференции НИЦ Социосфера. С. 77–82.
17. Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.
18. Пименова И.А. Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1851–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 23 с.
19. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
20. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
21. Голос Сибири: Ежедневная общественно-политическая демократическая газета (Томск). 1919.
22. Рудковская М.А. Принципы организации охраны и изучения культурного наследия Институт исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Угры : материалы VI Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003.
23. Правительственный вестник (Омск). 1919.
24. Чуркин М.К. Экспедиционная и научно-исследовательская деятельность ЗСОИРГО в годы Первой мировой войны и революции // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны и перспективы их изучения : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2015. С. 170–176.
25. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
26. ГАТО. Ф. 102 (Томский государственный университет). Оп. 1.
27. Известия Института исследования Сибири. 1920. № 6. Труды историко-этнографического отдела. № 1.
28. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1921. Вып. 1. 298 с.
29. Захарова Л.Д. Афанасий Матвеевич Селищев // Отечественные лингвисты XX века : сб. ст. Сер. Теория и история языкознания. М., 2003. С. 124–140.
30. Сибирская жизнь: Газета политическая, литературная и экономическая (Томск). 1919.
31. Русская армия: Издание Информационного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего. Газета военная, общественная и литературная (Омск). 1919.
32. Научная и исследовательская деятельность А.Д. Крячкова. URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/273> (дата обращения: 2.05.2017).
33. Донцова А.А. Создание и деятельность секции по охране памятников искусства и старины при Томском губернском отделе народного образования // Вестник томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 123–132.
34. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.

35. Китова Л.Ю. Томский период деятельности С.И. Руденко и С.А. Теплоухова // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 30–36.
36. Рудковская М.А. С.И. Руденко – исследователь Минусинской котловины // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 36–42. Профессора.
37. Некрылов С.А., Фоминых, С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 5–44.
38. Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
39. Григорьев А.Д. Русские старожильские говоры Сибири. Прага, 1928.
40. Кипчатов М.Ю. Диалектологическое наследие А.Д. Григорьева в фондах архива академии наук Чешской Республики // Язык и культура этноса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. С. 85–92.
41. Осипова М.В. Научные экспедиции 20–30 гг. прошлого века на территории Хабаровского края и их значение для отечественной и мировой этнографии (историографический аспект). URL: http://www.academia.edu/4981590/%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%A7%D0%9D%D0%AB%D0%95_%D0%AD%D0%A%D0%A1%D0%9F%D0%95%D0%94%D0%98%D0%A6%D0%98%D0%98_20-30_%D0%B3%D0%B3_%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A8%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%92%D0%95%D0%9A%D0%90_%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A0%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%98_%D0%A5%D0%90%D0%91%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%AF (дата обращения: 2.05.2017).
42. Фоминых С.Ф., Афанасенков В.О. А.К. Иванов (1886–1937) – географ, археолог и этнограф // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 141–147.
43. Иванов Алексей Константинович. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Иванов,_Алексей_Константинович (дата обращения: 2.05.2017).
44. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 29–33.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

ESTABLISHMENT AND OPERATION OF THE DEPARTMENT OF HISTORY AND ETHNOLOGY OF THE SIBERIA RESEARCH INSTITUTE AND ITS ROLE IN STUDYING THE HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 164–174.

DOI: 10.17223/15617793/423/23

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Sergey A. Nekrylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medecinahistory@yandex.ru

Dmitriy V. Khaminov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khaminov@mail.ru

Keywords: Siberia Research Institute; Tomsk; Irkutsk; Vladivostok; History; Archeology; Ethnography; Civil War.

This article examines the establishment and operation of the Department of History and Ethnology of the Siberia Research Institute on the basis of archival materials, documentary publications and periodicals. It analyses the state of the scientific resources that Siberia had in the field of history, archeology and ethnography. It is concluded that despite the minor success achieved in these areas the research process lacked a definite plan and was unsystematic before the Congress on the Organization of the Siberia Research Institute. The challenges in the field of historical disciplines were discussed during the work of the Section of History, Archeology and Ethnography at the Congress, which was held in Tomsk from January 15 to January 26, 1919. It is noted that during the work of this section, the questions of both scientific and purely organizational nature were raised. The participants of the section spoke about the urgent need to protect the aboriginals of Siberia from extinction and improve their living conditions; about the importance of studying folklore of indigenous tribes and Russian population; about the need to protect the cultural and historical heritage of the region, etc. At the same time, they pointed out the distressing situation of scientific organizations in the field of history and related sciences. As a solution to these problems, they proclaimed the need to create a department of history and ethnology under the Institute. It is emphasized that the department was able to begin its work only in the summer of 1919, when the Russian government under A.V. Kolchak granted the Institute loans for scientific research. The department worked in several fields which involved collection and organizing the research material, expedition activities, scientific works publication, establishment of committees for the protection of cultural heritage, researchers training, provision of financial support for scientists and research organizations, etc. The department work involved such scientists as Dean of the History and Philology Faculty of Tomsk University P.G. Lyubomirov, Vice-Rector of Tomsk University and Ordinary Professor of the Russian Language and Literature Department A.D. Grigoryev, post-graduate student of Kazan University and archaeologist V.F. Smolin, art historian and Doctor of Art Criticism B.P. Dennicke, Extraordinary Professor interim of the Classical Philology Department of Tomsk University E.V. Dil; ethnographers A.N. Lipsky and N.A. Lipskaya, representatives of the Priamur Department of the Russian Geographical Society, and others. In conclusion, the authors note that despite the department's short period of existence, its work was of great importance for researchers in Siberia. In the conditions of the Civil War, economic devastation and crisis, the department managed to unite the isolated efforts of individual specialists and organize systematic scientific work, which continued even after the department's closure.

REFERENCES

1. Istoricheskiy arkhiv. (2000) "Tsel'yu instituta yavlyayetsya...": Dokumenty ob organizatsii i deyatel'nosti Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. ["The aim of the institute is...": Documents on the organization and activities of the Siberia Research Institute. 1919–1920]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 158–177.
2. Molchanov, L.A. (2009) "Institut predstavlyaetsya v vide moshchnogo... soyuza vseh kollektivov, prichastnykh k delu izucheniya Sibiri". Organizatsiya i deyatel'nost' Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. ["The Institute is represented in the form of a powerful... union of all collectives involved in the study of Siberia". Organization and activities of the Siberia Research Institute. 1919–1920]. *Vestnik arkhivista*. 6. pp. 158–177.
3. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy sojeta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the board of the Siberia Research Institute (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Siberia Research Institute (1919–1921)]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Ryzhenko, V.G. (2003) *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodologii issledovaniya* [Intellectuals in the culture of a large Siberian city in the 1920s: questions of theory, history, historiography, research methodology]. Ekaterinburg: Ural State University; Omsk: Omsk State University.
6. Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX–XX veka* [Historical education and science in Tomsk University in the late 19th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Nekrylov, S.A. et al. (2012) Siberia Research Institute and study of history, archeology and ethnography of region (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 77–81. (In Russian).
8. Khaminov, D.V. (2011) Historical science in Siberia and organization of Siberia studies during the Revolution, Civil War and first years of the Soviet power (1917 - middle 1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 111–116. (In Russian).
9. Ermakova, E.V. et al. (eds) (1999) *Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999* [Far Eastern State University. History and modernity. 1899–1999]. Vladivostok: Far Eastern State University.
10. Kalikhman, T.P. (2009) Po delam ikh uznaete ikh [You will know them by their actions]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 5. pp. 130–136.
11. Tumarkin, D.D. (ed.) (2002) *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
12. Glebova, E.V. (2011) Stanovlenie etnograficheskikh issledovaniy korennykh narodov na Dal'nem Vostoke Rossii v XVIII – nachale XX veka [The formation of ethnographic studies of indigenous peoples in the Far East of Russia in the 18th – early 20th centuries]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya*. 2 (10). pp. 46–48.
13. Maslo, O.A. (2007) Pervoe nauchnoe obshchestvo na Dal'nem Vostoke Rossii (o deyatel'nosti obshchestva izucheniya Amurskogo kraia v kontse XIX – nachale XX v.) [The first scientific society in the Far East of Russia (on the activities of the society studying the Amur region in the late 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestiya of the Russian State Pedagogical University n.a. A.I. Herzen*. 32:11. pp. 138–144.
14. Molodin, V.I. (2009) *Iz istorii otechestvennoy nauki: arkheologiya Sibiri v period Oktyabr'skoy revolyutsii, Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voyn (1914–1922 gody)* [From the history of Russian science: the archeology of Siberia during the October Revolution, the First World War and the Civil War (1914–1922)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, Institute of Archeology. and Ethnography, SB RAS.
15. Shilovskiy, M.V. (n.d.) *Obshchestvo izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta (1908–1917 gg.)* [Society for the Study of Siberia and the Improvement of Its Life (1908–1917)]. [Online] Available from: https://duma.tomsk.ru/content/obshchestvo_izucheniya_sibiri_i_uluchsheniya_ejo_byta_19081917_gg. (Accessed: 2.05.2017).
16. Khorina, V.V. (2011) Krasnoyarskiy otdel obshchestva izucheniya Sibiri i uluchsheniya ee byta (1914–1917 gg.) [Krasnoyarsk Branch of the Society for the Study of Siberia and the Improvement of Its Life (1914–1917)]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*. 14. pp. 77–82.
17. Nekrylov, S.A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period* [Scientific societies at Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Pimenova, I.A. (2007) *Organizatsiya i deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (1851–1918 gg.)* [Organization and activities of the East Siberian Division of the Russian Geographical Society (1851–1918)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
19. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A biographical dictionary]. Vol. 1: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
20. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s'ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Tomsk.
21. *Golos Sibiri* (Tomsk). (1919).
22. Rudkovskaya, M.A. (2003) [Principles of organization of protection and study of cultural heritage by the Siberia Research Institute (1919–1921)]. *Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri* [Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia]. Proceedings of the VI Siberian symposium. Tobolsk. 9–11 December 2003. Tobolsk: Tipografiya OOO "Tobol'sk-Neftekhim". (In Russian).
23. *Pravitel'stvennyy vestnik* (Omsk). (1919).
24. Churkin, M.K. (2015) [Expeditionary and research activities of the West Siberian Branch of the Russian Geographical Society in the years of the First World War and Revolution]. Aktual'nye problemy istorii Pervoy mirovoy voyny i perspektivy ikh izucheniya [Topical issues of the history of the First World War and prospects for their study]. Proceedings of the all-Russian conference. Tyumen: Tyumen State University. pp. 170–176. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 *Institut issledovaniya Sibiri* [Siberia Research Institute]. List 1.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102 *Tomskiy gosudarstvennyy universitet* [Tomsk State University]. List 1.
27. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. (1920). 6.
28. Selishchev, A.M. (1921) *Dialektologicheskii ocherk Sibiri* [Dialectological sketch of Siberia]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
29. Zakharova, L.D. (2003) Afanasiy Matveevich Selishchev. In: Berezin, F.M. et al. (eds) *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Domestic linguists of the 20th century]. Moscow: INION RAS.
30. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). (1919).
31. *Russkaya armiya* (Omsk). (1919).
32. Novosibdom.ru. (n.d.) *Nauchnaya i issledovatel'skaya deyatel'nost' A.D. Kryachkova* [Scientific and research activities of A.D. Kryachkov]. [Online] Available from: <http://nsk.novosibdom.ru/node/273>. (Accessed: 2.05.2017).
33. Dontsova, A.A. (2016) Establishing and activity of the Section of art monuments and antiquities protection in Tomsk province Board of Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (21). pp. 123–132. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/15
34. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
35. Kitova, L.Yu. (2004) Tomskiy period deyatel'nosti S.I. Rudenko i S.A. Teploukhova [Tomsk period of activities of S.I. Rudenko and S.A. Teploukhov]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zhiznennyy put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeya Ivanovicha Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg* [Life way, creativity, scientific heritage of Sergei Ivanovich Rudenko and the activities of his colleagues]. Barnaul: Altai State University.
36. Rudkovskaya, M.A. (2004) S.I. Rudenko – issledovatel' Minusinskoy kotloviny [S.I. Rudenko, a researcher of the Minusinsk Basin]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Zhiznennyy put', tvorchestvo, nauchnoe nasledie Sergeya Ivanovicha Rudenko i deyatel'nost' ego kolleg* [Life way, creativity, scientific heritage of Sergei Ivanovich Rudenko and the activities of his colleagues]. Barnaul: Altai State University.
37. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Siberia Research Institute]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soвета Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the board of the Siberia Research Institute (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Fominykh, S.F. et al. (eds) (1998) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
39. Grigor'ev, A.D. (1928) *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian old-timer dialects of Siberia]. Prague.
40. Kipchatov, M.Yu. (2015) Dialektologicheskoe nasledie A.D. Grigor'eva v fondakh arkhiva akademii nauk Cheshskoy Respubliki [Dialectological heritage of A.D. Grigoriev in the archives of the Academy of Sciences of the Czech Republic]. *Yazyk i kul'tura etnosa* [The language and culture of the ethnoses]. Proceedings of the international conference. Krasnoyarsk: KSPU. pp. 85–92. (In Russian).
41. Osipova, M.V. (2011) *Nauchnye ekspeditsii 20–30 gg. proshlogo veka na territorii Khabarovskogo kraia i ikh znachenie dlya otechestvennoy i mirovoy etnografii (istoriograficheskii aspekt)* [Scientific expeditions of the 1920s–1930s on the territory of Khabarovsk Krai and their im-

portance for national and world ethnography (historiographical aspect)]. [Online] Available from: http://www.academia.edu/4981590/%D0%9D%D0%90%D0%A3%D0%A7%D0%9D%D0%AB%D0%95_%D0%AD%D0%9A%D0%A1%D0%9F%D0%95%D0%94%D0%98%D0%A6%D0%98%D0%98_20-30_%D0%B3%D0%B3_%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A8%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%92%D0%95%D0%9A%D0%90_%D0%9D%D0%90_%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A0%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%98_%D0%A5%D0%90%D0%91%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%AF. (Accessed: 2.05.2017).

42. Fominykh, S.F. & Afanasenkov, V.O. (2016) A.K. Ivanov (1886–1937): geographer, archaeologist and ethnographer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 141–147. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/19
43. Wiki.tsu.ru. (n.d.) *Ivanov Aleksey Konstantinovich*. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Ivanov,_Aleksey_Konstantinovich. (Accessed: 2.05.2017). (In Russian).
44. Kolosova, G.I. (2011) Fond G.N. Potanina v nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The G.N. Potanin Fund in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 29–33.

Received: 28 June 2017

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СУДОВОЖДЕНИЯ РЕЧНЫХ ПУТЕЙ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается деятельность Северных гидрографических экспедиций и Салехардского технического участка, организованных для обеспечения безопасности судоходства на внутренних водных путях Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны. В итоге была обеспечена бесперебойная перевозка необходимых в условиях войны грузов. Обслуживание и освоение водных речных путей в округе шло одновременно с развитием народного хозяйства. За годы войны площадь используемых водных путей была увеличена с 2 440 до 4 318 км.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ямало-Ненецкий национальный округ; Северные гидрографические экспедиции; Салехардский технический участок.

Одним из факторов победы СССР в Великой Отечественной войне являлась работа транспортной системы страны. В предвоенные и военные годы был проведен ряд мероприятий, направленных на реконструкцию отрасли. В 1940 г. общая протяженность речных путей СССР составила 107,3 тыс. км, при этом выросли грузооборот речного транспорта и мощность самоходного речного флота [1].

В годы Великой Отечественной войны в Ямало-Ненецком национальном округе при отсутствии развитой системы грунтовых дорог в период летней навигации речной транспорт оказался наиболее эффективным средством перевозки. Многочисленные реки в период навигации становились главными транспортными артериями округа, именно речным транспортом перевозились грузы, прибывали спецпереселенцы и эвакуированные из зоны военных действий, отправлялись мобилизованные на войну. Общая протяженность эксплуатируемых речных путей на территории округа в 1941 г. составляла 2 440 км [2. Л. 4].

Функции управления речным транспортным сообщением на территории Западной Сибири, включая Ямало-Ненецкий национальный округ, выполняло Иртышское бассейновое управление пути (образованное в 1938 г. в Омске [3. С. 115], далее по тексту – Иртышское БУП). В годы войны речники-путейцы Иртышского БУП осуществили целый комплекс мероприятий по обеспечению безопасного судоходства речных путей округа: провели промер глубин, определили новые более удобные для судов маршруты, расставили навигационные знаки (плавающие и береговые), зажигали сигнальные огни, собирали материал для обновления навигационных карт. Работа проводилась во время Северных гидрографических экспедиций Иртышского БУП (всего за годы Великой Отечественной было проведено три экспедиции в период летних навигаций с 1941–1943 гг.), в декабре 1944 г. на базе экспедиции был образован Салехардский технический участок.

О том, как непосредственно проходила работа по обеспечению безопасности судоходства речных судов, каковы были ее итоги и многое другое можно узнать из отчетов о производственной деятельности Северных гидрографических экспедиций за период с 1941–1943 гг. и Салехардского технического участка за 1944–1945 гг. Эти документы, сохранившиеся в

фондах Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, послужили основным историческим источником для данного исследования.

Северная гидрографическая экспедиция Иртышского БУП 1941 г. В июне 1941 г. для изучения Обской губы и Тазовской губы и ремонта навигационных и ограждающих приборов из Омска в Ямало-Ненецкий национальный округ была направлена Северная гидрографическая экспедиция в количестве 106 человек (экспедиционный состав – 52 человека, плавсостав – 54) [2. Л. 3]. Начальником экспедиции был назначен А.И. Наклевкин. Район деятельности экспедиции начинался с юга от Ямальского бара (в геоморфологии крупная песчаная гряда, образовавшаяся в результате поперечного перемещения донных наносов в сторону берега водоема) [4. С. 67], находящегося у входа из Обской губы в р. Обь, и заканчивался на севере линией мыс Дровянной – остров Шокальского, с включением Тазовской губы и рек Таз, Пур, Мессо. Протяженность экспедиционного пути составляла 2 713 км [Там же].

В 1941 г. перед экспедиционным составом стояли следующие задачи:

1. Изучение акватории Обской губы и Тазовской губы в навигационном и гидрографическом отношении.
2. Разработка, улучшение и обслуживание средств навигационных ограждений для безопасного плавания.
3. Сбор материалов для составления и поддержания на актуальном для 1941 г. уровне карт, локаций и других руководств и пособий по кораблевождению.

Личным составом экспедиции было выставлено и отремонтировано навигационное оборудование, необходимое для ориентирования судоводителей: 247 навигационных знаков и 22 маяка, протяженность обставленной линии акватории Обской губы и Тазовской губы составила 1 290 км [Там же].

Кроме того, личным составом были получены данные по изменению уровня режима Ямальского бара – песчаная подводная отмель, находящаяся в устье реки Оби. Через бар проходил транспорт, направлявшийся из Оби в Обскую губу и обратно; следуя по этому маршруту, судоводители могли столкнуться с невозможностью прохода через бар вследствие изменения уровня воды. На बारे был организован водомерный пост, замеры производились ежедневно. Фиксация глубин на Ямальском बारे име-

ла теоретическое и практическое значение: во-первых была получена информация по сгонно-нагонным явлениям в данном районе, во-вторых, судоводители информировались о состоянии глубин и возможности прохода судов по маршруту. В 1941 г. экспедицией было проведено детальное картографирование акватории Обской губы и Тазовской губы, собраны материалы, дополняющие карту Тазовской губы 1934 г. [5] (на участке от мыса Находка до мыса Наблюдений), что было важно для развития судоходства в данном районе.

Северная гидрографическая экспедиция Иртышского БУП 1942 г. В 1942 г. в Ямало-Ненецкий национальный округ, как в 1941 г., была направлена следующая экспедиция. Экспедиция 1942 г. состояла из 80 человек, из которых 42 – плавсостава и 38 – экспедиционного [6. Л. 12]. По сравнению с прошлым годом людей в экспедиции было значительно меньше, так как часть личного состава экспедиции ушла на фронт, при этом производственные планы были увеличены.

Выход судов из Омска состоялся по частям. Первым 6 июня в путь отправился мотобот «Гидрограф», который прибыл к Ямальскому бару 24 июня (переход занял 16 суток). Портовый буксир «Штатив» с лихтерами Т-8 и Т-9 отправились к водомерному посту на Ямальском баре 12 июня. Вторая часть экспедиции прибыла к 30 июня (переход с остановками по пути для получения топлива, стройматериалов и продовольствия составил 18 суток).

Вследствие изменений, начавшихся в округе, связанных с реализацией постановления от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [7. С. 61–64], территория деятельности экспедиции была увеличена до 2 713 км. Для выполнения постановления необходимо было обеспечить безопасность движения судов с малой осадкой, используемых в рыбном хозяйстве округа. С этой целью в производственный план экспедиции были включены гидрографические работы по промерам глубин на подходах к рыбопромышленным предприятиям, рыболовным участкам и новым населенным пунктам (они были образованы в связи с завозом в округ спецпереселенцев в 1942 г.). Также производились промеры бухт и якорных стоянок для судов с малой осадкой [6. Л. 3], до этого времени гидрографическое исследование проводилось с целью обеспечения безопасности кораблевождения транспорта, имеющего большую осадку (по этой причине промер производился до 5 метров) [Там же].

По распоряжению Окружного исполнительного комитета Ямало-Ненецкого национального округа (Окриполком), Омского государственного рыбопромышленного треста (Омгосрыбтреста) и Нижне-Иртышского речного пароходства (НИРП), непосредственно заинтересованных в организации безопасности прохода речных судов «в устьевых участках рек, где было организовано строительство новых населенных пунктов и там, где они предполагались» [6. Л. 7], было установлено навигационное оборудование. Одновременно с этим в акватории Обской губы и Тазовской губы производилась замена навигацион-

ных ограждений, построенных до 1932 г., так как большая часть из них вышла из строя [6. Л. 9].

За навигацию 1942 г. экспедиция полностью справилась с поставленными задачами, хотя общая численность личного состава сократилась, а нагрузка увеличилась. За успешное выполнение производственных заданий по прибытию в Омск приказом Наркома речного флота СССР участники Северной гидрографической экспедиции были премированы (общая сумма премии 8 000 руб.) [Там же. Л. 13].

Северная гидрографическая экспедиция Иртышского БУП 1943 г. В 1943 г. Главное управление речных путей Иртышского бассейна организовало очередную Северную гидрографическую экспедицию для работы в акватории Обской губы и Тазовской губы.

Назначение экспедиции оставалось прежним – организация безопасности на речных водных путях округа, исследование и освоение новых маршрутов. Дополнительно для личного состава устанавливался план по вылову двадцати тонн рыбы. Производственный план был составлен в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развитии рыбных промыслов Бассейнов рек Сибири и на Дальнем Востоке» [7. С. 61–64].

Вновь увеличилась протяженность обслуживаемой акватории, планировалось обновить и выстроить новое навигационное оборудование на 2 440 км водных путей [8. Л. 5]. В производственный план входило обеспечение безопасности плавания судов, «работающих на обслуживании рыбных промыслов и выполнявших транспортные операции в районе Обской губы от Ямальского бара реки Оби до линии мыса Дровяной – остров Шокальского. В Тазовской губе от устья реки Таз до Обской губы и на реках – Таз, Пур и Мессо. Гидрографическое изучение мелких бухт и устьевых рек с целью отыскания мест для отстоя мелкого рыболовецкого флота и проходов к факториям и рыбным промыслам» [Там же]. Впервые за 3 года для личного состава устанавливался план по вылову для личного состава экспедиции, «для выполнения заданий была нанята рыболовецкая бригада в Омске» [8. Л. 21, 32].

В связи с войной во всех отраслях экономики сложилась вполне закономерная кадровая ситуация, при которой мужской работой стали заниматься женщины, дети и подростки. Не являлась исключением и Северная Гидрографическая экспедиция Иртышского БУП: из 89 человек в составе экспедиции было 18 женщин и 16 подростков в возрасте 16–18 лет [8. Л. 38]. Женская часть экспедиции выполняла различные по характеру работы, в том числе и мужские, например, А.Н. Веревкина и А.Е. Попова были рабочими службы ограждения, Е.С. Загвоздина и А.С. Бобыкина работали на водомерном посту Ямальского бара, З.А. Стафонова и А. А. Касьянова добывали рыбу в составе рыболовецкой бригады [Там же].

В итоге за навигацию 1943 г. экспедиция полностью выполнила все основные производственные задачи, кроме дополнительного задания по лову рыбы из 20 т по плану было выловлено только 12,4 т, или 62% плана, «вследствие отсутствия готовой базы для выполнения этого задания и краткости срока подго-

товки» [8. Л. 27], так как вылов рыбы не являлся основным видом деятельности экспедиции. Результаты дополнительного задания незначительно повлияли на общие показатели выполнения плана экспедиции.

Из общего количества участников экспедиции звания «стахановец» удостоились 21 человек, «ударник труда» – 16 человек, механик портового буксира «Штатив» А.К. Левый за перевыполнение производственных заданий был награжден почетной грамотой Наркомата речного флота [Там же. Л. 39].

Салехардский технический участок в 1943 г. В декабре 1943 г. приказом Народного комиссариата речного флота СССР № 334 и Приказом Иртышского БУП № 16 от 21 февраля 1944 г. произошло разукрупнение технических участков внутренних водных путей Обь-Иртышского бассейна с целью улучшения обслуживания эксплуатируемых речных путей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов; в Ямало-Ненецком округе на базе Северной Гидрографической экспедиции был образован Салехардский технический участок, протяженность путей которого составила 4 315 км [9. Л. 3].

Перед новообразованным техническим участком была поставлена задача – в первую очередь обеспечить нормальные условия для продвижения транспортных средств с рыбной продукцией для фронта и для завоза на Крайний Север продовольствия и промышленных товаров в условиях войны. Одновременно с обеспечением безопасности судовождения производились работы по исследованию новых фарватеров и подходов к рыбным промыслам [Там же].

Кадры технического участка формировались из работников Северной гидрографической экспедиции (72 человека), в течение 1944 г. было нанято еще 62 человека. Дополнительно из Тобольского и Омского технических участков было переведено 85 сотрудников для работы на новообразованном техническом участке. Общее количество сотрудников составило в итоге 166 человек, из них 69 женщин, 36 человек – в возрасте от 16 до 18 лет, 29 – пожилые люди от 55 до 60 лет, 17 – старше 60 лет, 4 человека – инвалиды Великой Отечественной войны. Начальником Салехардского технического участка был назначен И.Я. Воронцов (бывший начальник Северной гидрографической экспедиции), заместителем начальника технического участка стал И.С. Усов (заместитель начальника Северной гидрографической экспедиции) [9. С. 29].

В июне 1944 г. в г. Салехарде началась организационная работа по размещению технического участка в городе. Для учреждения были арендованы помещения для конторы, склада, конюшни, мастерских (флота, радио и навигационного оборудования), жилые помещения для сотрудников (общежития и квартиры) [9. Л. 24].

В навигацию 1944 г. Салехардским техническим участком был освоен новый водный маршрут. Так, был произведен промер и установлены вехи по фарватеру Надымской Оби, маршрут через которую являлся альтернативой проходу судов через Ямальский бар. Дело в том, что Ямальский бар являлся наиболее затруднительным районом пути на территории, обслуживаемой Салехардским техническим участком, так

как при сгонных явлениях уровень глубины на баре падал до 1,5–1,7 м (в исключительных случаях – до 0,7 м) [9. Л. 19], что являлось причиной простоя речных судов, следующих из Обской губы в р. Обь. Как отмечалось в отчете о производственной деятельности Салехардского технического участка за 1944 г., «были случаи простоев каравана т/х “А. Микоян” из-за малых глубин до 25 суток» [Там же]. Простой, конечно, были недопустимы.

После организации пути по Надымской Оби в обход Ямальского бара была проведена лоцманская проводка судов для ознакомления судоводителей с новым маршрутом [Там же], что свело к минимуму простой речных судов на Ямальском баре.

Одновременно с организацией нового маршрута для ликвидации простоев на Ямальском баре в 1944 г. были организованы радиостанция и водомерный пост, данные по глубине на баре фиксировались каждый час и передавались в Салехард два раза в сутки и по мере необходимости приближающимся судам [Там же. Л. 19 об.]. Проведенные работы на данном участке позволили ликвидировать простой на Ямальском баре.

Кроме того, Салехардским техническим участком в навигацию 1944 г. была организована ежедневная передача данных о погоде (при необходимости объявлялись штормовые предупреждения) для судов, плавающих в Обской губе и Тазовской губе и в южной части Карского моря. Прогнозы поступали с аэрометеостанции Салехарда и в зашифрованном виде передавались через радиостанцию Народного комиссариата речного флота и через диспетчерские службы Ямальского государственного рыбного треста. За всю навигацию 1944 г. было организовано 95 передач прогнозов [Там же. Л. 20].

За навигацию 1944 г. работниками Салехардского технического участка было обслужено 4 531 из 4 315 км плановодных речных путей, производственный план был выполнен на 105,7% [9. Л. 19]. Превышение плана протяженности обставляемых путей объяснялось выполнением дополнительных работ. Например, по особому заданию Иртышского БУП по обеспечению безопасного прохода речных судов 2-й Печорско-Обь-Иртышской экспедиции в проливе Малыгина было выставлено навигационное ограждение протяжением 204 км [Там же].

Первый год производственной деятельности Салехардского технического участка Иртышского БУП являлся довольно сложным. Работникам Северной гидрографической экспедиции пришлось заниматься организационными работами по созданию участка, производить самостоятельно заготовку и ремонт обстановочного инвентаря. Все установленные планом задания производственной деятельности выполнить не удалось.

Салехардский технический участок в 1945 г. На 1945 г. были намечены новые планы по работам, направленным на улучшение состояния речной транспортной системы округа. Это было новым направлением в рамках обеспечения безопасности судовождения, ранее такая работа не проводилась. Конкретно в рамках улучшения состояния речной системы и обеспечения безопасности судовождения планировалось следующее:

1. Очистить дно от камней и мусора (топляков) на пристани поселка Мужы.

2. Разработать подход к Ямальскому бару, рыбаза-водам и на заторах по малой Оби.

3. Провести детальное гидрографическое исследование Надымской Оби с целью создания подробной карты маршрута в обход Ямальского бара.

4. Начать съемку перекатов по р. Обь для их паспортизации и изучения.

5. Ходатайствовать об отпуске средств на проведение аэросъемочных работ по р. Обь от Устрема до Ямальского и Надымского баров (существующая лоцманская карта устарела, а Ямальский государственный рыбный трест и колхозы использовали втро-ростепенные судоходные протоки, но без карт).

6. Обследовать р. Сыня, на которой расположено пять факторий на возможность судоходства.

7. Приступить к корректировке лоцманской карты р. Обь от Устрема до Салехарда.

8. Составить новую карту Тазовской губы и по подходам в Обской губе по материалам экспедиций 1941–1943 гг.

9. Приступить к составлению лоции р. Обь и ее дельты.

10. Начать изготовление буев и подготовить фонари Далена для навигационного обслуживания южной части Тазовской губы.

11. Обеспечить суда «Штатив» и «Ваули Пиетомин» коротковолновыми радиостанциями для обеспечения регулярной передачи данных о состоянии путей.

12. Обеспечить достаточное поступление газобаллонов ацетиленовых для фонарей Далена, используемых на маяке для навигации 1945 г., так как для нормальной работы маяков баллонов не хватало [9. Л. 70].

В навигацию 1945 г. были продолжены гидрографические исследования Надымской Оби. В то же время работниками Салехардского участка было организовано сравнение глубин на Ямальском и Надымском барах. Это исследование показало, что Надымский бар имеет большие глубины по сравнению с Ямальским [10. Л. 22]. Соответственно, в тот момент, когда суда не могли проходить через Ямальский бар, возможно было использовать альтернативный маршрут.

В 1945 г. для ознакомления судоводителей с возможностью прохода речного транспорта через Надымский бар работниками Салехардского технического участка была совершена лоцманская проводка (целью лоцманской проводки является оказание помощи капитану при плавании в незнакомом районе) парохода «Суворов» пароходом «Ваули Пиетомин» по маршруту Большие Яры и Надымский бар.

На протяжении 1945 г. сотрудниками Салехардского участка также проводились лоцманские проводки по следующим маршрутам:

1. От Нового порта до Салехарда 5–16 ноября мотобот «Гидрограф» провел судно «Заполярный труд».

2. Салехард – Березово – Кушеват; 23–26 ноября штурман парохода «Ваули Пиетомин» совершил проводку парохода «Пушкин».

3. Хальмерседе – Красноселькуп и обратно – под руководством начальника районной обстановки по рекам Таз и Пур Н.И. Зарубина прошел пароход «Кузнец».

4. Ивай Сале – Халесовой и обратно – под руководством 2-го начальника районной обстановки по рекам Таз и Пур П.В. Якубенко прошел пароход «Иртыш».

Помимо основных лоцманских проводок, указанных выше были осуществлены проводки пароходов, следовавших по малой и большой Оби [10. Л. 24].

Постройка новых освещаемых и неосвещаемых навигационных знаков на территории округа в 1945 г. осложнялась отсутствием стройматериалов. Как отмечалось в отчете о производственной деятельности Салехардского технического участка за 1945 г., «не имея возможности в течении двух последних лет пополнения шпилей и гвоздей техучасток в 1945 г. не имел возможности строительства маяков и створных знаков. Упавшие маяки Варнинский и Се-яга остались невосстановленными, также не выполнена программа постройки створных знаков» [Там же. Л. 23]. Кроме того, в округе отсутствовал специальный строевой лес для навигационных знаков: «В зиму 1945–1946 гг. организована заготовка специального леса и вех в Ханты-Мансийском округе в д. м. Атлым, но из-за трудности организации транспорта, снабжения в другом округе из-за большой удаленности Салехарда трудно рассчитывать на выполнение плана заготовки в полном объеме» [Там же].

Осенью 1945 г. Салехардским техническим участком был проведен опыт по установке вех (знак, применяемый для указания фарватеров и опасных мест для судоходства) в сорах – временных водоемах, заливаемых паводковыми водами, которые пересыхают в осенне-зимний период [11. С. 135]. В сорах нижней Оби, Пура и других рек происходит нагул сиговых рыб, вылов которых производился в период с июля по сентябрь [12. С. 14]. Плавание по сорах затруднялось из-за разливающихся в половодье рек «шириной до 20 км, и в этот момент не имеющих никаких ориентиров» [10. Л. 23]. Для того чтобы предупредить аварийные ситуации, осенью работниками Салехардского технического участка были установлены вехи на сорах. Аварий по вине пути Салехардского технического участка в навигацию 1945 г. не было, но был один простой. Пароходу «Чкалов», шедшему с баржей № 116 с грузом соли в Шугу, пришлось прекратить движение, так как на маршруте во время шторма выбило вехи. Затем маршрут был восстановлен и движение судна продолжено.

Таким образом, одновременно с развитием народного хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа в годы войны развивалось освоение речных водных путей, являвшихся единственным способом передвижения в летнее время по необъятным просторам округа. Основа исследования и освоения транспортных водных путей округа была заложена до Великой Отечественной войны. В годы войны Иртышское БУП организовывало ряд гидрографических экспедиций с постоянным составом, затем на базе Северного Гидрографической экспедиции в Ямало-Ненецком национальном округе был образован Салехардский технический участок, работники которого продолжили работы по изучению и освоению внутренних водных транспортных магистралей округа. Одновременно с гидрографическими исследованиями была

значительно увеличена площадь используемых водных путей за счет проведения работ по обустройству ограждений фарватеров и установки навигационных знаков. Протяженность безопасных водных транспортных (обставленных ограждениями и навигационными знаками) путей в округе увеличилась до 4 318 км, на всем протяжении пути в рабочем состоянии находилось 3 245 навигационных знаков, из них береговых освещаемых 131 и неосвещаемых 297, плавающих навигационных знаков 82 освещаемых и 2 735 неосвещаемых.

За период Великой Отечественной войны благодаря работе сотрудников Северной гидрографической экспедиции Иртышского БУП, а затем Салехардского технического участка Иртышского БУП в округе бы-

ли созданы условия для безопасного движения судов, в частности тех, что везли продукцию для фронта к промышленным центрам страны и осуществлявших завоз на Крайний Север необходимых грузов. Также были проведены гидрографические исследования. Полученная информация способствовала поддержанию карт Обской губы и Тазовской губы на актуальном уровне. За трудовые успехи во время войны участники Северной гидрографической экспедиции и Салехардского технического участка Иртышского БУП были отмечены грамотами и медалями, в частности, начальник экспедиции и в дальнейшем Салехардского технического участка И.Я. Воронцов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Метелкин П.В., Персианов В.А. Факторы устойчивой работы транспорта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник ГУУ. 2015. № 4. С. 112–118.
2. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ГА ЯНАО) Ф. 85. Оп. 1. Д. 6.
3. Харлова Е.В. Речной транспорт Западной Сибири в 1921–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012.
4. Геологический словарь / отв ред. К.Н. Паффенгольд. 2-е изд., испр. М. : Недра, 1978. 487 с.
5. Воробьев В.И. Материалы по Лоции Тазовской губы (по работам Западносибирского управления гидрографической службы). Л. : Издание Всесоюзного Арктического института, 1934. 60 с.
6. ГА ЯНАОФ. 85. Оп. 1. Д. 8.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3. 751 с.
8. ГА ЯНАОФ. 85. Оп. 1. Д. 11.
9. ГА ЯНАОФ. 85. Оп. 1. Д. 13.
10. ГА ЯНАОФ. 85. Оп. 1. Д. 18.
11. Экология рыб Обь-Иртышского бассейна / под науч. ред. Д.С. Павлова, А.Д. Мочека. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. 596 с.
12. Петкевич А.Н., Иоганзен Б.Г. Календарь рыбака Сибири. Новосибирск : Министерство рыбной промышленности восточных районов СССР Главсибрыбпром, 1947. 95 с.
13. Электронная база данных «Память Ямала». Организации. URL: <http://памятьямала.рф/yamal/index.php/site/organizations>, свободный (дата обращения: 25.07.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 21 августа 2017 г.

SHIP NAVIGATION SECURITY OF THE INLAND WATERWAYS IN YAMALO-NENETS NATIONAL AREA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 175–180.

DOI: 10.17223/15617793/423/24

Olga V. Ryabkova, Arctic Research Center of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Salekhard, Russian Federation); Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: Ryabkova.olga2016@yandex.ru

Tatiana V. Kozelchuk, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: netanja-k@mail.ru

Keywords: Great Patriotic War; Yamalo-Nenets National Area; Northern hydrographic expedition trips; Salekhard technical waterway division.

The article is devoted to the issues of securing the inland waterways ship navigation in Yamalo-Nenets National Area during the Great Patriotic War. The main research objective is to analyze and generalize the work activity in securing ship navigation in Yamalo-Nenets National Area on the basis of the official records from the State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. This research is mainly based on such historical records as Northern hydrographic expedition trips operating reports of 1941–1943 and Salekhard technical waterway division operating reports of 1944–1945. In the period of summer navigation numerous rivers in the area became main traffic arteries for shipping cargoes, special settlers and relocatees from the zone of military operations into the area, mobilized troops out of the area. To secure water transportation the Irtysh waterways basin authority (WBA) organized three Northern hydrographic expedition trips in 1941–1943. Their basic tasks were to set up and maintain navigation marks on the shipping routes, conduct hydrographic research, collect data for updating navigation maps. In December 1943, to improve the maintenance of the used river waterways in Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets National Areas, inland river waterways technical divisions in the Ob-Irtysh river basin were subdivided by orders of the USSR People's Commissariat for the River Fleet No. 334 and Irtysh WBA No. 16 dated February 21, 1944. The Salekhard technical waterway division in Yamalo-Nenets Area was established on the ground of the Northern hydrographic expedition trip. The improvement of the river waterways in Yamalo-Nenets National Area went simultaneously with the development of national economy. In 1941–1945, the length of the safe waterways routes in the area (provided with river railings and navigation marks) increased from 2 440 km to 4 318 km. There were 3 245 navigation marks in working condition including 131 riverside illuminated and 297 riverside non-illuminated, 82 floating illuminated and 2 735 floating non-illuminated navigation marks. At the same time hydrographic research was conducted. The collected information was reliable enough for making maps of the Ob and Taz Bays. Due to work of the members of the Northern hydrographic expedition by Irtysh WBA, and later the Salekhard technical waterway division of the Irtysh WBA, the conditions for safe river ship traffic were created in the area, in particular for ships transporting goods to the front and industrial centers of the country and carrying essential cargoes to the Arctic Area.

REFERENCES

1. Metelkin, P.V. & Persianov, V.A. (2015) Faktory ustoychivoy raboty transporta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Factors of sustainable transport in the years of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik GUU*. 4. pp. 112–118.
2. State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 85. List 1. File 6. (In Russian).
3. Kharlova, E.V. (2012) *Rechnoy transport Zapadnoy Sibiri v 1921–1941 gg.* [River transport of Western Siberia in 1921–1941]. History Cand. Diss. Tyumen.
4. Paffengol'ts, K.N. (ed.) (1978) *Geologicheskii slovar'* [Geological dictionary]. 2nd ed. Moscow: Nedra.
5. Vorob'ev, V.I. (1934) *Materialy po Lotsii Tazovskoy guby (po rabotam Zapadnosibirskogo upravleniya gidrograficheskoy sluzhby)* [Materials on the locus of the Tazovskaya Bay (on the work of the West Siberian Department of Hydrographic Service)]. Leningrad: All-Union Arctic Institute.
6. State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 85. List 1. File 8. (In Russian).
7. Chernenko, K.U. & Smirtyukova M.S. (eds) (1968) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam (1917–1967 gg.): Sb. dokumentov za 50 let: V 5 t.* [Decisions of the party and government on economic issues (1917–1967): documents for 50 years: In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
8. State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 85. List 1. File 11. (In Russian).
9. State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 85. List 1. File 13. (In Russian).
10. State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (GA YaNAO). Fund 85. List 1. File 18. (In Russian).
11. Pavlov, D.S. & Mochev A.D. (eds) (2006) *Ekologiya ryb Ob'-Irtyskogo basseyna* [Ecology of fish in the Ob-Irtys basin]. Moscow: T-tvo nauchnykh izdaniy KMK.
12. Petkevich, A.N. & Ioganzen, B.G. (1947) *Kalendar' rybaka Sibiri* [Calendar of the fisherman of Siberia]. Novosibirsk: Ministry of Fish Industry of the Eastern Regions of the USSR Glavsibrybprom.
13. *Electronic database "Memory of Yamal". Organizations.* [Online] Available from: <http://pamyat'yamala.rf/yamal/index.php/site/organizations>. (Accessed: 25.07.2017). (In Russian).

Received: 21 August 2017

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДАХ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ

Статья представляет собой сравнительный анализ документов международного и российского права касательно коренных малочисленных народов в исторической динамике. Сравнительный анализ направлен на выявление общих и различных черт в международном и российском праве, на обозначение их экономических, исторических и политических причин. Автор выделяет основные критерии сравнения, обозначает положительные и отрицательные моменты заимствований и сходств правовой сферы РФ с международным правом.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; ООН; российское право; международное право; МОТ.

На сегодняшний день ситуация с определением правового статуса, прав и обязанностей так называемых коренных малочисленных народов (КМН) в международном праве и на уровне отдельных государств крайне неоднозначная. Картина дифференцируется в зависимости от географического расположения, исторического характера власти и конкретного статуса определенных этнических групп в отдельно взятом государстве. Данная статья посвящена сравнительному анализу правового поля в отношении коренных малочисленных народов в РФ и за рубежом, а также выявляет основные исторические, экономические, политические и культурные причины данных различий.

К середине XX в. в мире наступает период распада колониальных государств. Кризис колониальных империй намечается ещё во время Первой мировой войны и установления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которая, по большому счету, являлась одной из причин начала Второй мировой войны. Европейские межгосударственные конфликты за всю их историю претерпели ряд логических трансформаций. Начиная с типично территориальных и локальных, они доросли до глобальных размеров, затрагивающих не только метрополии, но и государственные образования (колонии), находившиеся в непосредственной сфере европейского влияния. XX в. был обусловлен началом активного участия в данных конфликтах новых азиатских сил, таких как открывшаяся после периода самоизоляции Япония и насильно открытый в период опиумных войн Цинский Китай. Вторая мировая война наглядно показала, что для дальнейшей трансформации европейских конфликтов в экстенсивном ключе территориальных ресурсов в мире больше не хватает. Все эти события привели к логическому образованию сначала Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, а после неудачи Лиги Наций в регулировании глобальных проблем – Ялтинско-Постдамской системы с главенствующим органом – Организацией Объединенных Наций (ООН).

ООН как организация, отвечающая за нахождение преимущественно дипломатических путей разрешения конфликтов, также занимается проблемами коренных малочисленных народов. Основным документом, представляющим отношение ООН к коренным этническим группам, на сегодняшний день является «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов», принятая резолюцией

67/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. [1]. Как и большинство деклараций ООН, данный документ не является юридически обязательным для государств, входящих в ООН, и носит скорее рекомендательный характер, выраженный в общей точке зрения мировой общественности касательно определенной проблемы. По результатам голосования, за принятие декларации высказались 143 государства, против – 4 (в том числе Соединенные Штаты Америки), и 11 государств воздержались от голосования (в том числе Российская Федерация и Украина) [2]. Однако данный документ по своей природе является результатом полувековой эволюции деклараций, пактов и конвенций ООН, посвященных этническим меньшинствам.

Изначально перед ООН стояла проблема ликвидации расовой сегрегации и апартеида. К первой декларации, посвященной этническому вопросу, можно отнести декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. [3]. Данная декларация на государственном уровне уравнивала в правах жителей бывших метрополий и новообразованных независимых государств. Важной вехой в развитии является Международная конвенция 1964 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации [4]. Данный документ относится и к проблеме межэтнических взаимоотношений, причем в отличие от Декларации 1960 г. уже непосредственно касается внутренней политики суверенных государств (в частности, проблема расовой сегрегации в США). Целью данных документов является базовое уравнивание в правах всех граждан государств вне зависимости от расовой, этнической и гендерной принадлежности. Сохранение этнической идентичности на данном этапе развития международного правового поля воспринималось не столь важно, как проблема этнической и расовой интеграции соответствующих меньшинств в общество. Именно интеграция являлась приоритетным направлением деятельности ООН в послевоенный период.

Первым упоминанием КМН в документах ООН является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., так, в частности, статья 27 пакта гласит: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также

пользоваться родным языком» [5]. Если ранее проблема этнического взаимодействия решалась на глобальном государственном (1960 г.) или расовом (1964 г.) уровне, то теперь впервые упоминаются этнические меньшинства как социальный слой, который тоже подлежит защите.

Права ребенка в рамках проблемы КМН затрагиваются в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости на основе религии и убеждений от 1981 г., ст. № 5 п. 3: «Ребенок ограждается от любой формы дискриминации на основе религии или убеждений. Он должен воспитываться в духе понимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, уважения к свободе религии или убеждений других людей, а также с полным осознанием того, что его энергия и способности должны быть посвящены служению на благо других людей» [6].

В 1992 г. появляется Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [7]. Данный документ, несмотря на свой небольшой размер, уже посвящен непосредственно КМН. Примечательность данной Декларации также заключается в изменении основных целей. Если документы 60-х гг. были направлены на интеграцию этносов в общество, то с 1992 г. впервые акцент делается на сохранении культурной идентичности этноса путем предоставления ему определенных привилегий. В данном документе отмечались лишь культурные и социальные привилегии, такие как возможность местного самоуправления и культурных институтов, однако вопрос привилегий с этого момента является краеугольным камнем во взаимоотношениях КМН государств, на территории которых они проживают.

Само по себе предоставление привилегий КМН для международного права не является чем-то принципиально новым. Так, больше всего отличилась Международная организация труда (МОТ). Ещё в 1936 г. данная организация (будучи подразделением Лиги Наций) впервые поставила вопрос о КМН в Конвенции № 50 «О вербовке коренных трудящихся из коренного населения». Дальнейшее развитие правовых документов МОТ вылилось в Конвенцию № 107 1957 г. «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни» [8]. Общественные тренды по интеграции были сохранены в данной конвенции, так, в частности, отмечалось, что лица, ведущие племенной и полуплеменной образ жизни, находятся «на менее высокой социально-экономической стадии развития, чем остальная часть общегосударственного коллектива» (ст. 1). Однако, несмотря на это, данная Конвенция подразумевала предоставление экономических привилегий КМН в большей степени, чем это делает Декларация 1992 г. Наиболее яркими можно назвать статьи 11, 12, 13 и 14 из главы «О земле», подразумевающие переход коренного ареала обитания в собственность КМН. Данный документ был пересмотрен в 1989 г. в рамках Конвенции № 169 с сохранением всех прописанных в 1957 г. привилегий. Большинство экономических привилегий Конвенции № 169 из главы «О земле» успешно перешли в Декларацию ООН 2007 г.

Под влиянием конвенций МОТ и общих документов, принятых ООН, была создана декларация о правах коренных народов от 2007 г. Данный документ состоит из 46 статей, которые условно можно распределить на 4 основные категории по характеру предоставляемых прав, свобод и привилегий. Первая категория – общеправовая, к ней относятся статьи, указывающие на предоставление КМН общечеловеческих прав и свобод. К данной категории можно отнести следующие статьи Декларации: 1, 2, 7, 14 (п. 2), 16 (п. 1 – выражает свободу слова и печати), 17, 22, 24 (здравоохранение), 33 (право на самоопределение), 40, 44. Данная категория предполагает предоставление прав и свобод всем членам КМН без исключения, отдельно акцентируя свое внимание на детях и женщинах (ст. 22) [1].

Ко второй категории стоит отнести статьи, предполагающие предоставление политических прав и привилегий КМН. В частности, это статьи: 3, 4, 5, 6, 14 (п. 1), 18, 19, 20, 23, 30, 31, 32, 33(п. 2), 34, 35, 37, 38. Данные статьи в основной своей массе предполагают становление собственных политических институтов КМН, а также их активную деятельность на внутригосударственном и международном уровнях. Активно разрабатывается вопрос национального самоуправления.

К третьей категории относятся статьи, рассматривающие культурную сторону жизнедеятельности КМН, их традиции, обычаи и духовную жизнь. К данной категории можно отнести статьи: 8, 9, 11, 13, 14 (п. 3), 15, 24 (п. 1), 25, 36 [Там же]. Они подразумевают предоставление КМН прав на самоидентификацию, культурную самобытность, затрагивают вопросы образования, традиционного здравоохранения и разделенных государственными границами этнических групп.

Четвертая категория представлена статьями, содержащими экономическую сторону взаимоотношений КМН с государствами. К ней можно отнести следующие статьи декларации: 10, 21, 26, 27, 28, 29 [1]. В них подробнее всего прописан земельный вопрос, а также вопрос использования природных ресурсов традиционных ареалов обитания КМН. Так, в частности, ст. 26, 27, 28, 29 не только подразумевают права КМН владеть традиционными территориями проживания, но и в том числе предполагают наличие «справедливой компенсации за земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали и которые были конфискованы, отчуждены, заняты, использованы или которым был нанесен ущерб без их свободного, предварительного и осознанного согласия» [Там же].

Таким образом, наглядно прослеживается общая эволюция международного права касательно вопроса о КМН, а именно от трендов к интеграции и предоставления базовых прав и свобод до попыток сохранения этнической идентичности и предоставления привилегий. По сути, более поздние документы ООН являются следствием той интеграции, которая проходила в 60–70-х гг. XX в. Современная ситуация с предоставлением КМН не только номинальных прав и

свобод, но и материальных привилегий в совокупности приводит к разногласиям и постоянным дискуссиям касательно содержания Декларации 2007 г., проект которой готовился 25 лет. Так, в частности, большинство государств, в том числе Российская Федерация, обладают собственными законами и традициями, регулирующими взаимоотношения государства и КМН.

Исторически Российская империя не относилась к колониальным державам, представляя собой типичную многонациональную империю с главенствующим русским этносом. При этом решением национального вопроса впервые озадачились ещё в досоветский период. Традиционная ясачная система модернизировалась с принятием «Устава об управлении инородцев» Сперанского от 1822 г. [9], где впервые были законодательно прописаны права и привилегии коренных малочисленных народов Сибири. Данный документ приравнивал в правах коренные малочисленные народы или «инородцев» с государственными русскими крестьянами (особенно принявших христианство), заменял типично даннический ясак обычным налогом (для всех кроме «двоеданцев» [Там же. С. 399]) и регулировал экономическую сферу жизнедеятельности КМН. В целом стоит отметить, что Устав об управлении инородцев в правовом поле опередил свое время и тенденции к предоставлению самоуправления КМН. Так, в частности, были официально признаны законы местного населения [Там же. С. 398], разрешалась деятельность местных элит (зайсанов, князьков), регламентировалось создание «степных дум» [Там же. С. 400], а также передавались в экономическое пользование земельные владения, входившие в ареал проживания КМН, с запретом селиться на этих землях русскому населению [Там же. С. 396].

Определенные изменения в правовом плане произошли с образованием РСФСР. Так, в частности, 22 ст. Конституции от 1918 г. приравнивала в правах всех проживающих на территории республики граждан вне зависимости от их этнической принадлежности [10. С. 239]. В рамках данной статьи интересно отношение государства к земельному вопросу и вопросу природопользования на территориях традиционного проживания КМН. Так, Декрет о земле 1917 г. закрепил отсутствие частной собственности и государственное управление земельными ресурсами, при этом указывалось на ряд сельскохозяйственных моментов касательно традиционного уклада КМН (таких как кочевое животноводство, при этом пастбища также могли передаваться для нужд сельского хозяйства государства) [11. С. 4].

Несмотря на периодическое возникновение отдельных государственных институтов, занимающихся делами КМН, решение национальных вопросов в СССР было представлено созданием «Государственного комитета РСФСР по национальным вопросам» только в 1989 г. [12. С. 22].

Также полезные ископаемые, в том числе добываемые на территориях традиционного проживания КМН, передавались в ведомство горного совета ВСНХ, разработка и использование полезных ископаемых полностью находились в руках государства. Таким образом, стоит отметить, что в советский пе-

риод вопрос о КМН носил преимущественно управленческий характер, отсутствовал какой-либо диалог между представителями КМН и государством, отсутствовали собственные политические институты самоуправления КМН. Однако, несмотря на это, стоит отметить общие улучшения в образе жизни и экономических привилегиях, в том числе в налогообложении со стороны государства.

Ситуация изменилась с распадом СССР и появлением в 1999 г. Федерального закона № 82, действующего на сегодняшний момент [13]. Важнейшим изменением в сравнении с советским периодом стоит отметить появление собственных политических организаций в среде КМН и перестройку советской системы непосредственного управления в систему с элементами диалога в сравнении с международным правом, а именно Декларацией ООН от 2007 г. (претерпевшей изменения, в том числе благодаря Конвенции № 169 МОТ) в ФЗ № 82 ст. 16 (против 46-й в Декларации). Однако каждая статья определяет конкретную сферу деятельности закона, при этом обладая большим количеством пунктов и пояснений. Так, в частности, отдельное внимание уделяется государственным полномочиям в рамках работы с КМН в лице органов федерального и местного управления. Это ст. 5, 6 ФЗ № 82 [Там же].

Сравнивая политический аспект работы с КМН, можно встретить ряд схожих моментов в Декларации ООН и в Федеральном законе. Так, статьи Декларации ООН касательно права на самоуправление и образование политических институтов, выражающих собственную позицию КМН в рамках работы с государством, по своему содержанию схожи со ст. 7 ФЗ 82. Статья № 4 Декларации ООН гласит: «Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций». Из данной статьи можно выделить основные положения, в частности право на создание органов самоуправления. В свою очередь, ст. № 7 ФЗ № 82 п. 2 «[органы местного самоуправления вправе]: принимать участие в реализации федеральных и региональных программ социально-экономического и культурного развития малочисленных народов и в осуществлении контроля за использованием материальных и финансовых средств, выделяемых в соответствии с указанными программами, а также за использованием и охраной земель в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов»; п. 7: «создавать на общественных началах при главах муниципальных образований в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов советы представителей малочисленных народов для защиты прав и законных интересов указанных народов» [13]. Статья № 19 Декларации ООН также гласит: «Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с соответствующими коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным, предварительным и осознанным согласи-

ем, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затрагивать». Данная сторона вопроса представлена ст. 5 и 6 ФЗ № 82. Так, ст. 5 п. 2: «[федеральные органы государственной власти по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов вправе]: принимать федеральные программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, развития, сохранения и возрождения их языков, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования, использования и охраны земель и других природных ресурсов» [13]. Осуществление указанных программ, обеспечивается за счет средств федерального бюджета и внебюджетных источников. К реализации указанных программ могут привлекаться органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления с передачей им необходимых материальных и финансовых средств, а также уполномоченные представители малочисленных народов».

Таким образом, в рамках ст. 5, 6, 7 ФЗ № 82 инициатива предоставления политической роли КМН в диалоге с государством, представленная в Декларации ООН, выполняется.

Ключевым моментом для КМН во всем мире является экономическая часть взаимоотношений с государством. Большинство колониальных государств так или иначе используют земли КМН в экономических целях. В РФ данный вопрос стоит особенно остро. Однако стоит также отметить ряд положительных поправок в ФЗ № 82, принятых в 2009 г. и приближающих ФЗ к общим тенденциям Декларации. Так, в частности, ст. 28 Декларации ООН гласит: «Коренные народы имеют право на возмещение при помощи средств, которые могут включать в себя реституцию или, когда это не представляется возможным, в виде справедливой компенсации за земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали и которые были конфискованы, отчуждены, заняты, использованы или которым был нанесен ущерб без их свободного, предварительного и осознанного согласия» [1]; п. 2: «Если с соответствующими народами не имеется добровольно достигнутой договоренности об ином, такая компенсация предоставляется в форме земель, территорий и ресурсов, равноценных по своему качеству, размеру и юридическому статусу, или в виде денежной компенсации или другого соответствующего возмещения» [Там же]. Данная статья отражает основную проблему во взаимоотношениях КМН с предприятиями Сибири, поскольку исторически в связи с индустриализацией, проводимой в советский период на территории Сибири, земли коренных малочисленных народов использовались государством для размещения объектов производства и сельского хозяйства. Таким образом, реализация данной статьи в полном объеме на современном историческом этапе может быть связана со значительными финансовыми издержками, так как она подразумевает «равноценную» компенсацию за использованные зем-

ли. Изначально ФЗ № 82 от 1999 г. не подразумевал экономической компенсации КМН убытков, понесенных в результате индустриального использования их исконных территорий, однако в 2009 г. была подготовлена поправка в ФЗ, регулирующая данный вопрос. Так, приказ № 565 от 9 декабря 2009 г. регулирует «[методику] исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ» [14].

Таким образом, стоит отметить, что, несмотря на незначительные разногласия, на правовом уровне Российская Федерация движется в общем направлении международных настроений в отношении диалога КМН с государством. Так, последние поправки в ФЗ № 82 можно считать положительной динамикой в сторону Декларации ООН о КМН. Однако, учитывая характер уже существующей промышленности на территории Сибири, стоит отметить напряженную обстановку в экономических отношениях КМН, производственных предприятий и местных властей. Текст приказа № 565 делает сильный акцент на оленевом животноводстве, при этом фокусируя свое непосредственное внимание на народах Севера. Однако КМН проживают в разнообразных районах Сибири и не ограничены Крайним Севером, что приводит к конфликтным ситуациям в процессе реализации данного приказа. Ярчайшим примером данной ситуации является Кемеровская область, исторически населяемая такими коренными малочисленными народами, как шорцы и телеуты. Богатство недр области привело к возникновению огромного количества угледобывающих предприятий, в том числе открытого типа (карьеры), что явилось причиной необратимого изменения ландшафта и непосредственной среды обитания КМН. Сегодняшняя ситуация остается в целом напряженной, и даже учитывая приказ № 565 от 2009 г., власти Кемеровской области при решении вопросов компенсации, как правило, встают на сторону угледобывающих предприятий [15]. Причины подобных решений экономические. Население Кемеровской области преимущественно занято в угледобывающей промышленности (исключение составляет Новокузнецк с его металлургическими заводами). Таким образом, вопрос о получении КМН компенсации несет за собой экономические последствия, которые могут ощутить не только угольные предприятия, но и население области в целом. Данное противоречие приводит к конфликтной ситуации внутри области. Пути разрешения данного конфликта могут быть найдены в диалоге между представителями самоуправления КМН, федеральными властями и представителями угледобывающих предприятий.

В заключение можно резюмировать, что общая динамика отношений с коренными малочисленными народами в правовом поле носит положительный характер, связанный с приближением общего смысла ФЗ № 82 к Декларации ООН 67/295. Однако недоста-

точная работа с представителями местного самоуправления КМН может дестабилизировать взаимоотношения КМН с государством и привести к конфликтным ситуациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 31.03.2017).
2. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples : resolution / adopted by the General Assembly // United Nations Bibliographic Information System. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?profile=voting&index=VM&term=ares61295> (дата обращения: 31.03.2017).
3. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 31.03.2017).
4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 31.03.2017).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 2.04.2017).
6. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости на основе религии и убеждений. Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 2.04.2017).
7. Декларация о правах лиц, подлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года // United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 2.04.2017).
8. Конвенция № 107 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни 1957 г. // International Labor Organization. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c107_ru.htm (дата обращения: 2.04.2017).
9. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 38: 1822–1823 гг. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 394–416.
10. Кукушкин Ю.С. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 4–6.
12. Агаларханова А.Н. Национальная политика Российской империи и советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 18–26.
13. Федеральный закон № 82-ФЗ. От 22 апреля 1999 г. «О правах коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации № 18 от 3 мая 1999 года, ст. 2208. URL: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=1999018000&docid=2721> (дата обращения: 3.04.2017).
14. Приказ Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2009 г. № 565 «Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Информационный портал Охрана труда в России. URL: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/57/57780/ (дата обращения: 4.04.2017).
15. Диалог с позиции равноправия. Новости Шории // Кемеровская региональная общественная организация экологов «Благоприятная среда – основа жизни» – КРООЭкологов «БСОЖ». URL: <http://krooe.ru/category/%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/page/2/> (дата обращения: 4.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июня 2017 г.

INTERNATIONAL LAWS AND FEDERAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION ON INDIGENOUS PEOPLES: A COMPARATIVE STUDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 181–186.

DOI: 10.17223/15617793/423/25

Dmitriy E. Selivanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sde29study@yandex.ru

Keywords: indigenous peoples; United Nations; Russian Federation law; international law; International Labor Organization.

The article represents a comparative study of international law and the Russian legislation on indigenous ethnic groups in economic, political, cultural and historical contexts. At the beginning of the article the author analyzes creation of international law about indigenous ethnic groups on the basis of such organizations as the UN and the ILO. The author analyzes the key directions of declarations and conventions accepted by these organizations during the 20th and 21st centuries, their historical prerequisites, cultural and economic value. The author gives a conclusion that at the turn of the 21st century there is a cardinal change of trends in international law, from integration of indigenous ethnic groups into globalization society to preservation of their cultural identity. The second part of the article is devoted to the analysis of the modern situation in international law based on the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007. The author reveals three main criteria for the analysis of the articles of the declaration – economic, political and cultural orientations, distributes articles in the directions and draws a conclusion about what direction prevails in the document. The key direction, which represents the main interests for the author is economic privileges to indigenous ethnic groups, in particular the question of land tenure and land use. The third part of the article is devoted to the formation of Russian legislation concerning indigenous ethnic groups. The pre-Soviet period (on the example of the charter about management of foreigners by Speransky), the Soviet period (the Constitution of RSFSR) and the modern period (the Federal Law on the Rights of Indigenous Ethnic Groups No. 82-FZ) are mentioned. Also the latest changes in the Russian Federal legislation, such as order No. 565 of 2009 about economic compensation to indigenous ethnic groups, are analyzed. The author separates articles of the Federal Law of the Russian Federation by the same principle as the declaration of the UN, comparing two documents and analyzing the latest changes in them. The main accent of this analysis is devoted to the economic component of the two documents, character of the eco-

conomic privileges provided to indigenous ethnic groups. In the conclusion the author says about the nature of the development of modern legislation of the Russian Federation on indigenous ethnic groups, its rapprochements with international law, gives positive and negative moments of the rapprochement, predicts the further development of the federal legislation and possible problems connected with the emergence of conflict situations when implementing the federal law on the spot.

REFERENCES

1. United Nations. (2007) *Deklaratsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy o pravakh korennykh narodov prinyata rezolyutsiey 61/295 General'noy Assamblei ot 13 sentyabrya 2007 goda* [The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples was adopted by the General Assembly resolution 61/295 of 13 September 2007]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml. (Accessed: 31.03.2017).
2. United Nations Bibliographic Information System. (2007) *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: resolution*. Adopted by the General Assembly. [Online] Available from: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?profile=voting&index=VM&term=ares61295>. (Accessed: 31.03.2017).
3. United Nations. (1960) *Deklaratsiya o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nykh stranam i narodam. Prinyata rezolyutsiey 1514 (XV) General'noy assamblei ot 14 dekabrya 1960 goda* [Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. Adopted by Resolution 1514 (XV) of the General Assembly of December 14, 1960]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml. (Accessed: 31.03.2017).
4. United Nations. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o likvidatsii vseh form rasovoy diskriminatsii. Prinyata rezolyutsiey 2106 (XX) General'noy Assamblei ot 21 dekabrya 1965 goda* [International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Adopted by General Assembly resolution 2106 (XX) of 21 December 1965]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml. (Accessed: 31.03.2017).
5. United Nations. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinyat rezolyutsiey 2200 A (XXI) General'noy Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda* [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (Accessed: 2.04.2017).
6. United Nations. (1981) *Deklaratsiya o likvidatsii vseh form neterpimosti na osnove religii i ubezhdeniy. Prinyata rezolyutsiey 36/55 General'noy Assamblei ot 25 noyabrya 1981 goda* [Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance on the Basis of Religion and Belief. Adopted by General Assembly resolution 36/55 of 25 November 1981]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml. (Accessed: 2.04.2017).
7. United Nations. (1992) *Deklaratsiya o pravakh lits, podlezhashchikh k natsional'nykh ili etnicheskim, religioznym i yazykovym men'shinstvam. Prinyata rezolyutsiey 47/135 General'noy Assamblei ot 18 dekabrya 1992 goda* [Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. Adopted by General Assembly resolution 47/135 of 18 December 1992]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. (Accessed: 2.04.2017).
8. International Labor Organization. (1957) *Konventsia № 107 o zashchite i integratsii korennogo i drugogo naseleniya, vedushchego plemennoy i poluplemennoy obraz zhizni 1957 g.* [Convention 107 concerning the Protection and Integration of Indigenous and Other Tribal and Semi-Tribal Populations of 1957]. [Online] Available from: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/-normes/documents/normative-instrument/wcms_c107_ru.htm. (Accessed: 2.04.2017).
9. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii s 1649 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. 38: 1822–1823 gg. St. Petersburg: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 394–416.
10. Kukushkin, Yu.S. (1987) *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the history of the Soviet Constitution]. Moscow: Politizdat.
11. Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. (1948) *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of legal acts and orders of the government for 1917–1918]. Moscow: Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. pp. 4–6.
12. Agalarkhanova, A.N. (2013) *Natsional'naya politika Rossiyskoy imperii i sovetskoy Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The National Policy of the Russian Empire and Soviet Russia in relation to the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 6 (26). pp. 18–26.
13. Russian Federation. (1999) *Federal'nyy zakon № 82-FZ. Ot 22 aprelya 1999 g. "O pravakh korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 82-FZ of April 22, 1999 "On the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 18 of 3 May 1999. Art. 2208. [Online] Available from: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=1999018000&docid=2721>. (Accessed: 3.04.2017).
14. Okhrana truda v Rossii. (2009) *Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of December 9, 2009, No. 565 "On the approval of the methodology for calculating the amount of losses caused to associations of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation as a result of economic and other activities of organizations of all forms of ownership and individuals in places of traditional residence and the traditional economic activity of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://ohranatruda.ru/ot_biblio/normativ/data_normativ/57/57780/. (Accessed: 4.04.2017). (In Russian).
15. KROOEkologov "BSOZh". (n.d.) *Dialog s pozitsii ravnopraviya. Novosti Shorii* [Dialogue from the position of equality. News of Shoria]. [Online] Available from: <http://krooe.ru/category/%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%80%D1%83%D0%B1%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B8/page/2/>. (Accessed: 4.04.2017).

Received: 14 June 2017

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ПОТОМКОВ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Исследованы трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока в период со второй половины XIX в. до наших дней. На основе обобщения результатов полевых исследований, статистических данных и этнографических описаний разных лет выявлены социокультурные, политические и демографические факторы, оказавшие на них влияние. Подвергнуты анализу специфические самоназвания переселенцев, отражающие их этнокультурный и социальный статус.

Ключевые слова: белорусы; этническое самосознание; крестьянские переселения; Сибирь; Дальний Восток.

На протяжении последних десятилетий в отечественной этнографии появился целый ряд работ, посвященных изучению различных аспектов традиционной культуры белорусских крестьян, переселившихся на территорию Урала, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. [1–6] и др. Во многих из этих исследований в той или иной мере затрагивались вопросы этнической идентичности переселенцев [7–10] и др. Несмотря на это, на сегодняшний день еще не предпринимались попытки систематических исследований трансформаций этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживавших в разных регионах азиатской части России в хронологических рамках со второй половины XIX до начала XXI в.

В основу данного исследования легли полевые материалы, собранные автором на территории 12 регионов Сибири и Дальнего Востока в период с 2009 по 2017 г. В ходе большинства этнографических экспедиций были проведены интервью с представителями первого, второго и третьего поколений потомков белорусских крестьян-переселенцев, рожденных в 1910–1960-е гг. В статье приводятся упоминания ряда наиболее часто повторяемых (типичных) высказываний информаторов, отражающих особенности их этнического самосознания. Также исследование опиралось на данные национального состава регионов Сибири и Дальнего Востока, отраженные в переписях населения с 1897 по 2010 г., и на анализ научных публикаций и историко-краеведческих изданий разных лет.

Особенности формирования территориально-этнографических групп белорусских крестьян-переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке были обусловлены тем, что на момент массовых аграрных миграций второй половины XIX – начала XX в. этническое самосознание большинства их представителей еще не было сформировано. Об этом свидетельствует широко бытующее на территории Белоруссии тех лет самоназвание «тутэйшыя», которое не является этнонимом [11]. Этнограф А.Е. Богданович отмечал: «Если вы к таким белорусам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и смогут сказать, что они “тутэйшыя”, т.е. здешние... И к вашему заявлению, что они русские или белорусы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, как хочешь...» [12. С. 15]. В опросах информаторов, проживающих в разных регионах, которые помнили своих предков – первопоселенцев,

отчетливо выражен повторяющийся сюжет, связанный с тем, что на вопрос «откуда вы?» последние чаще всего отвечали «из Расеи (России)». При этом наиболее часто среди переселенцев преобладала не этническая, а региональная самоидентификация. К примеру, переселенцы из Могилевской губернии именовали себя «могилевскими», «могилями», «могулями» и т.д. Старожил деревни Татьяна Шегарского района Томской области Василий Родиков, 1929 г.р. отмечал, что поселившиеся здесь выходцы из Белоруссии разделяли друг друга на «минских» и «витебских», по губерниям, откуда они были родом. Основные различия этих групп он объяснял диалектными особенностями их языка, различиями в проведении праздников и обрядов и некоторых других традиций. Данную ситуацию можно назвать типичной ввиду того, что подобные рассказы были зафиксированы нами среди потомков белорусских переселенцев, проживающих во многих других регионах Сибири и Дальнего Востока. По мнению ряда исследователей, земляческие этнонимы типа «речичане», «полочане», «могилевцы» еще во времена Древней Руси обозначали субэтнические общности с полной социальной структурой, с особенностями языка, культуры, самосознанием [13]. Однако, рассматривая самоназвания других групп восточнославянских переселенцев, можно прийти к выводу, что подобная региональная самоидентификация была свойственна не только белорусам. На это указывают такие часто встречающиеся в Сибири самоназвания проживающих в сельской местности русских и украинцев, как «вятские», «пермские», «рязанские», «черниговские», «полтавские» и т.д.

На территории Сибири среди белорусских переселенцев широкое распространение получило название «самоход». Его также нельзя рассматривать в качестве этнонима. Скорее, оно отражает социокультурный статус крестьян-новопоселенцев, независимо от их национальной принадлежности. К примеру, на вопрос о смысле слова «самоход» проживавшая в основанной белорусами деревне Борки Викуловского р-на Тюменской обл. Аксиныя Кузьмовна Жарикова, 1915 г.р., отвечала: «Потому что пришли самоходом. Наши деды приходили пешком сюда в Сибирь с России». В Сибири самоходами, как правило, называли поздних переселенцев из европейской части России, Белоруссии и Украины, проживавших в непосредственной близости от челдонов, с которыми было принято

отождествлять русское старожильское население Сибири [14]. Таким образом, понятия «самоход» и «челдон» представляли собой своеобразные смысловые оппозиции, дифференцировавшие население аграрной среды Сибири на новопоселенцев и старожилов. Это подтверждает тот факт, что в ходе этнографических экспедиций территория распространения зафиксированного нами названия «самоход» у потомков белорусских переселенцев простиралась от Зауралья до Прибайкалья. На Дальнем Востоке упоминание этого понятия нами не было зафиксировано. Это можно объяснить тем, что на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных социально-экономических условиях, что способствовало их быстрой этнокультурной консолидации [15. С. 71].

Среди отдельных локальных групп белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в Сибири, можно выделить частные случаи самоназваний, которые отражали их специфический сословный или социальный статус. К их примерам можно отнести «панцирных бояр». По предположениям В.В. Вешнякова, «панцирные бояре» как особое служилое сословие могли сложиться еще в XIV в. во время правления великого князя Витовта [16. С. 83]. Первоначально они несли конную службу с тяжелым вооружением и занимали промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами. После присоединения в конце XVIII в. восточных территорий Речи Посполитой к Российской империи «панцирные бояре» вошли в сословие государственных крестьян. Возделывая землю, они продолжали заниматься охраной приграничных рубежей и полицейской службой. Само понятие «панцирные бояре» к тому времени стало анахронизмом, однако сохранилось в качестве самоназвания этой локальной группы [17. С. 20]. В 1840–1860 гг. в результате аграрной реформы П.Д. Киселева несколько общин панцирных бояр, проживавших на территории Себежского и Невельского уездов Витебской губернии, переселились в ряд районов Западной Сибири. После полутора столетий жизни в Сибири самоназвание «панцирные бояре» сохранилось в исторической памяти потомков переселенцев [18].

Приведенный выше обзор свидетельствует о том, что в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. среди белорусских крестьян национальная самоидентификация не имела распространения. Внутренний характер миграций предопределял акцент на идентичности, связанной с принадлежностью к определенной местности, региону, локальному сообществу или переселенческой группе. Как отмечала Л.Е. Фетисова, «до XX в. этноним “белорус”, применявшийся в официальных документах, не являлся самоназванием, которое объединяло бы различные этнографические группы, продолжавшие именовать себя по территории обитания» [3. С. 4].

В 1920-е гг. на территории БССР начала проводиться политика белорусизации. В ее задачи входило строительство национальной культуры, в котором важное место занимало развитие белорусского литературного языка и его повсеместное использование в

общественной жизни и образовательных учреждениях. Белорусизацию можно рассматривать в качестве частного проявления коренизации – политики Советского государства, направленной на продвижение в союзных республиках на руководящие должности представителей местных национальностей, а также формирование национальной интеллигенции. Основным толчком к началу белорусизации послужила речь И.В. Сталина на Десятом съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. В ней говорилось: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. (...) Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город. Но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет 50 назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же можно сказать о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Беларусией, в городах которой все еще преобладают белорусы» [19. С. 216–217].

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. отголоски белорусизации докатились до мест компактного проживания выходцев из Белоруссии на территории Сибири и Дальнего Востока. О начале активного использования этнонима «белорус» в местах компактного проживания переселенцев свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г.¹ По ее данным, на территории Сибирского края проживало 320 320 белорусов, из них сельское население составляло абсолютное большинство – 311 329 человек. В Дальне-Восточном крае проживало 41 124 белоруса, из них сельское население составляло 36 186 человек [20].

Данные переписи населения 1926 г. представляют большой интерес для исследования трансформаций этнического самосознания белорусских крестьян-переселенцев по целому ряду причин. Во-первых, в ее задачи впервые входила дифференциация восточнославянского населения СССР на русских, украинцев и белорусов. В инструкции по заполнению формуляров переписи указывалось: «Для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом “русский” определяют свою народность представители трех этих народностей, необходимо, чтобы лица, называющие при переписи свою народность “русский”, точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской они себя причисляют» [21. С. 201]. Таким образом, именно в этот момент на государственном уровне были выработаны определенные критерии, позволяющие причислить тех или иных людей к представителям белорусской национальности. При этом результаты переписи де-

монстрируют, что эти критерии были успешно применены не только к населению БССР, но и к переселившимся с ее территории в Сибирь и на Дальний Восток крестьянам и их потомкам, которые ранее не обладали развитым этническим самосознанием. Во-вторых, следует учесть, что перепись была проведена спустя 10 лет после завершения самой масштабной волны аграрных переселений в Сибирь и на Дальний Восток, но, в то же время, она отражает данные до начала процессов коллективизации и индустриализации, серьезно изменивших принципы расселения и демографические процессы в селе. Таким образом, результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. могут дать примерные представления о масштабах крестьянских переселений из Белоруссии в азиатскую часть России и удельном весе белорусских переселенцев в разных регионах. В табл. 1 представлены данные по регионам Сибири и Дальнего Востока с наибольшей численностью белорусского населения.

Таблица 1

Количество белорусов, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.², чел.

Округ	Сельское население	Городское население	Всего
Уральская область			
Ирбитский	9 316	68	9 384
Ишимский	2 854	78	2 932
Тюменский	2 249	116	2 365
Сибирский край			
Канский	50 487	329	50 816
Тарский	43 757	199	43 956
Новосибирский	36 657	782	37 439
Тулунский	30 556	607	31 163
Ачинский	30 079	70	30 149
Барабинский	25 413	361	26 270
Томский	25 333	741	26 074
Красноярский	20 171	1597	21 768
Минусинский	10 077	200	10 277
Омский	9 482	1954	11 436
Славгородский	7 962	86	8 048
Барнаульский	4 895	445	5 340
Иркутский	4 694	339	5 033
Кузнецкий	3 732	331	4 063
Каменский	3 318	135	3 453
Бийский	2 539	149	2 688
Рубцовский	1 780	160	1 940
Дальне-Восточный край			
Амурский	13 586	1 386	14 972
Хабаровский	10 926	960	11 886
Владивостокский	8 722	1 156	9 878
Зейский	1 787	320	2 107

Следует отметить, что приведенные выше данные нельзя рассматривать в качестве показателей, способных точно отразить реальные объемы переселений крестьян, которых по сегодняшним меркам можно отнести к этническим белорусам. К примеру, нередко фиксировалась ситуация, когда переселенцы католического или униатского вероисповедания впоследствии отождествлялись с поляками. Размытой этнической идентичностью обладали многие крестьяне, переселившиеся в Сибирь и на Дальний Восток с территории российско-украинско-белорусского пограничья. В особенности это касается выходцев из Черниговской губернии. По предположению Е.Ф. Карского, на

ее территории в конце XIX – начале XX в. проживало около 700 тыс. белорусов [22. С. 189]. Большинство из них были жителями деревень, тогда как в городском населении губернии преобладали украинцы. По данным Ю.В. Аргудяевой, в составе прибывших в Южно-Уссурийский край за период с 1858 по 1914 г. крестьян преобладали выходцы из Украины (69,95% от общего числа переселенцев). При этом среди них доминировали уроженцы Черниговской губернии (40,8% от числа переселенцев с Украины) [23. С. 27]. Л.Е. Фетисова обратила внимание на типичную для них ситуацию затруднения самоидентификации, свойственную населению контактной зоны. При этом, «поскольку Черниговская губерния входила в состав Малороссии, где было более развито представление о национальной принадлежности, возникла тенденция к перемене самосознания в пользу доминирующего этноса» [3. С. 25]. Поэтому потомки переселенцев, являвшихся белорусами, нередко были склонны отождествлять себя с украинцами или русскими, отталкиваясь от территориальной принадлежности мест выхода предков либо оказываясь быстро растворенными в среде более многочисленных представителей родственных славянских народов. Выделение этнических белорусов из общей массы переселенцев, обосновавшихся на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., также значительно затрудняет схожесть многих элементов традиционной культуры у русских, украинцев и белорусов, проживавших на территории Полесья. Поэтому в современных этнографических исследованиях материальной и духовной культуры потомков белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке на первый план выходит выявление ее косвенных маркеров, во многих случаях проявляющих себя вне связи с этническим самосознанием носителей тех или иных традиций. Подобный подход доказал свою состоятельность в исследованиях отдельных компонентов традиционной культуры белорусских переселенцев. Одним из их удачных примеров можно считать монографию Л.Е. Фетисовой «Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья» [3]. В ней из большого массива полевых фольклорных материалов, собранных в 1970–1990 гг. на территории Приморского края, автору удалось выделить белорусские вариации календарной и свадебной обрядности, а также необрядового фольклора. При этом большинство носителей этих традиций, чьи предки являлись переселенцами из Черниговской губернии, напрямую не отождествляли себя с белорусами. Еще одним примером применения на практике подобного методологического подхода стала проведенная нами в 2015 г. этнографическая экспедиция, в ходе которой были исследованы особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края. В результате визуального осмотра жилых и хозяйственных построек, планировки усадеб, а также опросов информаторов о бытовавших ранее строительных приемах в ряде сел и деревень нами были выявлены некоторые особенности строительной культуры, типичные для белорусского Полесья, несмотря на то что основу населения значительной части этих поселений составляли потоки переселенцев

из Черниговской губернии, не считавшие себя белорусами [24]. Следует отметить, что выявление определенных элементов традиционной культуры, аналогичных их прототипам, бытующим в Белоруссии, с помощью применения сравнительно-исторического метода в данном случае могут лишь частично указать на этническую принадлежность их носителей. Это связано с присутствием множества родственных черт в различных элементах традиционной культуры белорусов, украинцев и русских, проживающих на территории Полесья.

Несмотря на то что далеко не у всех белорусских переселенцев сформировалась собственная национальная идентичность, белорусизация, проводимая в ряде мест их компактного проживания, имела успех. В 1927 г. в ряд районов Сибирского края была направлена комиссия Наркомпроса РСФСР, которая выработала меры по созданию в них школ, преподавание в которых должно было вестись на белорусском языке. Планировалось создание белорусского отделения в Новосибирском педагогическом техникуме [2. С. 122–126]. Следует отметить, что в среде восточнославянских крестьян-переселенцев белорусизация по своим масштабам значительно уступала украинизации. Если в эти годы на территории Сибири и Дальнего Востока были созданы десятки украинских национальных районов, то статус белорусского национального района получил лишь Таборинский район Уральской области (ныне Свердловская обл.).

Причиной наделения района этим статусом в 1932 г. Свердловским обкомом партии послужил тот факт, что, по примерным подсчетам, около 65–70% его населения составляли белорусы [25. С. 343]. Первым шагом к созданию национального района стала «коренизация аппарата» – формирование сельсоветов и других органов власти из белорусов. Предпринимались попытки перехода на белорусский язык в делопроизводстве, а также в начальном и среднем образовании. Для этих целей в районном центре, пос. Таборы, была открыта школа по изучению белорусского языка, посещение которой стало обязательным для большинства служащих. Были организованы восьмимесячные курсы для школьных учителей, проходившие на территории Белоруссии. Специальные 25-дневные курсы по изучению белорусского языка и основ советского кооперативного строительства были организованы и на территории Таборинского района, в деревнях Добрино, Носово, Озёрки и Пальмино. Для подготовки учительских кадров был открыт Таборинский белорусский педагогический техникум, объявивший набор на 1932/33 учебный год [11. С. 343]. Однако уже во второй половине 1930-х гг. эксперимент по созданию белорусского национального района был полностью свернут. Причиной этому послужили как внешние, так и внутренние обстоятельства. К первым из них относились произошедшие в тот период изменения во внутренней политике СССР, направленные на борьбу с «местным национализмом» [2. С. 127]. Еще одним фактором, повлиявшим на неудачу эксперимента, стала достаточно пассивная реакция на нововведения населения района. Данная ситуация была характерна и для других регионов Сиби-

ри. Из нее можно сделать вывод о том, что основным результатом белорусизации в отдельных местах компактного проживания переселенцев стало начало использования для этнической самоидентификации их населения этнонима «белорус». При этом белорусизация не оказала существенного влияния на сложившиеся ранее особенности традиционной культуры переселенцев.

В 1930-е гг. создание колхозов и совхозов, во многих случаях сопровождавшееся ликвидацией небольших деревень и хуторов, способствовало быстрому стиранию культурных различий между представителями разных территориально-этнографических групп восточнославянского населения. Этот процесс еще более усугубил демографический провал, возникший в годы Великой Отечественной войны. Зафиксированные нами рассказы многих информаторов свидетельствуют о том, что именно после нее во многих семьях потомков переселенцев были окончательно утрачены традиции поддержания брачных связей с выходцами из одной местности.

Во второй половине XX в. на фоне модернизации жизненного уклада советской деревни сложившиеся в среде белорусских переселенцев региональные и этнические формы самосознания продолжали размыться. Отдельные элементы традиционной культуры, привнесенные из мест выхода переселенцев, продолжали свое бытование в латентном или фрагментарном виде, преимущественно среди представителей старших поколений. Как правило, наибольшую устойчивость этнические традиции выходцев из Белоруссии сохраняли в небольших деревнях, имевших периферийное положение и сохранивших однородность своего населения.

Примечательно, что в конце 1950-х – 1960-е гг. при получении паспортов представители первого поколения переселенцев, имевшие по матери и отцу белорусское происхождение, нередко выбирали национальность «русский». Об этом свидетельствуют как повторяющиеся устные рассказы старожилов, так и копии паспортов, найденные нами в сельских музеях или семейных архивах. К примеру, в экспозиции краеведческого музея при клубе д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл. хранится копия паспорта, выданного в 1957 г. Босяковой Лукерье Прокопьевне, 1886 г.р., рожденной в д. Рогинь Рогачевского уезда Могилевской губернии. В младенческом возрасте вместе с группой первопоселенцев из своей родной деревни она прибыла в Сибирь. В ее паспорте, полученном в возрасте 73 лет, указана национальность «русская».

Новые волны аграрных миграций из Белоруссии в Сибирь и на Дальний Восток продолжались и в советское время. Они были характерны для 1920–1930-х гг., а также послевоенного времени и были обусловлены рядом обстоятельств, среди которых опрошенные старожилы чаще всего называли попытку найти независимость на новом месте в период создания колхозов, репрессии, связанные с раскулачиванием, голодные годы и т.д. При этом после 1920-х гг., ознаменовавшихся политикой белорусизации, переселенцы уже четко отождествляли себя с белорусами, на что указы-

вают многочисленные рассказы информаторов. К примеру, Константин Иванович Граховский, 1929 г.р., вместе с раскулаченными родителями в 1930 г. был выслан на территорию современного Таборинского р-на Свердловской обл. Вспоминая детство, пришедшееся на 1930-е – первую половину 1940-х гг., он отмечал, что потомки столыпинских переселенцев из Белоруссии продолжали называть себя «самоходы», а раскулаченные спецпереселенцы из этих же мест считали себя белорусами. При этом у тех и других не было каких-либо заметных культурных различий, хотя отмечаются «тот же говор и те же обычаи».

Исследуя места компактного проживания потомков белорусских переселенцев, Е.Ф. Фурсова выделила поселенческие модели, характеризующие ситуации вытеснения, перманентности и стабильности (однородности), обусловленные процентным соотношением старожильского населения и разных территориально-этнографических групп переселенцев в той или иной деревне [4. С. 350–352]. Так, в ситуации вытеснения численное превосходство переселенцев, подселенных в деревни старожилов, способствовало привнесению на их территорию свойственных переселенцам элементов традиционной культуры. Ситуация перманентности была характерна для поселений, в которых старожилы составляли не менее четверти населения, а его остальная часть состояла из ряда малочисленных групп переселенцев, приехавших из разных мест. В этом случае элементы традиционной культуры, характерные для старожилов, преобладали над культурными влияниями новопоселенцев. В ситуации стабильности новопоселенцы составляли подавляющее большинство жителей деревни, что обеспечивало сохранение на длительное время многих особенностей их традиционной культуры. Результаты полевых исследований указывают на то, что в большинстве случаев носителями исторической памяти и фрагментов этнических традиций, как правило, являются три первых поколения переселенцев. При этом, исследуя деревни, основанные выходцами из Белоруссии на территории Омского Прииртышья, М.Л. Бережнова отмечала: «В настоящее время следует говорить не о белорусах Омской области, а об их потомках, в среде которых сохраняется этногенетическая память и отдельные черты культуры» [26. С. 184]. Разделяя эту точку зрения, в качестве этнического статуса исследуемой нами группы мы считаем более уместным использование понятия не «белорусы», а «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

Несмотря на затруднительность точного сопоставления результатов переписей населения 1926 и 2010 гг. ввиду произошедшего изменения административно-территориального деления регионов Сибири и Дальнего Востока, наглядно можно проследить одну важную демографическую тенденцию. Если для 1926 г. было характерным абсолютное преобладание сельского населения, отождествлявшего себя с белорусами, то в 2010 г. можно увидеть противоположную ситуацию, связанную с тем, что подавляющее число белорусов проживает в городах. В первую очередь ее можно объяснить тем, что, по примерным подсчетам, на территории Российской Федерации в период с

1926 по 2010 г. доля городского населения возросла с 18 до 74% [27]. Несмотря на отсутствие возможности получить хотя бы приблизительные количественные данные, можно предположить, что большая часть современного городского населения Сибири и Дальнего Востока, отнесшего себя по результатам переписи населения 2010 г. (табл. 2) к белорусам, не является потомками крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., а принадлежит к более поздним волнам миграций, имевшим место в советский и постсоветский периоды [28]. Ярким примером этому служат данные по Тюменской области – региону Сибири, где на сегодняшний день проживает наибольшее число белорусов. В настоящее время на юге Тюменской области, на который приходились почти все аграрные миграции на территорию региона, живет 16% белорусов (из них всего 6,4% – в сельской местности). Оставшиеся 84% населения, отнесшего себя к белорусам, проживает в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, обосновавшись в них в результате трудовых миграций 1960–1990-х гг., связанных с развитием нефтегазодобывающего комплекса. На серьезные трансформации этнической самоидентификации потомков переселенцев также косвенно указывает упомянутая выше тенденция выбора ими в паспортах национальности «русский» и быстрая утрата исторической памяти у людей, переселяющихся из аграрной в городскую среду.

Таблица 2

Количество белорусов, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.³, чел.

Регион	Сельское население	Городское население	Всего
Тюменская обл.	3 146	22 502	25 648
В том числе:			
Ханты-Мансийский АО	947	13 756	14 703
Ямало-Ненецкий АО	556	5 921	6 477
Красноярский край	1 956	7 944	9 900
Иркутская обл.	1 324	6 605	7 929
Омская обл.	2 039	4 012	6 051
Кемеровская обл.	5 238	811	6 049
Приморский край	1 707	4 223	5 930
Новосибирская обл.	1 077	4 305	5 382
Алтайский край	2 031	2 560	4 591
Амурская обл.	2 193	1 969	4 162
Хабаровский край	1 004	3 800	4 804
Томская обл.	1 168	2 160	3 328

В 1996 г. был принят Федеральный закон № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Он послужил стимулом для институционального оформления многих национальных землячеств. В числе прочих, на территории большинства регионов Сибири и Дальнего Востока были организованы белорусские национально-культурные автономии и другие формы общественных организаций. Цели и задачи их деятельности варьировались в разных регионах. В одних случаях акцент в них был сделан на развитие социально-экономических связей с Республикой Беларусь. В других национальных автономиях большее внимание было уделено сохранению и популяризации традиционной культуры белорусов, проживающих вдали от их родины. В таких организациях основная ставка

была сделана на развитие культурно-просветительской деятельности, создание белорусских фольклорных коллективов, возрождение национальных ремесел. Подобные объединения, расположенные, как правило, в областных административных центрах, начали уделять внимание сотрудничеству с учреждениями культуры и самостоятельными коллективами в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев, находящихся в сельской местности. Благодаря деятельности подобных объединений, а также повышению интереса к родословным и краеведческим исследованиям, в отдельных местах проживания потомков белорусских переселенцев сегодня наблюдается феномен своеобразного «этнического ренессанса». Исследование деятельности современных белорусских землячеств и культурных объединений, действующих на территории Сибири и Дальнего Востока, показало, что в первую очередь она связана с приданием этнического контекста проявляемому отдельными людьми ностальгическому интересу к истории своей семьи и малой родины. Изучая традиции предков и приобщаясь к ней, некоторые люди, узнавая об их происхождении, начинают отождествлять себя с белорусами, хотя ранее они не задумывались о своей этнической принадлежности. Следует отметить, что данная ситуация характерна лишь для избранного круга лиц, которые, как правило, проявляют активный интерес к местной истории, краеведению, фольклору и т.д. Часто по их инициативе продолжают поддерживаться отдельные самобытные традиции, привнесенные переселенцами на территорию Сибири и Дальнего Востока. К примеру, в основанной в 1895 г. выходцами из Гродненской губернии д. Новоберезовка Аромашевского р-на Тюменской области потомок первопоселенцев Н.В. Сальников, работающий заведующим клуба, собственными усилиями сохраняет существующую в деревне традицию колядований со звездой. В деревне Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. участники белорусского землячества и фольклорных коллективов Тюмени сохраняют единственный известный этнографам в Сибири и дошедший до наших дней обычай почитания и ежегодного переноса из дома в дом иконы «Свеча», привезенный переселенцами в конце XIX в. из Могилевской губернии [29]. Белорусские культурные объединения Иркутска, Томска, Новосибирска, Тюмени и ряда других городов организуют в деревнях, основанных переселенцами, реконструкции отдельных народных праздников и обрядов, осуществляют поддержку деятельности их фольклорных коллективов. Как правило, жители таких деревень чаще подчеркивают свою «белорускость». Однако в данном случае, ее следует рассматривать в большей степени не как продолжающее жить стихийное проявление исторической памяти, а скорее как «подогретое самосознание» [30. С. 76].

Выводы

Подвергая ретроспективному анализу трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока в период со второй половины XIX в. до

наших дней, можно сделать вывод о том, что на них повлиял целый комплекс факторов.

Со второй половины XIX в. до 1920-х гг. самоидентификация крестьян, переселявшихся из Белоруссии в азиатскую часть России, складывалась стихийно. Благодаря внутреннему характеру миграций переселенцы отождествляли свою родину с Россией. При этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В Сибири, начав проживать рядом с русским старожильческим населением, белорусские переселенцы получили своеобразный новопоселенческий социокультурный статус, который нашел свое отражение в широком использовании названия «самоход». Некоторые локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре») привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный или социальный статус.

После установления советской власти, в 1920-е гг. начинается новый этап трансформаций этнического самосознания выходцев с территории Белоруссии, в котором стали доминировать административно-политические факторы, сопровождавшие процесс белорусизации. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. большинство переселенцев уже отождествляло себя с белорусами, однако в начале 1930-х гг. в связи с изменениями в национальной политике СССР процесс белорусизации был свернут.

В 1930–1940-е гг. такие социально-политические и экономические факторы, как коллективизация и индустриализация, а также последствия Великой Отечественной войны привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев. В результате процессов урбанизации и модернизации жизненного уклада советской деревни во второй половине XX в. все больше потомков белорусских крестьян-переселенцев начинают отождествлять себя с русскими либо просто не задумываются о своем этническом происхождении.

Начиная с 1990-х гг. наблюдается рост интереса отдельных профессиональных исследователей и любителей-энтузиастов к истории и традиционной культуре белорусских крестьян-переселенцев как к одному из достояний историко-культурного наследия. На этом фоне у отдельных людей, интересующихся традициями предков, начинает вновь проявляться белорусское самосознание. В последнее время в его формировании все чаще доминирует не межпоколенная историческая память, а опосредованные источники информации (архивные документы, этнографические описания, публикации в СМИ и Интернете и т.д.).

Таким образом, в разное время на особенности этнического самосознания выходцев из Белоруссии оказал влияние целый ряд демографических, политических и социокультурных факторов. Поэтому на сегодняшний день по отношению к рассмотренной нами группе представляется более уместным использование не этнонима «белорус», а понятия «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В переписи населения 1897 г. учитывалось лишь число граждан, владеющих белорусским языком, при этом белорусская национальность не выделялась как самостоятельная.

² Приведены данные по избранным округам с наибольшим количеством белорусского населения. В Уральской области данные представлены только по округам, входившим на момент крестьянских переселений в состав Тобольской губернии.

³ Приведены данные по избранным регионам, которые были в наибольшей степени затронуты крестьянскими переселениями из Белоруссии в период второй половины XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусы в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 146 с.
2. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск : Наука-Центр, 2002. 241 с.
3. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток : Примор. краевая организация Добровольного общ-ва любителей книг России, 2002. 240 с.
4. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
5. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск : Беларуская навука, 2013. 579 с.
6. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб. : Маматов, 2013. 288 с.
7. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.
8. Фурсова Е.Ф. Этническая идентичность белорусских переселенцев юга Западной Сибири по архивным и полевым материалам // Вестник Российской нации. 2014. Т. 6, № 6. С. 328–338.
9. Крих А.А. Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. С. 124–128.
10. Фетисова Л.Е. Трансформация пространства культуры восточных славян на дальневосточном фронтире // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в АТР : материалы науч.-практич. конф. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015. С. 114–128.
11. Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов : этнограф. очерк. М. : Слава! ; Форт-Профи, 2009. 160 с.
12. Majecki H. Problem samookreślenia narodowego Polaków w Polsce okresu międzywojennego // Загороддзе-3 : матэрыялы навук.-краязнаўч. канф. «Палессе ў XX стагоддзі», 1–4 чэрвеня 2000 г., г. Беласток. Минск : Тэхналогія, 2001. С. 156–157.
13. Ганцкая О.А., Григорьева Р.А. Белорусы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». М. : КМЦ ИЭА РАН, 1992. Вып. XXVI. 138 с.
14. Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожилов населения Сибири. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. 266 с.
15. Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. 2014. № 3. С. 67–80.
16. Вешняков В.В. Панцирные бояре // Архив исторических и практических сведений относящихся до России 1860–1861 гг. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1861. Кн. 4. С. 79–94.
17. Громько М.М. Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1983. С. 19–31.
18. Федоров Р.Ю. Панцирные бояре в Западной Сибири: модель расселения и этнокультурная идентичность // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Минск : Права і эканоміка, 2010. Вып. 9. С. 352–358.
19. Протоколы Десятого съезда РКП(б). М. : Партийное изд-во, 1933. 945 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1926 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 3.03.2017).
21. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Пояснительные замечания и инструкционные указания. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/archiv04.php> (дата обращения: 3.03.2017).
22. Карский Е.Ф. Белорусы : в 3 т. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.
23. Аргудяева Ю.В. Восточные славяне на юге Дальнего Востока. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2006. 239 с.
24. Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Региональные особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 11–21.
25. Жданович Е.Н. Таборы из века в век. Реж. : Режевская типография, 2013. 500 с.
26. Бережнова М.Л. Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области // История и культура русских Сибири : сб. науч. тр. Омск, 2007. С. 166–184.
27. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Изменение численности населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf (дата обращения: 3.03.2017).
28. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf (дата обращения: 3.03.2017).
29. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.
30. Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 62–77.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

TRANSFORMATIONS OF ETHNIC IDENTITY IN DESCENDANTS OF BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS IN SIBERIA AND THE FAR EAST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 187–195.

DOI: 10.17223/15617793/423/26

Roman Yu. Fedorov, Institute of the Earth's Cryosphere of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: r_fedorov@mail.ru

Keywords: Belarusians; ethnic identity; peasant migrations; Siberia; Far East.

The aim of the article consists in the research of transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants of Siberia and the Far East. The source basis of the research includes field data collected by the author in ethnographic expeditions on the territory of 12 regions of Siberia and the Far East during the period from 2009 to 2017, the national structure of the explored regions reflected in population censuses from 1897 to 2010 and also publications about local history of different years. Results of the research indicate that at the time of mass agrarian migrations of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries the ethnic identity of most Belarusians was not created yet. Due to the internal nature of migrations, peasants identified their homeland with Russia. Their identity had regional rather than ethnic differentiation. In Siberia Belarusian migrants began to live near the Russian old resident population and received a new social and cultural status which found reflection in the wide use of the name “samokhod” (lit. “self-movers”). After the establishment of the Soviet power, administrative and political factors initiated the process of belarusization. Results of the All-Union population census of 1926 showed that most migrants already identified themselves with Belarusians. In the 1930s–1940s the socio-political and economic factors of collectivization and industrialization as well as the consequences of World War II led to serious demographic changes in places of compact accommodation of Belarusian peasants-migrants. As a result of urbanization and modernization of the way of life of the Soviet village in the second half of the 20th century, most descendants of Belarusian peasants-migrants began to identify themselves with Russians or just did not think about their ethnic origin. Since the 1990s, the author observes a growth of interest of professional researchers and amateur enthusiasts in the history and traditional culture of Belarusian peasants-migrants as in historical and cultural heritage. On this background, the Belarusian ethnic identity begins to develop again among people who are interested in traditions of their ancestors. Today, mediated information dominates in its formation rather than intergenerational historical memory. The author comes to a conclusion that during different periods of time a number of demographic, political, social and cultural factors had impact on features of ethnic identity of descendants of Belarusian peasants-migrants. Therefore, today it is considered more suitable to use the concept “descendants of Belarusian peasants-migrants” rather than the ethnonym “Belarusian” when referring to offsprings of people who moved from Belarus to Siberia and the Far East in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

REFERENCES

1. Lamin, V.A. & Stashkevich, N.S. (eds) (2000) *Belorusy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Bochanova, G.A. et al. (eds) (2002) *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.* [Essays on the history of Belarusians in Siberia in the 19th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka-Tsentr.
3. Fetisova, L.E. (2002) *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'ya* [Belarusian traditions in the people's culture of Primorye]. Vladivostok: Primor. kraevaya organizatsiya Dobrovol'nogo obshch-va lyubiteley knig Rossii.
4. Fursova, E.F. et al. (eds) (2011) *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: the preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
5. Titovets, A.V. et al. (2013) *Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve* [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka.
6. Chernykh, A.V., Goleva, T.G., Kamenskikh, M.S. & Shevyurin, S.A. (2013) *Belorusy v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii* [Belarusians in the Perm region: essays of history and ethnography]. St. Petersburg: Mamatov.
7. Bagashev, A.N. & Fedorov, R.Yu. (2012) Osobennosti etnokul'turnoy identichnosti belorusskikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Peculiarities of ethnocultural identity of Belarusian immigrants in Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (51). pp. 124–129.
8. Fursova, E.F. (2014) Etnicheskaya identichnost' belorusskikh pereselentsev yuga Zapadnoy Sibiri po arkhivnym i polevym materialam [Ethnic identity of Belarusian settlers in the south of Western Siberia from archival and field materials]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 6:6. pp. 328–338.
9. Krikh, A.A. (2015) [Belarusization in Tarsk Irtysh region: mechanisms of population registration and ethnographic “reality”]. *Etnografiya Altaya i sopedel'nykh territoriy* [Ethnography of the Altai and adjacent territories]. Proceedings of the international conference. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 124–128. (In Russian).
10. Fetisova, L.E. (2015) [Transformation of the culture space of the Eastern Slavs on the Far Eastern frontier]. *Slavyanskiy mir v kontekste razvitiya Tikhookeanskoy Rossii i mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR* [Slavic world in the context of development of Pacific Russia and international relations in the APR]. Proceedings of the conference. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. pp. 114–128. (In Russian).
11. Bogdanovich, A.E. (2009) *Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov: etnograf. ocherk* [Remnants of the ancient world outlook among Belarusians: an ethnography essay]. Moscow: Slava!; Fort-Profi.
12. Majecki, H. (2001) [Problem of self-identification of Polesugar in Poland during the interwar period]. *Zagoroddze-3*. Proceedings of the conference “Polesie in the 20th century”. Belastok. 1–4 June 2000. Minsk: Tekhnologiya. pp. 156–157. (In Polish).
13. Gantskaya, O.A. & Grigor'eva, R.A. (1992) *Belorusy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk traditsionnoy kul'tury* [The Belarusians. Historical and ethnographic outline of traditional culture]. In: *Materialy k serii “Narody i kul'tury”* [Materials to the series “Peoples and Cultures”]. Vol. 26. Moscow: IEA RAS.
14. Berezhnova, M.L. (2007) *Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri* [The mystery of the Chelodons: history of the formation and peculiarities of the culture of the old-timer population of Siberia]. Omsk: Omsk State University.
15. Fedorov, R.Yu. & Bogordaeva, A.A. (2014) Krest'yanskie pereseleniya belorusov v Aziatskuyu Rossiyu: geografiya i mify identichnosti [Peasants' resettlement of Belarusians to Asian Russia: geography and myths of identity]. *Oykumena*. 3. pp. 67–80.
16. Veshnyakov, V.V. (1861) Pansirnye boyare [Armored Boyars]. In: *Arkhir istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy otnosyashchikhsya do Rossii 1860–1861 gg.* [Archive of historical and practical information relating to Russia of 1860–1861]. Vol. 4. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
17. Gromyko, M.M. (1983) Obshchina v protsesse pereseleniya “pansirnykh boyar” Sebezhskego uезда v Sibir' [The community in the process of resettlement of “armored boyars” of Sebezhsky uезд to Siberia]. In: Rusakova, L.M. (ed.) *Obshchestvennyy byt i kul'tura russkogo naseleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Public life and culture of the Russian population of Siberia (18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
18. Fedorov, R.Yu. (2010) Pansirnye boyare v Zapadnoy Sibiri: model' rasseleniya i etnokul'turnaya identichnost' [Armored boyars in Western Siberia: a model of settlement and ethnocultural identity]. *Pytni mashtabnaya etnologiya i fal'klarystyki*. 9. pp. 352–358.
19. Lukina-Bukharina, N. (ed.) (1933) *Protokoly Desyatogo s'ezda RKP(b)* [Protocols of the Tenth Congress of the RCP (B)]. Moscow: Partiynoe izd-vo.
20. *All-Union Population Census of 1926*. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php. (Accessed: 3.03.2017). (In Russian).
21. *All-Union Population Census of 1926. Explanatory notes and instructions*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arkiv04.php>. (Accessed: 3.03.2017).
22. Karskiy, E.F. (1903) *Belorusy: v 3 t.* [Belarusians: in 3 vols]. Vol. 1. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga.

23. Argudyaeva, Yu.V. (2006) *Vostochnye slavyane na yuge Dal'nego Vostoka* [Eastern Slavs in the south of the Far East]. Vladivostok: Far Eastern State University.
24. Fedorov, R.Yu. & Abolina, L.A. (2015) Regional'nye osobennosti narodnoy arkhitektury Ol'ginskogo i Chuguevskogo rayonov Primorskogo kraya. [Regional features of the folk architecture of the Ol'ginsky and Chuguyevsky districts of Primorsky Krai]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 4. pp. 11–21.
25. Zhdanovich, E.N. (2013) *Tabory iz veka v vek* [Camping grounds from century to century]. Rezh: Rezhetskaya tipografiya.
26. Berezhnova, M.L. (2007) Opyt istoriko-etnograficheskogo kartografirovaniya mest rasseleniya belorusov v Omskoy oblasti [Experience of historical and ethnographic mapping of places of settling of Belarusians in Omsk Oblast]. In: *Istoriya i kul'tura russkikh Sibiri* [History and culture of Russian Siberia]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
27. State Statistics Committee. (2010) *Svodnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Izmenenie chislennosti naseleniya Rossii* [Consolidated results of the 2010 All-Russian Population Census. Change in the population of Russia]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf. (Accessed: 3.03.2017).
28. State Statistics Committee. (2010) *Svodnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya* [Consolidated results of the 2010 All-Russian Population Census. The national composition of the population]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf. (Accessed: 3.03.2017).
29. Bagashev, A.N. & Fedorov, R.Yu. (2013) Narodnye pravoslavnye traditsii belorusskikh krest'yan-pereselentsev v Zaural'e [Folk Orthodox traditions of Belarusian peasants-settlers in the Trans-Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2 (39). pp. 56–63.
30. Galetkina, N.G. (1996) Pol'skaya pereselencheskaya derevnya v buryatskom okruzenii [Polish immigrant village in Buryat encirclement]. *Vestnik Evrazii*. 1 (2). pp. 62–77.

Received: 26 June 2017

ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ Р. АНДРЕ «АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ...»)

Рассматриваются не издававшаяся на русском языке работа немецкого географа Р. Андре «Амурская область и ее значение...», а также выявленные в ее составе мемуары французской виолончелистки Л. Христиани. Делается вывод о том, что данные источники, выполненные в контексте европейской культуры, привносят новые описания и характеристики и, безусловно, ценны при проведении компаративного анализа в изучении истории Сибири.

Ключевые слова: Р. Андре; Л. Христиани; Н.Н. Муравьев-Амурский; Байкальская Сибирь.

Безусловно, Сибирь – край, богатейший природными ресурсами, сохраняющий самобытность коренного населения, соединяющий в себе различные, зачастую противоположные стремления самоидентификации, образцы бытования, нравы и прочие, – интересовавший иностранных исследователей.

По замечанию современника, «при всем усовершенствовании сего края, при современном стремлении публики к сведениям этнографическим, историческим и статистическим, и особливо при чрезвычайном обилии, каковое представляет собою Сибирь в занимательных и привлекательных материалах, – нельзя не подивиться, как мало о сей стране было на Русском языке, во всех отношениях, писано» [1. С. 308–309].

Подобные заметки иностранных авторов важны при рассмотрении информационно-культурного пространства Сибири сквозь призму европейских ценностей. Их мемуарные, исследовательские работы не раз становились объектом изучения, входили в летописную историю сибирских городов.

В данном исследовании мы представим работу немецкого географа Рихарда Андре (1835–1912) «Амурская область и ее значение...», опубликованную в Лейпциге в 1867 г. [2]. Библиографический поиск показал отсутствие переводов данного историко-географического описания на русский язык.

Автор уже в самом заглавии обозначает актуальность своих путевых заметок, снабженных новой информацией о Монголии, Восточной Сибири и Амуре, после известных обществу исследований А. Мичи, Г. Радде, Р. Маака и др. Научная новизна описания Р. Андре возрастает еще и благодаря тому, что в своей работе он в значительном объеме цитирует письма французской виолончелистки Лизы Христиани¹ (Lise Christiani) [3]. Ее корреспонденция – эмоционально насыщенные, яркие путевые записки – впервые были опубликованы в Париже в журнале «Le Tour du Monde» спустя десять лет после смерти артистки в 1863 г. [4]. Их отрывки с французского на русский язык были переведены и опубликованы в России в краеведческом издании «Неизвестная Камчатка» в 2000 г. [5].

В данном исследовании мы показываем выявленные фрагменты указанных писем Л. Христиани в немецком издании 1867 г. публикации², что позволяет обогатить столь незначительную библиографию мировой знаменитости, концертировавшей по Сибири

с инструментом работы Страдивари в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в.³

Содержание записок, безусловно, интересно при характеристике коммуникативной культуры элитарной сибирской среды. Немецкий географ использует корреспонденцию французской виолончелистки⁴ как доказательство высокого культурного уровня сибирского общества, его неординарности и подлинной притягательности. Он отмечает, что «путешественники-виртуозы... все чаще обращают свои взоры на эти отдаленные восточные области» [2. С. 75].

При рассмотрении оригинального текста необходимо отметить, что автор, следуя тенденциям своего времени, стремится доподлинно передать окружающую его действительность, придерживаясь хронологического порядка изложения. Он выступает как документалист, фиксируя окружающую его действительность, что, безусловно, было типично для рассматриваемого периода.

Его интересует все, что его окружает. Так, он описывает ямщика-бурята, разговаривающего на родном языке, мальчика, помогающего по хозяйству, горничную, собаку, бегающую по двору, чай, самовар. С удовольствием приводит описание одежды, домашней обстановки, мебели, предметов интерьера. В доме, где располагалась почтовая станция в Селенгинске, его удивляет множество картин и даже портрет Екатерины II, пекарь-немец и тюркский табак, называемый «папиросы» в Иркутске. В столице Восточной Сибири его порадовали «очень хорошие дрожки как в европейских столицах». Автор рассказывает о жизни в Сибири польских ссыльных⁵ и декабристов, отмечая, что они «содействуют подъему общества». Таким образом, мы можем назвать Р. Андре участником повседневной жизни, осознающим всю ее ценность, особенно в чужой ему стране.

Автор словесно стремится передать все подробно, точно, поступательно. Рассказывая об Иркутске, отмечает, что дома здесь очень большие, в городе много каменных зданий и церквей, которые определяют его облик. Однако иллюстрация, используемая Р. Андре при описании общего вида города, значительно отличается от известных видов и акварелей. Здесь Иркутск предстает совершенно незнакомым городом, окруженным высоким забором, с отсутствующими узнаваемыми силуэтами храмов исторического центра [Там же. С. 71].

Автор, с одной стороны, подчиняется реальности происходящего, однако, с другой, стремится делать собственные оценки. Так, Кяхта представлена им

«новой, чистой, благоустроенной, с продуманной застройкой». Кругобайкальская железная дорога, с очевидными сложностями инженерных решений, видится важным для русского государства проектом. Главная миссия России определяется в привнесении и организации порядка и культуры в этих далеких местах. Конечно же, Р. Анре не может не подчеркнуть то, что Сибирь богата мехом и благородными металлами, значимость русско-китайской торговли.

Описательные образы героев его повествования можно назвать скромными. Однако он восхищается сибирской природой. Байкал и высокие горы вокруг него сравниваются с альпийскими горными озерами; река Ангара завораживает своими «ясными» водами среди горных уступов. Повествуя о непростой переправе через Байкал в Ливиничное, автор достаточно подробно описывает пароход «Генерал Корсаков», на котором было совершено плавание (историю его строительства в Англии, мощность, стоимость переправы), и заключает, что здесь «должен находиться исторический музей».

Очень важными в рамках исследования, на наш взгляд, являются размышления о культурной и научной составляющих жизни иркутян. Здесь автор отмечает наличие книжной торговли и книжных новинок, газеты, театра и сформированного научного сообщества⁶. Он эмоционально стремится развенчать укоренившееся мнение европейцев о том, что Иркутск, административный и торговый центр, наполнен «могильным воздухом» и на Сибирь накинута «саван». А, напротив, в Иркутске хорошие школы, развито образование: в домах местной аристократии служат домашние учителя и гувернанты для детей, их обучение затем продолжается в Европейской России. В целом Сибирь воспринимается жителями как настоящая Родина (*eigentliche Heimat*). Сибиряки ценят и внимательно следят за достижениями в науке и культуре. Главный вывод автора – здесь «кристаллизуется ядро благородного общества на европейский манер, ядро, обладающее большой притягательной силой» [2. С. 75].

Рассказывая о Лизе Христиани, Р. Анре дает общую характеристику личности артистки и ее «авантюрных» приключений: «Эта молодая и прелестная дама, виртуозно играющая на инструменте, чьи звуки сильнее всего напоминают человеческий голос, отправилась в Сибирь в сопровождении старого немецкого пианиста. Благородные семейства Иркутска встретили ее охотно и гостеприимно, она совершала вылазки на озеро Байкал, обедала в Маймачине за одним столом с китайцами и посетила один бурятский род. Вторая Ида Пфайфер⁷, она безбоязненно и смело в ужасных условиях отправлялась в самые отдаленные пустынные местности, со своим верным инструментом» [Там же].

Обстоятельства приезда французской виолончелистки поясняет в своих воспоминаниях дочь тобольского губернского прокурора М.Д. Францева: «...m-lle Христиани дававшая концерты во Франции и Германии с большим успехом. Решилась... поехать в Сибирь, вероятно, желая испытать новые впечатления. Она пленила нас в Тобольске не только своею восхитительною игрою на виолончели, но и своею любез-

ностью и игривостью ума. Узнав, что супруга генерал-губернатора графа Муравьева-Амурского француженка⁸, Христиани поехала в Омск и так понравилась графине Муравьевой, которая сопровождала всегда своего мужа в объездах вверенного его правлению обширного края, что она предложила Христиани сопутствовать им. Путешествие было очень трудное, пришлось тащиться верхом в Охотск и Камчатку; доехав до Петропавловского порта, они встретили там французское купеческое судно. Графине Муравьевой пришла мысль посоветовать Христиани дать концерт. Восторги и удивление французских матросов были неописанные. Возвратившись в Тобольск, Христиани живо и игриво рассказывала нам о своем путешествии» [8. Т. 32, № 5. С. 406].

Эти события и любопытные детали путешествия Христиани в свите генерал-губернатора Н.Н. Муравьева приводит в своих воспоминаниях Бернгард Васильевич Струве: «Не задолго до нашего отъезда из Иркутска приехала туда знаменитая в то время виолончелистка, француженка M-lle Элиза Христиани, молодая, недурная собою, с чрезвычайно интеллигентным выражением глаз, бойкая и подвижная. Она пристала к своей землячке, чтобы ей было дозволено участвовать в походе в качестве ее компаньонки. Было решено женской прислуги не брать с собою, а так как, тем не менее, иногда могла представиться необходимость в женской помощи, то Муравьев и согласился взять с собою M-lle Христиани. M-lle Христиани взяла с собою очень мало поклажи, просила только об одном, чтобы ее не разлучали с ее *stradivarius*'ом, редкою виолончелью, составлявшею все ее состояние» [9. С. 58–59].

Интересно мнение и самой французской виолончелистки, записки которой демонстрируют женский взгляд, «женскую историю» сквозь призму европейской культуры. Так, 15 мая 1849 г. она пишет: «Я опять пускаюсь в замечательное приключение. В это путешествие, которое придаст оригинальности моей артистической карьере, я отправляюсь с удовольствием. Но меня не покидает дурное чувство, когда я думаю о том, что к 3 000 миль, которые отделяют меня от родины, сейчас прибавятся еще 2 000. Мы покинули Иркутск в 2 часа, после завтрака у добрых друзей, на котором не обошлось без искрящегося шампанского. По русскому обычаю меня обняли и расцеловали все соседи... На выезде из города у белого креста стоял поп, который нас благословил и произвел тем самым на наши души глубокое впечатление. Наш путь лежал вначале по местности, усыпанной альпийскими розами в полном цвету, которые подобно красно-голубому морю колыхались над землей» [2. С. 75].

Описание пути, данное Л. Христиани и Б.В. Струве, как участниками экспедиции генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, разнится. Отличает их подход: детальность характерна мужскому взгляду, эмоциональность присуща запискам французской артистки. В связи со сложностью перевода процитируем впечатления Христиани при отправлении в экспедицию на Камчатку: «Супруга генерал-губернатора Муравьева, две другие дамы и я ехали вначале процессии в странном русском экипаже... За нами на

упряжке из 7 лошадей ехал губернатор Муравьев в сопровождении 6 казаков, которые придавали нашему каравану импозантный вид. В третьем экипаже находился врач, адъютанты и секретари генерал-губернатора. Так мы покинули Иркутск, и все жители стояли, чтобы посмотреть на наш отъезд и пожелать нам доброго пути. Даже сам владыка дал указание, чтобы звонили во все колокола. Поскольку было воскресенье, на всех было праздничное платье; люди обнажили головы, над нами сияло яркое солнце» [2. С. 76].

Молодая артистка приводит краткие характеристики крупных сибирских городов. Описание Иркутска, данное Л. Христиани, Р. Андре не поместил в свое издание. Возможно, это связано с тем, что город, находящийся «на краю света», «не представил интереса» для нее [4. С. 386].

Очень эмоциональны ее впечатления об Якутске, куда экспедиция генерал-губернатора Н.Н. Муравьева прибыла 21 июня 1849 г.: «Наконец мы добрались сюда вопреки ветру, грязи и неумелости лоцмана. В порту нас ожидали жители в праздничных нарядах во главе с чиновниками в официальных мундирах, чтобы нас празднично встретить. В этих высоких широтах солнце заходит только на час – вечерние зори встречаются с утренними. Когда мы высаживались на берег, толпа изумлялась нашей простой внешности, так как мадам Муравьева и я были очень просто одеты, как нищенки. Однако в доме главы русско-американской компании⁹ мы нашли всевозможный комфорт, так необходимый нам после ужасного двадцатидневного путешествия по Лене. Хозяйка дома приняла нас любезно, со всей грацией и тактом светской дамы, хотя она никогда в жизни не покидала Якутска. Она была одета со вкусом, в доме все опрятно и современно – и это здесь, в Якутске!» [2. С. 76]; «Петропавловский может предложить более удобную жизнь, чем Якутск; там нет недостатка ни в тканях и деликатесах, ни в винах и продуктах. Весна великолепна, зима долгая, но термометр не опускается ниже минус 15. Оба правительственных магазина переполнены товарами из Америки, Азии и Европы; их хранение, однако, обходится дорого» [Там же. С. 78].

Немецкого путешественника Рихарда Андре удивляет то, «как нежная женская природа могла выдерживать такие усилия!» [Там же. С. 79]. Протицируем впечатления о сложностях пути самой французской виолончелистки: «При подъеме на гору мы делали шаг вперед и тут же скатывались на полшага назад, увязая по колено в снегу... Едва со всевозможными тяготами мы поднялись на вершину, как вместе с мучительным голодом нас настигла другая беда – наши лошади, груженные продовольствием, к несчастью заблудились. Несмотря на это, мы должны были идти дальше – уже наступал вечер – и мы были счастливы, когда в юртах у местных жителей мы нашли какую-то еду, показавшуюся нашим пустым желудкам манной небесной в пустыне. На следующий день повторилась та же пьеса...» [Там же. С. 78]; «Моя лошадь спотыкалась о каждый камень и каждый корень, ее силы таяли с каждым шагом... Одинокая и покинутая, осталась я в этой наводящей ужас дикости, взывая к милости Господа. Но я пала духом только на одно мгнове-

ние. Я крепче ухватила за повод, ударила плеткой измученную лошадь и вонзила шпоры ей в бока. Так и поскакала я безо всякой цели вперед, доверившись инстинкту животного. 10 верст я преодолела за час и счастливо добралась до цели» [2. С. 79]; «Мне предстоит еще долгий путь. Меня окружает снег, ничего кроме снега. Снег, который уже покрыл землю, снег, который идет, и снег, который будет идти. Бескрайние степи, в которых можно потеряться и погибнуть!» [Там же].

Составляя словесный портрет виолончелистки, Б.В. Струве отмечает, что на привалах «M-lle Христиани непременно затягивала какую-нибудь французскую песенку, и мы ей подпевали, за неимением русских запевал и русских песенников» [9. С. 69]. Конечно, он не оставляет без внимания знаменитую виолончель Страдивари: «Много хлопот наделала мне виолончель M-lle Христиани. Сверх обыкновенного ее деревянного ящика пришлось устроить железный из кровельного железа, запаять его и обвязать войлоками для предохранения от сырости. Виолончель занимала особую лошадь по громозкости своей, чем Муравьев был очень недоволен; но делать нечего, поворчал и – подчинился необходимости, им самим добровольно созданной» [Там же. С. 66–67]. При описании горных переходов мемуарист эмоционально отмечает: «Вдруг лошадь, вдоль спины которой была прикреплена виолончель M-lle Христиани, пошатнулась, упала и кубарем скатилась вниз в обрыв со своею поклажею. Меня так и обдало холодом, сердце замерло при мысли, что будет с бедною Христиани, когда она узнает, что ее *stradivarius* лежит под горою разбитый вдребезги; иначе и ожидать нельзя было. ...я спустился опять вниз, чтобы удостовериться в случившемся. Лошадь нашли мы, разумеется, мертвою, а ящик с виолончелью, о чудо! целехонек! Тут я свободнее вздохнул. Навьючить виолончель на свежую лошадь взяло немного времени. Подошел я к ночному привалу вместе с остальным транспортом, как будто ни в чем не бывало... Только по прибытии на Нелькан¹¹ я распаковал виолончель, и, удостоверившись, что все цело, рассказал о случившемся Муравьеву и M-lle Христиани, которая не поверила было мне, пока я ей не показал ее неуклюжее детище в совершенной целости» [Там же. С. 80–81].

Прощальный концерт Лиза Христиани дала в Иркутске 27 ноября 1849 г. [12. С. 53]. Итоги своего путешествия она подводит во Владикавказе¹¹ 3 сентября 1853 г.: «В конце декабря 1848 я отправилась из Казани в Сибирь и в начале января 1850 вернулась в этот город. Мое путешествие продолжалось 1 год и 25 дней. Я преодолела 18000 верст и посетила значимые города Сибири: Екатеринбург, Тобольск, Омск, Томск, Иркутск, Кяхту, Якутск, Охотск, Петропавловский и Аян¹². Я пересекла более 400 больших и малых рек, в том числе Урал, Иртыш, Енисей, Лену, Алдан и Амур. В повозках и санях меня везли лошади, собаки и олени. Я прошла большие расстояния пешком и скакала верхом как мужчина. Многие сотни миль я преодолела по большим рекам и ходила по Тихому океану. Калмыки, киргизы, казаки, остяки, китайцы, тунгусы, якуты, буряты, камчадалы и дика-

ри с острова Сахалин встречали меня гостеприимно. Странные места для артистки, и тем не менее я дала около 400 концертов. Старая поговорка гласит: «Камень, который катится, не остановит никакое болото»¹³. Так было и со мной. У меня смерть в сердце, я как корабль во время шторма, мои страдания множатся, силы мои на исходе» [2. С. 79–80]. В конце сентября Лиза Христиани прибыла в Новочеркасск¹⁴, где свирепствовала холера. Она стала жертвой эпидемии и умерла 24 октября 1853 г. [Там же. С. 80].

Письма Л. Христиани отражают внутренние качества артистки. Они создавались не для широкого круга читателей, являлись потребностью связи с родиной и отражали принятые в светском обществе нормы и правила общения. Наполненные эмоциями, они вызывают сильные впечатления, создавая ощущение сопричастности. Им в значительной степени присущ романтизм «женской истории», пронизанный восторгом, гордостью, болью. Знаменитая французская виолончелистка выступает в качестве проводника в ежедневность сибирского светского общества и сибирского культурного пространства.

Вводимые в научный оборот описания сибирских городов, их повседневного быта, личного пространства крупнейших исторических деятелей, отраженные в ра-

боте немецкого географа Р. Андре и письмах французской виолончелистки Л. Христиани, являются интереснейшим источником для изучения истории Сибири. Производимые «изнутри», непосредственными участниками исторических событий, насыщенные фактическими данными и яркой эмоциональной составляющей, они вовлекают читателя, делая его «участником» описываемых событий. Прямое стремление развенчать укоренившееся мнение европейцев о культурной отсталости и необразованности сибирского общества, представленное известным немецким географом, и косвенное, выраженное в письмах знаменитой французской виолончелистки – людей высокого социального статуса, воспитанных в духе достижений европейской науки и культуры, делают данные источники одними из основных в историографии вопроса. Ключевым моментом является также заключение Р. Андре о том, что сибиряки воспринимают свой суровый край как подлинную, настоящую Родину, что также важно при характеристике сибирской культурной среды. В целом мы можем заключить, что исследование Р. Андре «Амурская область и ее значение...» сохраняет и сегодня свою научную актуальность и важно при проведении компаративного анализа культурного пространства Байкальской Сибири рассматриваемого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обширная биографическая статья о Lise Christiani составлена директором Sophie Drinker Instituts в Бремене, специализирующемся на музиковедческих и гендерных исследованиях, профессором Фрейей Гофман [3].

² Книга и входящие в ее состав мемуары Л. Христиани вышли в свет спустя 14 лет после смерти французской артистки. Р. Андре указывает также и то, что ее письма были опубликованы в Париже, он пользуется данной публикацией, но не дает точных библиографических отсылок к ней [2. С. 75].

³ В заглавии опубликованного русского перевода писем Л. Христиани в журнале «Неизвестная Камчатка» допущена ошибка в датировках. Опираясь на указанные в данном исследовании источники, мы можем определить 1853 г. как год смерти Л. Христиани.

⁴ Перевод фрагмента книги, содержащего письма Лизы Христиани, с немецкого языка выполнен кандидатом филологических наук О.Я. Палкевич [2. С. 75–80].

⁵ Профессор Б.С. Шостакович в своем исследовании, посвященном польскому еврею Альбину Кону [6], который находился в ссылке в Сибири в 1865–1869 гг., отмечает двухтомное немецкое издание «Сибирь и Амурская область» [7]. Автором первого тома «Сибирь» являлся А. Кон, автором второго тома «Амурская область» – Р. Андре.

⁶ В 1851 г. в Иркутске был открыт Сибирский отдел русского географического общества, ставший основным стержнем в развитии науки в крае, а также выстроено первое здание для постоянного иркутского театра (сегодня – Иркутский академический драматический театр имени Н.П. Охлопкова); с 1857 г. в столице Восточной Сибири начали издаваться «Иркутские губернские ведомости», один из лучших органов провинциальной печати. В своей работе Р. Андре не рассматривает историю создания данных центров науки и культуры, придерживаясь общих заключений.

⁷ Ида Пфайфер (1797–1858) – австрийская путешественница.

⁸ Екатерина Николаевна Муравьева, урожденная де Ришмон, приняла православие и венчалась в 1847 г.

⁹ В период 1825–1868 гг. главой якутского комиссионерства, по данным исследователя А.Н. Ермолаева, являлся Посельский Петр Федорович [10. С. 590].

¹⁰ Нелькан – сельское поселение Аяно-Майского района Хабаровского края РФ. Первые упоминания об урочище Нелькан относятся к 1818 г. [11].

¹¹ Владикавказ – город в центральной части Северного Кавказа, сегодня столица Республики Северная Осетия-Алания.

¹² Село Аян – административный центр Аяно-Майского района Хабаровского края РФ. Основан в 40-х гг. XIX в. Русско-американской компанией (РАК) на берегу Охотского моря [13].

¹³ «Ein Stein, der rollt, seßt kein Moos an» (в русской интерпретации: «Катающийся камень мхом не обрастет»).

¹⁴ Город на юге России, основанный в 1805 г. как столица Области Войска Донского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вл-р В-шев. Иркутск в статистическом отношении // Сын отечества. 1833. Ч. 153. Т. 35, № 20. С. 307–321; № 21. С. 362–378.
2. Andree Richard. Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen. Nach den neuesten Berichten, vornehmlich nach Auszeichnungen von A. Michie, G. Radde, R. Maack u. A. Herausgegeben von Dr. Richard Andree. Mit 80 in den Text gedruckten Abbildungen, vier Tonbildern, sowie einer Karte des asiatischen Rußlands und den angrenzenden von Inner-Asien. Leipzig: Verlag von Otto Spamer, 1867. [2], XII, 268 s., 1 k.
3. Hoffmann Freia. Cristiani. URL: <http://www.sophie-drinker-institut.de/cms/index.php/cristiani-lise> (дата обращения: 05.05.2017).
4. Cristiani Lise. Voyage dans la Sibérie Orientale: notes extraites de la correspondance d'une artiste (Mlle Lise Cristiani). 1849–1853. Texte et des- sins inedits // Le Tour du Monde. 1863. S. 385–400. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k34382j/f388.image> (дата обращения: 05.05.2017).
5. Необыкновенное путешествие Лиз Кристиани – публикация отрывков из путевых заметок актрисы Л. Кристиани, путешествовавшей по Восточной Сибири в 1849–1858 годах (перевела с французского Г. Намжилова, автор предисловия к публикации В. Мартыненко) // Не-

- известная Камчатка (приключения, путешествия, камчатская старина, литература, искусство, природа). 2000. № 1 (5). URL: <http://www.knigakamchatka.ru/periodical/unknown/neizvestnaya-kamchatka-2000-1.html>
6. Шостакович Б.С. Альбин Кон – пропагандист в 1870-х гг. в Германии польско-русско-сибирской проблематики (в контексте задач изучения европейского литературного наследия о Сибири). URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/3_2.html (дата обращения: 09.06.2017).
 7. Kohn Albin, Andree Richard. Sibirien und das Amurgebiet. Leipzig : Verlag von Otto Spamer, 1876. URL: <https://archive.org/stream/sibirienunddas00andree/page/n12/mode/2up> (дата обращения: 09.06.2017).
 8. Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник. 1888. Т. 32, № 5. С. 381–412; № 6. С. 610–640; № 7. С. 61–87; 1917. Т. 147, № 3. С. 694–715.
 9. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири: 1848–1854 г. СПб. : Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1889. [2], 180 с.
 10. Ермолаев А.Н. Российско-Американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово : ИИТ, 2013. 620 с.
 11. Нельканское сельское поселение. URL: <http://ayanrayon.ru/about/settlements/91/270/> (дата обращения: 08.06.2017).
 12. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. 848 с., ил.
 13. Сельское поселение «Село Аян». URL: <http://ayanrayon.ru/about/settlements/91/267/> (дата обращения: 08.06.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

INFORMATION AND CULTURAL SPACE OF BAIKAL SIBERIA OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY IN FOREIGN AUTHORS' RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF R. ANDREE'S WORK "AMUR OBLAST AND ITS IMPORTANCE..."

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 196–201.

DOI: 10.17223/15617793/423/27

Anna N. Chikisheva, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: cik-an@yandex.ru

Keywords: R. Andree; L. Christiani; Stradivari cello; N.N. Muraviov-Amursky, Baikal Siberia.

In the article, the author scrutinises the work of German geographer Richard Andree (1835–1912). This work, “Amur Oblast and Its Importance. . .” (Leipzig, 1867) has not been previously published in Russian. In the content of the work, the author singled out letters of the French violoncellist Lise Cristiani (1827–1853) Andree cited. At the end of the 1840s – the beginning of the 1850s, Lise Cristiani was touring Siberia with a violoncello made by Stradivari. Letters of Cristiani were first published in 1863 in Paris in the *Le Tour du Monde* magazine. The excerpts of these letters were translated and published in Russia in the edition of local-studies *Neizvestnaya Kamchatka* [Unknown Kamchatka] in 2000. In this article, fragments of Cristiani’s letters found in the German edition of 1867 are given, which allows to enrich the bibliographical data about the violoncellist. In his work, Andree aspires to truly render his surrounding reality, following the chronological order of the narration, making his own evaluations. According to Andree, the primary mission of Russia is to bring and organize order and culture in Siberia. The author notes that Irkutsk has book trade, newspapers, theater and a formed scientific society. Andree strives to debunk the myth that was in the minds of Europeans about Irkutsk that it is “filled with the spirit of the grave”. Andree acknowledges that there are good schools in the town and the system of education is well-developed. Siberia is treated as a real homeland by its dwellers. Siberians follow the break-throughs in science and culture. Andree makes a crucial conclusion that here “the core of the most dignified society is formed following European rules. This very core has a great attractive power”. Andree uses the correspondence of the French violoncellist as a prove of the high cultural level of the Siberian society. He gives a general personality description of the violoncellist and tells about her travels around Siberia. In her letters Cristiani states that the tour around Siberia is bound to give some originality to her carrier. She joins the expedition to Kamchatka performed by Governor-General Muraviov-Amursky, as a companion to his wife. In her letters she describes the main big cities of Siberia, everyday life of their dwellers, personal space of the major historical figures. The author concludes that Andree’s work and Cristiani’s letters are most interesting sources of Siberian history studies. They were performed from the “inside”, by people of a high social status raised in the spirit of scientific and cultural achievements of Europe. The desire to debunk the old European myth about the cultural backwardness of Siberian society is stated directly in Andree’s work and indirectly in Cristiani’s letters. All the mentioned above makes this source of information to be one of the most important while studying the historiography of the issue. Andree’s conclusion that Siberian people treat their place of living as a true homeland is also important while giving characteristics to the Siberian cultural society. Andree’s study “Amur Oblast and Its Importance. . .” is scientifically relevant nowadays and crucial while performing a comparative analysis of the cultural space of the Baikal Region of Siberia of the studied period.

REFERENCES

1. V-shev, VI-r. (1833) Irkutsk v statisticheskom otnoshenii [Irkutsk in the statistical sense]. *Syn otechestva*. 153:35:20. pp. 307–321; 21. pp. 362–378.
2. Andree, R. (1867) *Das Amur-Gebiet und seine Bedeutung. Reisen in Theilen der Mongolei, den angrenzenden Gegenden Ostsibiriens, am Amur und seinen Nebenflüssen. Nach den neuesten Berichten, vornehmlich nach Auszeichnungen von A. Michie, G. Radde, R. Maack u. A. Herausgegeben von Dr. Richard Andree. Mit 80 in den Text gedruckten Abbildungen, vier Tonbildern, sowie einer Karte des asiatischen Rußlands und den angrenzenden von Inner-Asien* [Amur Oblast and Its Importance. Traveling in parts of Mongolia, the neighboring regions of Eastern Siberia, the Amur and its tributaries. According to the latest reports, mainly by A. Michie, G. Radde, R. Maack, A. Edited by Dr. Richard Andree. With 80 pictures printed in the text, four pictures, as well as a map of the Asian Russia and the border of Inner Asia]. Leipzig: Verlag von Otto Spamer.
3. Hoffmann, F. (1981) *Cristiani*. [Online] Available from: <http://www.sophie-drinker-institut.de/cms/index.php/cristiani-lise>. (Accessed: 05.05.2017).
4. Cristiani, L. (1863.) *Voyage dans la Sibérie Orientale: notes extraites de la correspondance d’une artiste (Mlle Lise Cristiani). 1849–1853. Texte et dessins inédits* [Journey to Eastern Siberia: notes from the correspondence of an artist (Miss Lise Cristiani). 1849–1853. Unpublished text and drawings]. *Le Tour du Monde*. pp. 385–400. [Online] Available from: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k34382/f388.image>. (Accessed: 05.05.2017).
5. *Neizvestnaya Kamchatka*. (2000) *Neobyknovennoe puteshestvie Liz Kristiani – publikatsiya otryvkov iz putevykh zametok aktrisy L. Kristiani, puteshestvovavshey po Vostochnoy Sibiri v 1849–1858 godakh* [An unusual trip of Lise Cristiani: the publication of excerpts from travel notes by the actress L. Christiani, who traveled in Eastern Siberia in 1849–1858]. Translated from French by G. Namzhilov. *Neizvestnaya Kamchatka (priklyucheniya, puteshestviya, kamchatskaya starina, literatura, iskusstvo, priroda)*. 1 (5). [Online] Available from: <http://www.knigakamchatka.ru/periodical/unknown/neizvestnaya-kamchatka-2000-1.html>
6. Shostakovich, B.S. (2004) *Al’bin Kon – propagandist v 1870-kh gg. v Germanii pol’sko-rossiysko-sibirskoy problematiki (v kontekste zadach izucheniya evropeyskogo literaturnogo naslediya o Sibiri)* [Albin Kohn, a propagandist of the Polish-Russian-Siberian problems in the 1870s in

- Germany (in the context of the tasks of studying the European literary heritage of Siberia)]. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/3_2.html . (Accessed: 09.06.2017).
7. Kohn, A. & Andree, R. (1876) *Sibirien und das Amurgebiet* [Siberia and Amur Oblast]. Leipzig: Verlag von Otto Spamer. [Online] Available from: <https://archive.org/stream/sibirienunddasa00andrgoog#page/n12/mode/2up> . (Accessed: 09.06.2017).
 8. Frantseva, M.D. (1888) Vospominaniya [Memories]. *Istoricheskiy vestnik*. 32:5. pp. 381–412.
 9. Struve, B.V. (1889) *Vospominaniya o Sibiri: 1848–1854 g.* [Memories of Siberia: 1848–1854]. St. Petersburg: Tip. Tov-va “Obshchestvennaya pol’za”.
 10. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal’nem Vostoke (1799–1871 gg.)* [The Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1871)]. Kemerovo: INT.
 11. Ayanrayon.ru. (n.d.) *Nel’kanskoe sel’skoe poselenie* [Nelkan rural settlement]. [Online] Available from: <http://ayanrayon.ru/about/settlements/91/270/>. (Accessed: 08.06.2017).
 12. Kolmakov, Yu.P. (ed.) (2003) *Irkutskaya letopis’ 1661–1940 gg.* [The Irkutsk chronicle of 1661–1940]. Irkutsk: Ottisk.
 13. Ayanrayon.ru. (n.d.) *Sel’skoe poselenie “Selo Ayan”* [Rural settlement “Ayan village”]. [Online] Available from: <http://ayanrayon.ru/about/settlements/91/267/>. (Accessed: 08.06.2017).

Received: 28 June 2017

ПРАВО

УДК 434.812

В.Н. Белик

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СФЕРЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Исследование осуществлено в рамках Государственного задания, выполняемого Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации в 2017 г.

Опыт развития пенитенциарных систем зарубежных стран показывает возможности частного партнерства с государством, которое значительно снижает нагрузку на бюджет и дополнительно обеспечивает соблюдение отдельных прав и свобод осужденных. В статье рассматривается проблема адаптации «смешанного финансирования» применительно к реалиям отечественной пенитенциарной системы. В качестве одного из направлений развития российской пенитенциарной системы можно использовать зарубежный опыт «смешанного финансирования», в виде привлечения в данную сферу частных средств и организаций, являющихся исполнителями общественно полезных услуг.

Ключевые слова: пенитенциарная деятельность; исполнение уголовных наказаний; частные тюрьмы; государственно-частное партнерство; смешанное финансирование; приватизация; социально ориентированные некоммерческие организации; исправительные учреждения; заключенные; осужденные.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [1. С. 5581] (далее – Концепция) указывается на необходимость совершенствования деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития. Реализация данных стандартов отражается в практической стороне функционирования исправительных учреждений и обращения с осужденными в европейских странах. Исследование европейских пенитенциарных систем позволяет обратиться к научно обоснованным перспективам модернизации отечественного законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний и по-новому взглянуть на правоприменительную практику, сопутствующую реформированию уголовно-исполнительной системы [2. С. 115].

Концепцией, в частности, предусмотрено осуществление мероприятий по созданию условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях; что предполагает значительное финансирование за счет средств федерального бюджета.

Известный ученый Н. Кристи опровергает сложившееся мнение, что уголовно-исполнительная система и рынок – вещи несовместимые. Он «рассматривает систему наказаний как структуру, подвластную условиям рынка. Причинение страданий является действием огромной экономической важности для тех, кто этим занимается» [3. С. 12]. При этом необходимо отметить, что в вопросе экономии бюджетных средств определяющим можно считать рост количества заключенных, тенденции которого Н. Кристи охарактеризовал следующим образом: «Институт законности находится в процессе изменения. Прегрешение его символом была богиня правосудия с завязанными глазами и весами в руке. Перед ней стояла задача сбалансировать множество противоположных ценностей.

Эта задача более не актуальна. Внутри института законности произошла тихая революция, обеспечившая все возрастающие возможности роста индустрии контроля над преступностью. Благодаря этим изменениям сложилась ситуация, от которой следует ожидать значительного роста количества заключенных» [3. С. 8].

В этой связи одним из направлений развития отечественной пенитенциарной системы можно рассматривать привлечение в данную сферу частных средств или так называемого смешанного финансирования, а также социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества, а также другие виды деятельности, предусмотренные Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [4. С. 145].

По мнению немецкого правоведа С. Бариш [5], существуют различные формы частного партнерства в системе исполнения наказаний. Так, в соответствии с указанной Концепцией планируются функциональная приватизация, выраженная в привлечении коммерческих организаций к созданию производственных участков в колониях-поселениях, стимулирование создания колоний-поселений с сельскохозяйственным производством, разработка перспективных направлений производственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в целях приоритетного обеспечения ее нужд собственным производством и выпуска конкурентоспособной продукции года [6. С. 19].

Учитывая вышеизложенное, существует формальная, или мнимая, приватизация, когда государственные учреждения принимают решения по всем вопросам исполнения наказаний, но при этом разграничивают сферы деятельности. Кроме того, существует материальная форма приватизации, при которой государство оставляя за собой контроль, передает принятие решений, их реализацию и ответственность за их выполнение частным структурам.

Существует и другая форма приватизации, так называемая функциональная приватизация, когда государ-

ство передает свои задачи иным субъектам частично. Также часть ответственности за реализацию остается за государством.

Далее С. Бариш отмечает, что частные субъекты уже в 80-х гг. прошлого столетия включились в партнерство с исполнительной системой Германии – это касалось религиозной сферы, оказания медицинских услуг. Затем были проекты по ресоциализации освободившихся осужденных (проект «Шанс», 2005 г.), частное инвестирование в постройку зданий (например, исправительное учреждение Вальдек было построено в 1996 г. с учетом самых современных стандартов безопасности (JVA Waldeck)) и арендовано земель Мекленбург – Передняя Померания на 30 лет за 7 млн марок [5. Р. 36].

Попытки, связанные с государственно-частным партнерством, в российской правоприменительной деятельности имели место в начале 2000-х гг. Как указывает С.Х. Шамсунов, который в то время являлся заместителем начальника Главного управления исполнения наказаний Минюста России, «некоторые крупные строительные компании Москвы и представители частного банковского сектора вносили предложения в центральный орган уголовно-исполнительной системы о строительстве частной тюрьмы в городе с предоставлением им права управления учреждением после завершения строительства. Изучение предложений российского рыночного сектора показало, что понятие “частная тюрьма” они понимали в полном смысле этого слова и предполагали взимать плату с осужденных за свое пребывание в ней. По их представлению, в частную тюрьму должны направляться лица, совершившие преступления в сфере экономики (т.е. граждане, обладающие многомиллионным состоянием), и за счет содержания их в комфортных условиях “владельцы” тюрем успешно получают прибыль. Представителям российского бизнеса было разъяснено, что порядок и условия исполнения наказаний в таких учреждениях должны осуществляться в строгом соответствии с российским законодательством и под контролем центрального органа уголовно-исполнительной системы. За участие в тюремном деле возможно лишь получение налоговых льгот. В результате российский бизнес уже не торопился вкладываться в уголовно-исполнительный сектор» [7. С. 27].

На самом деле, в различных странах смешанное финансирование применяется достаточно давно. В частности, с 1984 г. начато финансирование частных тюрем в США со стороны Исправительной корпорации Америки (Corrections Corporation of America (CCA)), которая контролирует 75% на рынке этих услуг.

Как отмечает Е.Г. Багреева, «Сегодня в США частные компании управляют 264 учреждениями исполнения наказания, в которых содержатся около 99 тыс. взрослых осужденных. Среди крупных компаний, пришедших в пенитенциарную систему США, такие как Исправительная корпорация Америки (CCA), GEOгрупп, компания Cornell, Общественные образовательные центры и др. Компания CCA располагает 80 тыс. мест в 65 исправительных учреждениях; GEOгрупп – 49 тыс. мест для заключенных в 61 исправительном учреждении и т.д. Большинство частных исправительных учреждений расположены в

южной и западной части США и рассчитаны на лиц, преступивших как федеральный закон, так и законы штатов. Целью частных компаний, участвующих в деятельности исправительных учреждений, являются не только его наиболее эффективная и безопасная организация, но и возможность создания рабочих мест для жителей данной территории.

Исследования пенитенциарной системы США, проведенные одним из научных центров (Reason Research) США в 2008 г., показали, что частные тюрьмы во многом превосходят тюрьмы, находящиеся в управлении государства, как по качеству, так и по затратам. В период с 1999 по 2004 г. государством было сэкономлено 15 млн долл. в ежегодный бюджет исправительной системы благодаря использованию даже небольшого количества частных тюрем. В этих исследованиях дается обоснование эффективности и возможности экономии значительной суммы денег при создании смешанной системы функционирования исправительных учреждений» [8. С. 23].

В свою очередь, в Великобритании частные тюрьмы функционируют с 1992 г. и управляются охранными компаниями. Так, законом «О местных органах власти» 1991 г. в целях устранения перегруженности существующих пенитенциарных учреждений установлены принципы строительства и функционирования новых тюрем с привлечением частного капитала; к 1996 г. действовали уже четыре подобные тюрьмы. Согласно условиям контракта, заключаемого между частной компанией и муниципалитетом, компания осуществляет ежедневное управление тюрьмой и заключенными, в то время как при принятии Министерством внутренних дел соответствующего решения местный орган власти имеет право расторгнуть этот контракт (если какое-либо из его условий будет нарушено или если изменится политика правительства в этой области). Директор тюрьмы назначается частной компанией и несет ответственность за ее функционирование, осуществляет необходимые меры безопасности и сотрудничает с различными учреждениями и местными органами власти. Такие пенитенциарные учреждения постоянно контролируются Управлением тюрем Министерства внутренних дел [9. С. 29].

Также с 1990-х гг. во Франции существуют тюрьмы со смешанным публично-частным управлением, что, возможно, наиболее приемлемо для условий российской действительности. Так, «с 1984 г. во Франции реализуется программа “13 000”. В рамках этой программы были построены 25 новых пенитенциарных учреждений на 12 850 мест. Суть данной программы состоит в том, что строительством новых тюрем, их эксплуатацией, организацией производственной деятельности осужденных занимаются частные фирмы. Они же обеспечивают и питание осужденных, а также их профессиональную подготовку и т.д. Участие государства в таких тюрьмах сводится к обеспечению охраны и безопасности, различных интеграционных процессов и т.д. Тем не менее вся администрация подобных “частных” тюрем целиком состоит из государственных служащих» [10. С. 18].

Частные тюрьмы также существуют в Австралии, Канаде и Швеции и некоторых других странах.

Постепенно процесс приватизации исправительных учреждений охватил большую часть мира. Прежде всего он затронул Австралию (первая тюрьма, управление которой было передано в частные руки (Corrections Corporation of Australia, являющаяся членом консорциума компаний, возглавляемых Corrections Corporation of America), открылась в Австралии в 1990 г. (Correctional Centre at Borallon)), Новую Зеландию и Южную Африку. В Австралии около 17% осужденных находятся в частных пенитенциарных учреждениях. В процесс приватизации активно включились также Франция, Германия, Чехия, Чили, Япония. Вопрос о возможностях привлечения частного капитала к организации деятельности исправительных учреждений обсуждается в Болгарии, Гонконге, Бразилии, Голландии, Латвии [11. С. 18].

В деле приватизации пенитенциарной деятельности основополагающей, безусловно, является экономическая выгода, которая заметна при строительстве и функционировании соответствующих учреждений за рубежом. Так, Н. Кристи раскрывает эти преимущества в том, что частные компании снова и снова демонстрируют, что они могут гораздо быстрее правительства получать участки, финансировать, проектировать и строить тюрьмы. По данным Корпорации американских исправительных учреждений, стоимость ее строительства составляет 80% от того, что расходует правительство. Корпорация заявляет, что она может строить не только быстрее, сокращая таким образом потери от инфляции, но и с меньшими прямыми затратами, поскольку строительные подрядчики назначают большую цену, если заказчиком выступает государство [3. № 5. С. 14].

Однако совершенно противоположный результат такая приватизация может иметь место в условиях российской действительности, учитывая бюрократические препятствия, коррупцию и прочий негатив отечественных реалий. При этом следует иметь в виду, что проводимая в Америке в 80-е гг. приватизация и публично-частное партнерство в пенитенциарной сфере позволили облегчить нагрузку на бюджет. Как указывают О.Г. Ковалев и М.В. Шереметьева, «компания, владеющие и управляющие тюрьмами, лагерями, следственными изоляторами или центрами реституции, подписывают контракт с федеральным правительством, правительством штата или окружными властями. Они обязуются содержать определенное количество заключенных в соответствии с государственными стандартами, обеспечивая соответствующий уровень безопасности. На каждого заключенного управляющая компания получает из бюджета гарантированную сумму денег» [12. С. 20].

С точки зрения обеспечения прав и свобод осужденных, в частности реализации права на труд, следует отметить, что здесь не бывает забастовок, безработицы, других проблем, связанных с трудоустройством. В указанных учреждениях производится 100% всех военных касок, бронежилетов, рубашек, брюк, палаток, рюкзаков и фляжек. Помимо военного снаряжения и обмундирования, заключенные производят 98% от рынка монтажных инструментов, 36% бытовой техники, 30% наушников, микрофонов, мегафо-

нов и 21% офисной мебели, а также авиационное и медицинское оборудование и многое другое – заключенные занимаются даже дрессировкой собак-поводырей для слепых [12. С. 21].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», недавно подготовленной членом Совета Федерации А.В. Беляковым, упоминается, что смешанное финансирование системы исполнения наказаний давно практикуется в странах ЕС и США. Более чем 20-летний американский опыт использования данного механизма доказал свою оправданность и корректность в отношении столь важной сферы общественной жизни [13]. Однако данный законопроект, внесенный 20 октября 2015 г., на основании права законодательной инициативы в Государственную Думу, был возвращен 15 февраля 2016 г. А.В. Белякову в связи с несоблюдением требования Регламента Государственной Думы.

Конечно можно учитывать «тюремный» опыт других стран. Однако не каждый опыт был бы уместен не только для сложившихся российских реалий, но и для ряда так называемых высокоразвитых стран, в частности вышеупомянуемой нами Франции. Например, как отмечают А.В. Щербаков и А.Б. Налдеев, тюрьмы Норвегии, по мнению россиян, представляют собой нечто среднее между хорошим учебным заведением, нормальным кооперативным хозяйством и уютным горнолыжным курортом с неплохим питанием. В недавно построенной тюрьме Хальден, расположенной на 30 га в сосновом лесу и рассчитанной на одновременное пребывание 252 заключенных, стандартная камера – это комната площадью 12 м², оборудованная современной мебелью, ЖК-телевизором и душевой (2 м²). На территории тюрьмы расположены культурный центр со студией звукозаписи, комнатами для творчества, библиотекой, зимним садом; спортивный центр с большим залом для занятий; отдельные домики для длительных свиданий с родственниками; помещение для школьных и лабораторных занятий; медицинский центр и производственные мастерские. Помещения тюрьмы украшены произведениями искусства, на приобретение которых был потрачен почти 1 млн долл. Режим тюрьмы в Хальдене предполагает свободное перемещение заключенных [14. С. 394].

Следует также учесть, что государственно-частное партнерство в указанной сфере, при возможном эффективном решении экономических задач, в случае недооценки мер государственного и общественного контроля, может превратиться в грубое нарушение прав и свобод лиц, находящихся в местах отбывания наказаний. С учетом вышеизложенного, российским властям вполне возможно рассмотреть вопросы привлечения частного капитала в пенитенциарную систему, а точнее, в уголовно-исполнительную деятельность в качестве эксперимента, например, как было указано выше, взяв за основу опыт смешанного публично-частного управления Франции, который может быть наиболее приемлемым к российским условиям, связанным со свойственным им личностным усмотрением и низким уровнем правосознания. Здесь можно

также использовать опыт функционирования отечественных лечебных исправительных учреждений с интенсивным наблюдением, где охрану стационара, а также безопасность находящихся на его территории лиц и другие меры осуществляет учреждение уголовно-исполнительной системы. Все другие функции, которые выполняют в лечебном исправительном учреждении органы Минздрава, в исправительных

учреждениях можно передать, в порядке эксперимента, представителям частных структур, а также социально ориентированным некоммерческим организациям, являющимся исполнителями общественно полезных услуг, выполняющим значимую роль социального предпринимательства в условиях государственно-частного партнерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.10.2015. № 40.
2. Тепляшин П.В. Современный уголовно-исполнительный анализ иберийского типа европейских пенитенциарных систем // Современное право. 2016. № 4.
3. Кристи Н. Борьба с преступностью – доходная индустрия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5.
4. Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3.
5. Barisch S. Die Privatisierung im deutschen Strafvollzug (unter Einbeziehung des Jugendstrafvollzuges und unter Berücksichtigung entsprechender Entwicklungen in Großbritannien, Frankreich und den USA). Waxmann Verlag GmbH, Münster, 2010.
6. Соколова О.В. Приватизация или публично-частное партнерство в системе исполнения наказаний: зарубежный опыт и перспективы российской пенитенциарной практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 2.
7. Шамсунов С.Х. Частные тюрьмы в мире: нужны ли они современной России? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3.
8. Багреева Е.Г. Об организации пенитенциарных систем в международной практике // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 5.
9. Ежевский Д.О. Изменение роли и функций органов местного самоуправления в Великобритании в ходе муниципальных реформ конца XX – начала XXI в. // Право и политика. 2005. № 5.
10. Слепцов И.В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 2.
11. Сморгунюва А.Л. История приватизации пенитенциарных учреждений за рубежом // История государства и права. 2008. № 3.
12. Ковалев О.Г., Шереметьева М.В. Пенитенциарная система США: особенности организации и современные тенденции Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4.
13. Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации Шестого созыва. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A52085F2C2217A7943257EE40050C339/\\$File/908482-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A52085F2C2217A7943257EE40050C339/$File/908482-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 17.03.2017).
14. Щербаков А.В., Налдеев А.Б. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях // Молодой ученый. 2015. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 октября 2017 г.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE PENITENTIARY SPHERE: CERTAIN ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/423/28

Valeriy N. Belik, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); BA Association of the Moscow Region (Moscow, Russian Federation). E-mail: 7226905@mail.ru

Keywords: penitentiary activity; execution of criminal penalties; private prisons; public private partnership; mixed financing; privatization; socially oriented non-commercial organizations; correctional facilities; prisoners; convicts.

The subject of the study is legal regulation and law enforcement practice of public-private partnership in the penitentiary sphere. The objectives of the study are to study the experience of various foreign countries and identifying problems in public-private partnership and to develop proposals for the improvement of domestic law enforcement activities. The Concept of the development of the criminal-executive system of the Russian Federation until 2020 points to the need to improve the activities of institutions and bodies executing punishment, taking into account international standards and the needs of social development, which implies significant funding from the federal budget. In this regard, one of the directions of the development of the domestic penitentiary system can be considered the attraction to this sphere of private funds or the so-called “mixed financing”, as well as socially oriented non-profit organizations that are executors of socially useful services. In the privatization of penitentiary activities, the fundamental economic benefit is obvious, which is noticeable in the construction and operation of relevant institutions abroad. From the point of view of ensuring the rights and freedoms of convicts, in particular the implementation of the right to work, it should be noted that there are no strikes, unemployment, other problems related to employment. However, such privatization can have quite the opposite result in the conditions of the Russian reality. Attempts related to public-private partnership in Russian law enforcement activities took place in the early 2000s. A study of the proposals of the Russian market sector showed that they understood the notion “private prison” in the full sense of the word and intended to charge fees from convicts for their stay in it. When writing the article, the author used both general scientific methods and special methods of cognition of legal phenomena, among them, first of all, the formal legal method, the method of studying and comparing legal texts, the method of interpreting normative legal acts, the method of studying and comparing social reality, as well as the method of medium and long-term forecasting. In view of the foregoing, it is quite possible for the Russian authorities to consider the issues of attracting private capital, taking as a basis the experience of the mixed public-private management of France, as well as the activities of organizations that are executors of socially useful services. As a base for the experiment, it is possible to use existing domestic medical correctional facilities with intensive supervision.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2015) O Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 14.10.2010 № 1772-р (red. Ot 31.05.2012) [On the Concept of the Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation until 2020: the Decree of the Government of the Russian Federation of 14.10.2010 No. 1772-р (as amended on May 31, 2012)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 05 October 2015. 40. pp. 5581.
2. Teplyashin, P.V. (2016) Modern Criminal Executive Analysis of the Iberian Type of European Penitentiary Systems. *Sovremennoe pravo*. 4. pp. 113–120. (In Russian).
3. Kristi, N. (2011) Bor'ba s prestupnost'yu – dokhodnaya industriya [Struggle against crime – a profitable industry]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: law, economy, management*. 5.
4. Sokolova, O.V. (2014) Privatization or public-private partnership in the system of execution of punishments: foreign practices and perspectives of Russian penitentiary practice. *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice*. 2. (In Russian).
5. Russian Federation. (1996) *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 15 June 1996. 3. pp. 145.
6. Barisch, S. (2010) *Die Privatisierung im deutschen Strafvollzug (unter Einbeziehung des Jugendstrafvollzuges und unter Berücksichtigung entsprechender Entwicklungen in Großbritannien, Frankreich und den USA)* [Privatization in the German prison system (including the juvenile detention system and taking into account developments in Great Britain, France and the USA)]. Münster: Waxmann Verlag GmbH.
7. Shamsunov, S.Kh. (2016) Private Prisons in the World: Are They Needed to Modern Russia? *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: law, economy, management*. 3. (In Russian).
8. Bagreeva, E.G. (2012) Ob organizatsii penitentsiarnykh sistem v mezhdunarodnoy praktike [On the organization of penitentiary systems in international practice]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: law, economy, management*. 5.
9. Ezhevskiy, D.O. (2005) Izmenenie roli i funktsiy organov mestnogo samoupravleniya v Velikobritanii v khode munitsipal'nykh reform kontsa XX – nachala XXI v. [Change in the role and functions of local governments in the UK during the municipal reforms of the late 20th – early 21st centuries]. *Pravo i politika*. 5.
10. Sleptsov, I.V. (2009) Penitentsiarnaya sistema Frantsii (kratkiy obzor) [The Penitentiary System of France (brief overview)]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: law, economy, management*. 2.
11. Smorgunova, A.L. (2008) Istoriya privatizatsii penitentsiarnykh uchrezhdeniy za rubezhom [History of Privatization of Penitentiary Institutions Abroad]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 3.
12. Kovalev, O.G. & Sheremet'eva, M.V. (2013) Penitentsiarnaya sistema SShA: osobennosti organizatsii i sovremennye tendentsii [Penitentiary system of the USA: organization peculiarities and modern trends]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: law, economy, management*. 4.
13. *The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Sixth Convocation*. [Online] Available from: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A52085F2C2217A7943257EE40050C339/\\$File/908482-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/A52085F2C2217A7943257EE40050C339/$File/908482-6.PDF?OpenElement). (Accessed: 17.03.2017). (In Russian).
14. Shcherbakov, A.V. & Naldeen, A.B. (2015) Polozhitel'nyy opyt funktsionirovaniya penitentsiarnykh uchrezhdeniy Norvegii i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v rossiyskikh usloviyakh [Positive experience of functioning of penitentiary institutions in Norway and the possibility of its use in Russian conditions]. *Molodoy uchenyy*. 2.

Received: 10 October 2017

ПРЕДМЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА – НОВАЯ КАТЕГОРИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ

Исследуется проблема применения понятия «предмет» к деятельности прокурора. В настоящее время нормативно определен предмет только прокурорского надзора. Выявлены особенности предметов ненадзорной деятельности прокурора в различных направлениях. Определено содержание единого предмета участия прокурора в судопроизводстве. Выводы и предложения направлены на обеспечение единства подходов к определению целей и задач деятельности в различных отраслях и направлениях, что способствует повышению эффективности деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: прокурор; предмет надзора; конституционное, гражданское, административное, уголовное судопроизводство.

В советский период в соответствии с Конституцией СССР [1, 2] на прокуратуру был возложен высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами. В результате наибольшее количество направлений деятельности прокурора (исполняемых функций) носило надзорный характер [3], в связи с чем в теории прокурорского надзора активно использовалось понятие «предмет прокурорского надзора» [4; 5. С. 15; 6].

Несмотря на то что Закон СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г. [7] не содержал такого понятия, определяя для каждого из направлений надзора прежде всего задачи его осуществления, в научной литературе исследованию содержания данного понятия традиционно уделялось большое внимание. Указанный подход и сегодня представляется весьма оправданным, поскольку именно через призму предмета надзора могут быть в полной мере раскрыты его содержание, правильно определены задачи осуществления деятельности и полномочия прокурора.

Вместе с тем следует отметить, что ряд направлений деятельности прокуратуры и в то время не носил безусловно надзорный характер (например, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями или участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов, которые как самостоятельные направления деятельности прокуратуры были закреплены в ст. 3 Закона СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г.). Поскольку доля ненадзорных направлений деятельности была мала, было принято рассматривать категорию предмета деятельности прокурора в целом именно с точки зрения предмета надзора. Указанные понятия использовались в научной литературе в качестве синонимов, что представляется не вполне оправданным.

После принятия в 1992 г. нового федерального закона, регулирующего организацию и деятельность прокуратуры Российской Федерации, надзорные и ненадзорные направления деятельности органов прокуратуры получили нормативное закрепление (ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 «О прокуратуре

Российской Федерации» [8], далее – Закон о прокуратуре). В соответствующих главах были сформулированы и законодательно закреплены предметы деятельности применительно к каждому из выделенных Законом о прокуратуре направлений надзора.

Однако и сегодня нет единства в тех формулировках, которые использует законодатель. В результате к числу наиболее дискуссионных в научной литературе продолжают относиться вопросы о том, например, является ли предмет надзора, указанный в ст. 26 Закона о прокуратуре, самостоятельным, следует ли его рассматривать в качестве составной части предмета надзора, закрепленного только ст. 21 указанного закона, или он выступает составной частью надзора в любом из направлений надзорной деятельности прокурора. Очевидно, что от ответа на указанные вопросы во многом зависит то, как следует определять содержание деятельности прокурора, возможности реализации им своих полномочий и т.д.

Что же касается предметов деятельности прокурора в направлениях ненадзорного характера (участия в рассмотрении дел судами, координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью и пр.), то они вообще не сформулированы. Таким образом, можно констатировать, что законодатель сохранил подход, сложившийся в советский период, определяя только предмет надзора прокурора.

Представляется, что такой подход нельзя признать не только единственно верным, но даже бесспорным. В соответствии с Законом о прокуратуре сегодня надзорные направления деятельности прокурора составляют уже не столь значительную часть. Многие задачи, стоящие перед органами прокуратуры, решаются в процессе реализации полномочий в иных (ненадзорных) направлениях деятельности. Именно поэтому представляется назревшей необходимость не просто определения предмета для каждого из направлений деятельности надзорного и ненадзорного характера, но и введение в научный оборот такого понятия, как предмет деятельности прокурора как общей категории для первых двух понятий. Тем более что для этого имеются определенные предпосылки.

Прежде всего, следует отметить, что современная наука за длительный период времени после введения в действие Закона о прокуратуре стала активно применять деятельностный подход и термин «деятельность прокурора» [9–15].

Это обусловлено необходимостью обеспечения единства подходов к организации и осуществлению деятельности прокуроров. Вне зависимости от направления, в котором осуществляет свою деятельность тот или иной прокурор, он выступает как представитель единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации. Известно, что единство обеспечивается, в том числе единством подходов к организации и осуществлению деятельности, единством в подходах к использованию возможностей, реализации полномочий прокурора. Кроме того или даже прежде всего это единство обусловлено единством целей, стоящих перед органами прокуратуры и каждым прокурором в отдельности.

Важным в формировании представлений о предмете деятельности прокурора является тот факт, что на современном этапе все большее внимание уделяется необходимости рассматривать различные направления деятельности прокурора в качестве составляющих, обеспечивающих эффективное функционирование органов прокуратуры в целом для достижения цели – защиты прав, свобод и законных интересов иных лиц. И в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации [16, 17], и в теоретических исследованиях [18–21] постоянно подчеркивается необходимость рассматривать осуществление деятельности в ненадзорных направлениях как продолжение реализации надзорных полномочий. При этом очевидно, что в ряде случаев результаты деятельности при осуществлении ненадзорных полномочий могут быть в свою очередь использованы при осуществлении надзорной деятельности прокурора.

Принимая во внимание, что распределение обязанностей между помощниками (старшими помощниками, заместителями) прокурора, прокурорами отделов и управлений часто носит временный и в определенной степени условный характер, представляется, что определение общих подходов к формулированию предмета деятельности прокурора как единой категории имеет особое значение.

Представляется, что, формулируя понятие предмета деятельности прокурора как научной категории, следует исходить из того, что оно носит обобщающий, собирательный характер и включает предмет надзора и предмет деятельности в ненадзорных направлениях. В свою очередь, определенные особенности характеризуют предмет прокурорского надзора в зависимости от специфики деятельности в том или ином направлении надзора, а предмет ненадзорной деятельности – от особенностей деятельности при осуществлении ненадзорных полномочий.

Применительно к решению задач обеспечения законности прокурором в той или иной сфере предмет деятельности может включать предмет надзорной и ненадзорной деятельности в соответствующей сфере правоотношений.

Необходимость и целесообразность введения в научный оборот и более тщательного исследования такого единого понятия, как предмет деятельности прокурора, в определенной мере подтверждаются и подходами, которые нашли отражение в таком меж-

дународном правовом акте государств СНГ, как Модельный закон «О прокуратуре» [22]. В Модельном законе закреплено содержание предмета не только применительно к надзорным направлениям деятельности: предмет надзора за соблюдением законов, прав и свобод человека и гражданина (ст. 30), предмет надзора за соблюдением конституции и законов при принятии правовых актов (ст. 32), предмет надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ст. 35), предмет надзора за соблюдением законов, прав и свобод человека и гражданина органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие (ст. 37), предмет надзора за соблюдением законов, прав и свобод человека и гражданина при исполнении уголовных наказаний и назначаемых судом мер принудительного характера (ст. 40), предмет надзора за соблюдением законов государственными органами, осуществляющими принудительное исполнение актов судов общей и специальной юрисдикции, а также актов других органов (ст. 49), но и применительно к ненадзорным направлениям.

Так, Модельный закон определяет предмет координации правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью (ст. 52), предмет участия в правотворческой деятельности (ст. 54), предмет взаимодействия прокуроров с органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями (ст. 56), предмет международного сотрудничества (ст. 58).

Таким образом, при разработке и принятии Модельного закона «О прокуратуре» уже применен подход определения предмета деятельности прокурора как в надзорных, так и ненадзорных направлениях, что, в свою очередь, еще раз подтверждает необходимость исследования категории «предмет деятельности».

Не умаляя того значения, которое в теории прокурорской деятельности имеет исследование категории «предмет надзора» в целом и в различных отраслях, направлениях и поднаправлениях надзорной деятельности, представляется целесообразным более подробно остановиться на том, какие подходы могут быть использованы при формулировании содержания понятия «предмет деятельности в направлениях ненадзорного характера». Это позволит обосновать возможные подходы к определению понятия «предмет деятельности прокурора» в целом.

При этом следует отметить ряд тенденций, которые характеризуют деятельность прокурора на современном этапе. С одной стороны, расширяется перечень ненадзорных направлений деятельности прокурора, с другой – изменения, происходящие в политической и экономической сферах, диктуют необходимость исследования в едином комплексе вопросов, возникающих при осуществлении надзорной и ненадзорной деятельности прокурора. Таким образом, исследование вопросов, связанных с определением понятия предмета такой деятельности прокурора, представляется еще более актуальным.

В настоящее время в теории прокурорской деятельности принято выделять 15 направлений деятель-

ности. Что же касается количества надзорных направлений, то здесь мнения ученых расходятся, и весьма существенно. Ряд ученых полагают достаточным выделять те направления, которые выделил законодатель [23, 24]. В работах обосновывается необходимость в качестве самостоятельных выделять направления прокурорского надзора в той или иной сфере [25; 26. С. 86; 27; 28]. То есть не только прокурорский надзор за исполнением законов, но и прокурорский надзор за исполнением законов в той или иной сфере правоотношений. В качестве самостоятельных выделять прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и т.д.

Нет единства и в подходах к определению количества ненадзорных направлений прокурорской деятельности [24; 29. С. 92]. Остаются спорными вопросы о необходимости выделения в качестве самостоятельных таких направлений ненадзорной деятельности прокурора, как участие в конституционном, уголовном, гражданском, административном судопроизводстве, участие в рассмотрении дел арбитражными судами и др.

Не оспаривая возможности и целесообразности выделения указанных направлений деятельности в качестве самостоятельных, подчеркнем только, что особенности процессуальной регламентации, а также полномочия, которыми наделен прокурор в процессе участия в том или ином виде судопроизводства, обуславливают специфику организации и осуществления деятельности, но не могут служить основанием для оспаривания тезиса о том, что деятельность прокурора должна носить целеустремленный характер, должна быть предметной в каждом конкретном случае. Следовательно, справедливо говорить о наличии предмета деятельности прокурора также в любом из ненадзорных направлений деятельности.

Представляется, что именно правильное понимание роли и значения, а также содержания предмета деятельности позволяет наиболее эффективным образом организовать деятельность органов прокуратуры вообще, а также деятельность прокуроров в том или ином направлении.

Принимая во внимание, что Конституция Российской Федерации [30] рассматривает судебный порядок защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве основного, что окончательное разрешение любого дела происходит именно в суде, представляется целесообразным при определении предмета деятельности прокурора в направлениях ненадзорного характера начать именно с предмета его участия в рассмотрении дел судами. Участие в рассмотрении дел судами было в советский период и остается в настоящее время важнейшей составляющей деятельности органов прокуратуры. Однако подходы к определению той роли, которую играло ранее и играет сегодня участие прокурора в судопроизводстве, существенно различаются.

В советский период в теории прокурорского надзора сформировалась и получила широкое распространение позиция, которая базировалась на действовавшем в тот период законодательстве, о надзорном характере деятельности прокурора в рассмотрении

дел судами. Так, нормативными актами был закреплен надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов (ст. 3 Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.); надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах (гл. 3 Закона СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г.). Применительно к этой деятельности реализовывался и общий подход, в соответствии с которым цели, задачи и содержание деятельности прокурора определялись исходя из предмета прокурорского надзора при рассмотрении судами дел [31, 32]. Однако в тот период понятие предмета применительно к указанной деятельности прокурора, следуя общей логике законодателя, также не использовалось и не было закреплено в соответствующих нормативных правовых актах.

В связи с изменением основных подходов к законодательному регулированию деятельности прокурора в суде Закон «О прокуратуре Российской Федерации» исключил участие прокурора в рассмотрении дел судами из числа надзорных направлений деятельности. Несмотря на то что участие прокурора в рассмотрении дел судами теперь отнесено к ненадзорным направлениям деятельности, актуальность формирования общих подходов к формулированию содержания понятия «предмет деятельности» не снижается. Его актуальность только возрастает в связи со значительными изменениями законодательства в сфере судопроизводства, в том числе с введением в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [33]. Предмет участия прокурора в рассмотрении дел судами получает новое содержание, которое надлежит определить и проанализировать.

В настоящее время проблема повышения эффективности защиты прокурором конституционных прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства путем реализации в едином комплексе полномочий надзорного и ненадзорного характера является одной из наиболее актуальных.

Поскольку часто окончательное разрешение возникших споров происходит в суде, то от результата деятельности прокурора при рассмотрении дел судом зависит общий уровень исполнения законов, т.е. успешность, в том числе и надзорной деятельности прокуратуры. Нередко только суд своим решением, законность и обоснованность которого обеспечивают участием прокурора, может активно влиять на ситуацию и способствовать восстановлению нарушенных прав и законных интересов лица. Таким образом, эффективность работы прокурора в рассмотрении дел судами гарантирует эффективность правозащитной деятельности прокуроров.

Для практической деятельности определение предмета участия прокурора в судопроизводстве выступит базой, на основании которой будут выполняться предусмотренные статусом прокурора в судопроизводстве взаимосвязанные действия в связи с участием в рассмотрении дел судами. Особенности организации и методики участия прокурора в рассмотрении дел судами взаимосвязаны с предметом этой деятельности. Пределы участия прокурора в су-

допроизводстве и специфика воздействия на общественные правоотношения в целях защиты прав иных лиц тоже обусловлены предметом участия прокурора в рассмотрении дел судами. Следовательно, содержание предмета участия прокурора в судопроизводстве важно для осуществления единообразной результативной правозащитной прокурорской деятельности.

При наличии оснований прокурор защищает права и интересы указанных лиц в судебном порядке, и наиболее часто – в гражданском судопроизводстве. Поэтому для обеспечения необходимого уровня защиты прав иных лиц возникла необходимость определить, что понимается под предметом участия и деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве. В силу нормативного закрепления понятия «участие» прокурора в рассмотрении дел судами необходимо определить соотношение указанных понятий и правомерность применения термина «деятельность».

Предмет – то, на что направлена мысль, что составляет ее содержание или на что направлено какое-нибудь действие [34. С. 578]. Это те грани, стороны объекта, через которые он исследуется.

Впервые после изменения законодательства, регламентирующего участие прокурора в рассмотрении дел судами, содержание понятия «предмет деятельности» в ненадзорном направлении было сформулировано применительно к проблемам защиты прокурором трудовых прав и свобод граждан в гражданском судопроизводстве [35].

Представляется, что, развивая подходы, сформулированные применительно к достаточно частному случаю, можно в общем виде определить предмет участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

В силу п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре целями деятельности прокуратуры являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Пункт 4 ст. 27 Закона о прокуратуре говорит о том, что в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших.

Пункт 3 ст. 35 Закона о прокуратуре наделяет прокурора правом в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Также ч. 1, 3 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [36] устанавливают право прокурора на участие в гражданском судопроизводстве в инициативной форме и для дачи заключения по делу.

Статья 39 Закона о прокуратуре устанавливает право Генерального прокурора Российской Федера-

ции обращаться в Пленум Верховного Суда Российской Федерации с представлениями о даче судам разъяснений по вопросам судебной практики по гражданским, арбитражным, уголовным, административным и иным делам.

Для определения предмета участия прокурора в гражданском судопроизводстве также необходимо проанализировать задачи гражданского судопроизводства, установленные ст. 2 ГПК РФ: правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Отметим, что законодатель применил разные подходы при установлении субъектов, чьи права прокурор защищает в гражданском судопроизводстве. Так, ст. 45 ГПК РФ указывает граждан, неопределенный круг лиц, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. В то же время в ст. 35 Закона о прокуратуре названы граждане, общество и государство.

Чтобы прийти к единообразию в данном вопросе, обратимся к нормам Конституции Российской Федерации. Федеративное устройство Российской Федерации (ст. 5, 11, 12 Конституции Российской Федерации) заключается в выделении субъектов Российской Федерации. На основании Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [37] осуществляют деятельность органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Кроме них самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью обеспечивает местное самоуправление в Российской Федерации (ч. 1 ст. 130 Конституции Российской Федерации), которое осуществляется в рамках муниципальных образований. Муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения (ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [38]).

На основании ч. 1, 2 ст. 10 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. Границы территорий

муниципальных образований устанавливаются и изменяются законами субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 11–13 настоящего Федерального закона.

Статья 11.1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет, что территория субъекта Российской Федерации разграничивается между поселениями, территории всех поселений входят в состав муниципальных районов.

Следовательно, говоря о государстве, нельзя исключить субъекты Российской Федерации и муниципальные образования как его составляющие.

Гражданский кодекс Российской Федерации [39] в ст. 66, 124 называет участниками гражданских правоотношений публично-правовые образования (Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования). В Бюджетном кодексе Российской Федерации [40] также неоднократно применяется термин «публично-правовое образование», который объединил Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

Таким образом, Российская Федерация и закрепленные нормативными правовыми актами единицы федерального и территориального устройства входят в содержание понятия «публично-правовое образование».

Рассмотрим соотношение терминов «общество» и «неопределенный круг лиц». В связи с тем, что законодательно не закреплено понимание неопределенного круга лиц, Верховный Суд РФ дал судам разъяснение следующего содержания. Под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела [41. С. 27]. В науке предлагаются сходные формулировки, к примеру, неопределенный круг лиц – это количественно не установленный, но предположительно многочисленный состав потенциальных истцов, не позволяющий привлечь к участию в процессе всех пострадавших от действий (бездействия) одного и того же ответчика, объединенных общностью предмета и основания иска [42. С. 6].

Из приведенных С.И. Ожеговым определений «общество» следует, что это: 1) совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности (феодалное о., капиталистическое о.); 2) круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов (дворянское о., образованное о.) [34. С. 464].

Применительно к разрешению споров о нарушении прав судом надлежит отдать предпочтение подходу Верховного Суда РФ.

Вынесенное судом постановление при наличии оснований прокурор вправе оспорить в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

На основании изложенного полагаем, что предметом участия прокурора в гражданском судопроизводстве в пределах предоставленных прокурору полномочий является защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов неопределенного круга лиц и публично-правовых образова-

ний, соответствие законам действий (бездействия) и решений участвующих в деле лиц, законность и обоснованность судебных постановлений при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Указанные составляющие предмета участия прокурора в гражданском судопроизводстве побуждают прокурора реагировать как представителя государственного органа в случае выявления нарушения Конституции Российской Федерации, неисполнения законов, нарушения прав иных лиц при подготовке заявления в суд и в судопроизводстве, незаконности судебных постановлений. Причем его оценка действий и решений участвующих в деле лиц должна быть объективной вне зависимости от того, кем допущены нарушения. Для этого прокурор как участвующее в деле лицо в силу ст. 34, 35 ГПК РФ вправе участвовать в исследовании доказательств, заявить ходатайство, задавать вопросы, принести представление на судебный акт и пр.

Поскольку рассмотрение дел арбитражными судами в настоящее время является составной частью гражданского судопроизводства, представляется возможным и целесообразным экстраполировать предложенную выше формулировку и на определение предмета участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами.

При определении предмета участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами необходимо основываться на общих нормах п. 2 ст. 1, п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35, ст. 39 Закона о прокуратуре.

Кроме этого, необходимо учитывать задачи рассмотрения дел в арбитражных судах, перечисленные в ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [43], среди которых: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом; укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; формирование уважительного отношения к закону и суду и др.

При определении предмета участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами необходимо помнить, что в силу ч. 1, 5 ст. 52 АПК РФ прокурор участвует в рассмотрении дела судом с заявлением в защиту прав и законных интересов организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, публично-правовых образований и путем вступления в процесс для дачи заключения по делу. При этом статус прокурора определен ст. 40 АПК РФ как лица, участвующего в деле.

Вынесенное судом постановление при наличии оснований прокурор вправе оспорить в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Итак, предметом участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами в пределах предостав-

ленных прокурору полномочий является защита прав и законных интересов организаций и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов публично-правовых образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, соответствие законам действий (бездействия) и решений участвующих в деле лиц, законность и обоснованность судебных постановлений в арбитражном процессе. При установлении оснований прокурор как представитель федерального органа и лицо, участвующее в деле, реагирует на перечисленные нарушения при подготовке заявления в суд и в судопроизводстве в соответствии со ст. 41 АПК РФ путем заявления ходатайств, инициируя пересмотр решения и пр.

При определении предмета участия прокурора в конституционном судопроизводстве также необходимо основываться на п. 2 ст. 1, п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35, ст. 39 Закона о прокуратуре. В конституционном судопроизводстве предмет деятельности прокурора предопределен правом Генерального прокурора Российской Федерации обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле (ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 96 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации [44], ч. 6 ст. 35 Закона о прокуратуре), участием Полномочного представителя Генерального прокурора Российской Федерации в рассмотрении дел для дачи заключения, а также правом прокурора субъекта Российской Федерации на участие в конституционном судопроизводстве в конституционном (уставном) суде субъекта Российской Федерации, которое закреплено в законах о конституционных (уставных) судах некоторых субъектов России.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию, в связи с чем в предмет участия прокурора в конституционном судопроизводстве не входят проверка законности решений и их оспаривание.

Таким образом, предмет деятельности прокурора в конституционном судопроизводстве – это конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, защита конституционных прав и свобод граждан.

Несмотря на определенную специфику участия прокурора в рассмотрении судами административных дел (в порядке, предусмотренном Кодексом об административном судопроизводстве), представляется также возможным и целесообразным провести определенные аналогии и при определении предмета его деятельности в данном направлении ненадзорного характера.

После введения в действие КАС РФ в 2015 г. соответствующие изменения в Закон о прокуратуре не вносились, и при определении предмета участия прокурора в административном судопроизводстве необходимо основываться на общих нормах п. 2 ст. 1, п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35, ст. 39 Закона о прокуратуре. Далее ст. 3 КАС РФ определила задачами административно-

го судопроизводства обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений; защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений; правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел; укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений. Части 1 и 7 ст. 39 КАС РФ наделяют прокурора правом обратиться в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами, вступать в процесс и давать заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом. В силу ст. 37 КАС РФ прокурор является лицом, участвующим в деле.

Вынесенное судом постановление при наличии оснований прокурор вправе оспорить в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Следовательно, предметом участия прокурора в административном судопроизводстве в пределах предоставленных прокурору полномочий выступают защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов неопределенного круга лиц и публично-правовых образований, соответствие законам действий (бездействия) и решений участвующих в деле лиц, соблюдение прав и свобод участвующих в деле лиц, законность и обоснованность судебных постановлений при рассмотрении и разрешении административных дел. В силу ст. 45 КАС РФ прокурор как представитель федерального органа и лицо, участвующее в деле, при наличии оснований вправе принимать меры по фактам нарушения Конституции Российской Федерации, неисполнения законов, нарушения прав иных лиц при подготовке заявления в суд, а также в судопроизводстве путем заявления ходатайств, инициирования пересмотра решений суда.

Что касается предмета участия прокурора в рассмотрении судами уголовных дел, то представляется необходимым формулировать его исходя из того, что в соответствии с п. 4 ст. 35 Закона о прокуратуре полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации. То есть применительно к участию прокурора в рассмотрении судами уголовных дел – соответственно уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, следует учитывать, что прокурор при этом не только поддерживает государственное обвинение, но и при несогласии с решениями суда вправе опротестовать их в установленном законом порядке в целях обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также для защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В соответствии с законом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания

в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [45]). Следовательно, участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами является продолжением реализации надзорных полномочий в досудебном производстве, однако носит достаточно самостоятельный характер и рассматривается в качестве относительно обособленной составной части уголовного преследования [46].

Таким образом, применительно к участию прокурора в рассмотрении уголовных дел требуется руководствоваться целями и задачами уголовного судопроизводства в целом и теми полномочиями, которыми законодатель наделяет прокурора. Исходя из этого, представляется, что предметом участия прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства является защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, исполнение уголовно-процессуального и иного законодательства, подлежащего применению, всеми участниками уголовного судопроизводства, соблюдение прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также соблюдение прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных в целях защиты их от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод, а также законности судебных решений в уголовном судопроизводстве.

Отметим, что когда речь идет об определенной категории дел, предмет участия прокурора в рассмотрении дел соответствующей категории судом подлежит уточнению в соответствии с процессуальным законом.

Проанализируем соотношение участия прокурора в рассмотрении дел судами и деятельности прокурора в судопроизводстве. Пункт 3 ст. 1 Закона о прокуратуре говорит об участии прокурора в рассмотрении дел судами. Аналогичным образом процессуальные законодательные акты относят прокурора к числу лиц, участвующих в деле (ст. 34, 45 ГПК РФ, ст. 37 КАС РФ). В гражданском судопроизводстве помимо общих прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, закрепленных ст. 35 ГПК РФ, некоторые специальные права прокурора названы в ст. 45 ГПК РФ: обращаться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований; вступать в процесс и давать заключение по делам в установленных законом случаях. Как следует из названных норм, участие в деле прокурора охватывает совершение действий, реализующих процессуальные права, начинается подготовкой заявления в суд и завершается получением судебного постановления и его оспариванием. Аналогичный подход применен в ст. 45, 39 КАС РФ.

Однако нельзя ограничить работу прокурора только процессуальной деятельностью. До обращения в суд необходимо провести проверку, проанализиро-

вать собранные материалы, изучить судебную практику, подготовить заявление (иск), при необходимости в ходе рассмотрения дела судом своевременно получать письменное подтверждение волеизъявления материального истца, осуществлять взаимодействие с прокурором, направившем заявление в суд (если заявление направлено прокурором другого города, района, субъекта России по территориальной подсудности), осуществить взаимодействие с прокурорским работником, реализующим надзорные полномочия в отношении службы судебных приставов и пр. Поэтому представляется верным применение понятия «деятельность» в широком смысле, которое охватывает все аспекты организации и деятельности прокуратуры, и «участие» в рассмотрении дела судом в узком смысле, в части, урегулированной соответствующим процессуальным законом.

Поэтому наравне с понятием «предмет участия в рассмотрении дел судами» представляется возможным использование понятия «предмет деятельности при рассмотрении дел судами». При том условии, что понятие «предмет деятельности прокурора в судопроизводстве» выступает в качестве обобщающего, которое охватывает предмет участия в том или ином судопроизводстве, предмет досудебной деятельности прокурора (в части, связанной с обращением в суд с заявлением) и надзора за исполнением законов судебными приставами при исполнении судебных постановлений.

Следуя логике Закона о прокуратуре, представляется необходимым определить также понятие предмета деятельности в таких направлениях ненадзорного характера, как координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и участие прокурора в законотворческой (или правотворческой) деятельности.

Не ставя задачи всестороннего и полного рассмотрения всех вопросов, связанных с определением содержания, целей и задач деятельности прокурора в указанных направлениях, остановимся только на формулировании предмета каждого из них.

Предмет координационной деятельности имеет в настоящее время особое значение с учетом создания и функционирования координационных совещаний по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации, а также необходимости объединения усилий всех правоохранительных органов в борьбе с любыми проявлениями преступности на основе научно-обоснованных подходов к пониманию сущности такой деятельности.

Предметом координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на территории Российской Федерации, а также международных договоров Российской Федерации всеми правоохранительными органами в борьбе с преступлениями, коррупцией, в противодействии терроризму, экстремизму, иным современным угрозам в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Высказано мнение, что предмет участия прокуратуры в законотворческой деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации составляют определенная нормативными правовыми актами деятельность прокуроров по обеспечению соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнению законов, действующих на территории Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также реализации иных целей участия прокуратуры в законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации при установлении противоречивости, неполноты, несоответствия разрабатываемых, принимаемых и действующих законов субъектов Российской Федерации Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным и федеральным законам, потребностям правового регулирования развития общественных отношений в регионе, их противоречия нормам конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, действующим законам субъекта Российской Федерации, посредством внесения в пределах своих полномочий в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти субъекта Российской Федерации предложений об изменении, дополнении, об отмене или о принятии законов субъекта Российской Федерации или их отдельных норм, и участие в их реализации [47. С. 21–22].

Однако в такой трактовке предмет понимается как сама деятельность, что затрудняет уяснение смысла используемого понятия. Указание на «иные цели участия прокуратуры в законотворческой деятельности» вызывает вопросы.

Представляется, что в соответствии с нормами Закона о прокуратуре предметом участия прокуратуры в правотворческой деятельности выступают соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, необходимость совершенствования действующих нормативных правовых актов.

В контексте обсуждаемых вопросов и в целях формулирования единого понятия предмета прокурорской деятельности представляется интересным проанализировать также сложившиеся в настоящее время подходы к определению предмета деятельности прокурора, объединяющей надзорную и ненадзорную составляющие в отдельных направлениях и поднаправлениях. Рассматривая предложенные в литературе формулировки в качестве переходных, промежуточных между понятием предмета деятельности прокурора в конкретном направлении надзора и определением предмета его деятельности в целом как научной категории более высокой степени обобщенности. Поскольку в соответствии с Законом прокуратура осуществляет свою деятельность в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а

также охраняемых законом интересов общества и государства, указанные вопросы все чаще становятся предметом диссертационных и монографических исследований.

Как уже отмечалось, применительно к направлениям прокурорской деятельности надзорного характера понятие «предмет надзора» является традиционным. Вместе с тем все чаще в научных публикациях и диссертационных исследованиях в целях обеспечения единства и укрепления законности обосновывается необходимость комплексного подхода к пониманию и исследованию деятельности прокурора. Такой подход реализован в диссертационном исследовании Т.А. Ашурбекова, который обосновал необходимость изучения предмета надзора за исполнением законов и иной функциональной деятельности прокуратуры по обеспечению национальной безопасности как комплексного теоретико-правового понятия, как совокупной категории [9. С. 12].

В свою очередь Н.Н. Карпов также рассматривает предмет деятельности прокуратуры как собирательный, включающий предмет надзорной деятельности и предметы деятельности прокуратуры по осуществлению уголовного преследования, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и др. [48].

Однако предлагаемые в различных научных работах решения не всегда представляются бесспорными.

Так, не представляется возможным согласиться с предложением рассматривать в качестве предмета деятельности прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в судах в гражданско-правовом и административно-правовом порядке совокупность осуществляемых им действий и принимаемых решений по оценке представленных по результатам надзорных проверок материалов с точки зрения перспектив удовлетворения судами заявленных требований, выбору способов достижения поставленной цели, под которой выступает устранение нарушенных прав, подбору надлежащих доказательств в обоснование своей позиции, а также определению подведомственности и подсудности рассмотрения соответствующих дел [49. С. 13]. Думается, что в предложенном определении смешиваются понятия предмета и содержания деятельности прокурора. Что совокупность действий и решений прокурора не может выступать предметом его же деятельности, тем более, что это прямо противоречит подходам законодателя к определению предмета деятельности прокурора при осуществлении надзорных полномочий. При формулировании определения следует исходить также из того, что предмет – это то, на что направлена мысль, что составляет ее содержание или на что направлено какое-нибудь действие [34. С. 578]. Это те грани, стороны объекта, через которые он исследуется.

Подводя итоги и в целях формулирования понятия предмет прокурорской деятельности, представляется необходимым вернуться к рассмотренному выше соотношению понятий «общество» и «неопределенный круг лиц», поскольку первое из них использует ст. 1 Закона о прокуратуре, а второе – ст. 45 ГПК РФ. Как было подчеркнуто выше, неопределенный круг лиц – это наиме-

нование субъекта, защищаемого прокурором в гражданском судопроизводстве, который складывается из неподлежащего определению круга граждан. Формулировка ст. 1 Закона о прокуратуре не содержит ограничений в этой части и позволяет толковать круг граждан и как определенный, и как неопределенный, т.е. понятие «общество» представляется более широким по объему.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в силу своей специфики понятие «общество» не может рассматриваться как тождественное понятию «неопределенный круг лиц», поскольку отражает не количественные характеристики круга лиц, а качественные, характеризующие также и сложившиеся взаимоотношения между входящими в него лицами. Поэтому представляется логичным при формулировании понятия «предмет деятельности прокурора» использовать термин «общество».

Исходя из того, что, по нашему мнению, соблюдение прав и свобод человека и гражданина должно выступать универсальной составляющей предметов надзорных и ненадзорных направлений деятельности прокурора, в качестве единого предмета участия прокурора в рассмотрении дел судами следует рассматривать защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства; соответствие законам действий (бездействия) и решений и участвующих в делах лиц; законность и обоснованность судебных постановлений.

Представляется, что дальнейшее развитие предложенных подходов будет способствовать совершенствованию теоретико-правовой основы деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Так, участие в рассмотрении дел судами и деятельности прокурора в каждом из направлений имеют соответствующие пределы, которые определяются исходя, в том числе, из предмета и обуславливают особенности реализации полномочий прокурора. При этом Законом о прокуратуре пределы установлены только для надзора прокурора. Однако тенденции развития науки и законодательства о прокурорской деятельности показывают необходимость формирова-

ния единой теоретико-правовой основы, в том числе в части пределов ненадзорной деятельности прокурора и участия его в рассмотрении дел судами.

Таким образом, определение предмета участия прокурора в рассмотрении дел судами, предмета ненадзорной деятельности прокурора, способствует развитию теоретических основ прокурорской деятельности, формированию единых подходов в разработке общей теории прокурорской деятельности, которая в свою очередь выступит основой разработки частных теорий прокурорской деятельности в различных направлениях деятельности прокурора надзорного и ненадзорного характера. Что в свою очередь будет способствовать повышению эффективности практической деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Таким образом, следует подчеркнуть, что формулирование единого определения предмета деятельности прокурора имеет не только теоретическое, но и самостоятельное прикладное значение. Оно позволяет правильно определять цели и задачи осуществления деятельности прокуратуры в целом, всех ее звеньев, структурных подразделений, а также ее цели и задачи в соответствующих отраслях, направлениях (поднаправлениях), в смежных и комплексных направлениях деятельности. Обеспечить единство подходов к определению целей и задач деятельности прокуратуры в различных отраслях и направлениях, а также успешное достижение целей, стоящих перед российской прокуратурой на современном этапе. Знание предмета деятельности позволяет прокурорам также правильно сформулировать цель и задачи каждой планируемой и проводимой проверки, иных мероприятий, планируемых и проводимых прокурорами.

В связи с этим в развитие единого подхода представляется целесообразным закрепить определения предмета участия прокурора в рассмотрении дел судами в соответствующих организационно-распорядительных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1936/red_1936/3958676/chapter/9/#block_1900 (дата обращения: 01.02.2017).
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
3. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 9. Ст. 222.
4. Березовская С.Г., Звирбуль В.К., Новиков С.Г., Рагинский М.Г. Законодательство о прокурорском надзоре в СССР нуждается в дальнейшем развитии // Советское государство и право. 1965. № 3. С. 42–49.
5. Козлов А.Ф. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Общая часть : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1990. 140 с.
6. Ломовский В.Д. О понятии и содержании прокурорской проверки // Правоведение. 1988. № 5. С. 89–93.
7. Закон СССР «О прокуратуре СССР» от 30.11.1979 // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 41.
8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
9. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 543 с.
10. Борисова Ю.В. Деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: гражданско-правовой и административно-правовой способы судебной защиты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 220 с.
11. Винокуров А.Ю. Проблемы совершенствования природоохранной деятельности прокуратуры Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 484 с.
12. Залужная И.А. Деятельность прокурора по реализации права законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 199 с.
13. Казарина А.Х. Эволюция взглядов на предмет прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2. С. 36–42.

14. Клепоносова М.В. Прокурорский надзор за соблюдением конституционных прав граждан на землю : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 174 с.
15. Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 198 с.
16. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2017).
17. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.02.2017).
18. Головки И.И. Защита прокурором трудовых прав граждан в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 217 с.
19. Гринько Ю.Н. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по защите прав человека и гражданина при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 213 с.
20. Гурулёв Д.В. Организация работы с использованием компьютерных технологий в прокуратуре субъекта Российской Федерации по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении дел арбитражными судами : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 236 с.
21. Любчикова П.М. Проблемные аспекты надзорной и ненадзорной деятельности прокурора по обеспечению исполнения административного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 195 с.
22. «Модельный закон о прокуратуре», принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (Постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 года) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (часть 1). С. 317–362.
23. Воронин О.В. О значении координационной, профилактической и административно-юрисдикционной деятельности прокурора // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 96–99.
24. Основные направления прокурорской деятельности : учеб. пособие / науч. ред. Н.П. Дудин. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 132 с.
25. Козлов Т.Л., Илий С.К. Прокурорский надзор за исполнением законов о государственной и муниципальной службе, противодействии коррупции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 2 (38). С. 33–43.
26. Рябцев В.П. Прокурорский надзор : курс лекций. М. : НОРМА, 2006.
27. Бессарабов В.Г. Функции современной российской прокуратуры (состояние и перспективы правовой регламентации) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 9. С. 19–24.
28. Никитин Е.Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6. С. 58–64.
29. Алексеев С.Л., Вотчев Н.Р. Прокурорский надзор : учеб. пособие / под ред. Ф.Н. Багаутдинова. Казань, 2014.
30. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
31. Протопопов А.Л. Функции прокуратуры // Правоведение. 2000. № 6 (233). С. 169–178.
32. Рохлин В.И. Участие прокурора в рассмотрении судом гражданских дел. Прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве. URL: http://www.law.vl.ru/analit/show_m.php?id=105&pub_name (дата обращения: 01.02.2013).
33. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.
34. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд. М., 1990. 915 с.
35. Головки И.И. К вопросу определения предмета деятельности прокурора по защите трудовых прав и свобод граждан в гражданском судопроизводстве // КриминалистЪ. 2013. № 1 (12). С. 84–88.
36. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
37. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
38. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
39. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
40. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
41. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 года. Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 и 30 июня 2004 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11.
42. Батаева Н.С. Судебная защита прав и интересов неопределенного круга лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 32 с.
43. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
44. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
45. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
46. Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Алеф-пресс, 2015. 232 с.
47. Паштов Д.Р. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 32 с.
48. Карпов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 7–11.
49. Борисова Ю.В. Деятельность прокурора по защите прав на объекты интеллектуальной собственности: гражданско-правовой и административно-правовой способы судебной защиты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 29 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июля 2017 г.

THE OBJECT OF THE PUBLIC PROSECUTOR'S ACTIVITY – A NEW CATEGORY OR A NECESSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 207–218.

DOI: 10.17223/15617793/423/29

Olga N. Korshunova, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olga_korshunova1@mail.ru

Irina I. Golovko, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

Keywords: prosecutor; object of supervision; constitutional; civil; administrative; criminal proceedings.

The aim of this work is to justify the selection of objects of non-supervisory public prosecutor's activities as a separate type and to identify such particular objects when the prosecutor participates in the proceedings and legislative activities, coordinates law enforcement agencies of crime control. Also the aim of the work is to determine the content of a single object of the public prosecutor's activities. The subject of the work. The Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" in Articles 21 and 26 consolidated the definition of the object of prosecutor's supervision over observance of the Constitution, execution of the laws, the legality of legal acts, as well as supervision over the observance of the rights and freedoms of human and citizen. Previous publications stated the prosecutor is to protect labor rights and freedoms of citizens in civil proceedings, to participate in legislative activity of legislative (representative) and executive bodies of state power of the Russian Federation, to protect the rights of intellectual property in courts in civil and administrative legal order. In connection with the development of new approaches to the understanding of the activities of the prosecutor's office in the theory of prosecutorial activities, it seems urgent not only to identify the object for each of the activities of the supervisory and non-supervisory nature, but also to introduce the concept of the object of the public prosecutor's activities in the scientific use. The results of the work. A unified approach to the definition of the object of non-supervisory activities of the prosecutor in different directions was approved. Observance of the Constitution, execution of the laws, the legality of legal acts, as well as the rights and freedoms of man and citizen, interests of society and public law entities were identified as components of the object of the prosecutor's activity. Conclusion. Definitions of objects of the prosecutor's activities in not supervisory directions (participation in constitutional, civil, criminal, administrative proceedings; coordination of law enforcement agencies to combat crime) were formulated. Introduction to the scientific use of the concept of a single object of activities of the public prosecutor is an absolute necessity, it will contribute to the implementation of the unity of approaches to the definition of the aims and objectives of activities in various sectors and areas, as well as to the successful achievement of the aims of the Russian Prosecutor's Office at the present stage.

REFERENCES

1. USSR. (1936) *The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 05.12.1936*. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1936/red_1936/3958676/chapter/9/#block_1900. (Accessed: 01.02.2017). (In Russian).
2. USSR. (1977) *The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 07.10.1977. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 41. Art. 617. (In Russian).
3. USSR (1995) Decree of the USSR Supreme Soviet Presidium of 24.05.1955 "On approval of the public prosecutor's supervision in the USSR". *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 9. Art. 222. (In Russian).
4. Berezovskaya, S.G., Zvirbul', V.K., Novikov, S.G. & Raginskiy, M.G. (1965) *Zakonodatel'stvo o prokurorskom nadzore v SSSR nuzhdaetsya v dal'neyshem razvitiy* [Legislation on the public prosecutor's supervision in the USSR needs further development]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 42–49.
5. Kozlov, A.F. (1990) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast'* [Prosecutorial Supervision in the Russian Federation]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy.
6. Lomovskiy, V.D. (1988) O ponyatii i soderzhanii prokurorskoy proverki [On the concept and content of the prosecutor's check] *Pravovedenie*. 5. pp. 89–93.
7. USSR. (1979) *Zakon SSSR "O prokurature SSSR"* ot 30.11.1979 [Law of the USSR of 30.11.1979 "On the Prosecutor's Office of the USSR"]. *Svod zakonov SSSR*. 10. pp. 41.
8. Russian Federation. (1995) *Federal'nyy zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 "O prokurature Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 47. Art. 4472.
9. Ashurbekov, T.A. (2009) *Pravovye i organizatsionnye osnovy nadzornoj i inoy funktsional'noy deyatel'nosti prokuratury v sfere natsional'noy bezopasnosti* [The legal and organizational framework for supervisory and other functional activities of prosecutors in the field of national security]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Borisova, Yu.V. (2014) *Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav na ob'ekty intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovoy i administrativno-pravovoy sposoby sudebnoy zashchity* [Activities prosecutor to protect the rights of intellectual property: civil, administrative and legal methods of judicial protection]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Vinokurov, A.Yu. (2006) *Problemy sovershenstvovaniya prirodookhrannoy deyatel'nosti prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Problems of perfecting the environment protection activities of the RF prosecutor's office]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Zaluzhnaya, I.A. (2013) *Deyatel'nost' prokurora po realizatsii prava zakonodatel'noy initsiativy v zakonodatel'nom (predstavitel'nom) organe gosudarstvennoy vlasti sub'ekta Rossiyskoy Federatsii* [Activity of the public prosecutor on the implementation of the right of legislative initiative in the legislative (representative) body of state authority of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Kazarina, A.Kh. (2013) *Evolutsiya vzglyadov na predmet prokurorskogo nadzora* [The evolution of views on the subject of prosecutorial supervision]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2. pp. 36–42.
14. Kleponosova, M.V. (2000) *Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem konstitutsionnykh prav grazhdan na zemlyu* [Prosecutor's supervision over the observance of constitutional rights of citizens to land]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Nikitin, E. L. (2000) *Aktual'nye problemy prokurorskoy deyatel'nosti pri osushchestvlenii ugolovnogo presledovaniya* [Topical problems of prosecutorial activity in the exercise of criminal prosecution]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
16. Consultant.ru. (2007) *Prikaz General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii ot 07.12.2007 № 195 "Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov, soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina"* [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 07.12.2007 No. 195 "On the organization of prosecutor's supervision over the execution of laws, observance of human and citizen's rights and freedoms"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 01.02.2017).
17. Consultant.ru. (2015) *Prikaz General'nogo prokurora Rossiyskoy Federatsii ot 19.02.2015 № 78 "Ob organizatsii raboty po realizatsii polnomochiy prokurora v proizvozhde po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh"* [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 19.02.2015 No. 78 "On the organization of work on the implementation of the powers of the prosecutor in the proceedings for cases of administrative violations"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 01.02.2017).
18. Golovko, I.I. (2013) *Zashchita prokurorom trudovykh prav grazhdan v grazhdanskom sudoproizvozhde* [Protecting labor rights of citizens by the prosecutor in civil proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
19. Grin'ko, Yu.N. (2004) *Deyatel'nost' organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii po zashchite prav cheloveka i grazhdanina pri osushchestvlenii nadzora za ispolneniem zakonov sudebnymi pristavami-ispolnitelyami* [Activities of Russian prosecutors to protect human and civil rights in supervising the execution of laws by bailiffs]. Law Cand. Diss. Moscow.

20. Gurulev, D.V. (2014) *Organizatsiya raboty s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologiy v prokurature sub"ekta Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu uchastiya prokurorov v rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami* [Organization of work with the use of computer technology in the Russian Federation Prosecutor's Office to ensure the participation of prosecutors in handling cases by arbitration courts]. Law Cand. Diss. Moscow.
21. Lyubchikova, P.M. (2012) *Problemye aspekty nadzornoy i nenadzornoy deyatel'nosti prokurora po obespecheniyu ispolneniya administrativnogo zakonodatel'stva* [Problematic aspects of the supervisory and non-supervisory activities prosecutor to enforce administrative legislation]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
22. Interparliamentary Assembly of CIS Member Nations. (2007) "Model'nyy zakon o prokurature", prinyat na dvadtsat' sed'mom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoy Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG (Postanovlenie № 27-6 ot 16 noyabrya 2006 goda) ["Model Law on the Prosecutor's Office", adopted at the twenty-seventh plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member Nations (Decision No. 27-6 of 16 November 2006)]. *Informatsionnyy byulleten'. Mezhparlamentskaya Assambleya gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv*. 39:1. pp. 317–362.
23. Voronin, O.V. (2013) On significance of coordinative, preventive and administrative-jurisdictional activity of the prosecutor. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1. pp. 96–99. (In Russian).
24. Dudin, N.P. (ed.) (2011) *Osnovnye napravleniya prokurorskoy deyatel'nosti* [Key directions of prosecutor's activities]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute.
25. Kozlov, T.L. & Iliy, S.K. (2016) Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe, protivodeystvii korruptsii [Prosecutor's supervision of the implementation of laws on state and municipal service, countering corruption]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. 2 (38). pp. 33–43.
26. Ryabtsev, V.P. (2006) *Prokurorskiy nadzor: kurs lektsiy* [Prosecutor's supervision: lectures]. Moscow: NORMA.
27. Bessarabov, V.G. (2009) Funktsii sovremennoy rossiyskoy prokuratury (sostoyanie i perspektivy pravovoy reglamentatsii) [Functions of the modern Russian prosecutor's office (state and prospects of legal regulation)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 9. pp. 19–24.
28. Nikitin, E.L. (2008) Kontseptual'nyy podkhod k opredeleniyu funktsiy i sistemy polnomochiy prokuratury v Rossii [A conceptual approach to defining the functions and system of powers of the prosecutor's office in Russia]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6. pp. 58–64.
29. Alekseev, S.L. & Votchev, N.R. (2014) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. Kazan: Informatsionno-tekhnologicheskii tsentr ASO.
30. Russian Federation. (2014.) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s ucheto popravok, vnesennykh Zakonomi RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 4398.
31. Protopopov, A. L. (2000) Funktsii prokuratury [Prosecutor's Office functions]. *Pravovedenie*. 6 (233). pp. 169–178.
32. Rokhlin, V.I. (n.d.) *Uchastie prokurora v rassmotrenii sudom grazhdanskikh del. Prokurorskiy nadzor v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Participation of the prosecutor in the court's consideration of civil cases. Prosecutorial supervision in civil proceedings]. [Online] Available from: http://www.law.vl.ru/analit/show_m.php?id=105&pub_name. (Accessed: 01.02.2013).
33. Russian Federation. (2015) "Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii" ot 08.03.2015 № 21-FZ [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015, 21-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 10. Art. 1391.
34. Ozhegov, S.I. (ed.) (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 22nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Golovko, I.I. (2013) K voprosu opredeleniya predmeta deyatel'nosti prokurora po zashchite trudovykh prav i svobod grazhdan v grazhdanskom sudoproizvodstve [On the definition of the object of prosecutor's activity for the protection of labor rights and freedoms of citizens in civil legal proceedings]. *Kriminalist*". 1 (12). pp. 84–88.
36. Russian Federation. (2002) "Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 14.11.2002 № 138-FZ [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002, 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 46. Art. 4532.
37. Russian Federation. (1999) Federal'nyy zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law 184-FZ of 06.10.1999 "On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 42. Art. 5005.
38. Russian Federation. (2003) Federal'nyy zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law 131-FZ of 06.10.2003 "On general principles of local self-government in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 40. Art. 3822.
39. Russian Federation. (1994) "Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)" ot 30.11.1994 № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994, 51-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.
40. Russian Federation. (1998) "Byudzhetnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 31.07.1998 № 145-FZ [The Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998, 145-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 3823.
41. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2004) Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za pervyy kvartal 2004 goda. Utverzhden postanovleniem Prezidiuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 i 30 iyunya 2004 goda [Overview of judicial practice for the first quarter of 2004 of the Supreme Court of Justice. Approved by Decree of the Presidium of the Supreme Court on 23 and 30 June 2004]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 11.
42. Bataeva, N.S. (1999) *Sudebnaya zashchita prav i interesov neopredelenno kruga lits* [Judicial protection of rights and interests of an indefinite number of persons]. Law Cand. Diss. Moscow.
43. Russian Federation. (2002) "Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 24.07.2002 № 95-FZ [The Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation of 24.07.2002, 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3012.
44. Russian Federation. (1994) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii" [The federal constitutional law 1-FKZ of 7.21.1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 13. Art. 1447.
45. Russian Federation. (2001) "Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 18.12.2001 № 174-FZ [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 174-FZ of 18.12.2001]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52.I. Art. 4921.
46. Korshunova, O.N. (2015) *Teoreticheskie i prikladnye problemy ugolovno presledovaniya* [Theoretical and applied problems of criminal prosecution]. 3rd ed. St. Petersburg: Alef-press.
47. Pashtov, D.R. (2014) *Uchastie prokuratury v zakonotvorcheskoy deyatel'nosti zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Participation of the prosecutor's office in the legislative activity of legislative (representative) and executive bodies of subjects of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
48. Karpov, N.N. (2014) Prokuratura: nadzor ili deyatel'nost'? [The prosecutor's office: supervision or activities?]. *Zakonnost'*. 8. pp. 7–11.
49. Borisova, Yu.V. (2014) *Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav na ob"ekty intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovoy i administrativno-pravovoy sposoby sudebnoy zashchity* [Prosecutor's activities to protect the rights of intellectual property: civil and administrative legal means judicial protection]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 22 July 2017

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ» В СЛУЧАЕ БЕДСТВИЙ: ВОПРОС РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ

Исследуются возможности применения Концепции «Ответственность за защиту» к бедствиям. Дана общая характеристика проблемы; проанализированы международные документы; изучены позиции ученых; представлено мнение автора. Делается вывод о необходимости формирования компромиссного механизма реагирования на чрезвычайные ситуации, а само применение концепции не должно носить системный характер, и поэтому нельзя расширять перечень ситуаций применения Концепции.

Ключевые слова: ответственность за защиту; бедствия; гуманитарная помощь; суверенитет государства; гуманитарные операции ООН; ответственность пострадавшего государства.

С момента закрепления в международном праве общепризнанных принципов и установления механизма защиты государств от актов агрессии мировое сообщество стало постепенно разрабатывать и применять различные механизмы легитимного вмешательства в дела любой страны для обеспечения мира и международной безопасности. В XXI в. в этом направлении была разработана и активно продвигается концепция «Ответственности за защиту».

Анализ концепции «ответственности за защиту» в научной среде не нов, в том числе и для российской правовой школы [1]. В то же время ее развитие и продвижение в рамках системы ООН требует уделения внимания этому подходу, особенно в контексте расширительного толкования условий ее применения. Так, среди прочих, зарубежные специалисты предлагают включить в перечень ситуаций возможности применения данной концепции случаи бедствий. Данная ситуация вызывает серьезные противоречия в контексте общего международного права и вопросы относительно практического применения. Этому аспекту и будет посвящен наш анализ.

Мы можем отрицательно относиться к Концепции «Ответственности за защиту», не признавать ее легитимность, но вынуждены согласиться с фактом ее существования и применения мировым сообществом. А возможность ее расширения относительно катастрофических бедствий лишь повышает риск нарушения общепризнанных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН.

Прежде чем перейти к специфике рассматриваемого вопроса, необходимо дать общую, резюмирующую характеристику Концепции «Ответственности за защиту» в современном международном праве. Официально данная концепция пришла на смену концепции гуманитарной интервенции, т.е. она определяет условия, при наличии которых мировое сообщество имеет право посредством принятия резолюции СБ ООН нарушать императивные нормы международного права: ограничивать государственный суверенитет, вмешиваться во внутренние дела государства, нарушать территориальную целостность в целях защиты основных прав населения конкретной страны.

В то же время смена формулировки, на наш взгляд, позволяет перенести бремя ответственности с мирового сообщества, принявшего решение вмешаться во внутренние дела государства и осуществившего

определенные действия. Теперь ответственность несет само интернируемое государство изначально за внутреннюю политику, существенно нарушающую права человека и в целом международное право, и, как следствие, за действия мирового сообщества, вынужденного осуществить вмешательство.

Следует отметить, что ранее, в рамках гуманитарной интервенции, часто проводились военные операции без санкции СБ ООН. Обосновывались данные действия одними экспертами как дозволенные международным сообществом или встреченные им лишь с приглушенным несогласием [2. С. 5]. Другие, для легализации подобных ситуаций, обосновывают, что данные действия базируются на нормах обычного права, регулирующих ситуации, которые не предусмотрены положениями Устава ООН.

Иными словами, постепенно фактическое применение вооруженной силы от лица мирового сообщества и, как правило, без санкции СБ ООН стало обосновываться и подкрепляться подобными высказываниями для придания им статуса законных. Поэтому на современном этапе изначально была создана правовая основа в виде Концепции «Ответственность за защиту», которая получила закрепление в документах ООН.

Как отмечается в одной из зарубежных публикаций, основой концепции является то, что базовый принцип международного права – «государственный суверенитет» – не абсолютный. Она налагает на государство определенные обязанности в соответствии с нормами международного права. Каждое государство обязано защищать своих граждан от массовых убийств и других грубых нарушений их прав. Однако если какое-либо государство не способно или не желает нести такую ответственность либо само совершает массовые злодеяния, его суверенитет аннулируется. Обязанность защищать передается мировому сообществу в лице СБ ООН [3. С. 10].

В качестве обоснования разработки самой концепции и существования механизма применения вооруженных сил мировым сообществом было указано, что «противоречия по вопросу о применении силы в гуманитарных целях возникли вследствие существования “опасной брешы” между реально существующими страданиями людей и действующими правовыми нормами и механизмами регулирования международных отношений». Соответственно, заполнить эту «брешь» можно посредством разработанной концепции [4].

Рассматриваемая концепция базируется на ряде документов, на основании анализа которых можно выделить три основные ее составляющие:

- государства обязаны защищать население от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток;

- если государство не в состоянии обеспечить эти условия, международное сообщество обязано ему помочь путем использования методов раннего предупреждения, обеспечения переговоров между политическими партиями, укрепления безопасности, мобилизации военных сил и многих других действий;

- если государство не в состоянии защищать своих граждан и мирные средства не действенны, международное сообщество несет ответственность за вмешательство сначала дипломатическими способами, а затем, в качестве крайней меры, с использованием вооруженных сил [5. С. 97].

В последнем пункте присутствует высказывание об «ответственности за вмешательство». Однако критерий наложения ответственности подразумевает возможность конкретного субъекта международного права отвечать за свои действия. Вряд ли это возможно применительно к анализируемой концепции. Поэтому наиболее правильным будет закрепление не только односторонних обязательств, но и обратных. То есть в случае наступления более негативных последствий для интернируемого государства последнее должно иметь возможность, например, обратиться в Международный суд ООН для оценки действий мирового сообщества (международной организации) и, в случае признания нарушения, обязать его понести международно-правовую ответственность.

Конечно, действия по применению анализируемой концепции можно рассматривать как обстоятельство, исключающее международно-правовую ответственность, – крайняя необходимость. Однако в данном случае мировое сообщество должно четко определить, что причиняемый вред в результате вмешательства во внутренние дела государства должен быть меньшим, чем вред, причиняемый самим государством своему народу. Концепция официально признана ООН и активно применяется. Однако существующие примеры ее применения (Ливия) подтверждают тот факт, что военный способ решения проблемы используется, минуя иные средства данной Концепции, которые в ней закреплены.

Среди указанных сфер, нарушение которых может привести к применению концепции, указано «массовое нарушение прав человека». Как показывает практика, данная сфера часто широко трактуется. Под права человека попадают связанные с ними, но не всегда объективно оцениваемые критерии. Обеспечение прав человека в полном объеме в ситуации бедствия не всегда возможно. К тому же не все государства единообразно понимают естественные права и свободы человека (страны Азии и Востока).

Поскольку сама суть Концепции не является предметом нашего исследования, следует отметить, что при более глубоком и всестороннем ее анализе могут быть выделены позитивные и логичные аспекты применения Концепции «Ответственности за за-

щиту». Однако нас интересует отдельный элемент этого механизма, который активно обсуждается теоретиками и специалистами – возможность применения Концепции применительно к бедствиям, т.е. ее более широкое толкование и рассмотрение. Вопрос о расширении применения концепции появился неспроста. Не всегда в случае бедствия гуманитарным организациям удается установить контакт с местными властями пострадавшего государства. Также известны случаи, когда государство вообще отказывается от международной помощи, несмотря на тяжелое положение своего населения и невозможность самостоятельно справиться с ситуацией.

Рассмотрим эти подходы и вопросы их применения более подробно.

Интересной представляется позиция господина А.А. Илюшенко, который позитивно оценивает и саму Концепцию, и возможность, даже необходимость ее применения в случае бедствия [6. С. 51]. Свой анализ он строит на примере проведения гуманитарной операции на Гаити в результате произошедшего там землетрясения. Однако не со всеми доводами автора можно согласиться.

По мнению А.А. Илюшенко, поскольку в сфере бедствий на международном уровне нет единообразного универсального документа, закрепляющего правила поведения относительно оказания помощи, следует применять по аналогии механизм, используемый при оказании помощи в случае вооруженного конфликта.

Однако, по мнению, в том числе зарубежных, специалистов, каждая сфера общественных отношений обладает своей спецификой, и преломление иных правил поведения может привести к различным негативным последствиям.

К тому же в настоящее время идет активное становление самостоятельных международных норм относительно оказания помощи в случае стихийного катастрофического явления. Например, Рамочная конвенция по оказанию помощи в области гражданской обороны, которая была принята в рамках Международной организации гражданской обороны. Также в настоящее время Комиссия международного права ООН разработала Проект статей по защите населения в случае бедствий, в котором представлены основные правила поведения, уже сложившиеся на практике, относительно реагирования на бедствия и оказания помощи государствами друг другу в случае бедствий.

Надо отметить, что господин А.А. Илюшенко затрагивает весьма важные и сложные вопросы – введения чрезвычайного положения и доступа персонала гуманитарных операций в случае бедствия. Их проблемность заключается в том, что они носят сугубо внутригосударственный характер, только государство может определить их применение и содержание. А отсутствие на международном уровне каких-либо четких правил в этой сфере связано с пересечением этими нормами при реализации с общепризнанными принципами международного права – государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела государства. Подтверждением этого является и

то обстоятельство, что при направлении персонала гуманитарных миссий в пострадавшее государство последнее осуществляет непосредственное руководство всеми поисково-спасательными и гуманитарными операциями. И это правило четко прослеживается в двусторонних и региональных соглашениях, подчеркивается Комиссией международного права ООН в указанном выше проекте и документах по его разработке.

Мировое сообщество должно отстаивать общепризнанные принципы и нормы международного права как незыблемые нормы и в их совокупности. Повышение риска угрозы жизни населению бедствующего государства и отсутствие самостоятельных внутренних действий с его стороны (или достаточных действий) не означают наличия основания применения Концепции «Ответственности за защиту».

Мировое сообщество в лице ООН должно применять иные меры воздействия на такое государство, должна проводиться грамотная превентивная политика для формирования четкого восприятия государством своих обязательств перед населением в ситуации бедствия. Такой планомерной работой можно считать реализацию и развитие Международной стратегии уменьшения опасности бедствий (МСУОБ), которые осуществляются уже более 20 лет в рамках системы ООН.

В качестве составляющего элемента расширительного понимания Концепции «Ответственности за защиту» А.А. Илюшенко рассматривает возможность привлечения военного персонала, увеличение его количества в период пребывания на территории пострадавшего от бедствия государства. Однако, на наш взгляд, данный аспект не совсем подтверждает применение рассматриваемой концепции. Широкое рассмотрение термина «гуманитарный персонал» является весьма распространенной позицией мирового сообщества. Вопрос о присутствии же любого персонала на своей территории решает пострадавшая страна. Последняя должна четко понимать, какая помощь и в каких объемах ему нужна.

Автор выстраивает свою позицию, основываясь на анализе ситуации, сложившейся на Гаити после землетрясения в 2010 г., показывая, что расширительное толкование концепции не представляет собой серьезной угрозы государству, а лишь способствует более эффективной и своевременной помощи. Надо отметить, что ситуация здесь в целом достаточно специфическая, поскольку из-за сложной политической и экономической обстановки во избежание гражданской войны на территории страны присутствует международный контингент сил ООН, способствующий постепенному построению правового государства в рамках международного права. То есть на момент бедствия Гаити самостоятельно ограничила свой суверенитет посредством допуска международных сил. Фактически это государство уже привыкло полагаться в решении определенных вопросов на мировое сообщество. А в такой сложной ситуации, как бедствие, тем более. Руководство Гаити, наоборот, настаивало на увеличении гуманитарного контингента, учитывая, что часть персонала погибла или пострадала в результате землетрясения.

Исходя из содержания концепции, государство должно нарушить основополагающие императивные нормы международного права, что будет рассматриваться мировым сообществом как угроза миру и безопасности. Решение о ее применении принимается СБ ООН без какого-либо учета мнения самого государства. Вряд ли применительно к ситуации с Гаити можно говорить о применении Концепции «Ответственности за защиту» по аналогии. В данном случае действует абсолютно иной гуманитарный механизм, часто используемый ООН.

Еще одна ситуация, которую приводят в качестве примера необходимости расширения рассматриваемой концепции относительно бедствий, – последствия урагана в Мьянме в 2008 г. Это государство находилось под управлением военного режима, что затрудняло оказание помощи пострадавшим от бедствия. Руководство Мьянмы намеренно препятствовало деятельности мирового сообщества, заявляя, что само в состоянии помочь своему населению.

По мнению экспертов, применительно к таким обстоятельствам и следует официально расширить Концепцию «Ответственности за защиту». Однако они же отмечают, что в ситуации с Мьянмой часть проблем удалось разрешить посредством дипломатических усилий и определенный объем гуманитарной помощи поступил на территорию страны [7. С. 63].

В рамках современных международных отношений есть отдельные негативные случаи поведения государств, когда мировое сообщество задумывается о необходимости применения гуманитарной интервенции для спасения жизни огромного количества людей. Однако закреплять данный механизм некорректно, поскольку большая часть стран стремится к реализации своей ответственности за жизнь населения вследствие опасного природного явления или антропогенной катастрофы.

Следует отметить, что мы не поддерживаем подобные противоречащие нормам международного права позиции государств, которые несут первостепенную ответственность за все, что происходит на их территории. Однако мировое сообщество должно применять иные механизмы воздействия для благополучия населения, пострадавшего от какого-либо негативного события.

Госпожа Габриэлла Вентурини в качестве примера в ситуации бедствия, когда возможно применение Концепции, приводит случаи массового потока беженцев через государственные границы. По мнению Г. Вентурини, это может быть квалифицировано как угроза миру во всем мире и безопасности в данной области. [8. С. 355]. Однако, как показывает практика, ООН и иные гуманитарные организации стараются максимально быстро развернуть лагеря для беженцев и предоставляют им гуманитарную помощь. Определенное содействие в таких ситуациях оказывается и государству, на территории которого эти беженцы оседают.

Конечно, события с беженцами, происходившие в последние годы на территории европейских государств, могут способствовать расширительному толкованию концепции. Однако в подобных случаях воз-

никает ряд вопросов: к какому государству следует применить концепцию? С территории какого государства идет бесконтрольно поток беженцев, или на территории какого государства в связи с их наплывом начались беспорядки? В чем именно в таком случае выражается правонарушение со стороны государства, если в случаях с европейскими странами (беженцы из Ливии, Сирии) проблема заключается в несовершенном механизме по контролю над перемещением лиц?

В целом анализ позиций зарубежных специалистов создает двоякое впечатление относительно их мнения. Во-первых, они пропагандируют саму Концепцию «Ответственности за защиту», ее расширительное толкование и применение; во-вторых, подчеркивают важность и значимость разработанного Комиссией международного права ООН Проекта статей по защите людей в случае бедствия. В то же время в рамках данного проекта прослеживаются незыблемые общепризнанные принципы международного права, подчеркивается невозможность их нарушения в случае бедствий.

На наш взгляд, прежде чем закреплять Концепцию «Ответственности за защиту» относительно бедствий в рамках международного права, необходимо ввести международный механизм взаимодействия при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера на добровольных началах посредством кодификации норм, активно применяемых на двустороннем и региональном уровне. Это позволит постепенно сформировать определенное восприятие государств относительно бедствий, их последствий и необходимости сотрудничества. То есть разработанный проект следует вынести на обсуждение в рамках Генеральной Ассамблеи ООН или дипломатической конференции, итогом которой должны стать его принятие и вступление в силу как универсального кодифицирующего акта. И только после этого можно будет говорить о возможности внесения изменений в Устав ООН относительно расширения компетенции СБ ООН и закрепления Концепции «Ответственности за защиту», в том числе относительно природных и техногенных катастроф.

Истории международного права известно достаточно примеров именно постепенного формирования императивной нормы относительно конкретного вида общественных отношений (например, запрет на агрессию). Рассматриваемая концепция находится на стыке уже действующих международных общепризнанных норм. Поэтому, на наш взгляд, мировому сообществу в первую очередь необходимо конкретизировать механизм применения уже действующих обязательных правил поведения, от которых, в том числе, зависит возможность эффективного обсуждения Концепции «Ответственности за защиту».

Необходимо отметить, что в связи с отсутствием собственных универсальных международных норм относительно особенностей реализации того или иного механизма в случае бедствий, категорически нельзя применять аналогию норм международного права, регулирующих иные общественные отношения. Международное сотрудничество по защите от бедствий

имеет свой объект, предмет правового регулирования, свои особенности. Поэтому принятие универсальной конвенции в данной сфере еще раз подтвердит существование новой самостоятельной отрасли в системе международного права, регулирующей достаточно специфические международные отношения, строящиеся на незыблемых общепризнанных принципах международного права.

Концепция «Ответственности за защиту» представляет собой комплекс мероприятий, предпринимаемых мировым сообществом в лице ООН на основании решения СБ ООН при отсутствии согласия или желания самого государства относительно осуществления своих обязательств, вследствие чего на его территории совершаются международные преступления и нарушаются общепризнанные принципы международного права, а соответственно, возникла угроза международному миру и безопасности.

Эта ситуация никак не подпадает под случаи бедствий, поскольку большинство государств стремится разрешить возникшие проблемы и различными способами использует международную помощь в этом. Говорить об ограничении их суверенитета теоретически можно. Но это ограничение исходит от самого пострадавшего государства, которое соглашается на принятие международной чрезвычайной помощи на его территории.

По своей природе действия, осуществляемые международными гуманитарными организациями, не посягают на содержание государственного суверенитета, территориальной целостности, не являются вмешательством во внутренние дела государства. Их действия реализуются при содействии властей пострадавшего государства, под его контролем и руководством, в соответствии с его потребностями.

Данные особенности поведения обеих сторон в ситуации бедствия давно стали обычной нормой международного права, активно применяемой в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера различного объема. Правило отражено в Проекте статей по защите населения в случае бедствий, а приведенный в работе пример с Мьянмой является исключительным случаем.

Следует отметить и позицию господина И.И. Синякина, который в одной из своих публикаций отмечает: «...в условиях бедствия вряд ли пострадавшее государство откажется от получения гуманитарной помощи в ликвидации последствий... Разумеется, в данном случае нет никакой необходимости прибегать к использованию вооруженной силы» [9. С. 57].

На наш взгляд, наиболее действенным, корректным и не изменяющим сложившиеся устои международного права должен быть механизм разработки и принятия кодифицирующего соглашения по защите населения от бедствий. Именно наличие общей нормы, хотя поначалу и не обязательной для всех, станет фактором, способствующим развитию государствами своих внутренних механизмов защиты и обеспечения безопасности в случае бедствий. Определенным свидетельством этого обстоятельства являются деятельность МСУОБ, позитивные результаты которой подтверждаются самой ООН, региональными структура-

ми и отдельными государствами, а также разработка Комиссией международного права ООН Проекта статей по защите населения в случае бедствий.

Представленный в рамках статьи материал еще раз подтверждает одну из актуальных задач: мировое сообщество должно сформировать компромиссный механизм реагирования на различные чрезвычайные ситуации (в том числе бедствия), который позволит на достаточном уровне обеспечить международную безопасность, соблюсти общепризнанные принципы и нормы международного права и не отразится нега-

тивно на безопасности государства. Активное применение Концепции «Ответственность за защиту» относительно различных чрезвычайных ситуаций, указанных в самом документе, не должно носить системный характер. Каждый случай возможности применения должен детально расследоваться и носить исключительный характер.

Как показало проведенное исследование, нельзя расширять перечень уже закрепленных ситуаций применения Концепции и тем более включать в него природные или гуманитарные бедствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Л.В. Концепция «ответственность за защиту»: анализ и правовая оценка // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/2114/215/> (дата обращения: 20.02.2017).
2. Wheatley S. Chechnya and Humanitarian Interventions // New Law Journal. 2000. 14 January. P. 4–7.
3. Thomas G. Weiss. The Responsibility to Protect: challenges & opportunities in light of the Libyan intervention // E-International Relations. 2011. November. P. 7–12.
4. Доклад международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета ООН «Ответственность за защиту» от 14 августа 2002 г. № A/57/303 // Официальный сайт ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement> (дата обращения: 5.03.2017).
5. Сазонова К.Л. Концепция «ответственность за защиту» в миротворческой деятельности Организации объединенных наций // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 96–100.
6. Илюшенко А.А. Международное сотрудничество в ликвидации последствий землетрясения на Гаити (международно-правовые аспекты) // Международное право. 2010. № 02 (42). С. 51–60.
7. Eburn Michael. Mainstreaming fire and emergency management across legal and policy sectors: joint research and policy learning // Environmental and Planning Law Journal. 2011. Vol. 28 (2). P. 59–76.
8. Andrea de Guttery, Marco Gestri, Gabriella Venturini. International Disaster Response Law. Netherlands, 2014.
9. Снякин И.И. Правомерность гуманитарной интервенции: Современные международно-правовые аспекты // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10 (53). С. 50–58.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 апреля 2017 г.

APPLICATION OF THE CONCEPT “RESPONSIBILITY TO PROTECT” IN CASE OF DISASTERS: AN ISSUE OF BROAD INTERPRETATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 219–224.

DOI: 10.17223/15617793/423/30

Valentina V. Lisauskaitė, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vlado@mail.ru

Keywords: responsibility to protect; disasters; humanitarian aid; sovereignty of state; humanitarian operations of UN; responsibility of affected state.

The purpose of the research is the justification of the position of the author on the refraction of the concept “responsibility to protect” to disasters in the context of actions of the world community on the possibility of humanitarian intervention for assistance. The author builds the analysis on the basis of publications of Russian and foreign researchers. The position concerning the possibility of application of the concept “responsibility to protect” as such and in case of disasters is stated. The author uses norms of international law and positions of a number of experts in this area. Research is based on methods of logical, historical and system analysis, which allowed the author to draw corresponding conclusions. The analysis of the concept “responsibility to protect” in the scientific environment, including the Russian legal school, is not new. The concept determines conditions under which, by means of adoption of a resolution of the UNSC, the world community has the right to break peremptory norms of international law: to limit the state sovereignty, to interfere with internal affairs of the state, to break territorial integrity for protection of basic rights of the population of a concrete country. The interned state is responsible for the initial domestic policy that significantly violates human rights and international law in general, and, as a result, for actions of the world community compelled to carry out intervention. Foreign experts in their statements propagandize the concept “responsibility to protect”, its broad interpretation and application, emphasize its importance and the importance of the draft articles developed by the International Law Commission of the UN on protection of people in case of disaster. At the same time, within this project the firm conventional principles of international law are traced, the impossibility of their violation in case of disasters is emphasized. As a result of the conducted research within the article, the author draws the following conclusions: before fixing the concept “responsibility to protect” concerning disasters within international law, it is necessary to introduce an international mechanism of interaction in emergency situations of natural and technogenic character on a voluntary basis by means of codification of the norms which are actively applied at the bilateral and regional level. It will allow to gradually create a certain states’ perception of disasters, their consequences and need for cooperation. The developed project needs to be submitted for discussion within the United Nations General Assembly or a diplomatic conference whose result has to be its acceptance and coming into effect as a universal codifying act. Then it will be possible to speak about a possibility to modify the UN Charter on the expansion of competence of the UNSC and on the fixation of the concept “responsibility to protect”, including cases of natural and technogenic catastrophes.

REFERENCES

1. Pavlova, L.V. (2013) Kontsepsiya "otvetstvennost' za zashchitu": analiz i pravovaya otsenka [The concept of "responsibility to protect": analysis and legal assessment] *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy – Journal of International Law and International Relations*. 4. [Online] Available from: <http://www.evolutio.info/content/view/2114/215/>. (Accessed: 20.02.2017).
2. Wheatley, S. (2000) Chechnya and Humanitarian Interventions. *New Law Journal*. 14 January. pp. 4–7.
3. Weiss, Th.G. (2011) The Responsibility to Protect: challenges & opportunities in light of the Libyan intervention. *E-International Relations*. November. pp. 7–12.
4. United Nations. (2002) Doklad mezhdunarodnoy komissii po voprosam vmeshatel'stva i gosudarstvennogo suvereniteta OON "Otvetstvennost' za zashchitu" ot 14 avgusta 2002 g. № A/57/303 [Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty of the United Nations "Responsibility To Protect" of August 14, 2002, No. A/57/303]. [Online] Available from: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement>. (Accessed: 5.03.2017).
5. Sazonova, K.L. (2012) Kontsepsiya "otvetstvennost' za zashchitu" v mirotvorcheskoy deyatel'nosti Organizatsii ob"edinennykh natsiy [The concept of "responsibility to protect" in the peacekeeping activities of the United Nations Organization] *Yuridicheskaya nauka*. 1. pp. 96–100.
6. Ilyushenko, A.A. (2010) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v likvidatsii posledstviy zemletryaseniya na Gaiti (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [International cooperation in the aftermath of the earthquake in Haiti (international legal aspects)]. *Mezhdunarodnoe pravo – International Law*. 02 (42). pp. 51–60.
7. Eburn, M. (2011) Mainstreaming fire and emergency management across legal and policy sectors: joint research and policy learning. *Environmental and Planning Law Journal*. 28 (2). pp. 59–76.
8. Guttry, A. de, Gestri, M. & Venturini, G. (2014) *International Disaster Response Law*. Netherlands.
9. Sinyakin, I.I. (2012) Pravomernost' gumanitarnoy interentsii: Sovremennye mezhdunarodno-pravovye aspekty [Legitimacy of humanitarian intervention: Modern international legal aspects]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 10 (53). pp. 50–58.

Received: 11 April 2017

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Рассмотрены проблемы судебного контроля за проведением следственных действий в досудебном производстве по уголовному делу. Пересматривается ранее высказываемая автором точка зрения о надежности последующего судебного контроля и делается вывод о том, что при отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым будет частичная реставрация механизмов прокурорского надзора, располагающего достаточным потенциалом защиты прав и законных интересов личности.

Ключевые слова: права и свободы личности; судебный контроль; следственные действия; прокурорский надзор; осмотр жилища; обыск.

В последние годы на фоне общей тенденции, направленной на имплементацию в систему национального судопроизводства международно-правовых ценностей, в уголовно-процессуальной науке достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Этот институт предварительного расследования – предмет постоянных дискуссий.

Некоторые ученые являются противниками судебного-контрольных механизмов в уголовном процессе как в целом [1. С. 5–6], так и в части законности следственных действий [2. С. 73]. В отдельных публикациях высказываются точки зрения о передаче судебного контроля в ведение конституционных (уставных) судов субъектов РФ или создания в структуре федеральных судов специальных коллегий по конституционным делам [3. С. 121]. Другие специалисты, наоборот, считают судебный контроль весьма важным процессуальным механизмом обеспечения прав личности в досудебном производстве и ратуют за его дальнейшее развитие [4. С. 181; 5. С. 184; 6. С. 27; 7. С. 146; 8. С. 215–216]. Некоторые авторы даже слишком увлекаются идеей о судебном контроле за производством следственных действий. Они пытаются идеализировать эти процессуальные механизмы и распространить их влияние на необоснованно широкий круг правоотношений [9. С. 357; 10. С. 136; 11. С. 99–102; 12. С. 117]. И, наконец, еще одна группа процессуалистов, не отвергая разумность и целесообразность судебного контроля как такового, одновременно отмечает и его определенные недостатки, в первую очередь, практического характера [13. С. 208; 14. С. 45; 15. С. 302].

Последние достаточно умеренные научные позиции представляются наиболее разумными и рациональными. Нельзя полностью отвергать судебный контроль, поскольку его существование и эффективное функционирование (например, при заключении лица под стражу, при обжаловании действий следователя в порядке ст. 125 УПК РФ) являются существенной правовой гарантией обеспечения прав и свобод личности, а также других охраняемых государством социальных ценностей. В этой связи мы согласны с Е.В. Рябцевой, полагающей, что суд, в отличие от прокурора и руководителя следственного органа, не связан ведомственными интересами, не несет ответ-

ственности за раскрытие преступлений [16. С. 25]. Однако не следует в полной мере соглашаться с позициями тех ученых, которые пытаются абсолютизировать судебный контроль и представить его как безукоризненную гарантию обеспечения законности, особенно в части получения разрешений на производство следственных действий. В противном случае просто не было бы оснований для таких жарких научных дискуссий. Поэтому очевидно, что данный уголовно-процессуальный институт еще далек от совершенства и сопровождается целым рядом неразрешенных процессуальных и практических проблем, вызывающих серьезные затруднения в правоприменительной практике.

Закон предусматривает предварительный и последующий судебно-контрольные механизмы за проведением следственных действий, различающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов (до или после проведения процессуального действия). Причем действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве основной (приоритетной) формы использует именно предварительный контроль. По общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следовательно вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку и т.д. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

По нашему мнению, это объясняется желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой юрисдикционный режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал международно-правовым стандартам и Конституции РФ. Но анализ основополагающих актов международного права показывает, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного контроля за производством следственных действий. В частности, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. или ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. содержат лишь наиболее общие и концептуальные по-

ложения, предопределяющие охрану прав и свобод личности, не касаясь конкретных механизмов их ограничения и оставляя подобные вопросы во внутреннем ведении соответствующих государств. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского суда по правам человека. Например, в одном из наиболее известных решений от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» Европейский суд отметил, что ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не требует предварительного судебного разрешения на проведение обысков на дому и изъятий. В решении от 7 июня 2007 г. по делу «Смирнов против России» Европейский суд обратил внимание на потенциальную возможность обратиться в суд после вынесения постановления о производстве обыска, как бы компенсирующую отсутствие первоначального судебного ордера и т.д. Получается, что приоритет предварительного судебного контроля в части производства следственных действий – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства?

Однако анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В отношении неприкосновенности жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения».

Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом. В этой связи позволим себе выразить категорическое несогласие со специалистами, указывающими на внутреннее логическое противоречие ст. 25 Конституции РФ, заключающееся в противопоставлении судебного решения и федерального закона как оснований для проникновения в жилище [17. С. 19]. Мы также не можем принять доводы других авторов, пытающихся истолковывать названную норму как допускающую возможность законодательного или судебного произвола в вопросах ограничения неприкосновенности жилища [18. С. 179]. Представляется, что ст. 25 Конституции РФ не содержит никакого логического противоречия и не допускает возможности произвола. Она всего лишь, закрепляя на концептуальном уровне принципиальное положение о неприкосновенности жилища, предоставляет федеральному законодателю право выбора: а) установить конкретный правовой механизм, позволяющий в определенной сфере государственной деятельности (например, в уголовном судопроизводстве) при наличии соответствующих оснований проводить действия, сопряженные с возможностью проникновения в жилище без получения предварительного судебного решения; б) требовать от своих должностных лиц каж-

дый раз перед совершением подобных действий специально получать предварительное решение суда.

Судебный контроль за некоторыми другими следственными действиями привязан к тексту Конституции РФ достаточно условно и с очень большой натяжкой. Например, подобная ситуация складывается в сфере правового регулирования осмотра, обыска или выемки у адвоката, судебную защиту которого можно лишь косвенно обосновать конституционным правом на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и весьма спорными позициями Конституционного Суда РФ, увязывающими адвокатскую тайну с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной. Аналогичной оценки заслуживает и предписание о выемке вещи, заложенной или сданной на хранение в ломбард, которое можно привязать разве что к конституционному праву частной собственности. А положения УПК РФ, требующие получения предварительного судебного решения на личный обыск или выемку документов, содержащих государственную тайну, вообще не имеют конституционного фундамента. В этой связи заслуживает внимания суждение Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, полагающих, что в ч. 2 ст. 29 УПК РФ имеет место расширенное толкование Конституции РФ. А для соблюдения преемственности норм уголовно-процессуального права по отношению к конституционным установлениям следует распространить судебную защиту лишь на те права и только в тех случаях, на которые прямо указано в тексте Конституции РФ [19. С. 73].

Однако в вопросах правового регулирования следственных действий УПК РФ почему-то пошел по более сложному пути. Очевидно, данное обстоятельство объясняется желанием законодателя как можно более наглядно продемонстрировать переход Российской Федерации к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства, построенной на безусловном приоритете прав человека. И таким образом, «процессуальный маятник» в этой части качнулся слишком сильно. По мнению В.М. Быкова, авторы УПК РФ в своем усердии явно перестарались [13. С. 208]. Стремясь продемонстрировать демократические начала уголовного процесса, законодатель попытался создать идеальные с точки зрения либеральных ценностей механизмы проведения следственных действий, ограничивающих права и свободы личности, которые предполагают получение предварительного судебного решения за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Причем данная тенденция продолжает набирать обороты. Так, Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в исключительное ведение суда был передан вопрос о выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; Федеральным законом от 3 декабря 2007 г. № 322-ФЗ – о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; наконец, Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ – о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката.

На первый взгляд, указанные идеи являются безупречными. Но их нельзя абсолютизировать. Поэтому

правовые иллюзии законодателя о судебной защите прав личности при производстве следственных действий развеиваются, когда речь заходит уже не о самих либеральных принципах, а о конкретных механизмах их реализации, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Будучи направленным главным образом на обеспечение материальных ценностей, предварительный судебный контроль оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков организационного и процессуального характера.

Один из них заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко осуществляются в условиях цейтнота, особенно по уголовным делам о групповых преступлениях. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия, скованные жесткими процессуальными сроками, в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ условия и получить в установленном порядке судебное решение (иногда несколько судебных решений). Тем более что ходатайство следователя должно быть не голословным, а обоснованным, подтвержденным достаточной совокупностью достоверных сведений. Как отмечает В.В. Бородин применительно к обыску в жилище, для того чтобы судья выдал такое разрешение, требуется представить информацию, которая убеждала бы его в том, что в данном случае обыск является единственным подходящим способом получения доказательств по уголовному делу [20. С. 314].

К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком забюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов. По этому поводу Д.О. Серебров указывает, что в суд поступает не просто ходатайство, а целый материал о возбуждении ходатайства в прошитом и пронумерованном виде и с описью бумаг [21. С. 84]. Попутно заметим, что автор приветствует эту идею и предлагает придать ей законодательный характер, с чем мы принципиально не согласны. Н.А. Колоколов формулирует соответствующие практические рекомендации и приводит перечень процессуальных документов, подлежащих представлению в судебное заседание: различные протоколы допросов, очных ставок, предъявлений для опознаний, заключения экспертов и т.д. [22. С. 214]. В пункте 1 недавно увидевшего свет специального Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» отмечается, что к ходатайству следователя должны быть приложены копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, и др.

Поэтому, как отмечает тот же Д.О. Серебров, опираясь на материалы своего эмпирического исследования, следователи порой избегают производства ряда следственных действий, что приводит к слабой доказательственной базе по уголовным делам [21. С. 5–6]. О данных следственных ошибках пишут и другие ученые [23. С. 58; 24. С. 36; 25. С. 21].

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление осмотра, обыска или выемки в условиях безотлагательности. Ведь гипотеза ч. 5 ст. 165 УПК РФ имеет оценочный характер. По ее смыслу органы дознания и предварительного следствия самостоятельно, по собственному усмотрению должны определять, имеют ли место в той или иной ситуации обстоятельства, не терпящие отлагательства, или нет. А в современных условиях, зачастую сопряженных с достаточно низким уровнем профессионализма, правосознания и личной ответственности многих следователей, границы подобного «усмотрения» нередко выходят за допустимые рамки.

Р.А. Зинец, опираясь на статистические данные, отмечает, что в последнее время просматривается тенденция к активному использованию следователями полномочий по проведению обысков в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ [10. С. 124]. На это обстоятельство обращает внимание и М.А. Фомин [26. С. 43]. Иными словами, следователи в ряде случаев просто маскируют следственные действия под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Например, на сегодняшний день весьма распространена практика осуществления оперативными сотрудниками по предварительной договоренности с органами расследования различных мероприятий (в частности, проверочных закупок наркотиков, оружия, поддельных денег и т.п.), сопровождающихся задержанием лица в вечернее время. Выбор данного времени нередко обуславливается искусственным созданием условий, исключающих возможность получения предварительного судебного решения на проведение осмотра или обыска по месту жительства задержанного. В этой связи разумным представляется мнение Н.А. Колоколова о том, что оценочный характер случаев, не терпящих отлагательства, к сожалению, создает порочную практику производства обысков в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, без крайней на то нужды [27. С. 164]. И, наоборот, мы категорически не согласны с позицией А.А. Акимчева, полагающего, что следователь совсем не заинтересован в злоупотреблениях по этому поводу, поскольку о каждом таком случае обязательно уведомляются прокурор и судья. Автор не совсем обоснованно утверждает, что следователь не будет рисковать в условиях подобной мнимой безотлагательности, так как это чревато последующим признанием соответствующего доказательства недопустимым [9. С. 357]. Думается, что позиция А.А. Акимчева скорее сориен-

тирована на следственных работников, являющихся истинными профессионалами своего дела и обладающих высоким уровнем правосознания и ответственности, тогда как в современной правоприменительной практике с этим еще далеко не все благополучно.

Некоторые специалисты пытаются найти выход из сложившейся ситуации посредством формулирования конкретных обстоятельств, не терпящих отлагательства при производстве следственных действий [28. С. 44]. Такой позиции придерживается и председатель Следственного комитета РФ, закрепив перечень подобных обстоятельств на уровне ведомственного нормативного правового акта – Приказа от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете РФ». По этому пути пошел и Пленум Верховного Суда, разъяснив, что исключительными случаями, подпадающими под правовую гипотезу ч. 5 ст. 165 УПК РФ, например, являются ситуации: когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела (Постановление от 1 июня 2017 г. № 19).

Еще одна группа специалистов предлагает, на наш взгляд, более рациональный подход к проблеме: не формулировать конкретные обстоятельства, не терпящие отлагательства, а выработать и закрепить в законе критерии, позволяющие определить безотлагательность ситуации. Этому мнению придерживаются А.Б. Соловьев, разработавший систему таких критериев [29. С. 103–104], и В.М. Быков, вносящий предложения по ее оптимизации [13. С. 219–220, 224].

Однако представляется, что и подобная конкретизация обстоятельств, не терпящих отлагательства, или даже формулирование специальных правовых критериев для производства неотложных следственных действий если и позволят несколько снизить возможность произвола со стороны органов предварительного расследования (что маловероятно), то никоим образом не уведут правоприменителя от оценочного характера той или иной следственной ситуации. Несмотря на новые правовые гипотезы или дополнительные акты толкования права, основным критерием возможности производства следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ все равно останется внутреннее убеждение соответствующего следователя, обусловленное исключительно его собственным профессионализмом, правосознанием, правопониманием и личной ответственностью. Кроме того, введение исчерпывающего перечня обстоятельств или специальных критериев может привести к правовой беспомощности следователя в какой-то нетипичной ситуации, требующей безотлагательной реакции со стороны правоохранительных органов. Именно поэтому Пленум Верховного Суда РФ формулирует не исчерпывающий, а лишь примерный перечень подобных обстоятельств.

Таким образом, подводя небольшой итог сказанному, можно заключить, что установленный законодателем механизм предварительного судебного контроля за производством следственных действий не оправдывает возложенных на него надежд, а наоборот, оказывает скорее негативное влияние на правоприменительную практику. С одной стороны, он создает дополнительные организационно-технические сложности и затрудняет эффективность работы следственных органов, особенно на первоначальном этапе расследования, с другой – обуславливает рост злоупотреблений в части реализации полномочий, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Причем наиболее циничными субъектами такого злоупотребления являются именно те непрофессиональные и безответственные сотрудники органов предварительного расследования, от действий которых и должен, в первую очередь, защищать механизм судебного контроля. Иными словами (как это ни парадоксально), конституционные права личности в уголовно-процессуальной практике зачастую нивелируются именно из-за того, что, по мнению законодателя, является существенной гарантией их защиты – из-за механизмов предварительного судебного контроля за производством следственных действий.

На первый взгляд, можно предположить, что рассмотренный недостаток судебного контроля имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания, правовой культуры и личной ответственности следователей. Однако данный механизм имеет и еще одну «ахиллесову пятю» уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством следственных действий, которая осуществляется в условиях тайны, т.е. посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения. Как справедливо полагает Г.П. Химичева, подобное решение законодателя представляется оправданным, поскольку приоритет в данном случае скорее отдается сохранению тайны предварительного следствия, чем обеспечению прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц [15. С. 303]. С такой постановкой вопроса согласен и К.И. Сутягин [30. С. 109].

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска, если его эффективность напрямую зависит от внезапности проведения. С данной позицией солидарен и Конституционный Суд РФ, отметивший в одном из своих решений, что в противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл (определение от 25 марта 2004 г. № 124-О). Этот же подтекст вытекает и из п. 6 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда, разъяснившего, что закрытое судебное заседание по поводу производства следственных действий вполне допустимо в случаях,

предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ (к которым, в том числе, относится и тайна следствия. – *С.Р.*)

Очевидно, что предусмотренные ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ двусторонние правоотношения следователя с судом полностью исключают механизм состязательности. О какой состязательности может идти речь при необходимости сохранения в тайне подобного судебного решения вплоть до его исполнения? Об отсутствии состязательности при осуществлении предварительного судебного контроля уже неоднократно упоминалось в специальной литературе [12. С. 97; 31. С. 20; 32. С. 150]. Установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Вряд ли можно полностью согласиться с точкой зрения о том, что судебный контроль, так же, как и правосудие, связан с разрешением социально-правового спора сторон [33. С. 41]. Предусмотренная ч. 1–4 УПК РФ процессуальная модель не укладывается в общепринятые и известные формы судебной деятельности. Как отмечает В.В. Кальницкий, поскольку в подобном судебном заседании нет сторон, то главное преимущество судебной процедуры – правовой спор – сводится к нулю, а судья без выяснения мнения сторон беспомощен и действует в качестве обычного должностного лица [34. С. 89]. Предварительный судебный контроль в этой части скорее напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием [16. С. 20; 35. С. 331]. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница, по существу, заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных следователем материалов.

Кстати, подобные материалы, например результаты оперативно-розыскной деятельности, зачастую носят сомнительный характер и не имеют формы доказательств. По поводу последнего обстоятельства многими специалистами не раз высказывалось мнение относительно необходимости принятия решения о производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, исключительно на основе доказательств [7. С. 150; 36. С. 168–169; 37. С. 94–102] или иных сведений, полученных процессуальным путем [8. С. 229]. С одной стороны, данная позиция является абсолютно справедливой. Однако ее приверженцы в очередной раз идеализируют защиту прав и свобод личности. Если посмотреть на проблему с другой, сугубо практической стороны, становится очевидным ее несостоятельность. В условиях процессуального цейтнота на первоначальном этапе расследования органы дознания или предварительного следствия просто не будут иметь реальной возможности надлежащего процессуального оформления оснований для производства осмотра, обыска, выемки и т.д. И в результате – опять все те же описанные выше негативные последствия: отказы от производства ряда

следственных действий или их необоснованное проведение под видом безотлагательных. В этой связи мы скорее согласны с авторами, допускающими возможность аргументации целесообразности производства следственных действий не только доказательствами, но и наряду с ними иными сведениями, в том числе материалами оперативно-розыскной деятельности [26. С. 36; 38. С. 365]. Тем более что и сам Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит прямого предписания об исключительном доказательственном обосновании судебного решения о производстве следственных действий.

Однако даже если предположить существование подобного предписания и условно допустить возможность получения судебного решения о производстве осмотра, обыска, выемки и т.д. не иначе как на основе доказательств, то реально это ни на что не повлияет. Ведь в отсутствие состязательности судебного заседания все равно возникнет целый ряд вопросов. Например, кто и каким образом сможет противостоять стороне обвинения при судебном исследовании представленных доказательств? Кто попытается повлиять на признание этих доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением закона? Очевидно, что действующий порядок принятия предварительного судебного решения о производстве следственных действий не дает ответа на эти вопросы. Таким образом, думается, что независимо от формы представленных в суд сведений процедура предварительного судебного контроля за законностью производства следственных действий в большинстве случаев просто теряет всякий смысл.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями (например, несоблюдением срока представления в суд материалов и т.д.). В частности, Х.П. Шептунова в своем диссертационном исследовании приводит сведения, согласно которым за период с 2004 по 2007 г. в Оренбургской области относительный ежегодный показатель количества удовлетворенных судами ходатайств о производстве следственных действий в жилище колебался в пределах от 97,6 до 98,5% [11 С. 110–111]. М.С. Ерик и С.В. Маслова сообщают соответствующие сведения за 2011 г. по Новгородской области: всего рассмотрено ходатайств – 1 005, из них удовлетворено – 971 (т.е. 96,6%) [39. С. 50]. По данным А.Б. Соловьева и И.Л. Петрухина, ходатайства следователей о производстве осмотров, обысков и выемок в жилище удовлетворяются в 97,8% случаев [40. С. 52–53; 41. С. 92]. К.В. Степанов указывает, что количество отклоняемых судом ходатайств о производстве следственных действий составляют незначительным более 0% [42. С. 377]. А.Д. Назаров приводит следующие статистические показатели удовлетворения судами ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ за 2010–2015 годы: а) о производстве осмотра, обыска, выемки в жилище 95,44%, б) о производстве личного обыска – 96,4%; в) о производстве выемки предметов и документов,

содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях – 97,35%; г) о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи – 97,62%; д) о контроле и записи переговоров – 96,46% [43. С. 195–196].

Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за последние годы, опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержат примерно

аналогичные данные (таблица); схожая ситуация наблюдалась и за более ранние годы. Проведенный нами опрос следователей, прокуроров, адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний г. Москвы и ряда других регионов РФ показал примерно те же результаты. Причем в некоторых районных судах Тульской, Ярославской и Воронежской областей этот показатель достигает абсолютного уровня в 100%.

Сведения об удовлетворении судами ходатайств в порядке ст. 165 УПК РФ за 2013–2016 гг.

Содержание ходатайства	Всего рассмотрено ходатайств / из них удовлетворено, %			
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
О производстве следственного действия в жилище; выемки из ломбарда	170,648	180,157	200,523	197,363
	163,597	173,118	193,578	190,055
	(95,9%)	(96,1%)	(96,5%)	(96,3%)
О производстве личного обыска	6,185	7,564	7,355	4,656
	5,951	7,311	7,022	4,458
	(96,2%)	(96,7%)	(95,5%)	(95,7%)
О производстве выемки в банках и иных кредитных организациях	67,074	67,384	80,656	78,461
	65,668	64,983	78,444	76,310
	(97,9%)	(96,4%)	(97,3%)	(97,2%)
О наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку	25,804	25,949	31,825	21,010
	25,285	25,055	31,021	20,460
	(98,0%)	(96,6%)	(97,5%)	(97,4%)
О контроле и записи переговоров	189,741	188,668	243,792	167 052
	178,149	183,542	237,439	162 961
	(93,9%)	(97,3%)	(97,4%)	(97,6%)
О получении информации о соединениях между абонентами и / или абонентскими устройствами	Статистика не опубликована			126,306
				123,092
				(97,5%)

Источник: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.05.2017).

Хотя справедливо отметить, что в современной практике все же встречаются случаи неудовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных действий не по формальным, а по сугубо фактическим обстоятельствам. Так, Кузьминский районный суд г. Москвы отказал следователю в удовлетворении ходатайства о производстве обыска по месту жительства подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, посчитав, что представленных материалов (рапортов оперативных сотрудников, протоколов обыска, протоколов осмотров изъятых предметов и допросов свидетелей) явно недостаточно для того, чтобы полагать о нахождении в жилище предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. Однако впоследствии Московским городским судом данное решение было отменено как необоснованное. То есть данный пример как раз и является тем самым исключением, которое лишь подтверждает общую закономерность.

Представляется разумным суждение И.Л. Петрухина, который писал, что если все или почти все ходатайства следственных органов суд удовлетворяет, то зачем в таком случае вообще судебный контроль? [41. С. 92]. Близкой позиции придерживается и В.А. Лазарева. Она отмечает, что достигающая практически 100% удовлетворяемость ходатайств органов расследования о производстве следственных действий позволяет говорить о неэффективности судебного контроля, превращенного в выдачу разрешений, что приводит к нарушению или необоснованному ограни-

чению прав личности, формирует в общественном правосознании убеждение, что суд заодно со следователем [44. С. 158].

В этой связи мы никак не можем согласиться с Т.Ю. Вилковой, считающей данный механизм одной из наиболее действенных гарантий от произвольного или чрезмерного вмешательства в личную жизнь [45. С. 159]. Полагаем, что осуществляемый при отсутствии состязательности предварительный судебный контроль за осмотром, обыском, выемкой и т.д. – это, наоборот, малоэффективный и сомнительный инструмент обеспечения прав и свобод личности. Мы солидарны с Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, указывающими, что судья не может априори проверить законность и обоснованность еще не состоявшегося решения органа расследования. Тем более, что данное постановление будет выносить не этот орган, а сам суд, который и должен обеспечить законный режим ограничения конституционных прав и свобод в стадии предварительного расследования. Следовательно, он сам обязан принять законное и обоснованное правоограничительное решение [19. С. 39]. Попутно заметим, что указанные авторы вообще достаточно скептически относятся к предварительному судебному контролю за производством следственных действий. По их мнению, в данном случае ни о какой контрольной функции суда вообще не может идти речи, поскольку судья сам принимает соответствующее решение [Там же. С. 34].

Механизм получения предварительного судебного решения на производство следственных действий не только малоэффективен и затруднителен. На наш

взгляд, он еще и порождает дальнейшую безнаказанность действий органов предварительного следствия. Ведь получив в свое распоряжение решение суда о производстве осмотра, обыска, выемки, они приобретают весьма широкие возможности. Прикрываясь этим судебным актом как своеобразным «процессуальным щитом», следователи могут действовать почти бесконтрольно. Причем законность и обоснованность их поведения практически «неоспоримы», так как уже предварительно были санкционированы судом и получили его одобрение. Самым парадоксальным в этой ситуации является то, что заинтересованные лица даже не имеют реальной возможности последующего обжалования подобных бесконтрольных действий в суд. Согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ жалобы на неправомерное поведение органов дознания и предварительного следствия направляются в районный суд по месту предварительного расследования, т.е. именно в тот самый суд, который ранее и выдавал решение на производство обжалуемого следственного действия. Данная проблема приобретает особую актуальность применительно к деятельности небольших районных судов с малой штатной численностью судей.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию, а его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику.

В своих прежних публикациях мы предлагали в качестве выхода из сложившейся ситуации полную замену предварительного судебного контроля последующим судебным контролем (в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ), позволяющим реально обеспечить состязательность сторон и гласность как необходимые условия реализации судебной власти, а также надлежало проверить и оценить не только законность, но и обоснованность состоявшегося следственного действия [46. С. 360–362]. Однако наши дальнейшие изыскания по данному вопросу сильно поколебали эту позицию, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, невзирая на всю благонадёжность и высокую степень правовых гарантий судебной власти, судья, рассматривающий поступивший материал в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, остается в конкретном уголовном деле «случайным», временным участником, в нужной мере не владеющим его содержанием, не способным (с учетом и без того колоссальной нагрузки) за предоставленный законом 24-часовой срок досконально разобраться во всех хитросплетениях и нюансах, предопределяющих законность (незаконность) и обоснованность (необоснованность) того или иного следственного действия.

К сожалению, официально публикуемая статистика не содержит данных о количестве «забракованных» судами материалов в порядке последующего судебного контроля за производством осмотра, обыска или выемки. Однако проведенное нами выборочное интервьюирование правоприменителей (следователей, прокуроров,

адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний) свидетельствует о практически стопроцентной судебной поддержке результатов подобных следственных действий, что превращает установленную законом гарантию доброкачественности в очередную профанацию.

В этой связи весьма показательным является сравнение национальных механизмов судебного контроля за производством следственных действий с аналогичными правообеспечительными процедурами, применяемыми в некоторых странах континентальной Европы, в частности во Франции. Да, действительно, основным звеном, обеспечивающим законность досудебного производства во французском уголовном процессе, является следственный судья (*le juge d'instruction*). Но это принципиально иной субъект уголовной юрисдикции, не имеющий аналога в российской модели судопроизводства и никоим образом не сопоставимый с судьей районного (городского или приравненного военного) суда, входящего в судебную систему РФ. Следственный судья – это участник, не принимающий разовые судебные акты, а привязанный к уголовному делу на постоянной основе, имеющий возможность наблюдать развитие соответствующих правоотношений в динамике и, таким образом, достаточно осведомленный об обстоятельствах, позволяющих выносить подлинно законные и обоснованные решения о производстве следственных действий. Схожую роль в советском и российском уголовном процессе ранее выполнял прокурор. Однако сейчас указанные функции разорваны между различными субъектами: руководителем следственного органа (начальником органа дознания), прокурором и судом.

Во-вторых, возможность последующего судебного контроля за производством следственных действий фактически дублируется посредством установленного ст. 125 УПК РФ механизма обжалования правоприменительных актов органов предварительного расследования, причиняющих ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию. Поэтому если кто-либо из заинтересованных лиц и намерен активно оспаривать законность и обоснованность проведенного осмотра, обыска, выемки, то он (его защитник или представитель) вполне может подать в суд соответствующую жалобу. Если же участник, наоборот, занимает пассивную позицию и не изъявляет желания отстаивать свои интересы, то никакой последующий судебный контроль не способен подлинно восстановить или защитить его конституционные права, поскольку в таком случае ввиду отсутствия реальной состязательности превращается в пустую формальность.

В уголовно-процессуальной науке в последнее время усиливается тенденция, связанная с нормативной реставрацией прежних прокурорско-надзорных механизмов как средств обеспечения законности производства следственных действий. В частности, А.Д. Назаров аргументирует подобные идеи следующим образом: а) прокурор будет иметь возможность работать не с копиями материалов уголовного дела, а с подлинными процессуальными документами, что повысит оперативность в принятии решений; б) федеральные судьи

не будут отвлекаться на выполнение несвойственных им функций при сохранении потенциального права на рассмотрение соответствующей жалобы в порядке 125 УПК РФ [43. С. 196–197]. Вместе с тем конкретные предложения автора по изменению уголовно-процессуального законодательства в этой части представляются несколько странными. Он ратует за сохранение в судебном ведении так называемых классических решений о производстве следственных действий (о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище, о контроле и записи телефонных и иных переговоров), тогда как остальные решения, подпадающие по контекст ст. 165 УПК РФ, предлагается передать в ведение прокурора [Там же. С. 197].

С одной стороны, не совсем понятно, что А.Д. Назаров имеет в виду под «классическими» судебными решениями о производстве следственных действий. Если автор в данном случае подразумевает акты, затрагивающие международно-правовые стандарты или конституционные права личности, то почему он исключает из своего перечня действия, предусмотренные ст. 185 и 186.1 УПК РФ? С другой стороны, нет никакого смысла сохранять полномочия суда по санкционированию следственных действий в жилище, поскольку (как уже было отмечено выше) ни нормы международного права, ни Конституция РФ прямо не предполагают подобных предписаний.

Однако, невзирая на некоторую непоследовательность позиции А.Д. Назарова, намеченный им вектор дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в части проведения следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, в целом представляется совершенно верным и разумным. При отсутствии в России института следственных судей наиболее приемлемым является частичная реставрация советского механизма прокурорского надзора за законностью и обоснованностью следственных действий. Полагаем, что полноценный прокурорский надзор содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить и обеспечить конституционные права и законные интересы лиц, вовлеченных в орбиту досудебного производства по уголовному делу.

В заключение необходимо обратить внимание, что в последние годы неоднократно поднимался вопрос о возможности введения в систему российской уголовной юрисдикции тех самых следственных судей, которые осуществляют контроль за законностью производства следственных действий в странах континентальной Европы, в частности Франции. Возможно, наше государство со временем и должно провести подобную реформу, обеспечив, таким образом, существование подлинно независимых субъектов, выполняющих не столько правоохранительную, сколько правоприменительную и правообеспечительную функции. Тем более что указанные идеи не чужды национальным традициям уголовного судопроизводства и некогда (с 1864 по 1929 г.) были воплощены в корпусе судебных следователей.

Однако предпринимаемые в этом направлении шаги должны носить очень осторожный, постепенный и последовательный характер. В настоящее время ни судебная система РФ, ни органы предварительного следствия, ни общество и государство в целом к такой реформе еще не готовы [47. С. 93–100]. Очередное бездумное перераспределение процессуальных полномочий, скоротечные и импульсивные организационно-штатные изменения в системе органов государственной власти – конечно, самый легкий и быстрый способ «решения» зреющих годами проблем. Но, к сожалению, ни к чему принципиально новому это не приведет, а может быть, еще более усилит те «болезни», которыми в настоящее время страдает досудебное производство. Очевидно, что такую реформу надо начинать не с создания новых органов, не с изменений процессуального законодательства, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессии следователя, с воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих, наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками, высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания, правовой культуры и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовно-процессуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свиридов М.К. Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. Томск : Том. гос. ун-т, 2001. Вып. 7.
2. Кальницкий В.В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. 2004. № 1.
3. Свиридов М.К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311.
4. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск : Омский гос. ун-т, 2004.
5. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М. : Юрист, 2006.
6. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина посредством реализации судебного контроля // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2006. Ч. 4.
7. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань : Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.
8. Семенов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург : УрГЮА, 2006.
9. Акимчев А.А. Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006.
10. Зинц Р.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : ВА МВД России, 2005.
11. Шептунова Х.П. Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2008.

12. Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара : Самар. гос. ун-т, 2001.
13. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань : Познание, 2008.
14. Быков В.М. Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. 2012. № 7.
15. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М. : Экзамен, 2003.
16. Рябцева Е.В. Судебное санкционирование в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2010.
17. Орлов А.В. Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СЮИ МВД России, 2004.
18. Утарбаев А.К. Принцип неприкосновенности жилища, его содержание и гарантии // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазарева. Самара : Самар. гос. ун-т, 2008.
19. Зайцева Е.А., Костерина Н.В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования. Волгоград : ВА МВД России, 2007.
20. Бородин В.В. Судебный контроль как способ предупреждения беспрепятственного обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
21. Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород : НА МВД России, 2004.
22. Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М. : Юрист, 2008.
23. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2014.
24. Жеребятьев И.В. Предмет судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2005. № 10.
25. Агидамова Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т, 2004.
26. Фомин М.А. Обыск в современном уголовном процессе России : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2006.
27. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования : учеб. пособие для студ. вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004.
28. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004.
29. Соловьев А.Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.
30. Сутягин К.И. Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2008.
31. Лихачева Е.Ю. Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СГАП, 2005.
32. Рябкова О.В. Судебный контроль на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2003.
33. Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств / отв. ред. А.В. Сухинин. М. : Юрлитинформ, 2014.
34. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск : ОМА МВД России, 2009.
35. Татьяна Л.Г. Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009. Т. 2.
36. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов : Саратов. ун-т, 1987.
37. Трухин С.Н. Надлежащие доказательства как основание для разрешения судом следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // Уголовное право. 2012. № 6.
38. Литвинова И.Ф. Обеспечение неприкосновенности жилища при проведении обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
39. Ерик М.С., Маслова С.В. Судебный контроль при производстве следственных действий // Уголовный процесс. 2012. № 10.
40. Буланова Н.В., Соловьев А.Б., Токарев М.Е. Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России. М. : Юрлитинформ, 2006.
41. Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2.
42. Степанов К.В. Проблема существенности нарушений закона при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЮА, 2007.
43. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения. М. : Юрлитинформ, 2017.
44. Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2010.
45. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии. М. : Юрлитинформ, 2015.
46. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (часть 2) // Российский судья. 2009. № 9.
47. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 августа 2017 г.

REFLECTIONS ON THE EFFECTIVENESS OF JUDICIAL CONTROL OVER THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 225–235.

DOI: 10.17223/15617793/423/31

Sergey B. Rossinskiy, Moscow State Kutafin Law University (MSLA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Keywords: rights and freedoms of individual; judicial control; investigative actions; prosecutorial supervision; inspection in home; search.

This article discusses one of the most topical problems in modern science of the criminal procedure: the problem of judicial control over preliminary investigation body activities. In principle, the author believes that judicial control is an important legal guarantee for the security and protection of the rights and freedoms of the individual in the criminal procedure. However, the author has a lot questions about the reasonableness to apply these judicial procedures in the conduct of investigative actions: inspection, search,

seizure and other in connection with decision-making. The author concludes that the priority of preliminary judicial control of investigative actions is the desire of the legislator to show democratic reforms in the Russian Federation, to show a fundamentally new ideology of the criminal procedure, where the rights and freedoms of the individual play the first role. However, the legal procedure of judicial control, which is now regulated by the Russian Criminal Procedure Code, has several large practical disadvantages. These shortcomings make judicial control over investigative actions rather weak and ineffective in terms of providing legal guarantees. First, judicial control over investigative actions is creating problems for organizing quick, effective investigator and police work during the initial stage of preliminary investigation. To overcome these legal obstacles investigators and the police often do not make inspection, search, seizure and other investigative actions. They either exceed their authority, or make these investigative actions as acts, which cannot be delayed. In addition, this only further restricts the rights and freedoms of the individual. Second, judicial control over investigative actions often has a secret character. This is a confidential meeting of the judge and of the subject that supports the prosecution. Judicial control over the inspection, search and seizure should not be an adversarial form. It is contrary to the modern principles of the work of the judiciary. Judicial control in fact is turning into an administrative procedure. This leads to the fact that the court meets most of preliminary investigation motions. The author of this article changed his position that this problem can be solved by replacing the prior judicial control by subsequent judicial control. The author understood that subsequent judicial control is an even less reliable legal guarantee. Because of the conducted research, the author thinks that while in Russia there are no investigation judges, it is right to restore the judicial procedure of prosecutorial supervision over investigative actions. Prosecutorial supervision has a great potential to protect and ensure the constitutional rights and freedoms of individuals who became subjects of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Sviridov, M.K. (2001) Sootnoshenie funktsiy razresheniya ugovolnykh del i sudebnogo kontrolya v deyatelnosti suda [The correlation of the functions of resolving criminal cases and judicial control in the activities of the court]. In: Yakimovich, Yu.K. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kal'nitskiy, V.V. (2004) "Sanktsionirovaniye" i proverka sudom zakonnosti sledstvennykh deystviy v khode dosudebnogo proizvodstva ne effektivny ["Sanctioning" and the court's check of the legality of investigative actions in the course of pre-trial proceedings are not effective]. *Ugolovnoe pravo*. 1.
3. Sviridov, M.K. (2008) Priroda sudebnogo kontrolya za predvaritel'nym rassledovaniem [The nature of judicial control over preliminary investigation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311.
4. Azarov, V.A. & Tarichko, I.Yu. (2004) *Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovolnogo protsesssa Rossii* [Function of judicial control in the history, theory and practice of the criminal procedure in Russia]. Omsk: Omsk State University.
5. Volodina, L.M. (2006) *Problemy ugovolnogo protsesssa: zakon, teoriya, praktika* [Problems of the criminal procedure: law, theory, practice]. Moscow: Yurist.
6. Gus'kova, A.P. (2006) [Criminal procedural means of protection of rights and freedoms of man and citizen through the implementation of judicial control]. *Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [Ensuring the Rights and Freedoms of Man and Citizen]. Proceedings of the international conference. Vol. 4. Tyumen: Tyumen State University. (In Russian).
7. Muratova, N.G. (2004) *Sistema sudebnogo kontrolya v ugovolnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki* [The system of judicial control in criminal proceedings: questions of theory, legislative regulation and practice]. Kazan: Kazan State University.
8. Sementsov, V.A. (2006) *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve (obshchie polozheniya teorii i praktiki)* [Investigative actions in pre-trial proceedings (general provisions of theory and practice)]. Ekaterinburg: Ural State Law Academy.
9. Akimchev, A.A. (2006) Problemy realizatsii printsipa neprikosnovennosti zhilishcha v ugovolnom sudoproizvodstve [Problems of the implementation of the principle of inviolability of home in criminal proceedings]. In: Panyushkin, V.A. (ed.) *Problemy teorii i praktiki ugovolnogo protsesssa: istoriya i sovremennost'* [Problems of theory and practice of criminal procedure: history and modernity]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Zinets, R.A. (2005) *Sudebnyy kontrol' v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: protsessual'nye i organizatsionnye aspekty* [Judicial control at the stage of preliminary investigation: procedural and organizational aspects]. Law Cand. Diss. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
11. Sheptunova, Kh.P. (2008) *Pravo lichnosti na neprikosnovennost' zhilishcha v ugovolnom sudoproizvodstve: otechestvennyy opyt i mezhdunarodnye standarty* [The right of an individual to inviolability of home in criminal proceedings: domestic experience and international standards]. Law Cand. Diss. Orenburg: Orenburg State University.
12. Yablokov, V.A. (2001) *Realizatsiya sudebnoy vlasti na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsesssa Rossii* [The implementation of the judiciary power at the pre-trial stages of the criminal procedure in Russia]. Law Cand. Diss. Samara: Samara State University.
13. Bykov, V.M. (2008) *Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva* [Topical problems of criminal proceedings]. Kazan: Poznanie.
14. Bykov, V.M. (2012) Sledovatel' kak uchastnik ugovolnogo protsesssa so storony obvineniya [The investigator as a participant in the criminal procedure on the part of the prosecution]. *Zakonnost'*. 7.
15. Khimicheva, G.P. (2003) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolno-protsessual'noy deyatelnosti* [Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedure]. Moscow: Ekzamen.
16. Ryabtseva, E.V. (2010) *Sudebnoe sanktsionirovaniye v ugovolnom protsesse Rossii* [Court sanctions in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Yurilitinform.
17. Orlov, A.V. (2004) *Konstitutsionnye normy, obespechivayushchie obvinyaemomu pravo na zashchitu v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Constitutional norms providing the defendant with the right to defense in the Russian criminal trial]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
18. Utarbaev, A.K. (2008) Printsip neprikosnovennosti zhilishcha, ego sodержание i garantii [The principle of inviolability of a home, its content and guarantees]. In: Lazareva, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovolnogo protsesssa Rossii* [Topical problems of the modern criminal process in Russia]. Samara: Samara State University.
19. Zaytseva, E.A. & Kosterina, N.V. (2007) *Polnomochiya suda na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Powers of the court at the stage of preliminary investigation]. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
20. Borodinov, V.V. (2007) [Judicial control as a way to prevent a non-objective search]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
21. Serebrov, D.O. (2004) *Sudebnyy kontrol' za zakonnost'yu i obosnovannost'yu proizvodstva sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava i svobody lichnosti* [Judicial control over the legality and validity of investigative actions that limit constitutional rights and personal freedoms]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

22. Kolokolov, N.A. (2008) *Operativnyy sudebnyy kontrol' v ugovnom protsesse* [Operative judicial control in the criminal procedure]. Moscow: Yurist.
23. Bykov, V.M. (2014) *Sledovatel' v ugovnom protsesse Rossii* [Investigator in the criminal procedure of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
24. Zherebyat'ev, I.V. (2005) Predmet sudebnogo kontrolya na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva [The object of judicial control at pre-trial stages of criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 10.
25. Agidamova, G.Z. (2004) *Sledstvennye deystviya, provodimye po sudebnomu resheniyu i s sanktsii prokurora* [Investigative actions conducted on a judicial decision and with the sanction of the prosecutor]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
26. Fomin, M.A. (2006) *Obysk v sovremennom ugovnom protsesse Rossii* [Search in the modern criminal procedure in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
27. Kolokolov, N.A. (2004) *Sudebnyy kontrol' v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial control at the stage of preliminary investigation]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
28. Sheyfer, S.A. (2004) *Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessual'nyy poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Moscow: Yurlitinform.
29. Solov'ev, A.B. (2004) Obespechenie obosnovannosti provedeniya osmotra v zhilishche, obyska i vyemki v zhilishche v isklyuchitel'nykh sluchayakh, ne terpyashchikh otlagatel'stva [Ensuring the validity of the inspection in a dwelling, search and seizure in a dwelling in exceptional cases that can not be delayed]. *Ugolovnoe pravo*. 2.
30. Sutyagin, K.I. (2008) *Osnovaniya i protsessual'nyy poryadok isklyucheniya nedopustimyykh dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu* [Grounds and procedural order for the exclusion of inadmissible evidence during pre-trial proceedings in a criminal case]. Moscow: Yurlitinform.
31. Likhacheva, E.Yu. (2005) *Pravooobespechitel'naya rol' pravosudiya v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [The law enforcing role of justice in pre-trial proceedings in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov: SGAP.
32. Ryabkova, O.V. (2003) *Sudebnyy kontrol' na stadiyakh vzbuzhdeniya ugovnogo dela i predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial control at the stages of initiation of criminal proceedings and preliminary investigation]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
33. Sukhinin, A.V. (ed.) (2014) *Pravovoe polozhenie sledovatelya i prokurora v dosudebnom proizvodstve (v ramkakh sudebno-kontrol'nykh proizvodstv)* [The legal status of the investigator and prosecutor in pre-trial proceedings (within the framework of supervisory proceedings)]. Moscow: Yurlitinform.
34. Kal'nitskiy, V.V. (2009) *Sudebnoe zasedanie v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [Court session in pre-trial proceedings in criminal cases]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
35. Tat'yana, L.G. (2009) [Court sanctions as a form of implementation of the judiciary power in criminal proceedings]. Proceedings of the International Conference on the 15th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Vol. 2. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
36. Kornukov, V.M. (1987) *Konstitutsionnye osnovy polozheniya lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve* [Constitutional bases of the position of the individual in criminal proceedings]. Saratov: Saratov State University.
37. Trukhin, S.N. (2012) *Nadlezhashchie dokazatel'stva kak osnovaniye dlya razresheniya sudom sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnye prava grazhdan* [Appropriate evidence as the basis for the court to resolve investigative actions that limit the constitutional rights of citizens]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 6.
38. Litvinova, I.F. (2007) [Ensuring the inviolability of a home during the search]. *Aktual'nye problemy ugovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
39. Erik, M.S. & Maslova, S.V. (2012) *Sudebnyy kontrol' pri proizvodstve sledstvennykh deystviy* [Judicial control in the conduct of investigative actions]. *Ugolovnyy protsess*. 10.
40. Bulanova, N.V., Solov'ev, A.B. & Tokarev, M.E. (2006) *Prokuror v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa Rossii* [The prosecutor in pre-trial stages of the criminal procedure in Russia]. Moscow: Yurlitinform.
41. Petrukhin, I.L. (2007) Ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za sledstviem i operativno-rozysknoy deyatelnost'yu [On the effectiveness of judicial control over the investigation and operational-search activities]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2.
42. Stepanov, K.V. (2007) [The problem of the scope of violations of law in the implementation of judicial control in pre-trial proceedings]. *Aktual'nye problemy ugovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva i praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Topical issues of criminal justice: issues of theory, legislation and practice of application (to the 5th anniversary of the RF Code of Criminal Procedure)]. Proceedings of the international conference. Moscow: Moscow State Law Academy. (In Russian).
43. Nazarov, A.D. (2017) *Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovno-protsessual'nyy mekhanizm ikh ustraneniya* [Investigative and judicial errors and the criminal procedural mechanism for their elimination]. Moscow: Yurlitinform.
44. Lazareva, V.A. (2010) *Pravo na sudebnuyu zashchitu i problemy ego realizatsii v dosudebnom proizvodstve* [The right to judicial protection and the problems of its implementation in pre-trial proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
45. Vilkova, T.Yu. (2015) *Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva: pravovye osnovy, sodержание, garantii* [Principles of criminal proceedings: legal basis, content, guarantees]. Moscow: Yurlitinform.
46. Rossinskiy, S.B. (2009) Nuzhen li predvaritel'nyy sudebnyy kontrol' za proizvodstvom sledstvennykh deystviy v zhilishche? (chast' 2) [Do we need preliminary judicial control over investigative actions in a home? (part 2)]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 9.
47. Rossinskiy, S.B. (2016) Kakim dolzhen byt' rossiyskiy sledovatel'? (k 25-letiyu Kontseptsii sudebnoy reformy RSFSR) [What should the Russian investigator be? (to the 25th anniversary of the Concept of Judicial Reform of the RSFSR)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 10.

Received: 01 August 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛОНКИНА Ольга Викторовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: davydova_olga.85@mail.ru

БАХНОВА Юлия Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Плеханова (г. Москва). E-mail: bahnova2011@mail.ru

БЕЛИК Валерий Николаевич – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, адвокат Московской областной коллегии адвокатов (Москва). E-mail: 7226905@mail.ru

ВОЛОШУН Полина Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Российского медицинского университета им. Н.И. Пирогова (г. Москва). E-mail: pvoloshun@gmail.com

ГОЛОВКО Ирина Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru

ГОЛОВКО Николай Вячеславович – канд. филол. наук, доцент кафедры культуры русской речи Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: nvgolovko@inbox.ru

ГОЛУБЦОВА Анастасия Викторовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: ana1294@yandex.ru

ГРИБОВСКИЙ Михаил Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: mgrib@mail2000.ru

ГУСЕВСКАЯ Наталья Юрьевна – канд. пед. наук, зав. кафедрой международного права и международных связей Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: gusnat1@rambler.ru

ДРАКУЛИЧ-ПРИЙМА Драгана – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: dpdragana@rambler.ru

ЗВЕРЕВ Роман Юрьевич – магистрант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: zverev_ry@mail.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

ИВАНОВА Анна Евгеньевна – студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: mychintown12@gmail.com

КОЗЕЛЬЧУК Татьяна Валентиновна – канд. ист. наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета. E-mail: netanja-k@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского индустриального университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОРШУНОВА Ольга Николаевна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: olga_korshunova1@mail.ru

КОЧНЕВ Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

КРАПИВКИНА Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Иркутского технического университета. E-mail: koa1504@mail.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры философии Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

ЛИСАУСКАЯ Валентина Влада – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета. E-mail: vlado@mail.ru

МАМКИНА Инна Николаевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой теории государства и права Забайкальского государственного университета (г. Чита); докторант кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: inna-mamkina@yandex.ru

МОРОЗОВ Денис Александрович – учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 31 (г. Ижевск). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

НЕВЕРОВ Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: medecinahistory@yandex.ru

НИКУЛИН Даниил Олегович – аспирант сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nikdanya@mail.ru

ОРУДЖЕВ Фахреддин Набиевич – соискатель отдела древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Российской академии наук (г. Махачкала). E-mail: sharafutdin@list.ru

ПАТРИКЕЕВА Ольга Алексеевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

ПОРТНЯГИНА Наталья Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: n.portnyagina@spbu.ru

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

ПОЧИНСКАЯ Ирина Викторовна – д-р ист. наук, зав. лабораторией археографических исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: poirvi12@gmail.com

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РАХИМОВА Анастасия Рамеловна – преподаватель кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: nastena.rahimova@mail.ru

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

РЯБКОВА Ольга Викторовна – мл. науч. сотр. сектора социально-гуманитарных исследований Научного центра изучения Арктики (г. Салехард). E-mail: Ryabkova.olga2016@yandex.ru

СЕЛИВАНОВ Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sde29study@yandex.ru

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Института криосферы Земли Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень); ст. науч. сотр. кафедры криософии Тюменского государственного университета. E-mail: r_fedorov@mail.ru

ХАМИНОВ Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: khaminov@mail.ru

ЧИКИШЕВА Анна Николаевна – соискатель кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: cik-an@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 423. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 октября 2017 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 60 экз.
Заказ № 2825. Цена свободная.

Дата выхода в свет 3 ноября 2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru